

Владимир Руга
Андрей Кокорев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ

Очерки городского
быта в период
Первой мировой войны

АСТ
Астрель
Москва

УДК 94 (470—25)
ББК 63.3
Р82

Оформление обложки — *дизайн-студия «Графит»*

Дизайн макета — *Л. Продан*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09. от 20.10.2009 г.

Подписано в печать 18.10.2010. Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 47. Тираж экз. Заказ №

Руга, В.

Р82 Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны / Владимир Руга, Андрей Кокорев. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 678, [10] с.

ISBN 978-5-17-070451-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-31366-0 (ООО «Издательство Астрель»)

«Повседневная жизнь Москвы» — это произведение, в котором рассказывается об изменениях в жизни Москвы, вызванных Первой мировой войной. Стиль изложения позволяет читателю, не просиживая часами над подшивками пожелтевших газет, окунуться в атмосферу тех лет и составить собственное представление о людях, живших в последний период эпохи, именуемой «царская Россия».

УДК 94 (470—25)
ББК 63.3

© Владимир Руга, Андрей Кокорев
© ООО «Издательство Астрель»

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

*Свершилось. Рок рукой суровой
Приподнял завесу времен.
Пред нами лики жизни новой
Волнуются, как дикий сон.*

*Покрыв столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитям Европы древней
Идет последняя война.*

В. Я. Брюсов

Война Германии с Россией открылась действиями немецкого воздушного флота, — описывал ход событий анонимный автор книги «Война! Европа в огне». — Отряд дирижаблей самой последней системы получил приказ взорвать хранилища воздушных судов России.

В распоряжение отряда были доставлены самые точные планы, самые свежие указания, и под руководством немецких офицеров, хорошо изучивших задолго до войны все места оседлости русского флота, отряд немедленно начал кампанию.

Разбившись на единицы, он миновал границу в различных местах ночью совершенно незаметно для русских. Скорость

хода судов была изумительна даже для того времени, так далеко ушедшего в успехах по авиации.

Отряд шел с расчетом одновременного нападения как на дальние, так и на ближние ангары и с такими предосторожностями, что известие о появлении в России каких-то таинственных воздухоплатователей было получено одновременно с появлением трех дирижаблей отряда над Петербургом. Прибытие последних состоялось ранним утром, когда в спокойно отдыхавший Петербург прилетела первая грозная телеграмма с западной границы.

Враг выбрал лучшие хранилища воздушного флота России, лучшие суда последнего и с высоты спокойно и точно разбросал губительные средства.

Произошло несколько ужасных взрывов в самом сердце праздничного народа, и праздник сменился трауром.

Коварный враг торжествовал.

Как бы глумясь над горем русских, как бы для того чтобы подчеркнуть беспомощность их, немецкие дирижабли, успешно исполнив поручение своего повелителя, пронеслись над русской столицей, сначала медленно и спокойно, как надвигающаяся угроза, а затем с сумасшедшей скоростью, при оглушительных выстрелах холостыми из пушек дирижаблей и при ликующих криках команд. Описав пару кругов, дирижабли остановились над Невским проспектом, замерли на одном месте, а затем, видимо по команде, разом двинулись вперед и пошли к Балтийскому морю, выбрасывая и оставляя за собой целые огромные стаи каких-то птиц, которые упали на улицы и оказались обращениями немцев к русским на русском языке. (...)

Великодушный враг еще раз остановился на горизонте столицы, точно ожидая, не позовут ли его на заключение мира и не восплещут ли русские овцы гуманности германского императора, но, не дождавшись ни призыва, ни ответа, дирижабли тихо сдвинулись с якоря, и на этот раз окончательно.

Цепь немецких миноносцев уже тянулась по Балтийскому морю к ним навстречу...»

В книге описана страшная паника, охватившая жителей столицы. Бросив жилища и нажитое имущество, они устремились в самые глухие уголки страны, подальше от падающих с неба бомб.

Еще драматичнее сложилась обстановка на западных границах империи. Вторжение германских сухопутных войск оказалось настолько неожиданным, что передовые полки русской армии были просто сметены первым ударом и враг почти беспрепятственно стал продвигаться в глубь России.

Одного из героев книги «Война!», командира воинской части Тихонравова, весть о приближении противника застала в бане. С большим трудом подчиненным удалось убедить его, что они не пьяны и не разыгрывают комедию. Так и не поверив до конца, офицер все же согласился взглянуть в сторону границы. И вот что произошло дальше:

«Тихонравов (он взволновался, и от волнения у него сильно заколотилось сердце и мысли спутались), не обтеревшись, торопливо надел прямо на разгоряченное тело мундир и порывисто вышел из бани. Милашев забежал вперед и повел в сторону от протоптанной дорожки на бугор. Добежав, он протянул руку на север и, давась от горловой спазмы, показал:

— Смотрите!

Тихонравову не нужно было долго смотреть, чтобы узнать немцев. К местечку, в котором он стоял с двумя ротами, в полуверсте от него, сдержанным шагом шли по дороге длинные и широкие черные ряды вооруженных людей. У Тихонравова был особый признак, по которому он распознавал своих солдат от чужих: не форма, а характер походки, и этот характер был хорошо ему известный у немецких солдат. (...)

Тихонравов, при всей своей тучности, пустился вприпрыжку к дому, где стоял, а через пару-другую минут в полном вооружении осторожно выводил роты за селение, наметив обстрелять нежданных врагов с фланга. Он уже помирился с поручиком и теперь передавал ему свои мысли:

— Вот вам матушка Россия в двадцатом веке. Будь это попозднее вечером, меня бы прямо в бане, как дурака какого, в плен взяли, и наверно бы повезли в Берлин, и стали бы за плату всем показывать: не угодно ли, мол, русского офицера посмотреть, который не знал про войну, пока мы ему в ухо не крикнули.

Когда немецкая колонна подходила к первым постройкам местечка, когда уже не было никаких сомнений, что это немецкие солдаты, когда, наконец, и немецкие трубачи резанули слух капитана чужестранной игрой, раздался первый залп солдат Тихонравова, скосивший несколько десятков немцев. Потом без перерыва началась стрельба пачками, и немецкие солдаты стали разбегаться, ища прикрытий. Спокойными остались только последние ряды, которые и кинулись на Тихонравова.

В горячей рукопашной схватке Тихонравов сбросил разодранный немцами мундир, схватил ружье убитого рядом с ним солдата и, напирая голой грудью, с остервенением колот врага штыком, пока удар прикладом не свалил его, пронизанного штыками и револьверными пулями.

Когда он очнулся, спускались сумерки, было уже тихо. Два немецких санитаров хлопотали над ним. Он выразил желание приподняться. Санитары ему помогли. Кругом валялись изуродованные трупы своих и чужих, а в десяти шагах стояла кучка немецких офицеров. Последние, увидев приподнимавшегося Тихонравова, двинулись к нему. Тихонравов вдруг чего-то заторопился, зашарил, и не успели санитары сообразить, как он откуда-то выхватил револьвер и начал всаживать пулю за пулей в приближавшуюся группу. Санитары отшатнулись, и Тихонравов упал навзничь. Глаза его запрыгали, он весь задрожал и, когда один из офицеров группы подбежал к нему и выстрелил ему в голову, он еще раза два передернулся и отдался смерти».

Приведенные цитаты из книги «Война! Европа в огне» взяты из третьего издания этой «фантазии о будущем», вышедшего в 1912 году. Безымянный автор оказался никудышным

С. Мухарский. Смерть героя

пророком и не смог затмить славу Моргана Робертсона¹. Как выяснилось, два года спустя реальная Первая мировая война началась по другому сценарию.

¹ За 14 лет до гибели «Титаника» английский журналист Морган Робертсон опубликовал роман «Тщетность», в котором описал гибель огромного лайнера «Титан», получившего в первом же рейсе пробоину от столкновения с айсбергом.

15 июня (28 — по новому стилю) 1914 года в Сараево сербский националист Гаврило Принцип убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Спустя месяц после роковых револьверных выстрелов заговорили пушки. Австро-Венгрия, подстрекаемая Германией, объявила Сербии войну и подвергла бомбардировке Белград. Россия, заявив, что не может не прийти на помощь братскому сербскому народу, объявила частичную мобилизацию против Австро-Венгрии, а затем и всеобщую.

В ответ Германия 19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года объявила войну России.

По свидетельствам многих очевидцев тех событий, для москвичей война явилась полной неожиданностью. Даже те, кто внимательно следил за сообщениями газет о развитии международного кризиса, в большинстве своем были уверены, что бряцание оружием так и не перерастет в боевые действия. А подавляющая часть обывателей вообще не интересовалась политикой — в разгаре был дачно-курортный сезон.

Поэтесса Н. Я. Серпинская вспоминала, как с вестью о войне появился у нее на даче знакомый адвокат:

«Меерович приехал неожиданно один, очень бледный:

— Нина Яковлевна, война неизбежна!

Я два месяца не брала в руки газет.

— Война? С кем война? За что война?

— Как всегда — неизвестно зачем. Официально — с Германией, поддерживать союзников — Францию и Англию.

— И что ж — всех мужчин заберут на фронт?

— Многих. Я, во всяком случае, как прапорщик запаса буду взят!»

В противоположность адвокату-пессимисту в Москве нашлось немало людей, у которых весть о приближающейся войне вызвала подлинный восторг. В ночь на 15 июля толпы патриотически настроенных москвичей заполонили центр города: Тверской бульвар напротив дома градоначальника, Страстную, Арбатскую и Скобелевскую площади. До трех ча-

сов ночи раздавались крики «ура!» и «Долой Австрию и Германию!», а также пение гимна «Боже, Царя храни!». С возгласом «Да здравствуют Россия и Сербия!» демонстранты двинулись к австрийскому и германскому консульству, но были рассеяны конными городовыми.

На следующий вечер демонстрация повторилась, но в более грандиозных масштабах. После окончания выступления оркестра на Тверском бульваре публика потребовала исполнения гимна и пропела его три раза подряд. Опынев от патристического восторга, толпа в тысячу человек двинулась на Страстную площадь. Здесь, остановившись возле ресторана А. И. Козлова, демонстранты велели оркестру выйти на балкон, и уже никто не мог сосчитать, сколько раз прозвучало «Боже, царя храни!», не говоря уже о криках «ура». По утверждению газет, к полуночи на площади и Тверской улице было уже двенадцать тысяч человек. Естественно, движение было полностью перекрыто.

К этому времени центр событий сместился к памятнику Скобелеву, где нескончаемой чередой выступали самозванные ораторы. После призыва выразить признательность союзникам толпа двинулась к французскому консульству в Милютинский переулок. «По дороге, — сообщали «Московские ведомости», — на балконы домов выходили обыватели и также вторили толпе и махали платками».

В ту ночь москвичам, проживавшим в центре города, так и не пришлось сомкнуть глаз. Едва демонстранты разошлись, как была получена телеграмма об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии, и манифестации возобновились с новой силой.

Местом сбора снова послужила Страстная площадь. Оттуда толпа двинулась на Трубную, к ресторану «Эрмитаж». Публика потребовала гимна, но оказалось, что оркестранты уже разошлись по домам. Тогда знатоки ресторанной географии повели всех к «Бару», находившемуся в Неглинном проезде. Возле него наконец-то была пропета (и не один раз) вожденная торжественная песнь.

**Чтение объявления о мобилизации на улице Варварка. Москва.
18 июля 1914 г.**

*(из книги: Шапов Н. М. Я верил в Россию... Семейная история
и воспоминания. М., 1998)*

От Неглинки манифестанты двинулись на Лубянскую площадь, затем на Красную, где под сенью памятника Минину и Пожарскому прозвучали патриотические речи. Хотели было отслужить молебен у Иверской часовни, но не нашлось священника. Уже на рассвете добрались до Сербского подворья. Шумно выразив поддержку братьям-славянам, участники демонстрации отправились по домам.

С того дня патриотические манифестации становятся неотъемлемой частью повседневной жизни Москвы. Объявление мобилизации, введение запрета на продажу водки, извес-

тия о победах на фронтах, успехи союзников — любое маломальски значимое событие служило поводом для хождения толпой с размахиванием государственными флагами, криками «ура» и пением гимна. Восторженное состояние, охватившее обывателей в первые дни войны, поэт Сергей Городецкий отразил в таких строках:

И дрогнул город величавый,
Толпа стремилась за толпой
Рекою вешней, буйной лавой, —
Зовя врагов своих на бой!
Восторг любви владел сердцами,
Светилась молния в глазах,
И флаг сверкал тремя цветами
На изумрудных небесах.

Энтузиазм, бивший через край на московских улицах в первые дни войны, по мнению «Московского листка», охватил и низы общества. «Даже так называемые “фартовые ребята” изменили своим традициям, — писал корреспондент газеты. — Конечно, обывательский карман — предмет соблазнительный, но... Вот поди же: чего бы, кажется, удобнее вытаскивать чужие “шмели”, как московские воры называют кошельки, во время ночных манифестаций, а между тем совсем не слышно во время их обычных возгласов:

— Батюшки, часы срезали!

Настроение ли этому виной или отсутствие “напитка”, а может быть, и то и другое вместе, но только на сей раз “фартовые ребята” совершенно бескорыстно смешиваются с толпой...»

В романе «Час настал» популярного в начале XX века писателя Марка Криницкого первая патриотическая манифестация на улицах Москвы описана так:

«К вечеру, казалось, все население высыпало из домов. По Тверской двигались по направлению к Страстному молчаливые, прислушивающиеся к чему-то толпы.

Ждали выпуска экстренных телеграмм. Газетчики стояли понуро у своих витрин.

— Не вышло прибавление. Ничего не известно.

Они досадливо разводили руками.

И только на Тверском, подбадривая, гремела музыка.

Перед музыкальной эстрадой голова к голове стояла публика. Вдруг стали кричать:

— Гимн! Гимн!

Музыканты заиграли что-то другое.

— Гимн! Гимн!

Казалось, дрогнул и колыхнулся бульвар. Константин, который стоял в глубине толпы, тесно сжатый со всех сторон, вдруг почувствовал, что кричит вместе с другими. Еще мгновение, и он бы бросился вслед за другими к эстраде.

Но вот знакомый величавый аккорд прорезал воздух.

— Бо-же, Ца-ря...

И тотчас же все задрожало вокруг. Дрожала грудь. Точно звенящие струны натягивались в гортани. Дрожали ноги, потому что казалось, дрожала сама земля.

Пение поплыло вдаль. Люди бежали вслед, толкаясь и не желая отстать. Оркестр гремел то ближе, то дальше.

Кто крестился, кто плакал. (...)

— Ура-а-а...

При свете фонарей видно, как над головами новой вливающейся полосы людей жутко колеблются флаги. Они говорят о чем-то новом и важном, чего уже нельзя выразить ни словами, ни пением, ни музыкой. И их встречают сначала почти-тельным молчанием. Потом снова — ура! И, как величавые призраки, они проплывают дальше. (...)

На углу опять — ура! Слышен дребезжащий стук сабельных ножен и бряцание шпор. Какие-то военные что-то говорят.

— Ура-а-а...

Грузное тело подполковника с полуседыми баками поднимается над толпой.

— ...И было бы странно допустить, — говорит он типичным разбитым голосом старого вояки. — Только осторожнее, господа...

Среди оглушительного дрожания в ушах видны его бережные взлеты над головами. Его не хотят ставить на землю и куда-то уносят. На его месте начинает взлетать, мирно подпрыгивая, молодой черноусый подпоручик. Его тоже уносят.

Толпа движется в беспорядке. На углу у ресторана играет гимн вышедший на улицу струнный оркестр. Играет раз, другой, третий.

У музыкантов сосредоточенные усталые лица. Мимо них проходят новые и новые толпы, и они играют и играют. (...)

В Камергерском переулке невообразимая давка. На крыльце Художественного театра — вероятно, группа артистов. Молодой человек в смокинге и высоком белом воротничке, махая в воздухе снятым с головы котелком, что-то говорит:

— ...Сербии...

— Война объявлена, война... Сербии...

Слышится пронзительный свист:

— Долой Австрию, долой!

— Живио! Живио! Наздар! Ура-а!»

М. Щеглов. Чтение манифеста о войне

Патриотическая манифестация на Тверской

А вот у Д. А. Фурманова (в ту пору студента Московского университета) от участия в патриотической демонстрации остались иные впечатления. По горячим следам он записал в дневнике:

«Был я в этой грандиозной манифестации Москвы 17 июля, в день объявления мобилизации. Скверное у меня осталось впечатление. Подъем духа у некоторых, может, и очень большой, чувство, может, искреннее, глубокое и неудержимое — но в большинстве-то что-то тут фальшивое, деланое. Видно, что многие идут из любви к шуму и толкотне, нравится эта бесконтрольная свобода: хоть на миг, да и я делаю что хочу — так и звучит в каждом слове... И скверно особенно то, что главари, эти закрикивали, выглядывают то дурачками, то нахалами. “Долой Австрию!” — крикнет какая-нибудь бесшабашная голова, и многоголосое “ура” покроет его призыв, а между тем — ни чувства, ни искреннего сочувствия. Ну что вот этот парень все пытается сказать что-то во всеуслышание? Ведь рожа глупейшая, ничего толком не сумеет, а тянется... Ну а вот этот молкосос-оратор у Скобелевского памятника — чего он пищит?

Ведь его насквозь видно: поза, поза и поза... И всё так, и вот этот оратор, что сначала замахивается через плечо своей соломенной шляпой и потом, после непонятного, но иступленно-го лепета — красиво описывает ею в воздухе полукруг и ждет продажного “ура”. Глупое, никчемное “ура” глушит его слова, но что тут толку? Никто ничего не слышал и не понял, многие ведь смеются даже... И что они кричат? Я тоже кричал, когда только присоединился, но тогда ведь я весь дрожал, я не мог не кричать... Теперь я уже остыл, я даже озлоблен на их рев.

Может, где-нибудь в глуши, на чистоте и глубоко чувствуют обиду славян, но эти наши манифестации — это просто обычное, любимое проявление своевольтва и чувства стадности. Вы посмотрите, как весело большинство идущих. Ведь вот музыка только что кончила гимн — какой-то дурак крикнул: “Пупсика!”¹ И что же: засмеялись... Ведь рады были ост-

¹ Популярная в то время песенка. В дневнике Д. А. Фурманова есть такая запись: «Оскорбляет до боли то, что песни наши, любимые народные песни, полные чувства и огня, — постепенно вытесняются разной пошлостью. Дети не знают народных песен, но распевают разные гадости, вроде:

Я директор Варьете,
Театра Зона, театра Зона...
Я в помощниках была
У Пинкертона, У Пинкертона...

С большой охотой поют “Мариэту”:

Мариэта... Люблю за это,
Что ты к нам вышла без корсета...

А о “Пупсике” уж и говорить нечего, на нем все словно помешаны. Поют его и рестораны, поют и дружеские компании, поют дети... Когда музыка кончает мелодию песни или оперы — публика молчит, сочувствия не видно; когда же кончается “Пупсик” — вся окрестность гремит рукоплесканиями, все дышит сочувствием. И долго-долго еще слышатся мурлыканья в толпе: то бесконечно жуют все того же “Пупсика”».

роте. Разве это чувство? А этот вот чудак, что повесил шляпу на палку и высоко мотает ею над головой, — что он чувствует? Ведь он хохочет своей забаве... И встретиться какое-нибудь зрелище по пути — непременно забудут свою манифестацию и прикуются к нему — во всем, во всем только жажда обыденной веселости и свободного размаха. Вон навстречу, прорезая толпу, идет чин; он уже знает заранее, что ему будут громкие приветствия, если он сделает под козырек и улыбнется... Он так и делает — и ему чуть не хлопают... Ведь задор, один задор. А все эти требования: “Шапки долой”, “Вывески долой”¹ — ведь это не по чувству, не по убеждению, а по хулиганству все творится. Я слышал и видел, кто тут командует. Глупо, чрезвычайно глупо... Может, тут и есть высокий момент, в этой манифестации, но момент — и только. Дальше одна пошлость и ложь. Я оскорбился этим извращением такого высокого чувства, как любовь к славянам. Подло, гадко было в эту манифестацию».

Даже официозные «Московские ведомости» обратили внимание на то, что ночные демонстрации зачастую сопровождаются обыкновенным хулиганством. И не немцам или австрийцам, а москвичам, имевшим жительство в центральной части города, не было покоя от вошедших в раж патриотов:

«Обыкновенно демонстрации днем носят более или менее приличный характер. К сумеркам “настроения” поднимаются. Слышится “тремоло” вопиющих “чересчур возбужденно” или, сказать проще, возбужденных без всякого национального чувства. Возбужденных в ресторанах.

Что делается по ночам — это вы спросите у квартирантов домов, выходящих на главные бульвары и на Тверскую улицу. Один обыватель мне говорил следующее:

— Я думал, проснувшись, что кого-нибудь дерут, — такой неистовый вопль раздавался с Тверского бульвара! Всаки-

¹ Речь идет о призывах срывать вывески торговых заведений, владельцы которых носили немецкие фамилии.

Манифестанты у памятника Минину и Пожарскому

ваю, бегу к окнам. Оказывается — демонстрация.

Я сам был свидетелем ночных демонстративных неистовств. Орали насчет коварства Австрии, но опрокидывали скамейки сквера, чем не только “осложнили создавшееся положение”, но могли способствовать перелому ног...

Граждане-патриоты, сочувствуйте Сербии, ненавидьте Австрию, но не ребячьтесь!»

Насчет патриотов, «возбужденных в ресторанах», — замечено весьма точно. Многие очевидцы тех событий отмечали повсеместно распространенное явление: в ресторанах публика прерывала эстрадную программу, требуя исполнения «Боже, царя храни!» и гимнов союзников. Характерная сцена, произошедшая в летнем саду «Аквариум» в день объявления

войны Сербии, описана Н. М. Шаповым:

«Смотрели программу, затем остались в зале ужинать; на сцене шансонетки. Среди присутствующих много молодых офицеров, произведенных на два месяца раньше срока. Крики “гимн!”, усиливавшиеся после каждого номера. Наконец оркестр трижды исполнил гимн русский, раз — французский. Требуют сербский — его оркестр не знает. Кто-то из публики его запекает; с ним чокаются; аплодисменты.

Опять номера. Крики “гимн!”. Исполнительницу заглушают, она скрывается. Оркестр играет гимны русский, французский, английский».

Забавная деталь: по наблюдению корреспондента «Утра России», большинство московских оркестров не имели в своем распоряжении нот гимнов союзных держав, поэтому играли как бог на душу положит. Иногда вместо гимнов для подвыпившей публики исполняли какие-нибудь народные песни — их все равно принимали на ура.

На «гимномании» московской публики сыграл владелец популярного театра Ф. А. Корш. Открывая в середине августа сезон, он предложил зрителям действо, символизирующее единение союзников перед лицом общего врага. В качестве музыкального оформления были исполнены гимны всех держав, воевавших на стороне России: начиная с британского «God save the King» («Боже, храни короля») и заканчивая японским гимном.

Правда, к тому моменту значительная часть москвичей уже не могла насладиться новым зрелищем. В составе войск московского гарнизона они выступили на фронт.

Профессиональные военные — кадровые офицеры восприняли весть о войне с подлинной радостью. Все они служили в полках, имевших славное боевое прошлое. Некоторые из этих воинских частей были созданы еще Петром Первым, другие — во время наполеоновских войн. А Сумской гусарский полк вообще вел свою летопись с 1696 года. Если брать в целом, то в истории России не было военного похода, в ко-

тором бы не участвовали полки, стоявшие в Москве накануне Первой мировой войны. И офицеры начала XX века не меньше своих героических предшественников жаждали снискать славы в сражениях.

Согласно расписанию, в 1914 году в Москве были расквартированы полки 1-й, 2-й и 3-й гренадерских дивизий. В Спаских казармах располагался Ростовский полк, в Покровских — Самогитский полк и два батальона Екатеринославского. Еще два батальона екатеринославцев находились в кремлевских казармах. Носивший имя генералиссимуса Суворова, Фанагорийский полк стоял в Беляевских казармах на Немецкой улице. Незадолго до Первой мировой войны там, перед главным зданием, был установлен бюст великого полководца, изготовленный на средства, собранные офицерами-фанагорийцами. Для Киевского и Таврического полков родным домом служили Александровские казармы на Павловской улице. Один батальон Астраханского полка находился в Крутицких казармах, остальные три — в Лефортово. В Хамовниках стояли Перновский и Несвижский гренадерские полки.

Кавалерию в Москве представляли 1-й гусарский Сумской полк и 5-й Донской казачий полк. В Сокольниках был расположен гвардейский Саперный батальон, а гвардейская Артиллерийская бригада — в Николаевских казармах на Ходынском поле.

С наступлением тепла туда же, на Ходынку, полки московского гарнизона переходили из казарм. В летних лагерях проводилось практическое обучение войск. После объявления мобилизации жизнь на Ходынском поле, и без того не тихая, забурлила, как кипящий котел. В описании очевидца это выглядело так:

«Бородачи второочередных дивизий заняли все лагерные постройки и палатки. Всюду войска. Роты маршируют, рассыпаются в цепь...

Стрельба идет быстро. Пять патронов на 300 шагов в поясную мишень, лежа. Почти все попадают больше трех пуль;

многие пять. Но есть и неудачники — из нестроевых, дающие сплошные рикошеты в двадцати шагах. Над ними смеются товарищи:

— И куда тебе на войну идти, хитрованцу!»

Сравнение неумелого солдата с обитателем Хитрова рынка родилось не на пустом месте. Обитатели московского «дна» тоже были призваны на войну. В угаре всеобщего патриотического восторга журналист «Московского листка» объявил, что для босяков отправка на фронт является возрождением к новой жизни:

«Призыв запасных и ратников ополчения под ружье явился для темных низов настоящим благовестом. Стыдливо потянулись по разным Свиныйнским и Подкопаевским переулкам фигуры бывших людей в город к полузабытым родственникам, старым товарищам. Это для них — воскресение из мертвых в полном смысле слова.

Пообмылись, почистились запасные. И в солдатской гим-

Казармы Фанагорийского гренадерского полка на Немецкой улице

настерке защитного цвета, в лихо сбитой набекрень бескозырной фуражке никак не узнаешь какого-нибудь вчерашнего “горлового” или “стрелка”, выпрашивающего у почтенной публики на “мерзавчика”. Примирение с прошлым, возврат в человеческое общество, в семью, — вот что значит мобилизация для представителей низов».

Две недели длилась в Москве первая волна мобилизации. За это время гренадерские полки должны были увеличить свою численность до нормы военного времени — примерно на две трети. Среди запасных, призванных в первую очередь, было много унтер-офицеров, которым пришлось встать в строй в качестве рядовых бойцов. Со временем в исторической литературе такая кадровая политика русского командования будет названа ошибочной. В германской армии, например, отношение к унтер-офицерским кадрам было иное: их прежде всего распределяли по тыловым частям и использовали для подготовки новобранцев.

Поскольку мест в казармах не хватало, для размещения призванных из запаса использовали все подходящие здания: в первую очередь школы и гимназии. Даже в аристократическом Английском клубе несколько помещений заняла формирующаяся кавалерийская часть. После ее отправки на фронт старшины клуба составили протокол о том, что лошади испортили несколько деревьев. Москвич Н. М. Шапов упомянул в дневнике, что запасные, находившиеся на постое в Техническом училище, вели себя прилично, «но накануне отъезда напакостили во всех залах».

По описаниям многих очевидцев, в дни мобилизации Москва превратилась в огромный военный лагерь. По улицам маршировали уже сформированные части. Строем или просто толпой двигались запасные. Они же набивались в трамваи, гроздьями висели на подножках, ехали даже на крышах вагонов. Площади были запружены военными обозами.

Как только была объявлена мобилизация, герой романа Марка Криницкого «Час настал» отправился на один из сбор-

Обитатели Хитровки

ных пунктов:

«...По мере приближения к Крутицким казармам делалось заметнее движение в ту сторону. Трамваи тяжело ползли, нагруженные и облепленные со всех сторон запасными, которые висели на подножках и даже у окон. По тротуарам спешили люди в высоких сапогах с узелками под мышками. Почти начиная от Спасской площади до самых казарм уже стояла густая толпа мужчин и женщин, мешавшая правильной езде. Пришлось оставить извозчика и идти пешком, с трудом прокладывая себе путь. Толпа гудела, точно вспугнутый пчелиный рой. Преобладали штатские лица, штатские позы. Все это были люди, мгновенно оторванные от своих ежедневных обязанностей и дел. И было странно видеть их, одних с узелками, закинутыми на плечи, других в высоких сапогах. Но на лицах не было признаков неудовольствия или уныния. Простые мужицкие картузы смешались с элегантными котелками и фирменными фуражка-

Запасные идут по улице Садовой-Черногрязской. Москва.

19 июля 1914 г.

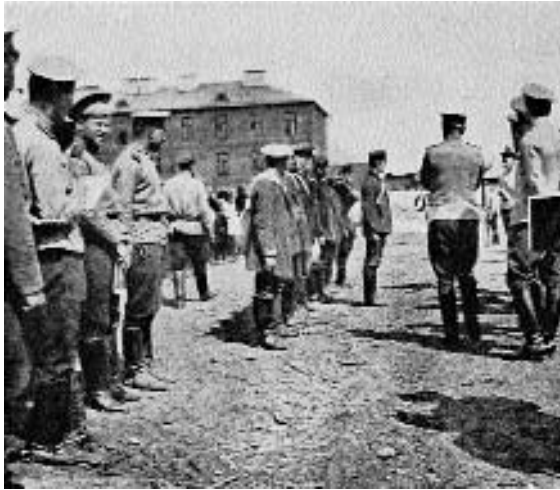
(из книги: Щапов Н. М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М., 1998)

ми всех ведомств. Рядом с безусыми мальчиками стояли полуседые бородачи. Бабы и девки в ярких цветных платках лутили семечки. Кое-где виднелись модные дамские шляпки.

Чем дальше пробирался Федор через густо напиравшую и качавшую толпу, тем более его охватывало общее чувство приподнятой серьезности. Не было слышно смеха, но говорили громко и свободно. Откуда-то родились широкие жесты, спокойствие в словах и движениях. И чувствовалось, что это не просто толпа, случайно запрудившая улицу, а это — народ, пришедший, чтобы вооружиться, сознательный и спокойный в сознании своей мощи. (...)

А толпа напирала и напирала. Ворота отворились, и хлынула новая очередь».

Позже, когда были сформированы и отправлены на фронт

Мобилизация. Осмотр запасных

боевые полки первой очереди, порядок призыва немного изменился. Военное министерство через местное учреждение — Московское городское по воинской повинности присутствие — вызывало граждан для исполнения воинского долга. Об этом сообщалось в официальном органе городской администрации — газете «Ведомости московского градоначальничества». Кроме того, приказ о призыве тиражировали в виде листовок, которые расклеивали по всему городу. В объявлении указывалось, каким категориям военнообязанных следует прибыть в распоряжение воинского начальника; при этом власти извещали, «что призыв будет произведен при общем жеребометании по всем шести участкам Москвы». Жеребьевка была необходима, поскольку запасных насчитывалось гораздо больше, чем имелось штатных мест в войсках.

Сначала москвичи объявленной призывной категории должны были собраться возле здания Городской думы на Воскресенской площади. Там чиновники военного ведомства

проводили переключку, принимали заявления, вносили в списки окончательные коррективы. Отсрочки получали по имущественному положению, для окончания образования, по семейным обстоятельствам. После этого проводилась сверка числа призывников в списках с количеством жеребьевых номеров и их закладка в барабаны.

Сама жеребьевка проходила на призывных участках. Вытянутый номер обозначал не только прощание с мирной жизнью, но и место в очереди на медицинский осмотр и оконча-

М. Щеглов. Доброволец

тельное распределение по воинским частям. Чтобы не создавать толчеи на призывных участках, устанавливали даты, по которым должны были явиться запасные определенных номеров. К тому моменту они должны были получить полный расчет по месту работы.

Вне номеров принимали на призывных участках так называемых «охотников», т. е. добровольцев. Имена некоторых из них были, как говорится, на слуху и тут же попадали на страницы газет. Так, добровольно вызвался идти на фронт оправданный судом присяжных В.В. Прасолов. В 1913 году в ресторане «Стрельна» он на глазах у публики убил из ревности жену. Скандальные подробности жизни «веселящейся Москвы», всплывшие в ходе судебного процесса, надолго стали темой обывательских пересудов. Отправился в окопы и получивший помилование бывший офицер В. А. Гилевич — брат и соучастник знаменитого убийцы, чьи преступления были блистательно раскрыты «королем сыска» А. Ф. Кошко.

В сентябре 1914 года были утверждены расценки для расчета с новобранцами и ополченцами за личные вещи, с которыми они приходили в армию. Видимо, нехватка сапог и белья заставила правительство пойти на такой шаг. За сапоги из казны выплачивали 7 рублей 50 копеек, за нательную рубашку — 60 копеек, за исподние брюки — полтинник. Призывник, явившийся со своим «утиральником», получал двугривенный, с носовым платком — 9 копеек, за каждую пару портянок — пятиалтынный.

Кроме людей, под мобилизацию попали транспортные средства: лошади, повозки, автомобили. Последние забирали у владельцев на основании подписанного царем 17 июля 1914 года «Положения о военно-автомобильной повинности во всех местностях Империи за исключением Великого Княжества Финляндского». В первой статье этого документа говорилось: «С объявлением мобилизации вооруженных сил и во время войны снабжение их самодвижущимися экипажами, как то: пассажирскими автомобилями, автобусами, грузовыми авто-

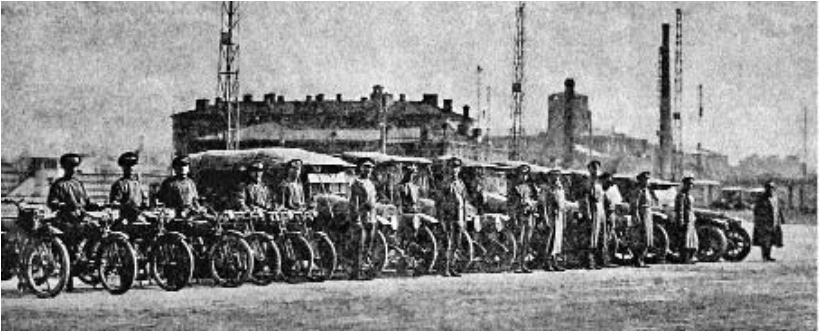
мобилями с их прицепными повозками, свободными поездками (рутьерами), мотоциклами производится обязательной поставкою таковых от населения».

В Москве прием «самодвижущихся экипажей» в армию от частных владельцев проходил 25 июля 1914 года на Ходынском поле. В тот же день торговцы автомобилями сдавали машины в Манеже. Вместе с ними были приглашены представители фирм, торговавшие шинами и прочими необходимыми в автоделе предметами, причем им предписывалось иметь с собой самые подробные каталоги.

Приказом главноначальствующего автомобили и мотоциклы следовало доставить на сдаточные пункты со всеми имеющимися принадлежностями и запасными частями. Принимая технику в казну, специальная комиссия определяла размеры вознаграждения, которое получал ее бывший владелец. При этом учитывались первоначальная стоимость машины, продолжительность ее эксплуатации и степень сохранности. По этому поводу Н. М. Щапов записал в дневнике: «Отобрали (за плату) много лошадей, автомобилей, все мотоциклетки. Частным владельцам платили неважно, а фирмам-продавцам почему-то хорошо — лишь 10 процентов скидки с цены прейскуранта, да и эта цена, вероятно, завышена».

Невыполнение приказа, а также утаивание принадлежностей к автомобилю или запасных частей грозили владельцу денежным взысканием в пределах двойной цены, определенной, как гласил документ, «за наивысший по стоимости вид сих предметов той же фирмы». Более сурово — тюремным заключением от двух до восьми месяцев — наказывали за умышленное повреждение, уничтожение или утаивание «самодвижущихся экипажей» или запасных частей.

Особо оговаривались обязанности шоферов и мотоциклистов «на своих машинах», подлежавших призыву в армию. Если их «автоматические экипажи» забирало военное ведомство, то водитель считался поступившим на военную службу

Автомобильная рота

прямо на сдаточном пункте. В таком случае он уже не являлся к воинскому начальнику, а отправлялся на своей машине прямо на фронт. Шоферы забракованных автомобилей или оказавшихся в излишке должны были отогнать машины домой и идти по призыву в обычном порядке.

Нашлись среди московских автолюбителей и те, кто не захотел расстаться со своей машиной и пошел на армию в качестве добровольца. По сообщениям газет, В. П. Рябушинский, возглавивший московскую автомобильную дружину, заслужил на фронте офицерский чин и стал георгиевским кавалером. О своем родственнике-добровольце упомянул Н. М. Шапов: «...толстый, близорукий и на вид наивный юноша двадцати одного года вызвался охотником со своим мотоциклетом. Теперь он в Австрии при штабе московского гренадерского корпуса».

Автомобили, принадлежавшие австрийским и германским подданным, были просто конфискованы. Машины, оказавшиеся непригодными для военного ведомства, были проданы с аукциона. Например, князь В. П. Трубецкой приобрел тринадцать таких машин и передал их для перевозки раненых.

Всего же, по данным журнала «Автомобилист», в результате мобилизации армия получила примерно три тысячи «самых ходов». Правда, среди них преобладали «бенцы», «опели» и

«мерседесы», пользовавшиеся до войны повышенным спросом, — германские фирмы отличались от конкурентов бесперебойно налаженными поставками запасных частей. В условиях войны по вполне понятным причинам немецкие машины очень скоро оказались на приколе.

Впрочем, для российских дорог наиболее пригодным был гужевой транспорт. Лошадей для армейских обозов также набирали по мобилизации. Н. Я. Серпинской запомнилось, как ее знакомый богач И. Поляков, владелец роскошных выездов, в июле 1914 года ругал царя, затеявшего войну: «...боялся, что у него заберут лошадей и мулов на военные нужды».

В те же дни Нине Яковлевне пришлось провожать на фронт своих знакомых, прощание с которыми она описала в воспоминаниях:

«Доктор Блох призывался в качестве полкового врача. Его приятель Евнин, попавший под суд с целой группой юношей евреев, попытавшихся освободиться от призыва, шел простым рядовым. (...)

Прежде всех уезжал Евнин с отправляемым на австрийский фронт одним из первых Самогитским полком. В маленькой скромной шляпе и строгом платье, с букетом белых и красных роз, пошла я провожать (...) до Александровского вокзала Евнина, который, по бешеной жаре и пыли, в длиннополой шинели, тщедушный и слабый, сгибаясь под тяжестью военной амуниции, с серым лицом и обезумевшими глазами, еле брел в шаг с остальными. На вокзале стояли товарные поезда с красными вагонами: “сорок человек — восемь лошадей”. “Чистой” публики среди провожающих было немного. Бабы в платках громко голосили, заглушая веселую гармошку, и причитали, как по покойникам.

Они подносили солдатам в окна вагонов грудных детей для последнего прощания и благословения. Тяжелые предчувствия овладели нами; мы тоже поцеловали Евнина, как покойника. Розы мои от жары и пыли превратились в веник, да у Евнина и так руки были заняты, а в тесноте теплушки некуда

Радостное настроение. Август 1914 г.

было положить цветы. (...)

Проводы Блоха вышли совсем иными. Классные вагоны сияли чистотой, нарядные дамы с цветами и бокалами шампанского стояли у всех вагонов, звон многочисленных шпор сливался в легкую, приятную мелодию. Когда командир взвода, вежливо улыбаясь, дал приказ провожающим оставить вагоны, мне показалось отвратительным оставаться сидеть в тылу. Все мальчики, которые порой мне надоедали, порой казались назойливыми, скучными “кавалерами”, превратились в героев. “Возьмите меня с собой”, — умоляла я доктора Блоха, но это было абсолютно невозможно».

Один за другим полки гарнизона покидали Москву. Газетные репортажи с вокзалов были полны восторгов по поводу готовности русских солдат постоять за Веру, Царя и Отечество. Но более всех предстоящим сражениям радовались кадровые офицеры. По воспоминаниям современников, в тот период все разговоры в офицерской среде вертелись вокруг воз-

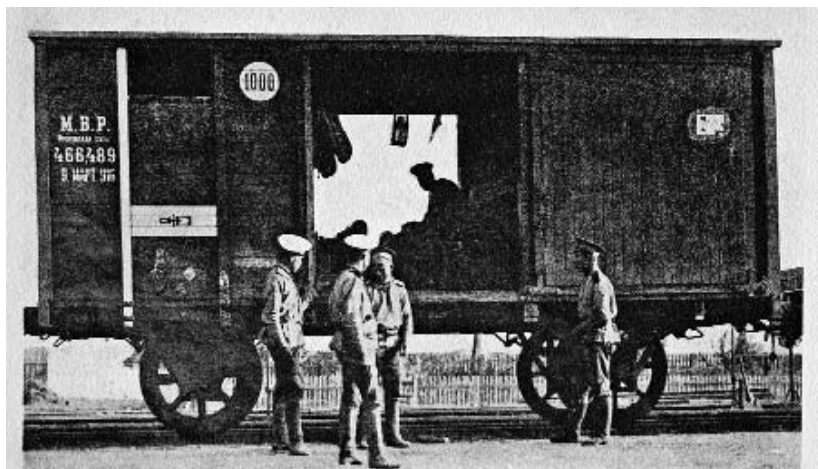

можности отличиться в боях и получить заветную награду — Георгиевский крест. Приподнятость настроения первых дней войны хорошо заметна в рассказе Н. П. Мамонтова, отправившегося на фронт в составе Фанагорийского полка:

«Накануне выступления в поход, 26 июля, был отслужен напутственный молебен. Рано утром роты выстроились для приемки знамени. Старое, простреленное пулями боевое знамя было торжественно пронесено перед фронтом под величавые звуки “встречи”. Многотысячная толпа родных и близких запрудила все улицы, желая последний раз посмотреть на уходящих.

Полк тронулся к кадетскому плацу, где был назначен молебен. Звуки марша далеко разносились по еще дремавшим улицам. Из окон отовсюду махали платками, кричали “ура” и широким крестом благословляли проходящие роты.

На плацу выстроились “покоем”, тремя фасадами. В центре — аналой и полковой священник. Батальоны выровнялись и замерли. Запасные солдаты уже втянулись в строевую службу и перестали казаться переряженными в солдатскую одежду

Перед отправлением

Обед по пути на фронт

мужиками.

Энергичная речь начальника дивизии вызвала сильный подъем в нижних чинах.

— Коварный враг объявил войну и хвалился зажать нам рот и обрубить руки, но против него встали народы всего мира. Мы идем защищать угнетаемые славянские народы, и нет подвига выше, как отдать свою душу за братьев своих!

Толпа в несколько тысяч человек тесно окружила полк со всех сторон. Женщины плакали, с трудом сдерживая громкие рыдания. Коленопреклоненно молились о победе родного оружия тысячи солдат и офицеров, и тысячи штыков, казалось, вырастали из земли, искрясь на солнце.

Церемониальный марш с винтовками “на руку”. Грозно движутся “по-суворовски” роты военного состава. Блестят шашки офицеров, стальной щетиной перед строем выравнивались штыки. Могучее “ура” солдат и народа сливается в общий гул, и кажется, что земля дрожит под мирный топот десятка тысяч ног...

Вернулись с молебна, и началась торопливая укладка оста-

Молебен перед отправкой на фронт

Целование креста в конце молебна перед отправкой на фронт

ющегося имущества и обоза. Последние сборы в дальний поход. Но ни у кого не является и мысли о том, что, быть может, ему не суждено возвратиться на родину. Бодрое настроение захватывает всех, даже многосемейных запасных. (...)

В половине пятого часа утра на следующий день я уже в роте. Прохожу через полковую канцелярию. Тускло горят электрические лампочки, не потушенные с вечера, спят на голом полу или облокотившись на столы переутомленные писаря. Всюду ящики, сундуки, тюки, горы бумаг...

В роте Его Величества уже строятся. Выдача сухарей и патронов. 250 человек — батальон мирного времени...

Во дворе музыканты пробуют трубы. Пора выходить.

Улицы забиты массой провожающих. Женщины, дети... С трудом очищаем узкий проход. Выносят знамя. "Слушай, на кра-ул!"

Батальон под звуки Фанагорийского марша выступает в поход.

Позвякивают котелки, лопаты ударяют в такт на ходу. Музыка открывает окна на всем пути, и оттуда нам приветливо машут платками.

— Не плачьте, вы, остающиеся! Смотрите, как бодро и весело идет батальон, тысячей штыков искрясь на солнце!

Далеко до вокзала. Не отстают провожающие; женщины идут по тротуару рядом со своими мужьями и братьями, несут, заботливо и бережно, их скатки, вещевые мешки, торопятся в последний раз поговорить...

— Не гоните их, оставьте! Ведь эти люди идут на войну! Многие из них больше не увидят своих...

И, сознательно нарушая строгое приказание "гнать толпу", полицейские пропускают к вокзалу народ.

Потому что и у них есть сердце...

На товарной станции полный порядок. Состав уже подан. Без малейшей задержки идет посадка в вагоны. Корпусной командир, генерал Зуев, целует славное знамя с Георгиевским крестом и желает новых лавров суворовским гренате-

Августовские обещания
Карикатура

рам. Перед офицерским вагоном хор музыки, несколько дам провожают своих близких и то и дело подносят платок к отуманенным печалью глазам. Меня не провожает никто. Я два дня тому назад на маленьком полустанке тихо простился с теми, кто мне дорог. Офицер должен быть совершенно свободен...

Поэтому я могу пойти к роте и подбодрить будущих боевых товарищей.

— Не грусти, братцы! Бог милостив!

И когда поезд трогается и оставшийся на платформе оркестр играет “Боже, Царя храни”, громовое “ура” несется из всех вагонов. Исчезают из глаз толпа, станция, город, — и с каждым оборотом колеса мы приближаемся к театру наших будущих действий.

Вперед, гренадеры,
Ура, молодцы,
Вам славные примеры
Оставили отцы!»

Совсем в другой тональности прощание с Фанагорийским полком описано в воспоминаниях Н. В. Крандиевской-Толстой:

«Объявление войны застало Толстого в Коктебеле, меня в Серебряном Бору, в обстановке летних военных лагерей, расположенных поблизости. Вот мои первые впечатления войны: молебен перед коленопреклоненными войсками на Хорошевском поле; Фанагорийский полк, выступающий одним из первых на фронт; трубы его походного марша, возвещающие разлуку с такой пронзительной печалью, что сжимается сердце; женщины и дети, бегущие рядом по шоссе, стараясь попасть в ногу, не отстать. Но долго ли можно бежать, задыхаясь от слез, да еще с ребенком на руках? Остановились, глядят вслед уходящим будущие вдовы и сироты. Улеглась пыль за последним обозом, замерли, удаляясь, голоса и трубы. Уш-

Выступление в поход

ли — и назад никто не вернулся. Фанагорийский полк, как мы узнали впоследствии, погиб в боях одним из первых».

«Наша мобилизация прошла образцово и быстро; она была заранее хорошо организована каким-то дельным начальником», — отметил в дневнике Н. М. Щапов. Это общее мнение признал и Николай II, наградив главноначальствующего над Москвой генерала А. А. Адрианова орденом Св. Владимира 2-й степени. Особенно подчеркивалось, что введение запрета на продажу горячительных напитков позволило провести набор в армию огромной массы людей без обычных пьяных эксцессов.

Однако за пределами Первопрестольной картина была не столь благодной. В «Записках солдата» Д. Оськин вспоминал встречу в Рязке эшелона с «запасными героями» (так они сами себя называли). Ситуация осложнялась тем, что солдаты по пути разгромили винную лавку и в избытке запаслись вод-

кой. Перепившихся запасных удалось вернуть в рамки воинской дисциплины только предупредительными выстрелами.

Особыми буйствами отличились парни, еще не успевшие принять присягу. Выпускник Московского университета В. Арамилев, отправившийся на войну вольноопределяющимся, был очевидцем того, как на каждой остановке они устраивали драки стенка на стенку: вагон бился с вагоном, деревенские с городскими. В целое сражение, с ранеными и убитыми, вылилось столкновение с вятскими ребятами, следовавшими эшелоном в Москву. Местным властям пришлось вызывать пожарную команду и загонять драчунов в вагоны струями воды. Не менее действенным средством оказались приклады трехлинейных винтовок, которыми

Мобилизованные в воинском эшелоне

Погрузка артиллерии

приводили хулиганов в чувство прибывшие на станцию военные караулы.

С кличем «Кровь проливать едем!» призывники по пути следования громили в щепки станционные буфеты, ларьки и лавчонки. В. Арамилеву запомнилось, что в вагонах не переводились «трофеи»: ящики с продуктами, окорока, связки колбас и баранок. Попутно отметим еще одну «шутку», которую практиковали парни, следовавшие на фронт. На стоянках они набирали в теплушки целые груды камней, чтобы потом на ходу бросать их во всех встречных, в окна сторожевых будок и вокзалов, разбивать ими изоляторы телеграфных проводов.

В опустевших московских казармах расположились девять *запасных* пехотных полков и две *запасные* артиллерийские бригады. В них готовили из новобранцев пополнение для боевых частей. В то же время, как свидетельствуют опубликованные в газетах приказы о награждении офицеров,

сражавшиеся на фронте полки продолжали числиться «по Москве».

Но и кроме этого «московские» полки продолжали быть связаны с Первопрестольной тысячью нитями. Москва посылала на фронт изделия своей промышленности — оружие, обмундирование, снаряжение, а также целые эшелоны подарков. В городских госпиталях были размещены сотни тысяч раненых.

Прежняя, размеренная и беззаботная, жизнь «столичного города» Москвы с началом войны навсегда осталась в прошлом.

ОФИЦЕРЫ

— *Край мой, виват!*
— *Выкуси, герр! ...*
Двадцать солдат.
Один офицер.

М. И. Цветаева

объявлением мобилизации самыми популярными в Москве людьми стали офицеры. Каждый из них, еще только собиравшийся отправиться на фронт, уже был окутан ореолом героизма. В мемуарах Н. Я. Серпинской приводится характерная деталь: «Дамы и барышни с завистью смотрели на моих и других кавалеров в военных френчах и не обращали на штатских никакого внимания»¹.

Стоит отметить, что и до войны офицеры войск московского гарнизона не были обделены вниманием москвичей. Так, полковые праздники стояли в одном ряду с другими общественно значимыми событиями жизни города. 29 июня 1914 г. торжества состоялись сразу в трех гренадерских полках: Перновском, Несвижском и Киевском, и горожане смогли полюбоваться грандиозным фейерверком.

¹ По-видимому, попыткой привлечь внимание женщин можно объяснить такое преступление, как «ношение неприсвоенной формы». Молодые люди, В. Мосянис и В. Торанский, были задержаны полицией на Тверской. Оба щеголяли в фуражках с офицерскими кокардами, а Торанский вдобавок нацепил погоны мичмана.

А вот как встречали гостей на празднике в Сумском гусарском полку в конце XIX века:

«Праздник сумцев в то время посещала масса гостей. После молебна и церемониального марша, а также обычных тостов дамам подавались шампанское и фрукты, а все начальство и гости шли пить водку в помещении при манежном цейхгаузе, где были уставлены столы с закусками.

После этого дамы уезжали домой, а все остальные отправлялись в офицерское собрание, где обыкновенно сервировался завтрак человек на 120. Завтрак носил самый душевный характер. Все гости от старшего до младшего вели самую оживленную беседу, тосты лились один за другим, в них вспоминалось все пережитое полком. Ф. А. Корш, хороший знакомый офицеров, всегда бывал в этот день в полку. По окончании завтрака, так примерно часов около пяти, подавались кофе, ликеры, после чего многие уезжали, а оставались лишь самые близкие лица к полку и те гости, которые уже, так сказать, из года в год проводили день св. Георгия Победоносца с сумцами. В то же время посылали за тройками к Ечкину и после семи часов ехали обыкновенно или в цирк, или в театр Корша. Ф. А. Корш в этот день обыкновенно ставил пьесу по желанию офицеров, и при входе офицеров в театр оркестр играл полковой марш.

По окончании спектакля садились на тройки и ехали в Стрельну, где уже по телефону был заказан ужин и традиционная солонина перед ужином. После закуски и малого антракта подавали ужин. После ужина звали обыкновенно цыган. Главный дирижер, цыган Федор Соколов, старался угодить офицерству. Хор пел самые лучшие цыганские песни. Солистка, лучшая тогда Ариша, пела “Очи черные”, Маша — “Трынтрава”, а Варя — “Быстро промчались вы, дни золотые мои”.

Сам же Соколов в заключение играл с артистической виртуозностью польку на мотив “В Самарканд поеду я, там красавица моя”. Вино лилось рекою, и кутеж продолжался, так что обыкновенно офицерство на свои квартиры попадало к

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

**Помещение офицерского собрания Самогитского полка,
превращенное в лазарет**

7 часам утра. Впечатлений получалось много. Об этом дне всякий, кто служил в полку в то время, вероятно, и теперь вспоминает с удовольствием».

Вошел в историю Москвы обед, который дали городские власти офицерам гарнизона в честь открытия возле Ильинских ворот памятника-часовни героям Плевны. Этот памятник был возведен на средства, собранные офицерами и солдатами гренадерского корпуса, а затем передан Москве. В знак признательности и уважения городской голова Н. А. Алексеев устроил в Благородном собрании обед, на который было приглашено 1200 человек. Гвоздем меню была удивительная кулебяка со свежей зернистой икрой, а шампанское в буквальном смысле лилось рекой: лакеи получили строгое указание сле-

дить, чтобы у господ офицеров стаканы были все время наполнены.

Офицеры полков, стоявших в Москве, были постоянными участниками светской жизни. В любом общественном месте — в театре, ресторане, увеселительном саду — можно было встретить подтянутых кавалеров с золотыми погонами на плечах. И конечно же они были желанными гостями на всех балах.

«Молодой человек в офицерской форме вызвал интерес у людей, которые знали Павлика Шостаковского с детства, — описывал П. П. Шостаковский начало своей службы в 12-м Астраханском гренадерском полку. — К тому же за мною установилась репутация одного из лучших московских танцоров. Приглашения посыпались — начиная с балов и приемов в генерал-губернаторском дворце; не было такого большого бала или раута в Первопрестольной, на который бы меня не звали. Не всегда это нравилось моим родителям. Так, например, жена миллионера Рябушинского стала присылать за мною — то составить партию в винт, то проехать на каток, то на прием... А мне, молодому офицеру, лестно. Я и в ложу министра двора в Большом театре, и на ужин к племяннице генерал-адъютанта придворной части в Москве...»

Вспоминая о полковнике Л. А. Шашковском, прослужившем в Москве 30 лет, А. Г. Невзоров упоминал о его прекрасных связях в театральных кругах. Благодаря обширным знакомствам полковника перед юнкерами 4-й школы прапорщиков, которой он командовал, выступали такие ведущие артисты, как оперный бас В. Р. Петров, популярный актер кино И. И. Мозжухин, танцор М. М. Мордкин и многие другие.

Жизнь войск гарнизона находила постоянное отражение на страницах московских газет. Например, в приложении к «Московскому листку» публиковали фоторепортажи с военных учений. В 1903 году в этом издании были помещены портреты всех офицеров, служивших в штабе Московского военного округа.

Не обходила пресса молчанием и мелочи жизни. Среди прочей городской хроники можно было встретить сообщение о визите в Екатерининский полк дона Педро (правда, из Испании), или о несостоявшейся дуэли между поручиком Ржевским и газетчиком Пановым, о выступлении перед солдатами знаменитой певицы Н. В. Плевицкой, или о случаях продажи с воинских складов оружия кавказским мятежникам.

Поражение в Русско-японской войне и подавление войсками революции 1905 года вызвали среди либералов негативное отношение к армии. Иногда дело доходило до эксцессов. Однажды в ресторане «Ярь» некий врач К. потребовал отгородить его ширмой от офицера, сидевшего за соседним столиком, — мол, невозможно честному человеку сидеть рядом с презренным душителем свободы.

С другой стороны, неудачи на Дальнем Востоке заставили общество внимательнее посмотреть на состояние армии и перейти от огульной критики к конструктивному обсуждению проблем. В газетах появились «военные отделы», где публиковались статьи на волнующие офицеров темы.

Судя по публикациям, в 1914 году вопросы стратегии и тактики уступили главенство военному быту. Так, в марте газета «Голос Москвы» писала о конфликте между модой и уставом. Офицеры почти поголовно брили усы, а начальство тыкало их носом в статью закона, которая гласила: «Все генералы, штаб-и обер-офицеры, и все нижние чины всех родов войск, и все чиновники военного ведомства должны носить усы». Или обращалось внимание на странности в системе выплаты денежного довольствия: командир саперного батальона и его помощник получали одинаковое жалованье — по 100 рублей. «Столовых» комбат получал 130 рублей, помощник на 20 рублей меньше; зато последнему платили суточные (45 руб.) за пребывание в летних лагерях, а командиру нет.

Не вызывали у офицеров восторга и постоянные нововведения в обмундировании, которые им приходилось оплачи-

вать из своего не такого уж высокого жалованья. Незадолго до войны в «Голосе Москвы» по этому поводу писали:

«Беспрерывные перемены в форме одежды, следующие одна за другой с головокружительной быстротой, ложатся непосильным бременем на скудный бюджет офицеров.

Пожалуй, за последнее десятилетие перемен в форме было больше, чем за все существование регулярной русской армии.

Вот краткий перечень отмен и дополнений за последнее время.

Мундир защитного цвета:

А) введен только для казарм;

Б) разрешено ходить по улице;

В) даны права сюртука;

Г) назван походным мундиром;

Д) нашиты канты, пуговицы на рукава, изменены карманы, присвоены лацканы, на воротниках шитье, и в таком виде назван парадным мундиром;

Е) на фалдах сзади даны клапаны и пуговицы.

Какое дальше последует изменение, угадать трудно, но можно предположить, что из однобортного будет превращен в двубортный.

Шаровары:

А) введены черного цвета;

Б) введены защитного цвета;

В) упразднены черные, введены прежние темно-зеленые;

Г) уничтожены защитные;

Д) вновь введены защитные.

Темно-зеленый мундир:

А) прибавлено по петличке;

Б) введен двубортный;

В) введено шитье;

Г) изменен цвет приборного сукна;

Д) уничтожен совсем.

Головной убор:

А) отменены барашковые шапки;

- Б) даны защитные фуражки без ленточек на околыше;
- В) даны с ленточками и ремешками (носить летом);
- Г) уничтожены ленточки и ремешки;
- Д) введены кивера;
- Е) уничтожены кивера;
- Ж) введены защитные фуражки с кантами;
- З) запрещено носить в городе;
- И) введены папахи с кокардой и гербом;
- К) уничтожены гербы.

Холодное оружие и снаряжение:

- А) на шашки возвращены старые эфесы;
- Б) введено новое походное снаряжение;
- В) введено другое походное снаряжение;
- Г) походному присвоены права парадного;
- Д) введены поясные портупей;
- Е) даны сабли для прогулок;
- Ж) увеличены права сабель.

Кроме всего вышеизложенного, существует еще целый ряд необязательных образцов форм, которые офицеру приходится иметь: сюртук, виц-мундир, фуражка зимняя. В придаток к этому существуют еще разрешаемые: тужурка, венгерка, николаевская шинель, накидки серая и черная.

Обилие образцов форм и частое их изменение потребовали издания специальных руководств для изучения военной формы, но, ввиду почти ежедневного изменения в одежде они не удовлетворяют своему назначению, и, пользуясь ими, все равно становишься в тупик: что правильно, что надеть. (...)

Разнообразие дошло до курьезов: воинские чины не узнают друг в друге принадлежности к одной и той же части, а два офицера одного полка могут одеться так, что один будет похож на казака, а другой на пажа.

Так еще никогда не было: может быть, раньше мы были одеты непрактично, неудобно, но зато в чем учинились в мирное время, в чем парадировали, в том и выступали в поход. А теперь необычайное количество форм, непрерывная

их мена, поглощающая скудный бюджет офицеров, естественно, не дают им возможности иметь походное одеяние в должном количестве и должного качества, что и не замедлит самым печальным образом повлиять на готовность войск при общей мобилизации, когда поздно будет шить. Ведь большинство ремесленников, в том числе портные, сапожники, сразу попадут в строй».

Одной из последних предвоенных новаций (пожалуй, не самой обременительной для офицерского кошелька) была замена кокарды на «Адамову голову» (череп со скрещенными костями)¹. Этой чести в марте 1914 года были удостоены 17-й Донской казачий и 5-й Александрийский гусарский полки.

Правда, с началом войны всякого рода парадные мундиры оказались не нужны. Отправляясь на фронт, полки сдавали их на склады. По описаниям участников событий, интенданты обставили дело так, что оставляемое имущество приходилось просто сваливать без счета, уповая на честность тылови-ков.

После объявления мобилизации количество офицеров в Москве заметно возросло. Это надели форму призванные из запаса служащие коммерческих фирм, учителя, врачи, адвокаты и т. п. Из «лиц свободных профессий» в первые дни войны встали в строй художники М. Ф. Ларионов, Н. Н. Богатов, П. П. Кончаловский, Н. Д. Милиоти, Н. С. Зайцев, В. К. Кельх, Г. Б. Якулов. Немного позже к ним присоединился их коллега С. Ю. Жуковский. Словом, все те, кто после окончания высшего учебного заведения предпочел отбывать воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося с последующей сдачей экзамена на офицерский чин. Прошедший такую «школу» философ Ф. А. Степун вспоминал:

«Пробыв короткое время в батареях, мы были переведены

¹ После Февральской революции такой же знак Временное правительство присвоило ударным батальонам — «частям смерти», предназначенным для прорыва обороны противника.

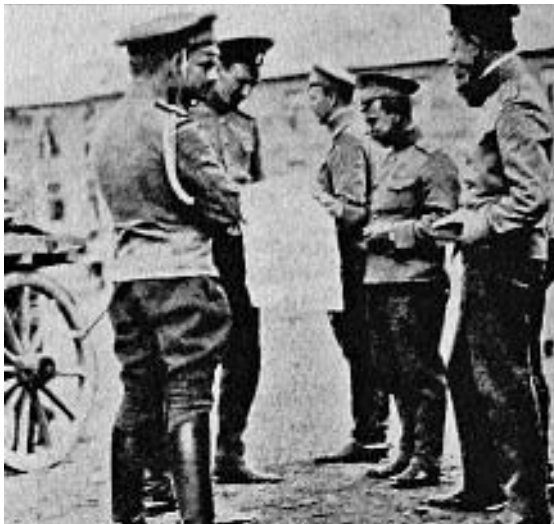

**Л. В. Собинов, призванный из запаса поручиком
в действующую армию.**

Фото Березовского

в учебную команду, из которой вышли после шестимесячного обучения совершенными неучами. Произведенные после лагерного сбора в прапорщики запаса, мы покидали наш мортирный дивизион глубоко штатскими и в военном отношении совершенно безграмотными людьми. Винить в этом наших преподавателей было бы несправедливо. Уж очень нелепа была вся давно заведенная система совместного с новобранцами военного образования вольноопределяющихся. Привыкшие к научным занятиям “вольноперы” в несколько дней с легкостью одолевали ту несложную премудрость, которую фейерверкера должны были изо дня в день вдальбивать безграмотным парням, с трудом усваивавшим устройство мортирного замка и природу воинской дисциплины.

При такой постановке дела было, в конце концов, только разумно, что мы чинно сидели за партами лишь во время офицерских занятий (часа по два в день), все же остальное время валялись на койке в каморке фейерверкера Кулеша, беседуя обо всем, что угодно, кроме военной науки».

Офицеры читают экстренное сообщение об объявлении войны

И хотя Степун, находясь в запасе, трижды проходил лагерные сборы и даже вполне удачно стрелял на Клименьевском полигоне под Можайском, на полях Галиции сразу же выяснилось, что он ничего не смыслит в стрельбе. Единственным утешением прапорщику-философу служил тот факт, что его командир, кадровый полковник, пристреливаясь в первом бою, обрушил несколько десятков снарядов на собственную пехоту. И следовал вывод: «Это ли не доказательство, что в наших блестящих учебных стрельбах было больше показного парада, чем реальной работы».

Впрочем, в момент патриотического подъема, вызванного объявлением войны, публике было не до таких деталей. Гораздо актуальнее было восхищаться молодежавшим видом офицеров, отправлявшихся бить «тевтонских варваров», их готовностью сокрушить врага. Настроение того времени хорошо передает небольшой очерк «Прапорщик» журналиста Н. А. Фольбаума:

«Это было в самом начале войны. В один из первых ее дней.

Меня окликнул на улице знакомый голос. Но лицо я узнал с трудом — так изменило его “походное снаряжение”.

Шинель из верблюжьего сукна, по бокам — ременные тяжки.

Чуть ли не накануне я видел его в суде, во фраке и со значком. И вдруг — такая метаморфоза.

Разумеется, этого следовало ожидать, но все-таки я был поражен неожиданностью и несколько минут смотрел на него молча.

Пристальное внимание заставило его взглянуть на самого себя, все ли в порядке. Поправив какой-то ремешок, и потом, сообразив, улыбнулся:

— Так вот что вас поражает? Как же, завтра в поход. Дел масса, не знаю, успею ли. Вместо портфеля пришлось запастись вот этим.

Он похлопал по револьверной кобуре.

Он нисколько не волновался. Бросил пару слов о войне, отковырял проехавшему на извозчике офицеру.

— Через неделю у меня серьезная защита; не знаю, кому ее передать.

Это его беспокоило гораздо больше, чем поход.

— Понимаете, важные процессуальные нарушения... Кто это?

Мимо спешил его товарищ с портфелем. Адвокат с револьвером остановил его:

— Как вы кстати! Не узнаете? А я собирался вам звонить. Голубчик, я вам оставлю одно дело — у вас же было почти аналогичное...

Завязался в высшей степени специальный разговор, пересыпанный пунктами и статьями. Адвокат с револьвером передавал свою практику адвокату с портфелем.

Все было покончено в несколько минут. Я наблюдал за обоими и не видел разницы. Это военное снаряжение начало мне казаться таким случайным, не настоящим. Пожалуй, чуть ли не маскарадным.

Что он будет делать на войне — человек, поглощенный “судебной защитой”? Завтра он отправится навстречу своей судьбе, а сейчас не может ни о чем думать, кроме этих процессуальных нарушений.

Пункты и статьи сыпались градом. Картина была самая мирная.

А затем мы отправились в разные стороны. Скрылся адвокат с портфелем. Я долго смотрел, оглядываясь, как исчезает в толпе адвокат с револьвером.

Он шел спокойно и подносил от времени до времени руку к козырьку. На следующий день я позвонил ему по телефону и узнал, что он действительно отправился на войну.

И все-таки я продолжал не верить...

Теперь же я поверил. В газетах мелькнула телеграмма о подвиге прапорщика — вот этого самого адвоката с револьве-

К. Петров-Водкин. Голова офицера.

Этюд

ром.

Подвиг был совершен исключительный. Спокойствие не покинуло его на войне.

Там, во время случайной встречи, на перекрестке, в городе, он думал только о своих подзащитных.

На передовой позиции он тоже думал о подзащитных — простите за невольную остроту. Думал о родине как настоящий воин.

Ни на минуту не теряя самообладания.

Защищенная орудиями позиция была главной целью неприятельской канонады. Снаряды сыпались на нее как... ну, как пункты и статьи во время того вспомнившегося мне сейчас разговора.

Одна из гранат не разорвалась. И, не обращая внимания на пальбу, прапорщик бросился к гранате.

Чтобы взглянуть на дистанционную трубку.

Благодаря этому мы узнали, с какого расстояния стреляют

немцы.

Какой это великолепный подвиг! Какая выдержка и осмысленная смелость!

Без жеста и без красивой позы. Только дело — дело прежде всего.

Мы встретимся с ним после войны. В кулуарах суда. И я боюсь, что снова его не узнаю. Он будет во фраке.

А я не могу теперь представить его иначе как офицером; он преобразился в моем сознании. Вместо адвоката с револьвером я увижу офицера с портфелем.

И боюсь, что не узнаю его...»

В другом очерке — «Фланер», опубликованном в «Голосе Москвы», — с не меньшим пафосом утверждалась мысль о благотворном влиянии войны на некоторые испорченные натуры. Герой публикации, лицеист Коко, представитель «золотой молодежи», в мирное время вел рассеянный образ жизни. Вставал он поздно, убивая время, слонялся по Кузнецкому мосту или по бульварам, чтобы вечером привычно закончить день в каком-нибудь увеселительном заведении. Но вот началась война, и Коко как бы проснулся от спячки — пошел на фронт добровольцем и с честью погиб за Отечество.

Положительным героем для газетчиков стал и бывший футурист, участник многих скандалов художник М. Ф. Ларионов. Появление на улицах с раскрашенными лицами и другие эпатажные выходки — все осталось в прошлом. Теперь у него другой антураж: фронт, артиллерийская батарея, бои с германцами, контузия. Его соратник по художественному авангарду Г. Б. Якулов тоже оказался не лыком шит — командовал ротой, был награжден Георгиевским крестом.

Чем не примеры для подражания? И молодежь, вдохновленная этими и многими другими примерами, неиссякаемым потоком шла в военные училища.

«Это не уозоть, тетя, это не квасной патриотизм, — писал родственнице с фронта прапорщик А. Н. Жиглинский, — ведь я пошел не за правительство ставить на кон смерти

жизнь свою, за маму, за тебя, за “малую” Родину, за всех родных и друзей, и я горд тем, что могу быть полезен вам и России, что не даром я родился и не даром мать моя отдала мою жизнь, — я и сам за ее покой и счастье готов отдать свою жизнь». Автор этих строк оставил учебу на юридическом факультете Московского университета и, окончив военное училище, стал артиллеристом.

**В пояснение к этой фотографии журнал «Искры»
(1914. № 41. С. 326) писал:**

«Осведомившись об утверждении положения Совета министров о привлечении в войска молодых людей, пользующихся отсрочками для окончания курса высших учебных заведений, московские студенты всех заведений 10-го октября устроили многолюдную патриотическую манифестацию и просили градоначальника повергнуть к стопам Его Величества чувства бесконечной любви и беспредельной преданности и горячую благодарность за дарованную студенчеству высокую милость — немедленно стать в ряды армии. Подобные же манифестации студенчества состоялись в Петрограде, Киеве, Риге, Новочеркасске и других университетских центрах России».

Александровское военное училище на Знаменке

Москвичи, пожелавшие идти на фронт офицерами, могли получить хорошее военное образование в родном городе. В Москве располагалось два военных училища: Александровское, на Знаменке, и Алексеевское, в Лефортово. Оба училища, основанные в 60-х годах XIX века, к началу Первой мировой войны имели сложившиеся традиции и по праву гордились многими из своих выпускников.

Александровское училище окончили известные военачальники Д. С. Шуваев, А. Е. Эверт, В. Н. Клембовский, Н. Н. Духонин, Н. Н. Юденич, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский. В истории русской культуры заметный след оставили бывшие александровцы: писатель А. И. Куприн, библиограф С. Р. Минцлов, архитектор И. И. Рерберг.

На почетной мраморной доске в Алексеевском училище среди юнкеров, окончивших первыми по успехам, золотом была выбита фамилия Л. В. Собинова — звезды русского оперного искусства. Не меньше прославили училище быв-

шие воспитанники, сделавшие успешную военную карьеру: генералы М. В. Алексеев, В. А. Черемисов, М. Д. Бонч-Бруевич. Советскими маршалами стали Б. М. Шапошников и А. М. Василевский.

До мировой войны по Положению, принятому в 1894 году, юнкерами-александровцами становились исключительно воспитанники кадетских корпусов, алексеевцами — «штатские», т. е. молодые люди с аттестатами гимназий, реальных училищ, духовных семинарий, а также выпускники высших учебных заведений. В результате между юнкерами московских училищ возникло устойчивое противостояние, и этот исторически сложившийся антагонизм не давал возникнуть даже видимости дружбы.

Александровцы, в подавляющем большинстве дворяне по происхождению, свысока посматривали на разночинцев-алексеевцев, называя их «алексопупами». Последние старались нанести «александронам» (ответное прозвище) удары по самолюбию победами в различных состязаниях. Например, алексеевцы постоянно первенствовали в соревнованиях по стрельбе и возвращались триумфаторами в лагерь на Ходынском поле под оркестр Александровского училища. А однажды «александроны» были посрамлены в присутствии военного министра генерала Куропаткина. Вот как описывал этот случай Б. М. Шапошников:

«Вскоре военный министр прибыл с большой свитой, поздоровался с нами и затем вызвал батальон юнкеров Александровского училища на батальонное строевое учение. Александровцы начали учение, но видно было со стороны, что идут они плохо, в довершение всего при повороте кругом несколько юнкеров, не расслышав, очевидно, команды, столкнулись с повернувшимися уже и от столкновения попадали. Учение было вскоре окончено. Куропаткин подъехал к батальону и что-то с жаром долго говорил.

Пришла наша очередь. Мы приняли команду «смирно» и застыли. Куропаткин подъехал, слез с коня и начал обходить

фронт, осматривая и равнение, и умение держать винтовку, и правильность пригонки снаряжения. Вид его был сердитый. Сделав одно лишь замечание, Куропаткин приказал начать ротное строевое учение. Рота двинулась и на ходу отлично сделала все перестроения, не сбиваясь с ноги. Вдруг Куропаткин остановил роту, приказал офицерам выйти из строя, на взводы стать портупей-юнкерам, а ротой командовать фельдфебелю 1-й роты — тоже юнкеру. Теперь мы еще больше подтянулись, и дальнейшее учение прошло еще лучше.

Рота была остановлена. Подошел Куропаткин и начал нас благодарить, заявив, что он никак не ожидал, что из нас, штатских людей, могут выработаться такие строевики, и, обращаясь к начальнику Александровского училища генералу Лаймингу, заявил: “А вам, генерал, имея бывших кадетов, стыдно так их распускать”. Особо поблагодарил военный министр нашего фельдфебеля, командовавшего ротой. Окрыленные успехом смотра, мы двинулись в лагерь, до которого был час ходьбы. (...)

А в это время, опередив нас, Куропаткин сам поехал в наш лагерь, обошел его и вызвал на полевою гимнастику оставшихся вне расчета юнкеров 4-й роты. “Шкалики” всегда были хорошими гимнастами, а здесь превзошли себя, перепрыгивая, как мячи, через канавы и заборы. И здесь смотр прошел удачно.

К нашему возвращению в лагерь начальство уже уехало, а мы в награду получили трехдневный отпуск. Существовавший и ранее антагонизм между нашим и Александровским училищем возрос еще больше».

Для поступления в училища молодые люди представляли в канцелярию аттестат о полном среднем образовании и подписку о непринадлежности к какой-либо политической партии с обязательством впредь ни в одну не вступать. «Прини-

¹ В книге П. А. Нечаева «Алексеевское военное училище» (Париж, 1964) собраны рассказы юнкеров как мирного, так и военного времени. Поскольку эта интереснейшая работа доступна ограниченному кругу читателей, позволим себе приводить из нее пространные цитаты.

мали нас по конкурсу аттестатов, — приводит П. А. Нечаев¹ свидетельство юнкера довоенного времени, — и конкурсная отметка была 4 по пятибалльной системе. Со мной поступило 5 с высшим образованием, 42 с золотыми и серебряными медалями, много студентов, а мы, все остальные, с аттестатами зрелости». Одно время в Александровском училище существовал прием на вакантные места через экзамены, но к началу XX века эта практика была полностью прекращена.

В Алексеевском училище на двести мест ежегодно приходилось по 700—800 желающих. При этом лица с высшим образованием поступали сразу на старший курс. Отказ получали юноши, не достигшие семнадцатилетнего возраста, и женатые.

Во время войны многие из ограничений были отменены. Так, образовательный ценз сначала был понижен до шести классов, затем до четырех. Брачные узы также перестали быть препятствием для овладения военными науками. Писатель Борис Зайцев, поступивший в Александровское училище в 1916 году в возрасте 35 лет, вспоминал, как его навещала жена. Во время Февральской революции, когда юнкеров никуда не выпускали, жена приходила к училищу, чтобы увидеть «бюллетень о здоровье» — товарищи Зайцева выставляли в окне лист бумаги, на котором было крупно написано: «Боря здоров».

Очень серьезным испытанием была медицинская комиссия, которая выбраковывала кандидатов при малейших дефектах здоровья. Особенно тщательно проверяли зрение. Поступая в училище, Б. М. Шапошников больше всего волновался перед встречей с врачами: «Беспокоился, окажусь ли годным? В те времена полагалось, чтобы объем груди равнялся половине роста, а так как мой рост достигал 175 сантиметров, то несоответствие объема грудной клетки вызывало у меня опасения. Моего старшего брата Александра три года призывали на военную службу, но так и не призвали, потому что объем грудной клетки не соответствовал его росту. Стро-

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
Московское скаутское движение зародилось в годы
Первой мировой войны

гий медицинский осмотр прошел для меня вполне благополучно, и в ведомости, вернее в протоколе комиссии, я увидел отметку “годен”».

Во время врачебного осмотра происходило распределение будущих юнкеров по ротам в зависимости от антропометрических данных. Самые рослые и стройные попадали в первую роту («Его Высочества»¹), самые красивые — в третью. При ней числилось училищное знамя, и традиционно считалось, что сопровождать святыню на парадах под пристальными

¹ Приказом императора от 18 февраля 1906 г. наследник престола цесаревич Алексей был назначен шефом Московского военного училища, которое с того момента стало именоваться Алексеевским.

взорами высокого начальства должны юнкера самой привлекательной внешности. В остальные роты распределяли по ранжиру.

Юнкер-алексеевец выпуска 1915 года вспоминал: «В числе поступивших со мной было громадное количество “верзил”, и к моему огорчению, я, предназначенный на медицинском осмотре в роту Его Высочества, оказался на левом фланге 3-го взвода 2-й роты. На правофланговых роты Его Высочества не могли подобрать обмундирования и пришлось спешно им шить все по мерке. Между прочим, один из них был брат небезызвестного в те времена футуриста Бурлюка. Каждая рота носила у юнкеров свое прозвище: Его Высочества рота — “крокодилы”, вторая — “извозчики”, третья — “девочки”, четвертая — “шкалики”, пятая — “барабанщики”».

До войны курс в Алексеевском училище состоял из четырех рот; в военное время их стало пять, затем восемь, по 150 юнкеров в каждой.

В автобиографическом романе «Юнкера» А. И. Куприн упоминал «упрошенные титулы» рот, бывшие в ходу среди александровцев. Первую называли «жеребцы Его Величества»¹. Вторая носила прозвище «звери» или «извозчики»:

«В нее как будто специально поступали юноши крепко и широко сложенные, такие рыжие и с некоторой корявостью. Большинство носило усики, усы и даже усищи. Была молодежь с коротенькими бородами (времена были Александра Третьего).

Отличалась она серьезностью, малой способностью к шутке и какой-то (казалось Александрову) нелюдимостью. Но зато ее юнкера были отличными фронтовиками, на парадах и батальонных учениях держали шаг твердый и тяжелый, от которого сотрясалась земля».

Судя по рассказу Б. К. Зайцева, в 1916 году первая и вторая

¹ Традиционно шефами Александровского училища были русские цари, начиная с Александра II.

роты сохранили свои прозвища:

«Пока не пришел офицер, развлекаемся, как умеем. У нас свои задиралы, у них свои.

— И-го-го-го! — гогочет какой-нибудь наш Гушин, румяный и веселый парень. — Го-го! — и делает вид, что поднимается на задние ноги, скачет на одном месте...

— Эй, извозчик, — кричит правофланговый жеребец, — в Большой театр, полтинник! Живо! В Оперу опоздали!

Гушин копытом роет землю».

Третью роту, как и в Алексеевском училище, называли «девочки» или «мазочки». В этом случае источником шуток служили отпускные билеты желтого цвета, по которым юнкера третьей роты ходили в увольнение.

Четвертая — «блохи», а позже, по воспоминаниям П. П. Шостаковского, — «вши». «Кличка несправедливая, — считал А. И. Куприн, — в самом малорослом юнкере было все-таки не меньше двух аршин с четырьмя вершками»¹. Видимо, «наполеоновский» комплекс заставлял «блох» постоянно бросать вызов более рослым однокашникам: «...четвертая рота Александровского училища с незапамятных времен упорно стремилась перегнать прочие роты во всем, что касалось ловкости, силы, изящества, быстроты, смелости и неутомимости. Ее юнкера всегда бывали первыми в плавании, в верховой езде, в прыганье через препятствия, в беге на большие дистанции, в фехтовании на рапирах и эспадронах, в рискованных упражнениях на кольцах и турниках и в подтягивании всего тела на одной руке».

С 1910 года в Александровское училище набирали по 600 юнкеров, которые были разделены на пять рот. В Первую мировую войну прием увеличили до 1600 человек.

После распределения по ротам свежее испеченные юнкера проходили через первый обряд приобщения к военной службе. Каждый, кто побывал новобранцем, его хорошо знает: стрижка «под машинку», баня, получение обмундирования,

¹ 160 см.

расставание со штатской одеждой.

Дальше начиналась подготовка к принятию присяги. В мирное время этот период длился с 1 сентября по 5 октября, в войну он был сокращен до двух недель. От молодых юнкеров («фараонов», как их называли в Александровском училище; «козерогов» — в Алексеевском) добивались четкого выполнения строевых приемов и требований уставов. Молодых людей учили быстро подниматься утром по сигналу горниста, красиво заправлять свои койки, поддерживать внешний вид «на ять»: обмундирование безукоризненно чистое, сапоги, бляха ремня, пуговицы надраены до блеска.

Пока юнкера младшего курса не овладевали всеми тонкостями поведения на улице и в общественных местах, их не выпускали за пределы училища. О том, как размазне-интеллигенту («шляпе» по училищной терминологии) трудно было овладевать строевыми премудростями, вспоминал Б. К. Зайцев:

«Мы, вновь прибывшие, называемся “фараонами”. Нас надо обломать, хоть сколько-нибудь привести в военный вид и только тогда можно пустить в отпуск (мало ли опасностей на воле: а вдруг встретишь генерала, да не станешь вовремя во фронт, прозеваешь резвого капитана, только что вернувшегося с фронта? Сядешь в театре, не спросясь у старшего по чину офицера? Жизнь сложна). И вот, кто хочет в субботу идти в отпуск, должен выдержать “экзамен чести”.

Это для шляп дело нелегкое. Казалось бы, не так уже хитро: бодро и весело подойти, остановиться, сделать под козырек, отрапортовать, повернуться и отойти... Но это целая наука! Элементы гимнастики (может быть, и балета) входят сюда. И немало надо попотеть, прорепетировать со своими же, прежде чем командир роты пропустит».

Вместе со «шляпой» среди юнкеров в ходу было слово «шпак», означавшее всех обделенных судьбой, кто не принадлежал к военному сословию. Или, проще говоря, штатских. В памяти А. И. Куприна сохранилась старинная песня,

где был такой куплет:

Терпеть я штатских не могу
И называю их шпаками,
И даже бабушка моя
Их бьет по морде башмаками.

Отрекаясь от позорного прошлого, юнкера Алексеевского училища накануне принятия присяги устраивали «похороны шпака». Этот обряд не был предусмотрен ни одним уставом, но начальство делало вид, что ничего не ведает. Даже в военное время юнкера ускоренных выпусков продолжали поддерживать традицию. Один из них оставил описание «похорон шпака», происходивших в 1915 году:

«Итак, в ночь накануне присяги, к десяти часам вечера казалось, что лагерь, как обычно, крепко спит; на самом же деле не спал никто и, лежа под одеялом на своей койке, только ждал сигнала для начала парада. В канун присяги наш фельдфебель Шалль во время вечерней переклички, на которой, как бы случайно, отсутствовали наши офицеры, прочел приказ по курилке, в котором говорилось об обязательном присутствии “козерогов” на похоронах шпака.

Наконец сигнал был дан, и бараки закипели лихорадочной жизнью: юнкера быстро вскакивали, поспешно надевали заранее приготовленные и тщательно каждым продуманные костюмы и быстро строились перед бараками своих рот. Фантазии и изобретательности каждого юнкера предоставлялось придумать себе соответствующий событию костюм, причем приходилось, конечно, удовлетворяться тем, что было под рукой; некоторые воспользовались своим штатским платьем, в котором они прибыли в училище, другие обратились за помощью к нашим ротным каптенармусам, снабдившим их мундирами мирного времени и киверами. Большинство было в одних кальсонах, в мундирах и киверах, некоторые — в шляпах, кепках и штатских фуражках, в студенческих тужурках или пиджаках, одним словом — в различных комбинациях

штатского с военным; были в бескозырках задом наперед, но все без исключения без штанов; винтовки несли на правом плече и прикладом вверх.

Из подвижных, на колесах, стоек для колки чучел штыками была сооружена погребальная колесница, которую везли десяток голых юнкеров, а на ней покоилось чучело шпака. Эта колесница, окруженная горящими факелами в руках дико скакавших и кривлявшихся также голых юнкеров, под звуки идущего впереди импровизированного оркестра, состоявшего из самых необычайных инструментов, вроде медных тазов, чайников и сковород, открывала шествие, которое проследовало сначала почти по всему лагерю, а затем направилось на небольшой плац, к саперному городку за бараком 5-й роты, где и произошла символическая церемония похорон.

Говорились надгробные речи на тему о забвении всего штатского, стоял дикий вой, визг и плач. Затем состоялся церемониальный марш, которым командовал фельдфебель нашей роты Шаль, а принимал парад фельдфебель роты Его Высочества в мундире, кивере и без штанов, увешенный массой различных орденов и лент.

После церемониального марша роты были разведены по баракам, и буквально через две минуты казалось, что ничего решительно не происходило и лагерь давно уже спит обычным непробудным и крепким сном... Появился дежурный офицер, как будто бы в воду канувший во время “церемонии”, появились и другие офицеры и, найдя все в порядке, спокойно удалились.

Как оказалось, не только наши офицеры и их семьи наблюдали издали “похороны шпака”, но на эту церемонию собралась масса дачниц и дачников ближайших окрестностей. В темноте ночи их, любовавшихся нами из ближайшего леса, не было заметно, мы же, освещенные со всех сторон горящими факелами, представляли, вероятно, несколько необычайное зрелище.

Когда я был на старшем курсе, участие нас, старших, в

этой церемонии было необязательным. Мы тогда находились на зимних квартирах, и “похороны шпака” были лишены той красоты и размаха, как в лагере, так как совершались в училищном манеже. Вся церемония происходила так же, как и у нас, только помню, что одна рота, кажется третья, была однообразно одета: совершенно голые, но в бескозырках, пояс с подсумками, в сапогах и с винтовками».

Принятие присяги для юнкеров означало начало нового этапа в жизни — для них начиналась действительная военная служба. С того момента, если кто-то хотел покинуть училище, его могли отчислить только в войска, рядовым на правах

М. Нестеров. Благотворительная открытка
(из коллекции П. Д. Цуканова)

вольноопределяющегося.

Присягали юнкера, выстроившись в каре, посередине которого находились аналой с Евангелием и крестом и училищное знамя. Священник произносил слова воинской клятвы, а юнкера хором их повторяли. Затем адъютант училища зачитывал статьи военных законов, карающих за нарушение присяги, и статуты награждения за проявленную в бою храбрость.

Около двух часов стояли юнкера в торжественном строю, испытывая сходные чувства: «Все были очень серьезны и, слушая слова присяги, проникались сознанием великой ответственности в своей будущей службе Государю и родине. Мы горячо молились и, целуя Св. Евангелие, Крест и Знамя, действительно переходили как бы в другой мир и клялись до смерти защищать Веру, Царя и Отечество».

После принятия присяги юнкера наконец-то получали право выходить в установленные дни (по средам и в выходные) в город. В своих мемуарах А. М. Василевский писал: «Целый кодекс правил существовал для тех, кто был в увольнении. Запрещалось посещать платные места гулянья, клубы, трактиры, рестораны, народные столовые, бильярдные, бега, торговые ряды на Красной площади и т. д. В театрах и на концертах нам не разрешалось сидеть ближе седьмого ряда партера и ниже второго яруса лож».

К коренным традициям обоих московских военных училищ следует отнести царивший в них дух взаимного уважения между юнкерами и преподавателями. «Не было случая, — отмечал юнкер выпуска 1910 года, — чтобы кого-либо обидели или задели его самолюбие». А. И. Куприн упоминал о незыблемом принципе, которому следовали александровцы: если офицер-воспитатель напрямую спрашивал, кто автор той или иной шалости, виновник немедленно откликнулся.

Характерный случай привел в мемуарах Б. М. Шапошников:

«Тактику пехоты читал приватный преподаватель, начальник штаба одной из гренадерских дивизий Генерального шта-

ба, полковник Никитин. Читал нудно по нашему официальному учебнику, говорил плохо, повторялся, очень часто говорил “следовательно”, “так сказать”, а лекции обычно начинал словами: “Я вам забыл вчера сказать...” В классе у нас оказался один поэт, который в стихах изложил лекцию Никитина. Целиком я уже забыл ее, но начиналась она так:

Я вам забыл вчера сказать,
что в нашей, так сказать, пехоте
четыре взвода в каждой роте...

Однажды перед началом лекции Никитина я, как старший по классу, стоял на возвышении и под гомерический хохот класса читал эту “лекцию” в стихах. Вдруг входит Никитин. Я отрапортовал, но должен был дать объяснение, чем вызван хохот в классе. Пришлось вручить ему написанную “лекцию”. Никитин от души рассмеялся, попросил стихи, а на следующей лекции вернул их, нисколько не обижаясь на шутку».

Вспоминая о жизни в училище, бывшие юнкера единодушно сходятся в одном: травле подвергались только офицеры, заслужившие всеобщую неприязнь мелочными придирадками и страстью к тупой муштре. Одной из форм издевательства над «служакой» было выкрикивание его клички: “Хухрик”, “Пуп”, “Чемодан”, “Плакса” и т. п. Прodelывалось это тонко. Едва офицер выходил в коридор, отделенный от ротного помещения всего лишь аркой, как юнкера тут же поднимали шум, на фоне которого отчетливо слышалось обидное прозвище. «Правда, юнкера не злоупотребляли этим, — отмечал П. П. Шостаковский, — прибегали к такой мере чрезвычайно редко, в ответ на явную несправедливость или грубость».

Однако бывало так, что юнкерский протест принимал другую форму. Б. М. Шапошников упоминал о случае, когда товарища, посаженного под арест, вся рота провожала в карцер с воинскими почестями. При желании начальство могло расценить это как коллективное выступление, строжайше запрещен-

ное законом, и соответственно покарать всех участников акции.

Наказания к нарушителям применялись строго в рамках воинских уставов: замечание, выговор, наряд вне очереди, под винтовку на час (неподвижное стояние в полной солдатской выкладке — возможность подумать над своим поведением), арест в карцере. Остается загадкой, на основании каких исторических источников авторы нашумевшего фильма «Сибирский цирюльник» изобразили такую нелепую экзекуцию, как стояние на одной ноге. По-видимому, та же фантазия, не обремененная знаниями исторических реалий, породила сцену натирания паркета провинившимися юнкерами. «Наряд вне очереди» отрабатывали дополнительным дежурством, но никак не на хозяйственных работах — для их выполнения существовал специальный штат солдат-служителей. Именно они под присмотром дневальных из числа юнкеров натирали полы¹.

В 1916 году, когда военное командование произвело глобальную ротацию офицерских кадров, в Алексеевском училище штатные преподаватели были заменены офицерами-фронтовиками. По мнению П. А. Нечаева, это привело к ослаблению училищного духа: «Офицеры с фронта обладали боевым опытом, но не могли быстро схватить качества, необходимые офицеру-воспитателю. Особенно это проявилось в их неумении держать себя с юнкерами. То, что было возможно с солдатами, было совершенно недопустимо в отношении юнкеров. Воспитателем быть не всякому дано, и нужно для этого иметь много особых качеств».

Отношения между юнкерами старших и младших курсов также строились на основе взаимного уважения. По свидетельству А. И. Куприна, москвичи с незапамятных времен от-

¹ Подробный разбор всей «развесистой клюквы» в фильме «из русской жизни» квалифицированно сделан А. Кибовским в книге «Сибирский цирюльник. Правда и вымысел киноэпопеи» (М., 2002).

Юнкера Александровского военного училища

казались от «цуканья» — рабской зависимости юнкеров младшего курса от старших («господ обер-офицеров»). «Цук», принимавший формы изощренных издевательств, особо процветал в Петербурге, в элитном Николаевском кавалерийском училище.

«Нам колбасники, немецкие студенты, не пример и гвардейская кавалерия не указ, — реконструировал А. И. Куприн историческую резолюцию, положившую конец “цуканью”. — Пусть кавалерийские юнкера и гвардейские “корне-ты” ездят верхом на своих зверях и будят их среди ночи дурацкими вопросами. Мы имеем честь служить в славном Александровском училище, первом военном училище в мире, и мы не хотим марать его прекрасную репутацию ни шутовским балаганом, ни идиотской травлей младших товарищей. Поэтому решим твердо и дадим друг другу торжественное слово, что с самого начала учебного года мы не только окончательно прекращаем это свинское цуканье, достойное

развлечений в тюрьме и на каторге, но всячески его запрещаем и не допустим его никогда. (...)

Пусть же свободный от цуканья фараон все-таки помнит о том, какая лежит огромная дистанция между ним и господином обер-офицером. Пусть всегда знает и помнит свое место, пусть не лезет к старшим с фамильярностью, ни с амикошонством, ни с дружбой, ни даже с простым праздным разговором. Спросит его о чем-нибудь обер-офицер — он должен ответить громко, внятно, бодро и при этом всегда правду. И конец. И дальше — никакой болтовни, никакой шуток, никакого лишнего вопроса. Иначе фараон зазнается и распустится. А его, для его же пользы, надо держать в строгом сухом и почтительном отдалении. (...)

Но две вещи фараонам безусловно запрещены: во-первых, травить курсовых офицеров, ротного командира и командира батальона; а во-вторых, петь юнкерскую традиционную “растанную песню”: “Наливай, брат, наливай”. И то и другое — привилегии господ обер-офицеров; фараонам же заниматься этим — и рано и не имеет смысла. Пусть потерпят годик, пока сами не станут обер-офицерами...»

В дополнение следующим поколениям юнкеров был дан такой наказ:

«Но надо же позаботиться и о жалких фараонах. Все мы были робкими новичками в училище и знаем, как тяжелы первые дни и как неуверенны первые шаги в суровой дисциплине. Это все равно что учиться кататься на коньках или ходить на ходулях. И потому пускай каждый второкурсник внимательно следит за тем фараоном своей роты, с которым он всего год назад ел одну и ту же корпусную кашу. Остереги его вовремя, но вовремя и подтяни крепко. От веков в великой русской армии новобранцу был первым учителем, и помощником, и заступником его дядька-земляк».

Свидетельство о шефстве старших над младшими мы находим и среди воспоминаний выпускников Алексеевского училища 1914 года: «...юнкера старшего курса стали нашими

“дядьками”. У каждого молодого свой инструктор “господин старший” и, конечно, начальство: фельдфебель, взводные, отделенные и прочие должностные лица. Все эти “господа подпоручики” начали нас муштровать и приучать к военной дисциплине, довольно суровой, дабы удалить нежелательный и неприглядный к военной службе элемент».

В том же рассказе проскакивает слово «цукать», но уже получившее иной смысл. Теперь оно означало сделанное новичку замечание с добавлением слов: «доложите вашему взводному, отделенному». Следствием было наказание, но строго по уставу. О каких-либо издевательствах не могло быть и речи.

В этом отношении интересна позиция помощника по строевой части начальника Алексеевского училища полковника А. М. Попова. Вот как, по воспоминаниям А. М. Василевского, он прививал будущим офицерам осознанное понимание воинской дисциплины: «Встречая выпускников, замиравших перед ним “во фронт”, он обязательно спрашивал, стояли ли они под ружьем. И если слышал в ответ “нет”, тут же отправлял юнкеров под ружье с полной выкладкой, говоря при этом: “Как же вы будете наказывать других, не испытав этого сами?”»

Училищная жизнь юнкеров была четко расписана, но это не вызывало чувства утраты свободы. В мемуарах «Путь к правде» П. П. Шостаковский писал, что после кадетского корпуса он, наоборот, ощутил себя вольной птицей: «Корпусной режим казался мне тюремным, и все шесть лет я чувствовал себя узником. В училище мне стало вольготно, словно меня выпустили из клетки: гуляй в свободные часы по всему зданию, смотри в окно сколько хочешь, читай что хочешь, занимайся или бей баклуши — одним словом, не жизнь, а масленица».

Возможно, юнкера Алексеевского училища, попавшие после гражданской вольницы в жесткие рамки военной дисциплины, считали по-другому, но все подчинялись новому укладу жизни безоговорочно. Распорядок дня, по описанию

Б. М. Шапошникова, был следующий: «...подъем в 6.30 утра под барабан или по специальному рожку, до 7 часов утра туалет и заправка постелей, в 7.30 взводы выстраивались на утренний осмотр, производимый взводными командирами, после чего по полуротно шли в столовую на утренний чай (давалась кружка чаю, хороший кусок белого хлеба и два куса сахару).

После утреннего чая юнкера самостоятельно расходились по классам. Занятия начинались в 8.30 и продолжались до 2 часов дня с большой переменной в 11 часов, во время которой давался горячий завтрак — обычно котлета с черным хлебом, кружка чаю и два куса сахару.

С 2 часов до 4 проводились строевые занятия в манеже или в примыкающем к училищу небольшом дворе. В 4 часа роты возвращались в свои помещения, снимали скатки, патронташи, ставили винтовки в пирамиды, мыли руки и строем шли на обед. Обед состоял из тарелки шей с мясом, второго блюда — котлеты или форшмака и т. д.; по праздничным дням и один раз среди недели давалось сладкое. Каждая рота имела свои столы, и каждый юнкер сидел на своем постоянном месте. Портупей-юнкера занимали концы столов. Они были раздатчиками пищи.

Обед кончался к 5 часам дня, после чего разрешалось по-лежать в течение полутора часов. С 18.30 до 20.00 каждый самостоятельно занимался в классе подготовкой уроков на следующий день. В 8 часов вечера роты выстраивались и шли на вечерний чай (кружка чаю с белым хлебом), а затем по полуротно в своих помещениях выстраивались на вечернюю пере-кличку и молитву. Зачитывались приказы, отдавались распоряжения, объявлялся наряд на следующий день. С 21.00 до 22.30 юнкера находились в своих помещениях или в читальне. В это время разрешалось заниматься и в классах подготовкой уроков. Без четверти одиннадцать все ложились спать».

Видимо, со временем в распорядок были внесены коррек-тивы. По описанию П. А. Нечаева, барабан бил повестку в

5.45, и в 6.00 юнкера вскакивали «пулей» по подъему. Завтрак был ровно в 12.00. Попавшие «под винтовку» отстаивали свой час во время послеобеденного отдыха. Лампы гасили в 22.00, оставляя только ночники.

«До осени 1909 г. в училище было керосиновое освещение, — делился воспоминаниями один из алексеевцев, — лампы зажигал пожилой человек, Андрей Иванович (бывший барабанщик училища), и мы в шутку при его появлении хором говорили: “Андрею Ивановичу — сорок одно с кисточкой!” (это московское приказчиье приветствие людям ниже своего достоинства, на что он очень охотно отвечал: “с красненькой, хэ, хэ, хэ!..” Если же кто-нибудь ему вслед говорил “поджигатель!”, то он обижался и что-то бормотал себе под нос».

Учились юнкера, в подавляющем своем большинстве, охотно. П. П. Шостаковский писал: «Александровское военное училище в Москве пользовалось репутацией либерального. Считалось, что офицеры из него выходили образованные и... “свободомыслящие”. Неизвестно, как и когда установилась такая репутация, но сложилась она до того прочно, что из всех российских кадетских корпусов в училище съезжались кадеты, предпочитавшие учение тупой военной муштры».

Высокий уровень преподавания в Алексеевском училище отмечал Б. М. Шапошников. В своих воспоминаниях он приводил и такой факт: одно время в их училище стали принимать выпускников кадетских корпусов, поскольку в Александровском не хватало мест. Но очень скоро военное министерство отказалось от такой практики. Выяснилось, что, в отличие от «штатских», у кадетов школьная подготовка была гораздо ниже, поэтому у них наблюдалось непреодолимое отставание в учебе.

В течение двух лет юнкера получали глубокие знания по военным дисциплинам и общеобразовательным предметам: математике, химии, физике, словесности, иностранным языкам. Например, в Александровском училище в свое время препода-

вали такие известные ученые, как экономист А. И. Чупров, историки С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, В. И. Герье.

С большим уважением вспоминал Б. М. Шапошников своих преподавателей, читавших лекции на высоком научном уровне. Даже учитель Закона Божьего, священник училищной церкви Потехин по-своему старался расширить кругозор юнкеров: «Мы звали его “майором”¹, хотя такого чина в армии не было. “Майор” Потехин на первом же уроке заявил, что Закон Божий нам известен и мы легко подготовимся к экзамену, а он лучше прочитает нам отрывки из русской истории, и начал их читать... с убийства Павла I, рассказав это событие по запискам Зубова, только что вышедшим тогда в Париже на французском языке. Все лекции этого оригинального «майора» мы слушали с большим вниманием и, к чести юнкеров, за стены класса их не выносили, так что до ушей начальства о них ничего не доходило».

Метод занятий в военных училищах был лекционный. Усвоение материала преподаватели проверяли на так называемых «репетициях» — классных часах, полностью посвященных опросу. Оценки ставили по 12-балльной системе. Каждое полугодие юнкера сдавали зачеты, а по итогам года — экзамены. На младшем курсе неуспевающих отчисляли в войска вольноопределяющимися, на старшем — выпускали в чине унтер-офицера.

Во время ответа у доски юнкера должны были вести себя по правилам строевого устава. Отставленная нога или жестикация могли быть истолкованы как проявление неуважения к начальству. Даже священник, преподаватель Закона Божьего, имел дисциплинарные права командира роты, и ему полагалось подавать команду «Смирно!». Попутно заметим, что для юнкеров других конфессий в штате училищ имелись духовные наставники одной с ними веры.

¹ «Майорами» еще называли юнкеров, которые по болезни переходили доучиваться на младший курс.

По отзывам юнкеров, окончивших училища в мирное время, учеба не требовала чрезмерных усилий. Достаточно было просто не лениться, чтобы получать хорошие оценки. Гораздо труднее пришлось молодым людям, поступившим в военное время на четырехмесячный курс обучения.

Несмотря на сильное сокращение программы (были исключены долговременная фортификация, инструментальные съемки, военная история, военная география, законоведение, химия и т. п.), объем учебного материала оставался огромным. Например, по пометкам в учебнике тактики юнкера военной поры установили, что к одной репетиции им приходилось штудировать столько страниц, сколько раньше осваивали за четыре занятия.

Авторам довелось полистать солидный том — «Руководство для подготовки к экзамену на чин прапорщика пехоты, кавалерии и артиллерии», — и мы были вынуждены признать, что вряд ли смогли бы за четыре месяца заучить все в нем изложенное. Недаром во время войны юнкерам приходилось заниматься по 16 часов в сутки. На старшем курсе (вторая половина четырехмесячного цикла) юнкерам разрешалось для зубрежки вставать за один-два часа до общей побудки.

В той ситуации юнкерам в какой-то мере помогала снисходительность некоторых наставников. Алексеевцы с теплотой вспоминали о преподавателе военной гигиены докторе Чернявском. Немного чудаковатый¹, он на экзамене мог «санитарам» и «носильщикам» с ходу поставить 8—9 баллов, а тому, кого несли на носилках, — все 12. Единственное, что он терпеть не мог: когда бывшие медики, пытаясь блеснуть знаниями, начинали сыпать латынью. Таких Чернявский срезал беспощадно.

¹ На замечание начальника Главного управления военно-учебных заведений великого князя Константина Константиновича, обратившего внимание на неприглядный вид лагерного лазарета, Чернявский ответил: «Что же вы, ваше императорское высочество, хотите, чтобы здание, намазанное г..., блестело?»

Другим благодетелем, оставившим о себе добрую память в сердцах юнкеров, был полковник Мастыко. Казалось бы, скучный предмет — военную администрацию — он читал с блеском, приводя в качестве примеров массу исторических анекдотов и бытовых случаев. Юнкера ждали его уроков с нетерпением. Но главное, полковник Мастыко и на экзамене был крайне лоялен. На письменных испытаниях достаточно было ответить на один вопрос из двух либо написать: «сдаюсь на капитуляцию». Тогда юнкер получал дополнительный вопрос, ответив на который, зарабатывал положительную оценку. Неудовлетворительный балл выставлялся только за «шпионство» — попытку заглянуть в учебник или в листок соседа.

Совсем иным по характеру был подполковник Каменцев, по прозвищу Пушка.

«На лекциях он никого не спрашивал, а только прекрасно преподавал артиллерию, — рассказывал бывший юнкер военного времени. — Рост он имел маленький, волосы черные, большую бороду, расчесанную на две стороны, всегда был любезен, но то, что мы слышали и увидели на экзамене, превзошло наши ожидания. Это была, действительно, стреляющая “пушка”, малейшая ошибка в ответе вызывала бешеный крик, и лежащим на столе штыком он колотил по столу изо всех своих сил. От такого крика многие юнкера терялись и отвечали еще хуже, а он колотил еще сильнее, и крик его переходил в визг».

Характерно, что не успевающим по артиллерии приказом начальника училища отметки были подняты до проходных семи баллов. Скорее всего он мудро рассудил, что от пехотных офицеров, большинство которых может не пережить и первого боя, не стоит требовать досконального знания артиллерийского дела. А юнкера, в свою очередь, успокоились и уже не цепенели от крика подполковника.

«Самое страшное в пехоте — артиллерия». Эта пословица, по свидетельству Бориса Зайцева, была в ходу и среди алек-

сандровцев. Им, судя по рассказу писателя, артиллерийское дело тоже давалось нелегко:

«...в Александровском пехотном артиллерийский полковник Александер: живой, бодрый, пятидесятилетний человек, бодростью-то и нагонял на юнкеров ужас.

— Юнкер, чем же пушка отличается от гаубицы?

Ему почти весело, он того гляди захохочет, а пехотинец по-малкивает.

— А какова траектория?..

Юнкер краснеет. Полковник же чувствует себя превосходно.

— Юнкер, если не умеете говорить, может быть, нам споете?

Юнкер и петь не умеет. Юнкер не знает ничего и о взрывчатых веществах...

— Следующий!

Полковник совсем развеселился. Радостно ставит ноль».

Словно в компенсацию за сурового артиллериста судьба послала александровцам преподавателя фортификации — настоящего благодетеля. Благодаря мягкости его характера сложная военная премудрость переставала быть непреодолимым препятствием к получению заветных офицерских погон. Вот как в изображении все того же Бориса Зайцева выглядела одна из репетиций по инженерному делу:

«Зато ученийший и старенький генерал по фортификации, кротостью больше походивший на монаха, подвергался беззастенчивым жульничествам. Правда, предмет его трудный. Хорошо ему, старичку в золотых погонах зигзагами, всю жизнь рисовавшему всякие брустверы да блиндажи: он-то их наизусть помнит, вероятно, во сне способен изобразить какое-нибудь “укрытие”».

А мы только укрываемся от разных репетиций... — да и вообще, разве можно такую науку, инженерно-строительную, усвоить в четыре месяца? Выход простой: самопомощь.

Пока генерал грустно объясняет что-то слабым, как у ветхого священника, голосом юнкеру у одной доски, к другим доскам, где томятся два других юнкера, летят подкрепления:

выданные странички из лекций.

— Господа, прошу потише!

Бывает так, что стрела с подкреплением упадет у самых ног генерала или он обернется в ту минуту, когда юнкер Гушин вслух читает бестолковому юнкеру Гундасову страницу учебника.

— Па-а-громче! Не слыш-но! Па-жалуйста, па-а-громче!

Генерал страдальчески вздыхает.

— Господа, я принужден буду налагать взыскание...

Все вытягиваются, лица беспредельно постны, добродетельны. Ни в какие генеральские взыскания никто не верит. Но конец странички Гушин через несколько минут читает все же тише.

— Па-а-громче! — слышится от доски.— Па-жа-луй-ста, па-а-громче!»

Вот так, по-школярски, осваивали юнкера военные премудрости. Ускоренное изучение строевого и полевого устава, небольшая практика в обучении солдат запасных полков, короткие полевые занятия, немного страданий на экзаменах — и готов прапорщик пехоты.

«Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, по устаревшим программам, — констатировал А. М. Василевский. — Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях полевых заграждений, с новыми типами тяжелой артиллерии, с различными заграничными системами ручных гранат (кроме русской жестяной “бутылочки”) и элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили и с принципами взаимодействия родов войск. Не только классные, но и полевые занятия носили больше теоретический, чем практический характер. Зато много внимания уделялось строевой муштре».

Однокашник будущего советского маршала, П. А. Нечаев, тем не менее с пиететом вспоминал о выпусках военного времени: «Доучиваться и совершенствоваться нам предоставлялось прямо на фронте, для которого нас, собственно, и гото-

вили, и можно с уверенностью сказать, что прапорщики армейской пехоты военного времени блестяще оправдали себя и с честью выдержали “экзамен”».

Но для того чтобы попасть во «фронтовую академию», юнкерам предстояло пройти через «разбор вакансий». По сути своей, это выражение обозначало систему распределения офицеров-выпускников по воинским частям.

В мирное время это происходило по давно сложившейся системе. Уже в январе юнкера старшего курса начинали обсуждать места будущей службы, характеристики полков, достоинства и недостатки мест их расположения. Каждый обзаводился справочником «Краткое расписание сухопутных сил», откуда можно было узнать о дислокации каждой воинской части.

Потомственные дворяне могли занимать вакансии в гвардейский полках (это давало хорошие возможности для карьерного роста), но последнее слово оставалось за офицерским собранием. Малейшее пятнышко на репутации, и о гвардии следовало забыть навсегда. Специальные делегаты приезжали в училища беседовать с желающими стать гвардейскими офицерами. «Наш командир роты капитан Ткачук, — вспоминал П. А. Нечаев, — часто, не стеснясь, возмущался этими “разговорами” с юнкерами. “Это лошадиный смотр! Что же я, командир роты, не могу выбрать, кого можно послать в гвардию? Это возмутительно!”»

В феврале юнкера заказывали портным офицерскую форму. В описании Б. М. Шапошникова это выглядело так:

«Составлялись списки, кто и у какого портного хочет себе шить, и затем само училище сообщало этим портным списки юнкеров, желающих обмундироваться у них. Мы же шли к этим портным, выбирали сукно, с нас снимали мерку и постепенно приступали к выполнению заказа. Каждому юнкеру на обмундирование отпускалось из казны 300 рублей. На эти деньги обычно шили мундир с шароварами, сюртук с двумя парами длинных брюк, шинель, два летних кителя, фуражку,

барашковую шапку, две пары сапог, пару штиблет. Из этой же суммы заказывались эполеты, погоны и докупалось оружие — шашка и револьвер. Белье также входило в этот расчет. Кроме того, заказывался так называемый офицерский сундук для перевозки обмундирования».

Во время войны набор офицерских вещей изменился, хотя на него отпускалось казной все те же 300 рублей. Отправляясь на фронт, прапорщик был обязан иметь: две пары галунных и две пары суконных погон, суконную фуражку с козырьком защитного цвета, папаху серого каракуля, шинель солдатского сукна и образца (с крючками вместо пуговиц), защитный китель-мундир, темно-зеленые диагоналевые шаровары с красным кантом, две пары сапог (походные и выходные), ременное снаряжение. Кроме того, в его походном чемодане-кровати должны были быть: непромокаемый плащ, защитная суконная гимнастерка, к ней такие же шаровары, двубортная кожаная куртка, кожаные перчатки, шерстяной свитер, три пары нижнего белья, полотенца, носовые платки.

Понятно, что эти предметы обмундирования уже не шили на заказ, а покупали готовыми либо в магазинах офицерских вещей, либо на «ярмарках», которые устраивали поставщики в училищных манежах. Там юнкера могли подобрать себе предметы обмундирования нужного качества и по подходящей цене. Если комплект обходился дороже трехсот рублей, юнкер доплачивал из своего кармана. Если дешевле — получал разницу деньгами, которые, как правило, тратил на покупку памятной вещи: часов-браслета, портсигара или училищного нагрудного знака.

Еще сто рублей полагалось на покупку шашки, револьвера, бинокля и компаса, но эти вещи военное ведомство выдавало «натурой», получая взамен подписи в соответствующих ведомостях.

Такой порядок был установлен после безобразий, творившихся в первые дни войны. Когда сотни офицеров, призванных из запаса, кинулись приобретать оружие и снаряжение,

продавцы немедленно взвинтили цены. Так, «Московский листок» писал в июле 1914 года: «...в некоторых магазинах, торгующих офицерскими вещами, запрашивают с запасных за шашку, стоящую обыкновенно 7—8 руб., по 40 руб., за револьверы Нагана, стоящие с патронами по 25 руб., — по 75 руб. За фуражку требуют 4 руб. 50 коп., тогда как она стоит 1 руб. 50 коп. За кобуру для револьвера требуют 5 руб., за брезентовую накидку — 30 руб. и т. д. Офицеры решили обратиться к г. главноначальствующему с просьбой о защите их от разнузданности продавцов, запрашивающих такие сумасшедшие деньги».

«Московские ведомости» того же периода называли действия торговцев, поднявших цены почти на 400 процентов, «развратом» и «злым лихоимством». А как еще можно назвать продавца, который за саблю, вчера стоившую 13—16 рублей, дерет вчетверо дороже? И с кого — с офицера, отправляющегося на фронт!

Но если шашки поставляли со Златоустинского завода, то с цейсовскими биноклями (а других не было) дело обстояло совсем плохо. Цена их с 40 рублей взлетела до 200. Так что не каждый офицер мог купить этот предмет снаряжения. Гласный Городской думы А. Н. Шамин даже вышел с обращением закупить за счет города штук 50 биноклей и послать их в действующую армию.

А пока отцы города решали, руку помощи офицерам протянули нижние чины. На фронте появился вид промысла: хождение к противнику за биноклями. По ночам солдаты лазили во вражеские окопы, откуда за скромное вознаграждение (в пределах довоенных цен) доставляли офицерам желанные оптические приборы. При этом интересовались: «Вам, ваше благородие, какой бинокль добыть: офицерский или унтер-офицерский?»

Но вернемся к рассказу о разборе вакансий. После выпускных экзаменов юнкера получали на руки два документа. Один был присланным в училище перечнем вакансий в воинских ча-

стях, другой — списком выпускников, расставленных в зависимости от успехов в учебе: сначала фельдфебели и портупей-юнкеры, затем просто отличники, далее — по нисходящей. Чем меньше средний балл, тем ближе к концу списка. Вот в этой очередности и выбирали юнкера будущее место службы.

«Всего только три дня было дано господам обер-офицерам на ознакомление с этими листами и на размышления о выборе полка, — описывал А. И. Куприн волнение, охватывавшее юнкера в тот момент. — И нельзя сказать, чтобы этот выбор был очень легким. (...)

Хотелось бы выйти в полк, стоящий поблизости к родному дому. Теплый уют и все прелести домашнего гнезда еще сильно говорили в сердцах этих юных двадцатилетних воинов.

Хорошо было выбрать полк, стоящий в губернском городе или, по крайней мере, в большом и богатом уездном, где хорошее общество, красивые женщины, знакомства, балы, охота и мало ли чего еще из земных благ.

Пленила воображение и относительная близость к одной из столиц; особенно москвичей удручала мысль расстаться ненадолго с великим княжеством Московским, с его семью холмами, с сорока сороками церквей, с Кремлем и Москва-рекой. Со всем крепко устоявшимся свободным, милым и густым московским бытом.

Но такие вакансии бывали редкостью».

О том, как судьба послала ему первое место службы, вспоминал Б. М. Шапошников: «Из составленного мною списка 13-й гренадерский Эриванский и 1-й Восточно-Сибирский полки были взяты фельдфебелями, таким образом, я оказался будущим подпоручиком 1-го стрелкового Туркестанского батальона со стоянкой в Ташкенте».

В тех же мемуарах описан типичный подход к выбору полка со стороны выпускников, стоявших в конце списка: «...юнкер, старательно вычеркивавший много взятых перед ним вакансий, смешался, и когда его вызвали и спросили, в какой полк он желает выйти, он назвал один из полков, который

уже был взят. Узнав об этом, он долго молчал. Когда все же от него потребовали сказать, какой же полк он берет, то юнкер заявил: “Безразлично какой, лишь бы фуражка была с белым околышем!” Под дружный хохот аудитории наконец в списке нашли ему такой полк, и на вопрос начальника училища, почему именно ему захотелось идти в этот полк, юнкер ответил: “Фуражку уже такую заказал!” Раздался еще более громкий хохот».

Во время войны в разбор вакансий добавился элемент неопределенности. Выходившие в пехоту могли выбирать лишь запасной батальон, откуда вместе с пополнением уходили на фронт, не зная заранее, в какой полк они попадут. Немного легче было отличникам, которые расхватывали назначения в специальные войска, и тем, кого ожидали именные вакансии.

Как в мирное время, так и в военное самым радостным моментом жизни для юнкеров было производство в офицеры.

До войны александровцы и алексеевцы встречали весть об этом, находясь в летних лагерях близ Ходынского поля. Почтальона, доставлявшего поздравительную царскую телеграмму, традиционно одаривали деньгами. По другой неизменно соблюдаемой традиции горнист вместо обычного трубил «офицерский» сбор, за что так же неизменно шел под арест.

Выслушав текст телеграммы и прокричав «ура», юнкера бежали переодеваться в офицерскую форму. С этого момента они из нижних чинов превращались в подпоручиков. Быстро разбившись на компании, молодые офицеры отправлялись в московские рестораны праздновать первые звездочки на погонах. Отмечать это радостное событие (опять же по традиции) разрешалось три дня.

У юнкеров ускоренного курса производство происходило иначе, но не менее волнующе. Вот как оно сохранилось в памяти выпускника Алексеевского училища:

«С утра мы все, юнкера старшего курса, одеты во все свое, офицерское: защитного сукна гимнастерки и шаровары, только с юнкерскими погонами. Все казенное обмундирова-

ние сдали каптенармусу.

Наконец приказ строиться, и нас в последний раз строем юнкеров ведут на молебен в церковь. Краткая церковная служба, нас снова выстраивают перед церковью, появляется начальник училища генерал Хамин с Высочайшей телеграммой и поздравляет нас с производством в прапорщики. Радостное, несмолкаемое “ура!” служит ему ответом, подается команда, и мы, уже не строем, перегоняя друг друга, весело мчимся в свои роты, чтобы как можно скорее переменить погоны и надеть шашку.

Итак, мы — офицеры Российской Императорской армии. Как раз 12 часов дня, час завтрака, нам любезно предлагают позавтракать последний раз вместе с юнкерами. Охотно принимаем приглашение, чинно спускаемся в манеж и занимаем свои места. Вот тут-то только начинаешь чувствовать, как дороги нам стены нашей славной школы и как грустно с ней расставаться.

После завтрака следует процедура выдачи ротными командирами причитающихся нам денег, получения предписаний и послужных списков, прощание с нашими курсовыми офицерами, и наконец мы свободны и покидаем училище.

По традиции училища первому солдату, который отдаст честь вновь испеченному нашего училища вне стен его, полагалось давать деньги. И вот, выйдя из училища (нас было человек пять), мы тут же на мосту через Язузу встретили первого солдата, лихо нам козырнувшего. Подозвав его к себе, мы начали давать ему деньги, конечно к неописуемому его удивлению. Получив что-то около тридцати рублей, по тем временам сумму немалую, совершенно не зная за что, он, вероятно, был весьма поражен и долго оглядывался нам вслед».

Прапорщики военного времени выходили из училищ с перспективой через восемь месяцев службы быть произведенными в чин подпоручика. Для отличившихся в бою в качестве награды это могло произойти в любое время.

Молодые офицеры разъезжались по местам назначения, и

Прапорщик А. В. Каптелин перед отправкой на фронт

многим из них уже не доводилось встречать бывших однокашников. Правда, у александровцев существовала возможность получить сведения о друзьях или оставить им весточку о себе. Сделать это они могли в кофейне братьев Савостьяновых на Арбатской площади (в доме № 2 по дореволюционной нумерации).

Заведение, располагавшееся неподалеку от Александров-

ского училища, пользовалось среди юнкеров большой популярностью. А выпускникам училища оно служило своеобразным клубом и информационным центром. Бывая в Москве, офицеры обязательно заходили в савостьяновскую кофейню, чтобы на вывешенных там плакатах чиркнуть друзьям пару строк и отыскать среди подобных записей послание от друзей. Братья Савостьяновы говорили, что сохраняют все эти материалы для будущего музея Великой войны.

Кроме военных училищ, герои-фронтовики из числа нижних чинов получали подготовку для сдачи офицерского экзамена в специальных школах прапорщиков. В Москве таких школ было шесть. Об одной из них, Четвертой, опубликовал воспоминания в журнале «Военная быль» кадровый офицер А. Г. Невзоров:

«Школа состояла из двух рот, по 250 человек в каждой. Офицерский состав был из боевых офицеров 1-й Великой войны. Большинство из них были инвалидами. Были и георгиевские кавалеры. Но инвалидность офицеров была такова, что не мешала им заниматься строем в условиях мирного времени. Например, капитан С. был ранен в пятку правой ноги и не мог ступать на эту пятку. Штабс-капитан М. ранен в кисть левой руки, но мог делать что-либо одной правой рукой. У поручика Л. не сгибалась левая рука от ранения в локоть и т. д., все в таком же духе.

Начальником школы был полковник Л. А. Шашковский. Это был в высшей степени образованный и гуманный человек, но с довольно своеобразными взглядами. При приеме молодых людей в школу для прохождения курса первое, что он делал, — это давал всем поступающим написать свою биографию. Во-первых, по этой биографии он узнавал степень грамотности поступающего, а также его специальность. Если оказывался кто-либо, кто служил раньше лакеем в ресторане, на вокзале или еще что-либо в этом роде, то такой человек моментально откомандировывался в полк. Полковник Шашковский говорил: “Приму крестьянина, рабочего, но не ла-

кея". Полковник Шашковский немного отстал от строевой службы, так как почти 30 лет был сначала воспитателем, а потом ротным командиром в 3-м Московском кадетском корпусе. Как начальник школы и воспитатель будущих офицеров он был незаменим.

Постоянному командному составу было работы много. Кроме строя, стрельбы, маневров, мы должны были читать лекции по топографии, тактике, стрелковому делу и уставам. Артиллерийское и инженерное дело читали специально приглашенные офицеры. Работать приходилось по 10—11 часов в сутки. Вначале в школу принимались люди без среднего образования. Достаточно было 4-х классов городского училища, гимназии или были еще какие-то школы 1864 года, которые давали права вольноопределяющегося 2-го разряда. Все эти люди уже побывали на фронте, среди них были и георгиевские кавалеры. Это был набор, с которым было легко работать. Они уже были знакомы с военной службой, и прапорщичья звездочка была для них заветным достижением. Потом начали присылать с фронта подпрапорщиков с полной колодкой Георгиевских крестов и медалей. Тут были и пехотные, артиллерийские и кавалерийские подпрапорщики. Был один воздухоплаватель. Все это люди, которым надо было получить чин прапорщика, и по окончании школы они как специалисты возвращались в свои части. (...)

Каждые два месяца приезжал командующий войсками Московского военного округа генерал Мрозовский. Производил очередной выпуск в прапорщики. Старший курс, произведенный в прапорщики, разобрав вакансии, разъезжался по своим запасным батальонам. А оттуда с маршевыми ротами отправлялись на фронт. От каждого взвода выпускаемых оставалось при школе, по выбору взводного офицера, по два прапорщика, которые были помощниками взводного офицера. Выбирались, конечно, лучшие. Они были очень хорошими помощниками. Оставались они в школе 4 месяца, а затем отправлялись в один из запасных батальонов».

Стоит отметить, что с началом войны, когда было резко увеличено число юнкеров, в Алексеевском училище также были введены должности помощников курсовых офицеров. Их предлагали занять выпускникам-прапорщикам, прекрасно себя зарекомендовавшим во время учебы. П. А. Нечаев упоминает, что такие офицеры считались прикомандированными на неопределенный срок. Некоторые из них, прослужив при училище год, получили чин подпоручика и были награждены орденом Св. Станислава (но без мечей — т. е. как за гражданскую службу).

Остается сказать, что в сентябре 1914 года специальным приказом императора было введено производство в офицеры прямо на театре военных действий. Командующие фронтами и армий получили право без экзаменов производить в прапорщики солдат и унтер-офицеров, показавших в боях храбрость и имевших соответствующий образовательный ценз. Царь затем лишь утверждал списки Высочайшим приказом.

Встречу на улицах Москвы с таким офицером, получившим погоны со звездочкой через два месяца пребывания на фронте, описал журналист газеты «Утро России»:

«На него обращают внимание все и всюду, где бы он ни появился. Слишком разительный контраст — эта папаха, сурово нависшая над бровями, и эти глаза, такие безмятежные, юные, с золотыми огоньками.

Конечно, Георгиевский крест — и офицерское снаряжение. Кожаные ремни на детских плечах. Да сколько же ему лет, наконец? Это — самый юный офицер в российской армии. (...)

Большая диковинка, этот юноша в офицерской форме, и за ним следуют толпы зевак, а он двигается в толпе спокойно и не спеша, и ни один мускул у него в лице не дрогнет».

История пятнадцатилетнего прапорщика оказалась проста. Бросил гимназию и отправился на фронт добровольцем. Проводя разведку, вместе с пятью товарищами захватил австрийскую батарею, за что был награжден Георгиевским крес-

том и чином старшего унтер-офицера. А в одном из боев, когда выбыли из строя все офицеры, поднял роту в атаку и захватил вражеские окопы. За этот подвиг он и получил офицерские погоны.

Забавно, что для юного прапорщика страшнее противника оказалась назойливая московская публика:

«Он вспыхивает и вспоминает:

— А вчера... Я был в театре. Подходит ко мне какая-то дама в фойе и смеется и предлагает: Что хотите, розу или апельсин?

— Ну и что же вы выбрали?

— Апельсин. Только оказался скверный, кислятина. И уже потом мне сказали, что это была насмешка. Свиньи!

От обиды он закусывает губу, а папаха еще суровее наползает на брови».

Без экзаменов могли получить офицерский чин полные георгиевские кавалеры¹ — так стал прапорщиком в феврале 1917 года Д. П. Оськин, находившийся на фронте с самого начала войны. Столь длительный срок объяснялся скорее всего невысоким уровнем образования героя.

А вот унтер-офицер И. И. Чернецов в январе 1915 года в письме к сестре сообщал, что ему достаточно сдать документы в полковую канцелярию, чтобы стать прапорщиком, и что в полку «уже многих произвели». Вот только выдавший виды фронтовик не очень-то спешил надеть офицерские погоны:

¹ Награждение солдатским Знаком отличия военного ордена (в просторечии «Георгием» или «егорием») и Георгиевской медалью производилось по нарастающей: от четвертой степени к первой. Обладателя полного комплекта обеих наград называли «полным георгиевским кавалером».

² В 1916 г. пехотные офицеры получили разрешение носить вместо шашек кортики. Бывалые офицеры оставляли холодное оружие в блиндажах и шли в атаку с револьвером и стеком — подгонять отстающих солдат. В начальный период войны вражеские стрелки отличали офицеров от солдат по отсутствию скатки.

«...дело в том, что все-таки есть разница (которая очень видна в бинокль) между прапорщиком и солдатом в общем строю. Здесь все офицеры ходят с шашками, а не с ружьями, а немцы специально бьют сперва офицеров². Я теперь и так команду полуротой (второй) — 100 человек, и по производстве разницы в этом не будет. Разница в получении жалованья: я получаю теперь 38 р. 75 к. и еще 1 р. 50 к., а прапорщики, наверное, вдвое (хорошо не знаю), но за жалованьем, конечно, в теперешнее время гнаться нечего, не такое время»¹.

Ускоренное производство в офицеры всех, кого только возможно, объяснялось огромными потерями, особенно в пехоте. В воспоминаниях Д. П. Оськина упоминается случай, когда из шести новоиспеченных прапорщиков, прибывших с пополнением, после первого же боя в строю остался лишь один. Остальные были либо убиты, либо ранены.

Об обыденности таких случаев свидетельствует приведенный Д. П. Оськиным разговор фронтовиков, состоявшийся осенью 1916 года: «Прапорщиков гонят пачками, и так же пачками они возвращаются обратно ранеными, контужеными, больными. Мало того, что они совершенно не обучены, но и абсолютно не развиты. Унтер-офицеры, прошедшие учебную команду или получившие это звание за отличия на фронте, в пять раз стоят выше этих прапорщиков».

Квазиофицеры новой волны, которые не могли похвастаться ни глубокими военными знаниями, ни общей культурой, получили на фронте прозвище «Володи». Это про них, не скрывая презрения, распевали куплет:

Как служил я в дворниках,
Звали меня Володя,
А теперь я прапорщик,
Ваше благородие.

¹ Цит. по: С е н я в с к а я Е. С. Человек на войне. М., 1997. С. 143.

Р. Коган-Венгеровская. Бравый вояка.
Набросок с натуры

Философ Ф. А. Степун, воевавший с 1914 года, считал, что «в этой скверной песенке скрыт целый ряд тем для очень мрачных социологических исследований». И делал вывод: «Володи губят нашу армию».

Уже летом 1915 года в прессе стали проскальзывать утверждения, что дух войск изменился. Так, в газете «Утро России» в качестве примера был приведен случай, произошедший во время наступления немцев. Запаниковав под натиском противника, солдаты принялись горячо обсуждать: то ли сдаваться в плен, то ли бежать в тыл. Молоденький прапорщик, единственный в роте из оставшихся в строю офицеров, вместо того чтобы вдохновить подчиненных на бой, упал на дно траншеи и зарыдал. Тогда солдаты из жалости (!) к юноше решили остаться и держать позицию.

Впрочем, удивляться здесь нечему. По подсчетам исследователей, в 1917 году в русской армии оставалось всего 4% офицеров, получивших военное образование до начала Первой мировой войны. Вместо погибших и искалеченных кадровых командиров в войска сплошным потоком шли «офицеры военного времени». Кто-то из них, вроде прапорщика Н. В. Крыленко, со всей страстью сторонника коммунистической доктрины старались «до основания» разрушить Российское государство. Другим пришлось пережить трагедию развала армии и Гражданской войны. Сотни тысяч из них были убиты большевиками только за то, что, желая защищать Отечество, они надели офицерские погоны.

Прологом к этому стали бои в Москве в октябре — ноябре 1917 года, когда по одну сторону баррикад оказались офицеры и юнкера, а по другую — рабочие и беднейшие массы». Но об этом мы расскажем

ЛАЗАРЕТЫ

*Прав, кто воюет, кто ест и пьет,
Бравый, послушный, немой.
Прав, кто оправился, вышел и пал,
Под терновой проволокой сильно дыша,
А после — в госпиталь светлый попал,
В толстые руки врача.*

Б. Ю. Поплавский

русские войска еще только собирались вторгнуться в Восточную Пруссию и вступить в сражение с немцами, а Москва уже начала готовиться к приему раненых. В конце июля 1914 года в помощь существующим военным госпиталям по инициативе общественных организаций началось создание частных лазаретов. К шестому августа их насчитывалось уже несколько десятков с общим количеством 1220 мест.

Москвичка Р. М. Хин-Гольдовская в августе 1914 года записала в дневнике:

«В смысле помощи раненым общество ведет себя изумительно. Все дают без конца. Составляются маленькие группы, чтобы устроить хоть какой-нибудь лазарет. (И мы с Над[енькой] и Эвой вошли в такую группу — и в первое же заседание членские взносы определились 850 р. в месяц)».

В другом дневнике — княгини Е. Н. Сайн-Витгенштейн — в те же дни появилась запись, отражавшая настроения московской аристократии:

«Мне кажется, я скоро добьюсь своего: работать.

Все эти последние дни мы были без дела и мучились этим. Зная, что наши братья “там”, посылая их на все трудности и опасности похода, мы должны что-нибудь делать, должны работать, чтобы заглушить страхи и беспокойства. Мы не можем ничего не делать, это общий крик среди всех наших знакомых. Кажется, все наши знакомые и друзья сейчас работают целыми днями: Таня Лопухина все дни проводит в своем коннозаводстве, где она одна из главных заправительниц склада; Женя, Ольга Стаховичи, Соня и Марина Гагарины, Ольга Матвеева слушают медицинские курсы и от 7 до 3 часов работают в госпиталях; Наташа Бобринская и Соня Новосильцева уехали с санитарным поездом на австрийский театр военных действий. Все молодые люди ушли как добровольцы, кто санитаром»¹.

Миллионер Д. П. Рябушинский распорядился развернуть госпиталь на 250 коек в принадлежавшем ему аэродинамическом институте в Кучине. В доме хорвата М. И. Гаранига на Петербургском шоссе и в здании Купеческого собрания на Малой Дмитровке были готовы принять по сто раненых. Свой особняк на той же улице Н. М. Миронов передал под лазарет на пятьдесят мест.

Открылось много небольших госпиталей, на 15–20 коек. Один из них, разместившийся в Милютинском переулке, был создан вскладчину — на средства сразу нескольких польских общественных организаций: «Благотворительного общества вспомоществования бедным римско-католического вероисповедания в Москве», «Союза польских женщин», «Дома польского», общества любителей хоровой музыки и пения «Лютня», «Польского гимнастического общества».

¹ К этой записи в 1917 г. Е. Н. Сайн-Витгенштейн сделала примечание: «Не все: некоторые ловчили, остались из трусости, другие “протестующие” — из протеста против правительства. Москва всегда была “Красной”, и даже тогда нашлись такие негодяи».

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

**В пользу раненых. Благотворительная продажа флажков
России и союзных государств**

На Арбате священник Н. А. Ромашков устроил лазарет на две койки.

Унтер-офицер Д. П. Оськин, попавший на лечение в один из небольших госпиталей, в своих «Записках солдата» описал его так:

«Лазарет, рассчитанный на восемь человек, содержался церковно-приходской общиной Знаменского района. Занимал он всего одну квартиру из семи комнат. Три из них были заняты кроватями для раненых, в четвертой жила фельдшерница Нина Алексеевна Марьева, а остальные были отведены под перевязочную, общую столовую и аптеку. (...) Жизнь в нашем лазарете была построена по-семейному. Мы все быстро познакомились друг с другом, часто вспоминали подробности различных боевых эпизодов, не задумываясь ни над характером войны, ни над тем, что предстоит нам в будущем».

Первый санитарный транспорт Москва встретила восьмого августа. Правда, торжественность момента немного испортило то обстоятельство, что среди прибывших воинов большинство были просто больны, и только четверо среди них — трое солдат и один офицер — получили настоящие боевые ранения на полях сражений.

Однако уже на следующий день москвичи увидели реальное лицо войны: к маленькой платформе станции Окружной железной дороги, откуда обычно отправляли поезда с арестантами, прибыл целый санитарный эшелон. По словам очевидца, паровозом с флагом «Красного Креста» у трубы была подтянута к дебаркадеру «длинная, кажущаяся бесконечной, цепь товарных вагонов».

«Кажется, весь Бутырский район собрался, — описывал встречу раненых репортер газеты «Утро России». — Преобладают рабочие, их жены и матери. Серьезные, сосредоточенные лица, у женщин на глазах слезы.

С трудом пробираясь в толпе, подъезжают автомобили членов московского автомобильного общества, взявшего на себя перевозку раненых в госпитали, стройными рядами про-

ходят санитары и студенты с повязками Красного Креста на руках — специальный студенческий санитарный отряд.

Платформа покрывается носилками. Возле них хлопочут сестры милосердия, приспособившая подушки на носилках, предназначенных для тяжелораненых.

Двери вагонов открываются; собравшиеся на платформе представители города, заведующие эвакуацией раненых, приветливо здороваются с солдатами».

Стоит отметить, что первые санитарные эшелоны встречали по-настоящему представительные делегации во главе с членом Государственной думы М. В. Челноковым (с сентября 1914 года московский городской голова) и князем Н. С. Щербатовым, председателем Московского автомобильного общества Красного Креста. В сопровождении главноначальствующего над Москвой генерала А. А. Адрианова на Александровский¹ вокзал приезжала великая княгиня Елизавета Федоровна.

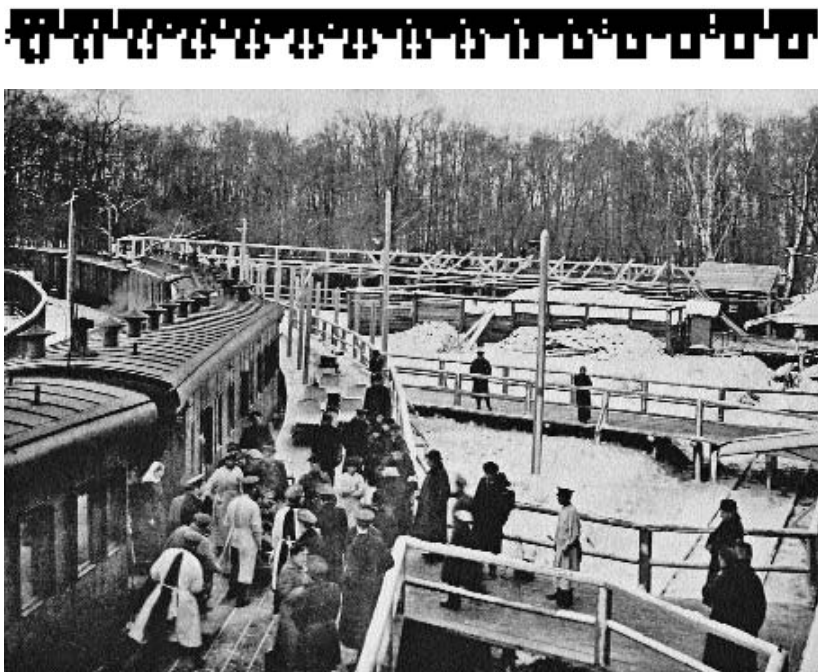
«Один за другим отъезжают от платформы автомобили, увозя раненых, — завершал рассказ корреспондент. — Тяжелораненых относят к остановке трамвая, в санитарные трамвайные вагоны. Толпа в благоговейном молчании обнажает головы.

Выносят раненого офицера. Приподнялся на локте, улыбается публике, но — видно ясно — нелегко дается ему эта улыбка...

Легко раненные солдаты поднимаются к автомобилям сами. По пути их встречает кн[ягиня] Щербатова, оделяет папиросами. Из публики раненым раздают конфеты, фрукты, папиросы, цветы...»

По сообщениям газет, громадная толпа москвичей встречала раненых на Александровском вокзале. Журналисты наперебой стремились передать мельчайшие детали пока что нового для Москвы явления, вроде сильного резкого запаха

¹ В настоящее время Белорусский вокзал. Ранее также носил названия: Смоленский, Брестский, Белорусско-Балтийский.

Прибытие санитарного поезда к распределительному госпиталю

йодоформа при приближении санитарного поезда. Или привезенные ранеными трофеи: немецкие походные сумочки с алюминиевыми стаканами и ложками, фляжки «такие же, как у русских, но несколько меньшие по размеру», офицерские каски с германским или австрийским орлом, оружие. Вид вражеского военного имущества в руках нового владельца вызывал в публике однозначную реакцию — громогласные крики «ура».

Не осталось незамеченным и некоторое нарушение служебного долга железнодорожными жандармами. Вот зарисовка с натуры, сделанная репортером «Утра России» при встрече поезда с ранеными офицерами:

«— Куда? Не приказано пускать. — И рослый, бравый жандарм с рыжими усами загораживает дорогу к заветной платформе. (...)»

Разгрузка санитарного поезда у распределительного госпиталя

К жандарму подходит бледная, измученная, с черными кругами под глазами, изящно одетая дама.

— Пропустите, пожалуйста, я... мне нужно... у меня муж на границе...

— Нельзя... — начинает жандарм, но потом вдруг поворачивается спиной и смотрит в другую сторону. Дама проскальзывает на платформу. Жандарм улыбается.

И много таких, ждущих с замиранием сердца:

— А может быть, и его привезли с этим поездом?»

Кто-то находил возможность «договориться» со стражем порядка, кто-то находил обходные пути, но в результате каждый раз на платформе было тесно от встречающих. Преобладали дамы с букетами роз или лилий и военные. Те, кому не удавалось пробраться на перрон, теснились в проходе к залам первого и второго классов.

Томительное, до глубокой ночи ожидание в конце концов вознаграждалось приходом поезда.

«Легко раненные офицеры вышли сами, — описывал корреспондент. — Появление первого из них, всего обмотанного повязками, вызывает в публике движение.

Дико вскрикивает какая-то дама, падает и бьется в истерику... Тяжелораненых приносят на носилках. Несмотря на раны, на испытанные лишения, вид у всех бодрый, веселый.

Оживленно рассказывают о том, как дрались, как гнали австрийцев. Публика слушает с замиранием сердца. Слышатся вопросы:

— Где такой-то?.. Встречались? Видели?

— Видел — жив, здоров...

— Такой-то?

— Не знаю, не видал...

— Нет, нет — вы знаете, вы должны знать... Неужели убит?.. Скажите, я не мать... я чужая...

Пожилая дама несказанно волнуется. Раненый офицер убеждает ее.

— Я сказал бы вам... Я не стал бы скрывать.

В ожидании отправки офицеров размещают в зале первого класса. И здесь их окружает толпа. Вопросы сыпятся один за другим».

После таких встреч кто-то из москвичей отправлялся домой, обнадеженный добрыми вестями от близких, но для кого-то слова раненых были первыми, до получения официального извещения, сообщениями о тяжелой утрате. Об одном из таких случаев — тягостном разговоре по телефону — рассказал московский журналист М. П. Кадиш:

«Говорила мать. Сын ее на войне.

— Мой Сережа... вы знаете... Я была на вокзале, встречала раненых. Там были из его полка... Спрашивала...

И опять:

— У нас, кажется, большое горе. Боюсь думать, не хочу верить...»

Студенты помогают раненым на Александровском вокзале

В громадной толпе, заполнявшей площадь у Александровского вокзала и тротуары Тверской улицы, царило иное настроение. Раненых встречали восторженными овациями, бросали в носилки цветы. В газетах утверждалось, что не только любопытство гонит москвичей каждый вечер взглянуть на раненых — «в этой толпе бьется народное сердце великой жалостью и вместе с тем великой гордостью». А в качестве примера фигурировала старушка в платочке, которая пробивалась к санитарному трамваю, зажав в руке два калача:

«— На, родимый, ешь на здоровье, — сует она калачи в вагон.

Студент-санитар берет калачи и передает раненым.

Нельзя не взять. Смертельно обидишь старушку».

Но если бы только калачами ограничивался энтузиазм москвичей. На совместном совещании Городской управы и Комиссии по мероприятиям в связи с войной было отмечено, что на носилки раненым из толпы кидали пакеты с лакомствами, яблоки и даже арбузы! Попадая по ранам, такие «подарки» приносили раненым новые страдания. Некоторые врачи утверждали, что и восторженные крики толпы на Тверской имели на тяжелораненых вредное воздействие. В итоге было решено обратиться через печать к москвичам с просьбой умирить пыл.

Кроме того, сотрудники лазаретов со страниц газет доводили до сведения публики, что раненые нуждаются в вещах более простых, чем печенье или конфеты из дорогих кондитерских. В госпиталях остро не хватало постельного и носильного белья, посуды. Из-за отсутствия ванн пациентов приходилось мыть прямо на полу возле кроватей. Табак, папиросная бумага, кисеты, чай, сахар порадовали бы солдат больше фруктов и букетов цветов.

В огромном количестве требовалась раненым форменная одежда, поскольку их гимнастерки и брюки, иссеченные осколками или разрезанные санитарями для скорейшего доступа к ранам, представляли собой никуда не годные лохмотья. Не так уж редки были случаи, когда в Москву привозили раненых русских солдат, прикрывавших наготу трофейными мундирами вражеских армий.

Снабжать раненых новой формой взял на себя обязанность кружок дам из высшего общества, организованный княгиней С. Н. Голицыной. На две тысячи рублей, пожертвованных Кредитным обществом, была закуплена материя. Фирма «Зингер» предоставила несколько машинок, а Политехнический музей — одну из аудиторий. Закройщики из модных магазинов помогли раскроить ткань. Первые партии готовой одежды отправляли в госпитали, но уже очень скоро

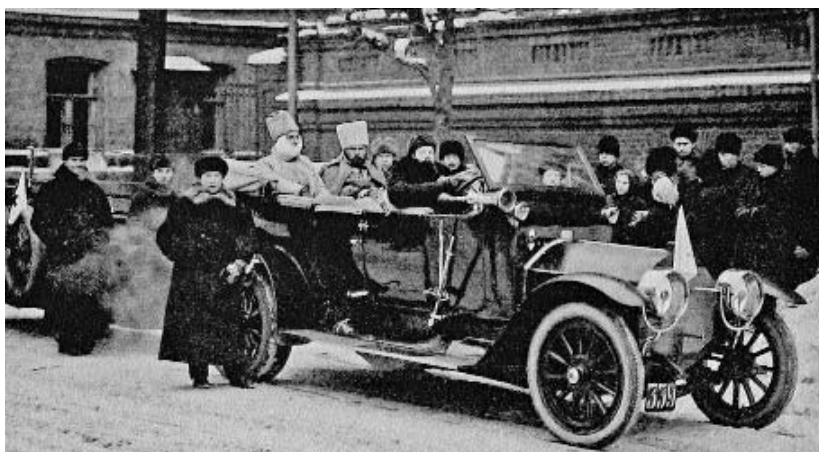
Раненые в санитарном вагоне трамвая

пошел такой наплыв просителей из числа легкораненых, что всю продукцию стали распределять на месте.

Впрочем, довольно скоро кружку княгини Голицыной пришлось сворачивать работу.

Средства заканчивались, а мануфактурные фирмы не спешили на помощь — зачем делать бесплатно то, за что можно было получить сверхприбыль? В то время на поставках в армию предприниматели богатели сказочно и в короткие сроки.

Менялось и настроение публики — уже к концу августа прибытие санитарных эшелонов, утратив новизну, превратилось в обыденное явление. Вместо изобилующих красочными подробностями репортажей газеты стали помещать хронику в две-три строчки: «Вчера с четырьмя поездами привезены в Москву раненые и больные воины. Раненых разместили в Москве». Эти поезда, приходившие главным образом по ночам, уже не встречала разряженная толпа, размахивавшая цветами и кричавшая «ура». Вот как описывал Константин

**Отправление раненых на автомобилях и в автомобильных фурах
из распределительных госпиталей в постоянные лазареты**

Паустовский в мемуарной «Повести о жизни» разгрузку санитарных эшелонов в начале осени 1914 года:

«Каждую ночь, часам к двум, когда жизнь в городе замирала, мы, трамвайщики, подавали к Брестскому вокзалу белые санитарные вагоны. Внутри вагонов были устроены подвесные пружинные койки.

Ждать приходилось долго. Мы курили около вагонов. Каждый раз к нам подходили женщины в теплых платках и робко спрашивали, скоро ли будут грузить раненых. Самые эти слова — «грузить раненых», то есть втаскивать в вагоны, как мертвый груз, живых, изодранных осколками людей, были одной из нелепостей, порожденных войной.

— Ждите! — отвечали мы. Женщины, вздохнув, отходили на тротуар, останавливались в тени и молча следили за тяжелой вокзальной дверью.

Женщины эти приходили к вокзалу на всякий случай — может быть, среди раненых найдется муж, брат, сын или однопольчанин родного человека и расскажет об его судьбе.

Все мы, кондукторы, люди разных возрастов, характеров и взглядов, больше всего боялись, чтобы какая-нибудь из этих женщин не нашла при нас родного искалеченного человека.

Когда в вокзальных дверях появлялись санитары с носилками, женщины бросались к ним, иступленно всматривались в почерневшие лица раненых и совали им в руки связки баранок, яблоки, пачки дешевых рассыпных папирос. Иные из женщин плакали от жалости. Раненые, сдерживая стоны, успокаивали женщин доходчивыми словами. Эти слова простой русский человек носит в себе про черный день и поверяет только такому же простому, своему человеку.

Раненых вносили в вагоны, и начинался томительный рейс через ночную Москву. Вожатые вели вагоны медленно и осторожно».

Раненых, в зависимости от их состояния, везли с вокзалов либо сразу в лазареты, либо на специальные пункты, где их мыли, кормили, перевязывали, а затем распределяли по част-

Перевозка раненых в трамвайных вагонах в постоянные лазареты

ным госпиталям. Д. П. Оськин, прошедший через распределительный пункт, вспоминал увиденное:

«После обеда в зале воцарилось оживление: приехали посетители из различных лазаретов и госпиталей, чтобы выбрать новых раненых взамен уже излеченных.

Среди прибывших в большинстве были дамы различного возраста и вида. На мой взгляд, почти все они принадлежали к крупной буржуазии или аристократии. Многие из них имели в руках лорнеты и, задерживаясь подле какой-нибудь из коек, направляли их на раненых. Разговаривали они между собой и с сопровождающими их молодыми людьми на каком-то не русском языке и лишь изредка вставляли русское слово или замечание.

Около меня остановились две дамы. Рассмотрев мою грудь, украшенную крестом, они только после этого соблаговолили обратить внимание и на физиономию.

Одна из них обратилась к другой, лопоча что-то на непонятном мне языке.

— Мы возьмем его, — сказала она в заключение по-русски, оборачиваясь к какому-то маменькиному сынку, который приятно улыбался каждому ее слову.

Посетительницы прошли дальше. Видимо, им надо было выбрать не одного человека, а нескольких».

В начале четвертой недели войны стало очевидно, что Москва не справляется с невиданно огромным потоком раненых воинов. Эшелон за эшелоном прибывали санитарные поезда. Госпитали военного ведомства были забиты под завязку. Помещения лазаретов, находившихся в ведении общественных организаций, удовлетворяли едва ли десятую часть от реальных потребностей.

Городской распределительный госпиталь в 1-м казенном
винном складе

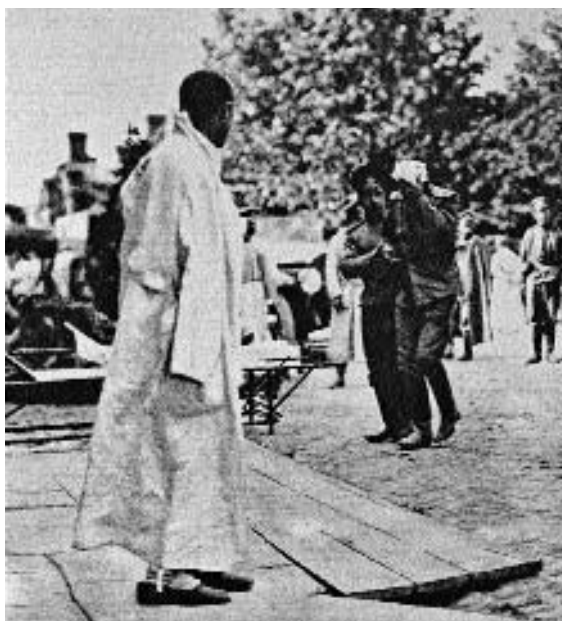
«Москва оказывается недостаточно подготовленной для быстрого и рационального размещения прибывающих в нее раненых, — сообщала в передовице газета “Утро России”. — В необъятной Москве, с ее громадными пустующими дворцами, с ее монастырями, общественными зданиями и залами, вдруг оказывается недостаток в помещениях. В наличных лазаретах не хватает кроватей, и раненых приходится размещать вповалку, на соломе и древесных стружках».

В той же статье была указана одна из главных причин возникшего кризиса — нераспорядительность чиновной бюрократии, которая не ассигновала вовремя необходимые средства, понадеявшись, видимо, на добровольные пожертвования. Газетчики выяснили и то, что до войны Красным Крестом было заготовлено всего 15 тысяч кроватей. С началом военных действий дополнительной закупкой соломы и белья собирались удвоить количество мест. Столь скромные цифры объяснялись тем, что заботу об основной массе раненых должны были взять на себя городские и земские организации ближайших к фронту тыловых местностей. Но масштаб кровавой бойни оказался неожиданно велик, прифронтовые города очень быстро исчерпали свои невеликие возможности, поэтому основной поток раненых был направлен в Москву.

Положение усугублялось еще тем обстоятельством, что из рук вон плохо было налажено разумное распределение раненых по разным губерниям. Например, газета отмечала: в Полтаве медицинские учреждения тщетно ждут пациентов, зато в срочном порядке открывают госпитали в Челябинске и Екатеринбурге.

Заканчивалась передовица «Утра России» пророческими словами, обращенными к высшей бюрократии: «Духа недовольства нельзя развивать среди болезненных, нервно настроенных людей. В тылу армии не место духу недовольства».

В Москве тем временем началось лихорадочное развертывание новых госпиталей, под которые занимали любые маломальски пригодные помещения. Прежде всего в лазареты пре-

На пороге госпиталя

вратились различные учебные заведения. Так, профессора, ассистенты и слушательницы Высших женских курсов трудились до изнеможения, но к полуночи 23 августа подготовили 600 коек. Не отстали их коллеги из университета Шанявского. С помощью добровольных помощников — уличных мальчишек, рьяно взявшихся за набивку соломой тюфяков, — они за три часа подготовились к приему нескольких сот раненых.

В квартире директора и в чертежной Императорского технического училища поставили 100 кроватей, а в студенческом общежитии — 350. Через два дня их количество увеличили до 500. Петропавловское училище превратилось в лазарет на 300 коек. Госпитали были открыты в Сельскохозяйственном институте, в Строгановском училище, в Училище зодчества и ваяния на Мясницкой, в здании Консерватории.

Лазарет при городском народном университете им. А. Л. Шанявского

Во Вдовьем доме в большой зале для торжественных собраний разместили больничные кровати. Старушки, помнившие еще Крымскую войну, застелили их белоснежным бельем. Срезав с клумб почти все астры, расставили по тумбочкам букеты. А когда привезли раненых, обитательницы Вдовьего дома с неожиданной энергией бросились за ними ухаживать.

«У каждого раненого явилось по несколько хлопотливых сиделок, — умилялся увиденным корреспондент. — Когда старушки научились так ходить за больными? Неужели это у них осталось со времен все той же знаменитой Севастопольской кампании?

Настоящим к этому делу приставленным сестрам милосердия не остается работы. Старушки бегают, суетятся. Солдаты не знают, как выказать свою благодарность. (...)

Перевязки были сделаны раньше, чем доктор успел распорядиться, — и с каким искусством! Точно эти руки никогда не знали ничего другого, как только перевязывать раненых».

Раненых помещали везде, где только было возможно, — в московских монастырях¹, в народных домах, при музее Александра III, в популярных местах развлечений: Славянском и Купеческом клубах, Литературно-художественном кружке. При ресторане «Эрмитаж» был открыт госпиталь с полным оборудованием на 35 человек. Трактир «Тулон» в Зыковом переулке послужил приютом для сотни раненых солдат.

Главнона начальствующий над Москвой предложил владельцам целого ряда популярных ресторанов и клубов: театра Зона, «Альказара», «Аполло», «Победы», ресторана Скалкина, «Аркадии», «Золотого якоря», «Тиволи», «Фантазии», Потешного сада, «Новых сокольников», Богородского сада-театра и Тестовского поселка — немедленно предоставить свои поме-

¹ Газета «Утро России» писала 16 сентября 1914 г.: «На призыв войны очень скупно откликнулись наши столичные монастыри, обладающие крупными средствами и громадными помещениями. (...)»

Надо заметить, что обычное число братии в мужских монастырях колеблется от 17 человек и до 30, за исключением одного Донского монастыря, где братии значительно больше.

Все эти монастыри имеют в своих стенах громадные помещения, которые совершенно пустуют и где свободно могли бы поместиться раненые от 50 до 150 чел. в каждом. Например, Знаменский монастырь. Кроме старинных больших помещений недавно выстроил громадный трехэтажный корпус, где помещались курсисты пастырских курсов 100 чел. Теперь это помещение архимандрит Аристарх отдал под торговые склады. (...) Чудов монастырь в Хамовниках имеет громадный четырехэтажный корпус с большими квартирами, дающий десятки тысяч дохода. Излишек этих денег митрополит Владимир, как бывший настоятель этого монастыря, стал употреблять, как известно, на издание духовного журнала, затратив большие суммы. Гефсиманский скит имеет у Сухаревой башни громаднейшие доходные дома с квартирами, торговыми помещениями и более сотни торговых складов, снимающихся сухаревскими мясниками».

**Лазарет при городском убежище для беспризорных детей
и для престарелых им. И. А. Лямина. Офицерская палата**

шения в распоряжение городского головы для размещения раненых. При этом администрация предупреждала, что в случае отказа заведения будут просто закрыты.

В один день, второго сентября, были освящены два лазарета служителей Мельпомены. Артисты Художественного театра на собственные средства открыли госпиталь на двадцать мест в бывшем доме Варгина на Тверской площади. Их коллеги, артисты Императорских театров (Большого и Малого), взяли на попечение сорок раненых. Поскольку из-за мобилизации в Москве ощущалась нехватка строительных рабочих, ремонт здания театрального училища в Неглинном проезде, отведенного под лазарет, провели сами артисты.

«Оригинальную картину представляла из себя, вчерне, внутренность ремонтируемого здания, походившего на

**В лазарете артистов Императорских театров.
Артистки — сестры милосердия за чаем**

улей, — отмечалось в “Обзоре лазарета Императорских театров для больных и раненых воинов”, — где как трудолюбивые пчелы с раннего утра до позднего вечера работали над окраской кроватей, столов, скамеек, дверей и окон не только артисты и артистки Императорских театров, но и ученики Императорского Московского театрального училища. Можно было видеть рядом с оперным певцом, преобразившимся в рабочего, окрашивающего двери, одну из звезд московского балета, стоящую на подоконнике и промывающую стекла окна, а дальше в запачканных краской передниках кордебалетные танцовщицы усердно красили эмалевой белой краской железные кровати, на которых они так еще недавно сами спали, будучи в интернате Училища.

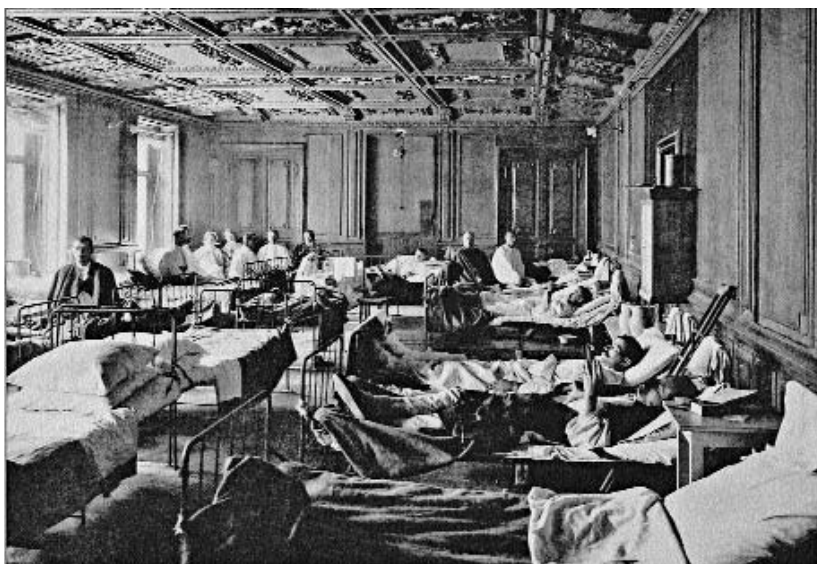
Тут же артисты балета покрывали краской стены палат, а в свободные от занятий часы с разрешения начальства прибегали им помогать маленькие ученики балетной школы, сияя радостью, что и они могут послужить общему делу».

В лазарете Императорских театров. Врачебный обход

Финансирование госпиталя также взяли на себя артисты и служащие императорских театров, постановив отчислять на благое дело из заработной платы два процента. Балерина А. М. Балашова пожертвовала в госпитальный фонд 1000 рублей. Еще полтысячи рублей, свое ежемесячное жалованье, актриса распорядилась перечислять на содержание пяти кроватей. Кроме того, она обязалась до конца войны на собственные средства обеспечивать раненых чаем и сахаром. А художник К. А. Коровин, помимо двухпроцентного вычета из жалованья, отдал часть гонорара за декорации к опере «Евгений Онегин».

В ту же горячую пору было устроено несколько национальных лазаретов. Так, московское землячество эстов открыло при своем общежитии на Долгоруковской улице госпиталь на десять мест. Столько же раненых взялись содержать, арендовав помещение в доме Пастухова в Антипьевском переулке, члены украинского музыкально-драматического кружка «Кобзарь». На Поварской был развернут лазарет «Общества грузин в Москве». Видный член еврейского общества Я. М. Демент установил в своем доме на Большой Полянке 25 больничных коек.

Лазарет в доме владельца Трехгорной мануфактуры Н. И. Прохорова

В сентябре открыла госпиталь на 12 мест московская колония православных арабов-турецкоподданных.

Княгиня П. И. Щербатова приютила десять раненых офицеров в своем доме на Новинском бульваре, где на каждого героя приходилось по две сестры милосердия. Все они были из высшего общества. Другой представитель московской аристократии граф П. С. Шереметев выделил под госпиталь на сорок коек часть знаменитого дворца в усадьбе Кусково.

Другой дворец — Петровский подъездной, по традиции служивший на время коронаций резиденцией русским царям, а в остальное время стоявший пустым, — власти стали срочно приспособлять под госпиталь на 274 койки. Проблема заключалась в том, что построенный в екатерининские времена архитектурный шедевр не был оборудован водопроводом, канализацией, электричеством. В срочном порядке творение М. Ф. Казакова стали оснащать этими достижениями цивилизации.

Журналисты с восторгом расписывали, каким великолепием будут окружены герои войны «в чертоге блеска и роскоши». Так, большую часть дня раненые могли проводить на примыкавшей к палате номер три террасе, откуда открывался вид на великолепный цветник. В палате номер шесть, помещавшейся в среднем большом зале, воображение вчерашних рабочих и крестьян должны были поражать гипсовые канделябры и знаменитые лепные потолки работы итальянских мастеров. В интерьерах остальных помещений сохранялись громадные зеркала в золоченых рамах и лепные каминь.

Владимир Гиляровский посвятил госпиталю в Петровском дворце поэтические строки:

Близ белокаменной столицы
Стоит дворец. Стена, бойницы,
Старинных башен стройный ряд
О днях далеких говорят,
Когда сиял дворец огнями
Перед Высокими Гостями.
С тех пор прошло немало лет...
(...)
Не мало времени прошло,
Уже столетье протекло,
И снова гул войны священной
Грозой пронесся над вселенной.
Под боевой немолчный гром
Русь опоясалась огнем.
И перед вражескою тучей
Поднялся весь народ могучий —
От светлых, царственных палат
До закоптелых, бедных хат.
И во Дворце стоят кровати,
На них бойцы священной рати,
Врагом израненны, лежат,
О жарком бое говорят.

В конце сентября в другом дворце — кремлевском Потешном, находившемся в ведении Министерства императорского двора, для офицеров был открыт госпиталь императрицы Александры Федоровны.

Не уступала дворцам в роскоши зимняя дача А. И. Коншиной в Петровском парке, пожертвованная московской миллионершей под госпиталь. «Даже ряд простых железных кроватей, поставленных вдоль больших, светлых комнат, не может стереть отпечаток барской культуры, взлелеянной здесь долгими годами, — описывал увиденное репортер “Утра России”. — Зеркала занавешены, все лишнее убрано. Каминные топки не топят, только букеты свежих цветов украшают столовую, где больные собрались из всех палат попить чаек.

И все же люстры льют по вечерам такой мягкий, рассеянный свет; стены, отделанные под дуб, успокаивают нервы...»

Попав в непривычную обстановку барской усадьбы, нижние чины чувствовали себя не в своей тарелке. Один из них признавался корреспонденту: «Так хорошо, что даже первое время не верилось: для нас ли?» Поэтому раненые, сохранившие способность передвигаться самостоятельно, предпочитали больше времени проводить вне дома. Благо в их распоряжении был отгороженный от внешнего мира глухим забором обширный парк с уютными аллеями и прудом.

Надо полагать, не в худшей обстановке оказались пятьдесят раненых фронтовиков, размещенных в особняке Ф. И. Шаляпина на Новинском бульваре.

Лазареты появились не только в центре города, но и на его окраинах. Побывав на одной из них, журналист поделился впечатлениями с читателями газеты «Утро России»:

«Обычно такая сонная, захолустная Красносельская улица оживилась. Сделалась неузнаваемой. Она запружена народом.

Повсюду раненые. Воспользовались они ярким и теплым днем и появились на воздухе.

Больничные халаты, туфли и бесkozырки. Кое-где начинается звучать смех, пока еще нерешительный и слабый.

Знакомая идиллия! Два солдата любезничают с кухаркой.

— Вы не смотрите, что мы такие. Мы — гусары. Поправимся — и в седло.

Только руки у обоих обвязаны бинтами. И над воротами красуется свежая, блистающая еще непросохшей краской вывеска:

“Военный лазарет номер...”

Крупный номер. Трехзначное число.

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Благотворительная продажа возле госпиталя.

Раненые покупают флажки

Всюду жизнь, — и носы, приплюснутые к стеклам. Раненые на лавочках у ворот.

Каждую такую группу окружает почтительная, внимательная толпа. Раненые рассказывают о своих впечатлениях, и слушатели подбадривают:

— Так его!.. Ай да мы!.. Лихо!..»

Впрочем, эти островки благополучия только усугубляли общую неприглядную картину создавшегося положения. Главноуполномоченный Всероссийского земского союза князь Г. Е. Львов не скрывал, что общественные организации работают на пределе возможностей и готовы идти на крайние меры: «Пришлось занимать школы — заняли школы. Придется занимать частные дома — будем занимать и частные дома. Не хватает крытых помещений, и придется класть раненых на улице — нечего делать, будем класть на улице».

Все, кто напрямую занимался организацией помощи раненым, в один голос утверждали, что камнем преткновения является практическое отсутствие сортировки пострадавших в боях по тяжести полученных ран. «Москва едва ли в состоянии предоставить более 10—12 тысяч коек, — авторитетно заявлял профессор Л. С. Минор, — но эти койки “золотые”, ибо находятся при лучших в России больницах и лазаретах. Их нужно оставить только для тяжелораненых».

Положение осложнялось еще тем, что в тот период подавляющее большинство московских госпиталей были забиты пациентами с легкими ранениями. Газета «Утро России» писала 1 сентября 1914 года: «...громадное число прибывших, например, к нам, в Москву, раненых, целыми днями разгуливают по улицам города, так как не ощущают никакой потребности в лазаретном уходе и систематическом лечении».

Усугубляла и так сложную обстановку нераспорядительность военных чиновников. Переосвидетельствование выздоравливающих не было налажено должным образом, поэтому много мест занимали солдаты, уже не нуждавшиеся в медицинской помощи. «Очень туго движется эвакуация ра-

ненных из клиник, — делился наболевшим с журналистами профессор Н. Ф. Голубов. — У меня 120 мест, и все заняты ранеными; сорок человек из них совершенно выздоровели и даже годны в строй. Больные быстро поправились благодаря хорошему питанию и клиническому уходу. Но никак не можем добиться своевременной эвакуации этих выздоровевших раненых из клиник, несмотря на неоднократные обращения в разные учреждения, от которых зависит обратная эвакуация. Некоторые из выздоравливающих раненых ежедневно спрашивают: “Когда же нас к своим частям отправят?” “Скучно”, — говорят они. Ответить им никто не может, так как обратная эвакуация зависит не от клиник».

Профессор Голубов предположил, что если такая же картина наблюдается в других московских госпиталях, то 25 процентов коек занимают вполне здоровые люди. Отчаявшись, некоторые заведующие лазаретами выписывали полностью

Переноска тяжелораненого

излечившихся солдат. В результате на улицах Москвы появилось множество праздношатающихся нижних чинов, которые по несколько дней обивали пороги воинских начальников, безуспешно пытаясь получить документы на проезд. Только после нелицеприятной критики со стороны общественных организаций военные власти наладили бесперебойную выписку из лазаретов годных в строй солдат.

По всей видимости, сложнее приходилось офицерам, лежившимся после ранений. Мемуарист Н. П. Розанов свидетельствует: «Родители раненых офицеров, привезенных для излечения в Москву, жаловались на то, что их сыновьям даже вылечиться как следует не дают, и плац-адъютанты разъезжают по квартирам больных офицеров, понуждая их поскорее отправляться на фронт. Так, прис<ажный> пов<еренный> Смирнов, с которым мне пришлось в эту пору быть в окружном суде присяжным заседателем, говорил мне, что его сына, капитана, уже шесть раз ранили на войне, и каждый раз, как он приезжал домой лечиться, у него “над душой стояли” архангелы из комендантства, спрашивая, скоро ли он отправится в свою часть на фронт...»

В начале декабря 1914 года командующий МВО издал приказ: офицеры, находившиеся на лечении в Москве, должны были каждые две недели являться на медицинскую комиссию. В автобиографическом произведении «Из писем прапорщика-артиллериста» писатель-философ Ф. А. Степун, попавший в госпиталь с контузией ноги и передвигавшийся только на костылях, описал, как это происходило на практике:

«Мое настроение, поскольку оно обусловлено не моим личным миром, а обстановкою войны в тылу, много хуже, чем на позиции. Госпитально-эвакуационный тыл решительно ужасен и отвратителен. Я не знаю более гнусного и подлого учреждения, чем 1-й московский эвакуационный пункт. Помещается он за городом, куда извозчик берет не менее пяти рублей в конец. Помещается на третьем этаже, на который ведет лестница без перил, обледенелая, скользкая и ничем не посыпан-

ная. Ждать своей очереди приходится в грязном, узком коридоре, в котором стоит один рваный диван и очень ограниченное количество венских стульев. Многие раненные офицеры принуждены потому сидеть на подоконниках. При этом в спину так сверлит холодом, что, ей-богу, кажется, что у тебя в самом позвоночнике свистит ветер. Просиживать в такой обстановке доводится целые часы, пока старческая, шамкающая и, очевидно, бездельная комиссия соизволит тебя принять.

Кроме визита во врачебную комиссию приходится два раза в месяц, 1-го и 20-го, отправляться в канцелярию, в хозяйственную часть за получением жалованья. Канцелярия помещается, конечно, как нарочно не в том же громадном доме, и даже не на том же казарменном дворе, а в совершенно особо стоящем на другом конце площади офицерском собрании, и опять-таки во втором этаже. Нужно, таким образом, два раза подняться на костылях на второй этаж, два раза спуститься с него и два раза пересечь широкую, снежную площадь. Своего жалованья, однако, на эвакуационном пункте, несмотря на все эти мытарства, получить нельзя. После двухчасового ожидания, неизбежного потому, что десятки прошений толпы офицеров пишут за маленьким столом всего только в две ручки, ты снова получишь не деньги, а всего только аттестат, который надо везти в казенную палату, дабы после нового стояния в двух хвостах выручить наконец причитающиеся тебе 56 рублей. Таково обращение с офицерами, каково же с солдатами?

Скажите же на милость, что это все, как не прямое надругательство над теми людьми, которые как-никак жизнь свою отдавали за спасение родины и престиж русского государства. Ей-богу, удивляться надо и рабьей долготерпимости русского человека, и махровому хамству нашего административного аппарата...»

Непосредственный свидетель того, как военно-медицинская администрация обращалась с нижними чинами, Д. П. Оськин в своих «Записках» отразил это так:

«К концу недели нас всех вызвали на медицинский осмотр.

В одной из комнат административного корпуса заседала комиссия из нескольких врачей и офицеров. Солдаты, выстроившись в затылок друг другу, проходили через эту «комиссию», задерживаясь каждый буквально в течение нескольких секунд. Врач приказывал заранее снимать рубашки или шаровары, смотрел, кто куда ранен, взглядывал на лицо раненого, отмечал что-то в своей книге, и на этом “осмотр” заканчивался.

Это была не медицинская комиссия, а какая-то комедия, неизвестно для чего устроенная. Результат, впрочем, сказался довольно скоро — уже на следующий день в ротной канцелярии вывесили список, гласящий, что перечисленные в нем солдаты (человек сорок) признаны здоровыми и подлежат выписке на фронт».

Вернемся, однако, в лето 1914 года. Одним из способов разгрузки госпиталей в трудные августовские дни стал так называемый «патронаж». Суть его заключалась в том, что воинов с легкими ранениями размещали на частных квартирах — в семьях или в маленьких лазаретах, устроенных жильцами домов вскладчину в пустующей квартире. Пионерами в этом деле были квартиранты дома номер 14 на Чистых прудах, организовавшие «Первый кооперативный лазарет». В Фурманом переулке домовладелец Рабинович предоставил помещение, а содержание размещенных в нем десяти раненых взяли на себя жильцы дома.

Со страниц газет раздавались призывы обязать домовладельцев отдавать пустующие квартиры — их в Москве насчитывалось около 1500 — под лазареты. По приказу градоначальника полиция совершила обход и выявила все свободные жилые помещения. Однако Городская управа не стала спешить с мобилизацией жилого фонда. Хорошо зная характер московских домовладельцев, отцы города не хотели пробуждать их алчность. Арендная плата за госпиталь значительно превышала доход от жильцов, и у домовладельцев наверняка возникло бы желание избавиться от квартирантов ради отдачи помещений в казенный подряд.

В конечном итоге было решено ограничиться лишь призывом разобрать раненых по домам на добровольной основе. «Им будет хорошо в домашнем уюте», — утверждал председатель Московского комитета Красного Креста А. Д. Самарин. Еще дальше пошла в своем обращении к русской интеллигенции А. Р. Крандиевская. В лучших традициях чеховских героинь она призывала воспользоваться патронажем для единения с простым народом: «...со стороны, так сказать, выпуклости нашей душевности в делах, связанных с общим мировым горем, нет ничего более благодарного и более выгодного для нас, как то милосердие, которое должно спаять нас с нашим народом».

По мнению А. Р. Крандиевской, житье бок о бок с людьми «от сохи» должно было оставить в сердцах более сотни тысяч интеллигентов неизгладимые впечатления о том, «...как мы с ними роднились через наше добро, гостеприимство, как много это добро дало *самим нам*, какое нравственное удовлетворение дали нам временная теснота нашей квартиры, временное “неудобство”, как интересны, поучительны и для нас и для наших детей были у нас вечера, во время которых вели мы с гостями нашими такие душевные и такие хорошие беседы, как много узнали мы и наши дети из рассказов воинов о войне, о сражениях. Как много узнали о деревне, о народной нужде и горе, о народных чаяниях и надеждах».

Возможно, массовое превращение уютных квартир в «коммуналки» позволило бы русской интеллигенции наконец-то познать «сермяжную правду». Однако беда была в том, что выходцы из народа без особой охоты шли на частные квартиры. Солдаты объясняли это тем, что в госпиталях есть «общество», т. е. там можно отвести душу в разговорах, особенно если встретить земляков. А главное, кроме таких тяжелых испытаний, как прием пищи за «барским» столом и пользование ватерклозетом, выходцев из народа угнетала мысль о том, что они должны быть чем-то вроде приживальщиков у конкретного благодетеля. В моральном плане принимать благодетеля от общественной организации было гораздо легче.

М. Щеглов. Новый герой московских гостиных

Тем не менее, по сведениям из Всероссийского земского союза помощи раненым, к исходу первой недели сентября в патронат было оформлено 5643 легкораненых. А заявок от москвичей ежедневно поступало на 500 человек. Вот только у патроната оказалась другая сторона медали. Газеты отмечали, что «частные лица, взявшие себе на дом так называемых легкораненых, которые давно уже совершенно выздоровели, недоумевают, почему этих выздоровевших все еще не отпускают по домам или не возвращают в армию».

Кроме того, среди легкораненых оказалось довольно много специфической публики. «Когда к нам в семинарскую больницу привезли с фронта первых раненых солдат, — свидетельствовал Н. П. Розанов, — то я увидел, что у многих ранены были пальцы на руках, что, как объяснили мне опытные люди, было уловкой самих солдатиков, простреливавших себе пальцы, чтобы быть эвакуированными с фронта в тыл».

Эти «герои-фронтовики», разгуливавшие в больничных халатах поверх белья, настолько заполонили московские улицы, что в конце концов обратили на себя внимание военных властей. Не успели высохнуть чернила на воззвании госпожи Крандиевской, как шестого сентября стало известно о настоятельной просьбе командующего МВО: не отправлять легкораненых в патронаж, а если и отправлять, то партиями не менее четырех человек. А десятого сентября поступил окончательный запрет: «...ввиду того, что раненые продолжают появляться на улицах не в установленной форме, имея на себе халат и нижнее белье и не соблюдая правил воинского почтения, временно командующий войсками приказал *совершенно* воспретить раздачу раненых на квартиры».

В дополнительной телеграмме внимание руководителей лазаретов обращалось на то, что выписанных солдат следует направлять к воинским начальникам в чистом белье. Вскоре последовал приказ: наряжать из частей московского гарнизона «особые дозоры», которые должны были задерживать одетых не по форме солдат и препровождать их в ближайшие по-

лицейские участки. Наконец, 14 сентября были обнаружены утвержденные штабом МВО «Правила для раненых»:

«1. Не допускать нижних чинов выходить для прогулок на улицу; тем из них, которые должны ходить на перевязку, надлежит выходить одетыми строго по форме; в халате и без сапог выход нижним чинам безусловно запрещается.

2. Выздоровливающих и не нуждающихся в коечном лечении нижних чинов не задерживать для отдыха в лечебных заведениях и патронатах, а безотлагательно направлять в управление московского воинского начальника.

3. Подтвердить нижним чинам, что согласно уставу внутренней службы им запрещается занимать места внутри вагонов трамвая и ходить по бульварам и скверам.

4. Для осмотра исторических памятников Москвы и поклонения московским святыням разрешается увольнять эвакуированных раненых и больных нижних чинов командами, при старшем и в сопровождении лица, могущего преподать им нужные сведения. В командах этих не должно быть нижних чинов, одетых не по форме».

Претворение в жизнь приказов командующего МВО облегчалось тем, что количество раненых в Москве заметно сократилось. То ли лучше заработала сортировка и распределение раненых по другим регионам, то ли удалось решить проблему с выпиской вылеченных солдат, но уже 12 сентября газета «Утро России» сообщила: «На улицах их <раненых> почти не видно». Тут же была приведена радостная статистика — в лазаретах из 35 тысяч коек уже свободны 16 тысяч, в том числе 5 тысяч в госпиталях военного ведомства.

Месяц спустя на страницах той же газеты председатель Всероссийского земского союза князь Г. Е. Львов констатировал:

«Мы можем теперь быть спокойны за наших раненых воинов. Слава Богу, чувство боли и мучительной тревоги за них сменилось теперь чувством полного спокойствия за их участь и уверенностью в том, что каждый больной и раненый, воз-

вращающийся с поля сражения, найдет здесь дома, внутри империи, спокойную койку, братский уход, лечение. За два месяца один Всероссийский земский союз открыл 150 тысяч коек, а всех коек в России до 300 тысяч. Заготовлены громадные запасы белья, перевязочного материала, лекарств, и десятки тысяч сердобольных сестер и братьев могут принять теперь непосредственное участие в святом деле помощи раненым в стройно-организованной работе.

Дело сделано, работа пошла в широком русле могучего течения великих чувств великого русского народа. Его фарватер вместит и поднимет какие угодно грузы. Мы не боимся никакой перегрузки. Нам нечего сомневаться, русский народ поднимет и понесет легко всякое бремя, великую тяжесть судьбы. (...)

Спокойные за наших больных и раненых воинов, двинемся теперь всем миром на помощь нашей армии. Поддержим ее, нашу честь, нашу славу, нашу доблестную героическую армию. Поддержим ее в великих страстях, трудах и подвигах. Дадим все, что надо ей на передовых позициях, в окопах, в открытом поле, в холоде и мокроте. Обвеем ее там духом любви матери, родной земли».

Итак, в октябре 1914 года в Москве заработала полностью отлаженная система приема, размещения и ухода за ранеными. Город предоставлял им благоустроенные лазареты с полными штатами персонала, полноценное питание и заботливый уход. От раненых только требовалось безоговорочно подчиняться установленному распорядку. Медицинские процедуры, прием пищи — все проходило строго по часам. Конечно, на первом для раненых месте стояли операции и перевязки.

Уровень медицины того времени превращал обработку самых простых ран в тяжелое испытание. Н. М. Гершензон-Чегодаева навсегда запомнила услышанный в детстве рассказ знакомого их семьи, раненного на фронте: «Он как-то пришел к нам (...) хромым, с палкой в руках и у нас в саду рассказывал о своей ране, о пережитых им ужасных страданиях. Никогда

не забуду того потрясающего впечатления, которое осталось у меня от его слов, от рассказа о том, как ему через сквозную рану на ноге протаскивали тампон, пропитанный йодом».

Ф. А. Степун, испытавший на себе, что значит побывать в госпитале, писал о пережитом:

«Нигде война не производит такого страшного впечатления, как в лечебнице. Здесь у нас в “тяжелых” палатах царствует голое, тупое и совершенно беззащитное страдание. Мне никогда не передать вам того жуткого инквизиционного холода, который каждый раз леденит мою душу, когда я прохожу мимо светлых, чистых, теплых, белых операционных комнат. Верите ли, операционная много страшнее всякого окопа. Всякой опасности на войне вы можете оказать сопротивление своею свободною, нравственною личностью. Одним из главных элементов этой личности является ваша вера в вашу судьбу, которая, вам кажется, не хочет вашей гибели, вашего страдания. Если не хотите веры и судьбы, вопрос можно повернуть проще. В каждой опасности на войне есть элемент случайности. Всякая шрапнель, шумя на вас, может и не попасть в вас, и в этом, может, и коренится в значительной степени ваша сила противоборства и сопротивления.

В лазаретах нет ничего подобного. Над каждой душой, как ястреб над выводком, здесь висит обреченность. Каждый тяжелый, прислушиваясь к шагам санитаров по коридору, определенно знает, что сейчас придут за ним и возьмут на мучительную перевязку не его соседа по койке, а неизбежно его самого. Людей как субъектов воли и действия здесь почти нет, все они превращены в объекты воздействия чужой воли. Измученные и изнервничавшиеся, они почти не люди, а всего только придатки к своим раздробленным конечностям и кровоточащим ранам. То один, то другой восходит в свой “канун”, в свой последний вечер, тупо упираясь мыслью в неотвратимо тупой факт, что завтра его положат на стол, заставят задохнуться под зловонной маской и, превратив в тушу, отрежут ногу или продолбят череп, а быть может, отправят и на

П. Першин. С перевязки.

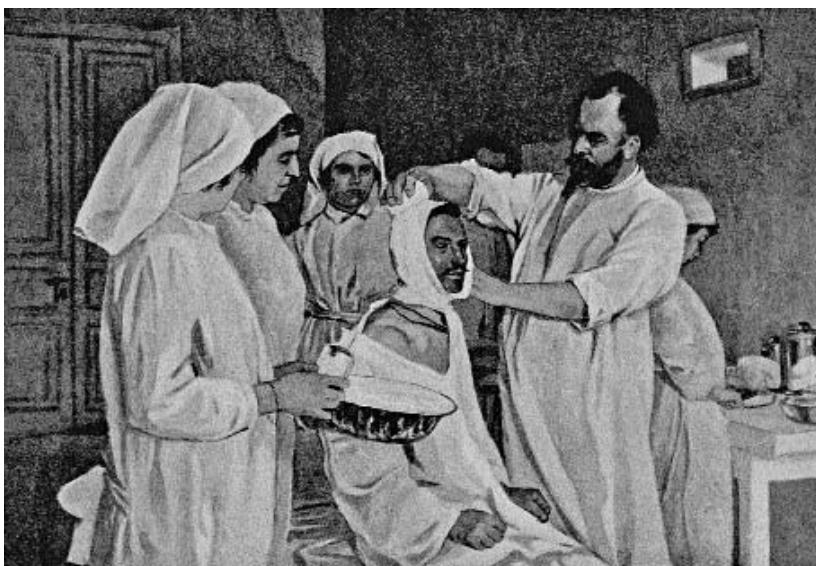
Набросок с натуры

тот свет. Изю дня в день тяжелые живут исключительно нежеланием перевязок; изю дня в день они поднимают одеяло и, морща нос, принохиваются к своему зловонию, в страшной тоске боясь бича всех хирургических — заражения крови.

Слава Богу, у нас в лазарете все эти страхи, благодаря исключительно хорошей постановке дела, только порождения

Сестра милосердия

Перевязка раненого в лазарете

мнительной фантазии больных. Но если бы вы знали, что делается в военных госпиталях, где больные мрут как мухи, а здоровые кутят и безобразничают».

Бывало, что во время перевязки проявить одинаковое мужество требовалось как раненым, так и сестрам милосердия. Дочь Льва Толстого Александра, добровольно поступившая во фронтовой санитарный отряд, вспоминала об одном из случаев в своей практике:

«Никогда не забуду одного раненого. Снарядом у него были почти оторваны обе ягодицы. По-видимому, его не сразу подобрали с поля сражения. От ран шло страшное зловоние. Вместо ягодиц зияли две серо-грязные громадные раны. Что-то в них копошилось, и, нагнувшись, я увидела... черви! Толстые, упитанные белые черви! Чтобы промыть раны и убить червей, надо было промыть их сильным раствором сулемы. Пока я это делала, раненый лежал на животе. Он не стонал, не жаловался,

только скрипели стиснутые от страшной боли зубы.

Перевязать эти раны, чтобы повязка держалась и чтобы задний проход оставался свободным, — было делом нелегким... Не знаю, справилась ли я с этой задачей...»

Княжна Е. Н. Сайн-Витгенштейн, поступившая вместе с сестрой на курсы при Ново-Екатерининской больнице, описала в дневнике свое первое участие в перевязке:

«У меня даже дрожь по телу пробегает, когда я вспоминаю это утро. Нас с Татьяной поставили на самые страшные перевязки («Мнение новичка». — *Примечание автора дневника, сделанное в 1916 г.*), и я удивляюсь той храбрости, с которой Татьяна присутствовала при всех, все время помогая. Я не выдержала: при первой же перевязке (раздробленный шрапнелью локоть), на которой я должна была держать таз, при виде громадной гнойной раны и осколков костей, которые доктор бросал в мой таз, мне сделалось дурно, глубокий обморок. Я помню, как я кому-то передала таз, отошла и прислонилась к стене, потом захотелось выйти из перевязочной, чтобы быть подальше от ее тяжелого запаха, вышла в коридор, а дальше — ничего. Оказалось, что я там упала на дверь перевязочной, которая открылась, и я с шумом влетела обратно в перевязочную. Должно быть, это было очень смешное зрелище! Я очнулась, лежа на койке в одной из палат, около меня стояли разные няни, сестры и доктор. Меня напоили валериановыми каплями и велели лежать смирно. Мне было скверно, и я клялась себе, что больше не вернусь в эту страшную комнату».

Менее чем через три месяца Е. Н. Сайн-Витгенштейн отметила в дневнике:

«Теперь, когда мы кончили наш курс ученья и создали себе известное положение, нам и легче и приятнее работать. Наш труд ценят и доктора, и больные: когда, отработав свои шесть недель, мы собрались уходить в частный лазарет, как это делают все, но нас не пустили, а принудили остаться в числе немногих избранных, оставленных при больнице. Скажу без хвастовства: мы, да еще двое, считаемся самыми лучшими се-

страдами в нашей больнице, а всего сестер было около двухсот».

Княгиня не зря гордилась достигнутыми успехами. Светские дамы, не умеющие толком ухаживать за ранеными, но в общем порыве ринувшиеся в лазареты, служили мишенями для острот. Вот как их изобразил автор фельетона «Сестры немилосердные»:

«Они работают почти в каждом лазарете и своими сверкающими белизной халатами, тончайшими повязками, бриллиантами в ушах и на руках напоминают каких-то экзотических бабочек.

В самые счастливые дни на одного прибывшего солдата приходится по десятку добровольцев, в самые несчастные — десятки солдат остаются без единой заботы их нежных ручек.

Я позволю себе рассказать о самых счастливых днях.

Когда привозят раненых, часто голодных, грязных и усталых, они тут, суетливые, ахающие, беспокойные.

И тотчас же пускают в ход все орудия своего туалетного стола — одеколоны, уксусы и прочие притирания.

Ну, конечно, это смущает солдата:

— Что вы, барышня?.. Да я бы сперва водицей.

— Молчи, пожалуйста, — мило возражают они. — Во-первых, одеколон гораздо гигиеничнее воды, во-вторых, это стоит всего полтора рубля, в-третьих...

И раненый уже не протестует, а только сопит, подставляя щеки:

— Фр-р-р!.. Вам лучше знать... Фр-р-р!.. Вы все произошли... Фр-р-р!.. Ух, духовитая эта штука...

Есть врачи... С ними беда... Не любят они таких добровольцев и всегда ужасно грубят и язвят.

Но ведь всем известно, что это за народ врачи — самый чувовищный народ.

Был, например, в одном лазарете такой случай.

Аристократка-добровольца увидала на халате врача одну из самых неприятных представительниц солдатской фауны. Громадная, серая, она ползла по рукаву халата, с усилием

преодолевая ворсу ткани.

— Николай Петрович! — воскликнула с умиленным видом сверхнаивная девушка, — смотрите, какая у вас на рукаве милая... божья коровка!

Врач едва не умер от смеха, а за ним и весь лазарет смеялся несколько дней:

— Божья коровка!..

Но еще больше допекают студенты, пытаясь потешаться на разные лады.

И над чем только потешаются!

— Анна Петровна очень эгоистична, — начинает один.

— Почему? — удивленно вскидывает бровки Анна Петровна.

— Вы хотите обязательно вымыть ему одеколоном и лицо, и руки?

— Конечно.

— Но пожалейте же Ольгу Ивановну! — восклицает другой.

— При чем здесь Ольга Ивановна? — недоумевает Анна Петровна.

— А при том, что она скоро придет, и ей ничего не достанется.

— Вот что... — предлагает третий повеса. — Тут нужно действовать по всей строгости законов. Вы, Анна Петровна, будете одеколонить раненым щеки, Ольга Ивановна — нос и прочие мелочи, Агнесса Оскаровна — руки, а Исидора Владимировна...

Анне Петровне остается только надуть губки:

— Образованный человек, а такой невежда...»

Реальная жизнь госпиталей была, конечно, не такой веселой. В отличие от «добровольцев» настоящим сестрам милосердия приходилось постоянно сталкиваться с людскими страданиями и самой смертью, как это запомнилось Н. В. Крандиевской-Толстой:

«Эта ночь в лазарете была особенно трудной и беспокойной. Накануне привезли тяжело раненных, многих уложили на койки не для того, чтобы лечить, а для того, чтобы дожи-

даться смертного часа. Список таких безнадежных я нашла на столе в дежурной палате. Две фамилии из этого списка были уже вычеркнуты карандашом.

Я вымыла руки, надела халат, затянула потуже косынку и пошла по палатам.

Мало кто спал в эту ночь. Большинство или тихо стонало, или металось в жару, некоторые лежали неподвижно, прислушиваясь к своей боли, кое-кто бредил.

Что могла сделать я, ночная сестра, для облегчения этих мук? Дать попить, перевернуть на другой бок, поправить подушку или пузырь со льдом, просто присесть рядом, взять горячую руку в прохладные ладони, поддержать ее молча? Все эти жесты милосердия были так незначительны, так ничтожны. И как всегда был ими утешен в первую очередь тот, кто утешал, а не тот, кто в утешении нуждался.

Обойдя палату со вновь поступившими, я пошла проводить своих старых знакомых и среди них раненного в ногу Егора Колесникова. Развороченная снарядом нога его лежала высоко на подушке, вся от ступни до колена в тугом коробе гипса. Один только большой палец, одеревенелый и темный, был свободен от повязки и торчал, как подпиленный сучок.

Увидя меня, Колесников тихо просиял, шевельнулся и сразу болезненно сморщился.

— Болит, Егорушка? — спросила я.

— Покачай, Бога ради, — попросил он, — мочи нет.

Я покачала палец, как делала много раз раньше, видимо, это давало облегчение всей ноге, затекшей от подвижной повязки. Блаженная улыбка застыла у него на лице, он заснул. Я вышла в коридор.

Из палаты безнадежных, напротив, уже выносили кого-то, покрытого простыней. Сзади шла санитарка с тюфяком, перекинутым через руку. Другая гремела ведром, подмывая пол вокруг опустевшей койки. Грубой простотой сопровождалось таинство смерти.

— Вы дежурная сестра? — спросил меня доктор, вытирав-

У постели героя

ший полотенцем руки в коридоре.

— Я.

— Вскипятите шприц. — Чуть понизив голос:

— Вычеркните в списке Аввакумова Тимофея».

Свое рядовое ночное дежурство описала на страницах «Утра России» сестра милосердия, укрывшаяся под псевдонимом «А. Д-ская»:

«Часов около девяти в лазарете уже погашены огни, но в палатах еще не умолкли голоса. Смех не вплетается в разговор, не слышно шуток, но нервный гул сдерживаемых голосов долго еще катится по большим, темным комнатам. В углу, слабо освещая лишь небольшую часть обширной палаты, алеет лампада. (...)

В одной, другой палатах разговоры все не унимаются.

Сбившись в плотные группки, голова к голове, сидят по несколько человек на кровати товарища и толкуют, толкуют, вспоминают. (...)

— Спать пора, спать пора, господа, — убеждает дежурная сестра. И с одной койки отвечает тихий задумчивый голос:

— Ох, сестрица, все спишь, спишь, отдохнуть некогда...

Голоса беседующих переходят почти в шепот, но говорят до полуночи, — в этих ночных, сближающих разговорах, видимо, отдыхает душа. (...)

Мало-помалу замирают голоса по всем палатам. В дежурную слышно лишь разнотонное дыхание нескольких десятков человеческих грудей. Кто-то бессвязно шепчет во сне: “Ну-ну-у-у! Чего!-о-о-!” Это саратовский молодой крестьянин лошадку свою погоняет, землю под озимь вспахивает.

— Ох, ох, родимая! — простонал кто-то.

(...)

У него прострел и перелом ноги, и на перевязки его носят на носилках. В то время как врач водит зондом в его зияющей ране, он подшучивает над товарищами: “Да, ты тут как князь Голицын разлегся!” И когда рана его прочищена, нога вновь прикреплена к шинкам, говорит санитарам: “Ну, подавайте-ка автомобиль”. Роскошь жалобы или стона этот позволяет себе только во сне. При приближении сестры он просыпается.

— Что, сестрица, никак я зашумел во сне? Простите уж! Ничего, мне хорошо. Пойдите отдохнуть, сестрица. Ночь долгая — устанете...

И совестливо качает головой, когда поможешь ему вытянуть ногу или оправаешь на нем одеяло. (...)

Неровным, подпрыгивающим каким-то звуком катится звонок. Это чья-то слабая, непривычная к звонкам рука зовет дежурную няню.

“Спасибо, родная, спасибо, миленькая...”

И слышно по нежному, тихому звуку голоса, как совестно человеку своей беспомощности...

“Тук-тук-тук”, — раздаются вдруг такие странные, такие

необычные для уха звуки, — это кто-то пошел на костылях. (...)

Посинели окна в дубовых рамах.

Занимается день. Няни зазвякали кувшинами и тазами — несут умываться не встающим больным. Стук костылей не тревожит уже и не волнует, — ковыляет выздоравливающий уже бравый хохол — ему скоро на выписку. Кряхтя, зевая, пробуждаются больные, и вновь переносятся с поля битвы, из ночных стоянок, из разных деревень в реальную обстановку московского лазарета.

Скоро чай...»

Некоторые сведения о том, как питались раненые, можно найти в «Обзоре лазарета Императорских театров». Его пациенты получали пищу четыре раза в день (в 8 утра, 12 часов дня, 4 и 7 часов вечера) «по правилам для военных лазаретов и лазаретов Красного Креста, но с пайком в увеличенном размере».

Ежедневная «нормальная» норма включала в себя 1 фунт

Раненые за обедом в лазарете

мяса, 2 фунта черного хлеба, 1 фунт белого, кружку молока, чай с сахаром. Обед и ужин состоял из двух горячих блюд. На первое подавали щи, борщ, суп или лапшу. На второе — различные каши, жареный картофель или макароны с маслом. В праздничные дни раненым полагалось на обед жареное мясо или котлеты. Пациенты, которым доктора назначали усиленное питание, дополнительно получали молоко, яйца, котлеты.

В одном из газетных очерков о жизни лазаретов в 1914 году упоминалось о том, что «чуть ли не каждый день приносят никому в госпитале не знакомые дамы, молодые люди — кувшины с бульоном, яйца, сухари, печеные яблоки и спрашивают: “У вас тут француженка одна...”» Француженка — героиня очерка, бывшая учительница, а ныне сестра милосердия, по просьбам которой москвичи подкармливают раненых. Из-за забавного акцента солдаты зовут ее «наша французинька». Три ее брата воевали на Западном фронте, а она решила послужить своей новой родине. И, судя по словам журналиста, делала это с огромной отдачей:

«Бесшумно, скромно работает с утра до ночи она за троих, за четверых, не останавливается перед самой тяжелой, самой черной работой. Ноги у солдата грязные, ему не нагнуться из-за раны — “наша французинька” моет ноги солдату. У другого солдата зудит голова. “Наша французинька” — она наверное умеет одеваться изящно и наверное умеет быть увлекательной и интересной в обществе, у нее такой умный рот и хороший овал лица — “наша французинька” моет голову солдату с забинтованной рукой. На перевязках она работает так ловко, тщательно, умело, словно всю свою жизнь только и делала, что накладывала бинты.

— Ну, што ти, милэнкай, такой большой и пишьишь, как рибьенок?..

И усталое, невеселое на перевязке лицо раненого расплывается в широкую, добродушную улыбку.

— Послушайте, вот этот ошень слабый, если можете, принесите ему курятины, — слышен из какого-нибудь угла пала-

ты ее убеждающий голос.

И через несколько минут из другого конца:

— Бедный, у него остался одна сапога. Надо ему пять рублей послать, чтобы он не знал откуда... (...)

Ей не надо справляться, вспоминать, кто из раненых нуждается в усиленном питании, она знает всех по именам, знает, в чем нуждается каждый из порученных ей больных, какие у него помимо раны печали и заботы...»

Автор другого очерка, по всей видимости, сама сестра милосердия, поделилась впечатлениями от общения с ранеными:

«Сестры обходят койки — кому ставят термометр под мышку, кому приносят чашку молока. Раненые с сестрами общаются просто, по-дружески, и, быть может, в душе сознавая свое превосходство, не дают нам, женщинам, чувствовать, что их служба родине значительней и трудней. Есть среди раненых люди малоречивые, застенчивые. Эти, краснея, робким шепотом высказывают сестрам свои желания, скромные желания — бумаги листок, папирос несколько, книжечку почитать... И надо ли говорить, с какой готовностью спешат сестры исполнить эти просьбы...»

Обращались к сестрам милосердия и с более трудными вопросами. Например, растолковать хитросплетения мировой политики: «Сестрица, а не слыхать ли чего нового? Чего еще в газетах не было? Болгария-то уже ли супротив нас пойдет? Наши-то? А греки как же? Разъясните, сестрица?»

Скорее всего до войны эти солдаты не знали ничего, кроме сельского труда, и вряд ли интересовались расстановкой международных политических сил. Теперь же, став непосредственными участниками важнейшего мирового события, они превратились в усердных читателей газет. Конечно же, важным фактором являлся и избыток досуга — неотъемлемая часть госпитальной жизни.

«Из рук в руки переходят газеты, меняются номерами, читают жадно, с напряженным интересом, — делился увиденным автор очерка “В лазарете”. — Места, где происходят опи-

сываемые в газетах события, многим знакомы. Телеграммы, корреспонденции с театра войны вызывают живой обмен мнениями, споры, за которыми забывается боль от быстро и медленно заживающих ран.

Неграмотные внимательно прислушиваются, просят прочитать еще раз темное место и делают замечания, большей частью стратегического свойства. К их словам прислушиваются тоже и с их замечаниями считаются. Это ничего, что они неграмотны. У каждого человека свой ум есть...»

Другой журналист, описывая досуг раненых, отмечал:

«Читают самые разнообразные вещи, по большей части беллетристику. Но всему предпочитают вымысел — сказку, увлекательную фантазию.

И зачитываются такими вещами, как дети, забывая о еде, о боли.

В палатах, где тяжелораненые, на столиках — Евангелия. С лихорадочно-блестящими глазами погружаются в эти святы страницы, ища, может быть, последний ответ на подсознательно мучающие вопросы: откуда пришел? зачем жил? куда уйду?»

По тысяче номеров газет в день получали московские лазареты прямо из редакций. Это пожертвование организовал Комитет снабжения раненых произведениями печати, возникший по инициативе В. В. Познанского и В. Г. Венгерова. Комитет, в работе которого принимали активное участие известные издатели И. Д. Сытин, А. А. Левинсон, Н. Я. Башмаков, наладил прием пожертвованных москвичами книг, их дезинфекцию, сортировку, формирование и рассылку библиотечек по госпиталям. Свыше ста тысяч книг собрало и превратило в комплекты для лазаретов «Общество грамотности». Литературу религиозного содержания получали раненые от великой княгини Елизаветы Федоровны.

Следует заметить, что какое-то время Комитет и родственные ему общественные организации, снабжавшие раненых книгами, не могли действовать в полную силу. Только в сен-

Чтение газет

тябре 1914 года у военного министерства дошли руки утвердить списки произведений печати, которые дозволялось читать солдатам, находившимся в госпиталях.

Кроме чтения, раненые коротали время за другими занятиями: вели бесконечные разговоры «о жизни», писали письма, играли в шашки, лото, а чаще всего в карты. Очевидцы утверждали, что в лазаретах нередко можно было встретить пациентов с уродливо распухшими носами. И это были не жертвы зверств германцев, а всего лишь неудачливые картежники, расплатившиеся сполна за очередной проигрыш. Корреспондент «Голоса Москвы» стал свидетелем игры в «поезд»: несколько раненых выстраивались гуськом и бегали из палаты в палату, стуча костылями и подражая гудку паровоза.

Автор одного из репортажей отмечал и другие виды госпитального досуга:

Вышивание. Раненый с одной левой рукой вышивает ковер

«Ручной труд развивается очень успешно.

Раненые делают рамки из картона, изошряясь в орнаментации их, иногда очень интересной. Материалом для орнамента служат самые дешевые предметы домашнего обихода: каменный уголь, битое стекло, кирпичи и пуговицы. Плетут из раскрашенных стружек детские корзинки, лепят бумажные фонари, игрушки и искусно режут по дереву. (...)

Некоторые рисуют, но стесняются показывать рисунки, потому что это — “баловство разное”.

“Баловство разное” изображает, конечно, Вильгельмов и Францев-Иосифов в самых рискованных положениях, подсказанных солдатской фантазией.

Сочиняются стихи.

Прозы солдаты не любят и не считают ее интересным и достойным предметом для своего воображения.

Все стихотворения — эпического характера, большинство очень наивны по манере изображения, но верно и метко тол-

кую ход событий».

Ф. А. Степуну врезалась в память такая картина:

«Иной раз вечером в большую палату прыжками, словно воронье, собираются все костыльные и однорукие обитатели нашего лазарета поиграть на балалайках, попеть и посмешить друг друга совсем несмешными анекдотами. Особенно хорошо два одноруких играют на одной гармонике. Истинно русские протезы!

По окончании литературно-музыкальной части начинают обыкновенно нескончаемые позиционные рассказы. Тут все наперебой берут немецкие окопы, режут проволоку, обходят фланги, бьют немца в лоб и т. д., и т. д. без конца, пока не придет сестра, не потушит электричества и энергично не прикажет расходиться по палатам.

Прислушиваясь к этим рассказам, я не раз удивлялся тому, с какой большой любовью, и больше — с какой благодарной памятью люди из вечера в вечер заново переживают то, что всем им причинило по меньшей мере боль и страдание, что многих лишило руки или ноги, что, очевидно, наложит отпечаток тяжести и неудовлетворенности на всю их долгую, короткую ли жизнь».

Порой спокойное течение жизни взрывалось каким-нибудь необыкновенным событием, вроде сеанса кинематографа или театральной постановки, устроенного прямо в госпитале. Вот свидетельство корреспондента, побывавшего на спектакле в лазарете трамвайных служащих:

«Первые же слова актера были встречены единодушным блаженным вздохом. Это было больше, чем настоящий театр. “Соборное действо” — кажется, таким термином пользуются теоретики?

Зрители жили на сцене. В эту волшебную минуту они позабыли все, что осталось у них за плечами, — и переходы под огнем вражеских оружий, и бешеные атаки, голодные дни и холодные ночи.

Только герои умеют так веселиться. А комедию играли

Страница журнала «Русская иллюстрация»,
посвященная труду раненых

ВЪ ГОРОДСКИХЪ ЛАЗАРЕТАХЪ

Пляска царя Вахромея.
Спектакль в лазарете

самую пустую.

Хохотали не только зрители, они сумели заразить актеров, и те несколько раз прерывали спектакль, не в силах произнести ни звука от этих душивших их спазм.

Но апогея своего восторг достиг во втором отделении спектакля, когда выступил с русскими песнями молодой певец. Он выбрал из них самые знакомые и пел их с изумительным мастерством.

Больные, загоревшись, начали подтягивать. И образовался хор.

Ничего трогательнее нельзя представить себе, чем эта широкая вольная русская песнь в пропахших йодоформом белых стенах лазарета.

Певец окончил — и вдруг из среды раненых послышался необыкновенно чистый и звонкий голос:

— Солдатушки, браво ребятушки...

Не было сил удержаться против этого подмывающего мо-

тива, и к нему присоединились все — и хор, и артист.

Инициатива перешла в руки слушателей. Не могли удержаться даже сиделки; даже доктор-хохол не выдержал, когда раздалось задорное и лукавое:

— Гоп мои гречаныки, гоп мои милы!..»

Стоит отметить, что в подготовке спектаклей для раненых солдат принимали участие отнюдь не последние люди в мире искусства. Например, декорации для одной из постановок были выполнены художником В. Д. Поленовым.

Для тех раненых, которые могли самостоятельно передвигаться, из театров и других мест развлечений присылали в госпитали бесплатные билеты. Коллизию, возникшую в связи с таким подарком, московский журналист Н. А. Фольбаум описал в очерке «Страшное»:

«...Раненые поправлялись с удивительной быстротой. И он, этот первый, двигался уже совершенно свободно, без костылей. Желтизна и худоба исчезли.

Но вот я встретил его в коридоре — и лицо у него было прежнее, точно недуг вернулся: скулы опять выдались, обтянутые темной кожей. Я спросил, что с ним такое, и он ответил убитым голосом:

— Боюсь...

Я вздрогнул — неужели он может все-таки произнести это слово? Что же произошло, какой ужас висит над ним — ужас сильнее смерти?

— Прислали билеты в цирк, — произнес он беззвучно.

Мне показалось, что я ослышался, и он повторил:

— Билеты в цирк... Двадцать билетов, а нас всех сорок, которые могут идти. Будем тянуть по жребью.

И он прошептал:

— А вдруг не вытяну?..

Так он двигался по коридору, охваченный страхом, и не находил покоя. (...)

Долго слышалось шарканье раненой ноги. Потом раздались восклицания в лазарете. И ко мне в дверь кто-то забара-

Елка в Первом московском женском клубе

банил; я поспешил открыть.

— Это был солдат. Лицо его так и сияло.

— Вытянул? — спросил я.

А он ответил радостно:

— Нет... Сиделка по телефону поговорила, прислали еще двадцать билетов.

И пробормотал, блестя глазами и теряя голову от счастья:

— Здорово это, а то вытянешь, — других обидишь, не вытянешь — себя обидишь. Хорошо это, без всякой обиды...»

Д. П. Оськину запомнились экскурсии по Москве, которые устраивала для раненых фельдшерица их госпиталя. Благодаря ее заботам солдаты побывали в Третьяковской галерее, Историческом музее, Сокольническом парке, Симонове монастыре, катались на моторной лодке по Москве-реке, ездили на Воробьевы горы. По всей видимости, Оськину столь обширная программа оказалась доступной из-за забавного обстоятельства, повлиявшего на срок его выписки

Раненые пишут письма на родину

из госпиталя:

«Когда первые четыре недели, назначенные для меня доктором, подошли к концу, я вместе с несколькими другими солдатами, раньше нас прибывшими в лазарет, был назначен к выписке. Однако в тот день, когда я должен был уйти из лазарета, обнаружилось, что у меня нет одного сапога, брошенного на поле сражения, и что бывшие на мне в момент ранения шаровары разрезаны ротным санитаром при перевязке. Меня решили оставить в лазарете, пока не получат для меня обмундирование и обувь — так как выписка раненых производилась два раза в месяц, я задержался в лазарете еще на две недели. Но этим дело не кончилось — опять произошел “пренеприятный казус”. Обнаружилось, что мне прислали сапог на ту же ногу, на какую у меня сапог уже имелся.

Таким образом, из-за недоразумения с обувью и шароварами я пролежал в лазарете лишний месяц, и это дало воз-

можность действительно хорошо отдохнуть и поправиться».

После госпиталя унтер-офицер Оськин, как и другие солдаты, которым требовалось время для окончательного заживания ран, был направлен в так называемую «команду выздоравливающих». Она располагалась на Большой Серпуховской улице в громадном здании «Ляпинского общежития», которое в мирное время служило приютом для престарелых беспризорных женщин.

«Когда мы добрались до Ляпинки, окруженной высокими заборами и занимавшей целый квартал, — вспоминал Д. П. Оськин, — нам первым делом бросилось в глаза, что у каждого выхода, у каждой калитки или ворот стоят дневальные. (...)

Нужно сказать, что рота в команде выздоравливающих совершенно не похожа на строевую. Строевая рота военного времени имеет самое большое двести пятьдесят человек, а в команде же выздоравливающих штатное число роты достигает тысячи человек; в каждом взводе не менее двухсот солдат. (...)

Во время набивки матрацев мы узнали от сопровождавшего нас каптенармуса, что пятая команда выздоравливающих впервые получает “настоящих” больных и раненых. До сих пор команда состояла исключительно из больных венерическими болезнями. (...)

Среди офицеров нашей команды только прапорщик Лузин вполне здоровый физически человек и служит здесь благодаря своим связям. Офицеры же остальных рот такие же венерики, как и солдаты. Начальник команды, полковник Иванов — сифилитик. Прапорщики Махров, Свиридов, Свирский — больны гонореей и при том большие пьяницы, хотя при гонорее, как мне известно, спиртных напитков пить нельзя — конечно, тому, кто хочет вылечиться. Пьют эти господа, видимо, затем, чтобы задержаться в команде выздоравливающих как можно дольше».

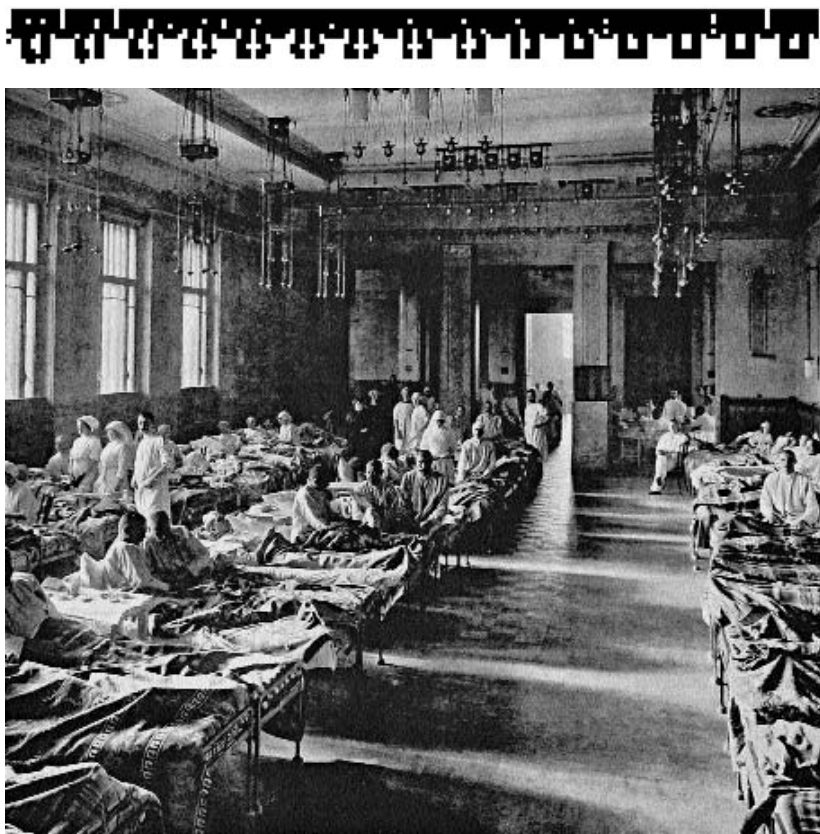
Почти год работали московские лазареты в более-менее спокойном режиме, и только кровавые бои летом 1915 года

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Мастерская Дамского комитета при Московском городском управлении в Охотничьем клубе. Заготовка перевязочного материала

заставили руководство города снова приступить к мероприятиям «в деле изыскания способов к удобнейшему расквартированию лечебных заведений в Москве». О серьезности создавшегося тогда положения говорит хотя бы факт обращения городских властей к министру народного просвещения с просьбой об отсрочке начала занятий. Ходатайство мотиви-

Лазарет Московского купеческого собрания

ровалось тем, что «городу почти невозможно будет освободить к назначенному сроку — 15 августа или 1 сентября — помещения учебных заведений, занятых им под лазареты, и даже, быть может, придется открывать новые лазареты». На совместном совещании городской управы и комиссии гласных 4 августа 1915 года обсуждался вопрос о принудительной реквизиции помещений под лазареты.

Специальная комиссия во главе с градоначальником признала необходимым забрать под госпитали помещения, предназначенные для балов и свадеб, а также кинематографы и

клубы. В третью очередь были определены рестораны и трактиры с условием «при занятии таковых руководствоваться соображением, чтобы это занятие ресторанов возможно менее стесняло бы население». Если москвичи и ощутили «стеснение», то никак о том не высказались. В результате вплоть до весны 1916 года госпитали располагались в фешенебельных ресторанах: «Яре», «Праге», «Максими», «Стрельне».

Среди прочих зданий под лазареты был занят один корпус только что построенного торгово-жилого комплекса «Соляной двор». Побывавший там репортер «Утра России» описал увиденное:

«Москвичи-старожилы помнят развалившиеся ряды “Соляного двора” на Солянке. Четыре года тому назад, по инициативе Н. В. Щенкова, было решено срыть “солянскую клоаку”».

Теперь здесь иная картина.

Высятся огромные небоскребы, занявшие целый квартал. Пока закончено отделкой одно лишь здание, с роскошными магазинами внизу и рядом лазаретов в верхних этажах. Во дворе для раненых раскинута белая походная палатка, небольшие газоны с пышными клумбами ярких роз. Греются на солнце раненые герои. Из открытых окон несется солдатская песня».

В заключение рассказа о Москве «госпитальной» отметим, что у созданной во время Первой мировой войны системы эвакуации раненых с поля боя и размещения их на лечение в «общественных» лазаретах оказался такой запас прочности, что она устояла под ударами двух революций. Свидетельствами служат рассказы современников тех событий. Вот, например, что записал в дневнике весной 1917 года В. А. Амфитеатров-Кадашев:

«Изменение *настроения* в госпитале весьма приметное. Расцвел фельдшер Пчелкин. Он уже не просто сукин сын, а председатель комитета; взятки поэтому берет вдвое. У докторов вид сконфуженный, никаких признаков неуважения к

ним пока не заметно: машина еще действует. Но вот-вот сорвется! Это чувствуется по какой-то внутренней хмурости, какому-то враждебному закрытию душевному, ощущаемому в каждом солдате».

Тем не менее для офицера-фронтовика С. Е. Хитуна, попавшего в московский госпиталь после большевистского переворота, пребывание в лазарете ничем не было омрачено:

«Вскоре мой приятель, батальонный доктор Р., выдал мне медицинское свидетельство, которое объявляло: “Подпоручик Хитун подлежит эвакуации в тыловые госпитали для лечения острой формы нефрита”.

Конечно, я был здоров как бык. Ел за троих, “жал” двухпудовку одной рукой одиннадцать раз. Но были причины, оправдывавшие мою псевдоболезнь. Фронт разваливался. Солдаты вырешили вопрос войны “ногами” — дезертировали тысячами. Авторитет офицеров был на “нуле”. Новые правители — большевики огласили декрет: “Войну не продолжать, но мир не подписывать”».

Все это оправдывало мою симуляцию болезни. Итак, я был эвакуирован с Фронта в санитарном поезде в Москву и помещен в госпиталь при Купеческом клубе.

В громадной палате, бывшей танцевальным залом Клуба, в среднем ряду, состоящем из двадцати кроватей, была и моя кровать. В первые дни я проводил большую часть времени, лежа в постели, наблюдая происходящее вокруг.

В то время как медицинский персонал — доктора, сестры милосердия, фельдшера — продолжали рутину своих обязанностей днем и ночью, административная часть была в периоде перехода от старого управления к новому. Контроль над госпиталем делился между многими комитетами, выбранными от докторов, сестер милосердия, канцелярских служащих, раненых, санитаров, поваров и судомоек. В приемной комнате дежурный член комитета дал мне мою именную карточку, которую надо было повесить на спинку кровати. Он сказал, что если мне нужна медицинская помощь, то обратиться к

старшей в палате сестре милосердия.

Я пользовался абсолютной свободой: уходил и приходил когда хотел, ел вкусно и досыта, в то время как в городе население охотилось за каждым куском хлеба, и не всегда успешно. Никто не проверял ни мою болезнь, ни ход, ни степень ее.

Среди раненых было несколько молодых офицеров с ранениями в спину и ниже, в икры, и один даже с раздробленной пяткой. Обыкновенно такие ранения бывают при отступлениях. Но в данном случае эти офицеры были подстрелены своими при наступлении на немцев. В августе Керенскому удалось поднять своими речами дух армии и уговорить (офицеры стали называть Керенского с горечью — Главноуговаривающий вместо Главнокомандующий) их на осеннее наступление.

Послушные офицеры повели свои части в атаку — только для того, чтобы быть подстреленными своими же солдатами, недовольными приказом о наступлении. (...)

На Рождество в главном зале Клуба силами госпитального персонала была представлена разнообразная музыкальная программа, внесшая праздничную атмосферу и сильно подбодрившая больных. Праздники соблюдались, как и прежде, с той только разницей, что рождественские подарки всем раненым от Клуба, непременно в предыдущие годы, розданы не были. Оставшиеся в живых члены-покровители были разорены или находились в заключении».

На пороге стоял 1918 год.

**В ПОСЛЕДНИЙ
ПУТЬ**

*Что вы, мама?
Белая, белая, как на гробе глазет.
«Оставьте!
О нем это,
об убитом, телеграмма.
Ах, закройте,
закройте глаза газет!»*

В. В. Маяковский

Война — это не только сообщения о взятых городах, захваченных трофеях и пленных. Победным реляциям обязательно сопутствуют данные о потерях: числе раненых и убитых в сражениях. Для одних людей эти цифры так и остаются чем-то абстрактным, для других же оборачиваются черной вестью о смерти близкого человека.

По-разному печальные известия приходили в дома москвичей. Кому-то о гибели родственника рассказывали раненые, доставленные в Москву, и только потом, много позже, поступало официальное извещение. А могло и не поступить, если выяснялось, что «убитый» жив и находится в плену. Кому-то о погибшем сообщали практически немедленно, как это было с актрисой театра Корша г-жой Ягелло. Она получила телеграмму о смерти брата прямо на сцене, но нашла в себе мужество доиграть спектакль.

Но, пожалуй, самый удивительный случай описан Вячеславом Ходасевичем. В его мемуарах упомянут московский профессор-патологоанатом М., старший сын которого воевал на фронте. Однажды профессор разбудил домашних среди ночи и объявил, что во сне увидел гибель сына. Наутро, не слушая никаких уговоров, М. купил гроб и выехал в полк, где служил его сын. Добравшись до места, профессор узнал, что прапорщик М. был убит как раз в ту самую ночь, когда отцу приснился страшный сон.

Вот так вместе с войной в повседневную жизнь Москвы вошло и такое явление, как военные похороны. На московских кладбищах находили последний приют воины, чьи останки родным удавалось перевезти из районов боевых действий. В Москве также хоронили офицеров и солдат, скончавшихся от ран в госпиталях города.

Первые похороны москвича, павшего в бою, состоялись 14 августа 1914 года. Им был двадцатичетырехлетний прапорщик Сергей Колокольцев, сын домовладельца Н. А. Колокольцева. Кроме родных и знакомых, на Александровском вокзале гроб встречали московский комендант генерал Т. Г. Горковенко, помощник градоначальника В. Ф. Модль и почетный караул — полурота запасного пехотного батальона. Под военный оркестр тело прапорщика Колокольцева было перевезено в церковь на Ваганьковском кладбище, где были отслужены заупокойная литургия и отпевание. В могилу гроб опустили под трехкратный ружейный залп.

Спустя неделю с военными почестями похоронили рядового Кравца — первую жертву войны из числа московских евреев. Он был ранен в Восточной Пруссии и умер в госпитале. По сообщениям газет, на похоронах «присутствовала почти вся еврейская колония, проводившая тело до кладбища».

А на следующий день, 22 августа, на траурную церемонию собрался уже высший свет во главе с великой княгиней Елизаветой Федоровной и официальными лицами: главнона-

чальствующим генералом Адриановым, губернатором графом Н. Л. Муравьевым, губернским предводителем дворянства А. Д. Самариным и князем Н. С. Щербатовым. В церкви Симеона Столпника на Поварской улице прощались сразу с двумя представителями московской аристократии: корнетом М. А. Катковым и унтер-офицером А. А. Катковым¹ — сыновьями предводителя дворянства Подольского уезда. Маленький храм не мог вместить всех желающих, поэтому толпой были запружены церковный двор и значительная часть Поварской.

После панихиды гробы установили на траурные колесницы и возложили венки. Почетный караул составили взвод кавалерии и рота пехоты. Духовенство, участвовавшее в процессии, возглавлял епископ Трифон. Под колокольный звон и похоронный марш в исполнении оркестра Александровского военного училища процессия дошла до Лицея в память цеса-

¹ Княжна Е. Н. Сайн-Витгенштейн записала в дневнике: «...бедный Андрей Катков, с которым мы танцевали прошлую зиму и который всего несколько месяцев был женат. (...)»

Вот как это было: Конногвардейскому и Кавалергардскому полкам нужно было взять какую-то батарею. Для этого 4-й эскадрон Конногвард[ейского] полка, тот, которым командовал Бобриков, должен был отвлечь внимание неприятеля. Он сделал небывалую вещь: офицеры, спрятавши солдат за блиндажи, взяли штыки и пошли одни вперед, на врага. На них бросился неприятель. Тут-то и погибло много этих героев, и между ними Катковы и тот другой Бобриков, молоденький вольноопределяющийся, как Боба. Сам командир Бобриков спасся только чудом: он был ранен в руку и упал, но в эту минуту из-за блиндажа выскочил один вольноопределяющийся — граф Гудович, поднял его, несмотря на град пуль, и привел за блиндаж. А пока все это происходило, солдаты бросились на неприятеля, и пошел бой. А тем временем остальные силы стремительным натиском напали на батарею и после долгого, упорного боя, где полегло немало героев, овладели ею. (Этой атакой командовал Врангель. — *Прим. 1981 г.*)».

Похороны братьев Катковых

ревича Николая¹, выпускниками которого были оба брата. Возле лица была сделана остановка и отслужена лития. После этого гробы для захоронения повезли через Серпуховскую заставу в родовое имение Катковых — село Знаменское Подольского уезда.

Судя по описанию, погребение братьев Катковых проходило, что называется, «по высшему разряду». Чтобы современному читателю лучше понять смысл этого выражения, вернемся в довоенные времена и рассмотрим такую сторону жизни Москвы конца XIX — начала XX века, как похороны.

¹ Лицей в память цесаревича Николая (Катковский) — привилегированное учебное заведение. Располагался на Крымском проезде. В настоящее время здание занимает Дипломатическая академия МИД.

Начнем с кладбищ. Отвод земли под них и обустройство территории осуществлялись городскими властями. Во всем остальном кладбища находились в заведовании духовенства различных конфессий. Плата, которую москвичи вносили за погребения, поступала в самостоятельные фонды кладбищ, откуда администрация могла их расходовать на благоустройство.

Кроме православных, в Москве имелись Иноверческое (Немецкое), Караимское, Татарское (мусульманское) и Еврейское кладбища.

По-настоящему сложной проблемой являлось захоронение поклонников каких-то иных религий. Примером могут служить посмертные мытарства японского фокусника Литтон-Фа, скончавшегося в октябре 1914 года в Шереметевской больнице. Когда тело собрались предать земле, ни на одном из кладбищ, как христианских, так и магометанском, не согласились принять «язычника». Японский консул, к которому обратились за советом, только развел руками. Оказалось, что Литтон-Фа был первым японцем, имевшим «неосторожность» умереть в Москве.

После недели проволочек несчастного японца все-таки удалось похоронить — «на бугре» за магометанским кладбищем. Скорее всего кто-то из городских чиновников вспомнил, что еще в марте того же 1914 года Управа по согласованию с градоначальником специально отвела это место для захоронения язычников. Правда, тогда шла речь о могилах для китайцев — их перед войной становилось в Москве все больше и больше. Они не только занимались мелочной торговлей, работали в прачечных, содержали опиумокурильни, но и, как водится, умирали.

Заметим, что еще в 1911 году московские газеты писали о том, что на московских кладбищах мест практически нет. Журналисты-бытописатели отмечали наметившуюся тенденцию — пожилые люди со средствами отправлялись доживать свои дни в Финляндию, чтобы после кончины не было проблем с похоронами.

Другое характерное явление, порожденное дефицитом свободной земли на кладбищах, — вандализм, также привлекало внимание репортеров. Вот, например, какая заметка появилась на страницах «Голоса Москвы» в июле 1910 года:

«На кладбище Новодевичьего монастыря происходит какой-то разгром памятников. Вчера внимание посетителей обратили на себя несколько разбитых памятников, валяющихся на земле. В числе их лежит набоку с отбитым пьедесталом огромный памятник белого мрамора с надписью “Федор Александрович Мосолов, скончался в 1883 году”. Далее у южной стороны забора валяется на траве белый мраморный крест с разбитым подножием; памятник А. Н. Плещееву накренился на сторону. Повсюду на лугу голые места — следы старых памятников, которые, как говорят, проданы на своз в мраморные заведения. Рядом с могилой А. П. Чехова находятся могилы известного общественного и земского деятеля И. Д. Голохвостова и его жены — драматической писательницы О. Л. Голохвостовой, с крестов обеих могил уже сорваны надписи, бывшие еще в прошлом году. Вырублено много деревьев, и в некоторых местах торчат полугнилые пни. Сбрасываются старые памятники для продажи новых мест, цена которых возвышена втрое. В числе снятых были весьма важные исторические памятники».

Понятно, что разрушению подвергались могилы, пришедшие в запустение, т. е. те, за которыми давно никто не ухаживал и не мог предъявить претензий к содержателям кладбищ. Могли быть спокойны только владельцы «семейных участков», где захоронения производили из поколения в поколение. В мемуарах Н. Серпинской упоминается, что ее тетю, вдову профессора Московского университета, похоронили «на кладбище Донского монастыря, где был фамильный склеп Разцветовых».

Но даже обладатели гарантированного места в пределах кладбищенской ограды не могли отправиться к месту последнего упокоения без соблюдения определенных формальностей.

тей. Прежде всего родственники должны были получить дозволение на похороны в полицейском участке. Затем приходской священник должен был провести отпевание (естественно, это касалось православных) и как представитель власти духовной выдать уже свое разрешение.

Сколь важны были оба этих документа, свидетельствует история с похоронами девицы Екатерины Павловой, произошедшая в ноябре 1914 года. Она была членом общины сектантов-трезвенников, которую возглавлял отлученный от церкви «братец» Колосков. Узнав, что покойная не принадлежала к православию, приходской священник оказался в затруднении: отпевать или не отпевать «еретичку»? На его запрос викарный епископ Алексей ответил, что приходской батюшка не должен отпевать и хоронить сектантку. Единственное, что допустимо, — священнику кладбищенской церкви пропеть над ней «Святый Боже».

«Братья» Павловой пошли заказывать могилу на Калитниковское кладбище, но там их отказались принять, поскольку не было свидетельства об отпевании от приходского священника. Тогда около двухсот трезвенников собрались в доме Колоскова и оттуда двинулись на кладбище. В конторе они показали полицейское разрешение на похороны и, получив новый отказ, поступили по-простому: сняли гроб с катафалка, оставили его возле церкви и разошлись по домам.

Кладбищенская администрация вызвала по телефону полицию, чтобы та заставила трезвенников забрать гроб обратно. Но стражи порядка, узнав, что полицейское разрешение выправлено по всей форме, только развели руками. Тогда с той же просьбой обратились к губернатору. Вот он-то и поставил точку в этой истории: приказал зарыть неотпетую покойницу в общей могиле.

Правда, такие похороны — без совершения необходимых религиозных обрядов — смело можно назвать исключением из правил. В общем же в Первопрестольной ритуал проводов

москвичей в последний путь был отработан до мелочей с незапамятных времен.

Первыми в дом, где появился усопший, приходили агенты похоронных контор. Понятно, что стремились они в дома зажиточных москвичей, где все, в том числе и похороны, подчинялось принципу: «не хуже, чем у людей». Если у семьи покойного не было договоренностей с определенным бюро, агенты, не стесняясь опечаленных родственников, в борьбе за заказ могли затеять настоящую свару.

После соответствующих приготовлений гроб с телом покойного устанавливали в приходской церкви. По воле заказчиков храм мог быть дополнительно украшен. Так, при отпевании владельца ресторана «Ярь» Ф. И. Аксенова в храме Василия Кесарийского на Тверской-Ямской над гробом, покрытым золотой парчой, был воздвигнут балдахин из серебряной парчи. Вокруг него, превращая церковь в зимний сад, стояли кадки с тропическими растениями.

Но самым ярким признаком похорон по «высшему разряду» была похоронная процессия. По свидетельству писателя Н. Д. Телешова, ее главными атрибутами являлись: «Белый балдахин над колесницей с гробом и цугом запряженные парами четыре и иногда даже шесть лошадей, накрытых белыми попонами с кистями, свисавшими почти до земли; факельщики с зажженными фонарями, тоже в белых длинных пальто и белых цилиндрах, хор певчих и духовенство в церковных ризах поверх шубы, если дело бывало зимой».

«По количеству карет с обтянутыми черным крепом фонарями, — отмечал в мемуарах Н. А. Варенцов, — по количеству духовенства, певчих, факельщиков, верховых жандармов, гарцующих как бы ради порядка, а в действительности для большего эффекта, можно было судить о богатстве и именитости умершего. Обыкновенно в конце процессии ехал ряд линейек в летнее время, а зимой парных саней, предназначенных бедным, куда и садились все желающие проводить покойника на кладбище, а оттуда в дом, где был поминальный обед».

«Учитывая то, что здесь, как говорится, сам черт не разберет, кто родственник, кто друг, кто знакомый, — характеризовал Н. Д. Телешов добровольных участников поминок, — на такие обеды приходили люди совершенно чужие, любители покушать, специально обедавшие на поминках. Кто они и кто им эти умершие — никто не ведал. И так ежедневно, следя за газетными публикациями, эти люди являлись в разные монастыри и кладбища на похороны незнакомых, выбирая более богатых, а потом обедали и пили в память неведомых новопреставленных».

Упоминая о завсегдатаях поминальных обедов, Н. А. Варенцов приводит интересную деталь: «На поминки набиралось много разного народа, чтобы хорошо поесть и попить, а потом что-нибудь стащить: так, я слышал, как старший официант сказал другим лакеям: “Вот явился поминальщик, когда он бывает, всегда ложки пропадают; вы поглядывайте тщательнее за ним!”»

В тех же воспоминаниях приводится рассказ об П. В. Берге, судьба которого благодаря похоронам изменилась коренным образом. Примечая из окна своей комнатки богатые процессии, этот отставной майор подсаживался в экипаж для бедных, с кладбища отправлялся на поминки и тем экономил на обедах. Однажды, на похоронах сибирского промышленника Ершова, он узнал, что кроме огромного богатства у покойного осталась дочь на выданье, правда, горбатенькая. Берг, представившись вдове хорошим знакомым ее мужа, сумел завоевать доверие и стал часто бывать в доме. В итоге дело закончилось свадьбой, и со временем бывший завсегдатай поминок занял видное место среди московского купечества.

Впрочем, устроители поминок охотно мирились с нашествием незваных гостей, поскольку это позволяло им получать дополнительную прибыль. По словам Н. А. Варенцова, механизм был прост: хозяевам подавали блюда, приготовленные из провизии высшего сорта, а «поминальщикам» сплавляли качеством похуже. Например, в хозяйский конец стола офи-

цианты несли уху из свежей стерляди, остальным — из уснувшей или мороженой рыбы. По такому же принципу готовились и остальные блюда меню.

А вот сделанное мемуаристом детальное описание того, как проходил поминальный обед:

«Прежде всего подавали кутью — сладкий рис с изюмом, уложенный сверху мармеладом. Кутья эта возилась в церковь, где стояла всю службу с воткнутой в нее зажженной свечой. Все брали маленькой ложечкой кутью и, кладя в рот, крестились и поминали новопреставленного.

Обед собственно начинался с блинов с икрой, с семгой, балыком, за блинами подавали стерляжью уху с подовыми пирожками, начиненными рисом и рыбой, а за этими блюдами подавались кушанья, какие обыкновенно бывают на парадных обедах. В постные дни обеды бывали рыбные, а в скоромные мясные; если присутствовал на обеде архиерей или архимандрит, то подавали им всегда рыбные блюда. Обед заканчивался сладким кушаньем — бланманже, изготавливаемым в постные дни на миндальном молоке, которое, как и кутью, полагалось хотя немного, но обязательно его съесть, и считалось за дурную примету, если кто этого не делал.

В середине обеда священники и все присутствующие вставали, опять молились с возгласением вечной памяти новопреставленному, после чего обед продолжался до конца. После сладкого разносилось разлитое в стаканах вино, половина стаканов была с белым вином, а другая с красным. На некоторых поминках подавались вместо вина мед и шипучие воды, тоже красные и белые. В это время духовенство поднималось, совершалось моление с поминовением новопреставленного, и начинался разъезд».

Подтверждение тому, что в русских обычаях символичным считалось помянуть усопшего вином, а не водкой (как это почему-то считается сейчас), можно найти в мемуарах Нины Серпинской. В ее памяти сохранились впечатления гимназистки-подростка, сидевшей вместе со взрослыми за поминаль-

ным столом в ресторанном зале «Большой Московской гостиницы»: «После блинов с икрой, семгой, балыком и двух рюмок белого вина смутно все воспринималось». Тем не менее ей запомнились и такие характерные детали: «Речи, воспоминания полились, как вино из бутылок. Только отец был так взволнован, что не мог ничего выговорить от душивших его слез. Открытые манишки мужчин и скатерть светились, как серебро реки, на фоне нависающего плакучими ивами крепа дам».

Некоторые характерные особенности поминок в купеческой среде отмечены Н. А. Варенцовым:

«Поминальный обед начинался весьма чинно: присутствующие говорили тихо между собой, преимущественно о покойнике, вспоминая его положительные стороны жизни, сожалели о нем, но к середине обеда говор усиливался, разговоры переходили на другие темы, а к концу уже смеялись и шутили.

На одном из поминальных обедов пришлось слышать обращение одного из купцов к брату умершего: «Теперь за тобой очередь, Михаил Андреевич!» «Шалишь, брат! — отвечал Михаил Андреевич. — У меня впереди много бабья!» — намекая тем на своих сестер, старших его годами. И оба, довольные остротой, хохотали.

На другом поминальном обеде кроме бланманже подавали кондитерское пирожное, один из молодых священников растерялся, не знал, какое взять: возьмет одну, а соседняя как бы лучше, за нее ухватится, а глаза разбегаются, дальше лежит еще лучше; сосед священника схватил его руку и сказал: «Батюшка, на выбор дороже!» Рассмешил соседей и сконфузил попа.

Были и такие обеды, когда сынки после смерти отца распивали шампанское, а после поминок составлялась карточная игра».

Нам не удалось найти описание поминок военного времени, но полагаем, что на них подобное веселье вряд ли имело место. По свидетельствам многих современников (сразу ого-

воримся — в начальный период войны), единственной темой разговоров в обществе было положение на фронтах. И конечно же героизм воинов, павших на поле боя.

Вот, например, что стало известно москвичам об одном из подвигов капитана Ф. Ю. Корнилова, внука знаменитого севастопольского героя адмирала Корнилова:

«Во время боя 16 августа под Туробиным находившийся со своей ротой в 400 шагах от нашей пулеметной команды Федор Юрьевич заметил, что огонь последней начал ослабевать. Тотчас же Ф. Ю., сам великолепно знавший пулеметное дело, несмотря на адский огонь противника, кинулся к пулеметчикам. Бежать приходилось по совершенно гладкому полю, австрийцы, заметив бегущего офицера, усилили огонь. То припадая к земле, то снова принимаясь бежать, Корнилов все же добрался до пулеметов. Быстро, не теряя самообладания, под проливным дождем пуль и снарядов, Ф. Ю. разобрал и снова привел в действие пулеметы. После первого же огня австрийцы прекратили свою стрельбу и затихли. Оправившись, стали продолжать обстрел наших позиций. Так случилось два раза. В третий раз Ф. Ю. открыл такой меткий пулеметный огонь, что австрийцы замолкли окончательно, и наши смогли кинуться в атаку, завершившуюся полной победой.

Погиб Ф. Ю. в бою. Легко раненный в ногу и не желая уходить из боя, Ф. Ю. принялся под сумасшедшим огнем неприятеля перевязывать себе рану. В тот же момент пуля сразила героя.

Несколько писем к жене прекрасно характеризуют покойного. В них он говорит о том, что “живет с ротой одной жизнью”, что у всех одни помыслы — отдать свои силы Царю и родине».

Еще в газетном очерке говорилось, что все знавшие капитана Корнилова отзывались о нем как о человеке редкой души и офицере, отличавшемся беззаветной, «корниловской» храбростью. Солдаты считали его прекрасным начальником и горячо любили.

Хоронили капитана Корнилова с воинскими почестями 30 сентября 1914 года в Донском монастыре. Среди венков, лежавших на гробе, один был с надписью на ленте «Отцу-командиру».

Тот же поезд, которым в Москву было доставлено тело Ф. Ю. Корнилова, привез гроб с останками прапорщика В. К. Васильева. В траурном объявлении (еще один элемент похоронного обряда) говорилось:

«Родные и родственники погибшего 17 августа в бою с австрийцами прапорщика Вячеслава Константиновича Васильева, художника Челли, с душевным прискорбием извещают друзей и знакомых покойного, что вынос тела его с Александровского вокзала в храм Новодевичьего монастыря последует во вторник, 30 сентября, в 10 час. утра, где после заупокойной литургии будет совершено погребение».

Вероятно, читатель заметил, что разница между датами смерти и похорон составляет почти полтора месяца. Это связано с тем, что перевоз останков с поля боя для захоронения на московской земле было делом очень сложным, требовало от родственников погибшего больших усилий и затрат.

Правила перевоза покойных с театра военных действий, установленные Министерством внутренних дел, предписывали обязательное соблюдение нескольких условий. Прежде всего останки, извлеченные из военного захоронения, по указанию врача подвергали дезинфекции и помещали в металлический гроб, который немедленно запаивали. Затем его заключали в другой ящик — металлический или деревянный, сделанный из просмоленных досок. В пространство между ними засыпали негашеную известь.

Поскольку с началом войны запасы листового цинка очень быстро истощились, стоимость цинкового гроба, по словам доктора С. В. Пучкова, заведовавшего Братским кладбищем, подскочила до 250 рублей. По его же свидетельству, в большинстве случаев стали использовать деревянные гробы, оби-

тые внутри цинком, а снаружи оцинкованным железом и запаянные по шву оловом.

После подготовки останков к транспортировке от воинского начальника, заведовавшего перевозками, следовало получить разрешение на провоз гроба по железной дороге. Также необходимо было договориться о сопровождающем. Как правило, им был солдат из той части, в которой служил погибший офицер.

Такой провожатый играл важную роль, поскольку в пути могли возникнуть всякие коллизии. Примером служит конфликт, возникший при перевозке тела штабс-капитана А. И. Калачева, бывшего сотрудника «Московских ведомостей». Семья прапорщика Рунова, также ожидавшая на Александровском вокзале прибытие гроба, заявила, что это их покойник и они его забирают. Провожатый, по всей видимости, не смог объяснить, кого из офицеров он сопровождает. Из-за этого трагический спор продолжался до тех пор, пока следующим поездом не приехала вдова Калачева.

«Дорого стоит разрытие могил с соблюдением всех требований, указанных в правилах министра внутренних дел, — отмечал доктор Пучков, — поэтому часто приходится откладывать перенесение праха до окончания войны».

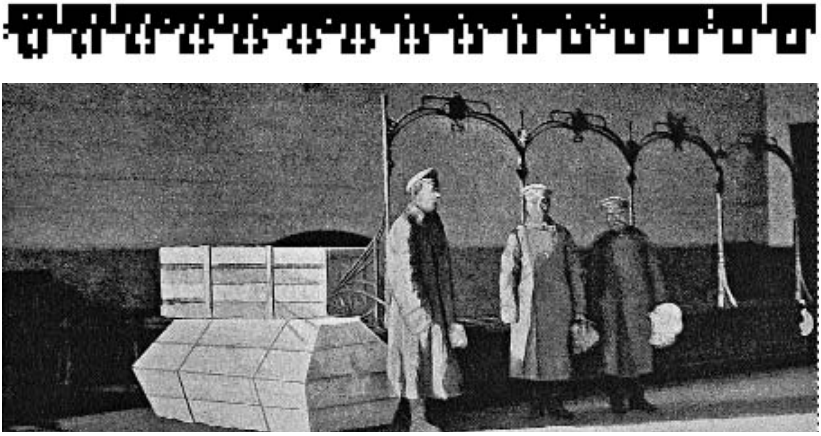
Дороговизна, конечно, важный фактор, но все же следует учитывать и тот факт, что экспедиция на фронт за телом погибшего требовала в первую очередь личного мужества и крепких нервов. Иллюстрацией тому служит история поездки помощника присяжного поверенного Емельянова в Люблинскую губернию на поиски останков родственника — офицера Карцелли. Вместе с ним на местах боев искал тело брата московский инженер Корнилов. Рассказ об этом был опубликован на страницах газеты «Утро России»:

«...Инженер Корнилов имел довольно точные сведения о том, где именно похоронен его брат. Товарищи покойного прислали целый план местности, но, тем не менее, найти тело погибшего было не так легко. Инженер, несмотря на всю тща-

В. К. Васильев (Челли)

тельность своих поисков, брата не нашел и помчался догонять его полк, ушедший далеко в пределы Австрии. С большим трудом догнав полк, инженер узнал несколько новых подробностей относительно места, где был зарыт его брат. Инженеру в деталях описали местность, бугорок, на котором были вырыты могилы павших в том же бою русских, и т. д. И между прочим, обратили внимание на то, что над могилой Корнилова поставлен крест, скрепленный солдатской вилкой и обвязанный веревочкой.

Денщики везут тела своих офицеров из Львова в Москву

Вернувшись в Люблин, инженер захватил гроб и снова выехал на поиски. Эта поездка и была совершена вместе с Емельяновым.

На полях битвы под Травниками и Высокой (до Высокой пришлось ехать 50—60 верст на фурманке) масса братских могил. Большие холмы, увенчанные крестами из березовых палок. На некоторых надписи, из которых узнаешь о том, что погребено “100 нижних чинов и три офицера”, “триста нижних чинов и три офицера” и т. д. В нескольких могилах, не помеченных надписями, находили трупы австрийцев. Трупы зарыты не глубоко. Немного пороешь, и показываются желтые башмаки, синие шинельки.

Поиски трупа Карцелли были безнадежны. Его не удалось найти ни в братских могилах, ни в офицерских. Емельянов потерял всякую надежду чего-либо добиться, тем более что из полка, откуда были получены сведения о смерти в бою Карцелли, никаких указаний на место его погребения сделано не было. Емельянов собрался уезжать, но инженер надежды не терял и с рвением искал брата.

Место его погребения, указанное товарищами, было найдено, но на нем не было и следа могилы. Кругом лежало ровное вспаханное поле.

Случайно на этом поле нашли березовую палку, с одной стороны заостренную и имевшую в середине выемку со следами дырок, как бы сделанных гвоздями. Вспомнив рассказ о том, что крест на могиле капитана Корнилова был скреплен солдатской вилкой, примерили такую вилку к дырочке. Подходила... Поиски продолжили.

Нашли вторую перекладину со следами таких же дыр и с остатками веревочки. Сомнений больше не было — крест с могилы.

Начали осматривать поле. В одном из углов оно имело несколько небольших возвышений. Обратили внимание, стали рыть и на глубине не более аршина наткнулись на труп капитана Корнилова...

Он, как и рассказывали товарищи, был завернут в брезент от австрийской палатки. Развернули. Инженер узнал брата — он вполне сохранился. Больше поразила одна подробность — вывернутые и опустошенные карманы...

Вообще, по словам Емельянова, мародеры работали всюю. Такие вывороченные карманы чуть ли не у всех виденных им трупов. По словам местных жителей, это “работали” австрийские санитары. (...)

Вернувшись сюда в Москву из своей безрезультатной поездки, Емельянов на другой день получил телеграмму из Женевы, извещавшую его о том, что, по сведениям, наведенным при посредстве бюро военнопленных, Карцелли жив, здоров и находится в плену в Венгрии...»

Проводив павшего в бою воина в последний путь, некоторые из москвичей старались увековечить память о герое. Так, отец корнета А. Г. фон Кеппена назвал именем сына госпиталь на 25 раненых, открытый им на Ново-Басманной улице. Родные и друзья В. К. Васильева-Челли устроили посмертную выставку его работ. Сбор от нее поступил на учреждение лазаретной койки имени художника.

Родители М. и А. Катковых приняли на себя обязанность по возведению церкви на Братском кладбище. При этом они

Из альбома покойного В. К. Васильева (Челли)

выдвинули условия: закладка храма должна состояться в годовщину гибели их детей — 6 августа 1915 года и два его придела будут названы во имя Архангела Михаила и Андрея Первозванного.

Ровно в назначенный день состоялась торжественная закладка храма во имя Спаса Преображения Господня. Кроме супругов Катковых на ней присутствовали великая княгиня Елизавета Федоровна, князь Иоанн Константинович с супругой, гласные Городской думы во главе с М. В. Челноковым.

Под Преображенский храм, спроектированный А. М. Щусевым в стиле древнерусских соборов XVI века, отвели место на возвышении, заросшем соснами и елями. Это был новый, только что открытый участок Братского кладбища, предназначенный под захоронения сестер милосердия, погибших на фронте или умерших в тыловых госпиталях.

Накануне закладки храма на нем появилась первая могила. В нее опустили семнадцатилетнюю Анну Нагибину, работавшую в инфекционном отделении распределительного госпиталя в Анненгофской роще. Девушка скончалась, заразившись брюшным тифом. Убитые горем родители положили на

могильный холмик венков фиалок с надписью «Милой девочке Нюре, положившей душу свою за други своя».

Преображенский храм и само Братское кладбище возникли как прямое следствие войны. Мы уже упоминали о хроническом дефиците мест под захоронения на московских кладбищах. Чрезвычайные меры, вроде прирезки к Ваганьковскому кладбищу нового участка специально под 500 воинских захоронений, не могли спасти положения. Уже 14 сентября 1914 года в газетном сообщении о крестном ходе к могилам новопредставленных воинов упоминалось, что панихида была отслужена над двадцатью свежими могилами. Понятно, что даже такой, казалось, большой площади хватило бы ненадолго.

Выход из кризисной ситуации был один — открыть новое кладбище. С таким предложением выступила великая княгиня Елизавета Федоровна. В ее телеграмме, направленной в адрес городского самоуправления и опубликованной в газетах 8 сентября 1914 года, говорилось: «Не признаете ли возможным отвести на окраине Москвы участок земли под кладбище для умерших в московских лазаретах воинов настоящей войны. Их родственникам и нам всем утешительно будет знать точное место упокоения павших при защите нашей дорогой родины героев и иметь возможность там помолиться. Елисавета».

Предложение великой княгини немедленно получило поддержку. Н. И. Гучков предрек, что такое Братское кладбище делается священным местом паломничества для русских.

В таком же высоком стиле некий «Севастополец» приветствовал на страницах «Утра России» идею создания Братского кладбища:

«Волею судеб Москва сделалась первой в России печальницей о раненых, десятком тысяч из них она дает облегчение и исцеление, утешая страдания, залечивая раны, сохраняя священную кровь.

Но никто не властен в жизни человека, и много героев-страдальцев, истекая кровью, испустят дух на ее заботливых

руках. И тела их будут покоиться в освященной веками московской земле.

Собрать могилы их вместе, украсить их, воздвигнуть им памятник — это будет последний долг, который отдаст им Москва.

И вся Россия скажет ей “спасибо” за это.

Братское кладбище героев великой войны 1914 года навсегда останется местом паломничества наравне с другими московскими святынями, и миллионы со всех концов России придут сюда на поклонение своему прошлому:

Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пойдут гусяры — споют песенку.

Более полвека прошло со времени славного севастопольского “сидения”, а и теперь еще всякий, кому случится быть в Севастополе, восставшему из развалин, непременно переедет через бухту на северную сторону, к братскому кладбищу, где под общим холмом лежит 137 тысяч павших защитников бастионов. (...)

Но этот братский памятник напомнит еще и о другом. Не случайно, скажут, что тысячи воинов, проливавших свою кровь на разных полях: в Галиции и Буковине, в Пруссии и Завислянской России, могли быть погребены здесь вместе, на родной земле.

И вспомнят тогда о другом великом подвиге, примера которому не знавала донныне история: о блестящем участии в войне организованного общества, горожан и земской России, о колоссальной силе “мирского” начала в русском народе, вылившейся наружу в такой организации забот о воинах, подобно которой никогда ни в одной стране не могло создать государство.

Эта сила несокрушима, и ей предстоит великое будущее.

Она сделала больше — спасла больше жизней от ударов врага, чем самые непроницаемые блиндажи редутов и непроницаемые стены крепостей.

Это мирское начало, эта ничем не сокрушимая сила общественного духа — величайшая крепость России, под стенами которой будет одержана последняя и решительная победа над врагом.

И в Москве, где, как в фокусе световые лучи, сконцентрировался общественный подъем России, устремившийся на помощь своим героям, будет их кладбище, братское кладбище, как сельский погост вокруг храма».

Поиск подходящего участка был поручен заведующему городскими землями Л. Г. Урусову и доктору С. В. Пучкову как «заботнику о московских кладбищах». Осмотрев около дюжины участков, делегаты Городской думы остановили свой выбор на усадебном парке возле с. Всехсвятского, в пяти верстах от Тверской заставы. Это была живописная местность с сухой песчаной почвой, поросшая старыми липами, небольшими группами берез, вековыми елями и соснами.

В конце ноября 1914 года решением Городской думы владелице участка г-же Голубицкой за 11 десятин 279 квадратных саженей земли была выплачена 271 000 рублей. Сразу после этого под руководством инженера С. С. Шестакова начались работы по устройству погоста. 15 февраля 1915 года состоялось открытие Братского кладбища, освящение временной часовни и первое погребение.

В тот день торжественная церемония началась с литургии, отслуженной в церкви Сергиево-Елисаветинского трудового убежища епископом Дмитрием Можайским. На богослужении пел хор воспитанников убежища, одетых в солдатскую форму. На службе присутствовала великая княгиня Елизавета Федоровна, принявшая на себя звание Августейшей покровительницы Братского кладбища. Ее сопровождали: московский генералитет во главе с командующим войсками А. Г. Сандецким, главноначальствующий Москвы А. А. Анд-

Отпевание павших на поле боя

рианов, московской губернатор гр. Н. Л. Муравьев, губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, городской голова М. В. Челноков со многими гласными, а также иностранные консулы — британский, французский, бельгийский, японский и сербский.

После окончания богослужения все его участники вместе с духовенством проследовали на новое кладбище. Там вокруг пяти свежевырытых могил уже выстроилось каре войск и оркестр. От каждой из воинских частей московского гарнизона, в том числе от военных училищ, было прислано по одному зводу.

На площадке в средней части кладбища перед временной часовней стояли катафалки с пятью обитыми белым крепом гробами. В них находился прах воинов, погибших на поле боя. Это были: сотник В. И. Прянишников, бывший питомец московского Алексеевского военного училища, и нижние чины — старший унтер-офицер А. И. Анохин, ефрейтор Е. И. Гутенко, рядовые Ф. И. Папков и Я. Д. Садов.

«С прибытием в часовню великой княгини Елизаветы Федоровны и епископа Дмитрия, — описывал увиденное участ-

Первые могилы на Братском кладбище

ник церемонии доктор С. В. Пучков, — началось молебствие с водоосвящением, причем священники кропили кладбище святою водою. После молебствия началась лития по почившим воинам, так как отпевание всех их состоялось раньше. При провозглашении “вечной памяти” все опустились на колени. Чрезвычайно трогателен был момент выноса праха воинов. Войска взяли “на караул”. Музыка играла “Коль славен”. Впереди была несена икона, потом шли малолетние певчие, все в солдатской форме, далее — духовенство с епископом Дмитрием.

Первый гроб несли георгиевские кавалеры, второй — консулы союзных государств, а третий и четвертый — городские гласные. Между прочим, в перенесении праха воинов участвовали: городской голова М. В. Челноков, Н. И. Гучков, губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин и член управы В. Ф. Малинин. Пятый гроб, сотника Прянишникова, несли: командующий войсками А. Г. Сандецкий, А. А. Адрианов, гр. Н. Л. Муравьев и др. Свежие могильные холмы были украшены венками, причем на могилу сотника В. И. Прянишникова возложен венок от алексеевцев. Великая княгиня

Елизавета Федоровна милостиво беседовала с родственниками покойного сотника».

Стоит отметить, что по своему устройству Братское кладбище имело некоторые принципиальные особенности. Не зря его создатель инженер Шестаков досконально проштудировал иностранную литературу по похоронному делу, а также с целью изучения объездил кладбища Петрограда, Риги и Севастополя.

На плане Братское кладбище напоминало регулярный английский парк. Идеально прямые аллеи четко делили его территорию на равные прямоугольные и ромбовидные кварталы. После присоединения дополнительного участка земли, выделенного Ведомством государственных уделов, сложился окончательный вариант планировки: от Петроградского шоссе к Преображенскому храму была проложена широкая аллея-проспект. В новой части Братского кладбища были выделены специальные секторы для захоронения воинов других исповеданий — католиков, протестантов, иудеев, мусульман.

«Разделенные верой, они были объединены Родиной и еще больше тем, что отдали за эту Родину свою жизнь, — дал оценку этому небывалому явлению современник, писатель С. И. Яблоновский (Потресов). — Более этого объединения нет, и поэтому так естественно желание народа дать на своем Братском кладбище последний приют всем погибшим на войне, не различая ни религии, ни национальности».

Сама по себе эта благородная идея не вызывала сомнений, но ее претворение в жизнь было связано с ломкой вековых устоев, поэтому сразу же натолкнулось на трудности.

Первыми это испытали на себе родственники погибшего на фронте подполковника Щипчинского. Они решили похоронить его на Братском кладбище, но встретили отказ со стороны представителей католической церкви. Только после длительных и сложных переговоров был найден компромиссный вариант: могилу подполковника Щипчинского выкопали как бы в стороне, отделив от остальных захоронений поло-

ской земли.

Самое интересное, что очень скоро в связи с могилой подполковника Щипчинского возникла новая конфессионная проблема. Когда он был убит, его боевой товарищ подполковник Соловьев сделал распоряжение: если погибнет — похоронить рядом с другом. Случилось так, что смерть настигла Соловьева ровно через месяц после гибели Щипчинского. Но на этот раз православное духовенство воспротивилось тому, чтобы «истинно верующий» лежал в земле рядом с католиком.

«Спасительницей положения, — писал о разрешении конфликта С. В. Яблоновский, — явилась узенькая дорожка, пролегающая между могилами. Она явилась тем формальным рубежом, который позволил сойтись вместе, в последний покой, людям, которые не понимали, что религия, Бог могут разлучать тех, кого объединили дружба, одинаковое служение Родине и мученическая смерть за Родину».

Братский мемориал отличался от остальных московских кладбищ и принципом оформления захоронений. Здесь на могилы не ставили ограды, а окружали их живой изгородью из кустов сирени, жасмина и спиреи.

В теплое время года могильные холмики обкладывали дерном и засаживали цветами.

По поводу оформления могил живыми цветами С. В. Пучков специально обратился к москвичам. Речь шла о традиции возлагать на могилы металлические венки. Элементы таких украшений, сделанные из жести, под действием дождей быстро ржавели, и венок терял презентабельный вид. Чтобы не обезображивать могилы ржавыми конструкциями, хранитель Братского кладбища предлагал простой выход: вместо покупки венков вносить деньги в кладбищенскую контору и уже из этих средств оплачивать постоянное украшение могилы цветами.

В идее отказа в условиях военного времени от покупки венков доктор Пучков был не одинок. Один из читателей «Раннего утра» выступил на страницах газеты с предложением: «...от-

речься от некоторых традиций, которые стали теперь уже пережитками». Как раз к ним автор письма относил возложение венков. Свою позицию он мотивировал тем, что «в настоящий момент, когда стране дорог каждый рубль, когда за пять рублей можно накормить нескольких раненых, снабдить теплой одеждой не одного из уезжающих на поле битвы солдат, — в такой момент забыть о пережитках — долг каждого».

Но вернемся на Братское кладбище. Как оно выглядело обычным летним днем, описал С. В. Яблоновский:

«Старый огромный и необыкновенно живописный парк. Аллея за аллеей, тянутся ветвистые липы; потом вдруг, расстраивая их ряды, соберутся в группы белые, словно обернувшие свои стволы в бумагу, березы, и снова ряд лип, да порою выделяются строгой, темно-зеленой хвоей старые сосны и ели.

Хорошо в этом парке. Хочется бродить, мечтать, забыть обо всем на свете. Но ведь не забудете, потому что ваше внимание давно уже привлекли к себе длинные правильные, многочисленные ряды ярко-зеленых прямоугольников, точно красивые, любовно, тщательно отделанные маленькие огородные грядки, и вы знаете, что это такое.

Прямоугольнички-грядки такие хорошенькие; они так стройно и весело побежали вдоль аллей, не мешая старым, склонившимся над ними деревьям, словно малыши-детвора под ногами у взрослых и стариков. И посередине каждой такой грядочки растут красивые цветы, и воткнута в каждую деревянная новенькая дощечка. Не знай вы — вы подумали бы, что на дощечке написано название этих красивых цветов. Но вы знаете и к веселым, нарядным грядочкам подходите с тревогой и неясным страхом. Читаете на дощечках: рядовой такого-то полка... имя, отчество, фамилия, годы, где и когда убит... И на другой, и на третьей, и на десятой, и на сотой, на тысячной — все одно и то же, все одно и то же, все одно и то же...

Это — создание еще кипящей войны. Там, на полях битв, исчезают, навсегда исчезают люди; здесь прибавляются все новые и новые аккуратные, тщательно выложенные газоном

Могилы авиаторов на Братском кладбище в Москве. Открытка
(из коллекции П. Д. Цуканова)

и усаженные цветами могилы. Братское кладбище. Там, где происходит страшная битва, — там их во много раз больше, с наскоро насыпанными холмами, с крестами из ивовых прутьев, затерявшихся; много выросло за этот год таких же могил среди кладбищ больших и маленьких городов, — а это единственное пока кладбище-памятник, где погребают только одних воинов, где в стройные ряды снова собираются выбывшие из строя воины. Господня армия.

Везут, везут сюда своих дорогих покойников те из родственников, которые имеют возможность это сделать. Вот и сейчас копают новую могилу; ярко желтеет на солнце вынимаемый аккуратными четырехугольниками песок. Это — могила для прапорщика Шмита.

А вот на скамейке сидят две дамы в трауре с сосредоточенно-грустными лицами. Эти, кажется, уже похоронили и не могут уйти отсюда, из этого живописного, а для них такого

страшного уголка...

Заходим в часовню. Она вся увешана венками. Любовно украшена, с текстами из Евангелия. Венки от офицеров товарищам, венки от солдат своим погибшим офицерам. Посредине часовни стоит гроб офицера, умершего от отравления газами.

Вышли. Вон едет телега, а на ней рядом желтеют под деревом три солдатских гроба. Эти будут некоторое время лежать в могилах, не имеющих такого веселого и нарядного вида: вон целый огромный участок песчаных, словно ободранных могил. Это — свежие, еще не осевшие; их еще нельзя убирать дерном и цветами, и они кажутся вследствие этого как будто чужими на этом кладбище. Скоро зазеленеете и вы, а на покрытых сейчас травой полянках появятся новые песчаные прямоугольники».

В Московской городской думе планировали после победы превратить Братское кладбище во всероссийский памятник «Великой Отечественной войне» — так называли в то время Первую мировую. В галереях Спасо-Преображенского храма предполагалось разместить собранные документальные материалы и военные трофеи. Планам этим не суждено было сбыться.

После захвата власти большевики проводили в районе Братского кладбища массовые расстрелы, а в середине 1920-х годов его вообще закрыли. Окончательно оно было уничтожено в конце 40-х годов в связи с застройкой Песчаных улиц. Примерно на том месте, где находился Преображенский храм, теперь стоит кинотеатр «Ленинград».

Единственное, что сохранилось от многотысячного захоронения, — это гранитное надгробие, которое можно увидеть в сквере возле кинотеатра. На камне выбита надпись: «Жертва империалистической войны. Студент Московского университета Сергей Александрович Шлихтер, умер от ран. 1895—1916». Считается, что могила уцелела, потому что в ней лежит сын советского наркома А. Г. Шлихтера.

Последние похороны представителей «старого мира» со-

стоялись на Братском кладбище уже после победы большевиков, 13 ноября 1917 года. Это были защитники Временного правительства, павшие во время октябрьских боев в Москве, а также случайные жертвы военных действий. Этому событию была посвящена статья одного из авторов, опубликованная в «Московском журнале»¹:

«Последней была песня “То, что я должен сказать”, — вспоминал о своем первом концерте в Екатеринославле Александр Вертинский. — Я уже был в ударе... Подойдя к краю рампы, я бросал слова, как камни, в публику — яростно, сильно и гневно! Уже ничего нельзя было удержать и остановить во мне... Зал задохнулся, потрясенный и испуганный:

Только так беспощадно,
так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Я кончил.

Я думал, что меня разорвут! Зал задрожал от иступленных аплодисментов. Крики, вой, свистки, слезы и истерики женщин — все смешалось в один сплошной гул.

Толпа ринулась за кулисы. Меня обнимали, целовали, жали мне руки, благодарили, что-то говорили...»

Почему эта песня так потрясла современников? Каким мальчикам была она посвящена?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вернуться к событиям осени 1917 года в Москве.

На рассвете 3 ноября в Кремле разорвались последние снаряды. Над Первопрестольной повисла тишина, прерываемая редкими винтовочными выстрелами. Москвичи, не выходившие из домов более недели, устремились на улицы. То здесь, то там фотографии устанавливали аппараты, спеша заснять разру-

¹ Андрей Кокорев. И никто не додумался просто стать на колени...// Московский журнал. 1994. № 10. С. 15—16.

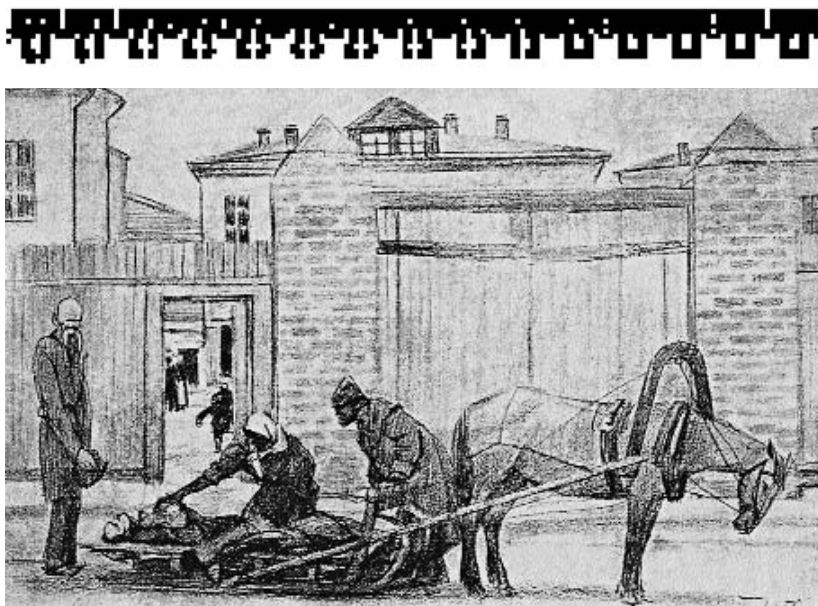

шения, нанесенные городу в ходе Октябрьского переворота.

Дошел черед и до тех, кого уже не волновала ни классовая борьба, ни что иное. Они — павшие в боях или просто случайные жертвы обстрелов — дожидались своего часа в моргах московских больниц и госпиталей. Объявляя о похоронах «жертв революции», руководители Моссовета вряд ли предполагали, что оставляют Истории наиболее точное определение погибшим в братоубийственной войне. Правда, в те ноябрьские дни, поделив убитых на «наших» и «ненаших», жертвами посчитали только революционных солдат и красногвардейцев. Именно их помпезно хоронили у Кремлевской стены, остановив в этот день распоряжением новой власти работу всех московских фабрик и заводов. Впрочем, эти похороны описаны неоднократно и подробно.

Но если удостоенные захоронения на Красной площади были жертвами, то кем же считать павших по другую сторону баррикад? Авторы советских учебников истории называли их не иначе как «представителями эксплуататорских классов», которые не хотели добром вернуть народу награбленные богатства. Однако практически все юнкера, например, 1-й и 6-й школ прапорщиков, оборонявшие здание Городской думы, были солдатами-фронтовиками, получившими право на офицерские погоны не за богатство или знатность, а за отвагу в боях. Они прямо заявляли, что «стоят за землю и волю, за революционный закон, против захвата, против обмана народа».

А к какому лагерю отнести девятилетнюю Анечку Клименкову и ее маму — сестру милосердия, убитых снарядом, разорвавшимся в лазарете на Большой Молчановке? А десятки, сотни таких же случайно пострадавших московских обывателей? Ведь все эти жертвы были далеко не случайными — большевики пустили в дело тяжелые пушки, несмотря на предупреждение артиллеристов об отсутствии у орудий прицелов и специальных таблиц для стрельбы, из-за чего снаряды летели куда угодно, в том числе и на головы мир-

К. Юон. Убитый красногвардеец.

Иллюстрация к повести А. С. Яковлева «Октябрь»

ных граждан.

Взяв власть, победители милостиво разрешили побежденным «хоронить своих мертвецов». К этому времени большая часть убитых «белогвардейцев» была похоронена родственниками. Заботу об оставшихся тридцати семи, среди которых были прапорщики и юнкера, студенты и курсистки, дети и просто неизвестные штатские, взял на себя Объединенный студенческий комитет. В своем обращении студенты подчеркивали, что церемония будет скромной, без венков, лент и тем более — без флагов и лозунгов. Вместо этого желающие могли установить в любом высшем учебном заведении Москвы именные стипендии в память погибших. В ответ на обращение Комитета члены Всероссийского Собора Русской православной церкви дали свое согласие участвовать в похоронах.

Ненастным утром 13 ноября площадь у Никитских ворот и

прилегающие улицы были так заполнены народом, что само собой остановилось трамвайное движение. Храм Большого Вознесения не мог вместить всех желающих, и в него пускали только по пригласительным билетам. Заупокойную литургию служил архиепископ Дмитровский Иоасаф. Под сводами храма мощно звучали хоры — под управлением Архангельского, Синодальный и студенческий.

В двенадцать часов из дверей церкви один за другим стали выносить простые, украшенные лишь еловыми ветвями гробы¹. Толпа с большим трудом расступилась, и сквозь этот узкий человеческий коридор неспешно двинулись возглавлявшие процессию архиереи. За ними — хор певчих. Над людским морем зазвучали «Вечная память» и «Святый Боже». Осторожно, словно боясь потревожить спящих, несли на плечах гробы с телами товарищей студенты и юнкера. Замыкали процессию студенческий хор и оркестр. Скорбный маршрут пролегал по Тверскому бульвару, затем по Тверской сквозь невиданное многолюдье. Многие плакали, особенно при виде пяти детских гробиков.

Наконец шествие достигло Братского кладбища, где до этого москвичам приходилось хоронить лишь героев германской войны. Теперь же на нем зияла провалом первая братская могила войны Гражданской. Зазвучали надгробные речи

¹ Москвич Н. М. Мендельсон, очевидец похорон, записал в дневнике: «В церковь нельзя было пробиться. При нас выносили гробы. Их много... Некоторые по размерам — для мальчиков 14—15 лет. Много молодежи. Оркестр какого-то учебного заведения. Толпа молчалива. Погода адская. Из церкви выносили около 3-х часов. Ни цветов, ни лент, ни плакатов... и это внушительно. Тишина и слезы сдержанные. Большинство гробов несут на руках военные и учащиеся. За одним гробом запомнился мне весь обязанный и на костылях молодой прапорщик. Чудный хор. Впереди митрополит, архиерей, духовенство. Совсем непохоже на похороны большевиков. “Тех с песнями хоронили, а этих по-православному”, — говорят в толпе...» — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 165, карт. 1, д. 1. Лл. 21об. — 22.

представителей различных партий и общественных организаций. «Вечная память вам, товарищи и граждане, оставшиеся верными здоровой идее государственности, которую вы беззаветно, бескорыстно защищали, — говорил городской голова В. В. Руднев. — Москва, высоко ценя память верных сынов своих, не забудет и вас и передаст следующим поколениям, что среди смуты и великих соблазнов вы поняли великую идею, завоеванную революцией, — идею народоправия...

Пройдут года, и не только мы, избранники народа в городской думе, но и те, которые шли на вас бранью, подойдя к вашей могиле, скажут: “Здесь покоятся останки мужественных и стойких защитников права, не убоявшихся положить жизнь свою ради торжества народной воли и идеи государственности”».

Увы! Не можем мы в наши дни прийти и поклониться священному праху — нет теперь в Москве Братского кладбища. На его месте — парк для отдыха трудящихся и кинотеатр «Ленинград».

Осталась память.

И песня:

Я не знаю, зачем и кому
это нужно,
Кто послал их на смерть
недрожавшей рукой,
Только так беспощадно,
так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Осторожные зрители молча
кутались в шубы,
И какая-то женщина
с искаженным лицом
Целовала покойника
в посиневшие губы
И швырнула в священника

обручальным кольцом.
Закидали их елками,
замесили их грязью
И пошли по домам —
под шумок толковать,
Что пора положить бы уж
конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол,
мы начнем голодать.
И никто не додумался
просто стать на колени
И сказать этим мальчикам,
что в бездарной стране
Даже светлые подвиги —
это только ступени
В бесконечные пропасти —
к недоступной Весне!»

По данным энциклопедии «Москва» (М., 1997), к 1917 году только на Братском кладбище было захоронено 18 тысяч человек: офицеров, солдат, врачей, сестер милосердия, общественных деятелей. Сколько всего участников Первой мировой войны нашло вечное упокоение в московской земле — так никто и не подсчитал¹.

Сейчас, почти сто лет спустя, огромное количество погибших является для нас всего лишь абстрактной цифрой. Но если вспомнить, что за ней стоят конкретные люди, многие из которых оставили реальный след в истории Москвы, возникает совсем иное ощущение. Вспомним хотя бы некоторых из них:

К. И. Абрамов — прапорщик, директор Товарищества Пе-

¹ Очень краткие сведения в виде поименных списков содержатся в изданиях: Пучков С. В. Московское городское Братское кладбище. М., 1915; Московское городское Братское кладбище: Опыт биографического словаря. М., 1992.

хорской мануфактуры.

Г. В. Агуров — прапорщик, сын адвоката. Учился на историко-филологическом отделении Московского университета. Закончил школу МХАТ, в составе разных трупп выступал на гастролях как драматический артист. Был освобожден от призыва, но добровольно поступил в Александровское военное училище. С февраля 1915 года на фронте, участвовал в операции по овладению проходами в Карпатских горах. Погиб 8 марта 1915 года. Погребен на Братском кладбище.

Из описания подвига прапорщика 189-го пехотного Измаильского полка Г. В. Агурова: «Прапорщик Агуров, находясь со своей ротой в резерве и видя остановку передовых рот, по собственной инициативе бросился вперед, увлекая подчиненных. Ни ураганный огонь пулеметов и ружей, ни бомбы, бросаемые из бомбометов, не могли остановить порыва прапорщика Агурова, за которым все ринулись вперед. Прапорщик Агуров с обнаженной шашкой впереди всех подбежал к проволочным заграждениям, которые и были прорваны, но сам прапорщик Агуров пал, сраженный тремя пулями, запечатлев свой подвиг героической смертью».

Е. В. Алалыкин — из дворян, окончил 1-й Московский кадетский корпус и Александровское военное училище. Участник Русско-японской войны. До 1914 года в отставке, с начала войны в составе 11-го гренадерского Фанагорийского полка на фронте. Похоронен на Братском кладбище.

П. А. Баранов — поручик ополчения, убит разрывной пулей возле крепости Осовец. Преподавал математику в Московском учительском институте и читал лекции в Педагогическом институте им. П. А. Шелапутина, автор нескольких учебников по математике и физике. Участвовал в Русско-японской войне.

Один из бывших учеников вспоминал о П. А. Баранове:

«Он не объяснял уроки, а беседовал с учениками.

Учил нас Баранов физике, и значительная часть его уроков

проходила на открытом воздухе, на обширном гимназическом дворе. Преподаватель ловил каждую мелочь, имеющую отношение к его предмету.

Я до сих пор помню, как он, воспользовавшись качелями — длинной доской, положенной на бревно, — объяснял нам отчетливо, ясно и в высшей степени остроумно различные виды рычагов... Книга, старый классический Краевич, в этих объяснениях почти не участвовал.

Был и такой урок. Баранова призвали в армию, на повторительный учебный сбор. Он пришел на урок в военной форме. Она была, как сейчас вижу, очень ему к лицу: щеголеватый и ловкий офицер. Он был артиллеристом.

Остановился перед доской и сказал:

— Призвали меня как нельзя более кстати. В прошлый раз вы слышали от меня о законах падения тел в безвоздушном пространстве. А теперь мы поговорим о том, как летают снаряды. Вчера я был на учебной стрельбе.

Прекрасное начало для беседы, не правда ли? Рассказывал он великолепно, ухитряясь быть живым, наблюдательным и красочным даже при сухих математических выкладках.

— Всякая мысль учителя должна принадлежать его ученикам...»

В. А. Башкиров — из дворян, окончил Лицей императора Николая I в Москве. Служил доверенным лицом Московского отделения Русского для внешней торговли банка. С июля 1914 года на фронте в составе 46-й артиллерийской бригады. Награжден Георгиевским оружием и пятью боевыми орденами. С 1916 года в 4-м корпусном авиаотряде. Погиб в воздушном бою. Погребен на Братском кладбище.

Н. Н. Богатов — прапорщик запаса, художник, сын известного художника. Окончил Училище живописи, ваяния и зодчества. Участник ряда выставок, кружка «Среда», иллюстрировал журнал «Юная Россия» и др. На фронте с 1914 года в составе 12-го гренадерского Астраханского полка. Похоронен

на Братском кладбище.

В. И. Болтышев — поручик, один из лучших летчиков-наблюдателей русской армии. Учился в Императорском техническом училище, затем в Московском сельскохозяйственном институте. Окончил Гатчинскую авиашколу. За проявленную храбрость был награжден орденами и Георгиевским оружием. Похоронен на Братском кладбище.

М. Н. фон Бооль — единственный сын бывшего управляющего Московскими императорскими театрами.

С. П. Вакарин — зауряд-капитан¹, бывший директор правления Товарищества мануфактур Ясюнинских.

Н. Ф. Веденеев — прапорщик, помощник присяжного поверенного. Первый представитель московской адвокатуры, погибший на фронте.

Ф. Н. Вонсяцкий — прапорщик, помощник присяжного поверенного. Сын рабочего Коломенского завода, деревенский пастушок — несмотря на тяжелые материальные условия, сдал экзамены на аттестат зрелости. В 1909 г. поступил в Московский университет и блестяще его окончил. Только добился успеха на юридическом поприще, а с ним и материального достатка, как случилась война.

П. В. Гайдеров — прапорщик, помощник присяжного поверенного. Окончил Московский университет. В кратком некрологе о нем говорилось: «В Москве его хорошо знали рабочие круги, с которыми он был близок сначала как марксист — партийный работник, а потом как защитник по рабочим делам. В связи с последней трамвайной забастовкой у него был произведен обыск».

В. Л. Зимин — вольноопределяющийся, представитель видной московской купеческой фамилии. Сын одного из пайщиков товарищества Зуевской мануфактуры, племянник директора оперы С. И. Зимины. По окончании реального учи-

¹ Военнослужащий русской армии, исполнявший обязанности офицера, не имея офицерского чина.

лица поступил вольноопределяющимся в один из пехотных полков и с ним попал на фронт. Бросился на спасение раненого ротного командира и был сражен пулей в висок.

Н. М. Кавелин — командир батальона Грузинского полка, дальний родственник известного историка и общественного деятеля К. Д. Кавелина.

К. В. Казалет — лейтенант, сын директора универсального магазина «Мюр и Мерилиз», погиб на Галлиполийском полуострове.

С. Е. Климович — гвардии поручик, сын московского градоначальника генерала Е. К. Климовича.

А. М. Колюбакин — бывший депутат Государственной думы.

Н. И. Лихачев — капитан, один из основателей Московского общества любителей орхидей.

Ф. Д. Матосов — поручик, выпускник московской военно-авиационной школы. Летал на «Фармане». Чудом уцелел в авиакатастрофе, охладел к авиации. На фронт ушел пехотным офицером, но, встретив товарищей по авиашколе, вновь захотел летать. Хлопотал в штабе о переводе и получил согласие. За два дня до прибытия аэроплана погиб в бою при Туробине.

В. С. Протопопов — преподаватель всеобщей истории Высших женских курсов, окончил математический и историко-филологический факультеты Московского университета. На фронт пошел добровольцем.

А. А. Русаков — прапорщик, выпускник Коммерческого училища. Вместе с отцом владел и руководил большой мануфактурной фирмой. Участвовал в Русско-японской войне и заслужил боевые награды: ордена Св. Станислава и Анны 3-й степени с мечами и бантом.

П. И. Святославский — прапорщик. Воспитанник Московской духовной семинарии. Участвовал добровольцем в Русско-японской войне (награжден орденом Св. Станислава) и в Балканских войнах (награда — болгарский Кавалерийский

Повседневная жизнь Москвы

крест за военные заслуги); служил в Московской контрольной палате и сотрудничал с одной из московских газет.

С. Г. фон Струве — сын основателя Коломенского паровозостроительного завода.

Князь П. В. Урусов — поручик, выпускник Пажеского корпуса.

К. А. Фортунатов — сын профессора.

С. Н. Черкашин — капитан, бывший старший помощник пристава 3-го участка Тверской части. Первый из чинов московской полиции пошел на фронт добровольцем.

Б. Н. Шеншин — штабс-капитан, видный представитель московской аристократии, бывший чиновник особых поручений при генерал-губернаторе.

СУХОЙ ЗАКОН

*Прекрасных слов напрасна трата,
Я на людей смотрю, дрожа:
Всесильна власть денатурата, —
Увы, еще сильнее «ханжа».*

Из газет 1915 г.

Новое, непривычное для москвичей состояние — эпоха всеобщей трезвости — началось с обязательного постановления, подписанного 16 июля 1914 г. Свиты Его Величества генерал-майором Адриановым. Распоряжение главноначальствующего, расклеенное по всей Москве — на афишных тумбах, стенах домов, заборах, — гласило:

«Воспрещается на время с первого дня мобилизации впредь до особого объявления:

1. Продажа или отпуск, под каким бы то ни было видом, спиртных напитков лицами, получившими в установленном порядке разрешения на производство торговли питиями.

2. Продажа или отпуск спиртных напитков, как распивочно, так и на вынос, в частных местах продажа питей всех категорий и наименований, пивных лавках и буфетах, на станциях железных дорог и при театрах и прочих увеселительных местах, за исключением ресторанов 1-го разряда, клубов и общественных собраний, причем, однако, из сих последних мест продажа на вынос не допускается.

3. Торговля, всякого рода увеселения и игры: а) в ресторанах 1-го разряда, увеселительных садах, театрах и прочих местах публичных представлений, а также клубах и общественных собраниях — позднее 1 часа пополудни; б) в ресторанах 2-го разряда — позднее 12 часов вечера, и в) в трактирах 3-го разряда и в заведениях трактирного промысла без крепких напитков — позднее 11 часов вечера. Лица, кои окажутся виновными в неисполнении или нарушении сего обязательного постановления, подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на три месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3000 рублей.

Настоящее постановление распространяет свое действие на территории города Москвы и тех пригородных участков, которые в полицейском отношении подчинены московскому градоначальнику».

Особенность нового постановления состояла не только в немислимо огромном размере штрафа. Главное заключалось в том, что наказание за тайную торговлю спиртным, или, как говорили в то время, за «шинкарство», назначала не судебная, а административная власть. Без всяких проволочек на основании лишь полицейских рапортов главноначальствующий карал нарушителей.

Казалось, такие драконовские меры должны были напрочь искоренить шинкарство. Но нет — стремление к наживе оказалось сильнее. Первым это доказал владелец ренского погреба (винного магазина) купец Е. И. Курников. Следом за ним в приказах генерала Адрианова о наложении штрафов и арестах замелькали лица самых разных профессий: содержатели трактиров, чайных, ренских погребов, гастрономических магазинов, ночлежных квартир, буфетчики, дворники, просто обыватели. Среди москвичей, попавшихся на продаже водки, оказались даже владелец лавки, торговавшей железом, и содержатель катка.

Ради справедливости все же стоит отметить, что списки выявленных полицией тайных торговцев спиртным заметно

Темой карикатуры послужили газетные сообщения: «При объявлении войны Вильгельм рассчитывал на народное пьянство в России»

сократились. Если раньше в них фигурировало не менее двух-трех десятков нарушителей закона, то после 16 июля счет пошел на единицы. Конечно, это явление можно объяснить резко возросшей сознательностью населения или страхом перед суровым наказанием. Но, возможно, причина крылась в чем-то другом — например, в странной слепоте, вдруг охватившей полицейских.

На такие размышления наводят случаи, отмеченные в приказах по московской городской полиции. Так, за «непрекращение пьяного разгула» в ресторане «Малоярославец» угодили на гауптвахту пристав Пресненской части Карпов и околоточный надзиратель Скавронский. Другой околоточный, Алексей Новиков, вообще был уволен со службы. Он почему-то не придал значения заявлению о торговле запретной вод-

кой в подведомственной ему пивной лавке. А в одном из участков Рогожской части за тайное покровительство шинкарям выгнали из полиции всех околоточных.

Однако героические усилия начальства искоренить коррупцию оказались тщетны. По многочисленным свидетельствам современников, тайная торговля спиртным процветала в Москве на протяжении всех военных лет. Понятно, что «шинкарство» не могло существовать без покровительства со стороны полицейских среднего звена. В качестве иллюстрации приведем весьма характерный документ — письмо от обывателей с рассказом о деяниях пристава 2-го Арбатского участка Жичковского и его помощника, поступившее в канцелярию градоначальника в 1916 году:

«[...] Когда Жичковский, расплотив в своем участке всюду тайную торговлю вином и нажив на этом деле состояние, купил для своих двух содержанок автомобиль, пару лошадей и мотоциклет двухместный, то его, четыре месяца тому назад, перевели в 3-й Пресненский участок [...] Хозяином положения по винной торговле остался его старший помощник Шершневу, который скрыл от нового пристава все тайные торговли вином в участке и месячные подачки стал получать один за себя и за пристава в тройном размере.

Однажды вновь назначенный околоточный надзиратель, заметив, что Меркулов торгует вином, поймал его, то Меркулов об этом сейчас же сообщил Шершневу, последний вызвал к себе в кабинет этого надзирателя и сделал ему строгое внушение «не совать носа, куда его не посылают», и что он слишком молод.

На Пасху [...] пристав поручил Шершневу произвести у Меркулова обыск и найти вино, и Шершневу предупредил об этом Меркулова и в условленный с ним час явился к нему в лавку с двумя понятыми и, осмотрев все квасные бутылки, ушел с понятыми в участок писать протокол о том, что при обыске у Меркулова вина в лавке не найдено. А возвращаясь из участка, понятые эти зашли к Меркулову, купили у него

спирта в лавке и с досады на такие грязные и явно преступные действия начальства напились, и теперь без гомерического хохота не могут вспомнить об этом обыске и, рассказывая о нем всюду, не стесняясь, берутся за животы».

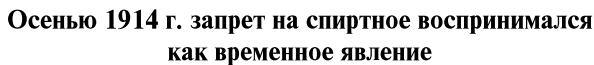
А вот другое свидетельство современника о непротивлении полиции алкогольному злу. Вспоминая о популярном среди московской интеллигенции клубе «Алатр», его завсегда́тай Л. Л. Сабанеев писал:

«Война в первые месяцы вызвала, как известно, запрещение продажи крепких напитков, но, тем не менее, в “Алатре” они все время подавались, сначала в скрытом виде (водка под именем минеральной воды, а коньяк под псевдонимом чай — и даже в чайниках — и пили его из чашек), но потом уже и без псевдонимов, тем более что полицейские власти любовно относились к “Алатру” и у дирекции были хорошие связи “в сферах”».

Две недели, отведенные на мобилизацию, прошли, а прежняя система продажи «питий» так и не была восстановлена. Чтобы продлить полюбившуюся властям всеобщую народную трезвость, главноначальствующий подписал 30 июля 1914 года еще одно обязательное постановление, посвященное запрету на спиртное. Единственное его отличие от предыдущего заключалось в отсутствии слов «на время мобилизации».

А 17 августа последовало новое распоряжение. Теперь под запрет попали продажа «спиртных напитков, рома, коньяка, ликеров, наливок и тому подобное» и «отпуск водочных изделий с водочных заводов и водочных складов». Кроме того, предписывалось в местах торговли водку и перечисленные виды спиртных напитков перенести в отдельные помещения, запретить их, а участковые приставы должны были такие кладовые опечатать. Попутно запрещена была продажа денатурированного спирта в частных торговых заведениях и аптеках.

В обороте спиртного было оставлено только виноградное вино. При этом оговаривалось: владельцам ресторанов и трактиров, где подавали вино, запрещалось пропускать в за-

О случаях тайной продажи спиртных напитков и нарушения обязательного постановления от 17 сего августа немедленно составлять протоколы и представлять мне. На виновных

мною будут налагаться административные взыскания в высшем размере, а заведения их будут закрываться в порядке положения о чрезвычайной охране. Проявленная же энергия чинами как наружной, так и сыскной полиции и их серьезное и добросовестное отношение к делу борьбы с тайной продажей спиртных напитков не останется без должного поощрения».

Как и положено, полицейские тут же продемонстрировали служебное рвение. Одного пьяного клиента, зафиксированного в протоколе, оказалось достаточно, чтобы на содержателя ресторана «Новая Моравия» был наложен штраф три тысячи рублей. Ресторан в «Петровском пассаже», где посетители напились до бесчувствия, был лишен лицензии на торговлю спиртными напитками и потерял право на все виды увеселений: оркестр, пианино, бильярд и т. п.¹ А заведение в Псковском переулке под названием «Комета» вообще было закрыто. В нем не только торговали из-под полы спиртным, но и допустили пьяное буйство, которое пришлось пресекать стражам порядка.

Продemonстрировали активность и агенты сыскной полиции. Их стремление отличиться перед начальством вышло боком владельцу ресторана «Аванс» Г. Старкову. Сыщики доложили, что в этом заведении трем посетителям подали изрядное количество водки. Дальше был пьяный скандал на улице, оскорбление женщины, составление протокола в участке, а для ресторатора — разорительный штраф, «с заменой в случае несостоятельности арестом на три месяца».

Запрет на продажу спиртного, введенный в период мобилизации, привел к неожиданному результату. В русском обществе заговорили о возможности всеобщего отрезвления страны.

¹ По действовавшим в то время законам содержатели ресторанов должны были получать и периодически продлевать в канцелярии градоначальника разрешение на все виды увеселений. Кроме того, владельцы ресторанов «Ярь» и «Стрельна» заверяли в полиции списки участников цыганских хоров и давали подписку, что артисты будут соблюдать установленные правила.

Газеты, ссылаясь на мнение владельцев фабрик и заводов, сообщали о настоящем перевороте в поведении рабочих. Оказалось, что у лишенных водки пролетариев заметно поднялась производительность труда, уменьшилось количество брака, почти прекратились прогулы. Выросла заработная плата на вспомогательных работах. Пока была водка, окрестные крестьяне нанимались, потому что заработок все равно пропивали. Теперь они предпочитали сидеть дома, чем работать за гроши.

Улучшились отношения между рабочими: исчезли ссоры, драки, хулиганство, почти прекратилось воровство. Жизнь в семьях стала более сытой и спокойной. В фабричных лавках увеличились закупки полезных товаров и снизилась продажа сахара — раньше рабочие забирали его, чтобы, сбыв за бесценок, тут же пропить деньги. Все больше рабочих стало участвовать в больничных кассах. Раньше по причине массового пьянства первый день болезни считали «загульным» или «похмельным» и его не оплачивали.

«Радость по поводу отрезвления и желание продлить его, — писала газета “Утро России”, — охватило даже такие элементы, среди которых горькое пьянство было особенно развито, как, например, ломовые извозчики. Они счастливы, что теперь могут значительную часть своего заработка отправлять семьям, в деревню. Вот что пишет правление московского общества взаимопомощи “Грузовоз” в своем заявлении на имя и. о. городского головы:

«Результат временной меры — запрещения торговли крепкими напитками и пивом в г. Москве во время мобилизации — ярко сказался на нашей отрасли труда — ломовом извозпромысле. Ломовой извозчик, типичный представитель всего грубого, даже дикого, в дни запрета преобразился. Привычная грубость смягчилась, появилось заботливое отношение и к своей семье, и к хозяйскому имуществу, работа пошла скорей, сознательнее. Нет и тех штрафов за нарушение правил езды и благопристойности. Заработок получается целиком и почти сполна идет на помощь в деревню. Словом, громадная

перемена к лучшему. Немудрено, стали *от них же самих* поступать просьбы о возбуждении ходатайства продлить *эти счастливые дни*, хотя бы до окончания войны. Правление московского общества “Грузовоз”, подкрепленное этими общениями, почтительнейше просит ваше превосходительство возбудить ходатайство о воспрещении торговли в г. Москве крепкими напитками, не исключая и пива, во все время военных действий».

Рабочие Рублевского водопровода утверждали, что курс на всеобщую трезвость имеет важное политическое значение: «Война ожидается длительная. Необходимо напряжение всех сил русского народа для того, чтобы выдержать эту борьбу и окончить ее коренным устранением всех тех ранее совершенных несправедливостей, которые нарушают мирное сожительство народов. Миллионы рабочих сил народа отвлечены на поле битвы; они должны быть возмещены в общей экономике организма народного усиленным трудом оставшихся, и необходимо охранить этот труд от всего, что ослабляет его, что нарушает спокойный обиход жизни».

Такие настроения были не единичными. Очевидец событий инженер Н. М. Шапов отметил в дневнике: «Пьяных нет... Все этим очень довольны. Наш дворник Иван Кононов выпивал регулярно, теперь радуется; собирается водку бросить, хотя бы и разрешили».

На антиалкогольной лекции, устроенной обществом «За Россию», в аудитории Политехнического музея собрались представители разных классов. По свидетельству репортера: «...рядом с работницей в ситцевой кофточке сидит дама в бриллиантах и эспри»¹. И все они единогласно постановили обратиться к правительству с просьбой о запрете водки и после войны.

А вот на манифестации, прошедшей 26 августа 1914 года по случаю утвержденного царем запрета на продажу водки, судя

¹ Украшение из перьев журавля или фазана для прически или шляпы, отличалось большим размером.

по газетным отчетам, преобладали «ремесленники, рабочие, бабы в платках». После молебствия о здравии императора громадная толпа двинулась по Тверской к дому градоначальника. Кроме портретов царя в головной части колонны несли два стяга с надписями: «Да здравствует великий сеятель трезвости государь император» и «Да здравствует трезвость».

«На Тверской присоединяется и гуляющая публика, — общалось на страницах “Утра России”, — и движется вместе с толпой до Страстной площади и, затем, по проезду Тверского бульвара, к дому градоначальника.

Здесь остановка. Толпа поет гимн. Гремит “ура”. На балконе появляется градоначальник Свиты ген.-м. А. А. Адрианов.

— Ваше превосходительство, — раздается голос из затихшей толпы, — помолившись у чтимой иконы Иверской Божьей Матери, мы пришли к вам просить повергнуть к стопам его императорского величества чувства нашей любви и преданности и глубочайшей благодарности за запрещение продажи спиртных напитков на все время войны.

Градоначальник кланяется.

— Ваша просьба будет исполнена.

Снова звучит гимн, и толпа движется обратно».

К гласу народному вскоре присоединился голос православной церкви. Всероссийский праздник трезвости был отмечен 29 августа торжественными богослужениями во всех храмах Москвы. Из Успенского и других кремлевских соборов состоялся крестный ход на Красную площадь. Возле Лобного места епископ Можайский Дмитрий отслужил молебен, а протопресвитер Н. А. Любимов обратился к пастве с проповедью о благотворном влиянии трезвости.

В 1915 году Праздник трезвости был отмечен уже двумя крестными ходами. Первый был из Кремля на Красную площадь. Второй — из церкви Варнавинского общества трезвости у Семеновской заставы к Ваганьковскому кладбищу и обратно. На всем пути эту процессию встречали выносом хоруг-

БЕЗОПАСНО.

— А? Не чего зовишь, Тарасъ Карловичъ? Сидишь себѣ на крышѣ въ кафянѣхъ благодушнѣйшихъ, а полъ тобой нѣтъ Охотный рядъ, какъ изъ дѣтства! Въ прежнемъ время купецъ побоялся-бы на такую высоту взбираться!
— Въ прежнемъ времени, это точно. Когда вытѣлся поддальга, Мошна было-бы до того изнѣтъ, что принять отсюда захотѣлось-бы.
А теперь, безопасно! Съ чѣмъ-то такое Фигуринъ не прѣсть въ голову.

**К открытию кафе на крыше 10-этажного дома Нирнзее
в Б. Гнездиновском пер.**

вей из местных храмов. Колокольный звон в Москве в тот день длился до шести часов вечера.

Обнадеживающие данные о благотворном влиянии запрета на спиртное поступали из полиции. За нарушение общест-

¹ Среди нарушителей был и некий мещанин Д. Жмотов, который в пьяном виде кричал на Рождественке: «Да здравствует Германия!» Главноначальствующий определил «германофила» на три месяца в тюрьму.

венной тишины в августе 1914 года было составлено только 447 протоколов¹, хотя в январе их было 1075. По тем же месяцам соотношение протоколов «за ссоры и драки, с причинением ссадин, царапин и поранений» составляло 68 и 199. В январе чинов полиции москвичи в нетрезвом виде оскорбляли 255 раз, а в августе было отмечено всего 72 случая.

Конечно, в этой статистике явно видна известная доля лукавства. Во-первых, за точку отсчета взят январь с его традиционным праздничным разгулом. Во-вторых, значительная часть дебоширов наверняка попала под мобилизацию и в августе находилась уже вне поля зрения московской полиции. И тем не менее факт был налицо — на улицах Москвы стало заметно тише.

«Воздержание прежде и заметнее всего сказалось, так сказать, на внешней стороне жизни, — отмечал активный сторонник трезвости, заведующий лечебницей для алкоголиков И. Н. Введенский, — исчезли знакомые картины уличного пьянства, скрылись пьяные, растерзанные фигуры, оглашавшие улицы непристойной бранью, не видно стало всякого рода бывших людей, попрошаек, нищих, темных личностей и т. п. Общий тон уличной жизни стал сразу совсем иной.

Прежде всего единогласно отмечается почти полное исчезновение хулиганства, которое за последние годы, как известно, было предметом особого внимания общества и правительства и принимало настолько грозные размеры, что потребовало специальных мер борьбы и особых законодательных мероприятий. Получая поддержку в низком культурном уровне, оно

¹ Брошюру И. Н. Введенского «Опыт принудительной трезвости» (М., 1915), переизданную в Новосибирске в 1996 г., по-видимому, и сейчас используют для пропаганды «сухого закона». На наш взгляд, у данной работы есть один крупный недостаток — автор превозносит положительные стороны абсолютного запрета на алкоголь и недостаточно подробно исследует его отрицательные последст-

оказывалось продуктом по преимуществу алкогольным и с устранением алкоголя из народного обихода быстро пало»¹.

«Редкий случай» — так назвал фельетонист «Утра России» описанную им уличную сценку времен всеобщего отрезвления:

«На улице — происшествие. Толпа, охваченная любопытством.

Новые зрители торопятся с разных сторон. Лезут ребятишки, раскрывая рты, словно голодные галчата.

Возбуждение чрезвычайное; картина совершенно исключительная:

— Пьяного ведут!

А сначала можно было подумать, что здесь только что разорвалась немецкая граната, брошенная сверху.

Пьяный — это такая редкость по нынешним временам. В сущности говоря, это даже не пьяный, а умирающий. Он отравился каким-то суррогатом. От глаз видны лишь белки, вывороченные наружу, застывшие в бессмысленном смертельном ужасе.

На бороденке — рыжеватой и ошипанной — пена, смешанная с кровью.

Публика строит предположение с видом знатоков:

— Денатурированного хватил?

— Нешто от него такое будет? Столярный лак, не иначе.

Пьяного не ведут, а тащат. Туловище его осело, и ноги согнулись. Волочатся коленами по мостовой.

Сожаления он не вызывает у толпы, а насмешку. И не благодушную, а злую.

— Пропasti на вас нет!..

Городовой сзади, не желая пачкать рук, подталкивает шашкой это мотающееся из стороны в сторону беспомощное тело.

Здесь, в этой возбужденной толпе, можно лучше всего понять, как дорога теперь трезвость народу, как ненавидит он то, что нарушает ее строй; никакие силы не заставят его спо-

койно отказаться от этого права на трезвость.

Несчастный пьяный... Он является оскорбителем народа.

Извозчики разлетаются врассыпную перед этим шествием. Кому же весело сажать дарового седока?

С большим трудом городской ловит одного из них, и сторожа водружают на него свою ношу. Голос хладнокровного наблюдателя:

— До вечера не дотянет.

Толпа рассеивается, заглянув в чуждый мир...»

Небольшое пояснение: в 1912 году московские власти установили новые правила доставки бесчувственно пьяных в полицейские участки. Для этих целей городские могли привлекать извозчиков, которым за каждую перевозку выплачивалось 25 коп. из городской казны. Из-за инфляции военного времени это вознаграждение настолько обесценилось, что пьяные фактически превратились в «даровых» седоков.

До этого нововведения «сорокомучеников», допившихся до беспамятства и подобранных на улице, в полицию доставляли по эстафете. Сторожа тащили «тело» до границы своего поста, где передавали его коллегам. Переходя таким образом из рук в руки, пьяница попадал в камеру полицейского участка. Кстати, в обязательную подготовку городских входило умение в одиночку поднять пьяного с мостовой и перенести его на руках.

Вдохновленные благостной картиной отрезвления Москвы, члены Городской думы на заседании 19 августа 1914 года подняли вопрос о полном запрете до конца войны всего спиртного — от водки до пива.

«В течение месяца, когда приостановлена продажа водки, — задал тон обсуждению председатель собрания О. В. Воскресенский, — по всей России заметны улучшения, которые всем очевидны. Не только у нас в Москве, но и по маленьким городам и деревням замечается, что русский народ как бы переродился, стал более вдумчиво и сознательно относиться к своим обязанностям. Те люди, которые не думали о труде, в

Коллегу с энтузиазмом поддержал гласный Н. И. Астров: «Мы присутствуем при исключительном, небывалом и величественном зрелище. То, с чего начал свой доклад председатель, представляет редкое явление: от целого ряда организаций и общественных кругов мы получили заявление о том, что нужно прекратить продажу крепких напитков. Это — не единичное явление: в этом же зале недавно присутствовали Городские Головы, собранные со всей России, и единогласно заявили то же самое. Те же Городские Головы представили об этой печали русской земли Государю Императору. Заговорила совесть народная, это — общее мнение, это — общая печаль и нужда. Наше постановление будет внушительнее, бу-

дет более соответствовать значению, моменту и предмету, если мы из нашего постановления, из нашей формулы исключим все подробности и детали, т. е. не будем говорить о 1-м или 3-м разряде, не будем перечислять все виды ядов, которыми отравлялась Россия, а постараемся выработать такую формулу, которая разрешила бы весь вопрос. Я бы предложил такую формулу: “Московская Городская Дума ходатайствует о полном воспрещении продажи спиртных, крепких и хмельных напитков”. Сюда подойдут все виды, о которых мы говорим».

Присоединившись к общему мнению, гласный Н. В. Щенков обратил внимание на явление, мешавшее полному отрезвлению народа:

«Московской Городской Думе следует наконец твердо заявить о прекращении продажи не только водки, но и виноградных вин, а также нужно ходатайствовать о том, чтобы и денатурированный спирт продавался с разрешения полиции. Сегодня мне передавали, что вчера и третьего дня у винных лавок стояли целые вереницы и покупали денатурированный спирт. Нашлись лица, которые умеют уничтожать скверный запах этого спирта: прибавляют в него красный перец, лимонную корку и горячую воду. Люди начинают пить этот спирт, и в эти дни появились на улицах пьяные. В нашем ходатайстве, безусловно, следует указать и на это обстоятельство. Если мы не примем решительных мер против денатурированного спирта, то отравлений будет масса, и пьянство, которое затихло, возвратится еще в большей степени, и мы будем иметь дело с рядом острых отравлений».

В конечном итоге городская дума единогласно решила: обратиться к верховной власти с предложением полностью запретить в Москве продажу всех видов спиртного.

Пока это постановление ходило по инстанциям, жители Москвы продолжали оставаться разделенными на две неравные части. Одни вполне спокойно могли пить водку, коньяк или вина в стенах перворазрядных ресторанов или клубов. Другие должны были искать обходные пути.

По этому поводу один из газетных фельетонистов утверждал, что возле заведений, где продавалось спиртное, появился новый вид промысла. Выпивохи, не имевшие приличного облачения для посещения ресторана первого разряда, могли получить во временное пользование накрахмаленную манишку. Некий благодетель за небольшую мзду снабжал страждущих деталью одежды, позволявшей спокойно миновать швейцара. С помощью манишки посетитель самого «товарищеского» вида сразу же превращался в «барина», перед которым уже нельзя было захлопнуть двери ресторана.

Разрешая торговлю горячительными напитками в перво-разрядных ресторанах и клубах, власти основывались на простом утверждении: народ пьет без меры, в пьяном виде дебоширит или валяется на улицах. Следовательно, его надо лишить источника соблазна. А вот благородная публика, даже выпив, ведет себя культурно, поэтому ей можно оставить доступ в «оазисы».

При этом как-то упустили из виду, что сами же провозгласили лозунг единения общества для отражения натиска опасного врага. Получилось явное противоречие: с одной стороны, власти призывали народ сплотиться, а с другой — разделили на «чистых» и «нечистых». Такая дискриминация не могла не вызвать озлобления со стороны тех, кого лишили возможности с помощью водки хотя бы на время забыть о несправедливом устройстве мира. Примером может служить история, попавшая на страницы газеты «Утро России»:

«Мучительная была сцена.

Ожидая поезда с ранеными, мы сидели в вокзальном буфете и пили чай. Мимо нас проходил человек с котомкой. Остановился и, глядя в упор, спросил:

— Пиво пьете?

— Нет, не пиво, а чай. Разве не заешь, что спиртного теперь нельзя?

Он заговорил с тоскливой злобой:

— Это нам нельзя, а вам можно. Вам все можно. Вы — гос-

пода, а мы что? До вас это не касается; делаете, что хотите. Я вижу... чай! Знаем мы этот чай...

— Да попробуй сам, чудак, если не веришь!

— Чтобы я стал пробовать... рот поганить. Поднесете стаканчик, а я должен после этого молчать. Нет, я вижу, очень хорошо вижу. Уж если трезвость, так до конца, чтобы без барства.

Говорил он долго, и все время в его словах “вы” чередовалось с “мы”, противопоставлялось “вам” и “нам”.

Кричало глубоко возмущенное чувство. Тогда мы возражали, насколько могли. Но теперь, после того что я видел, у меня не нашлось бы храбрости для возражений.

Эта связанная с войной трезвость должна быть общей, как и наше чувство, вызванное войной. Без всяких хотя бы самых незначительных ослаблений и поблажек.

Не должно быть разницы между “нами” и “вами”.

Литературно-художественный кружок и некоторые другие учреждения подобного же свойства. Если бы можно было отыскать этого человека с котомкой и привести его сюда.

К сожалению, он был прав. Он остановился бы между этими столами, и даже его великая недоверчивая злоба сменилась бы молчаливой растерянностью.

Слишком ошеломляющую он увидел бы перед собой картину.

Никогда еще кружок не знал такого наплыва посетителей. Предупреждаю, что я буду говорить только о кружке, а не о ресторанах, которым “разрешена водка”.

В ресторанах бывает всякая публика, от которой смешно и нелепо было бы спрашивать особой... ну, особой чуткости, что ли, в отношении событий. Чуткости и последовательности. Но кружок — учреждение в высшей степени интеллигентское.

Во время недавнего юбилея ораторы именовали его не иначе, как культурным центром Москвы. И вот она, эта культура, в натуральную величину.

Размер ее не слишком велик; он не превышает бутылки.

Все столы заняты, и за каждым из них красуется осанистая фигура какого-нибудь известного всей Москве деятеля. И на каждом столе — бутылки, различной формы и различного цвета, с определенным содержанием.

Разливанное море.

За всеми столиками разговоры о текущих событиях, дифирамбы трезвости, — под бряканье рюмок.

Неужели никому из них не встречались эти люди с котомками? Неужели никого из них не бросала в краску мысль о собственном цинизме?

— Великий, святой, единокдушный порыв...

Человек с котомкой остановился бы изумленно. То, что он увидел здесь, не перед собой, — выше всех незатейливых предложений.

Ему оставалось бы только одно: уйти и плюнуть.

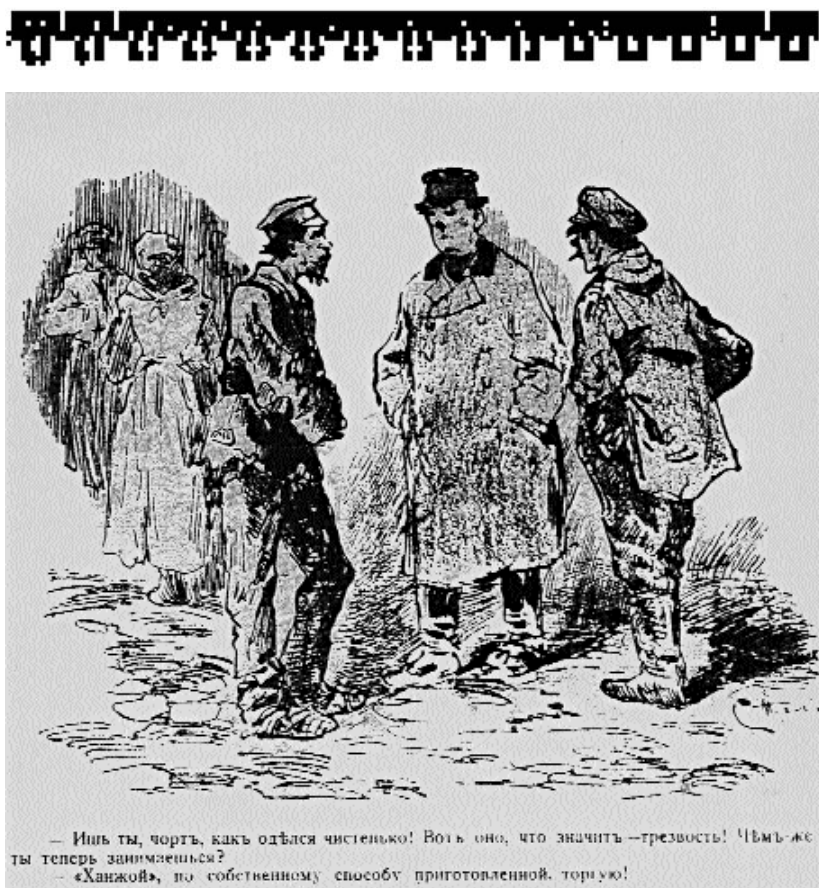
Уйдем и плюнем».

Совет, конечно, хороший, но ему никак не могли последовать те, у кого «горела душа», а принадлежность к городским низам нельзя было прикрыть никакими манишками. «Голь» по старой русской традиции снова оказалась хитра на выдумки. В качестве заменителя водки в ход пошли всякого рода спиртосодержащие жидкости: денатурат, политура, одеколон, «киндер-бальзам», серный эфир и т. д.

В обиходе военного времени прочно обосновалось слово «ханжа» — обозначение смеси разведенного денатурата с различными добавками. Например, на Хитровке, где, по сообщению врачебного надзора, к концу 1914 года число обитателей ночлежек заметно сократилось, но пьянство не уменьшилось, «ханжу» предпочитали готовить на клюквенном квасе.

Осенью 1916 года в статье «Пьяная словесность» Н. Лернер отмечал активное употребление в русском языке целого ряда слов, обозначающих заменители водки:

«Из денатурата стала фабриковаться “ханжа”. Слово это, уже почти забывшееся народом и бывшее отголоском китай-

ской экспедиции и японской войны, где мы имели случай познакомиться с ужасным дальневосточным “хан-шином”, приобрело в наши дни популярность на берегах Невы и Москвы не меньшую, чем на Амуре и Печилийском заливе.

Многие пьют денатурированный спирт, ничем его не сдобривая. В таком употреблении оно носит простые имена: “горючий спирт”, “синяя водка”.

Особенно страстно преданные ему любители зовут его ласково: “винотурка” (денатурка = денатурат), т. е. вино, валящее с ног, как лихой турка.

Из политуры путем недолгой отгонки готовится “болтушка”.

Вспомнил народ и давно забытые “бражку” и разные сорта водки “самогонки” и “самосидки”:

“Первак”. “Друган”. “Третьян”.

От калмыков переняли их мутную, вонючую “кумышку”, а также “арыку” из простокваши.

Также Н. Лернер указывал на такие народные напитки, как «лиссабончик», «союзная мадера» («...едва ли состоящая, впрочем, даже в самом отдаленном союзе с виноградниками и погребами благословенного острова Мадеры»), «лапландский антитрезвин», «кишмишевка», «калья-малья». Вместе с названиями новых «вин» в обиходе появились новые глаголы:

«— Болтухнем, брат, что ли?

— Н-да, пора подлиссабониться.

Где прежде “хареса размадеривали”, теперь станут “винотурку антитрезвить”».

Понятно, что употребление заменителей водки не могло обойтись без печальных последствий. Например, в газете «Утро России» прочно обосновалась рубрика с довольно двусмысленным названием — «Жертвы трезвости». В ней в двух-трех строках сообщалось о случаях смерти от алкогольных суррогатов. Текст заметок не отличался разнообразием: такой-то или такая-то, выпив денатурата (древесного спирта), расстались с жизнью.

Для некоторых москвичей роковым напитком оказался одеколон. Например, в «Голосе Москвы» от 6 февраля 1915 года сразу шести горожанам незамысловатой эпитафией прозвучало: «...выпил вместо водки большое количество одеколona и вскоре умер».

С другой стороны, о парфюмерии военного времени сохранились и положительные отзывы. В «Записках солдата» Д. П. Оськин отметил «Одеколон № 3», выпущенный в продажу аптекарской фирмой «Феррейн» после запрета водки. По сути, это был разведенный примерно до 50 градусов

спирт, сдобренный лимонной эссенцией. По свидетельству мемуариста, «номер третий» на вкус напоминал водку, настоящую на лимонных корках. Торговали этим одеколоном в аптеках в расфасовке по 200 и 400 граммов, по полтора рубля за маленький флакон.

Во второй части мемуаров, в «Записках прапорщика», Д. П. Оськин упоминал, что на фронте среди офицеров в отсутствие коньяка или вина в ход прекрасно шел одеколон.

В тылу, Впрочем, тоже не зевали. Вот одно из свидетельств: фрагмент фельетона В. Федоровича «Отечественная “промышленность”», опубликованный в «Голосе Москвы»:

«Приехали мы в грязный закоулок Сокольников.

Автомобиль остановился у покривившихся ворот с большой вывеской: “Парфюмерная фабрика И. С. Прыща”.

— Вы — парфюмер! — удивился я.

— А вы только узнали?.. Батенька мой, со времени войны я уже купил два дома в Москве, вот — автомобиль, бриллианты жене...

В грязном дворе стояла длинная очередь.

— А это кто?

— Клиенты.

— Ночью?..

— “Ночью и днем только о нем”... — весело прогудел Прыщ.

Вошли в помещение.

У прилавка стояли ряды покупателей и вели с продавцами довольно странные диалоги:

— На полтинник.

— Какого запаха?

— Все равно — только покрепче.

— Имеется флер д’оранж, ситрон-де-Ямайка...

— Сколько градусов в ситроне?

— Семьдесят.

— Можно пополам?

— Можно.

Надушился.
Карикатура

— Валяйте лимон.

Мелькали быстрые руки, звенели деньги, хлопали двери.

Прыщ предложил нам “понюхать” его одеколон.

Мы “вынюхали” по полстакана лимона и почувствовали, как по телу побежали приятно-колющие искры.

Прыщ был в восторге творца, или, по меньшей мере, маленького Колумба, открывшего неведомое доселе богатство:

— Божественно! Очаровательно! Нектар! И какой спрос!

Он вывел нас с “завода”, посадил в автомобиль и повез к Покровской заставе.

Здесь также торжественно блистали на прикрывшихся воротах золотые буквы “Парфюмерная фабрика И. С. Прыща”, также змеилась очередь и пахло цветущими апельсинами.

И снова на ободранном закоулке “фабрики” мы “вынюхали” по несколько стаканов разных запахов и закусывали ветчиной.

Потом ездили в Грузины, на Пресню, в Петровский парк с теми же впечатлениями и с той же программой.

К свету князь, трясясь в автомобиле и уткнувшись в коле-

ни парфюмера, рыдал, уверял в дружбе до гроба и лез ко мне целоваться с предложением:

— Брат... а, брат мой... По-е-дем сно-ва в Сокольники с-сли-вать-ся с-с ком-мо-сом...»

Конечно, можно предположить, что фельетонист ради красного словца искажил действительность, преувеличил масштаб явления. Однако имеются факты вполне официального характера. Например, в феврале 1915 года на совещании в Городской управе по борьбе с торговцами денатуратом демонстрировалась целая коллекция «питьевых» одеколонов: «бергамотный», «апельсиновый», «померанцевый», «лимонный», «вишневый» и прочие.

Тогда же было решено созвать «особое совещание» более высокого уровня: с участием главноначальствующего и городского головы. Причиной послужила статистика, представленная Городской управой. С момента запрета продажи водки в московские больницы было доставлено около пятисот человек, отравившихся различными суррогатами водки; из них ослепло — 87, умерло — 82 (из них 10 от одеколона).

Выжившие являли собой печальное зрелище. Побывав в амбулатории для алкоголиков, обозреватель «Голоса Москвы» поделился впечатлениями от встреч с «отравленными»:

«Кошмар. Послушайте, например, только одни диалоги между врачом и пациентами.

Женщина вводит высокого бледного человека с дрожащими конечностями.

Оба молча хлопаются на колени.

— Что такое? Встаньте.

— Ослеп.

— Что пил? Да встаньте же!

Женщина поднимается сама, поднимает больного и рассказывает:

— Денатурат больше, а потом древесный, потому он вкуснее. Пропустишь сквозь корку хлеба, — и как настоящий — только крепче.

Врач ведет обычный допрос, осматривается, пишет рецепт и отпускает:

— Покамест, слава Богу, временная потеря зрения, а будете продолжать — совсем лишитесь...

Пара опять молча хлопается на колени, молча поднимается и уходит.

В дверях показывается новая чета: измученное лицо женщины и рядом, в потертой ливрее, с испуганно вытянувшимся лицом, мужчина.

— С чем пришли?

Баба заливается в три ручья:

— Ума лишился от пьянства, службу потерял... Господи!..

Лицо мужчины вытягивается еще больше, он тяжело сопит, опускается на колени и как-то идиотски-спокойно хрипит:

— Спасите, спасите!..

— Встаньте. Как вас зовут?

— Не помню, не знаю... Спасите, спасите!..

— Афанасий Корнеев, — говорит баба, проглатывая бурлящее рыдание.

— Женаты? — снова спрашивает врач у больного.

— Не помню, не знаю... Спасите!

— Господи!.. Да я-то кто же тебе? — изумляется баба.

Так же тупо и безразлично ливрейный отвечает:

— Не знаю, не знаю... Спасите!..

— Сколько вам лет?

На лице алкоголика проступает усилие:

— Не помню... Кажется, полтора года...

— Давно это с ним?

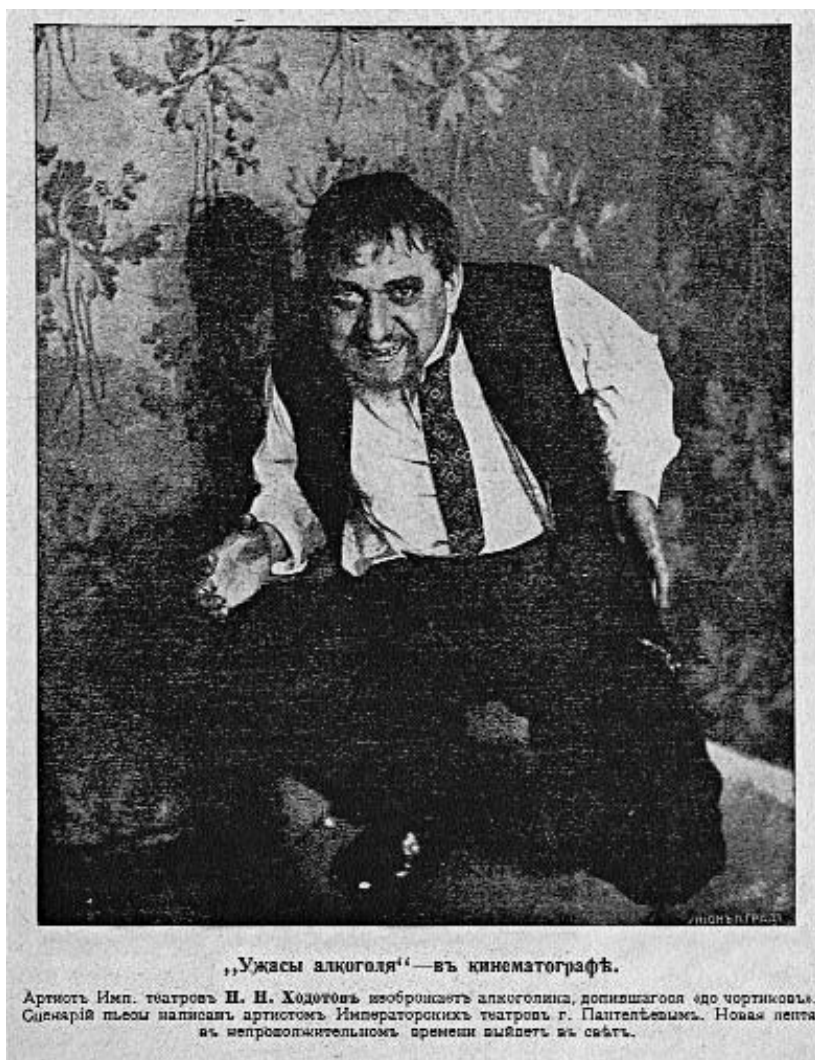
— С неделю.

Врач наклоняется над больным:

— Нужно хоть теперь бросить пить, слышите?..

— Убьет громом... Царица Небесная... брошу... Спасите!..

— Хорошо, я вам помогу, только нужно исполнить все мои приказания.

Антиалкогольная пропаганда

Доктор повышает голос:

— Слышите? Нужно исполнять!

Больной широко расставляет руки по полу и громко несколько раз стучит головой о паркет:

— Прикажите, прикажите... Спасите, спасите...

Но все это с тем же равнодушием идиота, которое не вяжется с мучительной трагедией этих двух фигур.

Поднимается, выходит, и движения — нелепые, несогласованные».

В завершение журналист привел обращенные к доктору слова одного из пациентов: «Дорогой, благодетель, помогите... Конечно, я пью, но, пардон, не я пью, — горе пьет... Не могу остановиться... Понимаете... У меня жена была... понимаете... дети... двое детей... А теперь ничего нет. Ушла. Да... Люди грызутся, как собаки... Вот и пью... Понимаете ли? Чувствуешь себя маленьким, ничтожным... да... А жить хочется... а... жить тяжело... а...»

И сделал вывод:

«...в этом — главная правда.

Мы чувствуем себя слишком ничтожными и маленькими, чтобы бороться с кучей нелепостей жизни, а они нас подминают под себя и душат, душат эти нелепицы...»

Похоже, что здесь речь идет о первых признаках усталости от войны, о стремлении людей с помощью алкоголя снять нервное напряжение.

Характерно, что в начальный период действия запрета на спиртное власти и общественность не придавали особого значения проблеме «суррогатного пьянства». На фоне всеобщего отрезвления считалось, что «ханжу» и прочую гадость пьют неизлечимые алкоголики, которых не так уж и много.

«Опасность отравления, конечно, имеется, — признавал К. Ф. Флеров, старший врач Сокольнической больницы, — но она касается только лиц, заведомо идущих на различные заболевания, только бы удовлетворить свою жажду опьянения. Надо надеяться, что процент таких лиц не так уж велик и что лечение их будет идти успешно, для остального населения достаточ-

но широкого разъяснения всех опасных последствий употребления денатурированного спирта и различных суррогатов».

Такой же точки зрения придерживался профессор А. М. Коровин:

«Народ смело и решительно, без всяких колебаний, вступил на путь полной трезвости. Не слышно никаких жалоб, напротив, везде с радостью приветствуется трезвость. За народом нехотя плетется интеллигенция, колеблющаяся и ноющая. Какие опасения может вызвать эта благотворительная мера? Указывают на участвовавшие случаи отравлений и заболеваний. Но это касается только безнадежных алкоголиков, которые будут пить все что угодно, только бы опьянаться. Конечно, необходимо не ограничиваться только отрицательными мерами, но создать и заполнить образовавшуюся пустоту новыми формами культурных развлечений.

Многие указывают, что пиво можно было бы оставить. Но ведь восемь бутылок пива равняется одной бутылке водки по количеству спирта. А ведь у нас пиво пьют не рюмками. Также вредны абсолютно и виноградные вина, содержащие сирушны масла».

В мощном хоре оптимистов затерялся голос профессора Л. С. Минора: «Отравляются не только безнадежные алкоголики, а широкая масса населения. Вопрос приобретает еще большее значение, если будет доказано, что это — начало но-

¹ Судя по ответу Л. С. Минора на анкету «Голоса Москвы», сам он также был сторонником трезвости: «Вообще же я приветствую новую эру абсолютной трезвости и считаю, что все мы должны быть благодарны власти и московскому городскому самоуправлению за то, что они так смело и решительно вступили на этот путь. Конечно, человеку, пьющему за обедом рюмку или две водки, или стакан пива, трудно будет отказаться от этой привычки, но он должен знать, что за ним, интеллигентом, стоят миллионы не умеющих пить умеренно и гибнущих в пьянстве, — и во имя спасения этих миллионов он должен с радостью перенести это маленькое лишение».

вого пьянства массы, прибегающей к суррогатам за отсутствием возможности достать спиртные напитки»¹.

Осенью 1914 года проблеме, обозначенной профессором Минором, сторонники всеобщей трезвости значения не придали, поскольку ликовали — Николай II одним росчерком пера ликвидировал винную монополию и разрешил местным властям вводить «сухой закон». Как это частенько бывало у российского самодержца, его благодеяние обрушилось на подданных совершенно неожиданно.

Седьмого октября в газетах были напечатаны ответные слова императора на обращение Всероссийского трудового союза крестьян-трезвенников: «Я уже предрешил навсегда воспретить в России казенную продажу водки». А уже через день царь распорядился полностью запретить национальный напиток.

Даже сотрудники Министерства финансов, ведавшие винной монополией, оказались в растерянности. Один из ответственных руководителей отдела казенной продажи напитков признался корреспонденту «Утра России», что телеграмма царя «застала нас положительно врасплох. О ней мы узнали точно так же, как и вы, только сегодня утром по прочтении газет».

Тут же чиновник пояснил: «Что неуклонная воля государя была направлена к искоренению пьянства на Руси, конечно, Министерство финансов знало и, в соответствии с Государевыми предуказаниями, согласовало свою деятельность по борьбе с пьянством¹, но мы все-таки думали, что этот вопрос не так еще скоро будет поставлен в такой определенной, не допускающей двух толкований форме».

Говоря о прекращении поступления в казну «пьяных» де-

¹ Претворяя в жизнь программу борьбы с пьянством, утвержденную в начале 1914 г., Министерство финансов подготовило распоряжение о снижении крепости водки до 37 градусов. Царь же взял да и совсем ликвидировал водку.

нег, представитель Министерства финансов был вполне оптимистичен:

«С точки зрения бюджетной упразднение винной монополии не представляет ничего опасного, ибо хотя она являлась удобным и легким средством получения доходов, но, во-первых, налоги, получаемые путем продажи водки, распределялись неравномерно между различными областями и народностями империи: в Польше, например, питейный налог на душу населения был вдвое меньше, чем в Центральной России, мусульмане почти ничего не платили; а во-вторых, нельзя не признаться, что трезвая Россия, особенно трезвая деревня, не в пример теперешней полупьяной, полуразоренной деревне, во много раз увеличит свою покупательную способность на другие полезные продукты, как, например, сахар, чай, спички и т. п., которые можно будет обложить увеличенным немного налогом. Эти налоги вместе с теми налогами, которые установлены уже теперь в связи с возросшими потребностями военного времени, почти полностью покроют тот недобор, который получится от прекращения продажи водки».

Поскольку внезапно оказалось невостребованным огромное количество спирта, в Министерстве финансов наметили пути его реализации. Во-первых, решили принять меры по облегчению вывоза ректификата за границу. Во-вторых, срочно приступили к подготовке конкурса изобретений, позволявших расширить области применения спирта в различных областях техники. В Минфине надеялись, что будет найден способ превращения спирта в продукты, ничего общего с алкоголем не имеющие: хлороформ, каучук и т. п., либо ему найдется новое применение «в области движения, отопления и освещения». Отдельная премия полагалась: «За превращение спирта в продукты с самым незначительным содержанием алкоголя, при условии, что отделение последнего от них невозможно или будет стоить очень дорого».

Исполняя распоряжение верховной власти, главноначаль-

ствующий дал наконец-то ход постановлению городской думы. Распоряжением генерала А. А. Адрианова полный запрет на продажу всех видов спиртного в Москве вступил в силу 1 ноября 1914 года.

Как отмечали московские газеты, накануне введения всеобщего отрезвления ренсковые погреба и магазины были переполнены покупателями. Москвичи толкались в длинных очередях, чтобы запастись вином к Рождеству и Новому году. В «Елисеевском» запасы спиртного были опустошены уже к шести часам вечера. По замечанию «Утра России», среди владельцев ресторанов и винных складов царили растерянность и подавленность. Многие говорили о предстоящем разорении.

Но, пожалуй, первыми, кому «сухой закон» сломал жизнь, были продавцы, или, как их тогда называли, «сидельцы», продававшие водку в казенных лавках («монопольках»). Побывав в акцизном управлении, московский журналист поделился с читателями впечатлениями от знакомства с этой категорией «жертв трезвости»:

«Судьба монополии решена бесповоротно. Какая участь грозит вдовам мелких чиновников, старым инвалидам — всей этой армии “сидельцев” из винных лавок?

Работы у них теперь нет, и они осаждают акцизный округ, стараясь узнать свое будущее. Чистенькие люди; неразрывными нитями они были связаны с водкой.

Под желто-зеленой вывеской они нашли верный, обеспеченный и, казалось, ненарушимый приют для своей старости.

И вдруг все изменилось. Величайшая, благотворительная реформа начинает представляться здесь, в крохотной приемной округа, довольно большой жестокостью.

Франтоватые акцизные надзиратели пробегают мимо них, не останавливаясь, стараясь не обращать внимания на эти сторбленные — словно под тяжестью великого горя, — фигуры. На эти растерянные и умоляющие глаза.

Старики застыли вдоль стен, как нищие на паперти.

— У вас же были вычеты на пенсионный капитал? — спра-

Изобретатель: — Министерство финансов объявило крупную премию за изобретение денатурата, вызывающего рвоту. Вот я и изобретаю такую смесь! Да ничего не выходит. Очень уж у меня крепкий алкогольный желудок! Не гожусь я, должно быть, в изобретатели рвотного денатурата!

шивает надзиратель у древней старушки, похожей на начальницу института, — будете получать пенсию.

— Ну, какая же пенсия... Гроши... А самое главное, у меня была квартирка при лавке, казенная. Я так сжилась с ней. Какое это старому человеку покидать насиженное место.

И все остальные сползаются, окружают чиновника, слушают с таким вниманием, как будто от него зависит их судьба.

Чиновник бормочет успокоительно:

— Не волнуйтесь. Мы что-нибудь другое придумаем. Табак будет вместо водки или сахар. И квартирка останется... Мы придумаем...

Раздвигает это кольцо и, взмахнув лапами сюртука, торопится скрыться.

И “сидельцы” снова размещаются по скамейкам, чтобы,

когда появится новый чиновник, произвести на него опять эту унылую атаку.

Шепчутся печальные голоса:

— Табак... сахар... Разве могут они устоять против вина?

Это бывает по несколько часов ежедневно.

В одной Москве «сидельцев» более пятисот человек, а по всей России — их миллионы. Все они уже привыкли считать в водке весь смысл своего существования.

Мобилизовать эту армию было проще, нежели распустить».

Действительно, нелегко оказалось чиновникам провести увольнение «сидельцев» так, чтобы не забыть о собственных интересах. Обиженные служащие подняли шум: оказалось, что под сокращение попали люди с большим стажем работы, награжденные золотыми медалями «За усердие», имевшие на руках большие семейства или престарелых родителей. Зато среди сотни счастливиц, оставленных на службе, были жены и другие родственники сотрудников акцизного ведомства. Явно по протекции сохранили за собой места поступившие на работу во время войны и даже те, у кого в послужных списках имелись отметки о растратах.

Вслед за «сидельцами» под массовое сокращение попали служащие ресторанов и трактиров. Но как ни странно, ропота в их среде не было. На общегородских собраниях своих профессиональных союзов повара и официанты приняли одинаковые резолюции, в которых они заявили, что не будут протестовать против постановления городской думы. Единственное, о чем просили: обратить внимание на их тяжелое положение, вызванное усиливающейся безработицей.

Безоговорочно приветствовали «сухой закон» профсоюзы металлистов, пекарей, архитектурных и строительных рабочих, обработчиков дерева, фельдшеров, фельдшерлиц и акушерок, вегетарианское общество и многие другие.

«Огромное большинство населения приняло отрезвление спокойно, — писал по горячим следам И. Н. Введен-

ский, — с удовлетворением и радостью, особенно трудовые массы, так много и тяжело страдавшие от алкоголя. Такое отношение не только не изменилось с течением времени, но, несомненно, упрочилось под влиянием опыта прожитых месяцев. Это положительное отношение обнаружилось с самого начала и ярче всего выразилось в бесчисленных ходатайствах общественных организаций и групп обывателей. Эти ходатайства и постановления исходили от губернаторов и уездных земских собраний, городских дум, биржевых комитетов, торгово-промышленных обществ, волостных и сельских сходов, кооперативов, рабочих организаций, ученых обществ, университетов, обществ трезвости и антиалкогольных организаций, присяжных заседателей сессий окружных судов, епархиальных съездов духовенства, отдельных групп обывателей и т. д.

Передать, хотя бы и кратко, содержание всех этих ходатайств и постановлений нет возможности, так как простое перечисление их отняло бы много времени. Во всех приветствуется решение правительства запретить продажу спиртных напитков, отмечаются благотельные результаты этой меры и высказывается пожелание, чтобы запрещение было продолжено и впредь, в некоторых — до конца войны, в большинстве же навсегда. Признавая значительность связанных с запрещением материальных потерь для государства и представителей алкогольной промышленности, ходатайства, тем не менее, убеждают не считаться с этими жертвами, в уверенности, что отрезвление явится источником небывалого развития экономической мощи страны и подъема духовных и творческих сил народа».

Успехи России в принудительном отрезвлении населения вызвали интерес со стороны американских сторонников абсолютного запрета алкоголя — «прогибишионистов». В ноябре 1914 года их представительница, корреспондентка нью-йоркской газеты «Saturday Evening Post» мисс Брош появилась в Москве.

[illegible][illegible]

В противоположность поварам и официантам владельцы заведений трактирного промысла выступили против абсолютного запрета на спиртное. Поскольку водка была ликвидирована в масштабах государства, они просили оставить в продаже хотя бы некрепкое виноградное вино. С ними были солидарны владельцы винных складов.

Полемизируя с «трезвенниками», Биржевой комитет пищевых и винных продуктов выступил против утверждения, что разрешение торговли вином вызовет массовую фальсификацию благородного напитка. Аргументами служили ссылки на закон, запрещающий производство фальсификатов, и обязательное постановление от 19 сентября 1914 года, подписанное главноначальствующим. Последним документом устанавливалась система продажи вина в Москве: его разрешалось отпускать только в бутылках, снабженных этикеткой, на которой было указано название оптовой фирмы-поставщика. Перечень таких фирм, зарегистрированных «Московской пищевой продуктов и винной биржей», был определен тем же постановлением.

Конечно, торговцы вином с безупречной репутацией, вроде Леве или Дебре, могли гарантировать качество. Только вот непонятно, как тогда относиться к заявлению одного из представителей удельного ведомства о том, что годового объема продукции крымских и донских виноделов Москве хватило бы всего на два месяца. В таком случае какими напитками будут торговать в остальное время?

О реальной угрозе засилья фальсифицированных вин и возможных печальных последствиях предупреждал городскую думу в специальном обращении гласный А. А. Титов:

«По моему участию в Московском комитете виноделия я убедился, что средства, находящиеся в распоряжении этого комитета, слишком ничтожны, чтобы предупредить продажу фальсифицированных вин. Так, в текущем году предполагается на весь московский округ, включающий в себя несколько губерний, пригласить только четырех агентов для контро-

ля вина, на что, включая разъезды, ассигновано 9000 руб. в год. На производство анализов вин во всей России отпущено 40 000 руб., на такую сумму возможно проверить лишь ничтожную часть поступающих в продажу вин.

Статья 11 Закона о виноградном вине, обнародованного 24 апреля 1914 г., допускает в течение двух лет со дня обнародования его обращение в торговле вин, не соответствующих требованиям правил, установленных законом. Наказания, налагаемые законом, столь ничтожны и так легко могут обходиться, что разрешение продажи виноградных вин повлечет за собой появление в продаже самых разнообразных подделок, вредных для здоровья. При шестнадцатиградусной крепости, которая легко может быть доводима до 20°, мы получим в продаже довольно крепкое вино, лишь вдвое слабее водки. Пьянство возобновится с той лишь разницей, что в доход казны будет поступать меньшая сумма в виде акциза, чем было при продаже казенного вина, а большая часть будет оставаться в карманах винных фабрикантов. В то же время благодаря сравнительной дороговизне вин, алкоголики быстро пропьют те сбережения, которые сделаны ими за время трезвой жизни, и прилив денег в сберегательные кассы заменится отливом их и обеднением населения».

Сомнения в возможности обуздать фальсификацию, прозвучавшие в конце ноября 1914 года на специальном «винном» совещании в городской думе, не позволили противникам «сухого закона» добиться реабилитации вина. Окончательное решение было отложено на неопределенный срок.

Пока рестораторы и виноторговцы боролись с думой, обыватели из числа тех, у кого не исчезло желание выпить, искали пути утоления жажды.

Среди мест, где они пытались добыть спиртное, на первом месте стояла аптека. В обязательном постановлении от 1 ноября говорилось: «Продажа и отпуск (...) спиртных напитков для лечебных целей разрешается отдельным лицам по рецептам врачей...» Обзаведясь различными, порой сомнительного каче-

ства, медицинскими предписаниями, москвичи ринулись в аптеки. С помощью городского фельетониста заглянем туда и мы:

«В аптеку вваливается посетитель.

Котелок на затылке, глаза блуждающие. Нервно мнет какую-то бумажку.

— Вам что?

— Мне? Мне, собственно, аспирина... Шесть порошков по пяти гран... Это мне. А вот, пожалуйста, для жены — рецептик... Кажется, что-то для втирания.

Фармацевт долго роется в рецепте. Разглядывает его и на свет и против света, долго ищет что-то в толстой книге, а затем решительно возвращает рецепт обратно.

— Не дам!..

— То есть как же это — “не дам”?.. Почему же такое?..

— Не буду и объяснять, сами понимаете. Если хотите, жалуйтесь, а то, пожалуй, я и сам позову городского.

Посетитель молча прячет рецепт и вылетает из аптеки, как бомба...

Эта сцена повторяется несколько раз в день.

Ранним утром и поздней ночью вваливаются в аптеку самые разнообразные типы с такими же “рецептами для втирания”.

Обыкновенно это просто записки, написанные до невозможного безграмотной медицинской латынью то “Spirtum vini”, то “Spirum atropini”(!), то просто “Spirtum”. Подписаны записочки конечно или весьма неразборчиво, или такой общеупотребительной фамилией, как Иванов, Петров и т. п. Отчетливо и резко стоят в них только первые буквы “D-r”.

Довольно часто записочки эти бывают снабжены штампами врачей, что, однако, нисколько не меняет вопроса об их действительности. Раз можно подписаться за врача, можно и украсть его бланк...

Фармацевты жалуются. От наплыва жаждущих “Spirtum” нет спасения. Хорошо еще, если это мужчины — с ними разговор короткий. Бросят им назад их “рецептик”, они быстро

ретируются, не оглядываясь... Дамы затевают скандалы, слышатся нередко трагические крики:

— Вы меня оскорбляете!

Помимо поддельных рецептов, аптеки имеют дело и с настоящими и — тоже в не малом числе. С ними много возни — звонки по телефону к прописавшим спирт врачам, справки во врачебном управлении и т. д.

Но и в этих случаях, по крайней мере в их большинстве, не остается сомнений, что спирт, по каким бы рецептам ни отпускался, предназначен для той же цели, что и “*Spirtum vini*” и “*Spirtum atropini*!”».

В декабре 1914 года газеты писали о том, что мошеннические проделки с рецептами приобрели в Москве характер вакханалии. Аптеки наводнили искусные подделки рецептов, выполненные типографским способом. Единственное, что отличало эти бланки от настоящих, — отсутствовал номер телефона врача. Выявляя фальшивки, аптекари взяли за правило звонить докторам с просьбой подтвердить подлинность рецептов.

«К одному врачу, — сообщала газета “Утро России”, — звонили в течение дня чуть ли не из пятидесяти аптек, из самых разнообразных частей Москвы.

— Вы подписывали рецепт на спирт?..

Доктору так надоело отвечать, что он пригласил специального человека, засадил его за телефон и, дав список всех московских аптек, заставил его звонить заведующим этих аптек:

— Если к вам явится с рецептом на спирт доктора такого-то, — не выдавать. Рецепты подложны...»

На наглость страждущих добыть порцию «растираний» как-то пожаловался на заседании городской думы гласный С. В. Пучков: «Еду я на трамвае, подходит ко мне пьяный приказчик и просит подписать рецепт, в котором выписан винный спирт, когда же он получил от меня соответствующий отрицательный ответ, то заявил: “Ну и так достанем”, — и я уверен, что он добился своего и достал подпись».

Действительно, не все врачи и аптекари были столь жестокосердны. Как раз в то время в Москве много говорили об именинах некой Екатерины. Ее гостей ждал роскошно сервированный стол, на котором возвышались целые батареи бутылок с коньяком и вином. А показателем качества предложенных напитков служили прикрепленные к горлышкам аптечные сигнатуры.

В последний день 1915 г. корреспондент «Утра России» отметил: «...вчера в винных магазинах и аптеках наблюдалось необычайное скопление публики с “рецептами”».

Не хотят москвичи мириться с трезвой встречей Нового года и будут “лечиться” в семейном кругу».

Впрочем, иногда собственная «добродота» выходила провизорам боком. В августе 1914 года сыскная полиция вывела на чистую воду владельцев Сухаревской аптеки — Гирша Яковлевича Граната и его супругу Этту Аароновну. Эта семейная пара бесперебойно снабжала всех желающих выпить перцовой настойкой, киндер-бальзамом и эфиром. За пузырек брали от 20 до 80 копеек. Полицейским удалось собрать достаточно свидетельств тому, что чета Гранатов прекрасно знала, с какой целью покупатели приобретали у них лечебные снадобья. В результате фармацевтам пришлось уплатить трехтысячный штраф.

И все же история, случившаяся с владельцами Сухаревской аптеки, была скорее исключением. Как мы уже говорили, борьба полиции с нарушителями «сухого закона» носила временный характер. Тем более что со временем в продаже появились вполне легальные «питьевые» одеколоны.

Осенью 1916 года Д. П. Оськин наблюдал работавшую без сбоев систему потребления аптечной продукции:

«Недалеко от Ляпинки¹ помещается чайная “Петроград”. Эта чайная служит излюбленным местом пребывания низшей администрации и зажиточных солдат нашей команды. Захо-

¹ Ляпинское общежитие на Б. Серпуховской улице.

Политический вопрос. Карикатура

дил в нее несколько раз и я и никогда не встречал ни одного трезвого человека, хотя водки там, конечно, не подавали.

Секрет раскрывался очень просто: рядом с чайной помещался аптекарский магазин, в котором постоянно можно было видеть чуть ли не очередь покупателей одеколونا номер три. [...]

С. Щеглов. Непонятное

Солдаты, мастеровые, приказчики, служащие запасаются этим одеколоном, приходят в чайную, требуют для видимости бутылку сидро, наливают немного сидро в стакан и добавляют затем до краев одеколоном. Таких флаконов один-два — и пьян. Я, грешный человек, в день получки жалованья, когда мне выплатили положенные по разряду шесть рублей, то

же попробовал этот одеколон, израсходовав на него три рубля, т. е. половину своего месячного бюджета.

В нашем Серпуховском районе торговля одеколоном идет очень бойко...»

Запомнилось фронтовику Оськину и посещение московского трактира, где его знакомый половой угощал «портвейном» — «напитком совершенно непонятного вкуса». Но если герою войны в знак уважения «вино» подали в бутылке, то остальным посетителям спиртное приносили в чайниках, под видом чая.

Только самые наивные из жителей Москвы не знали, как, невзирая на запреты, можно получить спиртное в заведениях трактирного промысла. А непросвещенные могли почерпнуть полезные сведения из газет, где бытописатели помещали зарисовки с натуры, вроде этой, опубликованной в январе 1915 года:

«— Человек, порцию ромштексу, — требует посетитель.

— Вам как прикажете, соус отдельно подать?

— Какой соус?.. Ах, вот что! Ромштекс! Конечно, конечно, отдельно. И, пожалуйста, еще стакан чаю.

Официант приносит кусок жареного мяса, соусник, наполненный “соусом”, и стакан чаю.

И посетитель, оставив мясо, подливает в чай “соус” и пьет, вкусно шелкая языком и сладостно щурясь на соусник.

— А что у вас на сладкое? — спрашивает он, покончив с соусом.

— Маседуан¹ из французских фруктов.

— Прошу.

Официант приносит “маседуан”. Посетитель пробует ложечкой юшку, замирает от наслаждения, кивает одобрительно головой и шепчет лакею:

— Пожалуйста, голубчик, еще три порции этого самого...

¹ Смесь фруктов, политая спиртом или вином. Рецептура ресторанных блюд не регламентировалась ни одним официальным документом.

“маседуана”. Да не забудь лимончику и сахарной пудры.

— Слушаюсь-с».

В свете этих маленьких хитростей стоит особо отметить «трезвую» встречу Нового, 1915 года. В нашей предыдущей книге мы приводили замечания современников о том, что непосредственно перед войной публика в Москве пить стала больше. В новогодний праздник 1914 года только шампанского москвичи выпили 30 000 бутылок. И вдруг абсолютная трезвость...

Рестораторы попытались получить разрешение торговать шампанским (всего одну ночь!), но не встретили понимания у главноначальствующего. Пришлось им запастись безалкогольной «шипучкой».

«Москвичам все равно некуда деться, будут сидеть по ресторанам и пить “трезвое” шампанское», — констатировал обозреватель городской жизни «Утра России». Он же проинформировал москвичей о степени готовности привычных мест развлечения к празднованию по-новому:

«Со вчерашнего дня во всех излюбленных ресторанах началась запись на обычные “столики”. Кое-где их уже разобрали.

В “Метрополь” ездят заказывать лично.

Здесь богатый ассортимент “трезвого” шампанского: есть клубничное и яблочное, виноградный сок, большой выбор сладких вод и сиропов.

В “Праге” добыли какой-то особенный “шипучий” напиток, по вкусу и запаху совсем напоминающий бывшее искрометное шампанское высших марок.

Публику готовятся угостить необыкновенными изделиями какой-то фирмы в Ревеле.

— Настоящий “Ревельский букет”.

“Ярь” сохраняет весь внешний антураж: цветы, серпантин, конфетти, музыку, и только по части вин и шампанского там будет новый “трезвый” колорит: ланинские воды и сиропы подвозятся возами.

Хорошо работает фабрика Редлиха, выпустившая специальные марки — Пламенного шампанского.

“Амбир” закупил большую партию. [...]

В Литературно-художественном кружке, в “Летучей мыши”, в “Алатре” также готовятся с “кваском” встречать Новый год».

К этому перечню напитков добавим некий безалкогольный «Nectar», который рекламировали газеты в канун Нового года. Его также следовало требовать в первоклассных ресторанах и магазинах.

О том, что в действительности москвичи пили, сидя в новогоднюю ночь за ресторанными столиками, мы можем узнать от непосредственных очевидцев событий. Например, инженер Н. М. Шапов оставил в дневнике такую запись: «Расспрашивал знакомых (Карлиных), как они встречали Новый год в ресторане “Метрополь”. Говорят: шампанское подавали в кувшинах, а в счете писали “напиток” (вино запрещено)». Об истинной сущности «кваска», которым потчевали в клубе «Алатр», мы уже приводили свидетельство Л. Л. Сабанеева.

Другой москвич, Н. П. Окунев, зафиксировал в дневнике уже в 1917 года: «...вот что делалось в Москве на Новый год: в ресторанах нарасхват требовали вина и водок, платя за них от 50 до 100 р. за бут[ылку]. Один популярный “веселый уголок” торговал в новогоднюю ночь на 38 000 р.». В январе того же года студенты, празднуя Татьянин день в ресторане «Стрельна», бросили двух своих товарищей в аквариум со стерлядью. Понятно, что «трезвое» шампанское вряд ли могло подвинуть на такую шалость.

Кстати, о ценах на спиртное в период «сухого закона». Журналист «Голоса Москвы», публиковавший свои обозрения под псевдонимом «Янт», в канун Пасхи 1915 года писал: «Запрещение продажи вина действовало только первое, весьма недолгое время. Очень скоро это запрещение повело лишь к тому, что за вино брали неслыханные цены, тем самым установив новый, весьма тяжкий налог на обывателя.

Жадность в этом направлении доходила до того, что, например, за бутылку рябиновой, стоимостью в рубль с четвертакom, брали по 8 рублей; за трехрублевый коньяк — 15 рублей. И дороже».

Тем не менее традиция требовала встретить праздник как полагается, пусть даже для этого приходилось идти на дополнительные расходы. В дореволюционной Москве этот принцип соблюдали свято. Кто не мог накопить необходимую сумму заблаговременно, действовал по правилу «Займи, но выпей». Недаром предпраздничные дни в московских ломбардах были самой горячей порой.

«Не будет в Москве, по крайней мере, ни одного пасхального стола, не украшенного бутылками всех форм и цветов, — утверждал “Янт”. — Москвичи и вообще-то мало пострадали от трезвости, как оказывается, ничуть не отразившейся на московском быте.

Пьют везде и все».

Ну и, наконец, приведем описание еще одного способа, который помогал москвичам противостоять принудительной трезвости. Он был связан с тем обстоятельством, что в соседних губерниях — Калужской и Владимирской — власти не стали запрещать вино. Желавшим припасть к вожденному источнику достаточно было совершить непродолжительное путешествие по железной дороге.

Описание нового для москвичей явления — поездок на «калужский курорт» — появилось на страницах «Утра России» в ноябре 1914 года:

«— Билет в Калугу? — переспросил носильщик и очень тонко усмехнулся: — Не достанете, барин. Раньше запастись надо было. Теперь все до Калуги едут.

Меня удивила эта популярность, такая неожиданная.

— Почему? Что там?

Усмешка носильщика сменилась недоумением.

— Будто не знаете?.. Раньше калужское тесто было, а теперь... другое... Устремляются вроде как к источнику живой

НА ВЕРБЪ.

- Почему сморчок жидкий?
- Полтора рублика, баринь!
- Ох, как! Сморок дабы за нас быком, жидко да зоржик, грибочки не продажи!
- Да, жид, сморчок жидкий-то с ним особенный! Ой, у меня не вь вода, а вь спирт плывет!
- Так бы сразу и говорить! Далай паша штука, получай деньги!

воды. Курорт, можно сказать.

— Да бросьте вы эти загадки. Объясните прямо.

Но, очевидно, калужская тайна доставляла носильщику большое удовольствие, и он приподнимал завесу над ней не сразу, а осторожно, по частям.

— Курс лечения... Туда едут без багажа, без всякого, а оттуда возвращаются нагруженные корзинами... Надо бы добавочные поезда назначить; не хватает местов. Калужские источники от трезвости очень помогают.

Ударил звонок. Перед выходом на платформу собралась большая толпа.

— Изволите видеть? Все как есть на Калугу. Пассажира калужского мы сразу видим, потому как он налегке. Ежели и возьмет с собой чемоданчик, то пустой. Видимость одна. А на обратном пути его не поднимешь.

Наконец он перестал испытывать мое терпение и объяснил:

— Целебные источники открылись там, из виноградного вина крепостью не свыше 16 градусов. В этом вся суть и заключается. 16 градусов, что такое? Водичка, но ежели ее взять в достаточном количестве... В Москве и этого нет, ну вот и едут. Я уже который год здесь, а такого движения не помню.

Виноградное вино это теперь в Калуге в каждом углу можно достать, но пуще всего торгует станционный буфетчик. Где тут ходить по городу, разыскивать — высадили из вагона и ладно. Пробки хлопают вроде как град по крыше. Истомились, несчастные, сподобились.

Глухо подошел поезд, и я увидел их, этих калужских путешественников. Зрелище напомнило то, что делается в Лурде, под Парижем, куда стекаются верующие.

Калужский курорт успел оказать свое действие: лица пылали, глаза блестели. Все пошатывались от пережитых впечатлений; были и мужчины и женщины.

И у каждого, как и предсказывал носильщик, в руках корзинка или чемодан, тяжелые, неудержимо стремящиеся к полу.

Калужская вода!..

Толпа, ожидавшая у дверей, в свою очередь устремилась на платформу с гулом и криком.

— Видите, что делается? Билеты надо брать за неделю...»

На этом мы, пожалуй, остановимся. Можно приводить еще много фактов и свидетельств, но общая картина от этого вряд ли не изменится. Подчеркнем — авторы не ставили перед собой задачу исследовать «сухой закон» в России как историческое явление. Мы всего лишь пытались описать особенности жизни москвичей в реалиях военного времени.

Отметим лишь один момент: глупо спорить с утверждением, что пьянство — это зло. Но история свидетельствует, что не меньшая глупость — пытаться одолеть это зло запретом всех спиртных напитков. В 1914 году сторонники «сухого закона» исходили из простой формулы «запрет = всеобщее отрезвление». Попытки думающих людей взглянуть на решение проблемы народного пьянства, как на уравниение со многими неизвестными, предавались анафеме. Любая критика объявлялась лоббированием интересов производителей и торговцев вином.

Когда же обозначились явные признаки того, что тяга к спиртному сильнее всех запретов, ни у власти, ни у общественности не нашлось решимости привести законодательство в соответствие с реалиями. Чиновники продолжали вводить новые ограничения, вроде запрета торговать «киндер-бальзамом» в бакалейных лавках, или устанавливали премии в 200 тысяч рублей изобретателю «рвотного» денатурата. А народ продолжал пить.

Как известно, «сухой закон» в Америке породил мафию. Насколько абсолютный запрет на спиртное привел царизм к краху и способствовал победе большевизма, еще предстоит выяснить. По крайней мере, уже в августе 1915 года слабость самодержавия в проведении антиалкогольной политики вызывала нелицеприятную критику. Да еще с намеком на измену. И не в какой-нибудь «Правде», а в передовице «Голоса Москвы», органа октябристов — крупной буржуазии, лояльной царской власти:

«Лицемерие вообще царит над нами, и это ужас. Противно слушать, когда говорят: “трезвая Россия”. Пьет Россия, пьет Москва, пьет Петроград. Не пьет казенной водки, но зато пьет всякую гадость: денатурированный спирт, одеколон, политуру, кумышку, колганную настойку, валерьянку. И все это продается втридорога, и Россию на этом *обирают*. И деньги идут не в казну, а в карман разных отравителей и их попустителей, которые разбогатели за один год “трезвости”.

Казалось бы, что раз запрещена водка, надо наказывать по

законам военного времени за допущение продажи ядов! Но нет, лицемерие царит.

А что дальше? Пьющие люди мечтают, что когда закончится война, разрешена будет водка. Не лучше ли было перестать пить после войны, чем во время войны?

В довершение всего говорят, что в газетах некоторых нейтральных стран появились известия, что прекрасная сама по себе мера по уничтожению водочной монополии, которой не могло добиться общество столько лет, была так быстро принята именно во время войны не без влияния некоторых лиц, которые, может быть, и не знали, что в Германии рассматривают это как лучший способ поколебать финансы страны.

Во всяком случае, если противна пьяная Россия, когда она дает деньги в казну, то так же противна пьяная Россия, когда она отравляет себя, деньги свои отдает отравителям и при этом притворяется трезвой. Противно лицемерие».

Нам больше нечего добавить.

ТОВАРОВА

*Люди в первую очередь должны есть, пить,
иметь жилище и одеваться, прежде чем быть
в состоянии заниматься политикой, наукой,
искусством, религией и т. д.*

Карл Маркс

осква, по-видимому, не собирается скоро начать голодать», — утверждал автор заметки «Избыток мяса», опубликованной 12 августа 1914 года в газете «Раннее утро». Один, но красноречивый факт подкреплял этот неуклюже сформулированный тезис: из 5685 быков, доставленных на площадку скотопрогонного рынка, в продажу поступило менее половины — из-за падения цен на мясо.

На той же странице газета сообщала о явлении другого рода. В корреспонденции «Протест против мародеров» описывалось происшествие на Смоленском рынке. Покупатели, возмущенные внезапным увеличением в два-три раза цен «на огурцы и другие продукты первой необходимости», едва не побили торговцев. Разъяренные москвичи, выкрикивавшие: «Кровопийцы!», «Креста на вас нет!», «Последнюю шкуру готовы содрать!» и т. п., окружили спекулянтов. Последним не оставалось ничего иного, как забираться на возы и звать на помощь. Только вмешательство полиции предотвратило погром.

Что же происходило в торговой жизни Москвы, если в один день случилось два столь разных по характеру события?

Неужели война так скоро повлияла на состояние сельского хозяйства, что уже на ее первом месяце в глубоком тылу цены на продукты начали резко повышаться? И что, наконец, делали власти, чтобы стабилизировать положение? Попробуем во всем разобраться по порядку.

Начнем с констатации факта: из-за войны все зерно урожая 1914 года, а с ним и другая сельскохозяйственная продукция остались в России. В русском обществе никто не мог даже предположить, что страна когда-либо начнет испытывать недостаток в продовольствии. Напротив, все политики и публицисты в один голос предсказывали неминуемое и скорое наступление голода в Германии.

Другое дело, что война не могла не потрясти денежную систему. Однако и по этому поводу никто не собирался впадать в уныние. 2 августа 1914 года газета «Утро России» писала:

«Война стала фактом и не замедлила отразиться на состоянии нашего денежного рынка. Мы вправе с гордостью сказать, что благодаря предусмотрительной политике нашего финансового ведомства и банков краткосрочного кредита война не застала нас врасплох, и мы находимся в лучшем состоянии сравнительно с нашими противниками. (...)

Надвигавшиеся с быстротой курьерского поезда события не замедлили отразиться на психологии денежной публики, которая устремилась в банки и с лихорадочной поспешностью начала снимать со своих счетов свободные, принадлежавшие ей суммы. Таким массовым востребованием вкладов банки должны были быть поставлены в весьма затруднительное положение, если бы им на помощь не пришел Государственный банк, открыв банкам колоссальные кредиты. Заявление Государственного банка об открытии банкам кредита, а также беспрепятственная выдача вкладов с текущих счетов подействовали отрезвляющим образом на публику, так что в конце концов уже на прошлой неделе можно было наблюдать обратное возвращение вкладов. Одновременно с востребованием вкладов у публики появилась, если можно так выразиться, золотая го-

рячка, проявляющаяся в том, что легкомысленная и легковверная часть публики устремилась в кассы Государственного банка для обмена бумажных денег на золото; но уже 25 июля законом, введенным в порядке 87-й статьи, был прекращен обмен государственных кредитных билетов на золотую монету. (...)

Таким образом, баланс на 23 июля указывает на сокращение наших золотых запасов всего на 36,4 милл. руб., из которых только около полутора милл. руб. попали в карманы публики, обменивавшей кредитные билеты на золото, остальное приходится на границу. Одновременно с уменьшением нашей золотой наличности, кредитных билетов, выпущенных в обращение, увеличилось на 226,5 милл. руб. (...)

Заканчивая наш обзор, мы должны отметить, что благодаря полезным и своевременным мероприятиям Государственного банка наш денежный рынок, а также нормальная жизнь кредитных учреждений, нарушившаяся несколькими последними событиями, начинает приходить в прежний порядок».

Кроме оптимистического настроения автора публикации обратим внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, отмена «золотого» рубля. В свое время введение золота в качестве обеспечения рубля сделало его одной из самых устойчивых валют мира. Теперь этому пришел конец. Во-вторых, поступление на рынок огромной массы бумажных денег. Не надо быть маститым экономистом, чтобы понять: механизм инфляции запущен. Вряд ли огородники, торговавшие на Смоленском рынке, читали Адама Смита вместе с трудами Карла Маркса и Туган-Барановского, но они наверняка помнили, как во время Русско-японской войны стремительно дешевели деньги. Поэтому нет ничего удивительного, что цены поползли вверх.

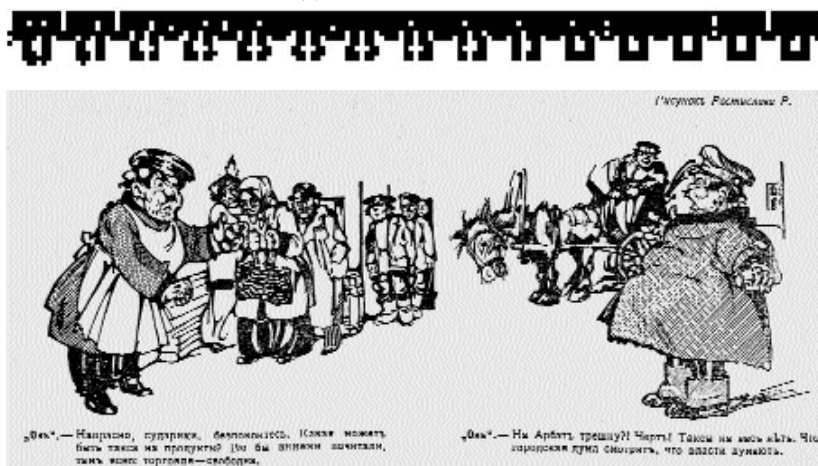
Бороться с инфляцией правительство решило административными мерами. Местные власти получили право устанавливать фиксированные цены («таксу») на продукты и товары первой необходимости. В Москве каждую неделю стали выходить особые справочные ведомости «с предельными расценками», утвержденными градоначальником.

Само собой разумеется, система административного регулирования цен находилась в противоречии с рыночными принципами ценообразования. В августе 1914 года газеты писали о несовершенстве механизма назначения «предельных расценок». Так, исходя из цен в крупных магазинах центральной части города, мера картофеля была оценена в один рубль, в то время как на рынках за нее еще просили 60 копеек. Но гораздо сложнее было с мясом. Торговцы из центральных районов Москвы традиционно покупали мясо скота высокой упитанности и платили за него дороже. Легковесные туши, стоившие дешевле, уходили на окраины. Тем не менее разница в сортах мяса не находила отражения в ведомостях.

Для более точного определения цен была создана смешанная комиссия, в состав которой кроме представителей градоначальничества и городской управы вошли члены Комитета биржи пищевых продуктов.

Забегая вперед, отметим, что со временем наступили моменты, когда цены «по таксе» стали значительно отставать от реальной стоимости продуктов. Например, в феврале 1917 года гласный городской думы Н. В. Щенков отмечал такую несообразность: официально фунт черного хлеба стоил семь с половиной копеек, а на деле его выпечка обходилась на две копейки дороже. Стоит ли удивляться, что пекари всеми правдами и неправдами избегали выпускать этот вид хлеба.

С начала сентября 1914 года тема непрерывного роста цен начинает главенствовать в разговорах москвичей. В газетах первая заметка под названием «Вздорожание продуктов» была опубликована 5 сентября в «Утре России». Она была посвящена ценам на куриные яйца. В начале войны из-за прекращения вывоза в Германию стоимость десятка яиц упала до 16 копеек, но 2 сентября их уже продавали по 24 копейки за десяток. При этом публику уверяли, что рост цен связан с началом экспорта продовольствия в Англию. А вот покупатели были убеждены, что все дело в сговоре торговцев.

Взгляд на таксу с разных сторон

Полтора месяца спустя предметом обсуждений стало подорожание мяса. В розничной продаже вместо 21 копейки за фунт пришлось платить 22. Это произошло из-за сокращения поставок скота: вместо обычной нормы в 6—7 тысяч голов в Москву стало поступать в среднем 2500.

18 ноября 1914 года на заседании Московской городской думы обсуждалось обращение Московского биржевого комитета пищевых продуктов и винной биржи. В нем содержался призыв принять меры к обеспечению населения Москвы коровьим маслом, с поставками которого начались перебои. Биржевики сообщали, что Вологодский район, снабжавший Москву маслом, поражен неурожаем кормов, а в Сибири, где из-за прекращения экспорта масла имеется в изобилии, оно подвергнуто реквизиции¹ и, не-

¹ В царской России под реквизицией подразумевались принудительный вывод какого-либо товара из свободной продажи и его закупка государством по фиксированной цене. Так, 21 сентября 1914 года было объявлено о реквизиции всего сукна защитного цвета, а также байки и другой теплой материи. Все наличные запасы этих материй были опечатаны и запрещены к продаже.

смотря на повышение цен, скоро масла в Москве в розничной продаже не будет. Даже столпы молочной торговли, крупнейшие московские фирмы — Бландовых и Чичкина, вынуждены «отказывать покупателям в отпуске коровьего масла».

Интерес представляет само обсуждение грядущего «масляного голода», превратившееся в почти неприкрытую критику царского правительства. Так, гласный П. И. Булатов заявил, что много масла вывозится в Швецию, а оттуда — «неизвестно куда, но дума знает *куда*». Для аудитории намек вполне понятен: «туда» — значит, в Германию. Н. И. Астров указал на странные противоречия: масло находится под реквизицией, но при этом вывозится за границу. И зачем на масло установлена реквизиция, если оно не входит в солдатский рацион и в армию его не поставляют? Н. В. Щенков обратил внимание на то обстоятельство, что от реквизиций освобождено масло, закупленное некоторыми иностранными экспортными фирмами.

Городская дума единогласно постановила обратиться к правительству с предложением о прекращении экспорта и освобождении от реквизиции масла, предназначенного для снабжения населения.

Впрочем, у гласных, критиковавших правительство, тут же нашелся оппонент. Рядом с сообщением о заседании городской думы «Утро России» поместило статью «Масляный конфуз», в которой, в частности, говорилось:

«...Дело в том, что в нашем расчетном балансе вывоз масла занимает весьма почетное место, и этого продукта экспортировано за границу в 1913 году на 70 миллионов рублей.

С прекращением общего экспорта ввиду войны русская торговля и промышленность необычайно остро почувствовала недостаток иностранной валюты для закупки за границей необходимого нам сырья: хлопка, красок, металлов, машин и т. п., каковых внутри страны не имеется и без которых работать невозможно.

- За чем, Акулинушка, ходила?
- За маслом!
- Получила?
- Получила... кукишь с маслом!

Между тем долг каждого промышленника в это тяжелое время работать во что бы то ни стало и тем усиливать способность населения выдерживать военные невзгоды как можно дольше, в чем и кроется залог окончательной победы над врагами родины.

Ввиду этого правительство и торгово-промышленные организации напрягают все усилия к изысканию способов облегчить приток к нам иностранной валюты и тем удержать от падения курс нашего рубля».

О том, что надо поторопиться с «усилиями к изысканию способов» укрепления рубля, наглядно свидетельствовала опубликованная в те же дни статья «Вздорожание жизни»:

«В “Утре России” уже отмечалась наблюдающаяся за последнее время дороговизна таких продуктов, как мясо, молоко, масло и рыба.

Повышение цен, однако, не ограничивается этими продуктами ихватило почти все предметы потребления. Причины вздорожания различны по отношению к тому или иному продукту. Так, например, повышение цен на рожь и пшеницу объясняется недостатком их подвоза в Москву. В Сызрани, в Моршанске, в Саратове и других местах лежат большие залежи хлебных грузов, которые не могут быть подвезены в Москву из-за недостатка подвижного состава и перегруженности Сызрано-Вяземской ж.д. Вчера московская хлебная биржа обратилась к порайонному комитету с ходатайством о срочном наряде вагонов под хлебные грузы, но что из этого будет, пока неизвестно. Повышение цен на хлебные продукты пока сравнительно невелико — 5—10 к. на пуд, и на розничной цене хлеба не отразилось. Сильнее повысился такой массовый продукт потребления, как овес, цена которого достигла до 1 р. 35 к. за пуд вместо 1 р.—1 р. 10 к., стоявших на прошлой неделе. Хлебная биржа приняла в повышение цен на овес репрессивные меры и установила максимум в 1 р. 30 к. за пуд.

Значительное повышение цен за последние дни последовало на яичный товар — около 4 р. на 1000 штук на все сорта. Это повышение находится в связи с усилившимся экспортом яиц через Швецию в Англию, куда в настоящее время двинуты крупные партии. Недостаток подвоза яиц в Москву также объясняется расстройством железнодорожного движения.

Кроме яичного и масляного экспорта за границу за последнее время налачился вывоз из России дичи через Архангельск. Сибирская дичь, впрочем, до сих пор не дошла до Москвы, и в настоящее время в Москве куропатки, рябчики

и проч. — исключительно прошлогодней охоты. Дичь Вологды и Архангельска прошла в очень небольшом числе и почти целиком попала в Петроград, а оттуда через Швецию ушла за границу.

Повышение цен на дичь отозвалось и на ценах на куриный товар, вздорожавший на 20%. Куриный товар идет в Москву из Курска, Тамбова и южных губерний, и повышение цен на него стоит в несомненной связи с неправильностью железнодорожного движения.

Сильно вздорожали все бакалейные и колониальные товары, особенно те из них, которые идут из-за границы. За последнюю неделю цены на такие продукты, как кофе, какао, сардины, перец и пр., вскочили на 30—40%. Очень подорожал рис — на 2—3 р. в пуде.

Апельсинов и лимонов нет совсем в продаже; остатки лимонов продаются по 45—50 р. за ящик в 300 штук в оптовой цене. Мандарины также на исходе и продаются только десятками по 1 р. за 10 штук. Недавно в Москву попало 5 пудов персидских мандарин, и их прямо “выхватывали из рук”. Некоторые из фруктовых фирм отправили своих доверенных в Японию и в Персию за апельсинами и лимонами. В Сухуми и Батуми этих товаров оказалось ничтожное количество, и все они были потреблены на местах. В Москве ждут небольшой партии мандарин из Сухума.

С яблочным товаром цены повышаются медленно, и вчера, например, он был не выше прошлогодних за этот период времени, но ввиду того, что выход яблок в этом году оказался чрезвычайно неустойчивым в смысле хранения, к Рождеству ожидается новое повышение и на эти товары».

Итак, осенью 1914 года в быт москвичей прочно входят такие понятия, как «вздорожание» и «такса». Попытки торговцев удержать прежнюю норму прибыли путем повышения цен пресекаются административными мерами. Стоило полиции зафиксировать в протоколе факт продажи «таксированных» продуктов по более высокой цене, как сразу следовало

довольно суровое наказание. Первым, кто испытал это на себе, был некий Павел Галкин. За продажу на Конной площади огурцов по завышенной цене 15 сентября градоначальник приговорил его к месяцу ареста.

В остальном московская торговля сохраняла свой оживленный характер, а на некоторые товары война неимоверно усилила спрос. Так, вполне очевидно, что покупатели не переводились в магазине А. Биткова на Большой Лубянке, где предлагалось «для гг. военных оружие и все для дороги: кровати, спальные мешки, лайковые, непромокаемые и теплые куртки, пальто, теплые фуфайки, носки, чемоданы, погребцы, сумки, фляги и все дорожные приборы, ремни, кобуры и проч.». В магазине стальных и хозяйственных вещей придворного поставщика Эд. Брабеца (Столешников пер., собств. дом; Петровка, 7) уезжающих на фронт могли не только снабдить необходимыми дорожными вещами, но и наточить им шашки.

Желающие могли приобрести панцирь «Фортуна» (125 руб.), панцирный набрюшник (40 руб.) и такую же фуражку (30 руб.). Реклама уверяла, что эти предметы военного быта обладали массой достоинств: «Абсолютно непробиваемые шрапнельными, разрывными, револьверными пулями, осколками снарядов, штыком, шашкой, холодным оружием. Непробиваем острокопечной пулей на 500 и более шагов. Панцирь “Фортуна” имеет форму жилета, составлен из двойного ряда особого сплава овальных пластин, изолированных веществом, не пропускающим тепла, мельчайших осколков. Предохранен от ржавчины».

Продавцы могли выслать «Фортуну» и в действующую армию, но благоразумно выдвигали условие — «по получению всей стоимости». Кроме оплаты, покупателю требовалось указать свой рост (высокий, средний, низкий) и объем груди.

Благотворителям, занявшимся организацией в Москве госпиталей, торговцы были готовы предоставить все необходимое. Купец из Охотного ряда Николай Трофилов «специально для лазаретов» предлагал мясо, дичь и другие мясные

продукты. Под той же маркой продавало кровати, эмалированную посуду и самовары торговое-промышленное товарищество М. Слиозберг. Виноторговец Христофоров рекомендовал покупать для госпиталей и лазаретов «Захарьинское опорто № 31».

Забываясь о фронтовиках, фирма Коркунова разработала особый продукт — напиток быстрого приготовления. Участвовавший в его создании известный московский врач профессор В. Ф. Снегирев рассказал о пользе новинки:

«В недавнее время я получил от одного очень уважаемого лица, человека практических сведений, письмо, в котором он говорит, что ввиду прекращения продажи спиртных напитков люди, торгующие на открытом воздухе, забнут и что чай недостаточно согревает прозябших и располагает их к простуде. Вспоминая прошедшие наблюдения, он думает, что хорошо было бы людям согреваться старинным напитком — *сбитнем*. Кто не помнит, как в старые годы в Москве продавцы, сидящие в холодных лавках, во время морозов пили для согревания сбитень, и старые люди говорят, что питье этого приятного, надолго согревающего напитка не располагало к простуде. (...)

Фирма Коркунова изготовила сбитень в форме небольших сухих плиток, рассчитанных так, что каждая плитка, брошенная в стакан горячей воды, дает стакан вполне готового ароматического сбитня. Стоимость каждой плитки — 1 $\frac{1}{3}$ коп. Каждый солдат, получив портативный маленький пакет с 15 плитками, обеспечен на неделю теплым полезным напитком».

Реалии военного времени повлияли на характер рекламы. Например, на рекламном рисунке бутылку «Боржома» поместили на пушечный лафет и снабдили надписью: «Испытанное орудие для борьбы с катаром желудка». Откликаясь на введение «сухого закона», фирма Шустова рекламировала «современную новинку» — вишневую наливку «Шпанку Шустова без алкоголя». Известный автор рекламных виршей «Дядя Михай» продолжал воспевать папиросы фабрики Шапошникова, но уже как бы от лица фронтовиков:

ПОШЛИТЕ ВЪ АРМІЮ
близкому Вамъ человѣку снимки
произведенные аппаратомъ
КОДАКЪ.

Сколько, повѣстѣ, приключеній, мимолетъ могутъ возникнуть еще доре-
шныя стрѣлки и дѣла отъ Васъ, въ опасѣхъ.

Сильно, счастливъ и счастливый, воспоминаній могутъ породитъ
они въ душѣ Вашего, близкаго Вамъ сердцу человека и дѣт
возможность хотѣ мысленно перенестись въ Васъ на время.

Это поднимаетъ ихъ первы и выводитъ въ нихъ еще большу
стойкость и увѣренность въ окончательной побѣдѣ надъ лютымъ
врагомъ.

Помните, что Кодакомъ Вы можете извѣстны (снимать)
въ теченіе какого-нибудь получаса.

Прейскуранты во всѣхъ фотографическихъ магазинахъ
бесплатно.

АКЦ. КОМП. КОДАКЪ
ПЕТРОГРАДЪ, Б. Кавказская, № 19 и Невская пр. Пасажъ, № 51.
МОСКВА, Петровка, № 15 и 16.

Реклама военного времени

«Из действующей армии.
Команда 1-го автом. санитар. транспорта.

Уважаемый дядя Михай!

Ваш подарок куря

“Тары-Бары”

20 шт. 6 к.

Вся команда, усевшись на нары,

Обсуждала последствия боя,

Славя дивного Р...ку героя.

Взводный к нашей компании прилип

Да шофер молодчага, Архип.

Угостить чтоб начальственный мир.

Распечатал тут же **“Каир”**,
20 шт. 7 к.
Мы Архипушке **“Бабочку”** дали,
20 шт. 6 к.
С ним фельдфебелю пачку послали,
Вся команда железных коней
Говорила: «Спасибо, Михей!!»
В благодарность письмо написали,
Первой почтой Вам отослали.
А за бывших при этом панов
Расписался шофер Иванов.
Р.С. «Фирма **“Шапошников”** в славе
Ей сказать мы это вправе»!!»

Деликатностью намек на печальные обстоятельства, связанные с войной, заслуживает внимания такое рекламное объявление: «Теперь не время тратить много на наряды, а купить недорого и практично можно только у фабриканта А. Н. Иванова. Москва, Тверская, Тверской пассаж.

Р.С. Особенное внимание на черные и серые материи».

Один из московских бытописателей не смог пройти мимо торговли аксессуарами скорби, чтобы не отобразить увиденное в фельетоне:

«Траур; только траур; ничего, кроме траура.

В громадной витрине магазина, по которой идет выпуклая, с длинным росчерком, золотая надпись с именем владелицы, выставлены манекены.

Обычные восковые лица, стеклянные глаза и яркие губы, и все эти манекены в траурных костюмах. Цветущий воск лиц и эти застывшие улыбки, обязательные для манекенов, глупые и двусмысленные, кажутся невыносимыми в волнах крепа.

Нужна ли, допустима ли выставка такого рода?

Увы, магазин торгует бойко. Это, пожалуй, крупнейшее предприятие в Москве.

В дверях красуется швейцар, обшитый галунами; дверь открывается, и вы в траурном капище... Вы в самом обыкновенном модном магазине.

Продавщицы бегут вам навстречу, звеня ножницами, которые прикреплены у них к поясу на длинных шнурах. И продавщицы эти тоже самые обыкновенные, очень модные, стриженные, как это теперь полагается, завитые барашком. Цветные кофточки.

Подбежала и остановилась, глядя вопросительно:

— Мадам?

Возле кассы сама владелица, женщина с острым и ласковым взглядом. Она тоже подалась вперед и произносит певучим голосом:

— Мадам... Кто-нибудь рекомендовал вам мою фирму? Елена Павловна? А! Это наша постоянная заказчица.

Тараторит с быстротой невероятной.

Только траур, ничего, кроме траура, но какое количество разновидностей! Глубже и глубже. Масса всяческих фасонов, последние «креасьоны», оглушительные крики... Мода не дремлет, и каждый день появляется что-нибудь новое в этой, столь необходимой теперь области.

— Не хотите ли теперь выбрать по картинке, мадам? Тут есть прехорошенькие фасоны. Я вам советую не торопиться. Конечно, можно и готовое подобрать, но у него не будет и половины того вида, как на заказ. Я понимаю ваше горе, но все-таки посоветую не торопиться...

На прилавке лежит целая кипа крайне изящных журналов. Все они посвящены трауру; траурная литература. Листы в этих журналах такие же, как и во всех вообще модных изданиях, — гладкие, меловые, ослепительные.

И на их ослепительной поверхности ложатся тени от склоненных голов. Впереди — заказчица, и за нею — продавщица, которая от времени до времени вытягивает палец с острым отточенным ногтем и осторожно почтительно указывает на траурной картинке ту или другую любопытную подробность.

А хозяйка поет:

— Вам траур будет к лицу; вы блондинка и самой природой созданы для глубокого траура. Только не опускайте вуаль на лицо, пусть она будет откинута назад...

Листы разворачиваются с тихим шуршанием. Их то начинают перелистывать быстро-быстро, как будто стремящийся каскад, то останавливаются на какой-нибудь отдельной картине.

— Это надо в красках посмотреть.

— Какие же краски? Траур...

— Ах, мадам, но ведь траур так гибок! Вы не можете себе представить, какая масса у него бывает оттенков. Едва уловимые нюансы. В них вся суть... Я могу одеть в траур любую клиентку так, что это будет красиво, и нюансы траурных материй должны соответствовать нюансам скорби. Все это так тонко, так тонко... Проявляя свою печаль, вы должны позаботиться о том, чтобы она не опечалила тех, с кем вам приходится встречаться.

Наконец картинки исследованы, и выбран надлежащий оттенок скорби... Снимают мерку...

Восковые фигуры в окнах продолжают улыбаться в своих крепях, таинственно и многозначительно...»

А вот у москвичей поводов для улыбок становилось все меньше и меньше. В августе 1915 года вдруг разразилась так называемая «монетная неурядица». Словно в одночасье обезумев, горожане вдруг бросились менять бумажные деньги на серебро и медь.

«Вчера с разменной монетой дело вновь ухудшилось, — писала газета «Утро России» 25 августа. — В общем всего было выдано из кассы московской конторы Государственного банка медной и серебряной мелкой монеты на сумму до 300 000 руб. Выдача производилась с утра из 4 касс, а после полудня к выдаче были привлечены еще 2 кассы. Толпа публики, желавшая обменять кредитные билеты на монету, временами доходила до тысячи человек и около конторы Госу-

Горь.

Рис. Д. Ивлевского.

— Бедный, бедный мой Жоржик. Если бы ты был жив, ты непременно купил бы мне этот прекрасный бриллиант.

В 1915 г. вместо исчезающей разменной монеты царское правительство пустило в оборот специальные почтовые марки

дарственного банка запрудила Неглинный проезд. Длинные хвосты терпеливо ждали по несколько часов, несмотря на дождь. В 4 часа дня ворота конторы Государственного банка были закрыты, и доступ публики в банк был прекращен. Выдача же монеты в банке продолжалась до позднего вечера.

Недостаток монеты наблюдался так же, как и в прошлые дни, в мелочной торговле и на базарах. Несмотря на то что размен кредитных билетов был открыт в ближайших участках, разменной монеты все же не хватало.

В некоторых ресторанах и столовых стали от посетителей требовать денег вперед, опасаясь, что потом спросят сдачи. За наличные (обязательно мелкие) деньги выдают им марки по цене заказанных кушаний. Иначе посетителей выпроваживают голодными. Более сговорчивые из нахлебников соглашались купить марок сразу на стоимость бумажки, какая имеется (1 р., 3 р., и т. д.), абонируясь таким образом против воли на обеды или завтраки на несколько дней вперед. Малоимущая публика особенно ропщет на такое насилие. А теперь столовые как раз битком набиты студенчеством да беженцами. Канитель с разменом денег принимает безобразные формы. (...)

По собранным в градоначальничестве сведениям, обмен

кредитных билетов на серебряную монету начинает за последние дни принимать характер собирания запасов монеты. Между прочим, отмечают, что в торговых предприятиях появилось очень много купонов и различного рода билетов стоимостью ниже рубля, которые заменяют разменную монету. Так, например, в некоторых кооперативах Москвы введены из-за недостатка разменной монеты собственные боны стоимостью в 5, 10, 15, 20 и 50 коп. Рабочие охотно принимают эти боны вместо монеты, и таким образом кооперативы нашли выход из создавшегося затруднительного положения».

Прекратить ажиотаж не смогли ни заявление представителя Госбанка, что нет причин для паники, ни приказ градоначальника о размене денег в полицейских участках, ни доставка большой партии монет из Петрограда. В магазинах и лавках, в трамвае скандалы не утихали: обыватели расплачивались только ассигнациями и требовали на сдачу монеты. Дело кончилось тем, что в банках ввели норму размена — пять рублей на человека, а градоначальник подписал новое обязательное постановление, запрещающее скупку разменной монеты. Тем не менее возникший дефицит металлических денег заставил правительство пойти на выпуск специальных марок, выполнявших роль мелкой монеты.

Какая-то часть серебряных и медных денег, превращенных москвичами в сокровища, вдруг вернулась в оборот весной 1916 года, перед Пасхой. По этому поводу вечерняя газета «Время» писала: «В предпраздничные дни в небольших лавках на Сухаревской, Таганке и отчасти в Охотном ряду сдачу стали давать серебряной монетой. Низшие классы прятали серебро и медь “до конца войны”. Дороговизна и естественная потребность в деньгах заставила достать деньги из кубышек».

В предпасхальные дни 1916 года многие из москвичей испытали самый настоящий шок, когда для них возникла вполне реальная перспектива встретить Светлое Христово Воскресение без куличей, пасхи, яиц. Вот что сообщали газеты во

— С праздником, тетенька! Вот вам фарфоровое яичко! Три рубля заплатил.
— Ну, и дурак! Ты бы мне лучше принес десятка два киевских яиц, — вот был бы, по нынешним временам, подарок!

— С праздником, тетенька! Вот вам фарфоровое яичко! Три рубля заплатил.

— Ну, и дурак! Ты бы мне лучше принес десятка два киевских яиц — вот был бы, по нынешним временам, подарок!

второй половине марта:

«В Москве в последние дни наблюдается яичный кризис. В молочных и специальных яичных лавках вовсе не отпускают яиц. В особенности это заметно в частях, далеко отстоящих от центра. В кругах, близко стоящих к яичному делу, указывают, что отсутствие яиц является очередным предпраздничным ма-

невром».

«Вопрос о недостатке яиц в Москве очень обострен. Отчасти на отсутствие яиц повлияли крупные закупки и отправки яиц в армию, куда вывезено их несколько десятков миллионов, и потому не было возможности отправлять яйца в тыл и вообще большие города. Теперь все крупные торговцы яйцами ждут значительной партии по десяти вагонов в день, но пока, хотя в начале недели привезено в Москву 3 тыс. пуд. яиц, яйца продаются только в очередь и небольшими количествами — не больше двух десятков в одни руки, и по довольно высокой цене — 52 к. за десяток; между тем в продовольственной лавке продают яйца по 46-ти коп. В лавках, где продают яйца, огромная очередь — целый хвост».

«Одновременно с яичным, мясным, молочным, масляным “голодами” ожидается сахарный голод. Как уже сообщалось, в ближайшем времени ожидается реквизиция сахара. Это обстоятельство послужило основанием к прекращению выписки сахара московскими складами. Цифра вагонов с сахаром, подвозимых в Москву, главным образом из киевского района, уменьшилась в сутки со 135—140 вагонов до 25-ти. Но и это последнее количество вагонов идет на заполнение старых заказов».

Тогда же москвичи стали получать от булочников отказы на изготовление куличей. Владельцы пекарен ссылались на недостаток пшеничной муки, дороговизну, отсутствие масла и т. д. А те, кто хотел бы испечь куличи дома, зря искали в продаже крупчатую муку. Ее не было как у оптовых торговцев в Гавриковом переулке, так и у оптово-розничных городских торговцев, в магазинах, в колониальных и городских потребительских лавках. Только люди состоятельные могли заказывать куличи и пасхи в кондитерских заведениях — по «вольным» ценам.

За пять дней до Пасхи член комитета мясной биржи С. С. Скрепков рассказал о результатах усилий властей по разрешению продовольственного кризиса:

«Москва вполне снабжена молочными продуктами. Яйца поступают хорошо. Вчера было доставлено 12 вагонов, в дороге

еще 63 вагона, которые предположительно прибудут в Москву на этих днях. С творогом произошла история. До сих пор в молочных продавался сепараточный творог, из снятого молока по цене 16 коп. за фунт. Для пасок же необходим творог из цельного молока, так называемый ростовский, и молочные заготовили его в значительном количестве, причем он обошелся самым торговцам при оптовой закупке около 19-ти коп. за фунт. Естественно, что мы не можем продавать этот специальный пасхальный творог по цене 16 коп. за фунт. Вчера депутация молочных торговцев была в градоначальничестве и ходатайствовала о разрешении повысить таксу на ростовский творог до 25-ти коп. за фунт. Там были удивлены, но тем не менее ростовский творог мы не можем продавать дешевле 25-ти коп., и творог находится у нас на складе. Помощник уполномоченного по продовольственной части Л. Г. Барков дал депутации слово разобратся в этом вопросе, но, во всяком случае, творогом Москва обеспечена, и только в отношении мяса город все еще находится в положении кризиса. На городские бойни почти совершенно не поступает скота. Цены на телятину, баранину и свинину поднялись. Например, вчера свинину дешевле 19 руб. 60 коп. за пуд нельзя было купить. Страшно поднялись в цене окорока. Ветчина — 1 руб. 30 коп. за фунт. Пшеничной муки в Москву поступает довольно умеренное количество, и этим объясняется тот факт, что булочники отказываются принимать заказы на исполнение куличей. Цена на творог установлена в 20 коп. за фунт, а на сахар понижена до 6 р. 30 к. за пуд».

Подводя итог прожитого московскими обывателями 1916 года, обозреватель газеты «Раннее утро» отмечал:

«...Как-никак, а 1916 год мы встретили на более отрадном фоне обывательской жизни, чем 1917-й.

Во всех отношениях. (...)

Вступая в 1916 год, мы еще не имели понятия о хвостах и даже совсем не “предчувствовали”.

Была дороговизна, но не было “хвостов”. Обыватель приходил в лавку, в булочную, в молочную и получал что ему тре-

бывалось.

К весне стали замечаться рост цен на продукты и первое появление “хвостов”.

Сначала они были “умеренных размеров”, но по мере приближения к осени они стали расти и расти.

“Хвосты” получили наименования. Были хвосты “мясные”, “молочные”, “хлебные”, “яичные”, а к концу года даже “денатуратные”.

Обыватели впряглись в “хвостовую повинность”; получение предметов первой необходимости превратилось в сплошную муку.

Стояние в “хвостах” повело к увеличению простудных заболеваний, а в декабре был даже зарегистрирован случай смерти при стоянии в “хвосте”.

И в новый год мы вступаем при наличности “хвостов”. (...)

Год прожит.

Вступаем в новый.

И не теряем надежды на то, что:

— Перемелется — мука будет!

И не только мука, но и мясо, и масло, и крупа, и яйца, и трамвайные порядки “по повышенному тарифу”!..»

К несчастью для москвичей, это новогоднее пожелание практически сразу перешло в разряд несбывшихся. 10 января «Раннее утро» опубликовало такую «зарисовку с натуры»:

«Отсутствие хлеба, давшее себя почувствовать уже несколько дней, вчера приняло острую форму. Только утром часть публики была удовлетворена белым хлебом. Черного было очень

¹ 2 февраля 1917 г. газета «Раннее утро» писала: «В лавках наблюдается такое явление. За французским хлебом длинная очередь в два-три ряда, а у прилавка с черным хлебом совершенно нет покупателей. Причина та, что черный хлеб требует большой выпечки, большого расхода дров, и хлебопеки в целях экономии выпускают черный хлеб недостаточно выпеченным. Публика поэтому неохотно берет черный хлеб и предпочитает “батоны” и французский хлеб».

мало¹. Но часов с 10—11 обыватели, протянувшиеся бесконечными хвостами, уныло ждали своей очереди, почти не надеясь добыть дневную порцию.

Напряженное настроение разряжалось эксцессами.

К вечеру в булочных, кафе, чайных трактирах и т. д. было чисто: хлеба ни куска.

На все сетования и вопросы волнующегося обывателя булочники хладнокровно бросали:

— Мы при чем? Нет муки. В субботу еще не то будет.

Естественно, такие ответы раздражали подозрительность и сильно смущали жаждущих хлеба насущного. Слухи, часто сомнительные, гнали огромные толпы к булочным, а настоящее положение дел давало обильную пищу для всяких рискованных предположений.

Как бы то ни было, вчера многие остались без хлеба, безрезультатно прорыскав за ним несколько часов».

Страдания стоявших в «хвостах» усугублялись самой системой продажи хлеба. Из пекарни в торговый зал вносили корзину с 15—20 свежеиспеченными хлебами. Как правило, их хватало на пять-шесть человек («порцион» — три французских булки на одного покупателя). Счастливики уходили с добычей, а остальным приходилось провожать их завистливыми взглядами и ждать еще 15—20 минут, пока из печи достанут новую партию хлеба. Тому, кто не мог накормить всех домашних «тремя хлебами», приходилось снова вставать в очередь.

Замечены были в «хвостах» и профессиональные покупатели — стайки мальчишек. Хорошо изучив расписание булочных, они умудрялись появляться к самой раздаче и отоваривались в числе первых. Хлеб эти ловкачи потом перепродавали по 25—30 коп. либо стоявшим в конце очереди, либо разносили по домам.

Очевидец событий 1917 года П. А. Воробьев вспоминал пережитое: «Очереди за хлебом стояли круглые сутки, и не каждый день в булочной продавался хлеб. Я сам видел, как чело-

век умер в очереди, люди оттащили его в сторону, не уделив ему и десяти минут времени, и снова уткнулись в спины друг другу — дома ждали голодные дети. Случаи голодной смерти уже никого не удивляли.

Однажды стоявшим впереди стало известно, что в булочной нет хлеба. Обманутая толпа стала страшной... Она ворвалась в магазин и, не найдя никого, с кем бы расправиться, побила стекла, изломала торговые прилавки. Таких погромов было немало».

Впрочем, как это бывает в жизни, были моменты повеселее. Один из репортеров описал увиденную на Сретенке сценку: чтобы согреться, люди из очереди плясали под звуки губной гармошки, на которой играла одна из женщин.

Булочная без «хвоста» также могла спровоцировать на неадекватный поступок. В газетах описан случай, когда вожатый застопорил трамвай на Маросейке вдали от остановки и неожиданно покинул вагон. Минут через десять истомленные ожиданием пассажиры увидели, как он появился, держа в руках три «франзели» (так в обиходе называли французские булки). Оказалось, что вагоновожатый заметил булочную, где было немного покупателей, и решил по случаю запастись хлебом.

В городских хрониках была отмечена новая черта в поведении москвичей. Позавтракав или отобедав, посетители ресторанов просили официантов завернуть оставшийся хлеб в бумагу и уносили его с собой. Рассказывали о компании, уплатившей по счету более ста рублей, но разыгравшей хлеб между собой. Счастливицей оказалась дама, которая без всякого смущения убрала в ридикюль доставшейся ей «приз». «Впрочем, — сообщали газеты, — теперь хлеб дают в «обрез»».

«Зато большое удовлетворение в массе вызвало распоряжение, запрещающее выпечку пирожных, тортов, печений и т. п. сладостей, — отмечал корреспондент “Раннего утра”. — Вчера это распоряжение вошло в силу.

Булочные, кафе распродают остатки “прежней роско-

ши”, но так как их было немного, то полки и стеклянные витрины, раньше дразнившие аппетит заманчивыми яствами, быстро опустели.

Толпа в массе торжествовала по случаю такой отмены. Хлебные хвосты, злорадствуя, острили:

— Откушались.

— Да-а. К чайку не будет. Кофеек-то без пирожного горьким покажется.

Когда наивная барынька, основываясь на предыдущем опыте, пыталась прорвать хвост заявлением: “Я не за хлебом, а за пирожными”, толпа впадала в праздничное неистовство:

— Вам, сударыня, каких-с? С миндалем или, может быть, со сливочками? Станьте в кончик хвоста, подождите, помучьтесь.

Толпа гоготала, пока кто-нибудь сердобольный не выводил барыню из ложного положения, объяснив:

— Напрасно ждете. Пирожных теперь не готовят.

Лакомка оставляла свою очередь, а толпа ехидничала:

— Откушались. С хлебцем попробуйте. Не в пример лучше. Запрещение коснется и шоколадных конфет».

Действительно, на следующий день после публикации фельетона вышло запрещение на производство «дорогих» конфет — «ирис, тянучки и пр.» — «для экономии сливок и сахара». Жить сладостям становилось все тяжелее. Спустя короткое время обозреватели городской жизни отметили новое явление. При продаже конфет по принципу «один фунт в одни руки» покупатели, отстоявшие в «хвосте», прятали только что приобретенную коробку в карман и тут же снова становились в очередь.

С иронией встретили в публике прозвучавшее на заседании продовольственной комиссии обещание С. Н. Абрикосова и других кондитеров выпускать дешевые конфеты по «твердой цене». Один из журналистов прокомментировал это выступление такими цифрами: если до войны фунт сахара стоил 14 копеек, то зимой 1917 года — 28 копеек; а вот цена леденцов скакнула с 25—30 копеек до 1 рубля 20 копеек — по

утверждению кондитеров, «из-за вздорожания патоки».

В конце января торговцы объявили о грядущем в марте чайном кризисе. На складах запасы чая подходили к концу, а нового подвоза из Владивостока не предвиделось.

«Хлебный» кризис, разразившийся в начале 1917 года, имел целый ряд причин. С одной стороны, ситуацию определяли объективные условия: необычайно снежные метели нарушили работу и без того перегруженных железных дорог. Эшелоны с мукой просто-напросто застряли на пути к Москве. С другой стороны, роковую роль сыграли субъективные факторы: страсть к наживе владельцев московских булочных и пекарен, недостаточные усилия властей в борьбе со спекуляцией.

Газеты сообщали, что продажа муки «на сторону» превратилась в повсеместное явление. Пока москвичи тщетно ожидали хлеба у дверей булочных, муку мешками продавали с черного хода по спекулятивным ценам. По оценкам журналистов, прибыльность таких операций составляла 500–600 процентов, в то время как прибыль, заложенная в цену хлеба «по таксе», составляла всего 10 процентов. Понятно, что владельцу пекарни было выгоднее сразу продать мешок муки за 75–100 рублей, чем возиться с выпечкой, расходуя деньги на топливо и оплату труда рабочих.

Неудивительно, что при повсеместном распространении спекуляции мукой власти оказались практически бессильны побороть это зло. Перед градоначальником встала неразрешимая дилемма: наказать всех булочников по строгости закона — Москва совсем останется без хлеба, продолжать бездействовать — вызывать обострение ситуации.

Выход нашелся простой. Для острастки были арестованы два владельца пекарен. Один, некий А. И. Декшня, владел небольшим заведением на 2-й Сокольнической улице. Скорее всего он оказался случайной жертвой — городской задержал женщину, перевозившую ночью на саночках несколько мешков с мукой. Она и назвала Декшню в качестве продавца. Завтра второй был заметной фигурой, настоящий туз — владелец

Карикатура на сообщение газет об обнаружении больших запасов сахара, лежащих на складах в качестве залога под кредиты.

Такая операция позволяла владельцам сахара избежать обвинения в сокрытии запасов продовольствия с целью спекуляции

целой сети пекарен и булочных, располагавшихся на центральных улицах Москвы, — потомственный почетный гражданин И. И. Чувев. Видимо, по распоряжению начальства его специально выслеживали агенты сыскной полиции. Обоих спекулянтов «за действия, угрожающие общественному спокойствию», градоначальник приговорил к трехмесячному аресту и высылке из города до окончания войны.

Для облегчения положения москвичей, томившихся в «хвостах» на морозе, градоначальник Шебеко приказал предоставить им возможность греться в помещениях кафе и про-

чих заведений, располагавшихся рядом с булочными. Однако главным средством ликвидации «хвостов» решено было сделать карточки на хлеб и муку, вводимые с 1 марта 1917 года.

Любопытно, что еще до введения хлебных карточек стал известен пример успешной борьбы с «хвостами» у булочных. Автором удачного эксперимента был пристав Алексеевского участка (за Крестовской заставой) Ф. В. Гребенников. Зная официальную цифру количества муки, выделенной для пекарен на территории его участка, он разделил ее на количество жителей, получавших сахар по карточкам. Получилось по одному фунту ржаного и половине фунта пшеничного хлеба на человека. Домовладелец или его посланец приходили в булочную, предъявляли заверенный в полиции список жильцов и получали хлеб сразу на всех. «Хвосты» сразу же исчезли.

Изыскивая новые резервы, градоначальник постановил: с пятого февраля упразднить вслед за пирожными сдобный хлеб, сухари и баранки. Разрешены были к продаже только французские булки, ситный и ржаной хлеб. Под запретом оказались и все виды «хитрого» хлеба — слегка посыпанный тмином или маком, он приобретал статус нового продукта, разрешенного для торговли по свободной цене. Например, «яблочный» хлеб, появившийся в дни кризиса на прилавках булочных, стоил немислимые деньги — 90 копеек за фунт.

Запрет на сдобу, как неожиданно выяснилось, не только ударил по интересам булочников, но и обернулся бедой для многочисленной армии мелких служащих. Они лишились привычного дешевого завтрака, который состоял из чашки кофе (30 коп.) и бриоша или пирожка с мясом (15 коп.).

Не лучшим образом обстояло дело и с «постными» продуктами. Одним из свидетельств тому является репортаж с традиционного Грибного рынка¹, опубликованный в середине фе-

¹ К сожалению, в «Москве повседневной» было допущено ошибочное утверждение, что в годы Первой мировой войны Грибной рынок прекратил свое существование.

враля 1917 года в газете «Раннее утро»:

«Вряд ли когда-либо Москва так печально начинала поститься, как в нынешнем году.

Найдется много ярых постников, которые при всем желании поститься не в силах будут осуществить намерение “поговорить”.

Жестоко обманулся в своих ожиданиях москвич, выйдя вчера за великопостными покупками на грибной базар.

Произведения природы затерялись жалкими точечками среди ярмарки произведений индустрии.

На всем базаре нашлось пудов десять сушеных грибов, которых, конечно, могло хватить лишь для немногих счастливых.

Хотя вряд ли и эти согласны считать себя осчастливленными, потому что фунт сушеных грибов белых, произрастающих в Средней и Северной России, расценивался вчера вдвое дороже, чем средний сорт чая с трудом выращиваемых в Китае цветков чайного растения.

Без пошлин, без тарифа, без потери на курсе валюты за обыкновенный гриб брали вчера по 5—7 рублей фунт.

Соленых грибов была пара кадушек. Продавались они по 70 копеек фунт.

Других солений, как огурцы, капуста, брусника, совсем и в помине не было.

Две палатки торгуют медом по 2—3 рубля фунт.

Нечто от парфюмерии, но не от пчел.

Такой “фрукт”, как сушеные яблоки, стоит 1 рубль 10 копеек фунт. “Шептала”, чернослив, груши сушеные — от 50 до 70 копеек.

Торговля сладостями — единственное, что есть на базаре, — делает очень скромные обороты. Никто ничего не покупает, потому что товар сплошь фальсифицирован, отвратителен не только на вкус, но даже и на вид. А цены ни с чем не сообразны: дрянная коврижка, ценившаяся раньше в 20 копеек, стоит нынче 2 руб. Остальное в том же роде.

Совсем нет бубликов, которыми любила обвешивать себя

“грибная” молодежь на этом постном гулянии.

Словом, базар устроен только для традиции.

Ни публике, ни самим торговцам он ничего не дал».

Кроме недостатка продовольствия, в начале 1917 года москвичи страдали и от низкого качества продуктов. Вот что сообщали органы, стоявшие «на страже общественного здоровья», о результатах проверки продовольственного рынка Москвы:

«За последние четыре месяца московской городской санитарной станцией было произведено 663 исследования обрабатываемых на московском рынке различных пищевых и вкусовых продуктов, а также был произведен химико-бактериологический анализ состава воды московского водопровода.

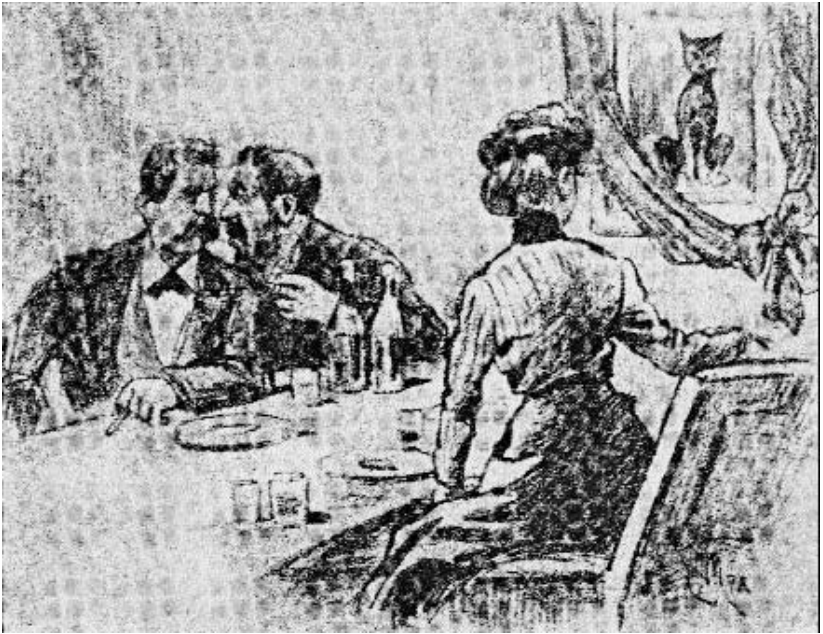
Основательность жалоб москвичей на неудовлетворительность поступающего в продажу ржаного и белого хлеба ярко подтверждается произведенным на станции анализом ржаной и пшеничной муки.

Из взятых станцией проб около половины оказались по своим физическим свойствам (затхлый запах, неприятный вкус) и по своему составу — в период начинающегося гнилостного разложения; кроме того, некоторые пробы ржаной муки были загрязнены различными сорными семенами и даже вредной для здоровья ядовитой спорыньей.

Далеко не безвредны являющиеся приправой к столу, окрашенные в зеленый цвет консервы из горошка, бобов, шпината и каперсов. Эти растительные консервы после стерилизации при 120° Ц. утрачивают свою зеленую окраску, приобретая некрасивый желто-бурый оттенок.

Желая вернуть своему товару его натуральный цвет, некоторые фабриканты окрашивают консервы ядовитыми медными солями. Подкрашивание медью консервов, совершенно недопустимое с санитарной точки зрения, преследуется законодательством.

Тем не менее отчет городской санитарной станции конста-

тирует: «...из произведенных станцией исследований видно, что у нас *часто* идут в продажу окрашенные медными солями консервы из зеленого горошка, бобов, шпината и каперсов».

Не более утешительны результаты произведенного станцией исследования полуды посуды, взятой из различных лудильных заведений.

Ввиду значительного вздорожания олова некоторые лудильные заведения не стесняются применять при лужении медных кастрюлей, самоваров и т. д. полуду, содержащую 20—30 % и даже более свинца.

Безвредная примесь к полуде свинца не должна превышать более $\frac{1}{2}$ или в крайнем случае 1%. Варка пищи, кипячение воды в посуде, луженной с большой примесью свинца, может вызвать у потребителей хроническое отравление

свинцом.

Исследования проб молока указали, что в крупных молочных фирмах молоко доброкачественное, оно имеет в среднем 3,96% жира. Совершенно иное дело молоко с восточных рынков и улиц. Половина такого молока оказалась разбавленной водой в количестве от 25 до 40%. Кроме того, все пробы при отстаивании выделяли значительное количество грязи.

Из проб коровьего масла, взятых в колониальных лавках, пекарнях, булочных, столовых, съестных лавках и харчевнях, 72% оказались фальсифицированными примесью сала, хлопкового масла. Кроме того, многие пробы оказались прогорклыми в довольно сильной степени.

С целью проверки качества приобретаемых продуктов лавочники доставляли на станцию пробы различных предметов потребления.

Из 83 проб доставленного лавочниками молока 20 оказались разбавленными водой в количестве от 20 до 40%, и 8 проб представляли собой молоко полуснятое.

Из проб коровьего масла, доставленного лавочниками, 5 оказались фальсифицированными примесью сала и хлопкового масла, и 2 — прогорклыми.

Станция произвела исследование 69 образцов фармацевтических препаратов, из которых 6 были доставлены лавочниками, а 63, предложенные различными поставщиками городского аптекарскому складу, были переданы этим складом на станцию для определения доброкачественности. В числе проб имели опий, аспирин и проч.

Из всех этих проб 21 образец не удовлетворял требованиям.

Произведенное химическое и бактериологическое исследование воды Рублевского водопровода выяснило, что по своему составу вода эта в отчетный период была вполне доброкачественной».

Остается отметить, что сильнее всего продовольственный кризис ударил по той многочисленной массе москвичей, кото-

рая на протяжении военных лет едва сводила концы с концами. А вот «достаточные» классы еще имели запас прочности. Так, фабрикант Н. А. Варенцов вспоминал, что даже в начале 1918 года его семья не испытывала ни малейших лишений:

«Отсутствия продовольствия и повышения цен я еще серьезно не чувствовал, так мое имение снабжало молочными продуктами, яйцами, птицей, окороками ветчины и соленым мясом; крупа, мука, сахар, кофе, чай, мыло менялось на мануфактуру, производимую фабрикой, где я работал».

Некоторое представление о меновой системе, действовавшей среди зажиточных москвичей, дает фельетон журналиста «Эля»:

- «— Марья Степановна!
- Здравствуйте, душечка!
- Глазам своим не верю. Вы — и в театре?
- Вырвалась.
- Одна?
- Нескромный вопрос.
- Pardon! Я хотела спросить: сам-то с вами?
- Слава Богу, нет. Отправился в дальнее плавание. За ко-
жами. Где-то, вишь, кожи объявились.
- Как я рада за вас! Ну, как живете?
- Какая нынче жизнь! Сами знаете. Ничего нигде не до-
станешь... Сплошное мучение...
- Да, да... кстати, душечка, выручите.. Нигде не могу до-
стать туфель приличных. Нельзя ли по знакомству у вас в ма-
газине раздобыть?
- В магазине ничего нет. Приезжайте ко мне... как-нибудь
обуем...
- Очень, очень обяжете... Я в долгу не останусь. Знаете,
мне на днях кузен из Ржева гречневой крупы пять пудов при-
слал...
- Гречневой! Милочка, родная, какая вы счастливица! Ес-
ли бы вы мне хоть полпудика уступили...
- Ну, конечно, уступлю... Вы меня обуете, я вас гречневой

кашей досыта накормлю.

— Вот хорошо. А я вам в премию сахарку могу предложить...

— Сахарку! Да это ведь восторг что такое!.. На карточке сидя, не засахаришься...

— И какой сахар-то! Этот — карточный — меня просто из себя выводит... Не сахар, а булыжники, которыми мостовые мостят. Тот — пластинками, одна в одну...

— Ах, какая прелесть!.. Очень, очень благодарна вам, Марья Степановна!

— Валя с фронта прислал. У них там всего вдосталь...

— Не знаю, как вас и благодарить... Впрочем, что ж я!.. Ах, какая глупая... Хотите полпудика масла по рублю?

— Еще бы не хочу! Где это вы умудрились?

— Железнодорожник один знакомый с сибирским экспрессом полтора пуда мне презентовал... Уж мы вот сколько времени жарим и печем... Замечательное масло...

— Возьму, обязательно возьму... А уж я, так и быть, уступлю вам сотню яиц... Да какие яйца... киевские! Иван Никитич на днях в Киеве был, там какую-то спекуляцию сделал, ну и прихватил с собой три ящика яиц...

— Душечка, дайте я вас расцелую. Моему Жоржу доктор прописал по утрам выпивать пяток яиц всмятку... А где их нынче достанешь?! Сплошная фальсификация... А я пред вами виновата... Мука у меня была... Капитолина Сергеевна как-то позвонила: ей откуда-то десять кулей привезли. Она мне куль и уступила... С хлебом теперь трудно, мы и печем дома. Почти всю муку израсходовали, и теперь мне прям неловко, что я о вас тогда не вспомнила.

— Не огорчайтесь, Нина Петровна. С мукой мы великолепно устроиваемся... И пустяки, в сущности, платим.

— Например?

— По сотне за мешок. У булочника Закачуева.

— Какая дешевизна... Дайте мне, милочка, адресок...

— В следующем антракте. Идемте садиться. Уж началось...

На сцене в это время изображались переживания населе-

ния, засевшего в осажденной крепости. Размалеванные статисты из-за картонных стен протягивали исхудалые руки и жалобно вопили.

Мария Степановна скорбно взглянула на Нину Петровну.

А Нина Петровна, откликаясь на этот взгляд, со вздохом молвила:

— Все равно, как мы с вами, несчастненькие...»

Этот фельетон был опубликован 23 февраля 1917 года. В тот день в Петрограде началась Февральская революция.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС

*Всем доступно! Квартиро-канкан:
Не квартиры, ей-Богу, а сахар!
Восемь тысяч за старый диван,
Восемь тысяч за шахер и махер.*

Саша Черный

«Москве повседневной» мы довольно подробно рассказывали о сложившейся в начале XX века системе найма квартир и комнат. В первый год войны она продолжала действовать практически без изменений. Единственное, что ее отличало от довоенного времени, — к концу дачного сезона в городе наблюдалось непривычно большое количество свободного жилья. В августе 1914 года, при обсуждении вопроса о размещении в Москве раненых, газеты сообщали, что полиция обнаружила около 1500 пустующих квартир.

Однако ровно через год пресса отметила возникновение в Москве жилищного вопроса. Например, корреспондент «Утра России» писал о новом явлении:

«Приезжие в Москву начинают испытывать затруднения с наймом помещений. Цены на номера в гостиницах и на меблированные комнаты сильно поднялись. Помесячно комнат почти нигде не сдают, так как при огромном наплыве приезжих посуточная плата гораздо выгоднее для содержателей номеров. Помесячно можно нанять лишь комнаты в частных квартирах. Но и они вздорожали процентов на пятьдесят. На-

чавшийся съезд в Москву учающейся молодежи и наплыв беженцев из занятых неприятелем городов угрожают до крайности обострить жилищный вопрос. Пора бы озаботиться какими-нибудь мерами, например нормировкой цен, содействием тому, чтобы дачи вокруг Москвы приспособить под жилье на зиму, сохранив дачные поезда и т. п.».

Московские власти отреагировали соответствующим образом: было запрещено повышать квартирную плату свыше установленного предела. Понятно, что это не способствовало укреплению дружеских отношений между домовладельцами и квартирантами. Характерный для того времени диалог с квартирной хозяйкой привела в воспоминаниях Н. Я. Серпинская:

«— Я должна вам сказать, — визгливо закричала хозяйка, — что не могу заниматься благотворительностью. Я держу вас задаром, 50 рублей теперь ничего не стоят, я кормлю прислуг, а сейчас все так дорого!

— Мне нет до этого дела!

— Ну, у вас куры денег не клюют!

— Я прибавлю вам десять рублей на прислугу, и оставьте меня в покое».

Мемуаристке повезло, что у нее за комнату было заплачено сразу за несколько месяцев вперед и ей не надо было метаться по городу в поисках пристанища. Москвичам, которым понадобилось жилье, приходилось гораздо труднее, потому что изобретательные домовладельцы нашли разные способы обходить запрет на повышение квартплаты. Некоторые из них описал автор фельетона «Квартиролог», опубликованного на страницах вечерней газеты «Время» в апреле 1916 года:

«Это — вроде мартиролога. Только еще хуже.

Нигде и никогда не дожидались весны с таким нетерпением, как в Москве в эту зиму. Москва переполнена; всю зиму москвичей мучил ужасный квартирный голод.

Ждали весны. Многие должны разъехаться весной, и квартиры освободятся. Расчет был правильный, но только до некоторой степени.

Квартирный вопрос.

Рис. К. Груса.

— Кричать, что надо закрыть дома свиданий, а что же тогда делать нам, студентам — по-
мидать от холода?

Ожидавшие не учли того микроба спекуляции, который теперь в воздухе. Весна — время микробное; спекуляция с квартирами приняла невероятные размеры.

Показались листочки: зеленый дым на деревьях и такие кроткие розовые листки у ворот и около подъездов. И другие вестники весны: объявления в газетах. Крупными буквами “квартира”, и затем помельче — “передается”.

Не “сдается”, а “передается”. Это теперь обычная форма такого рода объявлений.

Мирные московские обыватели превратились в настоящих акул; перед их алчностью бледнеют даже истинно-промышленные аппетиты. Сколько изобретательности они проявляют!

С трудом дождавшись весны, я начал правильную охоту за розовыми билетиками. И вот несколько примеров из моего квартиролога.

Объявление: квартира три комнаты, все удобства... Указан номер телефона.

Звоню. Это было нелегко сделать: телефон занят и занят. Взыскующие квартиры его осаждают.

— У вас сдается?..

— Да. Только условие — вы должны купить мебель. Квартира на Знаменке — тысяча рублей в год; мебель — четыре с половиной тысячи.

— Три комнаты и столько денег? Какая же у вас там обстановка? Из литого золота?

Отправился посмотреть на эти вещи. Купить я их не могу, но хоть взглянуть любопытно. Буль, Жакоб?

Сухарева башня, самая беспримесная. Красная цена этому добру, даже если бы оно было новешеньким, четыреста целковых. Только для видимости, для “закрасы” поставлено плохонькое пианино.

А хозяйка стонет:

— Ах, я так измучилась с этой квартирой! Ежеминутно посетители... хочу поскорей развязаться и — отдыхать. Раньше я обычно жила летом на дачке в Кунцево, а теперь собираюсь в Крым...

Оно конечно... После такого заработка и в Крым можно!

Почтенная особа еще не уехала. Объявление об этой квартире продолжает регулярно печататься в газетах. Как ни велика нужда в пристанище, но вряд ли отыщется охотник отправлять эту ловкую даму в Крым на свой собственный счет для поправления нервов.

Еще квартира. Хозяин ее собирается на кумыс.

И выдумал для этого такую комбинацию.

Мебели он не продает. Вы обязаны взять ее напрокат на три месяца. Квартира стоит в месяц 60 рублей, а прокат мебели 90.

РЪДКОЕ ЯВЛЕНИЕ.

— Чего это народъ толпится? Убилили здѣсь, что-ли, или скандалъ?
— Нешто не видите, записка вывѣшена: «Отдается квартира». А по нынѣшнему времени въ Москвѣ это—чудо! Ну, вотъ народъ и дивится, глазамъ своимъ не вѣрить!

Из простого сопоставления этих цифр вы можете видеть, что это такое. Кроме того, вы обязаны заплатить все деньги за три месяца проката вперед.

Кумыс этому господину будет обеспечен. Вдобавок он избавляется от необходимости помещать свое имущество в склад и платить за хранение.

А вернувшись, он получит свое имущество обратно, по инвентарному реестру.

Комбинация недурная; какого-то караса этот господин поймал. Розовый листочек с ворот сорван. Я искренне пожа-

„Просторная жизнь“.

- Неужели вы живете в одной комнате?
- Что вы, разве при нашей бедности можно жить в одной комнате! За год-то нас из десяти комнат за неуплату выселять.

дел того, кто попался на эту квартирную приманку: должно быть, очень ему туго приходилось.

Третий листочек. И третья комбинация.

Самая удивительная.

Показывают вам квартиру. Цена недорогая. Мебель не продается и не “прокатывается”. Как будто все благополучно, но я не верю своему счастью. И думаю, в чем же тут секрет? Он не заставляет себя долго ждать.

— А шляпное заведение вы берете?

Я остолбенел.

— Шляпное заведение? Какое? На что оно мне, сударыня?

— Извините, в таком случае мы не сойдемся. У меня тут целая мастерская на ходу.

И указывает на две деревянные болванки, стоявшие на подзеркальнике, с нацепленными на них сооружениями из соломы и перьев.

— Мастерская с солидной клиентурой. Пять тысяч.

— Но, сударыня, — восклицаю я с отчаянием. — Ведь я — не модистка!

А она резонно отвечает:

— Не могу же я бросить мастерскую на ходу? Вы можете же заниматься чем угодно, но я сдам ее только тому, кто купит мастерскую.

И еще, и еще случаи. Перечислять их скучно. Весна обманула все надежды бесприютных москвичей. И розовые листочки скоро будут приводить к неожиданному эффекту: увидевший их человек, нуждающийся в квартире, будет опрометью кидаться в сторону...»

Судя по свидетельствам современников, квартирными гешефтами занимались истинные профессионалы. Газеты, например, писали о некой одинокой даме, которая снимала в разных концах Москвы 18 квартир. Все они были обставлены «сухаревскими мебелью», но за прокат назначалась цена как за гарнитуры красного дерева.

На квартирную тему

— Скажи любезный, Синичкины у вас в доме живут?

— Точно так. А только это ни к чему...

— ?!!

— Они, значит, квартируют на шестом этаже, а подъемка испортилась, и вам туда не дойти...

Скорее всего такого рода квартирные спекулянты действовали в союзе с домовладельцами или имели платных информаторов среди дворников. На это указывает то обстоятельство, что, едва успевали съехать с квартиры прежние жильцы, как тут же появлялись арендаторы-посредники. После беглого осмотра они вручали задаток, но предупреждали, что снимают жилье «для родственников». Вскоре в газетах появлялось объявление: «Передается квартира с мебелью». Адрес не указывался, только телефон, находившийся в собственной квартире предпринимателя.

ДОБРЫЙ ДОМОВЛАДЕЛЕЦ.

— Звать изволили?
— Да. Ты распорядись, чтобы во всех квартирах заклеили фоточки и вытиски. А если квартиранты будут протестовать, то скажи, что это — для их же пользы и старания. Если зимой топить нечем будет, — чтобы они меньше мерзли.

Другим вариантом квартирных спекуляций, порожденных дефицитом жилья, было превращение многокомнатных квартир в доходные предприятия. В апреле 1916 года Городская управа наконец-то обратила внимание на протесты домовладельцев, которые никак не хотели примириться с тем, что квартиросъемщики в массовом порядке принялись сдавать комнаты по высоким ценам. По правилам, действовавшим в то время, все помещения, в которых сдается шесть комнат, считались меблированными комнатами и подлежали обложению налогом. Под давлением домовладельцев городская администрация решила внести поправку: отнести к разряду меблированных комнат те квартиры, в которых сдается больше трех комнат.

Жилищный кризис подстегнул цены на недвижимость в Москве, загнав их на немыслимый прежде уровень. Наглядной иллюстрацией служит история, рассказанная газетой «Раннее утро» в феврале 1917 года: некто К. купил дом в одном из арбатских переулков за 600 000 рублей, но всего через несколько дней ему предложили продать новоприобретенную собственность уже за... 900 000 рублей.

«К. колеблется, — сообщала газета. — Покупателям ответил: — Подумаю.

В несколько дней 300 000 барыша... И это еще мало...»

При таких ценах настоящими богачами становились посредники, сводившие продавцов и покупателей недвижимости. Московский репортер не без зависти писал о мелких служащих, получивших в качестве комиссионных солидные куши. Один из них, конторщик с жалованьем 60 рублей, случайно узнав, что хозяева продают дом, нашел покупателя. Его участие в сделке было оценено в 57 800 рублей. Другой клерк, прозябавший в бедности, за такую же услугу был вознагражден 25 тысячами. «Не родись богатым, а... займись комиссионерством», — сделал вывод журналист.

Зимой 1916/17 года отношения между домовладельцами и квартирантами обострились до предела. Несмотря на приказ градоначальника — поддерживать в домах температуру не ниже 13 градусов, жалобы москвичей слились в сплошной вопль: «Помогите! Замерзаем!» Повсеместным явлением стали квартиры, где температура не поднималась выше 7–8 градусов. Керосиновые лампы, горевшие в жилищах круглосуточно, практически не помогали.

Не возымели эффекта также и наказания, установленные градоначальником за «замораживание» квартирантов: штрафы 100–300 рублей, тюремное заключение, высылка из Москвы на все время войны. Например, в доме Бахрушина в Козицком переулке в начале января не топили вообще. Не помогли ни протоколы, ни личный визит в контору домоправителя помощника пристава, приказавшего дать тепло в квартиры.

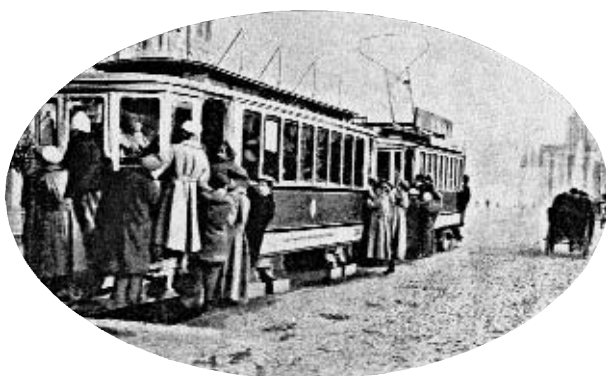
Дело сдвинулось с мертвой точки только после того, как управляющий И. Д. Орлов был оштрафован на 3000 рублей, а перед именитым домовладельцем замаячила реальная перспектива сесть в тюрьму.

Комментируя бедственное положение, в котором оказались жители города, один из гласных городской думы (сам домовладелец) объяснил, что причиной кризиса является противоречие между фиксированной платой за квартиры и постоянным ростом цен на топливо. Оказалось, что если отапливать дома по установленной градоначальником норме, то расходы на дрова значительно перекроют средства, полученные в качестве квартплаты. Действительно, цены на дрова росли как на дрожжах. В начале февраля 1917 года за какие-то несколько дней стоимость вагона дров с 600 рублей поднялась до 750 рублей.

Февральская революция, ликвидировавшая старую власть, а главное — приход весны заставили на время забыть о проблеме тепла в квартирах. К этому вопросу в преддверии нового отопительного сезона городские власти вернулись в августе 1917 года. Тогда было решено поднять плату за квартиры. Однако очень скоро горожане оказались совсем в иных условиях, в сравнении с которыми кризисы военных лет стали восприниматься как мелкие неудобства.

ГОРЬБДСКОЙ ТРАНСПОРТ

*Вдали продребезжат трамваи,
Автомобили пролетят,
И, постепенно оживая,
Былое посещает сад.*

Г. В. Иванов

з всех сторон жизни Москвы самое заметное и скорое влияние война оказала на городской транспорт. Во-первых, введенное во время мобилизации разрешение на бесплатный проезд в трамвае «запасных» действовало вплоть до 4 августа 1914 года. Можно себе представить, как были переполнены вагоны. Во-вторых, в том же начале августа горожане заметили, что трамваи стали ходить гораздо реже, и «штурм» вагонов публикой превратился из экстраординарного события в повседневное явление. Городские власти объясняли, что это вызвано сокращением числа вагонов. Часть из них были переделаны в «санитарные» — для перевозки раненых. Другая часть встала на прикол из-за недостатка персонала.

В отчете Городской управы, обнародованном в конце сентября, прозвучали такие цифры: после мобилизации около 2000 человек из числа служащих трамвайных парков вместо прежних 900—1000 вагонов на линию получалось выпускать только 580. Прием новых работников дал возможность к 10 сентября пустить еще сотню вагонов. Обучение новых кондукто-

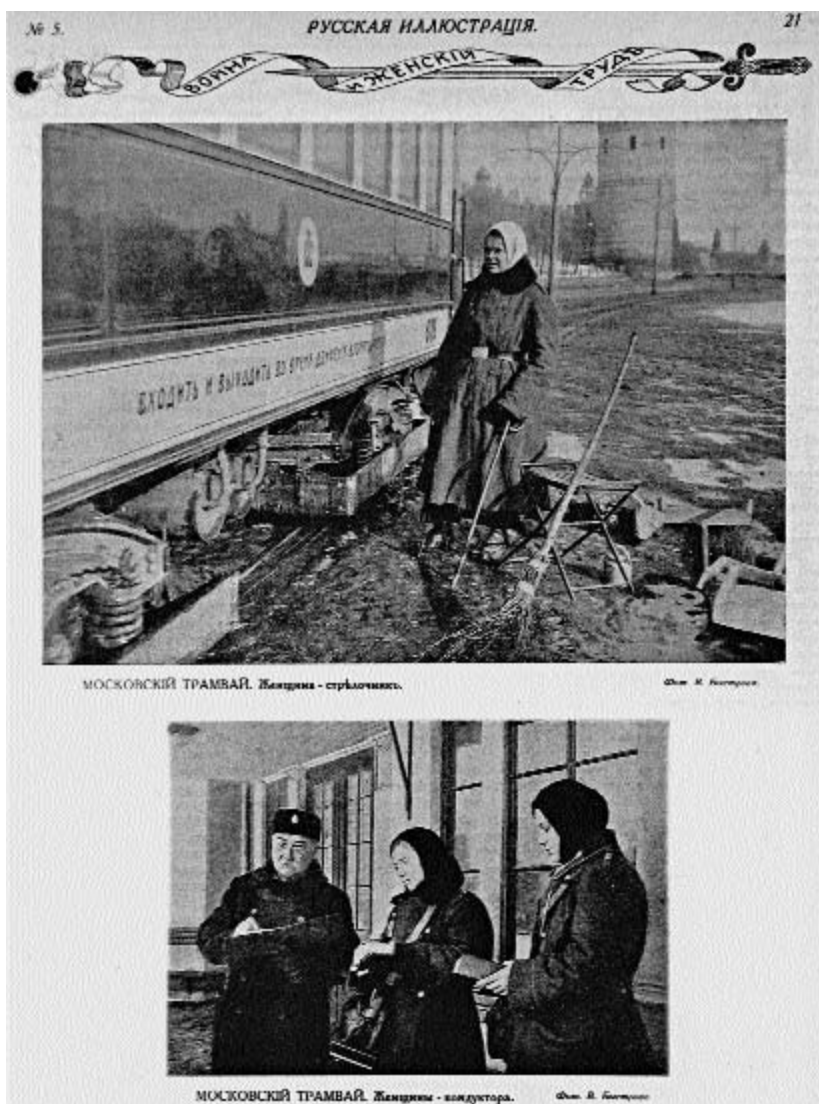
ров и вагоновожатых позволит в декабре довести число работающих трамваев до 800.

В числе новобранцев осени 1914 года был студент Константин Паустовский. Спустя годы, став маститым писателем, в автобиографической «Повести о жизни» он ярко, с интересными подробностями описал свою работу в качестве вагоновожатого и кондуктора. Особенно Паустовский подчеркивал, что их учили очень серьезно, без всяких послаблений и скидок на военное время. Это строгое отношение к подготовке новых кадров первоначально позволяло московским трамвайщикам работать на уровне довоенных стандартов.

Тем более что из-за войны в трамвайных парках произошла самая настоящая революция — вместо ушедших на фронт мужчин кондукторами и стрелочниками стали работать женщины. Сначала городские власти разрешили принимать на службу жен призванных в армию кондукторов, вагоновожатых и других служащих трамвайных парков, затем жен вообще городских служащих, потом жен призванных на действительную службу жителей Москвы. Со второй половины 1916 года из-за дефицита кадров перешли к приему всех желающих — через объявления в газетах. На начало февраля 1917 года среди работников «городских железных дорог» 75—80 процентов составляли женщины, из них свыше 3200 «кондукторш».

В качестве небольшого отступления отметим, что на заре XX века сама возможность работы женщин на городском транспорте скорее служила темой для фельетонов, чем была чем-то схожим с реальностью. Вот для примера что писала в 1900 году московская газета «Новости дня»:

«Новая форма женского труда: говорят, что на проектируемой электрической “конке” в кондуктора будут допускаться женщины. Собственно, ничего неожиданного или невозможного в этом нет: труда особого нет; отрывать билеты и получать деньги может даже ребенок. Вопрос только в выносливости, а также в тех осложнениях, которые возможны, если принять во внимание, что “ночная” публика не всегда состоит

Страница журнала «Русская иллюстрация»,
посвященная женскому труду

из членов общества трезвости. Но ведь зато и современная женщина — далеко уже не то “слабое” создание, о котором мы читаем до сих пор у поэтов. При всей воздушности и нежности, как известно из отчетов о делах, разбирающихся в камерах мировых судей, средняя московская женщина не уступит мужчине ни в энергии, ни в способности к натиску и быстрой расправе на месте. Чего не довершит кулаком, наверстает словами; подчас такими, по поводу которых даже в сенатских решениях ничего не указано. В чем же, следовательно, можно видеть препятствие?

Возникнет новый способ весело проводить время. “Золотая молодежь” вместо прогулок в кабриолетах по Петровскому парку будет предпринимать увеселительные прогулки по конке, раз на какой-нибудь линии объявится хорошенькая кондукторша.

За границей этот вопрос разрешен так: кондуктор продает билеты, а деньги собирает его жена и при этом убеждает пассажиров не брать сдачи...»

К февралю 1917 года стало очевидно, что женщина-кондуктор превратилась в неотъемлемый элемент повседневной жизни города. И судя по свидетельствам журналистов-бытописателей, элементом весьма специфического свойства. Нам не удалось найти описаний того, как представители «золотой молодежи» увивались вокруг «хорошеньких кондукторш», зато на глаза попало кое-что другое. Вот два любопытных очерка о работницах трамвая, появившихся на страницах газеты «Раннее утро» с разницей в две недели (вероятно, тема была настолько «горячей», что вызывала неослабевающий интерес читателей):

«...Недостача в служащих, особенно в кондукторах, сказала настолько резко, что женщин по публикациям принимали без особых строгих требований.

Нужно, чтобы желавшая поступить на трамвай была грамотной, имела от роду 21—35 лет и хотя бы немного знала Москву. Так, по-обывательски.

ВЪ ТРАМВАЕ.

— Вамъ, господамъ, куда ѣхать-то? Третій конешъ дѣлаю, а на все изъ вагона не выходине!

— Да мнѣ... собственно, никуда не надо. А просто изъ вагона выйти не могу, съ вами посидѣть хочется. Еще до Сокольнической застаны бытеть!

И грамотность требовалась для того, чтобы будущая кондукторша могла читать, писать и немного считать.

Приходившие подвергались медицинскому освидетельствованию, затем они проходили курсы — от 4 до 6 недель.

Смотря по способностям.

Обучают контролеры, а на линиях — опытные кондукторы.

Во время обучения поступившим выдается небольшое содержание — 25 руб.

Когда кондукторша надевает сумку и входит в вагон:

— Получите билеты!

Полагается 60 руб. основного жалованья, дается 33 руб. пособия (смотря по составу семьи) и причитаются сверхурочные.

Нормально каждая кондукторша вырабатывает 110 рублей.

Есть заработки и выше, но не много.

Нужно работать 9 часов в сутки, 24 дня в месяц и 2 дня сверхурочно — за отдельную плату.

Опытные кондукторши — теперь уже есть и опытные — прослужившие в несколько месяцев, стараются выработать побольше. Летом это еще удается, но зимой редко.

Казенной квартирой женщины-кондукторши не пользуются: квартиру дают стрелочницам, получающим 33 руб. в месяц и пособие в зависимости от количества семьи...

Полагается казенная одежда до перчаток включительно. Летом шинели, куртки, зимой полушубки и сверху — шинели. Синие.

Откуда же теперь набираются штаты кондукторш: тысячи, пришедшие по публикациям, — это бывшая прислуга.

Это горничные, кухарки, няни...

Образованных кондукторш нет, но есть достаточное количество окончивших городские школы.

Первое время служили кондукторами студенты...

Городские жительницы, большей частью бойкие и живые, кондукторши быстро справляются с инструкцией.

Легко справились теперь и с новым тарифом.

ДОБРАЯ БАРЫНЯ.

— Глупа, вы мне говорили, что ваша сестра поступила стрѣлочницей на трамвай?
— Да, барыня.
— Такъ вотъ, пожалуйста, передайте ей эти чашки, они со стрѣлками, и это, я думаю, очень подействуетъ къ ея ферит!

Вчера, например, выданы были билеты прямого сообщения со штемпелем 10 коп. “Влопались” кондуктора, выдавшие по ошибке по два 10-копеечных билета, а потом спохватились, ноне кондукторши были осмотрительнее.

По крайней мере, в управлении трамвая в этом отношении довольны ими.

Но зато весьма недовольны многочисленными жалобами, поступающими на обращение кондукторш с пассажирами.

Бывают такие случаи.

Через переднюю площадку входит сестра милосердия. Права на это нет у сестер, но кондукторша вместо того, чтобы спокойно просить сестру выйти, пускает такую фразу:

— Черт ее знает, может, она с Тверского бульвара...
Ссорятся с дамами, излишне часто нервничающими.
Дают звонки, не посмотрев, не садится ли кто...
А садятся часто с детьми.

Пассажиры не могут забыть случая, когда кондукторша переругивалась с какой-то женщиной всю дорогу, начиная от Мясницких ворот и кончая вокзалом.

Та назвала кондукторшу:

— Синяя баба...

Обида, которую никак не могла переварить кондукторша.

За время ругани кондукторша, к общему неудовольствию пассажиров, не успевала продавать билеты и вступала в пререкания, пропуская названия переулков.

Случаи нередко доходят до городского.

Вообще угроза кондукторши, нередко ничем не вызванная:

— Я вас отправлю в участок, — выводит пассажиров из себя, и дело доходит действительно в конце концов до городского.

“Участок” действует на обывателя потрясающе. Страшно раздражаются:

— Если еще и вы, “хозяйки трамвая”, будете нас тащить в участок, как же тогда жить?

Сварливых кондукторш штрафуют, но есть такие “из них”, которые почти неисправимы...

В последнее время особенно много жалоб... В управлении трамвая с грустью вспоминают, как служили жены кондукторов первые месяцы.

Дисциплинированные, ценившие службу...

Тогда были хвалебные письма от публики, все были довольны...

Весной жалоб меньше, чем зимой.

Холодно, публика, раздраженная долгим ожиданием трамвая, влезает уже “озверевшая”...

А повышенный тариф как-никак повышает нервы и пассажиров, и кондукторш...

В жалобах нелегко разобраться, но сдержанность и вежливость усиленно рекомендуются кондукторшам “с длинными языками”...

Это — главное зло...

Вообще же со службой кондукторши справляются, и, очевидно, на московском трамвае они завоевали себе прочное положение.

Ясно, что кондукторша “привилась”...»

Автор другой публикации назвал героинь своего фельетона «трамвайными амазонками»:

«— Местов нет. Видишь — вагон “неуплотненный”... Куда прешь!.. Столешников переулок... Получайте билеты, господа... Ваш билет... Вон там которая дама с перьями. Знаем вас, таких мадамов... Перья нацепишь, а сама норовишь как бы не заплатить... Военные не ври... Тут вам не Ходынское поле... А ты что? Ишь какой ирой выискался!.. Защищают отечество — так я за них платить должна? Тоже пристают: какая остановка? Ежели в трамваях ездите, сами знать должны: на всех сказывать — глотки не хватит. Задавили? Никого не задавили. Еще вы станете меня правилу учить, когда звонок давать! Много вас тут учителей найдется. Ежели каждый шляющийся будет в вагон лезть, так нам никогда до следующей остановки не доехать... А вы не толкайтесь, потому я тоже толкнуть так сумею, что только косточки соберешь. Как же! Никто не толкается! Вас тут много чертей, а я одна. А ты не груби!.. Думаешь, ежели в котелке, так я тебя в участок не отправлю? Выходи, выходи, через переднюю площадку... Ишь горластый!.. Сама знаю, когда мне можно остановить вагон, когда нельзя... С вещами на “прицеп”! На “прицеп”, — говорю тебе, идол неотесанный, русским языком. Выходите же через переднюю площадку... Черти проклятые, сладу с вами нету!.. Не выйдешь? Посмотрим! Не выйдешь? Что-с? Тоже в участок захотели? Много у меня таких дамов из вагона в участок вылетали. Городовой, сними-ка вот этого молодчика. Ханжи насосался и озорничает... Кузнецкий переулок... Получите билеты, господа!..

Монолог, воспроизведенный здесь со стенографической точностью, произносится на резко высоких нотах в истерическом тоне на пространстве не более трех минут...

Три минуты... куда ни шло!.. Но выносить этот сплошной словесный погром, учиняемый в трамвайном вагоне на пространстве, например, от Тверской заставы до Николаевского вокзала, — это уж свыше сил человеческих...

Самые кроткие люди звереют в этой атмосфере разнузданного хулиганства, которой насыщен воздух трамвайных вагонов с пришествием трамвайных “амазонок”.

Обыватель скрепя сердце мирится со всеми хроническими трамвайными неудобствами.

— Ничего не поделаешь: время военное! — смиряет он свое негодование, превращаясь в сосульку на остановке в ожидании трамвайного вагона. (...)

Примирился обыватель и с “уплотнением”, изведав в этих испытаниях участь, близкую к участи котлеты, поджариваемой на сковородке:

— Ничего не попишешь... Война!..

И только с этим налетом трамвайных погромщиц все выносящий темперамент “тылового” москвича никак не может примириться...

Потому что здесь уж, извините, война вовсе ни при чем.

Разве война обязывает к мобилизации фурий?

А этот “подбор” именно и производит такое впечатление, будто городское самоуправление согнало фурий со всей Москвы и из окружных мест и напустило их на мирное население.

Боевые схватки, учиняемые трамвайными кондукторшами, задерживают и без того черепащее движение трамвая...

А на расходившееся хулиганство трамвайных кондукторш нет никакой управы.

Мало того:

Их снабдили “всей полнотой власти”.

Им вручили чудовищное право лишать свободы на добрый час мирного, ни в чем не повинного обывателя, ими же оскорбленного, оплеванного и облитого целым ушатом помоев.

— Городовой, веди его в участок: не сдастся на волю победителя!

Или необходимо подвергать пассажиров обязательным предохранительным прививкам?

Или украсить “медоточивые” уста трамвайных “амазонок” намордниками?

Но все это, так сказать, — последние средства.

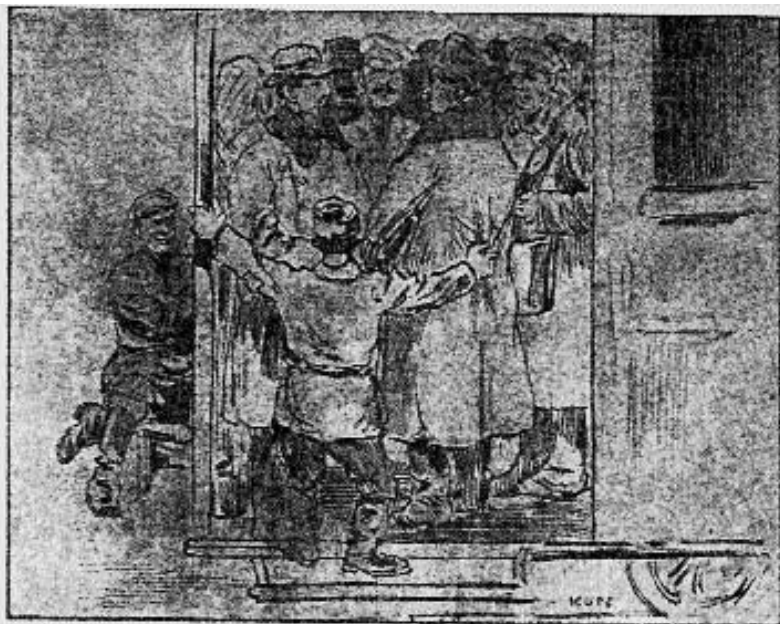
Покуда же до этого дело не дошло, трамвайному управлению необходимо было бы приступить к основательной чистке контингента трамвайных кондукторш.

Неужели отечественные феминистки не придут в этом деле на помощь городскому самоуправлению и не попытаются доказать, что в Москве и ее окрестностях, кроме фурий и Ксантипп, остались еще женщины, которые без истерик и скандалов смогут заменить мужчин на освободившихся в тылу постах?»

Если с характером «трамвайных амазонок» образца 1917 года все ясно, то некоторые детали, полагаем, требуют разъяснений для современного читателя. Например, «неуплотненный» вагон. Понятие это возникло в начале 1916 года, когда часть трамваев для большей вместимости пассажиров было решено переоборудовать. С этой целью по середине вагона были сняты две скамьи, и получилась площадка, на которой могли стоять 20 человек. Довольно скоро выяснилось, что такие трамваи, решив в какой-то мере одну проблему, создали сразу несколько новых.

Так, из-за плотно стоящей группы людей в 20 человек возникли затруднения при входе и выходе. По правилам, за соблюдением которых строго следили кондукторы (вплоть до вызова городских для задержания нарушителей), входить в трамвай полагалось через заднюю площадку, а выходить — через переднюю. А поскольку в той части трамвая, где сохранились скамьи, стоять категорически запрещалось, для людей, ехавших в задней части вагона, выход во время остановок превратился в трудноразрешимую задачу. В результате трамваи стали дольше простаивать на остановках, общее количество рейсов сократилось.

Ко всему прочему, взимание платы за проезд с пассажиров «уплотненных» вагонов потребовало второго кондуктора, что, понятно, не улучшило психологической атмосферы при

ЖЕРТВА.

— Сергей Иванович, вы куда?
— На Арбатъ.
— Зачемъ-же вы на 34-мъ номеръ идете?
— Да я, знаете-ли, ждалъ на Театральной площади 17-го. Подошла эта, а меня изморомъ толпы въ него и втиснула. И найти извозъ не могу! Тамъ вотъ на Пречистенку и пошла! До Зубовской площади дойду, тамъ, вѣдь, удастся найти!

поездках. Как следствие, в московском фольклоре появилась загадка, отражавшая новое явление городской жизни: «Сорок сидят, двадцать стоят, две собаки лают».

«Не увеличивая общего количества пассажиров, провозимых за день, — делала вывод газета “Время”, — новый порядок между тем потребовал от управы дополнительного расхода, так как на каждый такой прицепной вагон, и ввиду количества пассажиров, и по техническим соображениям, требуется по два кондуктора; практически это ведет лишь к увеличению заработка кондукторов.

Между тем было бы гораздо проще, не прибегая к затратам, разрешить пассажирам стоять внутри любого вагона, как это принято в Петрограде».

Что касается последнего предложения критика московского трамвая, предоставим возможность поспорить с ним современнице. Княгиня Е. Н. Сайн-Витгенштейн, перебравшись в конце 1915 года в Петроград, записала в дневнике впечатления от знакомства со столичным общественным транспортом:

«И правда, нигде не тратишь столько энергии, не портишь себе столько крови, как в трамваях. Начинается с того, что, когда подходит двойной вагон трамвая, на нем уже висят на всех ступеньках целые кисти лишних пассажиров. Несмотря на это, ждущая публика бросается, как на штурм, происходит короткая схватка, желающие войти толкаются, бранятся; желающие слезть кричат, толкают вниз стоящих на ступеньках. Минуту идет такая кутерьма, что разобраться трудно: все застревают в дверях и с силой пропихиваются окружающими. Вагон трогается. Петроградские трамваи *вообще* не ждут. Теперь на нем висят еще большие грозди пассажиров. Те счастливы, которые попали на ступеньки и площадку, начинают с того, что с усилием расправляют помятые члены и терпеливо, усидчиво начинают пробиваться к двери вагона и внутрь его. Сколько им приходится отдавливать ног и выслушивать разных разностей, пока они продвигаются по этому трудному пути, как им надо оберегать собственные конечности от сердитых локтей и ног окружающих! Но вот от движения вагона публика мало-помалу “утрачивается”, становится свободнее. Тогда стоящие на площадке и на ступеньках стараются тоже проникнуть в вагон. Слышно голоса: “Господа, пройдите, пожалуйста, вперед, там еще *масса* места!” “Масса места” — значит довольно, чтобы не быть раздавленной. Несчастнейшие люди в трамваях — это кондукторши. Они бывают так приперты, что не могут двинуться, чем публика страшно злоупотребляет и ездит “зайцем”. Остановки за три-четыре до той, на которой хотят выходить, начинают пробираться к вы-

ходу. Слышны отчаянные голоса: “Господа, дайте выйти! Дайте же выйти, господа!” Все стараются, расплющиваются, и желающие с ужасом, написанным на лице, пробираются к выходу. Часто случается, что это им не удастся и они едут одну и две станции дальше, чем хотят.

„Уплотненный“.

— Иванъ Егорычъ Боже мой, что это съ нами стало? Я позанимательно не узнаю васъ? Отчего это вы такъ выткнулись и нахудали?

— А это н, видите ли, отъ Спасской до Тверской въ „уплотненномъ“ третійномъ вагонѣ ъхалъ?

Вот все прелести езды на трамвае в Петрограде. Я лично против этого ничего не имею, толпы не боюсь, да и энергия у меня есть. Эти путешествия, полные многих случайностей и неожиданностей, бывают даже очень забавными».

В отличие от Петрограда, городские власти Первопрестольной неуклонно боролись с «московским виноградом» — так остряки называли грозди пассажиров, виснувших на подножках трамваев. Пресекать езду пассажиров снаружи вагонов входило в обязанности кондукторов. Если их требованиям не подчинялись, «синие бабы» призывали на помощь полицейских. Обыватели, упорно настаивавшие на своем праве пользоваться городским транспортом, пусть даже с нарушением правил, попадали в участок. Составленные там протоколы попадали для разбирательства к мировым судьям. Весной 1916 года по этому поводу газеты писали:

«Прежде всего, судьи перегружены делами о нарушении обязательных постановлений относительно трамвайного движения: всё вопрос о злополучной подножке, на которую приходится становиться за отсутствием мест в вагонах. В большинстве случаев судьи останавливаются на штрафе в 50 коп. Но сплошь и рядом бывают среди обвиняемых упорствующие интеллигенты, которые никак не признают себя виновными, и их штрафуют до 5-ти руб.».

Кроме того, газеты обращали внимание городских властей на продолжающееся уменьшение числа вагонов, курсировавших по городу:

«Во всяком случае, чем дальше, тем вопрос о трамвайном движении осложняется; вследствие медленности ремонта, отсутствия рабочих рук и нужных частей количество вагонов в обращении постоянно сокращается, к тому же ремонт настолько несовершенен, что исправные вагоны быстро выбывают из строя, и каждый день можно видеть на всех линиях, как вагоны, ввиду порчи, переводятся на запасной путь».

В ответ служащие Городской управы вновь подняли отложенный из-за войны вопрос о закупке за границей новых

трамвайных вагонов. Однако когда стало известно, что новые вагоны будут стоить 6,5 миллионов рублей, «отцы города» серьезно задумались.

Один из гласных городской думы Н. В. Щепов, надо полагать, не имевший непосредственного отношения к регулированию этого денежного потока, на страницах печати высказал свое объективное мнение. Суть его возражений заключалась в следующем: в Миусском парке простаивает до 400 «больных» вагонов. Если отремонтировать хотя бы 250, отпадает надобность в покупке новых. Надо расширять трамвайные мастерские, улучшать содержание вагонов (стоимость каждого 50 тысяч рублей). Кроме того, пассажиры на площадках помещаются непропорционально — передняя пуста, а задняя переполнена. В результате вагоны двигаются с перекосом: одна часть поднята вверх, а другая опущена на ось, из-за чего происходит преждевременный износ ходовой части.

Вскоре из Городской управы последовало объяснение. Правда, в нем речь шла только о 20 процентов вагонов, застывших на приколе в Миусском парке. Оказывается, причина их простоя в ремонте заключалась в отсутствии специальной проволоки. Она имелась в России, но из-за дефицита железнодорожных вагонов ее никак не могли доставить в Москву. Но что характерно, уже спустя три дня прозвучал радостный рапорт: проволоку подвезли; из 200 вагонов исправят 100 (несходство в цифрах остается либо на совести журналистов, либо служащих управы).

В конце февраля 1916 года обсуждению проблем общественного транспорта было посвящено заседание Городской Думы. Единственным его результатом стало появление постановления думской железнодорожной комиссии, разрешавшего проезд на передней площадке трамвая шести человек (из них трое служащих городских учреждений). Предложение некоторых гласных о широком использовании для перевозки пассажиров автобусов было отвергнуто. На пути реализации

этого проекта оказалось непреодолимое препятствие — слишком плохое качество московских мостовых.

Снова без внимания осталось предложение, высказанное на страницах газет, — разрешить раненым входить в трамвай через переднюю площадку. Не подействовали на трамвайное начальство даже публикации такого рода:

«Раненый прапорщик, опираясь на палку, вошел в вагон с передней площадки. Кондуктор и вагоновожатый, опираясь на существующие правила, настаивали на том, чтобы ссадить раненого офицера. Городской служащий, находившийся на передней площадке, энергично поддерживал требование вагоновожатого и кондуктора. Только после заявления автора сообщения — капитана 2-го ранга, — что стыдно так поступать с раненым офицером, сражавшимся за отечество, старший городской служащий, находившийся на площадке, приказал оставить раненого офицера в покое.

От правила, запрещающего вход с передней площадки, сделано много отступлений — для учащихся, для должностных лиц городского управления, для санитарного и врачебного персонала. Со стороны управы было бы только справедли-

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
Выезд фургонов для сбора вещей на нужды фронта

во, если бы она пополнила этот список исключений и ранеными офицерами, которым разумно предоставить право входа с передней площадки, чтобы оберечь их от толчков на постоянно переполненных задних площадках. Надо думать, что городское управление, столь заботливо относящееся к раненым вообще, восполнит этот пробел в своих правилах движения для пассажиров трамвая».

К новому 1917 году Управа преподнесла москвичам «подарок» — увеличила стоимость проезда. Напрасно кричали недовольные, что лучше будут ходить пешком, чем будут платить по новому тарифу. Правы оказались те, кто смиренно признавал: «Все мы под трамваем ходим». Спустя месяц, подводя первые итоги, газеты писали: «...при новом тарифе уменьшение количества пассажиров наблюдается лишь днем — от 12 до 2 часов и после 9 часов. В остальное время наблюдавшееся и до введения повышенного тарифа переполнение вагонов не уменьшилось».

Путем подсчета выручки трамвайщики определили, что количество пассажиров на вагон возросло на 54 процента. Еще Городская управа отметила, «что, несмотря на затруднения в приискании рабочих и приобретении материалов для ремонта, при ненормально большом проценте порчи вагонов, благодаря малоопытности новых вагоновожатых, управе все же удалось увеличить число кондукторов, вагоновожатых и рабочих в ремонтных мастерских и этим поддержать выпуск вагонов почти на уровне мирного времени.

Единственным средством для упорядочения движения является пополнение подвижного состава. Однако до сих пор не удается наладить дело постройки новых вагонов. Заказанные в прошлом году Коломенскому заводу 50 прицепных вагонов не только не выполнены, но к постройке их заводы еще не приступали.

После долгих переговоров о предоставлении валюты в прошлом месяце удалось заказать в Англии 100 моторных вагонов. На днях от этого завода получено уведомление, что за-

вод может изготовить только 50 тележек, а кузова придется заказывать в России.

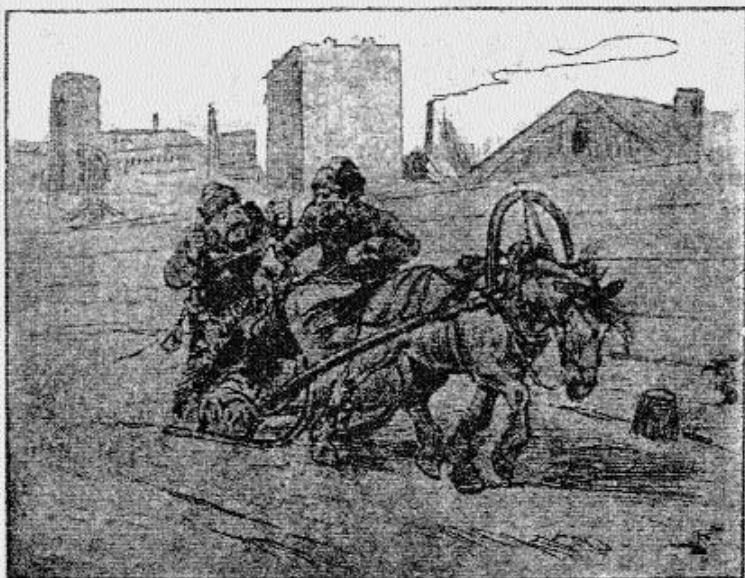
Объявление подводной войны еще более осложняет дело получения трамвайных вагонов из Англии».

В дни Февральской революции трамвайщики бастовали целую неделю, а когда возобновили работу в новых демократических условиях, то положение стало стремительно ухудшаться. В середине марта, например, на ходу было не более 170 вагонов — со всеми вытекающими для москвичей последствиями.

В рассказе о городском транспорте нельзя не упомянуть о московских извозчиках. Как и в случае со служащими трам-

«ТРЕНИРОВКА».
(Накануне введения извозничьей таксы)

- Ты что же это? Семь гривен? Сохрани, а какъ въдень-то? Какъ съ кнзлемъ мо-
доконь?
— Ужъ ты не сердись, баринъ. Иначе въхать-то мнѣ сейчасъ нельзя!
— На почему?
— Потому лошади къ таксѣ привыкъ. Неждятъ чего до нея и остаться-тъ!

важных парков, городским властям пришлось как-то отреагировать на стремительное сокращение их числа, вызванное мобилизацией. В результате в ноябре 1914 года Городская Дума внесла изменения в правила, регулирующие извозный промысел. Во-первых, были расширены возрастные рамки для мужчин — от 16 до 65 лет. Во-вторых, официально разрешили заниматься извозом женщинам (в возрасте 25–50 лет).

Среди извозчиков преклонного возраста, появившихся на улицах Москвы, внимание корреспондента газеты «Время»

привлек некий Федоров, отмеченный знаком номер 921. В отличие от своих коллег, изъяснявшихся посредством весьма ограниченного набора русских слов, Федоров подавал своим седокам реплики на французском и английском языках. Оказалось, что прежде он служил лакеем у русского посла в Лондоне и Берлине графа А. П. Шувалова, объездил всю Европу и там усвоил отдельные фразы из иностранных языков. До войны Федоров жил на покое, получая от наследника покойного посла пенсию 65 рублей в месяц, а его сыновья занимались в Москве извозным промыслом и имели 12 запряжек. Когда двух его сыновей и троих внуков призвали на войну, пенсионер-полиглот был вынужден заняться извозом, чтобы не допустить разорения налаженного хозяйства.

В мае 1915 года в Москве было отмечено, что извозчики, сославшись на дороговизну овса, заметно повысили цены за проезд. В ответ городские власти действовали уже привычным для себя образом — ввели таксу. И как всегда, благое намерение, вступившее в противоречие с экономическими интересами, привело к совсем иным результатам. Лексикон москвичей обогатился выражением «езда по таксе», а мировые суды оказались завалены исками пассажиров. Дело в том, что извозчики, услышав ненавистные слова, либо отказывались брать седока, либо везли столь неторопливо, что для спешащего человека езда превращалась в пытку. В том и в другом случаях извозчики сознательно нарушали правила, и обиженный обыватель имел полное право прибегнуть к помощи полиции. Блюститель порядка составлял протокол, и спор уже заканчивался в суде.

Вот как в описании репортера газеты «Время» выглядели «дела извозчицьи» при разборе в доме правосудия:

«Оригинальный вид приобрели теперь камеры московских мировых судей.

На них отразилось влияние извозчицье́й таксы.

Извозчицьи дела и раньше здесь были довольно обычными. Но сейчас личности в синих армиях являются преобладающим контингентом посетителей мирового.

Топочут сапоги. Воздушная спираль такая, что трудно дышать. Тут и простые синие извозчики в своих форменных балахонах.

И лихачи в городском платье, ради торжественного случая, с длинными серебряными часовыми цепочками, спускающимися от подбородка.

Вид у всех этих представителей извозного промысла крайне угнетенный. На физиономиях — подчеркнутая покорность судьбе.

Большинство извозчичьих дел разрешается непосредственно полицией. Но и тех, которые доходят до мирового, слишком достаточно.

Трудно ихнему брату поладить с такой.

Дела однообразны до последней степени. Извозчик стоял порожний и отказался везти нанимателя, рассчитывая, очевидно, дожидаться более подходящего седока.

Тут же и наниматели фигурируют. Чиновник министерства народного просвещения возмущается:

— Их учить надо! Представьте, сидит извозчик не на облучке, а на месте для пассажира. Я ему кричу, а он даже не отвечает...

Один из извозчиков, унижавших синими армяками скамейку ожидающих своей очереди, отзывается:

— Чай пить ехал.

— Да не ехал, а на перекрестке стоял! Обычная наша некультурность!

Ответчик мнетя:

— Лошадка заморилась. Опять же о вас... Нешто мыслимо четыре с полтиной? С нас тоже требуют, чтобы выручка в аккурате... Явите Божескую милость!..

Запас извозчичьего красноречия исчерпан. Ответчик вытаскивает платок, красный с темными пятнами, смотрит на него, прячет. И вытирает физиономию рукавом.

Скамейка откликается:

— Четыре с полтиной...

Судья предлагает сторонам помириться. Чиновник вспы- хивает:

— Нет, я не могу. Принципиальные соображения... А впрочем... Кто меня сюда тащил?

Примирение состоялось.

Судья вызывает следующего.

— Семен Лапкин!

Выползает Лапкин, такой же синий, а щеки кумачовые. Судья улыбается неожиданно:

— Мы с вами старые знакомые. Я вас судил однажды за быструю езду. Вы тогда мальчика сшибли.

Лапкин конфузится:

— Так точно. Мы...

— А теперь наоборот. Вы слишком медленно ехали, пасса- жир обиделся... Как же это? Один и тот же извозчик, и такие два разных дела.

Публика хохочет. Даже другие извозчики ухмыляются.

Лапкин багровеет и выдавливает из себя:

— Да ведь мальчика-то я... без таксы...

Разъезд от мирового. Улица запружена санками. Выходят истцы и ответчики.

Истец-чиновник нанимает:

— К Христу-Спасителю. В учебный округ!

Подкатывает ответчик на облучке:

— Пожалуйста! По случаю примирения...

И открывает любезно полость...»

Весной 1916 года газеты констатировали, что такса на ус- луги извозчиков фактически не прижилась. Оказалось, что даже угроза судебного преследования не может заставить из- возчиков работать себе в убыток. Более того, речь зашла о на- зревании в Москве нового кризиса — «извозчичьего». Если в прежние годы в Москве на лето и так оставалось не больше трети извозчиков — так называемые «зимники» возвраща- лись в свои деревни заниматься сельским хозяйством, — то теперь их количество заметно сократилось. Несмотря на до-

ОБИДЬСЯ.

Извозчикъ на Долгоруковскую!
— Не поведу! Сколько жить по Москвѣ разбитую, а ты разу еще съ таксой не
вдвигай!

вольно приличные заработки, извозчики жаловались на то, что едва сводили концы с концами. Жизнь в Москве слишком вздорожала, а летние деревенские работы сулили им больше выгод. «Увеличившееся значительно население столицы, особенно деловой его элемент, — делали вывод газеты, — очутится в довольно тяжелых условиях».

В мае 1916 года новый московский градоначальник В. Н. Шебеко заявил:

«Немало меня заботит и извозчий вопрос. Говорят, что количество извозчиков уменьшилось из-за таксы. Во всяком случае, такса издана не мной, а думой. Может быть, надо пересмотреть таксу и увеличить расценку для извозчиков, но упразднить таксу совершенно вряд ли было рационально. Фактически и сейчас извозчики не ездят по таксе, а лихачи

позволяют себе недопустимые безобразия, требуя за проезд от Петровского парка в город чуть ли не 25 руб. Но если упразднить таксу, то и обыкновенные извозчики будут предъявлять такие же дикие требования. Они предпочтут не ездить с рядовыми седоками, а выжидать таких, с которых можно сорвать. Мне кажется, что в этом случае сама публика, сами обыватели могли бы прийти на помощь, если бы они не платили шальных денег лихачам. Очевидно, имеется большой контингент людей с шальными деньгами, которые могут с легким сердцем отдавать четвертной лихачам. Если бы публика была в этом отношении сдержаннее, аппетиты извозчиков волей-неволей уменьшились бы».

«Лихачи», о которых упомянул градоначальник, среди московских извозчиков представляли собой некую высшую касту. Они и до войны не жаловались на заработки, о чем мы писали в предыдущей книге, а уж в военное лихолетье просто купались в деньгах. Слишком много нашлось в Москве нуворишей, готовых платить без счета за катание на рысаках. Газета «Время», бичевавшая безудержное мотовство, посвятила лихачам такую филиппику:

«Когда на зарвавшихся извозчиков была наложена узда в виде изданной специальной таксы — в полицейских участках шло форменное соревнование на лихачей. Все извозчики хотели стать лихачами.

— Помилуйте, никакой таксы не знаем, а ежели так, то ведь доходу будет куча.

Московские извозчики знали, что хотели.

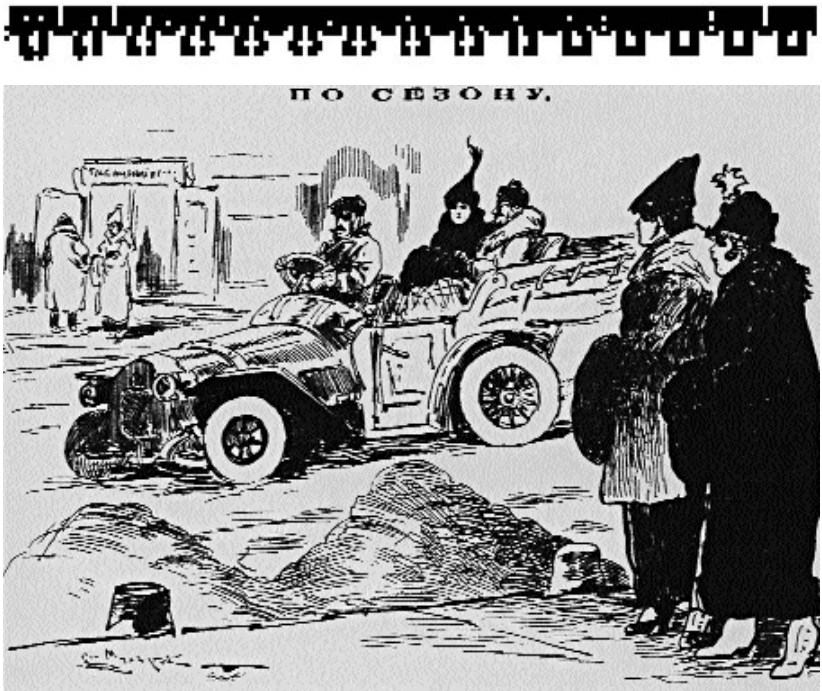
Никогда таких безумных денег не зарабатывали лихачи, как в эти дни.

Москва — та показная Москва, которая за два года войны выявила всю дряблость и несостоятельность, словно помешалась на лихачах.

Лихачи — это идеал всех тех, кто в мотовстве и расточительности находит конец своим стремлениям».

Стремясь разрешить «извозчий» кризис без отмены таксы, Городское управление объявило о проекте создания муниципальных извозчиков. В январе 1917 года в качестве эпиграфии маниловским планам Управы обозреватель «Московского листка» писал, что горожанам вряд ли доведется воспользоваться услугами «вежливых, вооруженных европейскими цилиндрами... извозчиков, еле удерживающих туго натянутыми вожжами сильных и быстрых рысаков... в форме, с усовершенствованными пролетками и особыми счетчиками, благодаря которым ни одна лишняя копейка не должна была поступать в городскую кассу».

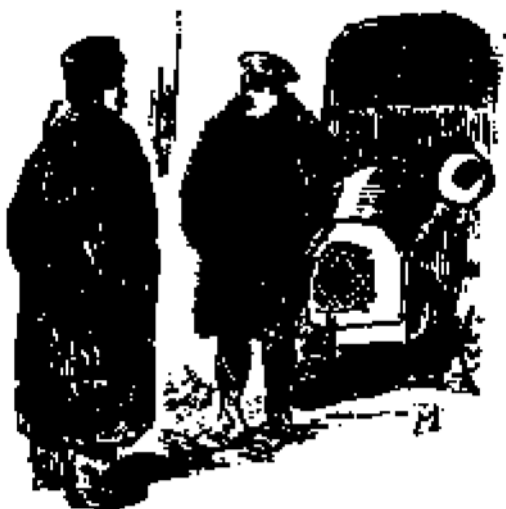
В заключение нашего очерка буквально несколько слов посвятим московским автомобилистам. Как ни странно, но,

- Гляди, с каким старым грибом Мурашкина катит сегодня.
— Так что же? Теперь небось «грибной сезон», пост!

судя по рассказам современников, после проведенной властями мобилизации «самодвижущихся экипажей», было не заметно, что их количество на улицах Москвы сократилось. Объяснение этому феномену оказалось довольно простым: по каким-то соображениям военное ведомство забирало в действующую армию только маломощные машины. А вот владельцы «мерседесов», «бенцов» и прочих многосильных «стальных коней» не лишились своей собственности. На зависть окружающим, они продолжали раскатывать по городу.

Как и до войны, шоферов, задержанных полицией за слишком быструю и неосторожную езду, градоначальник карал большими штрафами и тюремным заключением. Правда, военное время добавило еще один сюжет: владелец одного из

„Остроумецъ“.

- Школьникъ, въ свободное
- Свободное.
- По твоей мысли
- Нетъ, только по желанию

гаражей и работавшие на него шоферы таксомоторов попали под арест за отказ возить офицеров без предоплаты.

И если такой непатриотический поступок оказался единственным явлением, то число любителей прокатиться с ветерком и с риском для жизни пешеходов не уменьшилось. В январе 1917 года фельетонист «Раннего утра» дал этому явлению созвучное времени название: «“Танки” в Москве». Отключение уличного освещения, вызванное нехваткой топлива, привело к увеличению числа жертв шоферов, носившихся сломя голову. Журналист предложил отправлять таких водителей на фронт: если они столь кровожадны, что не могут оставить в покое горожан, то пусть на своих автомобилях давят немцев. Видимо, из-за грянувших вскоре революций эта

идея как-то забылась, а лихачи-«танкисты» стали возить комиссаров и прочих ответственных работников — т. е. стали служить народу¹.

¹ Москвич Н. М. Мендельсон 16 марта 1921 г. сделал запись в дневнике: «А. Л. [Фест] ездит в Ин[ститут] народного хозяйства из Института п[утей] сообщения на автомобиле. Последнее время — новый шофер, поразивший его сильнейшим тиком и вообще страшной нервностью, вызвавшей у Феста даже страх с ним ездить. Разговорились. Оказывается, шофер сидел в ЧК за спекуляцию керосином и употреблялся ЧК как специалист. Вozил расстреливаемых — за Всехсвятское и в Петр[овский] парк. Привезут партию, выстроят, сзади направят фонари автомобилей, и палачи ходят и стреляют в затылок осужденных. Шофер силач, атлет (“6 пудов одной рукой поднимал”), заболел. Другие после одной поездки сходили с ума. По его мнению, за [19] 19 и половину [19]20 г. расстреляно не менее 50 000 человек». — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 165, карт. 1, д. 7. Лл. 18 об.—19.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

*«Скажи же, дядя, ведь не даром»
Москва, объятая угаром, —
Как будто на балу?!
И в столб ударившись невольно,
Ответил дядя недовольно:
— Для бодрости в тылу!..*

Дон-Аминадо

середине августа 1914 года в Москве, как обычно, открылся театральный сезон. Сумятица, вызванная мобилизацией, наплыв раненых и первые известия о потерях не смогли воспрепятствовать привычной устремленности москвичей в места развлечений. Традиционно первым распахнул двери для зрителей театр Корша. Однако изменения, вызванные войной, затронули и мир театра. На них обращал внимание читателей рецензент газеты «Утро России»:

«Весь земной шар стал театром — театром величайших событий и величайшего энтузиазма.

И тот, кто хочет говорить теперь к толпам, должен говорить к их энтузиазму. Не всякое искусство дойдет сейчас даже до тех, кто был к нему чуток в дни мира.

Есть сокровища, которые зарывают в дни войны, и скрипка молчит, когда грозно говорят трубы и барабаны.

Театр, который будет в наши дни делать дело чистого искусства, будет делать прекрасное дело, и будущее оценит тех, кто не дал священному огню исчезнуть в огне пожарищ.

Но современности нужно иное. Она хочет и должна жить мощью своего энтузиазма. И тот театр, который даст ей для этого возможность, пойдет по верному пути.

Корш, в 33-й раз открывший вчера свои двери, понял это. Его вчерашний “апофеоз”, в котором отразились кровавые тревоги и великие надежды наших дней, нашел дружный отклик в зрительном зале. Взрывами энтузиазма была встречена группа народов России, дружно объединившихся перед лицом великой войны. Один за другим выходили на авансцену воины, олицетворявшие союзные армии, и зрительный зал стоя выслушал и восторженно приветствовал “Боже, Царя храни”, Марсельезу, бельгийскую “Брабансону” и гимны: английский, сербский и черногорский¹.

Давно уже театр Корша не видел в стенах своих такого подлинного воодушевления. И за этот взрыв энтузиазма можно простить ему слашавую “Генеральшу Матрену” Крылова, достаточно к тому же плохо разыгранную».

Характерную деталь отметил автор рецензии в последнем абзаце. Реалии военного времени — мобилизация актеров и технических работников² — не могли не повлиять на качество постановок. В том же театре Корша премьеры пекли как блины, а здесь, на открытии сезона, предложили давно заигранную пьесу. Причем зрители не стали привередничать по поводу качества представления.

Описывая настроения, охватившие московское общество, обозреватель «Утра России» писал по поводу переполненности театров зрителями:

¹ При открытии сезона в театре Незлобина, по сообщению рецензента, гимны союзников были исполнены «на их национальных языках», в том числе на «бельгийском» (!) и японском.

² В Большом театре в роли вспомогательного оркестра (т. н. «банды»), располагавшегося за кулисами, традиционно выступали музыкальные команды московских полков. В связи с их отправкой на фронт для набора «банды» администрации театра пришлось объявлять конкурс среди гражданских музыкантов.

«Слова поэта: “Жизнью пользуйся живущий”, таким образом, еще раз оправдаются даже в дни великого русского бедствия. Там, на берегах Вислы, под стенами отныне навсегда сроднившейся с нами Варшавы, льются потоки крови. Обезображенные тела русских воинов плывут по мутным волнам реки, неприятельская артиллерия рвет на части целые отряды русских солдат. Тысячи семейств мирного населения в ужасе перед вражеским нашествием покидают насиженные места, бросают имущество, бегут куда глядят глаза, обреченные на долгую и острую нужду. Горят сжигаемые здания, вытаптываются засеянные поля, вырубаются леса, повсюду царит смерть и разрушение. А здесь, в сердце России, жизнь идет по-прежнему. Беспокоятся о своевременной записи на абонемент, вытягиваются длинными вереницами перед театральными кассами, ахают, услышав, что на шалашинский концерт все билеты расписаны, словом, живут так, как жили и год, и пять, и десять лет тому назад, когда ни о какой европейской войне еще не было и помина, когда германская опасность казалась только отдаленным фантомом, в реальность которого даже не особенно твердо верилось.

Со стороны такой подчеркнутый интерес общества к театру может показаться даже проявлением равнодушия к происходящему на войне. Находятся и сейчас голоса, клеймящие тяготение публики к театральным зрелищам своего рода преступлением, обвиняющие ее в позорном безразличии к судьбам родины, переживающей на берегах Вислы знаменательные моменты своей вековой истории. Мечутся громы по адресу посетителей зрительных зал, якобы не уважающих горе своих близких, вынужденных нести на своих плечах первые удары военных событий.

Все это уже есть, все это мы слышим, все это не может не вызывать в большинстве чувства самого энергичного протеста. На исходе уже третий месяц небывалой в летописях человеческой войны. За эти три месяца произошло многое, что отныне направит русскую жизнь по совершенно иному, срав-

нительно с пережитым, руслу. За эти три месяца Россия узнала и величественную радость одержанных побед, и обливающее сердце кровью горе военных неудач. (...)

С необычайной энергией взявшись за труд помощи воинам, принесся ему не только денежные средства, но и бесконечное число добровольных работников, русское общество доказало, что оно не заслуживает упрека в равнодушии к совершающемуся. Нет семьи, которая так или иначе не участвует в общей работе на пользу России.

А что в редкие часы досуга общество не прочь заглянуть в театры — в этом нельзя видеть даже малого греха. Было бы хуже, если бы в естественном беспокойстве за будущее мы забились в свои норы и отказались от всякой наружной жизни. В четырех стенах дома военные призраки принимают всегда самые фантастические очертания, опасности становятся грознее, страхи принимают характер ужаса. Это верно относительно каждого отдельного человека. Это верно и относительно всего общества.

И если последнее находит в себе силы идти в театр, на время забывая о том, что происходит на войне, это свидетельствует только об одном: о непоколебимой уверенности общества в силу русского оружия, о неизбежном поражении врага, о светлом будущем родины».

Отвечая настроениям публики, театры старались ввести в репертуар произведения, созвучные переживаемым событиям. Так, в конце августа Никитский театр приглашал публику посмотреть два «патриотических спектакля на текущие события “На бой за родину — за честь”». Снятие верхнего платья не обязательно». Тогда же в театре Корша были сыграны пьеса Писемского «Ветеран и новобранец» и две инсценированные новеллы Мопассана: «Два друга» и «Мадемуазель Фифи». Произведения французского писателя отражали события Франко-прусской войны, эпизоды героического противостояния французов оккупантам.

«Быть может, там сейчас разыгрываются те же сцены, какие запечатлело перо Мопассана, — делился своими впечат-

лениями театральным рецензент. — Быть может, там опять расстреливают мирных обывателей и издеваются над беззащитными женщинами. Не думать об этом нельзя, когда видишь на сцене героев мопассановских новелл. Остаться зрителем, отдающим себе отчет в литературных и сценических достоинствах представлений, сейчас невозможно. Театр военных действий заслонил собой все другие театры, и сцена не может в наши дни требовать к себе внимание, целиком прикованное к действительности.

Не знаю, плохо ли или хорошо играли вчера у Корша. Зрительный зал интересовал меня больше, чем сцена. Я чувствовал, что рядом со мной волновались, негодовали, возмущались и восторгались не от того, что происходит на сцене, не

Въ квартирѣ О. В. Некрасовой. За работой для коммун. 1) С. А. Сиверская, 2) г-жа: Циплява, 3) Чернышова, 4) Ротко, 5) Буркина, 6) Невельская, 7) О. В. Некрасова, 8) Телешова, 9) Горюхова, 10) Буркина II.

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Изготовление подарков для фронтовиков на квартире актрисы
Большого театра О. В. Некрасовой

из-за тех французов и немцев, которые двигались по ней, а из-за тех, о которых читали в течение дня в газетах, в летучках, в вечерних изданиях.

Не знаю: быть может, было иначе, если бы пьесы вчерашнего спектакля не имели бы отношения к трагическим событиям, переживаемым сейчас нами. Быть может, тогда силой сценического искусства можно было бы на несколько часов вырвать зрителей из плена волнений, тревог и надежд, которыми живем сейчас все мы. Не знаю, нужно ли и возможно ли это сейчас. (...)

Пишущий эти строки не мог освободиться от круга тех волнений, которые, думается, разделял с ними и весь зал. И как многие из зрителей, он нашел, что публика уходила бы с большим запасом душевной бодрости, столь необходимой в эти взволнованные дни...»

Наряду с драматическим вариантом «Мадемуазель Фифи» — история героической проститутки Рахили, заколовшей германского офицера, — была показана на оперной сцене. Опера Цезаря Кюи, увидевшая свет в 1904 году, спустя десять лет оказалась из разряда «как раз то, что надо». По поводу ее постановки критик писал:

«Если нужно “злободневное” искусство, откликающееся на волнующие нас события, то — вот опера, которая с честью вынесет строгую оценку, как самодовлеющее произведение, без промаха ударит по сердцам, трепетно бьющимся в унисон пульсу войны, и которая, к счастью, написана все же не “по поводу”».

Смысл высокой оценки сравнительно давнего произведения становится особенно понятен при сопоставлении с газетными рецензиями на появление пьес-«откликов». Например, журналисты не смогли удержаться от иронии в адрес новехонькой пьесы Л. Андреева «Король, закон, свобода». Ее действие разворачивалось в сражающейся с немцами Бельгии, и в последнем действии главные герои отступали в Антверпен, «последнее убежище бельгийской свободы и независимости».

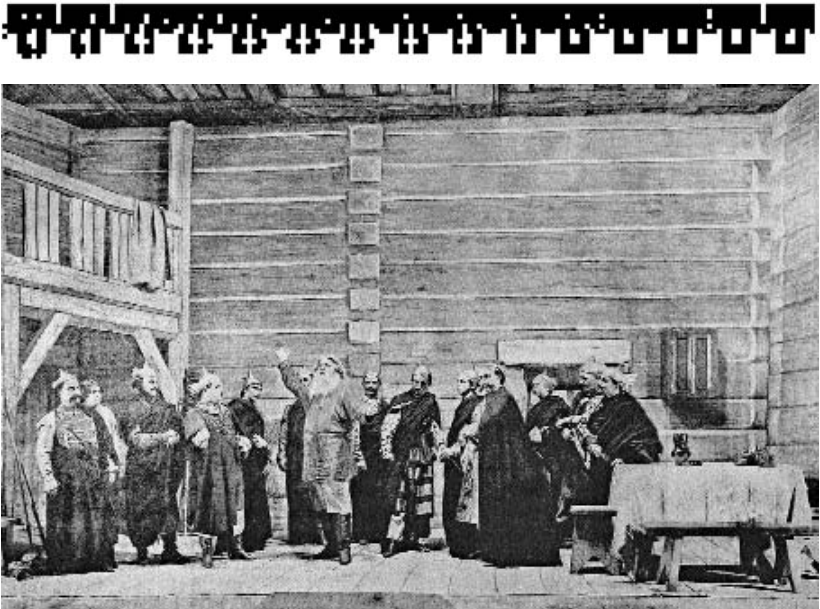

Пока в Драматическом театре готовили постановку, Антверпен оказался захвачен германцами. Сразу возникли вопросы: куда направить спасающихся героев? а если город будет переходить из рук в руки — все время менять финал?

Вопросы, кстати, не такие уж праздные, если учитывать историческую обстановку. Постоянные изменения на театре военных действий могли самым непредсказуемым образом повлиять на ход театрального представления. И хорошо, если это были радостные вести, как на премьере оперы Монюшко «Галька» в театре Зими́на. Для поляков это произведение имеет такое же значение, как для русских «Аскольдова могила» — первая национальная опера.

И вдруг после второго акта пришло известие о блистательной победе русских войск под Варшавой. Театр превратился в арену восторженной манифестации. Описывая увиденное, корреспондент «Утра России» сообщал: «...был трижды исполнен русский гимн, причем при повторном исполнении поднялся занавес и дана была эффектная и трогательная картина пения русского гимна польскими крестьянами». Кроме исполнения обычных для таких случаев «Боже, Царя храни», «Марсельезы» и «Брабансоны», в Москве впервые был прилюдно пропет польский гимн «За дымом пожара».

Не вдаваясь в подробности существовавших в то время межнациональных проблем, упомянем еще один факт, связанный с войной и непосредственным образом повлиявший на театральное представление. В августе 1914 года Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич подписал воззвание к полякам. Кроме призыва выступить единым фронтом вместе с Россией против «германских варваров», в документе говорилось о возможности восстановления после войны единой Польши. Вскоре после этого Большой театр выпустил оперу «Жизнь за царя» в новой редакции. Согласно новым требованиям политики, из произведения Глинки были вырезаны сцены, изображавшие поляков в неприглядном виде.

Сцена из оперы «Жизнь за царя», поставленной в театре Зимина

Мировая битва нашла отражение даже в юмористических представлениях театра-кабаре «Летучая мышь». Среди «военных» номеров сезона 1914 года зрители признавали особенно удачными пародию на народное балаганное действо «О царе Максемьяне» — «Представление о графе-маркграфе Ироде Вильгельмьяне и непокорном Альберте», исполнение в стиле лубочной гравюры Елизаветинского времени солдатской песни «Вспомним, братцы, старину», а также показ карикатур на Вильгельма и его союзников.

По поводу спектаклей «Летучей мыши» автор одного из газетных обзоров высказывал такое мнение: «Казалось бы, что в дни, которые мы переживаем, театру смеха, веселому театру-cabaret открыто слишком не простое поле. Но вкус и такт руководителей «Летучей мыши» нашли верный тон, который позволил театру, живо откликаясь на современность, вместе с тем не порывать с его основными художественными задача-

ми. В «Летучей мыши» звучит бодрый тон, призыв к борьбе с унынием, к энтузиазму, которым отмечены столь многие героические страницы нынешней войны. А когда на сцене разворачиваются ее неизбежные грустные страницы, с них встает та скорбная красота, которая всегда нераздельна с истинным величием духа.

Правда, на следующий год руководитель «Летучей мыши» Н. Ф. Балиев отказался от военных сюжетов. Свое решение он объяснил так: «Нам нужны крепкие нервы, которые часто невыносимо страдали от плохих военных постановок».

Остается упомянуть, что и в цирковые представления также вошла военная тематика. В конце сентября 1914 года в цирке Никитиных на Большой Садовой улице с большим успехом шла пантомима «Взятие Львова». Кроме привычного к тому времени «апофеоза» (исполнения гимнов) наибольший восторг публики вызывали церемониальный марш союзных войск и изображение подвига казака Кузьмы Крючкова.

В цирке Никитиных, следуя за событиями, происходившими на полях сражений, программу постоянно обновляли. Осенью зрителям предлагали «военно-патриотическую пантомиму “Взятие Львова”», в декабре цирковое действо шло под названием «Русские герои на Карпатских горах». В январе 1915 г. афиши зазывали на новую программу «Затопление Бельгии»: «Грандиозная водяная пантомима. Великая война на земле, воде и воздухе. Участвуют до 300 человек и лошадей».

Попутно отметим такой характерный факт: в связи с воцарившейся в обществе германофобией администрация цирка поспешила специально объявить, что «труппа цирка состоит исключит[ельно] из представителей дружественных нам наций».

Кроме массовых представлений, с первых дней войны в жизнь Москвы вошли разного рода камерные концерты и «вечера». Как правило, их проводили с целью сбора средств

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Шарж на М. С. Морозову

О ней мемуаристка И. Я. Серпинская писала: «Дочь многократно выводимого писателями всех направлений, вплоть до самого А. М. Горького, Саввы Морозова, Мария Саввишна считала себя одаренной талантом балерины. Когда с войной началась волна благотворительных вечеров и концертов, Мария Саввишна была нарасхват. Можно было разбудить и позвать ее в два часа ночи, чтоб «выступить», и она моментально летела, и горничная тащила за ней большую деревянную коробку с костюмами ее программы...»

Но круглое лицо Марии Саввишны с блуждающими добрыми, черными глазами, с растерянной улыбкой на полных, ярких губах не становилось выразительнее от блестящего кокошника русского костюма для коронного номера ее «русской пляски». Смотря на ее поднятые в танце толстые, неуклюжие ноги, Ильюшка Поляков, считавшийся знатоком лошадиных и женских ног, презрительно цедил:

— Если б на эти ноги она прикалывала половину банковских билетов своего папаша, еще стоило бы их целовать!

Публика, неизменно хлопавшая ее бездарным номерам, очевидно, мысленно видела перед собой эти банковские билеты».

**«Русский трактор» в Большом театре.
В роли прислуги артисты труппы**

для помощи раненым, беженцам, семьям фронтовиков и т. д. Так, в сентябре 1914 года на летней веранде «Эрмитажа» несколько раз подряд был устроен «Концерт-чай». Кроме помещения, администрация ресторана бесплатно предоставляла сервировку чая и десерт, а выступали перед публикой специально приглашенные артисты московских театров. Входная плата была по тем временам немалой — пять рублей.

В октябре подобного рода концерт — «Чай по-домашнему» — был устроен в Литературно-художественном кружке. Побывавший на нем журналист писал об особом настроении, царившем на концерте:

«Своеобразная и — хотелось бы сказать — грустная красота таилась в этом концерте, в этом дневном вечере.

“Чай по-домашнему” в пользу раненых в Литературно-художественном кружке. В продолговатом зрительном зале его чувствовалось то же самое, что и под каждой кровлей.

Помещение было залито электричеством, но сквозь неплотно задвинутые гардины на окнах пробивались полосы осеннего тусклого солнца.

— Свет с позиций, — как сказал кто-то в зале.

Великолепно прочла Ермолова песню бельгийских кружевниц и на bis — некрасовское: “Ты и убогая, ты и обильная”, Качалов выступил с отрывками из Гоголя, — но за всем этим стлались неотступные полосы тусклого света, света с позиций...

Между двумя отделениями, в антракте, все поспешили на лестницу Кружка, где обычно вывешиваются последние телеграммы.

Читали вслух — и слушали это чтение в такой же благоговейной тишине, как Ермолову...

И, расходясь, говорили:

— А что там?

“Здесь” больше не существует; только “там”.

Сбор был очень значительный. Присутствовали раненые из лазарета Литературно-художественного кружка».

Схожее настроение — неразрывную мысленную связь с событиями войны — отметил обозреватель московской жизни на вернисажах декабря 1914 года:

«Брожу по выставкам. Терпкий и горьковатый запах попортившегося масла.

И едва уловимое дыхание духов...

Посетителей очень много; никогда еще художественные выставки не имели такого успеха, как в этом году. Хочется забыть, уйти в сон.

Этот сон переливается на серых стенах яркими пятнами, сон, расколотый на множество мелких частей, заключенных в рамки и закантовки.

И почему-то все кажется не настоящим. Из далекого, забытого другого мира.

Смотрю и слушаю.

Перед портретом старой дамы с кошкою на коленях собралось несколько человек и обменивается впечатлениями. Не о живописи. Нет.

— Теперь она еще более постарела. Прямо узнать нельзя. А до войны была очень похожа.

— Еще бы не постареть! Такое горе...

Сон начинает приобретать реальные очертания. И на сером фоне вспыхивают живые, страдальческие, измученные глаза.

Еще портрет. Тоже лицо, известное всей Москве. Энергичное и смеющееся. Небрежный костюм, небрежный галстук.

— Этот совсем такой же, как и раньше. В лице он нисколько не изменился. Можно сразу узнать. А ведь других военная форма страшно меняет...

— Не хватает георгиевского креста...

Жанры и пейзажи. Вечный Маковский; казалось, что его не оживить никакими средствами.

Однако и перед его сном остановились двое — дама и кавалер. Разглядывают:

— Совсем как наш повар. Где-то он теперь?

— В Карпатах, на Ужокском перевале¹. Последнее письмо было получено оттуда.

Две случайные фразы, и даже Маковский преобразился, неожиданно для самого себя. Многие заинтересовались; смотрят.

Публика старается собственной фантазией воссоздать и дополнить то, чего нет на выставке.

Сон приобретает все более реальные очертания.

Картина, кажется, Жуковского. "Синяя вода".

И опять слышится:

— Это я видел...

Офицер с подвязанной рукой.

¹ Так в тексте. Современное написание — Ужокский перевал.

В прежнее время подобные обывательские пояснения только раздражали, бесили. Но теперь они кажутся гораздо более важными и существенными, нежели вся эта живопись.

На выставке не столько смотрят, сколько слушают.

— Такая же точно вода была там, в Мазурских озерах. Берега крутые, и гладь ее совершенно зеркальная. Но когда начали сыпаться снаряды... каждый из них взрывает целый столб брызгов.

Стены сна расступаются, делаются прозрачными. И сквозь них проникает подлинная жизнь, которая важнее, чем все эти вершковые искусства.

Огромная, тревожная и великолепная...

И только уцелели пятнами на ней красочные коровинские затеи; костры и цветы. Никому не нужные сейчас, ни для кого не интересные.

В них — истинная тяжесть. Неразрушимый кошмар.

Пересмотрено все, до конца, все залы. Но публика не расходитя.

Бродит, разговаривает и слушает...»

Стремление москвичей в театры за годы войны несколько не снизилось. Например, театральный сезон 1916 года современники характеризовали как «необычный, небывалый». По этому поводу газета «Раннее утро» писала: «Москва закружилась в вихре бешеного веселья». Отмечалось, что во всех театрах, даже в Императорских, аншлаги превратились в постоянное явление. Например, в Художественном театре не показали ни одной премьеры, но его зал по-прежнему был полон зрителями. Наплыв публики обозреватели объясняли тем, что ее основную массу составляли богатые беженцы, а также наехавшие из провинции дельцы и коммерсанты. Места на галерках расхватывали «жертвы сухого закона» из простонародья — кроме как в театры, им больше некуда было податься.

Другой особенностью было возникновение множества театров миниатюр. В течение 1916 года их число увеличилось на 40 процентов.

«Театр миниатюр стал таким же “прибыльным делом”, как до сих пор был кинематограф, — комментировал новое явление обозреватель “Раннего утра”. — И за это “дело” взялись люди, ничего общего ни с искусством, ни с театральным делом не имеющие. Прошлый год дал Москве больше дюжины новоявленных “директоров” театров миниатюр. Одновременно с театрами миниатюр открывались в продолжение года “кабаре”. И в бельэтажах, и в первых этажах, и в подвалах».

Для обозначения этих мест отдохновения в обиходе москвичей появилось понятие — «веселые уголки». Один из фельетонистов утверждал, что процветанию «театров миниатюр» и прочих заведений подобного рода во многом способствовали дороговизна и перебои с продуктами. В качестве примера журналист описывал типичную для Москвы того времени ситуацию: приходят гости, а угощать их нечем. Тогда хозяева предлагают всем вместе отправиться в «веселый уголок», где можно не только развлечься, но и закусить.

Если в годы войны аншлаги в московских театрах были постоянным явлением, то их вечный соперник — кинематограф — и вовсе переживал безудержный наплыв зрителей. Вот довольно любопытное описание премьеры фильма с участием знаменитой актрисы Лины Кавальери (о ее культе, существовавшем в России, мы писали в «Москве повседневной»):

«Патентованная красавица, открыточная мадонна.

Теперь она отдала свою благосклонность кинематографу.

Длинные афиши мокнут под снегом, лоснятся под электричеством.

И глубокой чернотой зияют крупные слова:

— Монопольно... Кавальери...

Так вот что такое популярность! Магические афиши.

Ничего подобного не творилось ни перед одним театром. Кинематограф в осаде.

Весь “тыл” собрался сюда, привлеченный электрической дивой.

Картина с ее участием не может быть интереснее того, что делается перед кинематографом.

Автомобилями запружена улица. Прыгают на вожжах, сыпя хлопьями пены, рысаки.

И все тротуары, все промежутки между экипажами густо забиты толпой.

Кинематограф!

Публика ломится в двери.

— Позвольте, у меня билет. Я сегодня взял, утром.

Напрасный вопль!

Притащилась какая-то старушка. Что ей Кавальери? Своеобразная и скандальная репутация красавицы дошла и до нее каким-то чудом.

Старушка сердито протискивается вперед.

Общее помрачение... Знамение времени...

— Туалеты от Накэна!

Какая-то барыня разгорелась:

— Где их теперь увидишь?!

И не видит того, что ее собственный туалет через минуту должен неминуемо обратиться в тряпку.

Два франта утешаются:

— Мне кажется, что она теперь немолода, Кавальери.

— Нет, почему же? И притом косметика...

Сделали несколько попыток пробиться сквозь живую стену. Попытки не увенчались успехом. Оба решают отступить:

— Я, собственно говоря, никогда не был ее особенным поклонником.

— И эта ее история с американцем...

А скопление увеличивается. Подспевают новые толпы.

Время идет. Идут сеансы в кинематографе.

И публика, выходящая из него, не может выйти.

Это лучше всякого кинематографа. Бесплатное представление.

Задышающийся голос произносит:

— Королева бриллиантов...

Точно в ответ ему раздается вопль:

— Ай, кошелек, стащили!..

А над темной, тупо колеблющейся толпой шипит матовый фонарь.

И чернеют крупные, таящие в себе непонятное очарование, слова:

— Кавальери... Монопольно...»

Другой актер кинематографа, пользовавшийся близкой к безумию популярностью среди российских зрителей, — Макс Линдер — также дал знать о себе, но не с киноэкрана. Поверив чьим-то рассказам, осенью 1914 года газеты сообщили о его гибели на фронте. В пространных статьях приводились подробности последних минут Линдера: под вражеским огнем он вез на своей машине раненых и был разорван прямым попаданием снаряда. Более того, раскрывалась тайна происхождения французского артиста. Оказывается, он происходил из еврейской семьи, которая была вынуждена из-за преследований покинуть Российскую империю.

К радости почитателей артиста, в середине ноября 1914 года те же газеты поместили письмо, присланное Максом Линдером:

«Из переводов статей, появившихся в России, я узнал, что в числе раненых русской армии находится некто, именующий себя членом моей семьи.

Я протестую против этих статей и прошу вас напечатать в газетах, давших эти сведения, следующее: у меня есть два брата, но они, как и я, французы, служат в данное время во французской армии, и мы не еврейского происхождения. Все это я сообщаю для сведения моих русских друзей.

В ожидании иметь вскоре удовольствие встретить русских братьев по оружию в Берлине прошу принять уверение в моей искренней симпатии. Да здравствует Россия! Да здравствует Франция!

Макс Линдер, волонтер французской армии».

Известность замечательного комика обуславливалась не только его неповторимой игрой, но в первую очередь тем, что

на киноэкранах России господствовали фильмы, произведенные во Франции. Когда прежние пути снабжения кинопродукцией были прерваны войной, владельцы кинотеатров оказались в сложной ситуации. Из-за дефицита фильмов некоторым из них пришлось демонстрировать даже немецкие ленты.

Газета «Раннее утро» сообщала, что один из таких сеансов в кинематографе «Палас» на Страстной площади, где показывали картину «Король», ознаменовался скандалом:

«Она оказалась изделием берлинской фирмы “Витаскоп”. Немецкие актеры, немецкая обстановка, немецкие надписи.

Все это вызвало негодование зрителей. Поднялся шум, крики, публика вскочила с мест, требовала прекращения сеанса.

Заведующий кинематографом, назвавшийся Мельниковым, на протесты публики заявил:

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Московские артисты проводят сбор теплых вещей для казаков

— Немецкая картина или нет — это меня не касается. Если будут на очереди и другие немецкие картины, буду и впредь их ставить!

Часть публики покинула кинематограф до конца сеанса».

Дефицит фильмов дал мощный толчок к развитию производства российских фильмов. В. П. Михайлов, автор «кинокраеведческой» книги «Рассказы о кинематографе Старой Москвы», пишет о настоящем буме кинопроизводства в Первопрестольной:

«Начавшаяся летом 1914 года мировая война закрыла западные границы России, отрезала российскую кинематографию от зарубежных кинокомпаний, перед отечественными кинопредпринимателями открылись радужные перспективы заполнения своими картинами вдруг опустевшего без иностранных лент проката. Борьба за кинорынок усилилась, и, по-видимому, в это время Ханжонков впервые ощутил, как его ведущую кинофирму в России стали поджигать молодые конкуренты. Около Брянского (Киевского) вокзала в 1915 роду появляется хорошо оборудованная кинофабрика Иосифа Ермольева. В Петровском парке В. Венгеров и В. Гардин открывают кинопавильон, затем другой для зимних съемок — на крыше высотного дома Нирнзее, в Большом Гнезниковском переулке. В Москву из Петрограда перебирается давний соперник Ханжонкова Александр Дранков и строит на Воробьевых горах кинопавильон, затем второй на Башиловке. Из Харькова приезжает крупный прокатчик юга Дмитрий Харитонов — его по тем временам первоклассная кинофабрика и поныне находится на Лесной улице.

Кинематограф привлек внимание крупных промышленников, армянские нефтяные магнаты Лианозов и Манташев создают кинофирму “Биофильм”¹, строят свою кинофабрику. Новые хозяева кинематографа спешат делать деньги: не

¹ В 1917 г. для обозначения кинотеатра среди москвичей в ходу было слово «биограф».

имея практического опыта работы в кино, за двойные-тройные ставки переманивают к себе специалистов, лучших режиссеров и актеров, собирая на своих кинофабриках цвет тогдашнего кинематографа. Они сразу приступают к съемкам многосерийных боевиков, стремясь своими кассовыми лентами захватить кинорынок, потеснить старые кинофирмы».

Качество русских фильмов, нравы, царившие в кинопроизводстве, — все это служило журналистам постоянными темами для обсуждения. Множество раз на страницах газет говорилось о низком художественном качестве продукции русских кинофабрик, о потакании ими самым низким вкусам публики. Вот для примера одна из статей, опубликованная в московской вечерней газете «Время» в начале 1916 года:

«...парижские картины иссякли, а датские, итальянские и шведские фирмы тоже не особенно щедро расточали свои произведения.

Очередь дошла до наших изобретателей, и они сразу потащили публику в притоны, в публичный дом, принялись за Арцыбашева, за “клубничку”, и красоту обстановки отбросили как ненужное.

Зайдите в любой из больших кинематографов. Они делают ежедневно тысячные сборы. Если объявлена русская фильма, вы непременно увидите растление, драку, пьянство, сутенеров и старых развратников.

Природа, фантазия, краски — все это отсутствует. Вместо них “углы”. Все действие у москвичей по углам. Нигде и никогда ни одной цельной комнаты — вместо нее угол, безобразный и нудный.

Если герою надо назначить свидание — непременно Царь-пушка — ни дальше, ни ближе. Фантазия не простирается даже за пределы Тверского бульвара.

Не дальше, как на прошлой неделе, такая фильма демонстрировалась в большом кинематографе.

Молодой человек приезжает на побывку в имение к матери. От нечего делать насилует горничную.

На экране — красноречивая надпись:

“Я непременно на тебе женюсь”.

В публике смех.

Горничная попадает в Москву и изменяет молодому человеку с его другом. Одна за другой грубые, пакостные сцены.

Сперва он бьет ее, потом его бьют, потом общая свалка, и т. д.

Не угодно ли еще отдохнуть на таком зрелище?

Назло встречаюсь со старым писателем.

— Посещаете кинематографы?

— Страхуюсь от глупостей. По крайней мере не говорят на сцене — и за то спасибо...

В. А. Каралли в картине «Обожженные крылья»

— Понравилось?

— Преподнесли арцибашевщину, не понимая, что публика бежит от нее, от всех Яворских...»

Зря старый писатель говорил от имени всей публики. Судя по газетным отчетам, на фильмах вроде «В омуте Москвы», «Девушка из подвала» (дебют в кино Алисы Коонен), «Сонька Золотая Ручка» (6 серий), «Жертва Тверского бульвара» и т. п. залы кинематографов совсем не пустовали. Не стоит забывать и о такой особенности некоторых московских кинотеатров — они служили местами, где скучающие кавалеры всегда могли обзавестись временной подружкой для веселого времяпрепровождения. Для этого даже не нужно было посещать сеанс. В фойе «электротеатров» могли заходить все желающие и находиться там сколько душе угодно. Билетные контролеры стояли непосредственно при входе в залы. Тем не менее начать «романтический вечер» с просмотра какой-нибудь «Трагедии красивой девушки» для жуирующих москвичей было вполне обычным делом.

Понятно, что как бы ни критиковали газеты низкий уровень фильмов «про это», картины так называемого «парижского жанра», обходя все препятствия в виде цензуры, появлялись на экранах. При их демонстрации для зрителей не устанавливались возрастные ограничения, о чем свидетельствует заметка из вечерней газеты «Время»:

«“Чары неги и страсти” — небывало пикантный фарс во французском жанре — так гласит широковещательная афиша одного из кинематографов, из которой зритель узнает, что в картине: “Масса пикантных неожиданностей!.. Флирт на пляже!..”

Беззастенчивая реклама делает свое дело. Публика валит на фарс, где все на редкость пошло, глупо, трафаретно-избито.

Нет ни занимательности, ни стремительности развития действия.

Не лучше и исполнение: чрезмерно подчеркнутое, грубое и

тяжеловесное.

Все в картине, в том числе и танцы, рассчитано на низменные вкусы толпы.

Ученических билетов владельцы кинематографа не продают, но учеников с билетами для взрослых пускают».

Как бы оправдываясь за деятелей кино, автор заметки тут же добавляет:

«Рядом с картинами несомненно порнографического характера в местных кинематографах иногда демонстрируются инсценировки лучших произведений наших литературных корифеев.

Большим успехом пользуются тургеневские рассказы, инсценированные московской кинемо-фабрикой.

В настоящее время на рынок выпущена прекрасная картина по рассказу Л. Н. Толстого: «Много ли человеку земли надо».

К этому можно добавить, что в каталоге сохранившихся фильмов России «Великий Кинемо» помещены такие картины — экранизации классических произведений, вышедшие в годы войны: «Анна Каренина», «Беглец» («Гарун бежал быстрее лани»), «Крейцера соната», «Сказка о спящей царевне и семи богатырях», «Снегурочка», «Отцы и дети», «После смерти» («Тургеневские мотивы»), «Ледяной дом», «На бойком месте», «Пиковая дама», «Хозяин и работник», «Цветы запоздалые».

Поскольку в те годы в один сеанс показывали по два фильма, газетный репортер подчеркнул контраст, который был замечен между лентой «парижского жанра» и фильмом нейтрального содержания:

«На загладку поставили картины датской фирмы. На экране — красивая вилла, зелень, свет, воздух, жизнь, смех. Глаз отдохнул. (...)»

Еще одно. Очень мало военных картин, а если показываются, то иностранные. А их смотрят с замиранием сердца.

Что касается военных сюжетов, то на пути их освоения лежало почти непреодолимое препятствие в виде цензурного комитета. Благодаря связям в бюрократическом мире прак-

**Кадр из фильма «Дворянское гнездо» — экранизация романа
И. С. Тургенева**

тически монополию на съемки военной хроники получили деятели из Скобелевского комитета заботы о раненых. Эта организация стала единственным поставщиком «видовых» фильмов о войне. Даже в дни Страстной недели, когда наступал запрет на все увеселения, Скобелевский комитет получал от градоначальника разрешение на демонстрацию в кинотеатрах хроники военных событий.

Остальные кинопроизводители обходились постановкой игровых фильмов. Однако шумные провалы первых «художественных» картин на тему войны заставили их сменить тематику. Вот что писала газета «Утро России» по поводу первых «военных» опытов русского кинематографа:

«Ему пришлось иметь дело с военной тайной и ее строгой

блюстителем — военной цензурой.

В результате — вся репортерская деятельность кинематографа оказалась совершенно парализованной, и вместо широкого осведомления масс о текущих событиях кинематографу приходится довольствоваться воспроизведением кинодрам и кинокомедий, разбавляя программы своих сеансов старенькими видовыми и бытовыми картинками.

Попытка кинематографа использовать текущие события как материал для своих пьес, очевидно, за ограниченностью средств оказалась совершенно неудачной.

В то время как в Берлине, судя по газетам, кинематограф всецело ушел в создание патриотических фильмов, русские опыты в этом направлении далеко не отвечают вкусам и настроению публики.

Выпущенные сначала такие “животрепещущие” картины, как “Под пулями немецких варваров” или “Ужасы Калиша”, во всех отношениях казались покушениями с негодными средствами.

И выбор сюжета, претящего мало-мальски размышляющему человеку, и исполнение, лишенное даже намека на художественность, обнаружили совершенную несостоятельность кинематографа в области выдумки на злобу дня и вместо интереса вызвали в публике отвращение грубостью и плоскостью кинематографического воспроизведения ужасов германского нашествия.

В равной мере неудачными оказываются и “патриотические” фильмы, задавшиеся мыслью использовать геройские подвиги русского солдата.

Одной из таких фильмов является картина, озаглавленная “Подвиг казака Кузьмы Крюкова”. Высоко благодарный сюжет оказался не под силу кинематографическим героям. От начала до конца картина поражает бледностью и худосочием замысла, превращая геройский факт в какую-то нелепую карикатуру, перед которой даже лубочное изображение “Подвига” представляется высокохудожественным изобра-

жением.

И этой фильмой кинематограф только еще ярче подчеркнул, что, поставленный вне условия реального, он совершенно бессилён изображать действительность.

Вместо ужаса — его потуги подменить правду вызывают смех, вместо энтузиазма — рождают огорчение, и жалко становится тех, кого неразборчивые кинематографические предприниматели заставляют разыгрывать роли подлинных героев, не справляясь, насколько эти роли подходят к их средствам и возможностям.

И неудачные попытки кинематографа издали изображать действительное свидетельствуют, что в этом направлении кинематограф ничего не в состоянии сделать и лучше ему от этих намерений отказаться.

Ему — в ожидании момента, когда он сможет снова взяться за мировой репортаж, необходимо искать другого рода деятельности. И такая деятельность ему вполне доступна. Нужно ему только отрешиться от напрасной погони за дурного тона сенсациями, сосредоточиться хотя бы на изучении природы и быта России, и он легко переживет дни временно-го отвлечения от злободневной работы и принесет несомненную пользу населению, до сих пор так мало знающему, — какие неистощимые богатства представляет из себя русская земля, чудесно сочетающая в своих традициях и суровые тундры севера, и пышные красоты юга, и на протяжении от Великого до Атлантического океанов населенная сотней народностей, каждая из которых — настоящий клад для интересующегося жизнью и историей человечества».

Любопытно, что, оказавшись в роли крыловской лисы, не допрыгнувшей до винограда, кинофабриканты стали кивать на зрителя. Это, мол, у них нет желания смотреть на сцены войны. В постоянной рубрике «Около экрана» вечерней газеты «Время» в феврале 1916 года появилась такая заметка:

«В настоящее время ряд кинематографических фирм про-

изводит съемки картин на военные темы. Необходимо указать, что до сих пор интерес к военным эпизодам отсутствовал у массы.

Огромный спрос был на картины великосветского жанра.

В провинции, где требования значительно больше, военными темами вовсе не интересовались».

Толчком для производства фильмов на военные темы, о котором говорилось в заметке, послужило ликование в обществе, вызванное победами русской армии на Турецком фронте. Спеша успеть, пока зрительский энтузиазм снова не сменился унынием от поражений, сразу несколько киносудов принялись за экранизацию взятия крепости Эрзурум. По этому поводу газеты писали:

«В погоне за сенсацией жрецы Великого немого решили инсценировать взятие Эрзурума и поднести этот шедевр неразборчивому обывателю.

На этой почве разыгралось формальное состязание на скорость.

Один из представителей конкурирующей фирмы рассказывает:

— Мы работаем и днем и ночью, чтобы выпустить картину на рынок и убить наших конкурентов, и мы этого добьемся. Сорвем боевой трюк».

Слово «сорвем» слетело с уст кинодеятели совсем не случайно. «Срыв» в мире кино в то время означал прием в конкурентной борьбе. На деле происходило следующее: узнав, что какая-нибудь фирма приступила к съемкам фильма на «сенсационную» тему, соперники немедленно начинали работать над своей версией. Суть состояла в том, чтобы быстрее всех выпустить фильм и первыми снять все сливки зрительского интереса, а следовательно, и денег. Характерным примером «срыва» может служить выход на экраны в феврале 1915 года сразу трех вариантов экранизации романа Льва Толстого «Война и мир».

Другим способом подставить ножку сопернику являлось

охаивание его продукции в прессе с помощью ангажированных журналистов. Вот рецензия на фильм кинофирмы «А. Ханжонков и К°» «Домик в Коломне», опубликованная в журнале «Вестник кинематографа» в 1913 году:

«“Домик в Коломне” — вполне удачная попытка воскресить этот изящный пустячок Пушкина. Сценарий составлен превосходно. Видны любовное отношение к тексту и отличное знание эпохи, исключая некоторые мелкие анахронизмы. Постановка и игра выше похвал. Отметим исполнение г-на Мозжухина. Насколько в первой картине (горе Сарры) ему удалось дать трагическую фигуру Исаака, настолько во второй — полный непосредственного юмора тип гвардейца».

А вот статья «Домик в Коломне», появившаяся на страницах «Утра России» в августе 1915 года (!):

«Кинематограф не теряет времени. Он успел переработать Достоевского, Толстого, Тургенева. Ничто не ускользает от его внимательного взора; кинематограф “все видит”.

Теперь он добрался до Пушкина. И отложив всякое стеснение, сам не понимая, что творит, взял для экрана “Домик в Коломне”.

Надо ли рассказывать, во что превратилось под лучами электрического прожектора это грациознейшее из пушкинских созданий? Публика, смотревшая эту картину, сидела ошеломленная. Даже эта публика, невзыскательная и не прирученная к особым тонкостям, поняла, что она присутствует при исключительном, из ряда вон выходящем кошунстве.

Кинематограф выкинул из «Домика в Коломне» все его драгоценные *áparte*, уничтожил бьющее через край искрометное пушкинское остроумие. Оставил только фабулу, которая играет последнюю роль в этой поэме. Но даже и с ней, с фабулой, кинематограф расправился по-свойски, превратив ее в очень низкопробный фарс.

Не шадя живота, кривляется актер, играющий “Маврушу”. Задирает юбку и демонстрирует гусарские рейтузы и лакированные сапоги. Высовывается идиотская харя какого-то ден-

щика, которому кинематограф поручил довольно существенную роль в “Домике в Коломне”, хотя у Пушкина этого денщика нет. (...)

Даже с теми пушкинскими строками, которыми разделены отдельные эпизоды, кинематограф не постеснялся. Он исковеркал их так, как ему было удобнее, превратил стихи в рубленную прозу; обрывает отдельные строки на полуслове. (...)

Животных у нас защищают от жестокого обращения. Неужели же нельзя защитить Пушкина от кинематографического бесстыдного зверства?»

На беспардонность кинодеятелей того времени, готовых ради наживы потчевать зрителей фильмами на самые безнравственные темы, обращал внимание публики фельетонист К. Тригорин (М. П. Кадиш):

«От кинематографических деятелей нет прохода — столько их теперь развелось. Толкуются, как мошкara над водой. Все, кому было неудобно оставаться в других профессиях, обратились к кинематографу. Это напоминает то, что делалось на Клондайке, на золотых полях.

Простому человеку в таком обществе и неловко, и жутковато. Деятельность особого рода. И особые деятели.

Я встретился с одним из них. Всей своей фигурой, согнувшейся, как у легавой собаки, он являл сплошное устремление. Он был охвачен восторгом.

— Что такое?

— Такое дело! Это изумительное дело! Раз в сто лет бывает такое дело, и надо им пользоваться. Дело Мясоедова...

— Вы к нему имели отношение?

— Я был бы дураком, — ответил он просто, — если бы не имел отношения к такому замечательному делу. Можно состояние составить.

Это было сказано в высшей степени хладнокровным тоном. Я отшатнулся. Он не заметил, поглощенный всецело своими мыслями, и продолжал восторгаться.

— Мясоедов много заработал, но и мы... от всякой пакости

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Приготовление кисетов с махоркой на квартире актрисы

О. В. Некрасовой

кинематографу должно что-нибудь очиститься. Кинематограф установил налог на преступления. Я должен заработать на Мясоедове. Сенсационная фильма!

— Послушайте, — сказал я, — вы понимаете свои слова? Ведь это слишком — даже для кинематографического деятеля.

Он не понимал. Он был способен только восторгаться.

— “Предательство полковника Мясоедова”! Каков заголовок? Сенсационнейший боевик... Мы добудем разрешение и немедленно примемся за съемку. Все предварительные работы уже закончены. Есть даже актер, который будет играть полковника Мясоедова.

Киноафиша

— Неужели нашелся?

— А что? Ведь кинематограф — искусство. Надо отбросить всякую щепетильность, если служить искусству. Вот только относительно разрешения не знаю...

Деятель спохватился:

— Но только это тайна. Я боюсь, что какой-нибудь еще ки-

нематографический деятель узнает о нашей идее. Вы знаете, что такое “срыв”? Это — если одна фирма готовит картину, а другая перехватывает содержание и выпускает раньше.

— Мне кажется, что вы можете не беспокоиться. Хотя ваш боевик о Мясоедове будет и очень сенсационен — вряд ли кто-нибудь соблазнится лаврами Х.

— Не соблазнится? Вы их не знаете, деятелей! Непременно сорвут!..

Итак, я делаю опыт. Я рассказал кинематографическую тайну во всех подробностях. И буду ожидать — неужели картины о предательстве Мясоедова будут выпущены сразу несколькими фирмами?

Этого трудно ожидать — даже от кинематографических деятелей».

В фельетоне речь идет о полковнике Мясоедове, долгое время пользовавшемся покровительством военного министра Сухомлинова. Когда на фоне военных поражений в обществе заговорили о засилье немецких агентов в самых высших сферах, Мясоедов был в спешном порядке осужден как шпион и повешен. По мнению всех здравомыслящих людей, эта темная история имела слишком деморализующее воздействие, чтобы еще служить сюжетом для «сенсационнейшего боевика».

Однако кинематограф, бурно развивавшийся в годы войны, породил не только беспринципных кинодеятелей, готовых ради прибыли вывести на экраны даже кровавых убийц вроде Сашки-семинариста. Постоянная востребованность и высокие заработки привлекали в кинематограф лучшие художественные силы России. Так, в 1916 году газеты сообщали, что для руководства съемками фильмов «Джоконда» и «Человек, который смеется» в Москву собирался приехать режиссер петроградского Малого театра Мейерхольд. В том же «Сашке-семинаристе» главную женскую роль сыграла балетная актриса В. Кашуба.

Пресса обращала внимание на ухудшение материального

Репетиция в съемочном павильоне

положения артистов, вызванное войной. Например, из-за прекращения зарубежных гастролей, которые устраивал Дягилев, многие актеры лишились хороших заработков. А в кинематографе платили более чем прилично. Один из журналистов приводил такое сравнение: весьма средняя актриса, которая в театре могла рассчитывать на жалованье 30—40 рублей в месяц, только за день репетиции перед съемками получала 20 рублей. Стоит ли говорить о заработках звезд экрана.

Московский кинематограф в годы войны испытывал не только экономический подъем, но и переживал трудности. Скажем, летом 1915 года, когда для размещения раненых в Москве понадобилось в срочном порядке изыскать новые помещения, комиссия при градоначальнике признала желательным занять под госпитали места развлечений. Наряду с

залами для проведения балов и свадеб кинематографы были названы в числе первых и оставались лазаретами вплоть до апреля 1916 года.

Другие удары по «электротеатрам» были нанесены командующим Московским военным округом генералом Мрозовским — приказами о введении режима экономии электричества. Из-за перебоев с подвозом топлива для электростанций такие приказы появлялись трижды: 3 ноября 1915 года, 15 апреля 1916 года и 16 февраля 1917 года. Последний из них был особенно суровым:

«1) Воспрещается электрическое освещение реклам, вывесок, выставочных витрин в торговых и иных заведениях, а также наружное электрическое освещение театров, кинематографов, магазинов, ресторанов, клубов и прочих помещений общественного пользования.

Примечание. Допускается электрическое освещение подъездов вышеуказанных помещений общей силой не свыше 25 свечей, за исключением Императорских и частных театров, для каждого из которых допускается на время съезда и разъезда публики общая сила света наружного освещения не свыше 200 свечей.

2) Цирки, театры-варьете, кинематографы и другие помещения для зрелищ и увеселений должны быть закрыты не менее одного дня в неделю, который сообщается администрацией этих заведений для сведения градоначальнику.

3) В театрах и упомянутых в п. 2 заведениях зрелища должны начинаться не ранее 7 час. И кончаться не позднее 11 час. вечера; дневные представления в театрах разрешаются в воскресные и праздничные дни от 12 до 4 час.; представления в кинематографах не должны продолжаться более 3 час. в будние дни и 6 час. в праздничные дни.

4) Все рестораны, кафе и прочие заведения трактирного промысла, за исключением ночных чайных, должны быть закрываемы не позднее 11 час. вечера.

5) Сила внутреннего освещения в театрах (кроме сцены),

кинематографах и прочих увеселительных предприятиях в клубах, кафе, ресторанах 1-го и 2-го разрядов и прочих заведениях трактирного промысла, а также в магазинах и прочих торговых предприятиях должна быть уменьшена на 50% и на вокзалах на 25% по сравнению с силой света в соответствующее время 1916 г.

Примечание. После закрытия магазинов допускается лишь дежурное освещение».

За две недели до появления этого постановления, когда в целях экономии было отключено уличное освещение, однако места развлечений продолжали призывно светить огнями, поэт-сатирик Дон-Аминадо опубликовал стихотворение «Свет и тени». Кинематографу в нем были посвящены такие строки:

Остановись, замри, несчастный!
Ты видишь — белый, синий, красный, —
Все радуги цвета?
И пред огнями лампионов,
Перед дверьми иллюзионов
Подобие хвоста?
«Любовь и кровь» — вопит реклама.
Сенсационнейшая драма!..
Захватывает дух!..
И в час вечернего досуга
В толпе усердно жмут друг друга,
Детишек и старух...

Упоминались в стихотворении и другие популярные среди москвичей места проведения вечернего досуга — рестораны:

Взгляни, дворец! И над верандой
Горят огни цветной гирляндой,
Торжественно горят.
А у дверей пыхтят моторы,

И в ночь бросает метеоры
Прожекторов их ряд!..
А там, внутри, под звуки танго
Девиц веселая фаланга.
Оно, оне, они.
О н о — во льду. *О н* и в угаре.
О н е играют на гитаре.
И все огни, огни!..

О московских ресторанах мы достаточно подробно рассказывали в предыдущей книге, поэтому на этот раз ограничимся лишь упоминанием некоторых фактов, связанных с войной.

Начнем с «сухого закона». В начале ноября 1914 года газеты сообщали, что из-за полного запрета на продажу спиртных напитков прекратила торговлю половина ресторанов Москвы. По прогнозам репортеров, перед перспективой полного закрытия оказалось около трехсот ресторанов и трактиров.

Интересно, что принудительное введение трезвости безоговорочно поддержало Общество взаимопомощи официантов. Однако «люди во фраках» потребовали от рестораторов и трактировладельцев компенсировать им снижение жизненного уровня, вызванного сокращением числа посетителей и трактирного промысла в целом.

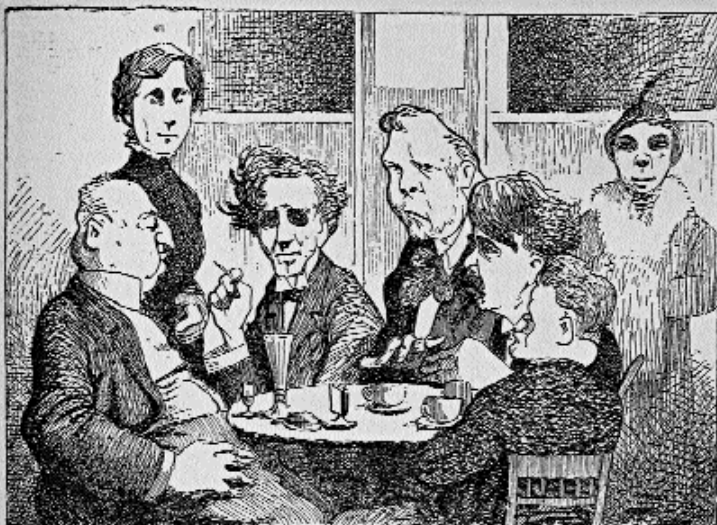
Впрочем, масштабы катастрофы оказались менее значительны, чем казались вначале. Рестораторы поступили так, как это принято в России: закон суров, но... его можно обойти. В июле 1915 года корреспондент газеты «Московские ведомости» привел характерную бытовую зарисовку:

«— Ну а не скучно москвичам было ужинать без вин, без шампанского, без обычных возлияний?

— Гм... Как вам сказать... они перенесли это лишение стоически. Ведь это было чуть ли не в первый раз.

— Как в первый раз?

— Да так. Рестораны начали считаться с запрещением

Въ нео-Комаровъ.

„По скуки“, бегутъ звать.
Хулиганство, вѣдь, не въ
дѣлѣ, а въ умѣ, а въ умѣ
нѣтъ чести. Ибо 50 к.
торговли до 5 ч. часовъ ночи.
На всѣхъ представителѣхъ
Синистерскихъ и др.

— Яа, Софья-Вербинка, сажай Качалку, что
на всю трещку кашки добыли.

— Виповатъ, господа, на всякого мудреца
одно простота, а въ дѣлѣ одиозности М. б. паша переполнѣ.

— Киничка, апады, полетѣла очистиной
стаканчикъ...

— Южикъ! Полнѣ сидѣть, честное слово не
краснѣю... А мы мѣнять теперь—зѣ!

— Федя, милая, я самъ чуть-чуть Шаляпи-
нѣмъ не сдѣлался, вотъ только... Ты того, стерва,
въ карманѣ въложи, думается кому разговаривать,
тѣмъ не вижу...

— По шиферблату его, Василья. Подумайте шу-
тл.—Москвичи, не такъ бы были.

— Тамъ, огулки, фарономъ идутъ...

Привѣтъ.

«Комаровкой» называлась ночная чайная возле Петровских ворот, которую любила посещать московская богема. Заведение было закрыто в начале войны за торговлю спиртным

вин только в последние дни... Ну, пожалуй, недели. А раньше подавали вино почти открыто. Был такой случай месяц назад. Сам я почти не пью, но случилось мне попасть в ресторан с только что приехавшим с юга приятелем, которому обед не в обед без вина. Ресторан — первоклассный, обед — превосходный, но моему гурману в душу не идет. Скучно без

вина. Вздыхнул он и велел позвать метрдотеля. “Скучно, — говорит, — нельзя ли вина подать?” Тот и думать не стал. “Можно, — отвечает. — Какого прикажете?” Приятель назвал вино и велел подать две бутылки. Нашлось. Оказалось прекрасным. Дорого только немножко: по 10 рублей за бутылку взяли».

На эту же тему в Москве рассказывали такую историю. Во время посещения ресторана «Стрельна» градоначальник Андрианов взял с обеденного стола чайную чашку и понюхал ее содержимое.

— Чем пахнет? — удивленно спросил генерал.

— Тремя тысячами, — ответил владелец ресторана, имея в виду размер штрафа, установленный градоначальником за тайную продажу спиртного.

Генерал Андрианов рассмеялся и «на первый раз» простил ресторатора.

Летом 1915 года владельцам ресторанов 1-го разряда стало не до смеха. Вместе с кинематографами их заведения признали в градоначальничестве «вполне удобными для размещения раненых». Под реквизицию попали «Ярь», «Прага», «Максим». Владелец «Стрельны» А. Ф. Натрускин передал свой ресторан под лазарет добровольно. Снова эти заведения открылись для посетителей лишь в конце апреля 1916 года, после проведения необходимого ремонта.

В свою очередь городские власти летом 1915 года преподнесли хозяевам «заведений трактирного промысла» прекрасный подарок. Специальная комиссия под председательством помощника градоначальника А. Н. Тимофеева наконец-то обратила внимание на отсутствие системы в выдаче разрешений на увеселения в трактирах и ресторанах. Как-то так сложилось в Москве, что подобного рода разрешения выдавались содержателям «старых» трактиров, а вот новым предпринимателям добиться позволения на установку бильярда или граммофона было крайне сложно. Или скорее всего слишком накладно. Жалобы на такое положение дел шли во все ин-

Догадливый официант. Карикатура

станции, вплоть до Сената.

Чтобы раз и навсегда решить этот вопрос, комиссия градоначальничества постановила:

«Все заведения трактирного промысла без продажи крепких напитков и трактиры 3-го разряда будут иметь право содержать у себя механические музыкальные машины, граммофоны, патефоны и проч., и, кроме того, могут иметь «летние

сады» соответственно обязательным постановлениям.

Рестораны и трактиры 2-го разряда, кроме прав, предоставленных трактирам 3-го разряда, будут пользоваться оркестром в мужском составе, кегельбанами и бильярдами не свыше двух.

Рестораны 1-го разряда, приобретая все права для трактиров 3-го разряда и ресторанов 2-го разряда, будут иметь бильярды до четырех включительно. Кроме того, совещание признало возможным (что является новинкой для Москвы) разрешить оркестры музыки в больших кофейнях (вроде Филиппова, Яни и др.).

С 1 января 1916 года в разрешение трактирных увеселений вводится система, принятая совещанием.

Совещание также рассмотрело вопрос о ночных чайных лавках.

Последние решено разрешить исключительно с извозчиками дворами, причем на каждый участок предположено разрешить по 2 ночных чайных лавки».

Последний всплеск безудержного веселья, по свидетельствам современников, Москва пережила, встречая новый 1917 год. Рассказывая о праздничной ночи, обозреватель газеты «Раннее утро» писал:

«Необычайно шумно и весело встретили москвичи Новый год.

Порой казалось, что все это происходит не во время войны, а в период мирного расцвета страны; не во время дороговизны, расстройств транспорта, внутренней неурядицы, а при полном благоденствии и благополучии, во время расцвета торговли промышленности.

Так беззаботно, шумно, весело чувствовала себя толпа москвичей и беженцев, наполнившая в новогоднюю ночь клубы, городские рестораны, веселые уголки, загородные увеселительные заведения.

Задолго до встречи Нового года в первоклассных ресторанах — “Эрмитаже”, “Метрополе”, “Праге” и других — все столики были расписаны.

Разобрали все, что можно было, у Максима, в “Стрельне”,

у “Яра”.

Разгул достиг в новогоднюю ночь своего апогея.

Встреча Нового года была везде обставлена торжественно.

В 12 часов оркестры заиграли “Боже, Царя храни”, в бокалах запенились “трезвые” напитки и начались взаимные поздравления.

“С новым годом, с новым счастьем!”

После различных пожеланий приступили к кутежу.

В результате тысячные счета, скандалы, вмешательство полиции, участок, протоколы...

Владельцы ресторанов и веселых уголков из скромности умалчивают о цифрах выпитых бутылок “трезвых” напитков, о которых в счетах упоминается под видом “фрукты”, “кофе” и за которые берут от 50 до 100 рублей за бутылку.

По откровенному заявлению владельца одного популярного веселого уголка, он торговал в новогоднюю ночь на 38 000 рублей.

Каким образом могла образоваться такая круглая цифра, — составляет тайну Полишинеля.

Потребители вина могли при встрече Нового года найти полное удовлетворение — все “марки” были налицо.

Но если бы продажа “трезвых” напитков была и скромнее, то владельцы ресторанов и веселых уголков могли вполне “отыгаться” и на подаваемых кушаньях.

За новогодний ужин, состоявший из трех блюд — рыба, жаркое и сладкое, — брали от 10 до 15 рублей. В обыкновенную, не новогоднюю ночь цена такого ужина даже и теперь не превышает 3—5 рублей.

Но главный доход составляли не эти ужины, а подача кушаний “a la carte”.

Здесь открывается полный простор той безудержной вакханалии цен, которую проявляют московские рестораторы.

Иначе, как грабежом, это назвать нельзя.

По счету одного веселого уголка за кусок мяса-филея, поданного для пяти человек, было заплачено... 80 рублей, за стерлядь на 8 человек заплатили в другом злачном месте

180 рублей...

Украшение столов цветами стоило от 100 до 300 рублей.

Воспользовались как следует новогодней ночью извозчики и гаражи.

“Голубцы” брали за проезд из города, примерно, от Страстного в Петровский парк и обратно 100—150 рублей, лихачи за такой же конец — 50—75 рублей, автомобили от 100 до 200 рублей.

Эти цифры бледнеют перед заработками... арендаторов вешалок в крупных ресторанах и загородных уголках.

Арендатор вешалки одного загородного ресторана заработал в новогоднюю ночь 1650 рублей.

Центральным пунктом в новогоднюю ночь по традиции был один загородный ресторан, славящийся своим зимним садом.

Сюда после двух часов ночи съезжаются всегда из всех ресторанов и веселых уголков.

Так было и в нынешнем году.

Здесь было более всего шумно и “трезво”: кто-то кидал сверху в публику тарелки, кто-то ловил салфеткой рыбу в аквариуме, плясали, ссорились, устраивали побоище.

Традиция встречи Нового года была выполнена в полной мере.

Сколько было истрачено на встречу Нового года москвичами — определить трудно.

Но если считать, что в среднем каждый встречавший Новый год в первом классе ресторана или в веселом уголке заплатил 100 рублей — а таких было по меньшей мере тысяча пять человек, — то получится кругленькая сумма в полмиллиона рублей.

Считать этот расчет правильным нельзя, так как тратили больше чем по 100 рублей на человека, и число встречавших Новый год вне дома было больше 5000, и едва ли мы намного ошибемся, если будем считать, что москвичи истратили на встречу Нового года миллион рублей».

По инерции новогодний разгул плавно перетек в святоч-

ные дни. В хрониках городской жизни было отмечено такое казалось уже забытое за годы войны явление, как появление на улицах ряженных:

«Старожилы не запомнят такого разгула, который охватил столицу в минувшие праздники.

Старый, малый, богатый и бедный, коренной москвич, а главное — беженец и вообще наносный элемент закружились в вихре безудержного веселья, разбрасывая деньги без счета, без смысла.

В поисках развлечений вернулись к старому, потухшему было блеску маскарадных огней.

Воскресла бабушкина радость. Забытые было Пьеро, Коломбины, домино, турки, похожие на правоверных, как нижегородец на англичанина, испанцы, сильно разукрашенные фантазией коренного рязанца, Мефистофели совсем не адского обличия, маркизы рисунка Сухарева торга — дружной толпой высыпали на улицу с бубном, гармонью, гитарой, балалайкой, а главное — с необъятным запасом жажды веселья, разгула, шума, движения.

А среди топорной, грубоватой маскарадной пестроты истинно московской яркой звездочкой замелькал сочный красочный и изящный рисунок беженки.

Вот выплыла красивым гармоничным пятном красавица гуцулка в костюме своих предков, пышная гостья, вспугнутая австрияком из ридной Червоной Руси, пробрызгала монистом, полоскала волной лент, подарила ласковым блеском карих очей и закружилась в гопাকে стройная, крепкая, обнявшись с лукавой полькой, захватившей в стремительном беге из отчизны, может быть, только этот роскошный наряд времен крулевства.

И вероятно, больше всего оживили праздник маски именно беженцы.

На улицах ряженные лились буквально потоком. Группами, парами, даже одиночками они бежали куда-то, искали чего-то и будто прятались под маской и пестрым покрывалом...

Может быть, от страшной неурядицы года, от хвоста, веч-

**Представительницы богатейших московских семейств
на благотворительном маскараде-карнавале в доме
З. Г. Резвой (бывшей супруги бывшего московского
генерал-губернатора А. А. Рейнбота)**

ного бегания за провизией...

Ряженные бесились на улицах, забегали в квартиры знакомых и незнакомых, и не всегда, говорят, невинны были посещения.

В доме купца N. ряженные конкуренты по овсу устроили дебош и помяли хозяина.

У С. пропали золотые вещи и “переменялись” шубы на вешалке.

Важничающему спекулянту К. знакомые доставили под домино самого недвусмысленного хитрованца, еще и сильно одобренного ханжой.

Да и вообще немало устроили проказ ряженные минувшего праздника, но в большинстве случаев, очевидно, было исключительное желание побеситься, развлечься и поинтриговать хотя бы со страусовой хитростью, спрятавшись в пестрые

**«Русский хор» из великосветской молодежи на карнавале
у З. Г. Резвой**

тряпки.

Хорошо заработали парикмахеры, портнихи и прокатные костюмерные».

В завершение остается сообщить, что места развлечений, вроде ресторана «Ярь», какое-то время продолжали успешно принимать посетителей, жаждавших безудержного веселья. Однако после Февральской революции, когда «демократический элемент» получил право голоса в лице районных Советов, по требованию москвичей фешенебельные рестораны были закрыты.

«ГЕРОИ» ТЫЛА

*Там весна в окопах грозная,
Здесь ликует пошлый тыл...
Не страшна здесь ночь морозная —
Совесть скисла, ум застыл!*

Дядя Гиляй

Рассказывая о москвичах эпохи Первой мировой войны, нельзя не упомянуть о такой категории обитателей Первопрестольной, как «герои тыла». Еще современники награждали их эпитетами: «мародеры тыла», «гадины тыла», «новые люди». При всех вариантах смысл подразумевался один — это скороспелые богачи, чей образ жизни лучше всего отражала пословица «Кому — война, кому — мать родна». Популярный в те годы писатель Н. Н. Брешко-Брешковский дал им такую характеристику:

«Всех этих господ коммивояжерского типа выбросило недавно каким-то стихийным приливом. Это была накипь войны, вернее — накипь тыла. Она существовала и раньше, но не кидалась в глаза, прозябаящая в темном мизере, голодная, обтрепанная, небритая, в заношенном белье... Эти мелкие биржевые зайцы, ничтожные комиссионеры, безвестные проходимцы собирались в кофейнях, на Невском перед банками, маячили под внушительными портиками биржи. Они ездили в трамваях, норовя не платить за билет, хвастаясь, что делают это из принципа, что это для них род спорта.

Грянула война — и какая разительная перемена декораций и грима! Воспрянула голодная проходимческая шушера. Откуда только что набралось! Милостивые государи коммивояжерского типа стали торговать солдатскими шинелями, бензином, полушубками, йодом, железом, мукою, сахаром — всем, что идет на потребу чудовищному хозяйству многочисленных армий. Наживались громадные деньги. Наживались на том, что Икс познакомил Игрека с Зетом, свел их в кабаке.

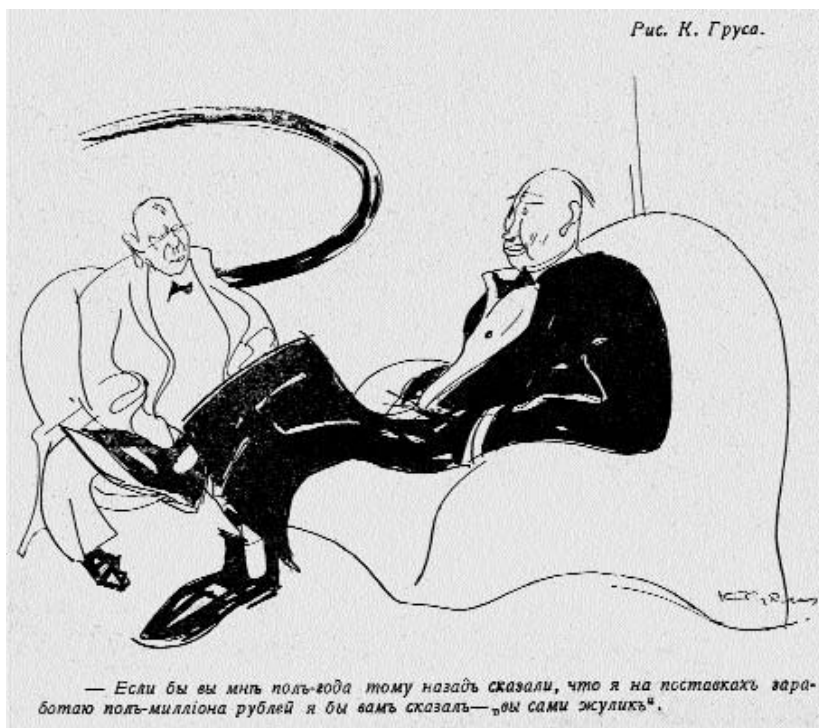
Дорогие рестораны с тепличными пальмами, метрдотелями, напоминавшими дипломатов и министров, стали арену деятельности этих «новых людей», вчера еще бегавших по кофейням и терпеливо дежуривших в дождь у банковских подъездов.

“Новые люди” проснулись богачами, которые могут швырять сотни и тысячи. Это сознание опьяняло их. Повсюду — к “Медведю”, “Контану”, “Кюба”, “Донону”, где прежде собиралась изысканная, внешне во всяком случае, публика, этот новый “чумазый”, туго набивший в несколько часов свой бумажник, принес и свое собственное хамство, привел своих женщин — вульгарных, крикливых, не умеющих есть, богато, с вопиющей безвкусицею одетых, сверкавших крупными бриллиантами в невымытых ушах.

Сами “чумазые” успели приодеться у лучших портных. Но платье сидело на них, как на холуях, и духи, купленные в “Жокей-клубе”, не могли заглушить годами впитавшийся запах грязных, трущобных мебелишек, где в тесной комнатке рядом с кроватью-логовом плавали в мыльной воде желтые окурки дешевых папирос...

“Новые люди”, вызывая откровенно-презрительные улыбки у всегда таких непроницаемых “каменных” метрдотелей, кромсали рыбу ножом, засовывая себе в рот чуть ли не половину острого лезвия.

Год назад они робко жались в передних этих ресторанов, вытребованные сюда спешно каким-нибудь зайцем покрупнее. А теперь они сами здесь “господа” и с непривычки, не

зная, как держаться, заискивают перед прислугой, фамильярничают со швейцарами, хлопают их по плечу: “Как ваши детки, Герасим?” — и суют рублевку, чтоб казаться “настоящими барами”.

Они хотели, чтобы от них воняло деньгами. Они требовали самых дорогих вин, закусок, швырялись направо и налево шальными “чаями”. И все же лакеи служили им нехотя, презируя их. Они, эти “новые люди”, почувствовали себя вдруг спортсменами, появляясь на скачках, играя, самодовольно целуя руки у модных кокоток и содержанок, прежде таких заоблачно недостижимых, а теперь доступных по цене».

«Героям тыла» были посвящены и стихотворные строки:

Золото льется рекой...
По фантастическим ценам
Нынче торгует мукой,
Завтра торгует он сеном.
Всю развивает он прыть,
Чуть на гешефт где похоже,
И, чтобы кожу добыть,
Лезет и сам он из кожи.
Так, где запасов не счесть,
Татем полочным приблизясь,
Сеть начинает он плесть, —
И начинается «кризис».
Цены пускаются в пляс,
Выше все скачут упорно...
Правда, речь ближних подчас
Слушать бывает зазорно:
Здесь закричат «караул»,
Там проклинают пиявиц...
Да, — но в шантанах разгул!
Да, — но объятья красавиц!..
Вторгся в наш тыл он, как враг,
Всюду, где он, — там заминка.
Сделает некий он знак,
И исчезает из рынка
Нужный продукт до поры, —
Так исчезает вдруг странно,
Словно бы в тартарары
Он провалился неожиданно...
Схватит он слух на лету,
Пальцем ударит о палец, —
И на текущем счету
Есть, уж глядишь, капиталец...

«Новых людей» не обошел своим вниманием кинематограф. Летом 1916 года на экранах России демонстрировалась «злободневная сенсационная драма» «Мародеры тыла» («В вихре спекуляции»). Как таковой сюжет фильма представлял собой череду картин, отвечавших представлениям зрителей о механизме спекуляции: торговцы во главе с купцом Хапуновым, желая еще больше поднять цены, придерживают хлеб на складах. Тем временем перед дверями магазинов растут «хвосты». Наплевав на страдания народа, «мародеры тыла» предаются кутежам, но наступает момент расплаты — спекулянты арестованы и посажены в тюрьму.

Даже поверхностное знакомство с этими свидетельствами эпохи позволяет понять, что речь идет о спекулянтах, сколотивших состояния в условиях вызванного войной товарного дефицита. Одним из источников таких богатств служила причастность к поставкам в армию продовольствия, обмундирования, обуви и снаряжения. Небольшое жульничество, почти незаметное на фоне огромных объемов всего того, что требовалось войсками, — и деньги в кармане.

Получение новых сапог

Секрет получения вагонов

Примером может служить афера московского купца А. Е. Есиса. В начале сентября 1914 года он заключил с командиром 85-й пешей дружины словесный договор на поставку 300 пар сапог по 7 рублей за пару. В магазине сапоги принимали строевые офицеры, не являвшиеся специалистами в сапожном деле. Сам купец, предъявляя товар, приговаривал:

— Не сапоги, а ягоды.

Из всей партии только 21 пару изготовили в мастерской Есиса, остальные были закуплены в Кимрах, Вятке, Череповце. И все они оказались непригодны к длительной носке: на сапогах стояли картонные подметки, искусно прикрытые кожей, стенки не пришивались, а были приклеены. По аналогичной технологии были слеплены 87 пар сапог, проданных 87-й пешей дружине.

Только в апреле 1916 года жулик Есис предстал перед судом.

Кстати, известный эпизод появления Г. Распутина в ресторане «Ярь», когда пьяный «старец» во всеуслышание хвастался близостью к царской семье, был связан с переговорами по поставке большой партии солдатского белья. Стремясь заручиться содействием «возжигателя царских лампад», группа московских дельцов организовала Распутину кутеж.

Другим способом быстрого обогащения служили операции по «проталкиванию» вагонов с нужными грузами. Поскольку пропускная способность железных дорог России не давала возможности перевезти все потребное количество грузов, чиновники МПС устанавливали очередность перевозок. Понятно, что приоритетом должны были пользоваться военные грузы. Впрочем, достаточно большая сумма денег позволяла отправить в путь вагоны с любыми товарами.

Невинно пострадавший поставщик.

Рис. К. Груса

— За что я пострадал? Вльдь на моих картонных подошвах наши храбрые полки гнать австрийцев по 50 верст вь сутки.

Отправителю нужно было только точно знать, кому и сколько платить.

Московские газеты писали о нуворише Ж., жена которого в ложе театра громко хвасталась материальным благополучием: за ботинки уплатила 800 рублей, за костюм — 1900, кольцо обошлось в 27 тысяч. И это в январе 1917 года, когда большинство москвичей стонали в тисках нужды!..

Капельдинеру, подавшему шубы, Ж. сунул «на чай» десятку и объявил во всеуслышание:

— В этом году у нас будит своя ложа...

А до войны он служил всего лишь управляющим второсортных «номеров», где из-за близости к вокзалам останавливалось много комиссионеров и сотрудников транспортных фирм. Начавшиеся в дни войны неурядицы на железных дорогах для Ж. послужили прологом к богатству. Получая хорошие комиссионные за то, что сводил друг с другом нужных людей, он быстро сколотил стартовый капитал и сам занялся спекулятивными операциями.

Да что там бывший управляющий «меблирашками». Журналист Эр. Печерский устами героини своего фельетона «Что делать?» называл представителей совсем других слоев общества, наживавшихся на войне:

«— Понимаете ли вы то время, которое мы переживаем сейчас? — продолжала она упавшим голосом. — Мы точно не в благоустроенном государстве, а в глуши сибирской тайги бродим... Среди живых мертвецов... Я не говорю уже о мародерах, а имею в виду часть нашей интеллигенции... Знаете, чем она сейчас занимается?... Играет на бирже...

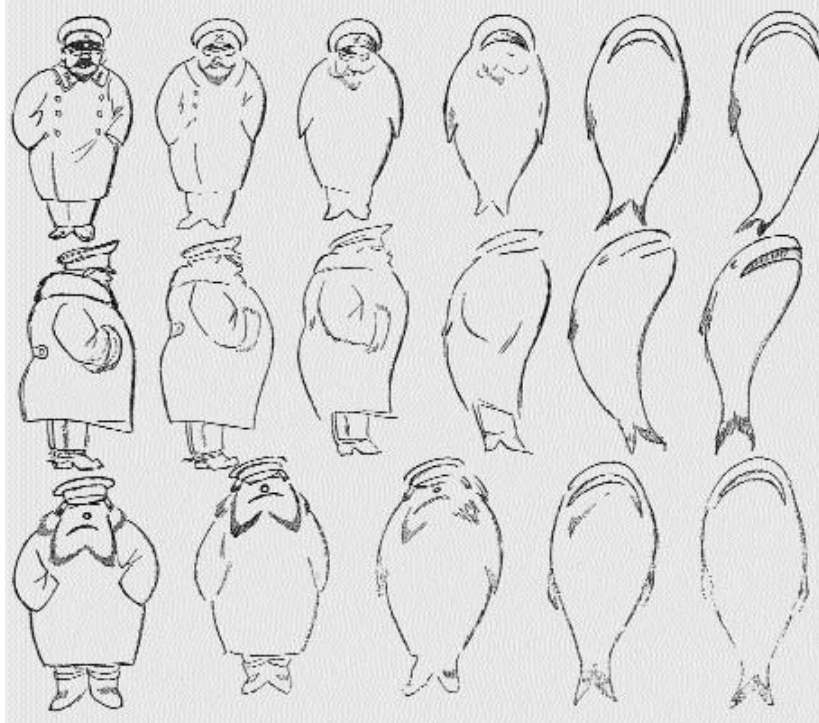
Зайдите к любому инженеру, врачу, присяжному поверенному...

Поговорите с ними... Через два слова вы обязательно услышите о «коломенских» или «ленских»... Да, да... Все склонились теперь у подножия биржевого идола... И бывшие народники, и бывшие марксисты... Те ее бывшие деятели, которые с упоением лезли когда-то во имя свободы под копыта лоша-

Къ одному знаменателю.

Рис. Д. Мельникова.

«Акулы коммерции»

ди, в тюрьмы, под пули и “штыки”, — те самые люди с таким же упоением кричат теперь:

— Покупаю... Продаю...»

Вспоминая о людях, окружавших ее в военные годы, Н. Я. Серпинская упоминала о присяжном поверенном А. С. Зернове, который «сменил профессию адвоката на военного поставщика и имел от нее дохода во сто раз больше, чем от адвокатской практики». Распухнув от денег, Зернов не только окружил роскошью жену, но и завел целый гарем,

— И на что, барыня, вы столько гусей приказали жарить?
— Да ужь такие „гуси“ у насъ въ гостяхъ будутъ.

предлагая понравившейся даме в качестве месячного содержания двадцать тысяч рублей.

Однако, судя по свидетельству журналиста И. Южанина, женщины военной поры не только помогали «новым людям» потратить деньги, но и сами были не прочь заработать на торговых операциях: «...наше время или, вернее, безвременье создает новые возможности для всех, кто только желает воспользоваться моментом. Самой доходной профессией теперь у нас считается спекуляция. Спекуляцией теперь занимаются все: врачи, юристы, студенты, инженеры, актеры, журналисты, бывшие штатские, бывшие военные. Все перемешалось, спуталось в один хищнический клубок крепкой стальной нити, опутавшей обывателя по ногам и по ру-

кам. Мужчина-спекулянт, однако, недолго процарствовал самостоятельно. Конкуренция сильному полу явилась неожиданно со стороны женщины. В спекуляцию явился новый энергичный деятель — женщина. Как и всегда, новшество взяло свое начало в Петрограде. Вчерашние политиканствующие салоны превратились в салоны по всякого рода поставкам, устройству самых головокружительных комбинаций. Из Петрограда женщина-спекулянт направилась в Москву, отсюда — по всей необъятной матушке-Руси. В шикарных кафе и ресторанах вчерашние кокотки, демимоденки, искательницы приключений делают дела. Продают бязь, шьют пояса, закупают сталь, комбинируют “с бумагой”, очень тонко разбираются в аспирине и с особенной настойчивостью нападают на свое могущество.

— Будьте покойны, я ему сдам этот мел по 175 рублей пуд. Пусть попробует не взять.

И угроза имеет свое основание. Раньше тузов заманивали хипесницы и шантажировали в своих укромных местах. Теперь не нужен шантаж, не нужно хипесничество, когда можно открыто грабить и шантажировать.

Но не только “эти женщины” пошли по спекулятивной стезе. В Москве сотни дам общества, вчерашние проповедницы высшей морали, носят шикарные туалеты, добытые коммерческими делами. Одна продала удачно старое сукно, заработав вместе со своим мужем на этой комбинации 12 тысяч рублей.

В Москве теперь женщина занимает в спекуляции не меньшее положение, чем мужчина. Последний пробрел в лице женщины толкового и энергичного сотрудника.

Шальные деньги, оказавшиеся в руках «героев тыла», породили новое для Москвы явление — «мотовство военного времени». Одно из описаний этого феномена появилось в 1916 году на страницах вечерней газеты «Время»:

«На далеких героических полях потоками льется кровь, тысячи людей отдают свою жизнь за счастье будущего, в кровавом вихре выковывается новая светлая жизнь.

Особая бухгалтерия

— А на какую сумму у него растрата?

— На один приличный парюр и пару модельных туалетов.

А здесь, в тылу, в царстве мира и покоя, вдали от ужасов войны, творится безумие.

Страна переживает величайшую трагедию.

Все силы должны быть напряжены в эти исторические дни испытаний.

А между тем здесь, в тылу, какая-то вакханалия бесстыдных трат.

К сожалению, у нас об этом много говорят, но делают для борьбы с этим страшным и опасным злом очень мало.

Первый шаг в этом направлении сделан комитетом союза “Артисты Москвы — русской армии и жертвам войны”.

В последнем заседании решено выступить против расточительности и роскоши, о назревшей необходимости призвать общество к борьбе с этим нелепым кошмаром.

На совещании артистов намечен целый ряд практических мер для борьбы с чрезмерной роскошью туалетов.

Давно пора!

В ряде очерков мы нарисует картину мотовства и роскоши в тылу.

I

Пальма первенства в невероятном мотовстве принадлежит женщине.

Несмотря на то что мы лишились ряда губерний, поставлявших нам всякого рода материи для дамских туалетов, несмотря на отсутствие привоза моделей из любимой “заграницы”, наши дамы продолжают, и даже еще с большим успехом, шикарно одеваться, поражая глаз своей роскошью и расточительностью.

Если вы заглянете в любой из модных магазинов, во всякого рода “Modes et robes”, то вы увидите, что теперь, как никогда, дамы наполняют эти “счастливейшие” учреждения.

Она. — Какое великолепное платье у нашей жены!
Он. — Да, я отдал за него весь мой гонорар за три лекции о борьбе с дороговизной дамских нарядов...

То, что валялось в течение десятков лет на чердаках, всякого рода гниль и старье, — все снова пошло на продажу.

Всевозможные остатки материй самых нелепых рисунков, заваль, вышедшая из моды еще десять лет назад, — все это распродано по небывалым ценам.

Нужно отдать справедливость столицам — они побили в этом отношении рекорд.

За “модель” платья в Москве платят небывалые деньги: от 600 до 1300 рублей.

Гениальные поставщики моделей — все эти m-me Мари, Софи умудряются провозить под грохот пушек модели из “самого” Парижа и за невероятные деньги подносят их безумствующим дамам.

Одновременно с моделями всяких шелковых, фай-канаусовых, бархатных выдумок жриц современного мотовства, невероятные деньги платят за шляпы — это больное место дамских туалетов.

Украшения к шляпам вздорожали на 250—300 процентов.

Все эти эспри, птицы всяких видов превратились в “Синюю птицу” для модниц.

За эспри, стоившее до войны 45 рублей, теперь платят 200—250 рублей.

В ход пошло все, что казалось безнадежным.

Зашуршали кредитные бумажки, и под шум их еще ярче забурлили больные стремления к мотовству.

II

Мой собеседник — директор одного из крупнейших в Москве модных предприятий Я. И. Стейнер, успевший изучить психологию своих многочисленных клиенток, высказывает следующие соображения о мотовстве и роскошестве, царящих в тылу.

— Надо быть справедливым: то, чему мы являемся теперь свидетелями, действительно производит тягостное впечатление.

Такого равнодушного отношения к деньгам, к безрассудным тратам, какое наблюдается теперь в отношении покупок всякого рода предметов далеко не первой, второй и даже третьей необходимости, я никогда еще за время моей близости к моему делу не видел.

О ценах не говорят, не торгуются. И чем дороже предмет, тем больше шансов на то, что будет скорее продан.

И мне кажется, что самым верным средством борьбы с мотовством и роскошью было бы понижение цен на все предметы роскоши, и даже второй, и третьей необходимости.

Тогда я убежден, несомненно, эта большая страсть к дорогим вещам утихла бы.

Для расточительного, несомненно обладающего какими-то странными чувствами, само стремление к “самому дорогому” потеряло бы свою остроту.

Но я должен подчеркнуть, таково убеждение, являющееся прямым следствием моих наблюдений, что мотовство, эта болезненная расточительность заметны только в пришлое население Москвы.

Я знаю всех своих постоянных московских клиентов и должен сказать, что во всем том, что мы наблюдаем, москвичи меньше всего повинны.

Нас поражает, что главным элементом, расточающим огромные деньги, является элемент пришлый.

Это он без всякого смущения готов платить столько, сколько вы у него запросите.

И галстуки в 14 рублей, и ботинки в 65 рублей, и костюм в 250 рублей. Все это раскупается, проглатывается той огромной массой пришельцев, для которых цены деньгам не существует.

Духи, шелковые товары, меха — все, абсолютно все они пожирают с неимоверной легкостью.

Я укажу даже на более разительные примеры.

К нам приезжают из Азии: татары, персы, армяне.

Заказывают на тысячи всяких дорогих вещей, платят с каким-то поражающим олимпийским спокойствием огромные деньги, не смущаясь никакими ценами.

И до войны, и до переживаемого нами времени у нас все было без запроса, но теперь это стало для такого покупателя, о котором мы говорили, непреложной истиной, не вызывающей никаких сомнений.

Небывалый огромный рост нашего предприятия поражает своей быстротой.

Но, повторяю, — все это болезненное и загадочное исходит только от пришлого элемента.

Наше же коренные москвичи спокойны и едва ли, хотя бы в некоторой, незначительной своей части, заражены этой расточительностью и одержимы той болезненной страстью к дорогим вещам, которая так бросается в глаза здесь, в тылу, в наши исключительно трагические, тяжелые дни переживаемого народного бедствия...

III

Если мотовство и траты тыла достигают в области дамских туалетов невероятных цифр, то в не меньшей степени разительны цифры сумм, которые уплачиваются за драгоценности: бриллианты и жемчуг.

Перед нами несколько счетов, по которым были оплачены драгоценности, предназначенные для «героев тыла».

Эти счета когда-нибудь войдут в летопись той невероятной расточительности, которая царила в дни ужасной войны у нас здесь, в тыловых центрах.

Черным по белому написаны цифры:

Бриллиантовые серьги — 18 300 рублей.

Жемчужное ожерелье — 90 320 рублей.

Брошь аметистовая — 6100 рублей.

И т. д., и т. д.

Мой второй собеседник, один из крупнейших владельцев “бриллиантовой” фирмы в Москве, рассказывает следующие детали развития той вакханалии мотовства и расточительности в отношении драгоценных вещей, которая все увеличивается и ширится в своих размерах.

Запасливые москвичи и провинциалы отлично сознавали, что война ускорит наблюдавшееся еще раньше вздорожание драгоценных камней.

Дальновидные поклонники драгоценностей стали в изобилии закупать эти “предметы первой необходимости” наших богачей.

Благодаря этому, естественно, на рынке, еще не испытавшем влияния войны, стали значительно уменьшаться запасы драгоценностей.

Когда же в Россию с запада хлынула миллионная волна беженцев, принеся с собой нам и нищету и богатство отдельных лиц, на рынке обнаружилась нехватка в бриллиантах, жемчуге, изумруде, сапфире, кораллах и т. п.

Как предыдущий наш собеседник, так и этот отмечает, что московские клиенты не только не обнаружили повышенную страсть к предметам роскоши, а, наоборот, значительно сократили приобретение драгоценностей.

Зато новоявленные, всплывшие, как мыльные пузыри, богачи, нажившиеся во время войны, с жадностью набросились на драгоценности.

Психология в данном случае этих не так давно совсем несостоятельных людей вполне понятна.

В их руки попали неожиданно сотни тысяч рублей, и первым движением этих богачей было украшение драгоценностями представительниц прекрасного пола.

Никогда не приобретая раньше бриллианты и жемчуга, этот новый клиент, не зная цены всему, стал платить столько, сколько с него требовали.

Особенно показательной в данном случае может служить пред Рождественская продажа.

Ноябрь и декабрь побили рекорд всего того, что знали продавцы бриллиантов и других драгоценностей за все время их деятельности в Москве.

Трудно себе представить этот рекорд, ибо Москва издавна славилась тратами на драгоценности.

IV

(...) После сутолочного дня и бессмысленного вечера наступает момент безграничного веселья. Уже за Триумфальными воротами лицо Москвы меняется.

Здесь стоном стоит шум и разгул безумствующих москвичей.

Пьяная разгульная песнь несется, заглушённая порывами ветра.

Кутящая и веселящаяся Москва отправляется в любимые уголки, где можно будет взять все от жизни.

Здесь будет вино, коньяк, даже шампанское.

Содержатель одного из крупнейших в Москве ресторанов рассказывает:

— До чего нынче народ пошел безудержный, можно судить по тому, что за бутылку коньяку у нас платят 85, 90 и даже 100 рублей.

Сколько запросят, столько и дают.

Я думаю, что ни одна область мотовства не дает таких страшных цифр, как у нас.

Водка — 40—50 рублей бутылка.

Шампанское 30—40 рублей.

Ликеры, в особенности “любимые”, без цены.

Бери сколько хочешь.

На этих напитках люди нажили состояние. Имеются специальные нелегальные акционерные компании, закупающие и продающие по баснословным ценам.

Никогда Москва до войны и до запрещения продажи напитков не пила, сколько теперь.

Все те легендарные попойки, коими так украшена летопись кутящей Москвы, ничто, ноль, в сравнении с тем, что творится теперь.

Правда, раньше все это проделывалось определенным кругом людей, нынче роли переменились.

Безумствовавший купеческий сынок наживает, а на его место пришел случайный проходимец, волею судеб сделавшийся обладателем капиталов. Еще одна область, где с особенной яркостью выявилась расточительность “тыловых героев”, — это крупные игорные притоны.

Таких ставок не слыхала и не знавала старая Москва.

Банки по 85, 100 тысяч рублей являются обыкновенным, не вызывающим удивления делом. Самые крупные игры, сопровождаемые неизменным шулерством, развились, расцвели, вошли в жизнь мотовствующей Москвы, и за эти два года войны приобрели своего рода право гражданства.

Ужасней всего то, что карточной игрой увлеклись дамы, матери семейств.

В любом из карточных учреждений вы можете встретить десятки почтенных дам, жадно ловящих мифическое счастье.

Веселящаяся Москва обезумела и в своем безумье забыла о далеких страшных полях, где в кровавых муках рождается великое будущее России».

Кроме безудержных кутежей и покупки драгоценностей, «герои тыла» щедрой рукой тратили деньги на приобретение антиквариата. В феврале 1917 года, отметив бурный рост рынка предметов старины, газета «Утро России» указывала на его специфические черты:

«Никогда еще так хорошо не торговали антиквары, как в этом сезоне. Несмотря на высокие цены, которые продолжают все непрерывно расти, спрос на старинную мебель, фарфор, картины, бронзу и т. д. продолжает расти.

Появился новый тип покупателя, который жадно расхватывает у антикваров предметы старины, скупает на выставках картины и скульптуру.

На наших глазах в течение каких-нибудь нескольких месяцев народились миллионеры, “заработавшие” свои деньги на поставках, биржевой игре и спекуляции.

Большинство этих людей вышло из низов общества.

Лишенные всяких традиций, эти баловни счастья захотели стать господами положения и задавать тон в обществе.

Раньше эти господа удовлетворились бы хорошим выездом, автомобилем, годовым абонементом в Большом театре или же, пожертвовав крупную сумму на дела благотворительности, добивались бы получить звание коммерции советника, тайно вздыхая о дворянстве.

В наши дни эти миллионеры-выскочки устраивают салоны и рауты, приглашают на них политических и общественных деятелей, литераторов, художников и артистов. Теперь они собирают картины, старинный фарфор и бронзу, обставляют квартиры старинной мебелью и т. д., стараясь уверить всех, что они глубокие ценители всего прекрасного...

Посещая антикваров, эти новоиспеченные любители прекрасного и старины боятся показать свою невежественность. Это прекрасно учли торговцы и не только подсовывают ново-явленным “любителям” всевозможные подделки, но и дерут с них безбожные цены.

Подделка старинной мебели достигла в Москве в последнее время огромных размеров, и совершается эта подделка артистически.

Новые миллионеры жадно раскупают эту мебель, уверяя других, что эта мебель взята из дворцов и аристократических особняков.

Являясь к антикварам, эти господа требуют одного — чтобы приобретаемые ими вещи были единственными, ибо это льстит самолюбию выскочки.

Если одни скупают картины старинных мастеров, то другие покупают исключительно футуристов, уверяя, что это искусство будущего, которое они понимают, ценят.

Но если одни проделывают все это ради того, чтобы прослыть тонкими ценителями искусства, то другие идут по пути озорства и хулиганства... Так, один из торговцев бумагой, И., наживший миллион, выстроил в одном из южных городов мраморный особняк, поручив художнику расписать его стены неприличными сценами.

Никогда еще выставка картин не продавала так много картин по значительно высокой цене, как в этом сезоне.

Группа московских миллионеров, наживших деньги на биржевых спекуляциях, скупил картины на московских выставках за этот рождественский сезон свыше чем на 100 000 рублей!

Мастерские известных художников осаждаются этими любителями прекрасного.

Как на характерный случай можно указать на следующее. У одного из художников была куплена картина одним высокопоставленным лицом, и вот господа спекулянты, украшающие свои квартиры картинами, поспешили купить у художника остальные работы.

Торговля антикварными вещами весьма выгодна, и нет ничего странного в том, что один широко известный москвичам меценат и художник занялся антикварной торговлей.

Характерно, что эти любители и ценители прекрасного проходят совершенно равнодушно мимо старинных книг.

Эти господа внесли дух спекуляции и в торговлю художественными вещами.

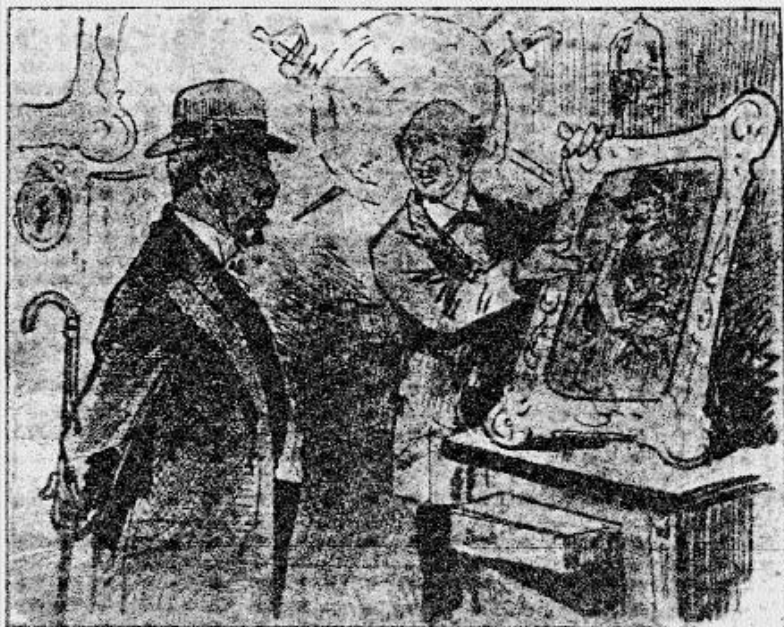
В Москве существует теперь группа лиц, задавшихся целью скупать произведения тех художников, которых, по их мнению, ожидает известность.

По циничному замечанию одного из этих скупщиков, громко сказанному на одной из выставок, вкладывать деньги в скупку картин по нынешним временам выгоднее, чем вкладывать капиталы в процентные бумаги.

Один из скупщиков в Москве приобретает картины одного известного художника в том расчете, что этот художник должен скоро умереть, а тогда его картины повысятся в цене!

Дух спекуляции, чуждый до сих пор этой области, внесен теперь и сюда».

Любопытны опубликованные вечерней газетой «Время» в январе 1916 года высказывания относительно спекуляции, сделанные видными московскими общественными деятелями. Так, член совета Министерства торговли Н. И. Гучков считал, что положить конец спекуляции смогут только «резкие и крутые меры»: установление специальными комитетами нормировки цен на предметы первой необходимости и обязательное уголовное наказание «тех,

ВЕРНАЯ ГАРАНТИЯ.

- Это—настоящий Веласкесъ. Единственный экземпляръ!
- А что мнѣ это гарантируетъ?
- Помидуйте, не стану я всѣхъ обманывать! Я уже четыре такихъ полотна продалъ!

кто вздувает цены, скрывает запасы, нарушает таксу, обходит нормировку».

Исполняющий должность председателя губернской земской управы А. Е. Грузинов видел корень зла в отсутствии централизации при вывозе продуктов из одной местности в другую. «Закупка продуктов сосредоточена исключительно в руках лиц и ведомств, снабжающих нашу армию, — рассказывал он о существовавшей системе. — Уполномоченный министерства земледелия, намечая какую-либо губернию, воспрещает вывоз из нее, например, овса.

Между тем частные лица умудряются вывозить эти продукты тайком из запрещенных губерний.

Благодаря также целому ряду переписок и канцелярской волоките замедляется легальный подвоз из запрещенных губерний грузов, что, естественно, очень пагубно отражается на деле регулирования цен на рынках. (...)

Разделение же России на отдельные ячейки только на руку спекулянтам».

Старшина биржевого комитета А. Н. Найденов, выражая презрительное отношение именитого московского купечества к «новым людям», призывал обратить первоочередное внимание на «тузов, скрывающихся в шикарных кабинетах»:

«Чтобы бороться со спекуляцией, нужно раньше всего изолировать промышленность от этих все пожирающих акул, беззащитно обирающих население, упрятав их на все время войны туда, где в настоящее время пребывают гг. Поймановы, Трофимовы и т. п.¹

Перед нами наглядный факт спекулятивных походов наших промышленных королей.

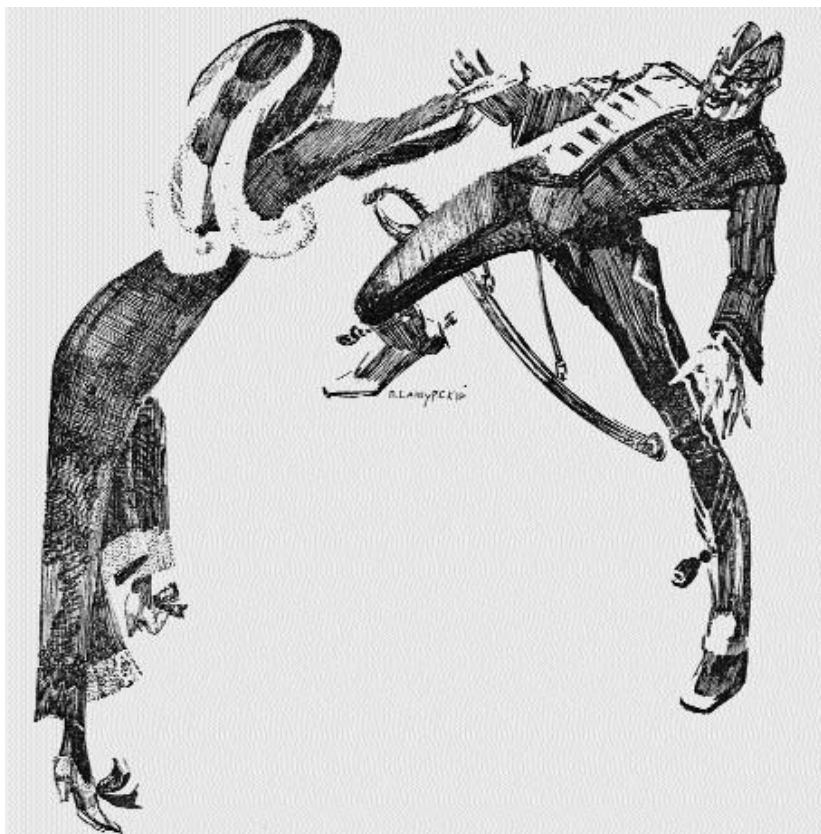
Я говорю о той вакханалии, которая теперь наблюдается на нефтяном рынке.

Я сам принимал участие в нефтяном предприятии, но ушел оттуда только потому, что воочию убедился в наличии недопустимых способов наживы, к коим прибегают промышленные тузы.

¹ Имеются в виду крупные торговцы, осужденные за спекуляцию. В 1917 г. газеты называли московские тюрьмы «последними убежищами мародеров» и отмечали, что в них появились камеры, прославленные «постояльцами» из числа нуворишей-спекулянтов. В то время процесс «посадки» в тюрьму состоял из нескольких этапов. Сначала приговоренный находился в полицейском доме, где ждал, пока московский тюремный инспектор распределит осужденных по тюрьмам. В большинстве случаев «акулы» спекуляции попадали в «Каменщики» (Таганскую тюрьму).

Если завтра будет арестован по обвинению в спекуляции мелкий лавочник или изголодавшийся комиссионер, то разве этим будут достигнуты необходимые результаты?

Во всех видах нашей промышленности и торговли имеются могущественные вдохновители-спекулянты, которые тесным кольцом окружили народ и выжимают из него соки.

«Герой тыла» — «земгусар»

Против этих-то господ и нужно направить все меры борьбы, вплоть до удаления из центра России истинных вдохновителей всероссийской спекуляции».

Гласный Московской городской думы Н. В. Щенков считал, что побороть спекуляцию можно, взяв на скрупулезный учет все запасы. Кроме того, он предлагал создать под эгидой Городской управы специальные склады, «в которых в изобилии были всякого рода продукты», и торговать ими через городские продовольственные лавки. Самой же важной мерой, по мнению Щенкова, являлась «полная согласованность в этой борьбе деятельности правительства с общественной инициативой».

Характерно, что все эти меры последовательно и до конца (с доведением в какой-то степени до абсурда) были претворены в жизнь только большевиками. Сами же представители «общественных сил», находясь у власти, так и не смогли найти в себе достаточно энергии, а главное, решимости, чтобы по-настоящему «резко и круто» взяться за спекулянтов. В этом отношении показательно свидетельство бывшего начальника московской милиции, а затем члена Временного правительства А. М. Никитина:

«На спекулянтов, правда, устраивались облавы, отыскивали товары на их складах, отбирали у них спрятанный товар, но, тем не менее, спекуляция продуктами первой необходимости продолжала оставаться прибыльным делом.

Спекулянты не боялись облав и реквизиций товаров, так как риск с избытком покрывался прибылью, само же преступление, по отсутствию карательной санкции и чрезвычайной волоките судебно-следственного аппарата, оставалось ненаказуемым.

В комиссариате градоначальства борьбу со спекулянтами возглавлял специальный судебный следователь Григорьев, который, будучи завален работой, производил следствие и розыскные действия по борьбе со спекуляцией при участии уголовного розыска.

Кроме того, устраивались систематические облавы на спекулянтов с целью их устрашения.

Одна из них, массовая, когда оцеплены были Ильинка, Театральная площадь и гостиница “Метрополь”, дала значительные результаты в смысле громадного количества изорванных записок, книжек и дубликатов накладных.

Но все эти меры мало достигали цели. Облавы кончались, арестованных и подозрительных выпускали, и они снова принимались за ту же “полезную” работу».

В завершение очерка упомянем о еще одной категории «героев тыла» — так называемых «земгусарах». Вспоминая о годах Первой мировой войны, К. А. Куприна, дочь писателя, отмечала: «В это время во Всероссийском союзе городов было большое количество всякой шушеры, избегающей фронта, служащей в качестве помощников. Они носили кортики вместо шашек. Их называли “земгусары”».

Введение для сотрудников общественных организаций военной формы офицерского образца (с положенным к мундиру холодным оружием) диктовалось необходимостью. Со штатскими, пусть даже возглавлявшими санитарные отряды или доставлявшими на позиции продовольствие и обмундирование, никто в армии просто не стал бы разговаривать. Характерную деталь отмечал К. Паустовский: студентам, служившим добровольцами на санитарных поездах, было разрешено с солдатскими шинелями носить студенческие фуражки. В противном случае к ним относились бы как к обычным нижним чинам со всеми вытекающими последствиями. Наступил момент, когда Паустовский возглавил один из санитарных отрядов и ему пришлось облачиться в полагающуюся форму. При этом с ним произошел случай, ярко характеризующий отношение настоящих офицеров к «земгусарам»:

«Я выехал в Брест.

Я ехал в мягком вагоне, переполненном офицерами. Меня очень стесняла моя форма, погоны с одной звездочкой и шашка с блестящим эфесом.

Прокуренный капитан, мой сосед по купе, заметил это, расспросил, кто я и что я, и дал дельный совет.

— Сынок, — сказал он, — почаще козыряйте и говорите только два слова: “разрешите” по отношению к старшим и “пожалуйста” по отношению к младшим. Это спасет вас от всяких казусов.

Но он оказался не прав, этот ворчливый капитан. На следующий день я пошел пообедать в вагон-ресторан.

Все столики были заняты. Я заметил свободное место только за столиком, где сидел толстый седоусый генерал. Я подошел, слегка поклонился и сказал:

— Разрешите?

Генерал пережевывал ростбиф. Он что-то промычал в ответ. Рот у него был набит мясом, и потому я не мог разобрать, что он сказал. Мне послышалось, что он сказал “пожалуйста”.

Я сел. Генерал, дожевав ростбиф, долго смотрел на меня круглыми яростными глазами. Потом он спросил:

— Что это на вас за одеяние, молодой человек? Что за форма?

— Таковую выдали, ваше превосходительство, — ответил я.

— Кто выдал? — страшным голосом прокричал генерал. В вагоне сразу стало тихо.

— Союз городов, ваше превосходительство.

— Мать Пресвятая Богородица! — прогремел генерал. — Я имею честь состоять при ставке главнокомандующего, но ничего подобного не подозревал. Анархия в русской армии! Анархия, развал и разврат!

Он встал и, шумно фыркая, вышел из вагона. Только тогда я заметил его аксельбанты и императорские вензеля на погонах.

Сразу же ко мне обернулись десятки смеющихся офицерских лиц.

— Ну и подвезло вам! — сказал из-за соседнего столика высокий ротмистр. — Вы знаете, кто это был?

— Нет.

— Генерал Янушкевич, состоящий при главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче. Его правая рука. Советую вам идти в вагон и не высовывать носа до самого Бреста. Второй раз это может вам не пройти».

Кроме К. Паустовского, который в качестве начальника санитарного отряда действительно хлебнул фронтового лиха, в «земгусарах» побывали поэты А. Блок и Э. Багрицкий, а также будущий вождь украинских националистов С. Петлюра, живший в годы Первой мировой войны в Москве.

Актер Н. Ф. Монахов описывал в мемуарах, как в преддверии очередного призыва приятели из Союза городов записали его в «земгусары». В результате он считался работающим на оборону страны, а на деле по-прежнему продолжал играть в театре. Правда, Монахов не учел, что каждое местечко в тылу находится под пристальным вниманием других претендентов. Посыпались доносы, что актер только числится на службе. В результате ему пришлось на несколько месяцев отправиться в Минск, в распоряжение инженерно-строительных дружин Западного фронта.

Большевик Ф. Зезюлинский вспоминал, как он в качестве корреспондента газеты «Русское слово», облаченный «земгусаром», оказался в Могилеве:

«Я — нелегальный, проживающий по чужому паспорту, привлеченный по ряду политических процессов, в том числе и по ст. 102 (принадлежность к партиям, ставящим своей целью ниспровержение существующего строя... и т. д.), — еду в Ставку, резиденцию царя. (...)

На мне шинель солдатского покроя, шашка на левом боку. На фуражке — офицерская кокарда. Погоны в одну полосу (капитанские!) с вензелем “ВЗС” (Всероссийский земский союз). Большой элегантный чемодан набит бельем, дорожными туалетными принадлежностями, в нем же шикарная офицерская тужурка, несколько бульварных романов (все для конспирации!) Пока я не арестован, я — важная персона: “военный корреспондент!” и должен соответственно

себя вести. Молва удесятирила размеры гонораров военных корреспондентов».

Общее отношение к «земгусарам» ярко характеризует филлиппика Н. Колесникова, опубликованная в 1922 году в эмигрантском журнале «Воин»:

«Мимо них шла облитая кровью война.

А молодые чопорные денди, сыновья скучающих отцов и Мессалин-матерей, не слышали призыва Родины, затыкали уши от криков раненых и призраков смерти. Они, чтобы не стыдно было встречать взгляды девушек и калек в серых шинелях на костылях, тоже надели шинели. Они устроили маскарад Великой войны. Они нарядились в фантастические формы, надели сабли, погоны и вензеля.

Веселые “Земгусары”. Блестящие “Уланы Красного Креста”.

Они появились в глубоком тылу в банных летучках, питательных пунктах, перевязочных отрядах и сберегли свое гнусное, похотливо жалкое тело крестина, раба и труса...»

В глазах большинства москвичей, особенно потерявших на войне родных и близких, «земгусары» выглядели обыкновенными приспособленцами, нашедшими легальную возможность держаться подальше от фронта. Даже кортики, упомянутые К. А. Куприной, являются весьма красноречивой деталью. Опыт первых сражений показал офицерам, что шашка как вид холодного оружия в бою неудобна. Многие из них предпочитали оставлять их в блиндажах и идти в наступление, держа в одной руке револьвер, а в другой стек — подгонять нерадивых солдат. Со временем громоздкие шашки было разрешено заменить на кортики. Подражая фронтовикам, тыловая «шушера» поспешила обзавестись кортиками. К тому же в трамвайной давке было так неудобно толкаться с шашкой на боку.

Последний раз московские газеты прошли по поводу «земгусаров» в конце января 1917 года. Это был фельетон Эр. Печерского «Земгоре», опубликованный в «Раннем утре»:

«Сидел Земгусар, развалившись в мягком кресле, и плакал.

Пришел к нему Земпилот и спросил:

— Земгусар, Земгусар, о чем ты плачешь?..

— Как же мне не плакать, — ответил Земгусар, — когда у нас отменили форму.

Земпилот побледнел:

— Не может быть!.. Ведь мы, в некоторой степени, “военная косточка”...

Земгусар тяжело вздохнул:

— Увы, это уже свершилось!..

И показал своему другу газету.

Земпилот прочел и нервно звякнул шпорой:

— Картечь и бомба!..

(Он два раза ездил на фронт с подарками для армии и с тех пор в разговоре всегда употреблял военные обороты и словечки.)

Он теребил в волнении усы, нежно завитые колечками, и с жаром говорил:

— Понимаешь ли, друже, ведь это — штыковой удар!.. А главное, так неожиданно и так молниеносно!..

Земгусар ничего не ответил.

Он по-прежнему сидел, развалившись в кресле, смотрел на принесенные недавно из магазина новенькие блестящие погоны с причудливыми выкрутасами и плакал.

Земпилот утешал его:

— Не плачь, милый Земгусар, мы еще увидим плечи в погонах, мы еще услышим звяканье шпор и шашек!..

(...)

До отмены формы оставался месяц.

Приятели вспомнили совет одного мыслителя:

— Живите так, как будто живете последний день!

И решили в этот последний месяц взять от жизни что только можно.

Конечно, с формой они не расставались ни на минуту.

А Земпилот так даже в ванну садился с кортиком.

Они показывались везде: на улицах, в театрах, в лучших ресторанах, на бегах.

И ежедневно снимались. В разных видах и позах.

Время летело незаметно.(...)

Роковой момент приближался.

Земгусар и Земпилот снялись в последний раз:

Земгусар в полной форме. На боку шашка. В руках — походный бинокль.

Впереди — туча. Это неприятель...(…)

Земпилот снялся на аэроплане...

Он поднимается над вражеским лагерем... Все выше и выше... Лицо грозное, неумолимое... В обеих руках бомбы...»

После Февральской революции, когда солдаты начали подвергать офицеров самой настоящей обструкции, «земгусары» поспешили в числе первых отказаться от атрибутов бывшего великолепия — погон, шашек, кортиков.

НЕМЦЫ И АВСТРИЙЦЫ

Немцы, еще немцы и еще немцы.

К. Д. Бальмонт.

Любовь и ненависть.

а девятый день войны русские войска еще только готовились вступить в бой на западной границе, а в Москве уже появилось сразу несколько тысяч военнопленных. Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Адрианов одним росчерком пера взял в плен проживавших в Москве немцев и австрийцев. Деваться им было некуда, поскольку Обязательное постановление градоначальника, основанное на законах Российской империи, не подлежало иному толкованию:

«Все без исключения проживающие в пределах Московского градоначальничества германские и австрийские подданные мужского пола в возрасте от 17 до 45 лет считаются военнопленными, ввиду чего они должны явиться к уездному воинскому начальнику в Крутицкие казармы 30 сего июля, в 10 часов утра, со всеми документами о личности и об отношении к отбыванию воинской повинности.

Лица, кои окажутся виновными в неисполнении или нарушении сего обязательного постановления, подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на 3 месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3 тысяч рублей.

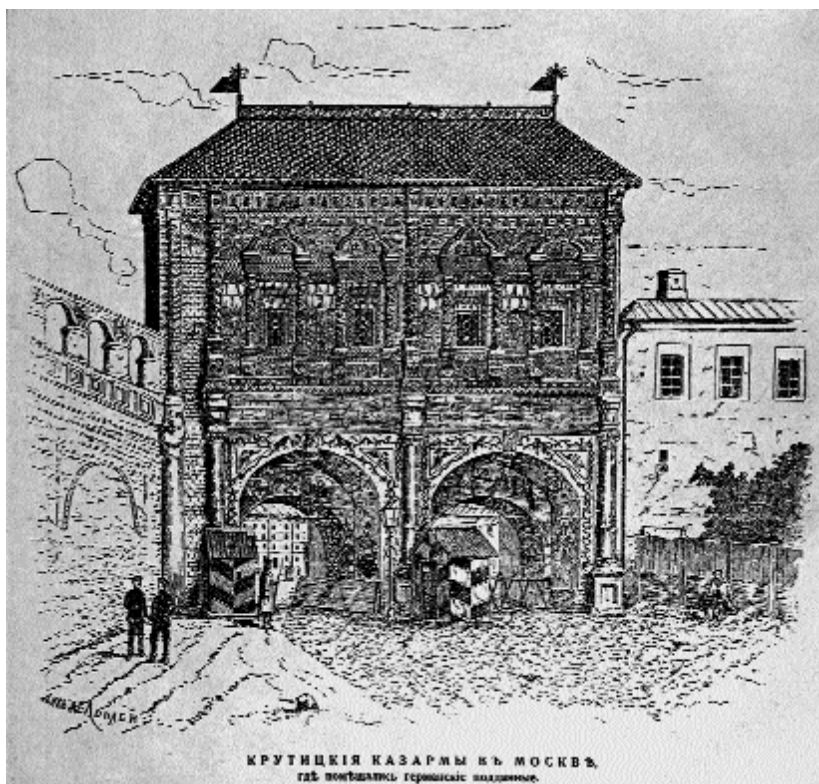
Настоящее обязательное постановление не распространяется на австрийских подданных чехов и славян и на германских подданных эльзас-лотарингцев, получивших надлежащие удостоверения от французского консула».

Интересно, что среди московских немцев нашлось только два человека, почему-то решивших пренебречь распоряжением главноначальствующего. Иоганну Катту и Фридриху Богнеру, легкомысленно опоздавшим с явкой к воинскому начальнику, пришлось на три месяца отправиться в тюрьму.

Всего же, согласно данным московской полиции, к началу войны в Москве проживало примерно 7500 подданных Германии и Австро-Венгрии. Значительная часть из них не попадала под действие Обязательного постановления от 28 июля по причине возраста или этнической принадлежности (славяне, итальянцы, эльзас-лотарингцы). По распоряжению МВД в число военнопленных не включали больных, а также лиц, чью лояльность могли подтвердить местные власти. Понятно, что в категорию военнообязанных не входили женщины.

По сообщениям газет, к концу августа «в прекрасных просторных помещениях» Крутицких казарм собралось три тысячи немцев и австрийцев, проживавших в Москве. Еще две тысячи их соотечественников прибыли из других мест. В репортажах из Крутиц журналисты утверждали, что подданные Вильгельма и Франца-Иосифа ни в чем не испытывали нужды: получали казенную пищу и родные навещали их без всяких препятствий. Да и томиться им было недолго — власти планировали начать высылку военнопленных на жительство в северные губернии в первых числах сентября.

Следом за военнопленными должны были последовать члены их семей. Можно себе представить, каким кошмаром представлялась им перспектива оказаться вместо привычных комфортных условий столичного города в никому не ведомой глуши. В последней надежде получить хоть какой-нибудь документ, позволявший задержаться в Москве, родственники высылаемых немцев и австрийцев устремлялись в американ-

Крутицкие казармы

ское консульство. После разрыва дипломатических отношений с Россией представлять интересы граждан Германии и Австро-Венгрии взяла на себя консульская служба США. О том, что творилось в те дни в американском консульстве, рассказала газета «Утро России»:

«В тихом обычно Архангельском переулке у Чистых прудов, где в большом белом доме, осененном звездным флагом С[еверо]—А[мериканских] Соединенных Штатов, приютилось американское консульство, царит необычайное оживление.

С раннего утра у подъезда консульства толчея ужасная.

Подъезжают автомобили, извозчики, непрерывным натиском струятся пешие.

Звучит иностранная речь — немецкая, польская, чешская. Немецкая преобладает.

Вся эта толпа — на две трети состоящая из женщин — вливается в маленькие тесные комнатки консульства, заполняет их густой, плотной массой.

Более или менее свободно только в кабинете самого консула, хотя и сюда проникают некоторые наиболее энергичные из толпы и донимают просьбами консула и его помощников.

— Мы, в сущности, бессильны, — говорят служащие консульства. — Посудите сами — что мы можем сделать?.. Все, кого вы здесь видите, — жены, сестры и дети германских и австрийских подданных, задержанных в Крутицких казармах в качестве военнопленных. Семьям их предстоит высылка в северные губернии — завтра последний срок.

Единственное, чем мы, взявшие на себя защиту интересов германских и австрийских подданных в России, можем помочь им, — это выдачей удостоверений тем, кто по национальности своей — не немец или австриец, а поляк, чех, русин, словом — славянин. Этих, вероятно, оставят, а остальных, конечно, вышлют.

К счастью, нуждающихся в этой толпе не много — процентов десять, не больше. Это семьи ремесленников, рабочих. Положение их тяжелое... Германское и австрийское консульства, ликвидируя свою деятельность в Москве, передали нам только списки... Каких-нибудь средств на удовлетворение нужды этих людей они нам не оставили...

У дверей консульского кабинета давка. Взволнованные, наплаканные глаза женщин, угрюмые лица мужчин.

На улице толпа русских зрителей.

Ни одной насмешки, ни одного бранного слова.

Отношение удивительно спокойное, сдержанное, даже больше — сочувственное...

— Что они, что ли, враги наши? — слышится в толпе. — Все ихний Вильгельм проклятый мутит, а они вот страдай...

— Господи-Господи, спаси ты прегрешения наши! — шепчут бабы, смахивая набегающие слезы...»

Из-за огромного наплыва австрийцев и немцев в американском консульстве пришлось открыть специальный отдел, набрав в него служащих, свободно владевших немецким языком. И после высылки военнопленных американским дипломатам хватало работы. К ним продолжали обращаться австрийские и германские подданные, имевшие проблемы с паспортами. Через консульство они получали от российских властей разрешение на выезд на родину — кружным путем: через Финляндию, Швецию и Данию, а также средства на дорогу, которые поступали из немецких благотворительных организаций.

С наступлением холодов консульские работники взвалили на себя и обязанность по снабжению военнопленных теплой одеждой. Работа эта осложнялась тем, что подопечные дипломатов оказались размещены на обширной территории, начиная от центральных губерний России и заканчивая Уралом и Поволжьем.

В начале ноября 1914 года прошла вторая волна высылки военнопленных. На этот раз их не собирали в одном месте, а просто вручали повестки с предписанием выехать на Север. В газетах сообщалось, что среди этих переселенцев были бывшие «постояльцы» Крутицких казарм, избежавшие высылки в сентябре. Как правило, им удавалось задержаться в Москве, подав прошение о переходе в российское подданство, но, видимо, по каким-то причинам им было отказано.

В исследовании В. Деннингхауса «Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494—1941)» приводятся такие цифры: из двух тысяч немцев и австрийцев, подлежащих высылке, к декабрю 1914 года Москву покинули 1413 человек.

Решением Совета министров от 3 декабря 1914 г. разрешалось оставить на прежнем месте жительства германских и ав-

стрийских подданных, родившихся в России и проживших в ней свыше 25 лет либо такой же срок занимавшихся педагогической деятельностью или иным личным трудом. Не подлежали высылке ближайшие родственники военнослужащих армии и флота¹, а также те, кто до начала войны заявил о желании перейти в российское гражданство и их просьбы находились в стадии рассмотрения.

Интересное замечание о высылке немцев записал в дневник в январе 1915 года Н. М. Щапов: «Из Москвы немцев уже выслали, но при высоких связях одни из них живут благополучно в своих квартирах, а другие хоть и под арестом, но в Москве: якобы их документы затерялись».

Чтобы не обременять высылаемых военнопленных лишним имуществом, городские власти конфисковали у них лошадей, повозки и упряжь. Для продажи этого имущества, предварительно оцененного в 13 тысяч рублей, были устроены четыре аукциона. Однако уже на первом из них, прошедшем при Сретенской части, вырученная сумма превзошла все ожидания. Московский репортер, побывавший на месте события, оставил описание увиденного:

«Во дворе Сретенского полицейского дома тысячная толпа снует около выставленных на продажу лошадей, повозок, саней и всякого рода упряжи. Как гласит объявление, это — предметы, реквизированные у австрийских и германских подданных. Ввиду негодности для военных нужд они распродают с торга.

Мелькают котелки, барышнические блинообразные картузы, вязаные платки... Есть даже несколько страусовых перьев — породы экзотической и неожиданной.

¹ В рядах Российской армии сражались 300 тысяч немцев. См.: М. фон Хаген. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи. Россия и Первая мировая война. // Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 402. Цит. по: Сергей Фомин. Уничтожение котелков — www.pravaya.ru

Мальчишки, как галчата, облепили всю крышу соседнего дома и оттуда подают время от времени довольно решительные реплики.

Целая вереница экипажей еще задолго до торгов протянулась от Сретенской части почти к Петровскому бульвару.

К одной из колясок привязана, видимо, только что купленная лошадь.

Старичок-кучер любовно обтирает ее лоснящуюся шерсть тряпкой.

— Сколько отдали?

— Триста рублей, барин... Так что лошадка немецкая, а кровь в ей очинно даже хорошая. Семи годков только...

— Так... так...

Во дворе шум, гам, остроты, смех. Теснота невообразимая. Барышники “режутся” не на жизнь, а на смерть...

— 120...

— 123...

— 125...

— 126...

— Раз, два, три... 126, продана...

— Пони “Нелли” — лошадь из цирка. Рост — 1 аршин 11 вершков. Цена 50 рублей! — кричит пристав.

— Господин, ваше благородие, — доносится голос, — дозвольте... прикажите лошадь кверху поднять, а то не видно...

Раскатистый смех проносится по толпе.

Многие из торгующихся “для удобства обозрения” забрались на передки продаваемых экипажей.

Городовой гонит:

— С сиденья, покорно прошу, слезть!..

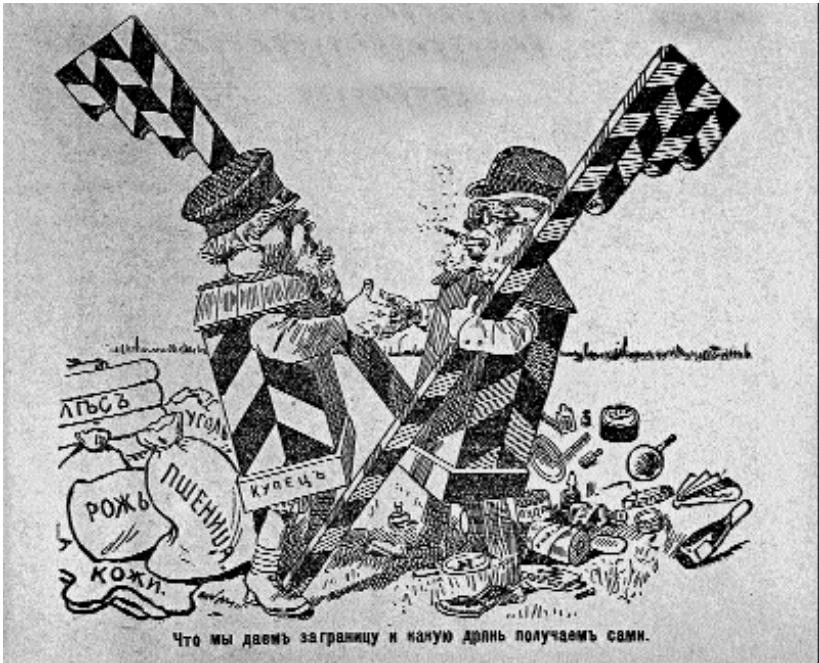
Слезать нельзя сказать чтобы охотно. Бурчат:

— Ч-черт! Жалко тебе немецкой оглоблины?

— Никак не возможно... Казенное имущество, — разводит руками...

— 147...

— 148...

Выгодный обмен товаров. Карикатура

— 200...

— Ваше благородие, лошадь как есть брыкается. Венгерская, должно быть...

Смех.

— Ку-пил, — цедит скептически чей-то осипший голос, — та-ра-тай-ка! Как я посмотрю, в ней, должно быть, Вильгельм во Францию ездил, да не доехал... Тоже сто рублей!.. Господи!.. Сто рублей?! Ох-хо-хо!.. Грехи наши тяжкие...»

Не менее успешными были и три прошедших позже аукциона. В конечном итоге распродажа лошадей и экипажей принесла казне свыше 32 тысяч рублей.

Практически все австрийцы и немцы, чье имущество было реквизировано, расстались с ним безропотно. В газетах про-

мелькнуло сообщение лишь об одном случае неповиновения — некий А. И. Лоок оказался на скамье подсудимых «за сокрытие при мобилизации двух лошадей». На суде немец объяснил, что одна из лошадей была доверена ему знакомым, выехавшим за границу, и он не счел себя вправе распоряжаться чужой собственностью.

Вторую лошадь, его собственную, Лоок оставил в конюшне, действуя строго по закону. Согласно Конвенции о торговле и мореплавании, заключенной между Россией и Германией, конское поголовье, принадлежавшее гражданам этих государств, не подлежало мобилизации. Действие Конвенции было прекращено царским указом от 28 июля 1914 года, тогда как мобилизация началась 17 июля. Как только вышло распоряжение верховной власти, Лоок отдал лошадь. По последнему эпизоду суд признал правоту Лоока, а вот за лошадь приятеля ему не удалось избежать наказания. Три месяца тюрьмы или 500 рублей штрафа — таков был предложенный ему выбор.

Из-за странной нерасторопности московские власти только на третьем месяце войны обязали немцев и австрийцев сдать все огнестрельное оружие, разрешения на него, а также патроны. Соответствующее постановление было подписано генералом Адриановым 12 октября 1914 года. За неподчинение нарушителям грозило стандартное наказание — штраф в три тысячи рублей или трехмесячный арест.

Параллельно с переходом движимого имущества австрийских и германских подданных в руки новых хозяев владельцы некоторых объектов московской недвижимости спешили избавиться свою собственность от любого намека на принадлежность к «немцам». В спешном порядке менялись вывески на некоторых заведениях. Уже 1 августа *швейцарский* гражданин К. И. Клаузен объявил москвичам: «...я [...] — владелец ресторана-гостиницы “Берлин”, проживая в Москве и владея фирмой 35 лет, в настоящее время СЧИТАЮ своим ДОЛГОМ переименовать вышеозначенную фирму в ресторан и гостиницу “ПАРИЖ—АНГЛИЯ”». Вероятно, такое странное название

должно было увековечить союз России со странами Антанты.

На следующий день из перечня развлекательных заведений исчез «Немецкий клуб», просуществовавший с 1819 года. Вместо него появился «Московский Славянский клуб», члены которого, кроме переименования, дружно проголосовали за исключение из своих рядов всех австрийских и германских подданных.

Зато Немецкая улица, несмотря на требования ультрапатриотов, сохранила свое историческое название. На заседании Московской городской думы 19 августа 1914 года было оглашено письмо обывателей, требовавших избавить их от позора, связанного с проживанием на «германской» улице¹. Гласный Н. А. Шамин тут же предложил новый топоним — «Пушкинская». Это была его давнишняя мечта — увековечить на карте города место рождения великого русского поэта. Однако городская дума не стала спешить с переименованием. Большинство гласных прислушалось к мнению В. В. Пржевальского и И. С. Кузнецова: «немцами» называли всех иностранцев, селившихся в XVII веке в той местности, и к нынешним германцам они не имеют никакого отношения.

Не повлияло на гласных и обращение Комиссии исторических надписей при Военно-историческом обществе, в котором предлагалось переименовать Немецкую улицу в «Иноземскую».

Второй раз это название прозвучало в выступлении гласного Н. Л. Казецкого. На заседании городской думы 28 октября, когда снова всплыл вопрос о Немецкой улице, он пред-

¹ По патриотическим мотивам 18 августа 1914 г. верховная власть заменила «немецкое» название столицы России Санкт-Петербург на Петроград. Другую причину — «неудобство в сношениях» — называли жители слободы Хасаф-Юрт Терской области, прося переименовать в «однозначные с русскими» названия поселений немецких колонистов: Мариенфельд, Кронсфельд, Нейгофбург, Остгейм, Шенфельд, Эбенфельд, Фрейденфельд, Эйгенгейм и др.

К смене немецких вывесок. Карикатура

ложил написать на табличках два наименования улицы: «Немецкая» и «Иноземская». Пусть, мол, жители сами подписывают почтовую корреспонденцию приемлемым для них адресом. Но и на этот раз сторонники переименования потерпели поражение. Решением большинства гласных «во имя памяти

Петра Первого и его учителей немцев-голландцев», живших в слободе Кукуй, превратившейся со временем в Немецкую улицу, было сохранено историческое название.

«Немец, убирайся на Кукуй!» — кричали жители средневековой Москвы, не желавшие оскверниться общением с иностранцем. В 1914 году это выражение уже было основательно забыто, но выходцам из германских земель, в одночасье ставшим чем-то вроде прокаженных, от этого не становилось легче. Фридрих Штайнман, испытывавший на себе гонения военного времени, писал в мемуарах:

«В одно мгновение изменилось положение немцев России, обитателей русских городов, торговцев, ремесленников, литераторов, гордых культурными достижениями своими и своих отцов, не особенно любимых русскими, но все-таки уважаемых. В одну ночь они превратились в гонимые парии, людей низшей расы, опасных врагов государства, с которыми обращались с ненавистью и недоверием. Немецкое имя, прежде столь гордо звучащее, стало ругательным выражением. Многие добрые друзья и знакомые среди русских прервали с нами всякое общение, избегали наших визитов и приглашений к себе в гости и даже не отвечали на приветствие при встрече на улице...»¹

Следует отметить, что в начале XX века среди иностранных колоний в Москве немецкая была самой многочисленной — свыше 20 тысяч человек². Немалую часть московских немцев составляли подданные России, принадлежавшие к Православной церкви. Например, до 1905 года, по законам Российской империи, детей, рожденных в смешанных браках, в обязательном порядке крестили в православие. Многие из предпринимателей немецкого происхождения настолько срослись с Рос-

¹ Д е н н и н г х а у с В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494—1941). М, 2004. С. 329.

² Н и н а М о л е в а. О национальном составе населения в Москве / Этносфера. 2002. № 5. www.etnosfera.ru

сией, что стали неотъемлемой частью ее истории. Так, заслуги барона А. Л. Кнопа в становлении русской текстильной промышленности отразились даже в фольклоре. «Что ни церковь — то поп, что ни фабрика — то Кноп» — ходила в свое время такая поговорка.

Если же рассматривать сосуществование немцев и русских на бытовом уровне, то все точки соприкосновения не поддаются подсчету. Как и то, сколько детей в российских семьях было воспитано немками-боннами. В каждой московской аптеке говорили по-немецки. Заслуженной славой лучших заведений города пользовались рестораны и гостиницы «Альпийская роза», «Савой», «Билло», «Вельде». Как теперь ни удивительно, но традицию под Новый год ставить и украшать в домах елки москвичи переняли именно от немцев.

С момента объявления войны московские немцы сразу же превратились в объект неприязни, а со временем и открытой ненависти.

Первым отчетливым проявлением германофобии стало изгнание австрийцев и немцев, по примеру Славянского клуба, из различных общественных организаций. Купеческий клуб, Архитектурное и Фотографическое общества, Кружок правильной охоты, Общество взаимопомощи оркестровых музыкантов, Вспомогательное общество коммивояжеров, любители аквариума и комнатных растений — дня не проходило, чтобы то или иное сообщество не объявило об исключении из своих рядов подданных вражеских государств.

В Литературно-художественном кружке заявление о необходимости избавления от немцев подписали И. Л. Толстой, А. А. Бахрушин, А. И. Южин и другие видные русские интеллигенты, но единства по этому вопросу не было. Нашлись люди, возражавшие против позорной акции, и руководство Кружка, стремясь избежать скандала, предложило кандидатам на отчисление самим подать в отставку.

Бурно прошло «очистительное» заседание Общества любителей охоты: «немецкая» группировка вместо «исключения» на-

стаивала на принятии формулировки «временное устранение» (до окончания войны). Тем не менее «русаки» победили — немцев однозначно исключили, оговорив, что прием заново возможен только с санкции общего собрания. Не удержались в составе правления А. А. Гезе и П. В. Бухгольц. Вместо них руководителями охотников были избраны И. Е. Смирнов и Г. И. Гоголь-Яновский.

В конце октября 1914 года изгнание граждан враждебных России государств из общественных организаций получило официальный статус. Главноначальствующий над Москвой издал распоряжение, согласно которому руководство всех общественных союзов должно было не только провести чистку своих рядов, но и представить властям соответствующий отчет. На этот раз, кроме немцев и австрийцев, изгнанию подлежали турецкоподданные¹.

Последнее газетное сообщение под рубрикой «Исключение германских и австрийских подданных» датируется восьмым февраля 1915 годом. В нем сообщалось, что Общество любителей российской словесности провело заседание на заданную властями тему, но кандидатов на изгнание среди своих членов не обнаружило. Как выяснилось при разбирательстве, единственный немец, числившийся в списках, успел к тому моменту умереть.

Впрочем, обиды изгнанных из клубов и кружков собратьев по увлечениям — фотографов, аквариумистов, охотников и прочих господ — меркли на фоне страданий, которые пришлось испытать детям подданных Австро-Венгрии и Германии. Всех их поголовно исключали из средних и высших учебных заведений. В некоторых гимназиях отчисленных

¹ 16 (29) октября 1914 г. в войну против России вступила Турция. В это же время выяснилось, что защищать интересы турецкоподданных в Москве некому. После смерти банкира Л. С. Полякова (1842–1914) должность почетного консула Турции оказалась вакантной.

Муж. Знаешь, мы купили товаръ въ пѣмецкомъ магазинѣ.

Жена. Развѣ? Но вѣдь на выѣскѣ русская фамилія.

Муж. Что жъ изъ этого. По паружности и я смахиваю на порядочнаго человѣка.

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
Пленных немцев ведут в Крутицкие казармы

немцев считали десятками, в мужском училище при лютеранской церкви Петра и Павла не смогла продолжить образование сразу треть учеников (в литературе встречается и другая цифра — четвертая часть).

Около сотни московских студентов — австрийцев и немцев — были лишены возможности продолжить образование. Десятка два из них, видимо самые упорные, окончательно были «выдавлены» из московских вузов в октябре: им просто не выдали разрешения на посещение занятий. Их соплеменники — абитуриенты 1914 года — без всяких объяснений получили обратно свои прошения о приеме на учебу. Даже студенты Духовной академии обратились к властям с требованием исключить представителей «вражьего стана», а освободившиеся стипендии передать русским.

Несладко пришлось и немцам-педагогам. Например, в упомянутом Петропавловском училище их было семь. Двое предпочли остаться в Германии, трое (директор училища Пакк и две учительницы) перешли в русское подданство, а

вот преподаватели Нире и Зюсенгут были задержаны полицией и высланы из Москвы. Арест последнего, статского советника О. Ю. Зюсенгута, вызвал особенно много толков. Он прожил в России 30 лет и был уже стариком, но у него почему-то отобрали всю переписку, а само следствие велось в строжайшей тайне.

В сложной ситуации оказались германские подданные — служащие Городской управы. На запрос гласного А. С. Шмакова (известного борца с засильем инородцев) Управа ответила, что среди ее работников насчитывается всего 17 «немцев», которые давно обрусели и лишь формально числятся иностранными подданными. Подавляющее большинство из них составляют женщины-славянки. Исходя из этого, Управа сочла возможным их всех оставить на службе.

Какими разумными ни представлялись доводы Городской управы, услышаны они были далеко не всеми. Или же вопрос о немцах просто послужил кому-то удобным поводом для сведения партийных счетов. Так или иначе, но на страницах «Утра России» появилась гневная отповедь Георгия Ландау, отразившая настроение немалой части московского общества:

«И вот, когда в России, в Польше, в Москве нужда растет с каждым днем, а в Московской городской управе даже не принимаются прошения о занятиях, среди городских деятелей находятся умники, ратующие за оставление на городской службе германских подданных.

Господину Астрову кажется, что он выбрал самый удачный момент для проповеди широкой гуманности всепрощения и любви к ближнему. Высоко над толпой стоит г. Астров, и нет для него ни эллина, ни иудея. Велика кроткость его, и неисчерпаем источник милосердия.

И посрамленный величием его духа, отступает, терзаясь, немец. И уже счастливо, хотя и сквозь слезы, улыбаются, возвращаясь с не принятыми прошениями русские.

— Господа, — говорят защитники немецких подданных. — Ну за что же их увольнять? Люди чуть не всю жизнь прожили

в России, частью даже православные и, наконец (чего же еще хотите от них?!), когда объявили войну, подали прошение о принятии их в русское подданство.

Защитникам почему-то кажется, что столь долговременное пребывание немецких подданных в России есть обстоятельство, говорящее в их пользу. Как раз напротив.

Это доказывает только то, что у этих людей не было настолько уважения к приютившей их нации, что они в течение всей жизни даже не удосужились совершить несколько простых формальностей для перехода в новое подданство.

Это — во-первых.

Во-вторых, у этих людей всегда было достаточно здравого, практического смысла, чтобы понимать, что иностранным и в особенности немецким подданным жилось в России лучше, чем русским.

Объявление войны должно было означать наступление другого порядка вещей — вот и все. И можно быть смело уверенным, что количество прошений о переходе немцев в русское подданство с датой конца июля очень значительно.

Ясно, что удовлетворение таких прошений стояло в полной противоположности с интересами русских и России.

Поэтому решение Городской Думы о недопустимости на городской службе подданных воюющих с нами государств, за исключением славян и лиц, подавших прошения о переходе в русское подданство до начала военных действий, следует принять с очень большим удовлетворением. Последнее тем более законно, что вопрос был решен громадным большинством голосов».

Понятно, что обстановка для московских немцев была не слишком комфортной, но нельзя сказать, что все они, подобно напуганным мышам, сидели, забившись в норы. Некоторые дамы и господа вели себя довольно дерзко по отношению к окружавшим их русским. Так, по сообщениям газет, во время сбора средств в помощь жертвам войны рабочий Московского металлического завода Иоганн Клистнис «позволил се-

бе неприличный хулиганский поступок». А Пауль Кихерер и Вильгельм Вальтер, проходя на Тверской мимо офицера, громко сказали: «О, эти русские свиньи». Все они постановлением главноначальствующего были отправлены под арест на три месяца.

Но, пожалуй, самым удивительным был случай, произошедший в трамвае маршрута номер шесть. По описанию репортера «Утра России», конфликт начался с того, что некая дама «громко и с вызывающим видом» разговаривала по-немецки с соседкой. Стоявший рядом с ними студент заметил, что бестактно по нынешним временам терзать слух окружающих немецкой речью. В ответ дама обрушилась с бранью на «мальчишку», посмеявшего сделать ей замечание. Затем, видимо войдя в раж, немка крикнула: «Посмотрим еще! Может быть, через месяц наши будут в Москве!» — и попыталась ударить зонтиком ошеломленного студента. Впрочем, тот не растерялся и встретил злобную фурию пощечиной. Финалом трамвайной драмы стало составление протокола в полицейском участке.

Также не обошлось без вмешательства полиции при инциденте, случившемся возле кондитерского магазина «Эйнем» на Петровке. А началось все с того, что две дамы, собиравшиеся войти в торговое заведение, были остановлены каким-то господином. Он принялся их убеждать, что во время войны покупать что-либо у немцев непатриотично. Женщины согласились с оратором и не стали заходить в магазин. В этот момент на улицу выскочил швейцар и накинулся на агитатора-патриота, угрожая полицией и протоколом. Возникший скандал действительно пришлось улаживать блюстителям порядка.

По всей видимости, происшествия такого рода были не единичными и сильно вредили торговле. Стараясь спасти положение, правление «Поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества паровой фабрики шоколада, конфет и чайных печений «Эйнем» в Москве» опубликовало в газетах 31 августа 1914 года специальное обращение:

Немецкое засилье.

Карикатуры из журнала «Заря»

«Каждое торговое дело, заслужившее репутацию солидного и добросовестного предприятия, вызывает у многих зависть и заставляет прибегать подчас к неразумным выходкам, к поступкам некрасивым и непорядочным.

В текущие дни священной борьбы России с надменным врагом некоторые лица, по неведомым, быть может, даже корыстным целям, воспользовавшись нерусской фамилией главы нашей фирмы, стали распускать в Москве столь же чудовищные, сколь же и вздорные слухи.

Базируясь на нерусском наименовании фирмы, недоброжелатели обвиняли нас не только в германофильстве, но и во всяких своих измышлениях, желая как бы тем нанести вред нашему предприятию.

Не следовало бы вступать в полемику с такими лицами, но мы вызваны на это нравственною обязанностью показать русскому обществу суть нашего дела в истинном свете.

Наша фирма, основанная в Москве в 1851 году, существует 63 года, и существует с честью. Глава нашей фирмы — председатель правления и главный пайщик Товарищества, не только русский подданный по общественному положению, но и по глубокой преданности России; он удостоен почетного звания коммерции советника.

Состав Управления состоит большею частью из русских подданных; рабочие и служащие, которых на фабриках наших до 3500 человек, — все русские, за исключением лишь некоторых мастеров, специалистов по отдельным отраслям многообразного производства на наших фабриках.

Товар наш вырабатывается из русских материалов и местных продуктов, за исключением лишь тех, которых в России нет.

Фирма наша, заслужив высшие награды на русских и иностранных выставках, в 1896 году удостоена Государственного герба, а в 1913 году — звания Поставщиков Двора Его Императорского Величества.

В заключение, нарушая скромность единственно ради того, чтобы ознакомить общество с неизменным направлением нашего Товарищества по отношению ко всему русскому, мы считаем уместным дополнить, что наша фирма учредила при фабриках своих в Москве и Симферополе лазареты для семидесяти пяти раненых русских воинов, послала на театр войны пять вагонов специально изготовленного для войска печенье, сделала денежное пожертвование, обеспечила семьи ушедших на поле брани рабочих и служащих и готова и впредь, как и всегда, на посильные жертвы и помощь для той же цели.

С этим разъяснением мы обращаемся к русскому обществу в глубокой уверенности, что лучшие люди поймут нас и осудят гнусные измышления наших недоброжелателей».

Возможно, «лучшие люди» и вняли голосу разума, но на остальных это обращение, судя по всему, никак не повлияло.

Спустя два месяца после его публикации магазины «Эйнема» на Петровке и Мясницкой подверглись нападению германофобов, перебивших все витрины. В феврале 1915 года в рамках «борьбы с немецким засильем» по указу Николая II фирма «Эйнем» была лишена права помещать где-либо изображение российского государственного герба. В том же году, во время майских погромов (о них речь пойдет ниже), ее кондитерские магазины были разнесены «в щепки».

В конце концов, перед властями встал вопрос о секвестровании товарищества «Эйнем», но его окончательное решение из-за медлительности царской бюрократии затянулось вплоть до падения самодержавия.

К здравому смыслу попытался воззвать и личный почетный гражданин В. П. Колобовников, обратившийся к москвичам со страниц «Утра России» с таким посланием:

«10-го октября демонстрантами был разгромлен гастрономический магазин на Мясницкой, ранее носивший название “Дрезден”».

Заявляю, что владелица магазина, теща моя Вильгельмина Владимировна Карр — русская подданная со дня своего рождения по сие время и торгует в Москве свыше 30 лет. Я также причастен к делу, потому убедительно прошу не проявлять более репрессивных мер в отношении русской фирмы, как это имело место 10-го октября».

Бывшему «Дрездену» не помогла смена вывески. В числе других 26 немецких магазинов и фирм он пострадал от «патриотической» манифестации. Демонстранты прошли по центральным улицам, не оставив у «вражеских» заведений ни одной целой витрины. Магазин «Мандель» на Софийке потерпел ущерб в 20 тысяч рублей, в доме Кузнецова на Мясницкой, где размещались магазины Тегелера и братьев Беллер, стекол набили на 17 тысяч. В остальных местах убытки исчислялись от нескольких сотен рублей до двух-трех тысяч.

Господину Колобовникову было невдомек, что его обращение сродни гласу вопиющего в пустыне.

Во-первых, у погромщиков-«патриотов» на руках были своего рода «проскрипционные списки» — книга «Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 год. Указатель австро-венгерских и германских промышленно-торговых и торговых фирм в Москве» (М., 1914), изданная стараниями Московского отдела Всероссийского национального союза. Этот справочник содержал не только перечень торгово-промышленных заведений, принадлежавших носителям немецких фамилий, но и их домашние адреса, телефоны, сведения о расположении загородных домов.

Во-вторых, довольно скоро погромщики стали бить «врагов», как говорится, «не по паспорту», а всех, кто подвернется под руку.

Наиболее ярко это проявилось во время трагических событий, произошедших в Москве 27—29 мая 1915 года, — так называемых «немецких погромах», вставших в один ряд с прочими русскими бунтами, «бессмысленными и беспощадными».

Началось все с казалось бы незначительного эпизода. 26 мая несколько десятков женщин собрались на Тверской возле дома генерал-губернатора. Здесь располагался благотворительный комитет, который возглавляла великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра императрицы. По заказу этого комитета жены солдат, воевавших на фронте, шили белье для армии, зарабатывая тем самым на содержание семей. Но в тот день в работе им отказали. Более того, в ответ на возмущение солдаток заведующая производством обругала и женщин, и их мужей-фронтовиков — мол, какие они героини, если крепость Перемышль брали у немцев несколько месяцев, а отдали за один день.

Как это часто бывает, благодаря вмешательству прохожих женская перепалка превратилась в импровизированный митинг. Теперь уже ругательства понеслись в адрес великой княгини, самой императрицы и немцев вообще. Надо сказать, что в то время о бывших гессенских принцессах по Москве ходили самые чудовищные слухи. Молва напрямую обвиняла

Елизавету Федоровну в том, что она укрывает за стенами Марфо-Мариинской обители своего брата, немецкого офицера, через которого передает шпионские сведения.

Наряд полиции рассеял митинговавших. Женщины отправились к дому главноначальствующего над Москвой и подали князю Ф. Ф. Юсупову коллективную жалобу. После этого они разошлись, но, как выяснилось позже, эстафету уже приняли мужчины.

Примерно полторы тысячи рабочих ситценабивной фабрики Гюбнера в ультимативной форме потребовали от администрации удалить всех служащих и рабочих из числа «немцев-эльзасцев». Русскому рабочему было непонятно: по какому праву тот, кто на его памяти всю жизнь числился немцем, с началом войны сразу превратился в охраняемого законом эльзасца, который не подлежит высылке из Москвы. Не добившись ответа, рабочие вышли на улицы. Само собой разумеется, толпа была расцвечена государственными флагами. Впереди несли портреты царя. Пение гимна сменялось криками «Долой немцев!».

Демонстранты направились к Прохоровской мануфактуре, где много рабочих слегли из-за дизентерии. Вспышку заразной болезни также приписывали козням немцев. Но подходы к фабрике были перекрыты цепью городских, и «гюбнеровцы» повернули вспять.

На следующий день толпа, уже насчитывавшая около 10 тысяч рабочих, осадила предприятие «Товарищества ситценабивной мануфактуры Эмиль Циндель» на Дербеневке. Управляющий фабрики «московский мещанин» Карлсен (швед по происхождению) запер ворота, но двое из демонстрантов перелезли через ограду и открыли засов. Стараясь им помешать, Карлсен ударил одного из них в лицо.

Весть о том, что «немцы наших бьют!», привела толпу в ярость. Не помогли ни увещевания местного пристава, ни прибытие на место градоначальника Адрианова, ни попытка директора спрятаться в конторе. Чиновник Министерства

Къ очищенію Россіи отъ нѣмецкаго
засилья.

Выход рабочих с фабрики товарищества «Э. Циндель». 1914 г.

внутренних дел Н. П. Харламов, проводивший расследование беспорядков, по свидетельствам очевидцев воссоздал весь ход событий:

«Толпа ворвалась в контору, переломала все вещи, взломала дверь в кабинет Карлсена, жестоко его избила, а затем повела его, всего окровавленного, во двор, “показать немца народу”. В это время на фабрику прибыл градоначальник, которого по телефону уведомили о происходящем. Рабочие обратились к нему с жалобой на Карлсена [...] Адрианов приказал одному из бывших тут же полицейских офицеров произвести дознание [...] Доклад околоточного надзирателя Колчева о том, что толпа сейчас избивает Карлсена, градоначальник, по-видимому, не расслышал и, сказав помощнику пристава

В августе 1914 г. москвичи встречали Николая II на Красной площади, чтобы выразить верноподданнические чувства

Унтилову: “Донесите депешей, кто здесь управляющий”, — сел в автомобиль и уехал.

После отъезда градоначальника рабочие отнесли Карлсена к реке, куда его и бросили. На берегу стояла огромная толпа народа, кричащая: “бей немца, добить его”... и бросала в Карлсена камни. Двум городовым удалось достать ветхую лодку без весел и втащить в нее барахтавшегося в воде Карлсена. Озлобленная толпа с криками: “Зачем спасаете?” — стала бросать камни в лодку. На берег в это время прибежала дочь Карлсена — сестра милосердия, которая, увидев происходившее, упала перед рабочими на колени, умоляя пощадить

ее отца. С теми же просьбами обращался к толпе полицеймейстер Миткевич, который, указывая на дочь Карлсена, говорил: “Какие же они немцы, раз его дочь наша сестра”. Но озверевшая толпа с криком “И ее забить надо” продолжала кидать камни. Лодка быстро наполнилась водою, Карлсен упал в воду и пошел ко дну. Было это в шестом часу дня...»

Еще одна кровавая трагедия разыгралась на соседней фабрике, принадлежавшей Роберту Шрадеру. В изложении Н. П. Харламова это выглядело так:

«...Часть тех рабочих, манифестировавших с Царскими портретами и национальными флагами, ворвались сначала в квартиру директора-распорядителя этой фабрики, уже выселенного с нее, германского подданного Германа Янсена, а затем в соседнюю квартиру русской подданной, потомственной дворянки Бетти Энгельс, два сына которой состояли прапорщиками Русской Армии. В квартире Энгельс пряталась жена Янсена — Эмилия Янсен, его сестра Конкордия Янсен — голландская подданная, и теща — Эмилия Штолле — германская подданная. Все четыре женщины были схвачены, причем двух из них — Бетти Энгельс и Конкордию Янсен — утопили в водоотводном канале, а двух остальных избили так сильно, что Эмилия Янсен умерла на месте избиения, а 70-летняя старуха Эмилия Штолле скончалась в больнице, куда была доставлена отбившею ее полицией.

Фабрику Шрадера толпа разгромила, а квартиру Энгельс подожгла, причем прибывшей пожарной команде не давали тушить пожара, а полиции убирать трупы убитых женщин. По словам полицейского пристава Диевского, пережившего ужасы московского вооруженного восстания 1905 года, он “ни тогда, ни вообще когда-либо в жизни не видел такого ожесточения, разъярения толпы, до какого она дошла к вечеру 27 мая. Это были точно сумасшедшие какие-то, ничего не слышавшие и не понимавшие”...»

Единственное, на что в тот день оказался способен градоначальник, это отдать приказ об удалении с московских фаб-

рик всех немцев. Погромщики же получили от него такую характеристику: «...толпа хорошая, веселая, патриотически настроенная». Сами события в городе генералом Адриановым были оценены как «обычное уличное буйство, которое теперь и прекратилось»¹.

С утра 28 мая работа была остановлена на всех заводах Москвы. Густые толпы заполнили улицы. На Никольской была разгромлена аптека товарищества Феррейн, снабжавшая, между прочим, медикаментами московские госпитали. Извлеченные из ее подвалов пять пудов спирта были распиты на месте. Действия полиции ограничились «взятием под охрану» немцев-предпринимателей — их свозили в тюрьму под защиту крепких стен.

Около полудня на Красной площади начался грандиозный митинг. Посол Франции Морис Палеолог с тревогой отметил в дневнике, что кроме проклятий в адрес немцев манифестанты громогласно требовали отречения царя и пострижения царицы в монахини. Единственным кандидатом на трон и верховное командование был объявлен великий князь Николай Николаевич.

Во втором часу народный гнев стал изливаться в виде конкретных действий. Первыми были разгромлены магазины «Эйнем» и «Циндель» в Верхних торговых рядах. Затем эпидемия погромов охватила все центральные улицы. За короткое время вдребезги было разнесено 8 магазинов и 7 контор. Кроме немцев, среди пострадавших оказались русские, французы и даже внештатный консул колумбийского правительства П. П. Вортман.

Очевидцы свидетельствовали, что в действиях погромщиков наблюдалась некоторая организованность. Поначалу они врывались не во все подряд заведения, а выборочно, руководствуясь какими-то списками. В. Деннингхаус приводит такой характерный факт: «В толпе, собравшейся у магазина Левинсона,

¹ Цит по: Деннингхаус В. Указ. соч. С. 341.

шли горячие споры, кто такой Левинсон — еврей или немец. Убедившись, что он еврей, толпа проходила мимо, но подходила новая манифестация, и все начиналось сначала...» Повезло и владельцу химико-технической лаборатории В. Э. Лисснеру. Выйдя к толпе, он в качестве доказательства своего российского подданства показал ополченскую книжку. Заведение было спасено, хотя владельцу пришлось снять с вывески герб Италии и медали с профилем итальянского короля — «патриоты» приняли их за австрийские.

Определенные принципы просматривались и в проведении самих акций. Магазины и конторы не грабили, а просто разметали в прах: били стекла, ломали мебель, прилавки, полки; товары портили и выбрасывали на мостовую. Начальник московского охранного отделения А. П. Мартынов писал об увиденном: «Когда я два дня спустя ехал по Неглинному проезду, лошадь моя шагала по грудам художественных изданий Кнебеля. Не лучше было и на многих других улицах». При разгроме фирмы Кнебеля были уничтожены рукописи и иллюстративный материал «Истории русского искусства» Игоря Грабаря. Из музыкального магазина Циммермана рояли и фортепиано летели на булыжную мостовую из окон второго этажа.

По описанию свидетеля, в момент погрома Кузнецкий мост представлял собой страшное зрелище: «По обеим сторонам улицы из многих магазинов летели вещи, грохотал треск, звенело стекло, лязгало железо. Впечатление увеличивалось до демонических размеров тем, что на всех улицах, пересекающих Кузнецкий, бушевала такая же буря разрушения».

Довольно скоро погромы стали сопровождаться грабежами. На Варварке в главной конторе торгового дома Вогау и К° были взломаны несгораемые шкафы, откуда пропали все деньги. Также погромщики поступили с товарами на складах. В завершение здание фирмы было предано огню. И таких мест по Москве было множество.

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
Пленные из Перемышля на улицах Москвы.
Фото В. А. Быстрова

На Красной площади образовалось стихийное торжище, на котором всем желающим предлагалось добытое во время погромов.

К ночи на 29 мая «патриоты» перестали разбирать, кто — немец, кто — нет. Так, на Большой Спасской типолитография, которой владела «вдова прусского подданного» Прасковья Дмитриевна Гроссе, была атакована толпой в несколько тысяч человек. Несмотря на предъявленные документы, свидетельствовавшие, что хозяйка — купчиха второй гильдии и российская подданная, предприятие было разгромлено и подожжено. Пожаром была уничтожена вся готовая продукция: ноты, напечатанные для Румянцевского музея, Большого театра, консерватории, Синодального училища, Сергея Рахмани-

нова.

Приехавший в Москву 2 июня Н. П. Харламов увидел следы многих пожаров: «Проезжая с Николаевского вокзала [...], я был поражен видом московских улиц. Можно было подумать, что город выдержал бомбардировку вильгельмовских армий. Были разрушены не только почти все магазины, но даже разрушены некоторые дома, как оказалось затем, сгоревшие от учиненных во время погрома поджогов. В числе наиболее разгромленных улиц была, между прочим, Мясницкая, на которой, кажется, не уцелело ни одного магазина, и даже с вывеской русских владельцев...»

Наконец-то спохватившись, 29 мая власти принялись наводить порядок с помощью войск. Нескольких ружейных залпов оказалось достаточно, чтобы в городе воцарилось спокойствие. Правда, к жертвам погромов добавились пострадавшие во время усмирения толп: шестеро погибших от пуль и десять человек, задавленных при возникшей панике.

Расследованием, проведенным по горячим следам, было установлено, что в беспорядках участвовало около ста тысяч москвичей. Банды погромщиков действовали не только в самой Москве, но и в ее окрестностях. Пострадавшими были признаны 113 германских и австрийских подданных, а также 489 подданных Российской империи с иностранными и 90 — с чисто русскими фамилиями. Убытки составили более 50 миллионов рублей.

Конкретных зачинщиков беспорядков выявить не удалось. Одно было установлено бесспорно: столь трагические масштабы происшествия были вызваны бездействием московской полиции. Более того, градоначальник Адрианов был даже замечен во главе шествия погромщиков. Правда, следователи постарались обойти молчанием тот факт, что фактически у полиции оказались связаны руки. По неоднократным распоряжениям МВД было запрещено применять силу для разгона патриотических демонстраций. Единственное, что

разрешалось полицейским, — действовать уговорами.

Виновными признали главноначальствующего над Москвой князя Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон и градоначальника А. А. Адрианова. Они были уволены в отставку.

1 июня 1915 года царем был подписан указ об обязательном увольнении с московских предприятий всех немцев и прекращении деятельности в Москве всех немецких фирм. Впрочем, до смерти напуганные иностранцы и так покидали город. Объем торговли сокращался, приближая время тотального дефицита товаров повседневного спроса.

Разгром торговых заведений был настолько силен, что и спустя месяц ощущались печальные последствия «майских безобразий». Этой теме посвятил один из своих репортажей сотрудник «Утра России»:

«В маленьком магазинчике большая распродажа. Зрелище гадкое и драматическое, сильно напоминающее то, что делается на каждом пепелище после пожара: бродят сгорбленные фигуры и вытаскивают из груд мусора более или менее сохранившиеся обломки...

Маленький этот магазинчик пострадал во время недавних прискорбных московских событий. Теперь даже не понять, чем он торговал раньше.

Все вывески оборваны и до сих пор висят, как черные лохмотья. Сплошные стекла в окнах выбиты и заменены рамами с мелкими квадратными ячейками.

На окне красуются три проломленных цилиндра и пара ботинок — рыжий и черный. Не много уцелело после событий.

На полуразрушенном прилавке навалена груда картонов, рассыпаны в диком смешении всякие принадлежности туалета. Рваный шелк, загрязненный батист, кружева, превратившиеся в лохмотья.

Очевидно, все это побывало на мостовой, под ногами толпы, под копытами лошадей и было внесено назад в магазин и теперь распродается.

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ **Трофейное орудие везут в Кремль**

Несколько десятков рук судорожно роются в этих залежах. На дешевках бывает, как известно, своя особенная публика; тут собралась квинтэссенция этих покупателей. Очень энергичная дама с папироской, закушенной в углу рта, откопала мужскую сорочку и показывает ее своему спутнику, унылому молодому человеку:

— Нравится тебе, Алеша?

Спутник ее бессловесен. Дама торгуется с приказчиком:

— Что? Да разве можно такую цену?

Цена действительно не очень низкая.

И приказчик произносит фразу, которую он заучил в прежнее время, в дни славы:

— Мы берем и за фирму, сударыня.

Но спохватывается, взглядывает на этот прилавок, на эти груды, на эти руки, проворно копошащиеся и напоминающие

почему-то мышей, и сам краснеет: Фирма!

— Хорошо, — соглашается приказчик. — Позвольте завернуть?

И бумага, которую он вытаскивает для этой цели, тоже хранит следы пережитых потрясений. Лист измятый и грязный, хотя украшенный крупной надписью с названием магазина.

Дама распоряжается:

— Вы завертывайте фирмоу вовнутрь, чтобы не стыдно было нести по улицам.

Унылый молодой человек безропотно берет покупку и плетется за дамой. Как он будет эту рубашку носить? Дама оборачивается и спрашивает приказчика:

— А, кстати, вы не знаете, где можно купить столовый прибор? Ножи и вилки...

— Не знаю... Быть может, на Кузнецком мосту отыщете...

Волнуется нервный господин:

— Дайте же мне воротнички! Тридцать девять...

Приказчик отвечает меланхолически:

— Будьте добры, поищите сами. Я не знаю, так все перемешалось. Весь магазин в вашем распоряжении.

Господин принимается искать. Взлетают целые хлопья галстуков, носовых платков — точно собака роет землю над норкой ускользнувшего зверька.

Наконец обрушивается целая колонна картонок, в которых раньше была обувь. Одна из них, как нарочно, раскрылась, и оттуда выкатилось несколько воротничков. Господин радостно кидается ловить их.

Смотрит, и на лице его выражается разочарование:

— Сорок два... На три номера больше.

И, поколебавшись, он решает:

— Все равно. Надо пользоваться случаем.

А толпа все прибывает. Разумеется, даже эти цилиндры на окне найдут своих покупателей».

Последнее упоминание о немцах как о врагах относится к

началу ноября 1917 года. В Москве шли бои между сторонниками советской власти и защитниками Временного правительства. Очевидец событий Н. М. Мендельсон записал в дневнике: «Около подъезда Михальчи был убит сражавшийся с юнкерами мужчина. У него нашли немецкие документы, такие же деньги, бронебойные пули германского образца»¹. По городу ходили слухи, что прислуга тяжелых орудий, из которых большевики вели обстрел города, сплошь состояла из немцев-военнопленных. Не укладывалась в головах москвичей мысль о том, что русские люди могут стрелять по кремлевским святыням.

¹ ОР РГБ. Ф. 165, карт. 1, д. 1. Л. 17 об.

БЕЖЕНЦЫ

*Зарыли серебро...— Забили доски ставней,
И на тележку уложив случайный бутор,
Решили в лес отправиться, на хутор,
Забрать припасы, а потом уйти
В Москву иль Киев, — где Бог даст пути.*

В. А. Гиляровский

В годы Первой мировой войны Россия столкнулась с невиданным прежде явлением: от ее западных границ в центральные губернии хлынул многомиллионный поток людей. Москва как важнейший транспортный узел не только служила главным пунктом пересадки, из которого они отправлялись дальше, в глубь страны. Огромный город оказался способен дать приют тысячам тех беглецов от ужасов войны. Так среди москвичей появилась новая категория населения — беженцы.

Их первые партии появились Москве вскоре после объявления войны. Это были жители приграничных районов, бежавшие от зверств, творимых немецкими войсками. Более всего Россию потрясло известие о трагедии польского города Калиш. Ни в нем самом, ни в ближайших окрестностях не было ни одного русского солдата, поэтому два батальона германской армии под командованием майора Прейскера вошли в него беспрепятственно. По приказу немецкого офицера были подчистую разграблены все торговые заведения, а предста-

вители администрации и часть мирных жителей — расстреляны. Уцелевшие в страхе бежали в Россию.

Военные действия, начавшиеся на широком фронте, вызвали новую волну беженцев. На заседании благотворительного комитета, называвшегося «Центральное бюро при Городской управе по оказанию помощи семьям запасных и лицам, пострадавшим от войны», С. В. Бахрушин обратил внимание коллег на появление в Москве большого числа беженцев из городов прибалтийских и северо-западных губерний. «Ввиду крайней необходимости оказать им помощь, — сообщали газеты 16 сентября, — комитет постановил ассигновать на это дело 480 рублей в месяц».

Для работы с наплывом вынужденных переселенцев была образована специальная комиссия, куда вошли члены Городской управы и общественные деятели. В ее работе, в частности, принимала энергичное участие М. С. Морозова, дочь знаменитого московского фабриканта. Сотрудники комиссии подыскивали квартиры для беженцев, организовывали занятия для их детей, обеспечивали обедами неимущих, занимались сбором и распределением одежды. В обращении к москвичам Центрального бюро говорилось: «Нужны квартиры и комнаты, кровати, матрацы, мебель, посуда, теплые вещи, белье, одеяла и т. п.».

В Москву приезжали люди разного достатка. Кто-то из них бежал из родных мест, не успев захватить даже смены белья. О них газета «Утро России» в те дни писала:

«Почти каждый прибывающий с запада поезд привозит в Москву массу людей, лишившихся и близких, и имущества, часто оставшихся без самого необходимого, без платья, без белья, без всяких средств к жизни, — жертв войны».

Первыми появились в Москве беглецы из Калиша, разоренного бандами майора Прейскера. Люди, стоявшие под ружьями озверевших пруссаков, потерявшие отцов, братьев, жен, поседевшие от испытанных ужасов... За ними, напуганные событиями калишскими, помчались на север и жители

С. Мухарский. Беженцы

Здунской Воли, бросившие город, еще не занятый тогда неприятелем, спасавшиеся от грядущих кошмаров, жители Пултуска, Гродно, Лодзи и целого ряда местечек, расположенных в районах, пограничных с Германией и Австрией, пострадавших от набега варваров или угрожаемых им.

Руководящие круги московского общества, конечно, откликнулись. Отзывчивые обычно на горе народное, они и

здесь оказались на своем посту. Центральное бюро при Городской управе по оказанию помощи семьям запасных и лицам, пострадавшим от войны, деятельно принялось за беженцев и оказало им первоначальную поддержку.

В первые дни войны это было не так трудно. Тогда еще не начинались занятия в городских школах и помещения их, предоставленные городом в распоряжение бюро, были отданы беженцам. В этот период через эти школы прошло до 700 таких «пострадавших от войны» беглецов. Одних пристроили на места в Москве, другим дали работу в провинции, третьих разместили в Москве на платных или бесплатных кооперативных квартирах.

Но по мере того как уезжали одни, освобождая Центральное бюро от заботы о них, приезжали другие; число беглецов росло изо дня в день, продолжает расти и теперь. Но теперь, однако, положение существенно изменилось. В городских школах начались занятия, и помещений у Центрального бюро нет, уменьшаются и средства, — ведь помимо беженцев на бюро лежит забота и о семьях запасных, и вопрос о помощи первым принимает все более острый характер.

Воззвание бюро к московским домовладельцам и квартиронанимателям о предоставлении для беженцев квартир и комнат успеха не имело. Разве только владельцы кружевной фабрики в Саввинском переулке, на Девичьем поле, откликнулись и предоставили бюро (совершенно безвозмездно) ветхий фабричный корпус, состоящий из двух больших сараеобразных комнат, в которых может быть помещено до 70—80 человек.

В этом помещении бюро образовало временный пункт для прибывающих беженцев. Здесь они остаются по возможности недолго, до тех пор, пока для них не подыскивается какая-нибудь работа или более или менее удобная для продолжительного пребывания квартира.

Некоторые москвичи — особенно после того, как было запрещено принимать на частные квартиры раненых, — охотно

приняли в свои дома беженцев, окружили их вниманием и заботой. Этим повезло. Но остальные?..

Зайдите во временный приют в Саввинском переулке (дом № 4). Кого только вы не встретите здесь!

Редактор калишской газеты, оставшийся без средств и без работы, разоренная калишская семья из семерых человек, мужчин и женщин, приехавших в Москву без денег, без теплого платья, ткачи из Здунской Воли, фотограф из Лодзи, жена подпрапорщика с шестью детьми от 9 до 1¹/₂-годовалого возраста, конторщики, слесаря, плотники из местечек Западного края и масса других таких же, как и они, обездоленных людей, еще не пришедших в себя от всего перенесенного.

В холодном фабричном корпусе, на деревянных нарах, покрытых соломенными тюфяками, они терпеливо ждут помощи общества. Не подачки, а помощи, потому что все они *умеют* работать и *хотят* работать. И работу — в этом сомневаться не приходится — общество наше им даст...»

В обращении Центрального бюро от 16 сентября указывалось, что под его опекой продолжало оставаться до двухсот беженцев, в том числе множество детей. Но уже спустя два дня газеты сообщили, что такое же количество людей, выбитых войной из родных мест, стало прибывать в Москву ежедневно. «И городу, — отмечал один из репортеров, — приходится волей-неволей снова брать на себя заботу о прокормлении их и отправке по железным дорогам». Для оказания помощи беженцам Центральное бюро открыло на Александровском вокзале специальный пункт.

В октябре Городской управой в Москве было устроено 14 приютов для беженцев, рассчитанных на прием тысячи человек. В одном из таких заведений — в приюте для семей лиц, призванных в армию, открытом в доме Горбовых в Харитоньевском переулке, — для выходцев из западных губерний было отведено десять комнат, столовая и швейная мастерская для работы с 80-ю швейными машинами. Особенность этого места отмечал репортер городской хроники:

«Здесь предполагается устраивать беженцев семьями, так как до сих пор почти во всех приютах им приходилось жить в общих камерах: отдельно мужчины и отдельно женщины, что было стеснительно для семейных. Для выяснения количества этих последних и необходимого для них числа помещений член Управы В. Н. Григорьев предпринимает специальный объезд всех устроенных для беженцев помещений».

Примером помощи комиссии С. В. Бахрушина со стороны домовладельцев служит поступок Н. И. Скалкиной-Девойот — владелицы знаменитого в Москве «Ресторана Скалкина». Благодаря ей и специально образованному под ее началом дамскому комитету в помещении ресторана было устроено пристанище на 350 человек. Большие залы приспособили под общежития для одиноких мужчин и женщин, а семейных разместили в артистических уборных. Одно из помещений отвели под «очаг» (ясли) для детей. Приют просуществовал до января 1915 года, когда хозяйка ресторана решила, что «гостям» пора и честь знать.

Кроме органов городского управления на помощь беженцам приходили различные общественные организации. Так, правление Московского общества грамотности просило отзывчивых людей помочь ему в приискании заработка учителям и учительницам народных училищ, бежавшим из местностей, занятых неприятелем. Само Общество смогло приютить 14 работников просвещения. «Семьи некоторых из них взяты в плен или пропали без вести», — сообщали газеты.

Не покладая рук трудились осенью 1914 года члены польского благотворительного общества. Прием беженцев и их распределение по квартирам проходили в помещении польской библиотеки в Милютинском переулке. Польское общество совместно с Центральным бюро установило постоянные дежурства на вокзалах по встрече беженцев. По поводу приезжавших в Москву поляков газета «Утро России» писала:

«Среди прибывающих беженцев усилился элемент лиц интеллигентных профессий. Имеются артисты, художники,

журналисты. На днях приехал директор цирка вместе со своей труппой. Для этих лиц будет устроена отдельная квартира.

Начинают поступать пожертвования из центральных губерний России, куда донесся слух об отчаянном положении польских беженцев.

Многие русские фирмы предлагают польскому благотворительному обществу места для беженцев.

На днях отправлена в одну из центральных губерний партия токарей и каменщиков».

Так же интенсивно работали еврейские благотворительные организации. В прессе отмечалось, что основная часть евреев-беженцев оседает по пути, находя приют у единоверцев в крупных центрах Юго-Западного края. И все же довольно много их добиралось до Москвы. Частично они находили приют и продовольствие с помощью Центрального городского бюро, которое ходатайствовало перед московской администрацией о предоставлении права жительства тем из беженцев, которые его не имели. В большинстве случаев такие просьбы удовлетворялись в короткие сроки. Часть беженцев пользовалась помощью московских еврейских благотворительных учреждений. «Более состоятельным находят дешевые помещения, — сообщала газета «Утро России», — беднякам же оказывается помощь из сумм благотворительных обществ. На днях происходило совещание еврейских общественных деятелей. Решено возбудить ходатайство перед московской администрацией о предоставлении всем без исключения еврейским беженцам временного права жительства в Москве».

Осенью 1914 года беженцы встречали в Москве исключительно благожелательное отношение. Одним из свидетельств настроений, господствовавших в обществе, может служить очерк журналиста Н. А. Фольбаума «Беглецы»:

«На сцене полная темнота. Постепенно в этом мраке обозначаются слабые призрачные тени. Разгорается, шипя, над софитами прожектор, защищенный цветным стеклом.

Швейная мастерская, организованная для беженцев

И тени начинают колебаться. Старый, добрый, полузабытый “серпантин”. Плавно колышутся мягкие крылья, и три женские фигуры несутся одна за другой.

Прожектор разгорелся окончательно; на белых одеждах заметны грубые швы и неразглаженные слежавшиеся полосы.

Разглаживать было некогда. Танцовщицы только что приехали из Варшавы.

Движения становятся все резче; мелькают по сцене, как птицы, захваченные бурей. И буря их действительно захватила.

Много нахлынуло в Москву этих театральных беженцев из Польши. Кочевали по городам и местечкам с незатейливым своим искусством, перебивались со дня на день. Думали, что хуже и быть не может, но бодро смотрели вперед. Никакая нужда их не испугает; они стоят на последней ступени нужды, дальнейших ступеней быть не может.

Но оказалось, что эта лестница беспредельна, и они еще не дошли до ее конца. Сколько испытаний!..

— В Польше не для кого больше танцевать. Не осталось зрителей.

Боролись до последней возможности; собирая последние силы, кочевали они по местечкам, где прежде их встречали незабываемые триумфы. Теперь их встречают там одни дымящиеся развалины.

Нет больше зрителей; кого привлечет их воздушный “серпантин” в это время, когда все население местечек само превратилось в участников невиданной с самого сотворения мира трагедии?

Они пробирались в еврейском фургоне по лесным дорогам. Послышался тяжелый грохот; остробородый еврей зачмокал, задергал вожжами, и лошади едва успели свернуть в сторону.

Мимо них пролетела на рысях конная батарея; тяжелые пушки мчались с такой быстротой, что подпрыгивали как резиновые.

Скрылись — и через несколько минут начали раздаваться оглушительные раскаты.

— Там театр посерьезнее нашего. Бродячим артистам нечего делать в Польше...

А шрапнельные выстрелы расплываются, как белые тучки — совсем как серпантин, — в небе.

В каждом маленьком московском театрике вы встретите несколько беженцев, которых вытеснила из Польши война.

Не хватило сил бороться; их бутафорский хлам не устоял против тяжелых орудий.

Жестокая судьба выкинула их из местечек в столицу.

Маленькие театрики сами дышат на ладан, сократили до крайних пределов все свои расходы, — но у них не хватило жестокости отказать в приюте польским беглецам.

Другие нашли пристанище в цирках. Молодой опереточный комик попал в качестве клоуна на арену, рассказывает примитивные анекдоты и декламирует злободневные куплеты.

На голове его рыжий парик, в котором он играл прежде какого-то обольстительного графа, соломенная шляпа, уцелевшая от роли какого-то банкира.

Он медленно ходит за лошадью, на которой сидит, отдыхая от трудного прыжка, наездница в блестках, — и старается развеселить публику.

— У нас в цирке он отдохнет от скитаний. Много ему пришлось натерпеться...

Товарищи относятся к беженцам с чрезвычайным вниманием.

Несколько человек пристроились около кинематографа. Участвуют в съемках картин из текущих событий. Возник вопрос о какой-то мелкой подробности в форме немецкого офицера.

Беженцы пригодились — все было сделано по их указаниям. Кому же и знать, как не им.

Один из беженцев долго объяснял, как у прусского лейтенанта расположены выпушки и петлички, а потом не выдержал, остановился и начал вытирать глаза.

К нему бросились, принялись его утешать. А он говорит:

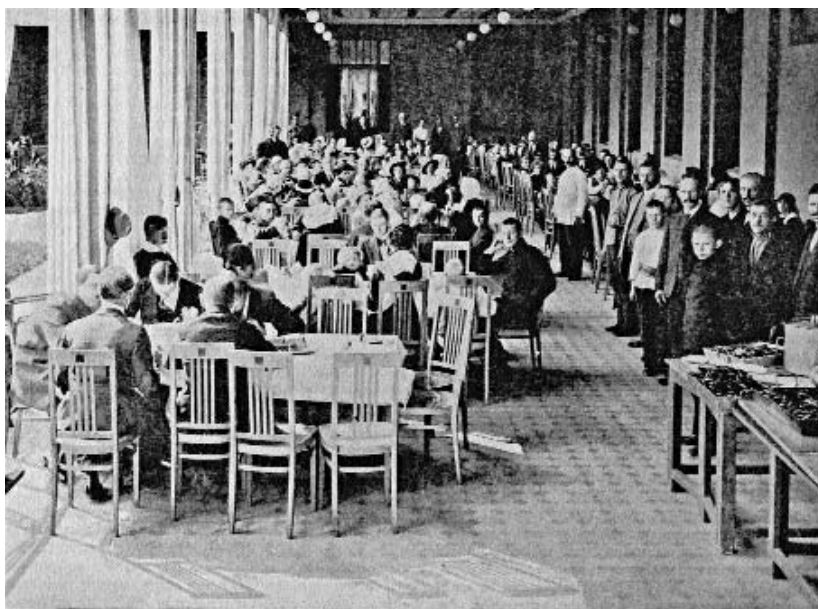
— Невольно слезы... Ведь я все это видел... Ведь я из Калиша...

Кружатся белые тени. Судорожно машут крыльями белые птицы.

И с последним аккордом застывают неподвижно. Легкие одежды опустились прямыми складками.

Как воплощенное отчаяние...»

В свою очередь впадать в отчаяние пришлось московским городским властям и руководителям общественных организаций, когда летом 1915 года Москву захлестнул новый, на этот раз по-настоящему огромный поток беженцев. Из-за оставления русской армией польских и прибалтийских губерний происходил не только исход гражданских лиц, но также эвакуация правительственных учреждений. По сообщениям газет, на 1 июля в Москве было зарегистрировано 1726 бежен-

СТОЛОВАЯ ДЛЯ БЕЖЕНЦЕВ, ОРГАНИЗОВАННАЯ МОСКОВСКИМ КУПЕЧЕСКИМ СОБРАЩЕНИЕМ.

цев, а к 17 июля их численность увеличилась до 3172 человек. Причем покинуло город за это время только 407 человек. 27 июля «Утро России» сообщала читателям такую статистику:

«Центральное бюро разместило беженцев следующим образом: в ночлежном доме имени Морозова на Таганке размещено 1202 человека, при посредстве латышского общества расквартировано 614 латышей: в ночлежном доме на Смоленском рынке — 229 человек и в работном доме на Ходынском поле — 286. На старых квартирах живет 667 человек, на училищных квартирах — 102. Денежное пособие на квартиры выдается 224 человекам.

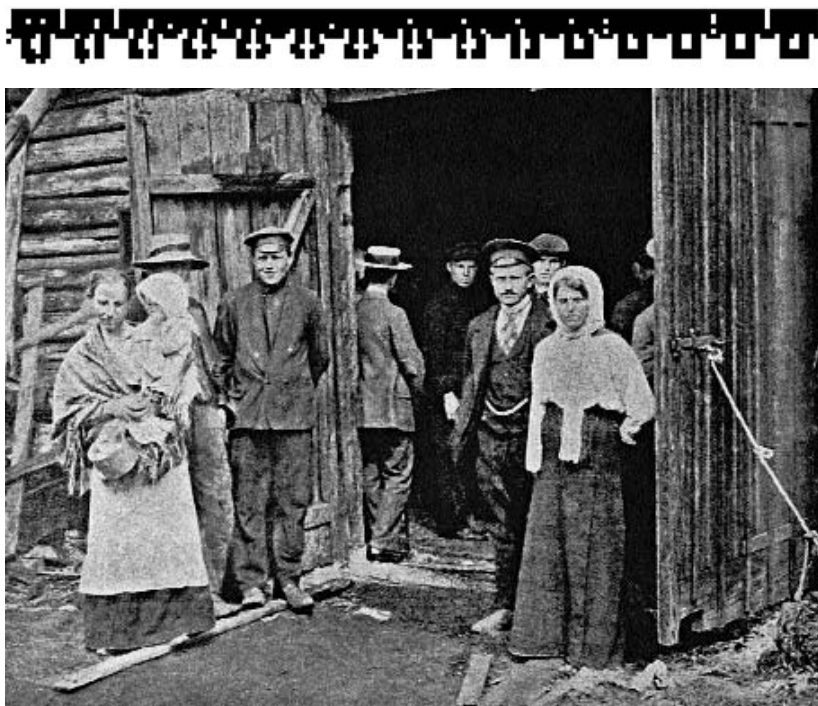
На этих днях ожидается прибытие до 5 тысяч беженцев из Варшавы, которых пока в Москве только 500. Большинство беженцев жители Либавы, Риги, Гольдингена и Люблина».

Однако еще за неделю до этого на экстренном объединенном заседании правлений польских культурно-просветительских и благотворительных организаций выяснилось, что помимо беженцев, которые, будучи зарегистрированы Центральным бюро и польским комитетом, получают помощь, в Москве имеются десятки тысяч бедняков-беженцев из Польского края без крова и средств. На заседании отмечалось, что все железнодорожные станции между Москвой и Минском, а также все деревни в их окрестностях переполнены беженцами. По самым скромным подсчетам, таких блуждающих беженцев-поляков насчитывалось до полумиллиона человек. «Все квартиры польского комитета переполнены, — сообщалось в газетном отчете. — Средств к расширению деятельности пока нет. Решено немедленно обратиться к московской Городской управе с просьбой оказать самую широкую поддержку беженцам. Сам комитет занят изысканием средств к удовлетворению хотя бы жилищной нужды беженцев».

На заседании комитета под председательством С. В. Бахрушина 1 августа 1915 года было решено объединить деятельность органов городского управления и представителей национальных обществ. Так как национальные организации не располагали средствами для размещения беженцев, члены комитета постановили: разрешить им снимать необходимое число помещений за счет города с расходом не больше двух рублей в месяц на одного человека.

Несмотря на денежную помощь со стороны городского управления, национальные комитеты не могли найти в Москве достаточного количества помещений для беженцев — домовладельцы неохотно откликались на их просьбы. К тому же наплыв приезжих превышал все мыслимые нормы.

«Помещения латышского комитета настолько переполнены, — сообщали газеты, — что там невозможно поместить более ни одного человека, а беженцы-латыши все прибывают. Сегодня латышский комитет предполагает снять еще несколько помещений, хозяева которых согласились сдать их на

Латышские беженцы, размещенные в сарае дома № 41 на Покровке

известных условиях; вчерашнюю же ночь беженцам-латышам пришлось провести частью на вокзалах, частью в помещениях других организаций, где они нашли временный приют. (...)

За последнее время из Курляндской губернии в московское латышское общество явилось около 5000 беженцев латышей. Около 1000 человек (мужчины) определены на работы. Временный приют беженцы-латыши находили в бараках при латышском обществе (Покровка, 41) и в доме Оловянщикова (Покровка, 13). В настоящее время по распоряжению члена московской Гор. упр. В. Н. Григорьева для беженцев-латышей сняты два дома на Старой Басманной, 24. В этих домах смогут одновременно помещаться 400 человек. (...)

Расквартированы они на старых квартирах на 1-й Мещанской улице и на Покровке, в доме общества. В последнем бы-

ло так тесно, что некоторым из беженцев пришлось провести ночь под открытым *небом*».

Совместная работа всех организаций, занятых приемом беженцев, уже в первые дни августа принесла желаемый результат. Прежде всего был решен вопрос с питанием приезжающих в Москву. Например, на Александровском вокзале служащие железной дороги организовали питательный пункт, где супом с мясом и кашей могли накормить 1200—2000 человек в день. На Николаевском такой пункт выдавал ежедневно три-четыре тысячи порций, а при необходимости их количество могло вырасти до шести тысяч. На том же вокзале еврейское общество устроило кухню, рассчитанную на сто человек.

На всех московских вокзалах было вывешено объявление, напечатанное на русском и родных для беженцев языках: «В Москве оказывают помощь и всяческое содействие беженцам Центральное бюро при московской Городской управе, польское, литовское, латышское, еврейское и другие национальные общества, сотрудники которых постоянно дежурят на вокзалах и снабжены соответствующими удостоверениями и голубыми повязками на рукавах с надписями соответствующих организаций. К этим сотрудникам рекомендуется обращаться за всякими справками».

Кроме того, на всех станциях железных дорог и в вагонах были вывешены обращения к беженцам с призывами остерегаться злоумышленников, которые могли бы вовлечь беженцев в невыгодные сделки. За всякого рода советами предлагали обращаться к уполномоченным, находившимся при питательных пунктах на всех узловых станциях.

Центральное бюро получило разрешение от Городской управы на устройство для детей беженцев «очагов» (яслей) в Петровском парке и на Средней Переяславской улице, чтобы облегчить взрослым поиски работы. Заботясь о беженцах, Центральное бюро предложило ввести на вокзалах дежурство врачей — специалистов по нервным болезням. Необходи-

Столовая для беженцев, организованная артистами Большого театра

мость их присутствия объяснялась состоянием приезжих, о котором, в частности, писал репортер «Утра России»:

«Пережитые волнения, утомительная дорога и полная неопределенность положения на многих беженцев, в особенности из интеллигентного класса, действуют удручающим образом, и они приезжают в Москву совершенно больными нервно. Одна учительница из Владимира-Волынского привезла в Москву всю свою школу. Дети прибыли вполне благополучно, сама же учительница с трудом только могла рассказать, откуда она. В Центральном бюро возник вопрос — обратиться к врачам с просьбой устроить дежурства для оказания помощи прибывающим. (...) Управа за последние дни вообще пошла навстречу начинаниям Центрального бюро, чем значительно облегчилась деятельность последнего».

В те же августовские дни Главный комитет Всероссийского союза городов провел совещание, на котором было решено разработать план эвакуации для равномерного распределения беженцев по стране. Выступивший на нем С. В. Бахрушин начал свой доклад с констатации очевидного: в перемещении беженцев не только нет даже намека на плановость, но «о самих размерах этого движения в правительственных кругах замечается полная неосведомленность». Главноуполномоченные по эвакуации беженцев князь Урусов и Зубчанинов, действуя наобум, направляли беженцев в тот или иной город без учета местных возможностей принять такое число новых жителей. На перемещение огромной массы людей в распоряжение этих чиновников из казны предоставлено только по одному миллиону рублей. Средства явно недостаточные, если учесть, что, по сведениям национальных организаций, в Россию уже прибыло три миллиона человек, и еще ожидается около двенадцать миллионов.

Иначе говоря, царское правительство затеяло эвакуацию своих граждан, но не смогло ее толком организовать. Об этом свидетельствовал и такой факт, отмеченный газетой «Утро России»: «Из мест, откуда бегут беженцы, им все билеты выдаются до Москвы, и московская администрация поставлена в затруднительное положение — выдавать билеты дальше на свой страх и риск она не решается, но нельзя беженцев оставлять и в Москве. Такой случай был с 400-ми рабочими вагоно-строительного завода, едущими в Ярославль. Рабочие все же отправлены дальше».

О том, что государство, по сути, бросило эвакуированных на произвол судьбы и они были вынуждены обратиться за помощью к русскому обществу, свидетельствует открытое письмо Совета польских съездов к главноуполномоченным все-российских Земского союза и Союза городов кн. Г. Е. Львову и М. В. Челнокову:

«Глубокоуважаемые Георгий Евгеньевич и Михаил Васильевич!

Кухня питательного пункта для беженцев, организованного артистами Большого театра

В тяжкую годину страшных испытаний и ударов судьбы, обрушившихся в нынешнюю войну прежде всего на Польшу, как аванпост славянства, польский народ безропотно нес ради общегосударственных интересов бесчисленные жертвы. На польской территории в течение года сдерживался натиск врага и всеми была отмечена особая доблесть населения Польши, все время боев под пулями остававшегося на местах в своих родных городах, местечках и халупах, как бы живой стеной ограждая остальную Россию от ужасов войны. Но чаша страданий Польши не была еще полна. В последнее время признано было возможным насильственное удаление всего населения оставляемого русскими войсками театра войны и его омертвления. Земля, подвергнутая такому омертвлению, представляет собой пустыню: посевы уничтожены, строения сожжены, деревья срублены, колодцы засыпаны, люди и скот

выгнаны. Гибла вековая культура, гибло народное богатство, гибнут люди. Люди должны были покинуть родную, поколениями насиженную землю, должны были уступить ее своему заклятому врагу, как бы облегчая возможность немецкой колонизации, а сами должны были уйти. Куда уйти? Осталась одна дорога — в Россию. Не добровольно, не в поисках более безопасных мест, более спокойной жизни пошли польские скитальцы в Россию. Пошли дорогой далекой и полной лишений, ибо ничто не было приготовлено на этом скорбном пути нежданного переселения народов. Наши братья-выселенцы мрут от болезней, от недостатка пищи и воды, теряют остатки своего достоинства, переносят всяческие лишения, а зачастую и унижения. Не всюду в обширной России проникло известие о принудительном, в интересах государства, оставлении нашими крестьянами родной земли, нашими рабочими — родных углов, и не всюду было одинаковое к ним отношение. Их иногда спрашивали: зачем пришли, кто вас звал? Какой горькой иронией звучали эти произнесенные в простоте душевной слова!

Съезд польских организаций помощи жертвам войны, бывший в Москве 8—9 августа, поручил нам обратиться в вашем лице к русскому обществу. Мы знаем, что истина, что те, кто вольно или невольно все приносят в жертву на алтарь войны, у кого все в интересах государства отнято, имеют право на помощь государства, на самое широкое гостеприимство и заботы всей страны, что эта истина ясна русскому народу, как ясна она нам. Но мы просим, чтобы вы сделали с вашей стороны все, чтобы русский народ слышал из авторитетных для него уст действительную истину о массовом выселении поляков, вынужденных теперь искать убежища в России. Чуткая совесть русского народа поймет весь ужас положения наших изгнанников, а мудрость его поможет нам остаться возможно ближе к родной земле, а не уходить на восток, в далекую Сибирь, — найдет способы, чтобы хоть сколько-нибудь скрасить их горе, облегчить страдания, нравственно и

материально поддерживать. И это будет сделано не как милостыня, не как подачка неоскудевающей десницы, а лишь как незначительное вознаграждение за безмерные жертвы Польши в этой войне. Мы верим, что русский народ поймет скорбь нашу.

Обращаясь в вашем лице к русской общественности, мы хотели бы, чтобы была понятна еще одна наша боль, особенно мучительная в этой войне, — боль от раздела нашего народа между тремя государствами. Наша совесть никогда не мирилась с этим фактом. В наших глазах все поляки — русские, австрийские и германские — всегда составляли один народ, и мы хотели бы, чтобы так же на нас взглянул и русский народ. Мы хотели бы, чтобы наши зарубежные братья, чтобы те из них, которые не как воины враждующих государств, а как мирные граждане остались в России, были окружены атмосферой дружбы и доверия, чтобы они могли найти возможность приложения своего знания и труда, чтобы, нужные России, они не оставались без работы.

Неисповедимы судьбы народов. На рубеже новых русско-польских отношений, когда общее строительство обоих народов должно создать новые формы жизни, да увенчаются успехом общие усилия и да повелительно раздастся голос русской общественности!»

Судя по сообщениям прессы, при эвакуации менее других испытали трудности служащие казенных учреждений. Например, 350 сотрудников варшавской психиатрической больницы во главе с директором И. М. Сабашниковым сразу по приезде были размещены в Ходынском ночлежном доме (больных перевезли отдельно). Чиновников варшавского управления земледелия и государственных имуществ устроили в дом у Чугунного моста. Управление Привислинских железных дорог через две недели после прибытия в Москву сняло помещение на Александровской площади и приступило к работам. Их коллеги из Двинска устроились в Трехпрудном переулке. Вот как описал их вселение очевидец-журналист:

Выдача обедов на питательном пункте, организованном Латышским обществом в Москве

«Необъятный двор домов Волоцкой, по Трехпрудному, загроможден подводами, нагруженными самой разнообразной кладью.

Кажется, что все эти дома, все квартиры собрались в путь.

— Переезжают?

— Железная дорога приехала, — отвечает дворник, — Либаво-Роменская, из Двинска.

Приехала она очень скромно: на лошадях. Привезли ее сюда с вокзала, всю дорогу. И размещают...

Ломовики хлопочут около своих возов. Распутывают хитросплетение канатов, и веревочные дуги хлещут по воздуху.

Имущество чрезвычайно пестрое. Захватили все, что только было можно. Письменные столы и матрасы. И на самом верху прикручен тяжелый кассовый компостер.

Торчат железные какие-то палки. Рычаги от стрелок. Связка контролерских щипцов.

И тут же всякие предметы домашнего обихода. Ломберный столик, умывальник. Затиснутые под стрелками подушки.

Между возами снует, кричит, волнуется однообразная толпа. Все в железнодорожных фуражках.

Возбужденные.

Но возбужденные радостно.

Уныния ни малейшего не заметно. Царит полная уверенность, что Либаво-Роменской дороге придется здесь не долго пробыть.

Скоро все они вместе с компостером вернутся обратно. Забавна та заботливость, которою они, эти чиновники, окружают свой компостер и свои стрелки.

Это как будто символ их профессии.

Поезда перестали ходить, но железная дорога осталась.

Компостер снимают с сугубой осторожностью. Топчут перины и подушки.

И хотя машинка не тяжелая, но подхватывают ее на руки несколько человек.

Расступись! Его водворяют в новое помещение, в квартиру, на стол, придвинутый к окну. Здесь он отдохнет. Много довелось ему поработать в последние дни, просекая целое море билетов.

Вид у компостера заслуженный и меланхолический. Точно у аиста, опустившего голову...

Тут представители всяких ступеней железнодорожной иерархии. Крайне щеголеватые инженеры, оберы, исполненные достоинства, машинисты, успевшие на досуге немного отмыться многолетнюю копоть.

Один из машинистов приладил даже цветной галстук к рубашке и сам поминутно скашивает вниз глаза, чтобы полюбоваться. Другой, засаленный, осматривает критически своего товарища и выражает одобрение.

А затем оба схватываются яростно за диван из зала перво-

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

го класса, снимают его как перышко с телеги. И тащат.

Едва не задавили крохотного карапуза, наблюдавшего за суматохой.

— Задний ход!

Едва не произошло крушение. Осторожно обносят диван. Карапуз смотрит, не меняя позы.

На вопросы любопытных они отвечают односложно. Их спрашивают:

— Уехали?..

— Уехали...

И больше ничего не добьешься. Московская слякоть им не по нутру. Они видели войну, совершили с этим переездом колоссальный труд и нисколько не растерялись, не устали и не

унывают.

Возы разгрузили быстро. Порожние тянутся гуськом со двора.

Железнодорожники устраиваются по квартирам...»

Тюрьма из того же Двинска с 87-ю каторжанами добралась до Москвы 22 августа 1915 года, а три дня спустя газеты сообщили: «Вчера утром прибыли в Москву некоторые полицейские участки Варшавы. Эвакуация учреждений может считаться законченной».

Что касается арестантов из западных губерний, то за три летних месяца 1915 года через московскую пересыльную тюрьму их прошло несколько десятков тысяч. При общей эвакуации городов обитателей тюрем вывозили в первую очередь. Даже лиц, совершивших незначительные поступки, не говоря уже о политических заключенных. В Москву, например, были целиком привезены варшавские тюрьмы, в которых содержалось много каторжан — «вечников» и долгосрочных. Их большую часть отправили дальше, в губернские каторжные тюрьмы Орла, Самары и других городов. А вот «политиков» распределили по московским тюрьмам.

«Эвакуация до Москвы совершилась вполне благополучно, — сообщала газета “Утро России”, — хотя администрация ждала побегов и всевозможных эксцессов. По словам тюремного начальства, в последнее время в тюрьмах наступил невиданный покой и порядок. Арестанты страстно ждут особого акта и сокращения сроков. Это ожидание дает им силу спокойнее переносить неволю.

Кроме того, в тюрьмах теперь кипит работа по приготовлению одежды и обуви для армии. Работа в свою очередь действует на арестантов очень благотворно».

Для полноты картины стоит отметить, что вслед за узниками польских тюрем в Москву перебрались их коллеги, оставшиеся на свободе. Это добавило головной боли сотрудникам московской полиции. По этому поводу вечерняя газета «Время» в апреле 1916 года писала:

«Из Варшавы, Лодзи, издавна славившихся изобретатель-

ностью мошенников всех формаций, ловких взламывателей и карманников, сюда наехали эти “беженцы”, перенесшие свою преступную деятельность в Первопрестольную.

Преступления легкого характера, особенно участвовавшие за последнее время, в достаточной степени определяют “чистоту работы” мошенников.

Кражи достигли полного совершенства.

Изобретательность и ловкость, с какой совершены, например, кражи у А. Д. Самарина, у гр. Татищева, в трамвайном депо, поражают представителей сыскной полиции.

Последний же случай с московским городским головой М. В. Челноковым на Вербном базаре в Большом театре является рекордом наглости преступников.

Борьба с преступными элементами ведется у нас весьма энергично.

И в мирное время они, несомненно, давным-давно были бы переловлены.

В настоящий же момент, ввиду сильного изменения самого состава населения, весьма трудно ориентироваться в массе новых наезжих людей.

Между тем аферисты варшавской школы умеют прятать концы в воду.

Близость их в свое время к Европе дала возможность перенять у европейских преступников умение производить приличное и даже аристократическое впечатление.

Кроме того, ряд причин, связанных с войной, не дает возможности воспользоваться данными о преступных элементах Польского края.

Последние, чувствуя под собой почву, обнаглели и расширили свою деятельность до maximum'a.

Они — везде: в трамваях, в кафе, в ресторанах, на балах, в театрах.

Всюду они проникают и немедленно дают себя чувствовать.

Оставив прежний способ пользования военным мунди-

ТОЖЕ БЪЖЕНЕЦЪ.

- Здоровый паренъ, а каждый день плясешь въ безплатную столовую для бѣженцевъ!
- Да вѣдь и я бѣженецъ....
- Это откуда же?
- А прямо съ Хитровки.

ром, преступники переодеваются студентами, инженерами.

Москва переполнена провинциалами.

Это — самый благодатный материал для мошенников.

Много усилий затрачивать не приходится.

Доверчивый провинциал моментально попадает на удочку.

Многие видные представители польской аристократии и не раз являлись жертвой ловких проделок.

Фиктивные браки, мошеннические “крупные предприятия”, “разорившиеся магнаты” — так мелькают приемы преступных “беженцев”.

Шулера наводнили все клубы — тайные и легальные.

Здесь идет форменный грабеж.

В одном из отелей не так давно велась крупнейшая игра.

Около десятка богатых беженцев сделались жертвами джентльменов, выдававших себя за управлявших делами Познанского, за графов, князей, отставных чиновников, и т. д., и т. д.»

Как ни странно, но в какой-то мере появление в Москве большого числа выходцев из Прибалтики имело положительное значение. Прислуга из их числа всегда высоко ценилась в московских семьях за вежливость, честность и аккуратность. О том, как москвичи поспешили воспользоваться ситуацией, упоминалось в хронике городской жизни: за несколько дней августа в латышское общество поступило 1500 требований на прислугу, а удовлетворить из них удалось не более 40 процентов. Многие из домохозяев стали нанимать прислугу прямо на вокзалах или в местах поселения беженцев, даже во дворе латышского общества, обходясь при этом без положенной регистрации.

Впрочем, не всем переселенцам из западных губерний приходилось с первых шагов по московской земле заботиться о добыче хлеба насущного. Пресса сообщала и о другой категории беженцев:

«В Москву прибыло несколько человек беженцев-мусуль-

НА УЛИЦЪ.

— Послушайте, барышня, я сразу догадался, что вы — бѣженка!

— Почему вы такъ думаете?

— Потому, что вы все время бѣжите отъ меня!

ман из Польского края, главным образом чиновников и людей состоятельных. Они разместились в Москве без помощи какой-либо организации. (...)

...прибыл в Москву из имения “Высоко-Литовск” под Брестом граф Я. С. Потоцкий с матерью. Один из самых богатейших земельных магнатов Западного края. (...)

Вчера в Москву прибыл владелец одного из самых богатейших майоратов Польши, граф Маврикий Замойский. Его имения расположены в Люблинской, Холмской губ. и частью в Галиции. Он потерпел миллионные убытки в связи с военными действиями. Говорят, что потери гр. Замойского достигают 20 миллионов руб.».

Среди известных варшавян, перебравшихся в Москву, были польский публицист, славянофил А. А. Жван, вождь польской демократии Александр Свентоховский, талантливый публицист Казимир Эренберг (из галицийских поляков), неизменно проводивший в своих статьях идею русско-польского сближения, издатель и руководитель газеты «Kurjer Poranny» Лудовик Фризе, писатель Вацлав Грубинский, граф Рогинский и др.

В романе А. Алтынина «Диктатор» встречается описание того, как преобразилась Москва с появлением на ее улицах многочисленных беженцев:

«В эти дни Тверская улица и прилегающие к ней бульвары и площади всегда были запружены нарядной, гуляющей толпой. Беженцы, нахлынувшие в Москву из Польши и Западного края, придавали улицам праздничный вид. Прекрасные изящные польки бросали вызов московским франтихам и, кажется, имели перевес. Может быть, это объяснялось тем, что коренные москвичи еще не вернулись с дач, но общее мнение было в пользу “паненок”, которым для полной победы над Москвой мешали их излишне свистящий и шипящий язык.

Прекрасные группы составляли латыши и литовцы, все до одного похожие либо на Качалова, либо на Балтрушайтиса».

Об оживлении, которое внесло в жизнь московского обще-

ства появление в нем польских аристократов, вспоминала Н. Я. Серпинская. Вот любопытная деталь из описания мемуаристки салона старшей дочери фабриканта Саввы Морозова — Марии:

«Другая, незамужняя ее сестра, Елена Саввишна, еще более некрасивая, с лицом как полоскательница, считалась очень богатой московской невестой. Все лицеисты, обнищавшие дворянчики за ней ухаживали. (...)»

Во время наших неудач на польском фронте салон Марии Саввишны наполнился разными польскими графами и князьями. Отдаленные отпрыски Потоцких, Радзивиллов, Любомирских идеально танцевали с сестрами мазурку и презрительно шурились на сервировку стола, за которым по будням для вина подавались стаканы, принятые в хороших домах под розовую воду для полоскания льда. Они всячески старались очаровать богатую “мужичку”, чтобы получить ее миллионы. Но Елена Саввишна продолжала водить всех за нос и не выражала желания платить так дорого людям, у которых кроме хороших манер ничего не осталось».

После того как положение на фронте стабилизировалось и наплыв беженцев прекратился, у служащих Городской управы забот не уменьшалось — просто изменился их характер. Так, например, все острее стоял вопрос о медицинском обслуживании огромной массы новых жителей Москвы. Еще в августе 1915 года в Центральном бюро признали необходимым создать особый санитарный отдел с участием в нем врачей, «знающих наречия беженцев». Жизненная важность этого решения подтвердилась в январе 1916 года, когда вечерняя газета «Время» сообщила по возникшей проблеме:

«В последнее время было много случаев заболеваний среди латышей. Дело в том, что в Москве сейчас до 20 тыс. беженцев-латышей, и всю эту массу обслуживал до сих пор только один доктор Бельдау. С половины января в помощь к нему был приглашен другой латышский врач. Раньше было два врача, но им еще приходилось ездить по два раза ос-

матривать латышей в Богородске. Комитет находится в затруднении, так как врачей-латышей нет, а русские врачи, не владеющие латышским языком, не могут справляться с малокультурной массой беженцев. Необходимо, чтобы город помог наладить более или менее правильно дело оказания врачебной помощи беженцам-латышам».

В начале 1916 года хроникеры городской жизни обращали внимание и на другое явление, непосредственным образом связанное с пребыванием в Москве «пришлого элемента». Речь шла о том, что мировые суды оказались завалены делами, связанными с беженцами. Одну группу составляли иски домовладельцев о выселении из квартир. Выяснилось, что во множестве случаев беженцы, ссылаясь на свое особое положение, не вносили квартплату и при этом отказывались освободить занятые ими помещения. Несмотря на все сочувствие, мировым судьям приходилось считаться с правом хозяина и выселять жильцов, прекративших платить за квартиры.

Другие дела, свидетельствовавшие о возникновении специфических настроений в обществе, проходили по разряду «о личных оскорблениях». «Последние годы число таких дел было крайне ограничено, — писал судебный репортер, — а теперь их создают беженцы, которые вносят чрезвычайную нервность и во взаимоотношения между собой, и в сношения с постоянным населением столицы, требуя к себе особой предупредительности как к пострадавшим».

«Чрезвычайная нервность» в отношениях между коренными и пришлыми жителями Москвы объяснялась ухудшениями условий жизни. Это ощущали на себе и те и другие. Москвичи, столкнувшиеся с неведомыми прежде явлениями — дефицитом продовольствия и топлива, многочасовыми стояниями в очередях-«хвостах» за самым необходимым. Трудно в такой обстановке удержаться от мысли, что город заполнен тысячами «нахлебников»; трудно не дать вырваться словам: «Понаехали тут!» А еще газеты подогревают страсти, повторяя

все чаще и чаще, что в дороговизне виноваты лопающиеся от денег «беженцы», готовые платить столько, сколько запросят обнаглевшие торговцы.

В свою очередь «пришлые» и рады были бы покинуть Москву, вдруг ставшую мачехой, да некуда. Особенно для тех, кто находился у крайней черты. Вряд ли обитателей беженских поселков можно было отнести к тем людям, чьи непо-

мерные траты приводили к росту цен. Даже по краткому описанию, попавшему на страницы вечерней газеты «Время», можно понять, в каких условиях им приходилось жить:

«Мы уже сообщали о неудачной постройке городского Калитниковского поселка для беженцев; теперь сама Управа в докладе по военным мероприятиям признается в этом. Она указывает, что температура в бараках в первый день по поселении беженцев была только 8 градусов; на следующий день она повысилась до 10, а на третий — до 12. Полы в бараках скоро утеплились; стены же и потолки давали сырость.

Впрочем, Управа утешается соображением, что поселившиеся в бараках беженцы находили свое новое помещение относительно более удовлетворительным, чем те, в которых они жили раньше. Клиентура поселка преимущественно составила из женщин и детей малороссов и белорусов, православных».

А вот другая зарисовка с натуры, сделанная участниками переписи населения Москвы, проведенной городской управой в феврале 1917 года:

«Село Черкизово, ныне беженский поселок, почти сплошь состоит из ветхих “карточных” домишек, глубоко вросших в землю.

Многие из этих лачуг были брошены и долго стояли заколоченными — труха, негодная даже на топливо! Однако в лихую годину войны вспомнили о них.

Первыми черкизовскими новосельцами явились старообрядцы-беженцы.

Сначала их размещением и хозяйством заведовала чета Григорьевых (местные домовладельцы), затем Преображенская община, а с осени прошлого года о всех черкизовских беженцах стало “заботиться” “само” Центральное городское бюро.

В настоящее время в Черкизове не осталось ни одного не заселенного сарая или курятника.

Большая Черкизовская улица — “лобное место”, где ежедневно происходят в часы стояния в “хвостах” словесные еди-

ноборства между беженцами и коренными жительницами.

Рассказывают, что дело иногда доходит до рукопашных схваток, так жестока здесь борьба за кров и кусок хлеба!

Куда ни заходим — один ответ:

— Мать ушла в “черед”. (...)

Многие были убеждены, что все беженцы — “лентяи”, получают от города “слишком много”, а когда взглянули ближе — оказалось “совсем наоборот”.

— Скверно беженцы живут, — говорят счетчики. — В квартирах такой холод, что, пока переписываешь, руки замерзают.

— А босых на снегу видели? Обуви не имеют.

Начинаем обход с перестроенной под беженское общежитие фабрики Исаева.

Большой сарай с общей плитой, разделенный на крохотные каморки, в которых ютятся по 5—10 душ: старики, женщины и дети.

— Ничего, живем кое-как, — говорят женщины, большинство вдовы.

Барышню, расположившуюся у стола, моментально окружает голоногая детвора.

— Есть кого переписывать! — смеются матери.

От каждой из женщин нам приходится выслушивать жалобу на несправедливость городского бюро, лишаящего помощи тех, кому она необходима.

— Моя сестра, — говорит худая и бледная женщина, укачивая младенца, — получала раньше от старообрядческого комитета паек, а город отнял. Доктор по виду признал ее здоровой, а тут все знают, что она больна “задуменьем”: с детства напугана.

— Достанешь булку, “разыграешь” по куску на всю семью, а на ужин и нет, — жалуются беженки.

Из люльки на нас удивленно глядит пара прелестных глаз.

— Чудо что за ребенок был, — говорят соседки, — а зачах, смотреть жалко. Мор у нас на детей.

В. Руга, А. Кокорев

Село Черкизово

6-я улица, дом Колыбашкина.

Несколько обледенелых ступеней вниз. Нажимаем дверь в рост десятилетнего ребенка в подвал, откуда нас обдает затхлым и сырым воздухом, и останавливаемся пораженные.

Зрелище настолько дикое в XX веке, что с трудом веришь глазам.

В двух шагах от входной двери извивается странное существо, со страдальчески перекошенным лицом, запертое в какой-то удивительный прибор, — не то детское кресло, не то большие детские ходули, и руки завязаны, как у безумной, ноги босы и уродливы.

— Моя дочь, — говорит пожилая беженка с раздутыми ревматизмом руками, — двойняшку родила. Одна умерла, а эта на горе себе и нам выжила. Умная, все понимает, а ни стоять, ни сидеть не может — косточки мягкие. Руки завязываем, чтобы не царапала себя.

Кроме той несчастной, которую мать все же не оставила немцам, у нее еще пять душ детей.

Но каких!

Мальчик лет десяти — худ, а живот горой.

— Руки чуть живенькие, — говорит сквозь слезы мать, обнявая перед нами его высохшие черные руки. — А ест как взрослый!

В квартире так холодно, что суп к утру замерзает.

Барышня-счетчица, хмурясь и явно смущаясь, скороговоркой задает “официальные” вопросы:

— Комнат не сдаете? Электричества, конечно, нет (какая ирония!)?

Печальную картину застаем у соседей.

Замерзшие окна. Холод, как на дворе (топить бесполезно — продувает, а когда дождь, некуда спрятаться: потолок — решето).

На голых досках коек сидят, закутавшись в лохмотья и тесно сплотившись, беженцы.

На лежанке помещаются глухая женщина и ее муж, безно-

гий горбун.

Последний с трудом сползает на пол и, весь дрожа от обиды и волнения, начинает жаловаться...

Так живут в Черкизове беженцы, “опекаемые” городом...»

Жить в Москве, как показали дальнейшие события, им пришлось еще довольно долго. Кто-то из тех беженцев так и не смог вернуться на Родину, окончательно превратился в горожанина, стал родоначальником новых поколений коренных москвичей.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

*Гарсон!.. Зажгите электричество
И дайте белого вина!..
...Его величество!.. Его величество
Блестяще свергнула страна!..*

Дон-Аминадо.

Пародия на И. Северянина

«Револуции не было, — записал в дневнике в 1917 года москвич Н. М. Мендельсон, — самодержавие никто не свергал. А было вот что: огромный организм, сверхчеловек, именуемый Россией, заболел каким-то сверхсифилисом. Отгнила голова — говорят: “Мы свергли самодержавие!” Вражье: отгнила голова и отвалилась»¹.

Возможно, такая оценка событий весны 1917 года близка к истине, если их рассматривать с философской точки зрения. Однако Февральская революция не была бы революцией, если бы народ не вышел на улицы, если бы он силой оружия не разогнал старые органы власти и таким образом вынудил царя отказаться от власти. Иначе говоря, революция — это активные целенаправленные действия народных масс; в первую очередь в столице, затем в других стратегически важных точках страны. Одной из них, несомненно, была Москва.

¹ ОР РГБ. Ф. 165, карт. 1, д. 1. Лл. 8-8 об.

Весть о народных выступлениях и переходе частей Петроградского гарнизона под власть Государственной думы пришла в Москву 27 февраля. Поскольку главноначальствующий генерал Мрозовский запретил публиковать в московской прессе телеграммы из Петрограда, газеты не вышли вообще. Тем не менее молва о восстании в столице распространилась среди москвичей с необыкновенной быстротой. В невиданном прежде количестве по городу расходились листовки, изготовленные на «ремингтонах» (пишущих машинках), гектографах и шапирографах. Вечером того же 27 февраля в здании Городской Думы на Воскресенской площади начал работу Временный революционный комитет. Позже он был преобразован в Комиссию общественной безопасности, куда вошли представители различных общественных организаций. Параллельно возник Совет рабочих депутатов.

Утром 28 февраля к Думе стали сходиться толпы москвичей. Репортер газеты «Утро России» описал увиденное так:

«11 часов утра.

На Воскресенской площади отдельные небольшие толпы народа.

Кого-то ждут...

Говорят, что со всех заводов Замоскворечья и Симоновской слободы сейчас придут рабочие.

С Моховой улицы, от университета показывается первая толпа студентов. Молодые, юношеские лица горят задором.

Студенты идут стройными рядами, взявшись за руки.

Над толпой резко выются ярко-красные знамена...

Студенты идут на площадь с революционными песнями. Издали слышно, как дружно, под шаг они поют:

— Вперед! Вперед! Вперед!

Отдельные кучки людей быстро группируются вокруг студентов и дружной массой подходят к подъезду Городской Думы. Красные революционные флаги укрепляются в тех же стержнях, где по царским дням прежде вывешивались национальные флаги.

Первая демонстрация, направляющаяся к зданию Городской Думы

Кое-кто из юных демонстрантов взбирается на деревья у подъезда и укрепляет революционные флаги на ветвях.

С верхних ступенек думского крыльца начинают говорить ораторы.

Бурным потоком на площадь льются все новые и новые толпы народа.

Разодетые дамы, рабочие, солдаты, студенты, офицеры, масса молодежи, учащейся в средних учебных заведениях, — публика самая разношерстная.

Настроение приподнятое.

Плотной массой все группируются около крыльца Думы...

А на верхних ступенях крыльца один за другим сменяются десятки ораторов. Сначала это почти преимущественно студенты. Говорят о петроградских событиях, о необходимости единой организации и призывают к решительным действиям.

К 12 часам дня толпа уже занимает всю Воскресенскую площадь.

Масса публики, желающей видеть, что происходит в подъезде, забирается на кучи снега, сгруженные вдоль трамвайного пути и тротуара, мальчуганы залезают на фонарные столбы и крышу трамвайного павильона.

Вместе со студентами в роли ораторов выступают офицеры.

Но и они, как и студенты, призывают всех к решительным действиям, обещаясь, что армия пойдет теперь за новым правительством. Речи офицеров встречаются бурными, долго не смолкающими аплодисментами и криками “ура”.

Рядом с офицерами с речами выступают солдаты, рабочие, интеллигенты.

Некоторых из ораторов толпа поднимает на руки и с восторженными криками “ура” долго качает.

Настроение растет.

Особенно большим успехом пользуются офицеры раненые...

Среди публики циркулируют слухи, что полиция не пропускает рабочих через Москворецкий мост. Рабочие будто бы идут в обход.

Через Иверские ворота с Красной площади едет отряд конных жандармов с офицерами во главе. Толпа встречает их сдержанно, молча, и они молча проезжают через площадь на Тверскую улицу.

Вслед за жандармами едут конные городовые. Толпа встречает их криками и улюлюканьем. Городовые молча проезжают.

Никаких инцидентов, никаких столкновений с полицией на площади не было».

Для подавления революционного брожения генерал Мрозковский мобилизовал полицию и войска гарнизона. По его приказу полицейскими нарядами и воинскими подразделениями были перекрыты мосты. На центральных улицах и

Возле Городской Думы

площадях были сосредоточены отряды конных жандармов и городских, казачьи разъезды. Штаб полицейских сил обособился в Историческом музее. Рядом, в Манеже, находились военные подразделения. Кроме того, в разных частях города были устроены так называемые «засады» — в кинотеатрах, во дворах домов и других подходящих местах скрытно разместились группы полицейских и воинские команды под началом офицеров. Но как выяснилось очень скоро, этих сил оказалось недостаточно, чтобы защитить старый строй.

Показателен эпизод, приведенный в воспоминаниях участника революции Я. И. Лебедева, вместе с товарищами провавшегося к Думе из Замоскворечья: «В начале Моховой нам преградили дорогу полицейские. Пристав отчаянно кричал: “Разойдись!” Полицейские врезались в толпу. Людская масса расступилась, пропустив их, а потом опять сомкнулась. Маленькая группа полицейских утонула в людском море. А де-

монстранты, кучками и в одиночку, переулками просачивались в центр города. Бочком, мимо Александровского сада, через Охотный ряд вышли мы к Московской городской думе (где теперь помещается Музей В. И. Ленина). Тут уже толпился народ со всех концов города».

В. Яновский рассказывал, что рабочим Военно-промышленного завода на пути к центру города пришлось миновать несколько казачьих и жандармских застав: на Земляном валу, у Лялина переулка, у Ильинских и Иверских ворот. Каждый раз участники шествия объясняли, что идут к властям заявить о своем бедственном положении, и казаки их пропускали. Однако московские пролетарии были готовы к схваткам с полицией. Например, рабочие завода Михельсона отправились к Городской Думе, вооружившись самодельными кинжалами, увесистыми болтами и гайками.

По другим свидетельствам, отряды конных городских и жандармов пытались разгонять демонстрантов, если их количество было невелико. Когда же на улицах появлялись колонны в сотни и тысячи людей, защитники старого строя предпочитали скрываться в переулках. Точно так же поступали и казаки. Студент-медик Н. Г. Петров, который вел из Хамовников большую группу рабочих и солдат, вспоминал, что при их появлении у Пречистенских ворот казаки усакали прочь. Он только успел заметить нескольких всадников, скрывшихся за храмом Христа Спасителя.

Самым опасным оказался момент, когда колонне под началом Н. Г. Петрова преградило путь военное подразделение:

«Приближаясь к Зубовской площади, где пересекаются Зубовская улица и Смоленский бульвар, мы еще издали увидели выстроившуюся поперек улицы, от угла до угла, цепь солдат с винтовками, обращенную лицом к нам. Позади нее были видны фигуры в офицерской форме.

Назначение военной заставы не оставляло никаких сомнений: преградить революционным массам Хамовников доступ к центру Москвы.

По-видимому, неизбежно было кровопролитие.

Самым сильным нашим оружием в этот день было слово. Может быть, мы успеем сказать солдатам те несколько слов, которые предотвратят стрельбу?

Я велел колонне остановиться, а сам скорым шагом, почти бегом, направился по середине улицы к шеренге солдат. Была слабая надежда, что раз колонна остановилась, по моей одинокой фигуре стрелять не будут.

Издали слышу, как офицеры отдают команду, солдаты выстраиваются с самым зловещим видом. Мне оставалось добежать шагов 20—30, когда я почувствовал кого-то около себя. Оказывается, один из дружинников, И. Г. Рафес, бежал, чтобы помочь мне при обращении к солдатам.

Оглядываюсь назад и с ужасом вижу, что колонна вовсе не стоит, а движется вперед, приближается.

Мы с Рафесом побежали что есть сил.

И вдруг в последнюю, самую критическую минуту, когда по приказу офицеров солдаты уже подняли винтовки, пришла помощь с самой неожиданной стороны. Позади цепи солдат, совсем недалеко от них, у магазина стояла длинная очередь женщин за хлебом. И вот вся толпа женщин бросилась на солдат сзади с криком: “Что вы делаете? В своих стреляете!” — и в одну секунду спутала все ряды, сломала всякое подобие воинского строя. В это время подошла и наша колонна, и все смешалось в одной бурлящей толпе.

Офицеры сразу исчезли, как сквозь землю провалились».

Во время Февральской революции в Москве огонь по демонстрантам был открыт в считанных случаях. На Яузском мосту помощник пристава выстрелами из револьвера убил рабочих И. Астахова и А. Ефимова-Евстигнеева. Полицейского офицера тут же схватили и швырнули в реку. По сообщениям газет, вместе с ним был убит городской. Когда толпа дошла до конца моста и смяла цепь солдат, командовавший ими прапорщик полетел в ледяную воду следом за помощником пристава. Другими жертвами стали «самокатчики» (мотоциклис-

ты) Военной автомобильной школы: Ананий Урсо, Иван Самсонов, Василий Медков. Вместе с тремя сотнями своих товарищей они шли по Большому Каменному мосту и попали под огонь, открытый взводом 251-го запасного полка.

Чтобы привлечь войска московского гарнизона на сторону восставшего народа, Временный революционный комитет обратился к солдатам с воззванием:

«Московские солдаты! Дело теперь за вами: поддержите народ, переходите на его сторону. Дело народа — ваше дело. Защитите народ от нападения полиции и жандармерии. Захватите арсенал и другие склады оружия и защитите народ. Выбирайте своих представителей и немедленно присылайте их в Городскую Думу — там заседают представители рабочих Москвы. Долой старое правительство! Да здравствует народ!»

По подсчетам историка А. Я. Грунта, численность московского гарнизона составляла около ста тысяч солдат различных родов войск. Кавалерия была представлена совсем незначительными силами: тремя казачьими сотнями — 28-й и 14-й Донскими, 15-й Оренбургской (в двух последних по 72 казака в каждой). Казаки, сыгравшие важную роль во время подавления революции 1905 года, в февральские дни практически сразу заняли нейтральную позицию. Да и остальные части гарнизона очень скоро отказались повиноваться приказам генерала Мрозовского.

Однако на начальном этапе революции никто не мог предугадать, в какой степени военные сохранят верность присяге. Председатель Совета рабочих депутатов Л. М. Хинчук вспоминал, что появление на Воскресенской площади первого организованного подразделения вызвало смятение среди находившихся в Городской Думе:

«Во время заседания Совета (28 февраля) мы слышали барабанный бой и увидели приближение к Думе целой воинской части в сопровождении нескольких офицеров. Мы не могли знать, с какими намерениями приближалась воинская часть. Председательствуя на заседании, я заметил нервные

„Дедушка, купи летучку!“

(Рис. худ. М. Щеглова).

ПРИМЕТЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
«Летучками» называли экстренные выпуски газет

лица, беспокойство, в свою очередь, также взглянул в окно и увидел уже остановившуюся на Думской площади воинскую часть. Спокойно, уверенным голосом я обратился к депутатам с заявлением: “Вот первая воинская часть является нам на подмогу в качестве сторонников революции”. Внутренней уверенности, признаться, у меня не было. Но появление двух офицеров, возглавлявших воинскую часть, сразу рассеяло сомнение всех. От имени прибывшей части офицеры просили принять их на службу революции, требуя приказов и распоряжений Совета. С этого момента стало ясно, что победа на нашей стороне. С этого момента началась уже организованная, энергичная, плановая работа. Мы уже имели на своей стороне солдат и могли, в случае нужды, употребить воинское оружие»¹.

Прибытие каждого военного отряда добавляло уверенности руководителям восстания. Особую важность представляли случаи, когда на сторону народа переходили воинские части, направленные для разгона митингующих. Сохранившееся в архиве воспоминание об одном из таких эпизодов приведено историком Э. Н. Бурджаловым: «Младший офицер А. Лаврентьев рассказывает, что, когда рота 84-го пехотного запасного полка подошла к Красной площади, перед ней открылась величественная картина: “Тысячная толпа приветствовала наше появление криками “ура” и подбрасыванием шапок, вся площадь пришла в движение”. Наступил критический момент. Толпа выслала трех делегатов для переговоров. Они предложили роте сдать оружие и перейти на сторону ре-

¹ Наперекор множеству других свидетельств о массовом переходе частей московского гарнизона на сторону народа большевик П. Г. Смилович почему-то снабдил рассказ Л. М. Хинчука таким комментарием: «Ничего подобного не было. Еще около недели “в нашем распоряжении” было только тысячи полторы сброда (большинство без винтовок) да пара пушек без снарядов и, кажется, без замков».

волюции. Солдаты заявили себя сторонниками революции и дали честное слово никогда не поднимать оружия против народа. Состоялся митинг. “Ораторы приветствовали переход нашей роты на сторону народа, именуя нас первыми представителями будущей революционной армии, к моей груди кто-то приколот огромный красный бант”».

Газетные описания подхода революционных войск к Городской Думе дополняют общую картину:

«Около полудня с Ходынского поля на Красную площадь начинают проходить отряды солдат.

Идут полуротами.

Толпа, охваченная энтузиазмом, встречает их бурными криками “ура” и аплодисментами.

— Да здравствует русская армия! Да здравствуют наши защитники!

Серая масса солдат, словно по коридору, проходит среди безбрежной черной толпы.

Солдаты машут шапками, платками».

Под вечер собравшимся на Воскресенской площади объявили, что ее «комендантом» назначен подполковник А. Е. Грузинов. Этот офицер-артиллерист уволился в запас в 1916 году и с тех пор в качестве общественного деятеля занимался заготовками продовольствия. Поскольку в «штабе революции» он был единственным военным в сравнительно высоком чине, его упростили принять «верховное командование».

После победы революции Грузинов признался, что до его назначения на Воскресенской площади распоряжался один-единственный прапорщик Г. Г. Ушаков. В силу своих скудных знаний военного дела юный офицер пытался организовать оборону здания Городской Думы. Однако, по мнению А. Н. Вознесенского, она совсем не напоминала неприступную крепость:

«Чем ближе к Думе, тем больше народа на тротуарах: шпалерами вытянулись черные толпы вплоть до Охотного ряда. Но дальше Охотного в сторону Думы — пустыня. Боязнь ско-

вала любопытных. Впереди за пустым промежутком снова темнеют люди. Эти уже действуют. Их немного, до смешного немного... Когда наш автомобиль остановился на площади, раздавая солдатам последние прокламации, моим глазам представилась следующая картина: человек около ста молодых солдат расположились на позиции, спиной к Думе. Несколько маленьких пушек были устремлены жерлами в сторону Театральной площади, одна направлена в сторону Тверской. Молоденький офицер (Ушаков) нервно бегал, отдавая распоряжения. В память врезался молоденький солдатик, который суетливо подбежал к нам с криком: “Товарищи, где санитарный автомобиль?” На лицах солдат я видел еще выражение неуверенности и волнения. Активная революционная группа была совершенно незначительна, энергичного отпора она еще не смогла бы дать. Сразу бросалось в глаза, что она беззащитна с тыла. Со стороны Иверских ворот не было ни часовых, ни вообще какого-либо прикрытия.

У градоначальника Москвы Шебеко был план пустить конных и пеших городских на революционеров со стороны Никольской улицы. Если бы эту атаку удалось провести решительно, революционное ядро было бы смято с тыла, и неизвестно, кончилась ли бы так легко московская революция».

А вот какие впечатления о первых днях революции в Москве сохранились в памяти профессионального военного, героя войны, в то время командира роты 4-й школы прапорщиков штабс-капитана А. Г. Невзорова:

«Наступил 1917 год. О революции мы ничего не знали. Не было времени заниматься этим, да и в то время еще не имели “революционного опыта”, то есть не знали, как это делается революции. В один прекрасный, солнечный день с легким морозцем пришли со строевых занятий в классы, на лекции. Подходя к нашей школе, увидели, что к казармам 55-го и 56-го запасных батальонов подходит большая толпа народу, приблизительно 2000 или 2500 человек. Впереди сани, запряженные одной лошадкой, на санях водружен длинный шест, а

Революционные солдаты на Красной площади

на нем висит красно-грязное полотнище. Назвать красным не могу, уж очень грязное оно было. Часть людей, вожаки, отделились от толпы и пошли к гауптвахте 55-го батальона, требуя освободить арестованных, так как сейчас — “свобода”. Часовой у гауптвахты был старый кадровый солдат, уже побывавший на фронте. Он предупредил толпу, чтобы не подходили, а то он будет стрелять. Те же кричали: “Свобода, товарищ, выпускайте арестованных!”

Предупредив три раза, часовой выстрелил в воздух. Боже, что тут произошло! Вся эта большая толпа бросилась врассыпную. Осталась стоять на месте понутив голову лошадь с саними, а на снегу лежал длинный шест с грязно-красным полотнищем. Стоя на крыльце нашей школы, я видел, какую панику вызвал один только выстрел. Мимо меня пробежал какой-то унтер-офицер с Георгиевским крестом. Я не удержался и крикнул ему: “Куда, орел, бежишь?” — “Стреляют там, ваше высокоблагородие!” — “Ну, беги, беги, молодец!” После, когда толпа увидела, что больше не стреляют, люди стали собираться и скоро подошли к нашей школе.

Несколько человек, по виду студенты, вошли в школу. У меня в это время был урок топографии. Врываются в класс какие-то три человека южного типа и начинают говорить, что надо бросать занятия и идти всем на улицу.

Я подвел этих господ к расписанию занятий, висевшему на стенке, и показал им, что сейчас идет урок топографии, а следующий — тактики. Фронт нуждается в офицерах, а потому я прошу их нам не мешать. Затем я вызвал дежурного по классу. Вышел унтер-офицер с Георгиевским крестом. Вид имел он внушительный, высокого роста, широкоплечий. Обращаясь к нему и говорю, чтобы он попросил этих господ не мешать нам заниматься. Дежурный вежливо, но твердо попросил их оставить класс. Те, конечно, начали говорить: “Как же, товарищи, сейчас такое время, всем надо идти на улицу”, — и т. д., в таком же духе. Но дежурный твердо заявил, что просит их немедленно оставить класс. Покрутились мои незваные гости, но все же, ворча что-то под нос, ушли. Почти так же было и в других классах. Занятия продолжались. Все же покой был нарушен. 1-я рота, состоявшая из студентов, начала волноваться. Устроили что-то вроде митинга и решили идти в Городскую Думу, где был штаб революционеров. Хотя я и не имел никакого отношения к 1-й роте, но пришли ко мне юнкера 1-й роты и стали просить меня, чтобы я пошел с ними в Городскую Думу. На это я мог ответить лишь одно: “Вы понимаете, о чем вы меня просите? Что у вас по расписанию в следующий час?” Говорят: “Тактика”. — “Ну, вот и идите в класс”. Но все же через некоторое время вся студенческая рота ушла без офицеров.

Положение было неопределенное. Где-то что-то творится, кого-то разоружают, арестовывают, носятся грузовики, наполненные людьми в солдатских шинелях попеременно с вооруженными штатскими. У всех красные банты на шинелях, все — обвешанные пулеметными лентами. Какая-то стрельба на улицах. Слухи идут всевозможные. Приказаний из штаба округа никаких нет. Мы — люди не искушенные в делах рево-

люции, не знаем, что и делать, сидим и ждем. Офицеры в этот день из школы домой не едут. К вечеру опять приходит ко мне депутация от 1-й роты. Просят прийти к ним, так как без офицера они себя очень неуверенно чувствуют. Ответил, что никуда не пойду, а пусть лучше они возвращаются в школу. Подходит ночь. 2-я рота не ложится спать. Волнение от неизвестности. В 11 часов вечера решаем все идти со 2-й ротой в Городскую Думу, чтобы выяснить обстановку. Выстраивается вся рота с офицерами на местах, и двигаемся в городскую думу. От школы до думы довольно далеко. Приятная погода, слегка подмораживает, тихо. Около 12 часов 30 минут ночи вступили на Красную площадь. “А ну, песню!” — “Какую?” — “Какую хотите”. — “Песнь о вешнем Олеге”. Припев всем известен: “Так за Царя, за Родину, за Веру мы грянем громкое “ура”!” Как нам потом рассказывали бывшие в Городской Думе, когда там слышали нашу песню, то такая паника поднялась! Когда рота подошла к дверям думы, то на крыльце стоял трясущийся от страха революционный командующий войсками подполковник артиллерии Грузинов. Грузинов был призван из запаса, а до войны он был земским начальником. Так вот этот командующий дрожащим голосом обратился к нам: “Господа, в чем дело? Почему вы пришли сюда?” — “Пришли мы сюда, чтобы посмотреть, что у вас тут творится”. — “Господа, может, вы голодны? Мы сейчас все это устроим!” — “Ничего нам не надо, просто мы пришли посмотреть, что у вас тут делается”. Грузинов пригласил нас войти в Городскую Думу. Несколько офицеров и юнкеров вошли внутрь дома. Зашел и я. Там был полный хаос. Какие-то люди в рабочих и солдатских костюмах волновались, суетились, разбирали оружие, грудями лежавшее на полу. Не знали, как с ним обращаться. Один учил другого, сам не зная. Командующий войсками Грузинов объяснил нам, что тут организуется боевой отряд, на случай выступления контрреволюционеров. Когда я проходил по залу, то вдруг раздался выстрел, и пуля ударилась в стену над моей головой. Я обернулся и увидел какого-то человека южного ти-

па, с трясущимися руками и позеленевшим лицом, державшего в руках револьвер Кольта крупного калибра. “Ты что же, сукин сын, хотел убить меня?” — “Извините, господин офицер, он сам у меня выстрелил”. — “Я вот тебе покажу, как сам выстрелил!” Хотелось вцепиться ему затрещину, но он был так напуган выстрелом, а тут еще подбежали “товарищи” и набросились на него с руганью, что я плюнул и пошел дальше. Ознакомившись с положением вещей, увидели, что делать нам тут нечего. Но так как в школу идти было далеко, то обратились к командующему войсками, чтобы он указал нам место, где бы мы могли поспать до утра. Нам была отведена гостиница “Метрополь”, тут же, на Театральной площади, в ней мы заняли бильярдную и две гостиные. Одну гостиную, с голубой шелковой мебелью, заняли офицеры. Не раздеваясь, легли на голубые диваны и проспали до утра. Утром 2-я рота, забрав с собой и 1-ю, вернулась в школу.

Бестолковщина и безалаберщина были всюду. Будь у нас руководство и не потеряй головы генерал Мрозовский, то революция в Москве еще неизвестно как развивалась бы. В Москве было шесть школ прапорщиков и два военных училища численностью около 10 000 юнкеров. А это по тем временам сила».

Другого мнения придерживался журналист В. Амфитеатов-Кадашев, когда записал в дневнике 1 марта 1917 года: «Хотя гарнизон, в большинстве, еще не восстал, сидит запертый в казармах, но фактически у Мрозовского ни солдата». В полной изоляции от внешнего мира были юнкера Алексеевского и Александровского училищ. В последнем о революции узнали благодаря записке, которую, спрятав в бутербродах, жена передала писателю Борису Зайцеву. У юнкеров преданности старому строю оказалось не больше, чем у других военных. Амфитеатов-Кадашев отметил в дневнике: «Военные училища тоже перешли на сторону народа». Немного позже он зафиксировал разговор с юнкером Саблинным, который рассказал о блестяще проведенном «александровцами» захвате штаба Московского военного округа, «что

Митинг возле Исторического музея 28 февраля 1917 г.

даже арестованный Мрозовский выразил им свое восхищение». Но это случилось позже.

Мы же вернемся к рассказу о событиях, происходивших днем 28 февраля, когда Воскресенская площадь продолжала заполняться все прибывавшими демонстрантами. Вот как газета «Утро России» описывала появление московских пролетариев:

«Наконец около часу дня на площади со стороны манежа показывается первая партия рабочих.

На площадь двинулись окраины.

Могучей массой, стройными рядами подходят рабочие к площади. Высокий богатырь-рабочий в дюжих руках несет древко красного флага. Дружно, в шаг рабочие поют «Варшавянку».

Толпа встречает их приход дружными криками.

Вслед за первой партией рабочих идет вторая, третья, четвертая, десятая...

Словно волны вливаются новые массы народа на площадь.

К подъезду Думы уже нельзя пробиться.

Издали видно только, как ораторы один за другим сменяются на трибуне.

Кое-кто из них читает прокламации.

Видно, как ветер рвет бумагу, слышны отдельные возгласы, но речей разобрать уже нельзя...

Толпа как море залила все пространство от Метрополя до Александровского сада, от Охотного ряда до Красной площади.

В разных местах появляются новые ораторы.

Говорят, поднявшись на фонарные столбы, на кучи снега, на телеги ломовых извозчиков.

Кое-где ораторов просто поднимают на плечи, и они, сидя у публики на плечах, произносят речи. (...)

На площади становится известным, что в Думе уже заседает революционный комитет.

Это известие встречается бурей восторга...»

Единственной категорией москвичей, которую не увлек за собой поток спешивших к Городской Думе, оказались люди, стоявшие в очередях за хлебом. Они оставались на местах не потому, что сохранили верность царю, — в донесениях агентов охранного отделения «хвосты» характеризовались как места самой действенной антиправительственной агитации, — покинув очередь, они могли остаться без хлеба. Корреспондент «Утра России» сделал на ходу «зарисовку с натуры»:

«Великий день. Пахнет в воздухе весной и историей.

Тысячные толпы стремятся на Красную площадь.

И только хвосты на своих местах.

Каждая минута приносит новые известия, новые перемены.

Хвосты стоят недвижимо.

Их обходят.

Кто-то бросает крылатое:

— Правительство сломало свою голову о хвост.

Но эти хвосты — кто их сотрет?

С перекрестков исчезли городовые.

Точно их и не было никогда. Ни единого! Даже неловко.

Радостные восклицания:

— Смотри-ка! Городовой!

В самом деле — представитель старого строя, кирпично-красный, с таракаными усами сдерживает напор толпы, стоя у дверей булочной.

Хвост бушует:

— Надо чтоб в очередь! Эй ты, бляха!

Городовой отвечает:

— Не ерепеньтесь!..

Хвосты волнуются.

Еще бы! Вчера в одни руки выдавали по четыре французских хлеба.

Хвосты радуются:

— Вот он, Петроград! Вот он, Родзянко!

Глубокое понимание момента.

— Идем, что ли, на Красную...

— Моя очередь скоро...

Многие идут на площадь, покончив свои дела в хвосте; идут, держа под каждой рукой по две булки.

Новости сыплются ежеминутно.

— Ответственное министерство!..

Среди хвостов тоже новости. Вчера в первый раз в Москве появились... керосиновые хвосты».

Около трех часов дня на Воскресенской площади родилась новая инициатива — ораторы предложили отправиться в казармы и агитировать солдат. Огромная толпа, насчитывавшая около сорока тысяч человек, с революционными песнями двинулась к Спасским казармам. Но площадь не опустела. К Городской Думе продолжали стекаться москвичи.

Многотысячной толпе посланцев революционного народа потребовался час с лишним, чтобы дойти до Спасских ка-

зарм, которые располагались возле Сухаревской площади. Ворота воинской части оказались закрыты. Часть демонстрантов сгрудилась возле входа и вступила в переговоры с караулом, состоявшим из одних офицеров. Несколько рабочих влезли на крыши торговых павильончиков, а с них забирались на гребень стены, окружавшей казармы. Оттуда они стали призывать солдат присоединиться к революции.

«В это время неожиданно из нескольких верхних окон раздались выстрелы, — описывал увиденное А. Н. Вознесенский. — Толпа отхлынула на некоторое время от стен казарм, но когда убедилась, что выстрелы были сделаны в воздух и что никто не ранен и не убит, быстро успокоилась.

В половине шестого вечера вся площадь огласилась громовым “ура”. Это народ, взломав ворота, проник во двор казарм. Сейчас же часть солдат вышла на площадь, а многие окружили ораторов во дворе.

Офицеры и солдаты внимательно выслушивали сообщения о петроградских событиях, встречая их одобрительными возгласами. Ораторы знакомили солдат и офицеров с задачами и целями движения».

Другому участнику похода к Спасским казармам П. А. Воробьеву запомнился такой момент: «Нас, подростков, забежавших вперед, рабочие отгоняли, опасаясь, как бы дети не стали жертвами. Но солдаты не стреляли; некоторые из них пожелали первыми присоединиться к народу, они спускались из окон на веревках, свитых из полотенец и простынь.

Рабочие целовались с ними, ласково жали им руки и радостно кричали:

— Ура! Товарищи солдаты с нами!.. Долой Николая Кровавого!

Военное командование Спасских казарм медлило с ответом».

Не спешила примкнуть к восстанию и солдатская масса. Одно дело приветствовать революцию, не покидая казармы, но совсем другое — стать активным участником событий. В слу-

чае неудачи солдатам грозил военно-полевой суд и в конечном итоге расстрел.

«Солдаты жались друг к другу, не знали, что им делать, — рассказывал рабочий И. Горшков. — В результате долгой агитации удалось собрать солдат с винтовками и без винтовок, но идти они не хотели... откуда-то появился офицер, скомандовал построиться и под своей командой повел с нами».

Судя по описаниям очевидцев, ближе к вечеру на Воскресенской площади было уже несколько подразделений под командой офицеров. «Из думы и в думу начали сновать молодые офицеры с пышными красными повязками на рукавах, — писал в мемуарах Н. Г. Петров. — Опять в душе у нас двойственное переживание: с одной стороны, это новый признак восторжествовавшей революции; с другой — откуда взялось столько “революционных офицеров”, о которых ранее мы что-то ничего не слышали?..

Площадь кипела митингами до вечера. Для питания воинских частей, которых на площади было уже немало, прибыло несколько полевых кухонь. Одна такая кухня досталась солдатам из нашей колонны. И мы всем отрядом отправились в Малый театр».

Поздно ночью к Городской Думе прибыли солдаты 1-й запасной артиллерийской бригады, которые привезли 16 орудий. Интересно, что на пути следования с Ходынского поля, во время небольшой остановки у Триумфальных ворот, прохожие вдруг стали бранить солдат. Их упрекали в том, что они выступили против народа — из-за отсутствия красных флагов артиллеристов сочли сторонниками старой власти. Тогда один из солдат привязал к шашке красный платок, и под громогласные крики «ура» пушки покатали дальше по Тверской.

Впечатления об исходе дня 28 февраля описал в дневнике москвич Н. П. Окунев:

«В 5 часов вечера я снова пошел на Воскресенскую площадь и видел такую же картину. Чтение телеграмм, толпа народа, в которой были даже офицеры и солдаты, и полное от-

сутствие полицейских. Но на Красной площади разъезжали конные — не то городовые, не то жандармы — и охраняли входы в Кремль, который был заперт, т. е. все ворота в него затворены. Тут, я думаю, преследовалась не борьба с народным движением, а сдерживание народа от хулиганских выходов. (...) Были слухи: что там уже стреляют, тут громят и т. п., но к ним относились не очень доверчиво. Да и не похоже было, по уличной обстановке, что что-нибудь происходило кошмарное. Я был на улицах (Сретенка, Кузнецкий мост, Тверская, Никитская) в 7 ч. вечера, в 11 ч. и в 1 ч. ночи, и было везде тихо, а ночью даже совершенно безлюдно, т. к. не было на улицах городских, как, впрочем, и во весь день. Что это — распоряжение новой или старой власти или трусость самих полицейских?»

В тот момент обывателям не было известно, что городовые были сняты с постов для того, чтобы образовать из них ударные отряды. Сыграли роль и случаи нападения на одиночных стражей порядка. В любом случае обнаружить, что на перекрестках привычно не торчит «статуй» с шашкой, револьвером и свистком, — для москвичей это было из ряда вон выходящим событием.

В 1892 году, когда обер-полицмейстером был назначен А. А. Власовский, московские городовые вместо праздного препровождения времени на тротуарах встали на перекрестках улиц. Проверая днем и ночью, беспощадно наказывая за оставление постов, начальник московской полиции в конце концов добился, чтобы его подчиненные следили за порядком и регулировали уличное движение, не сходя с места. Стоящий посередине улицы городской, все замечающий и готовый в любой момент употребить власть, превратился в символ непоколебимости устоев государственной жизни. Даже во время революции 1905 г., когда в открытую звучал призыв «Убивайте городских!», стражи порядка не покидали своих постов. И вот в дни Февральской революции москвичи впервые увидели непривычно-тревожную картину.

Впрочем, без городских оказались улицы в центральной части города и, скорее всего, на рабочих окраинах. Но, видимо, кое-где полиция продолжала охранять порядок. Например, депутат Государственной думы М. М. Новиков, проживавший на территории Сушевской части, вспоминал свою поездку с Воскресенской площади домой:

«В думе мне заявили, как и несколько дней тому назад в Петрограде, что движение по улицам небезопасно, и дали мне в качестве охраны офицера и юнкера. Последний поместился рядом с шофером и выставил свою винтовку из дверки автомобиля наружу. На мое предложение убрать винтовку в автомобиль он ответил отказом, ссылаясь на то, что ему предписано начальством быть наготове. А между тем вид московских улиц, покрытых свежим снегом, обильно выпавшим за ночь и сверкавшим при ярком солнце мириадами разноцветных искр, производил самое умиротворяющее впечатление. Спокойствие было полное, в нашем окраинном районе не чувствовалось ни малейшего признака революции, городские стояли на своих постах, и те из них, которые знали меня в лицо, козыряли, посматривая с удивлением на мой странный выезд».

Утром первого марта по всему городу забелели объявления: «По высочайшему Его императорского величества повелению объявляю город Москву с 1-го сего марта состоящим на осадном положении. Запрещаются всякого рода сходбища и собрания и всякого рода уличные демонстрации». Главноначальствующий приказывал жителям исполнять все требования властей без промедлений. С восьми часов вечера и до семи часов утра горожанам запрещалось передвигаться по улицам Москвы, «кроме служебной необходимости».

Расклейка по городу приказа генерала Мрозовского фактически была последним проявлением активности царской администрации. В ответ москвичи снова заполнили улицы и площади города. Правда, в настроении демонстрантов, по наблюдению А. Н. Вознесенского, появился новый оттенок: «...толпы эти нерешительны, они жмутся на тротуарах и бли-

же к воротам и зданиям, на которых со вчерашней ночи висит грозное объявление командующего войсками генерала Мрозовского о введении в Москве осадного положения со всеми его последствиями.

Репутация свирепого Мрозовского всем известна, жители все еще привычно ждут пуль и нагаек».

Однако прошло совсем немного времени, и прежняя революционная бесшабашность снова охватила публику. Одной из форм протеста стало срывание объявлений об осадном положении. Бумажные лохмотья на стенах домов и заборах были одной из характерных примет того дня. Упоминание о ней среди прочего находим в описании «первомартовских» впечатлений В. Амфитеатрова-Кадашева:

«Проснулся поздно и поспешил на Тверскую. На углу Чернышевского — ободранный плакат: объявление Мрозовского об осадном положении. Подходя к Тверской, издали услышал легкий хлоп аплодисментов и “ура!”. Когда вышел на Тверскую, увидел следующее: тротуары полны народом, а посреди улицы медленно едет конный патруль; молодой казак с круглым лицом, размахивая шашкой, взволнованно кричит: “Не бойтесь! Стрелять не будем!” В ответ “ура!” и аплодисменты».

Другие события второго дня революции осветили корреспонденты московских газет:

«Уже с утра толпы народа показались на всех улицах. Тротуары повсюду заполнены. Из типографий, с фабрик и заводов забастовавшие рабочие выходят с революционными песнями и красными флагами. У Триумфальных ворот толпа собирается плотной массой и движется по Тверской улице к Воскресенской площади. Поют “Марсельезу”, “Варшавянку”, “Похоронный марш”. В десять часов утра останавливаются трамваи, и толпа расходится. Все полицейские посты сняты. Вместо городских на перекрестках стоят ночные сторожа. На площадях стоят военные патрули, с которыми толпа разговаривает по-товарищески. Солдаты охотно вступают в разговор».

«На Тверской вчера с утра и до вечера царило оживление необычайное, трудно поддающееся описанию. Все время следовали войска, то большими, то малыми группами, проносились автомобили и автомобильные грузовики с солдатами и офицерами. У офицеров — обнаженные шашки. Иногда на автомобилях вместе с военными — штатские, студенты. Почти все автомобили и грузовики — с красными флагами. У многих солдат — красные ленточки, значки. Солдат народ встречал шумными кликами.

Иногда автомобили останавливались, и с них произносились короткие речи, обычно — на тему о необходимости сохранять полное спокойствие, не поддаваться провокационным вызовам, доверять офицерам. Толпы отвечали на эти речи криками “ура!”.

Из ряда лазаретов, расположенных на Тверской, из окон раненые воины махали шапками и красной материей, приветствуя дефилировавшие по улице народ и войска.

В нескольких пунктах Тверской в разные часы, примостившись на чем-нибудь у стен, на подоконнике и т. п., говорили ораторы, сообщая о том, что происходит в Городской Думе, призывая оказывать полное доверие офицерам, ставшим на сторону народа, исполнять их распоряжения, соблюдать порядок. В толпе передавали, что несколько лиц, в которых подозревают переодетых городских, пробовали призывать к разгрому лавок, говорили о злоупотреблениях лавочников, булочников и т. п. Толпа, окружая таких провокаторов, отвечала им резкими окриками, задерживала, призывала проходивших мимо воинских чинов, которые и задерживали этих провокаторов. По-видимому, в народе — ясное понимание подлинного характера таких разгромных призывов, и они нигде успеха вчера не имели.

Над Тверской и ее площадями вчера в течение нескольких часов кружил аэроплан с красным флагом».

«На набережной у Храма Спасителя толпа. На коленях бронзовой фигуры Александра III стоит, выпрямившись, ры-

На улицах Москвы

жеватый рабочий в летнем пальто. Машет красным платком.

— Товарищи! Отсюда, с этого чугунного кресла на вас глядит то чугунное засилье веков, тяжелый, железный режим, то, что перековывало свободу нашу в цепи, что проповедовало рабство и держало Россию в кандалах... Товарищи...

Толпа, вздрагивая, слушает.

— Удивительное зрелище! — говорит офицер, мой спутник. — Социал-демократ на коленях жесточайшего абсолютиста. (...)

На Воскресенской площади стотысячная толпа. Порядок изумительный — единодушие не нарушается никем. Серые шинели, чуйки, различные пальто, салоны, но — душа одна и чудится, — слышно биение одного общего сердца. Проходят студенты ...ского института.

— “Вперед, вперед, рабочий народ”...

На них глядит со своего постаменту первопечатник Иван Федоров, и, кажется, хочется ему соскочить вниз и понести в народ огненное слово!

Воскресшее слово: “товарищи” — перекачивается по площади.

В воздухе треск пропеллера... Аэроплан планирует над Кремлем, пишет восьмерку, показывая выкрашенный в красный цвет руль глубины.

— Наш, наш! Ура!

У Театрального сквера большая группа татар и сартов.

— Аллах! Шюкюр Алла!

Молитвенно складывая руки, что-то шепчет мулла в чалме.

Нет сегодня ни татар, ни армян, ни евреев, ни поляков, нет национальностей — есть русский народ, один, могучий, грозный, железный... (...)

Баба в тулупе спрашивает кондукторшу трамвая:

— А наш-то? Где он, блаженненький?

— Наш-то? К Вильгельму, должно, поехал чай кушать!

Вздрагивающими, нервными, рвущимися шрапнелью кликами Самодержавная Москва приветствует Свободную Россию.

Первопрестольная приветствует Державный народ Русский».

Не менее интересный «репортаж» с московских улиц записал в дневник Н. П. Окунев:

«Сегодня с утра раздача в булочных хлеба по карточкам (на человека 1 ф. печеного, или $\frac{3}{4}$ ф. муки) и картина поразительная — нет таких ужасающих хвостов, которые были и вчера весь день, и вообще много вооруженных солдат (если это только для предотвращения хулиганства со стороны темных сил, а если для разбития вчерашних иллюзий, то очень плохо). Телефон работает, он и вчера останавливался лишь периодически, но зато опять не вышли газеты и не идут трамваи. Что делается на белом свете: на войне, в Петрограде и даже в

Москве, — строго говоря, никому правдиво не известно. Одно только несомненно — водопровод, освещение, банки, торговля и занятия в присутственных местах — идут своим порядком (пока).

В первом часу дня пошел “куда все идут”, т. е. к Думе. И, начиная еще от Лубянской площади, увидел незабываемую картину. По направлению к Театральной и Воскресенской площадям спешили тысячи народа обоего пола, а в особенности много студентов и учащихся. С высоты от Лубянского пассажа вдаль к Охотному ряду темнела оживленной массой, может быть, сто-тысячная толпа. И между пешеходами то и дело мчались в разных направлениях грузовые и пассажирские автомобили, в которых стояли солдаты, прапорщики и студенты, а то и барышники, и, махая красными флагами, приветствовали публику, а та, в свою очередь восторженно кричала им “ура”. Лица у всех взволнованные, радостные — чувствовался истинный праздник, всех охватило какое-то умиление. Вот когда сказалось братство и общность настроения. А я, стар уж, что ли, стал, чуть не плакал, сам не зная от чего, но, во всяком случае, не от “сжигания старых богов” и не от любви к новым, которых, по советски сказать, ни я, да и многое множество москвичей пока достоверно не знает. Опять на площадях кружки и среди них чтение каких-то листков. Но за общим гулом трудно разобрать, что там в них. Впрочем, ясно слышал теперь, что в Ставке было уже назначение в диктаторы, не то Алексеева, не то Протопопова, и что Щегловитов арестован новым Правительством. Сейчас идет разговор, что все московские войска подчинились новому Правительству, но с другой стороны, ждут и привоза для разгона революционно настроенного народа. Если бы последнее случилось, то начались бы междоусобица и погром, а затем расстрелы тех, которые сейчас за новое правительство, как кара за нарушение присяги, воинского долга. И над всем этим волнуемым морем голов сияет великое солнце. Что оно — радуется этому движению или подсмеивается над ним, как над несбыточной мечтой? И сколько оно на своем веку перевидало таких

“революций”, и сколько еще увидит!

Пошел в 2 ч. дня опять на “фронт”. Одни уходят, другие приходят. Мороз трещит вовсю, и как только попадешь в тень от зданий, то чувствуешь его и оставляешь “позицию”, так делают все, а если бы было тепло, то собрание народа было бы, может быть, в пять раз больше. Но и теперь его столько, сколько никогда не бывало. Настроение не падает, разъезды “революционных” солдат и студентов не прекратились и вызывают со стороны народа крики “ура”, маханье шапками и платками. Необычайные картины: у солдат в одной руке ружье или шашка, а в другой красный флаг; или так: солдат и студент идут обнявшись, и у солдата флаг, а у студента ружье. На Театральной и Воскресенской площадях, на фонтанах, трамвайных станциях и на кучах снега густо засела молодежь, и где-нибудь на высокой точке обязательно торчит красный флаг. К Думе близко подойти невозможно, но видно, что у подъезда ее стоят пушки и шеренги солдат и, как говорят, они охраняют не Царское правительство, а занятия “революционного комитета”, который целый день заседает в помещении Думы и сносится со старыми властями, с войском, с Госуд. Думой и с своими агентами — разбрасывающими, расклеивающими, читающими и говорящими своими словами новости и распоряжения. Я лично слышал одного такого, который, бегая по кучкам, торопливо восклицал: “Товарищи, погромы, безусловно, воспрещены, и если они начнутся, то их сделают переодетые городовые”...

“Одетых” же городских — нигде, нигде не видно. Революция все-таки уже в полном ходу, и пока, благодаря Бога, в бескровном виде. Все дело, конечно, в солдатах. Говорят, что к 2-м часам насчитали предавшихся Временному правительству 40 000 чел., но будто бы Кремль окружен войсками, преданными старому строю. Вот на этой почве возможно страшное столкновение. В ожидании этого ли или вообще от невозможности в такой исторический день усидеть на своем месте, все магазины, склады, конторы и присутствия к трем часам дня

позакрывались. Кто спешит по домам, кто “на позиции”, т. е. к Думе, на Красную площадь, к казармам. Где интереснее — не знаю, но толпа невольно тянет к себе, и пойду в нее опять, пролью новые слезы и от страха за будущее сына и всех сыновей России, и от надежды на лучшее для всех будущее. Да здравствует единение народа в пользу скорого мира и порядка в нашей стране! Долой старых безумных, бессовестных правителей, и да заменят их люди энергичные, мудрые и честные!

Еще сказание о сегодняшнем дне. 5 часов вечера. Сейчас был опять “на фронте”, толпы и энтузиазм растут. Говорят, что Кремль от “правительственных” войск очищен, без выстрелов. Сам я, проходя Красной площадью, видел и там многотысячную толпу, а также солдат, идущих в Кремль и приветствовавшихся народом. Шли в Никольские ворота, а Спасские закрыты. Жутко что-то! Удержат ли наши вожаки такое положение вещей. Кажется, несколько пушечных выстрелов вызвали бы панику, и тогда неизвестно, кто на чьей стороне очутится. Многим теперь и тут и там страшно. Про Мрозовского (Командующего войсками) и Шебеко (Градоначальника) говорят, что они арестованы».

А вот ярый монархист-черносотенец протоиерей Иоанн

Военный патруль в дни Февральской революции

Восторгов увидел происходившее у него глазах совсем под другим углом зрения:

«Швейцар доложил рано утром, что пока все спокойно. Вышел в 10 ч. утра реализовать сахарные купоны. По Пятницкой к Кремлю почти сплошно движется по тротуару толпа фабричных рабочих, беженцев, беженок и множество откуда-то появившихся жидов и жиждов. Толпа сосредоточенно молчит, идет себе и идет... Ни шутики, ни возгласа, ни мальчишек... Так я видел в детстве шли стихийно на сотни десятин и верст переселяющиеся зайцы, в другой раз суслики, в третий раз мыши, и наконец в четвертый раз в Киеве, пред наводнением от ливня шли в чердаки крысы. Безмолвно, словно очарованные... Чем? Грядущим бедствием — ответ подсказала мне память, воспоминание о массовом стихийном, вне волям проявляющимся следствиям бессознательных велений мировой необходимости. Зрелище неоцененное для наблюдателя, изучающего биологические проявления мировой жизни... И подумал я: как плоска, бедна количественно и, главное, качественно современная наука, неспособная не только прочесть, но и заметить, как ясно сказывается уже готовое будущее на этих якобы сознательных людях, и животных, несущихся по течению какого-то не то вихря, не то потока будущих событий...

Бесспорно, эти люди шли, думая, что идут по воле... А со стороны видно было, что воли-то нет у них... Что есть высший приказ. И что остановить камень не в их власти. Они проделают все, что надо, и сами никогда, в большинстве, не дадут себе отчета, что они сделали и делали. Большинство шло, как мне казалось, как в неполном гипнозе, иные будто уверяя себя, что они ясны и трезвы, иные конфузливо — как бы смутно задавая себе вопрос — чего я иду? — а некоторые как щепка по вешней воде... Но все необычайно серьезно, как серьезные исполнители серьезной, роковой игры... Жутко

¹ И прочих (фр.). (Прим. публикатора)

было наблюдать эти первые ряды исполнителей “толпы”, “народа” “Le antras”¹...

Толпа, повторяю, истово шла... Серьезно, священнодействуя шла... Это был не ход вроде церковного, а скорее облеченных во плоть привидений... Да это, вероятно, и глубоко верное сравнение. “Рок влек”...

Одни только жиды пробовали затевать разговоры с толпой проходящих привидений, но ответов почти не было. Кто-кто, а жиды были вне “одержания”... Эти шли как зрячие среди слепцов. Очевидно, они знали и наперед учили и разочли и свою роль и события...

Недавно тоже толпа шла с утра грабить и разбивать немцев, их фабрики, лавки, дома¹. И в той толпе можно было подметить нечто “вне мира сего”, но этого было мало и по времени, и по качеству, и по количеству. Там большинство шло на явно заведомый грабеж, и только единицы шли “из патриотизма” или как элемент, поддающийся при всяком поводе внушению... Но внушению не извне, а из своей же людской среды или обихода...

Вскоре, часам к 12 или 12¹/₂ вид толпы, все непрерывно шедшей, изменился. Шедших стихийно поуменьшилось, и число типа откровенных грабителей значительно возросло. Стали попадаться типы совсем каторжников, потом хулиганы разных возрастов и степени откровенности, и наконец, пошла пыль, “смитье” — куда ветер дует...»

Обстановка, сложившаяся на улицах Москвы в тот день, свидетельствовала о том, что царская администрация растеряла последние остатки власти. Наутро командиры многих полков просто не решились вывести из казарм подразделения, предназначенные для блокирования центральной части города. Подразделения, накануне размещенные по городу в засадах, в течение дня были взяты в плен революционными отрядами. Деморализованные военные без единого выстрела сдавались на

¹ Речь идет о немецком погроме в мае 1916 г. (*Прим. публикатора*)

милость победителей, даже имея численное превосходство. Например, для ареста двух рот солдат во главе с офицерами, засевших в помещении редакции газеты «Утро России», хватило экипажа одного автомобиля и конного разезда. Войскам, сосредоточенным в Манеже, как утверждали очевидцы, для сдачи оказалось достаточно одного окрика философа Н. А. Бердяева: «Вошел внутрь и так грозно закричал на солдат: “Чего вы не сдаетесь?”», — что те мгновенно положили оружие».

Следом сдался гарнизон Кремля, ворота которого были закрыты с началом революции — командование опасалось попыток захвата золотого запаса, хранившегося в подвалах Грановитой палаты. «В Кремль хлынула беспорядочная толпа народа, — вспоминала Т. А. Аксакова-Сиверс, — Димка (малолетний сын мемуаристки. — *Авторы*) вернулся с прогулки с прицепленным кем-то красным бантом, но никаких эксцессов не произошло».

Судя по сообщению репортера «Утра России», единственным защитником старого строя из числа военных оказался подвыпивший прапорщик, но и для него все закончилось более-менее благополучно:

«В самой гуще толпы близ тротуара у Большой Московской гостиницы появился молоденький прапорщик, который начал приставать к солдатам и мешал им слушать ораторов.

— Ну, по домам, братцы, по домам! — говорил он одним. — Шли бы подальше от греха. Чего тут зря толкаться! — советовал он другим.

Было также несколько случаев обращения с его стороны к солдатам в форме приказа уходить с площади.

Прапорщик нетвердо держался на ногах, размахивал руками и хватал солдат за шинели.

Студенты несколько раз предупреждали его и предлагали вести себя прилично. Один пожилой отставной военный заметил ему:

— Вам бы подальше от греха. Бросьте эти выходки.

Прапорщик, однако, не унимался. Дернув за плечо перво-

го подвергнувшегося солдата, он скомандовал:

— Во фронт, марш в казармы!

Солдатик не растерялся и собрался что-то возразить прапорщику, но в воздухе уже раздался свист плетки, и ближайшие из толпы оказались свидетелями нанесения солдату жестокого оскорбления.

Спустя несколько мгновений тысячная толпа волокла уже прапорщика по направлению к Тверской улице. Он был обезоружен, шинель была изорвана в клочки, и сорваны с нее погоны.

Прапорщика спасли от растерзания офицер в форме капитана, студент и вольноопределяющийся с университетским значком. Они обратились к толпе с увещеваниями не омрачать торжественности момента и отдать им на руки провинившегося.

Большая группа студентов и курсисток поддержала их; присоединились также и рабочие, и полуживого прапорщика навалили на автомобиль, который, с трудом пробираясь сквозь густую толпу, направился к Красной площади. Револьвер и изломанная шашка прапорщика были вручены заступившемуся за него офицеру, который вместе еще с тремя студентами уехал на автомобиле».

Не стала защищать гибнущий режим и московская полиция. Газета «Русские ведомости» сообщила о таком факте: в одном из переулков Каретного ряда было собрано большое количество городских. Им пытались раздавать винтовки, но они отказались их брать. И что характерно, в тот момент, когда городских посылали в бой, полицейское начальство подобно самым чутким обитателям тонущего корабля готовилось пуститься в спасительное бегство.

¹ Бывший начальник Московского охранного отделения А. П. Мартынов, которому по соображениям конспирации большую часть времени приходилось ходить в штатском, вспоминал, что у В. Н. Шебеко это вызывало сильное недовольство. Градоначальник никак не мог понять, как ему относиться «к полковнику в пиджаке».

Так, градоначальник В. Н. Шебеко (бывший гвардейский офицер, флигель-адъютант), запершись с утра в кабинете, был занят писанием писем и переговорами по телефону. В 12 часов дня он вышел в штатском костюме¹. Генерал заплатил всей прислуге полагавшееся ей жалованье, не поскупившись на щедрые «чаевые», надел шинель, папаху и покинул квартиру. Однако вернулся буквально минуту спустя. Дежурившему при нем жандарму Шебеко велел связаться по телефону с управляющим канцелярией градоначальничества И. К. Дуропом и сообщить, что посылает ему пакет. По утверждению московских газет, в этом пакете было «формальное заявление, что в случае выезда его из Москвы он управление городом передает полковнику В. И. Назанскому, своему помощнику».

А. Н. Вознесенский, которому, по всей видимости, приходилось вести расследование действий градоначальника, привел в мемуарах такие подробности:

«Назанский говорит, что с Шебеко случился припадок болезни печени — он потерял сознание. С момента этого нехотая случившегося припадка Назанский остался хозяином градоначальства. Но он понял, что делать уже было там нечего.

Назанский и Шебеко, переодевшись в штатское платье, пройдя черным ходом, покинули здание градоначальства; с Тверского бульвара они перебрались в квартиру сестры Шебеко на Остоженку, откуда телефонировали Мрозовскому, что они покинули свой пост, о чем Мрозовский и поспешил телеграфировать в Петроград. На другой день, не чувствуя себя в безопасности в квартире на Остоженке, Шебеко и Назанский перебрались на Новинский бульвар в квартиру Назанского, там вскоре были оба арестованы и отправлены в Кремлевскую гауптвахту, где просидели сравнительно недол-

¹ Жена Шебеко с разрешения новой власти разделила с бывшим градоначальником тяготы «тюремного» заключения. Супругам было позволено взять с собой прислугу.

го»².

Полицейские участки, лишенные единого руководства из градоначальничества, оказались полностью дезорганизованы. Большевик К. В. Островитянов, которого как раз первого марта вместе с несколькими товарищами перед отправкой в Бутырскую тюрьму привели в Сокольнический участок, вспоминал увиденное:

«Приходим в Сокольнический участок. Там стоит невообразимая суматоха, звонят телефоны, снуют какие-то люди в гражданском, растерянно бегают приставы и городовые. Наш конвой постепенно разбредается. А мы стоим и ждем. Чего? Вдруг как-то сразу, точно сговорившись, понимаем, что им не до нас. Забираем вещи и выходим на улицу».

Судя по сообщениям газет, первого марта начались аресты полицейских чинов. Вот фрагмент репортажа с Тверской улицы, опубликованного на страницах «Утра России»:

«— Везут! Везут! — раздаются крики. Толпа устремляется к Тверской. Над головами людей видны солдаты-кавалеристы с обнаженными шашками, а перед ними резко выделяется красная доска с надписью:

— Долой самодержавие!

Шествие приближается.

Впереди едут извозчики сани: правит солдат, а в качестве седока сидит “разоруженный” пристав.

В толпе оживленно комментируют событие.

— Он обнажил шашку...

— Участок разгромлен, полиция разоружена...

Арестованный и конвойные пересекают площадь и выезжают на Тверскую по направлению к дому генерал-губернатора».

В другой корреспонденции той же газеты сообщалось: «Под конвоем солдат и офицеров без конца приводятся в думу арестованные переодетые пристава, околоточные и городовые».

Утром первого марта специальный отряд, посланный в Бу-

тырскую тюрьму, в течение дня освободил 350 политических заключенных. На автомобилях их привозили в городскую думу, где они немедленно включались в политическую работу. Воспользовавшись неразберихой, возникшей в тюремном замке, на свободу вырвалось около семисот уголовников. Среди них был жестокий убийца Сашка-семинарист и члены его банды. Правда, какую-то часть беглых преступников революционные солдаты перехватили еще на Бутырском шоссе. Если верить газетам, около пятисот уголовников были арестованы буквально на следующий день при облаве на Хитровке. Для розыска остальных понадобилось несколько дней.

Н. Г. Петров, который так и остался командиром приведенного им к Городской Думе отряда из студентов и солдат, в своих воспоминаниях утверждал, что первого марта Совет рабочих депутатов принял решение о разгоне полиции. На исходе дня его дружине было приказано, разделившись по два-три человека, разъехаться по городу для ликвидации полицейских участков и организации в них комиссариатов милиции. Когда Петров прибыл в участок, располагавшийся на Сокольническом шоссе, он давно уже был занят вооруженными рабочими вагоноремонтного завода. Но все же основная часть полицейских участков Москвы была занята революционерами в течение второго марта.

В Сокольники Н. Г. Петров отправился из здания Московского охранного отделения, которое его отряд занял утром первого марта. Тогда в Городскую Думу сообщили, что «охранка» разгромлена и сожжена чуть ли не дотла. Позже в московских газетах появились репортажи о ликвидации штаб-квартиры политической полиции, снабженные красочными подробностями. Например, корреспондент «Утра России» живописал о столбах пламени, вырывающихся из окон второго этажа. Несмотря на это, среди собравшейся публики нашлись герои, которые вошли в горящее здание и стали выбрасывать оттуда «книги и дела». По утверждению журналиста, попытка спасти документы вызвала бурную ре-

акцию собравшихся возле здания «охранки»:

«— Жгите, чтобы следа не осталось! Рви в клочья! — крикнул кто-то из толпы, и народ с криками “ура” начал уничтожать книги.

Во дворе охранного отделения был сложен грандиозный костер из разорванных бумаг и книг. Альбомы с фотографиями политических преступников, всякие реестры и списки разрывались в клочья и все тут же сбрасывалось в огонь. Толпа не позволяла никому ничего брать. Та ненависть, которая копилась у народа к этому учреждению целыми веками, нашла себе исход в этом буйном погроме...»

Далее сообщалось, что пожарные были вызваны только через полчаса после начала пожара, но и после их прибытия толпа какое-то время не давала тушить огонь. «И только убедившись, что внутри охранного отделения горит, — отметил журналист, — а книги, реестры и дела уже уничтожены, толпа отстранилась и пожар был быстро потушен».

Покончив с «охранкой», та же толпа ворвалась в находившееся по соседству сыскное отделение и разгромила его: «...в полчаса уничтожила все шкафы, обстановку, а дела и книги вынесла на улицу и сожгла».

Растиражированные газетами сообщения об опустошительном пожаре, полностью уничтожившем охранное отделение, не находят подтверждения в других источниках. Так, по воспоминаниям Н. Г. Петрова, прибывшего со своим отрядом на место происшествия в то же утро, они застали совсем другую картину:

«Мы подошли к охранке со стороны Гнездниковского переулка и сразу вошли в здание, которое оказалось незанятым.

Шкафы стояли настежь открытыми. Вороха папок, карточек, “дел” валялись на полу. Во дворе из таких же бумаг был сложен целый костер, который вяло дымился. Еще больше бумаг было втоптанно в снег и грязь.

Какие-то личности, находившиеся во дворе, при нашем появлении сразу исчезли.

Мы потушили костер. Расставили стражу во избежание дальнейшего погрома и начали осматриваться.

В шкафах большая часть дел и альбомов с фотографиями была еще нетронутой.

Наконец мы нашли несколько десятков совершенно новеньких браунингов крупного калибра. На каждом из них было выгравировано: «Московской столичной полиции».

“Дела” охранки и все ее архивы, сохранившиеся от погрома провокаторов, мы взяли под охрану и не допускали никого в ее пустующие помещения во избежание новых провокаций».

Свидетельство Н. Г. Петрова подтверждается составом сохранных им и его товарищами документов, впоследствии поступивших в архивы: «Материалы всех подразделений Московского охранного отделения практически не были тронуты, кроме одного — агентурного отдела, где хранились материалы агентурных сводок, картотека агентурного отдела, по которой можно было выявить секретных сотрудников Московского охранного отделения»¹.

Столь выборочное уничтожение документов говорит о целенаправленной акции, проведенной сотрудниками «охранки». Некоторые историки считают, что здесь не обошлось без самого начальника Московского охранного отделения полковника А. П. Мартынова. К сожалению, в его довольно объемных мемуарах опущен рассказ о том, как главному жандарму Москвы удалось бесследно скрыться от охотившихся за ним революционеров. Известно только, что 28 февраля он получил в казначействе 10 000 рублей и раздал эти деньги своим подчиненным в качестве жалованья за март. В Москве Мартынов объявился только через две недели, объяснив в рапорте, поданном новой власти, что был за пределами города и

¹ *Пересудова З. И.* «Охранка» глазами охранников // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 19.

не мог вернуться по не зависящим от него причинам.

Не только полковника Мартынова искали революционные патрули в первый день марта. По Москве распространился слух, что в городе скрывается министр внутренних дел А. Д. Протопопов — последний из членов царского правительства, который еще не был арестован. Однако вместо него в Городскую Думу доставляли совсем других людей. Городской голова М. В. Челноков, назначенный в тот день комиссаром Временного правительства, даже призвал москвичей поумерить пыл. Среди «подозрительных лиц» он с удивлением обнаружил даже нескольких своих знакомых, чья лояльность революции не вызвала сомнений.

Другой слух, взбудораживший горожан, касался генерала Эверта, который якобы вел на Москву войска, сохранившие верность царю. Готовясь к обороне, подполковник Грузинов приказал очистить Воскресенскую площадь от гражданских лиц и оставить на ней только воинские части. Однако, как это бывает в истории, намечавшаяся трагедия в конечном итоге обернулась фарсом. Вместо грозного Эверта около восьми часов вечера к Городской Думе подошло подразделение стариков-ополченцев. Они объявили, что их прислали из Рязани «на усмирение» Москвы, но они признают только власть народа.

До глубокой ночи по московским улицам дефилировали войска. Подразделения с красными флагами, с красными бантами на штыках подходили к Городской Думе, чтобы сообщить о своем переходе на сторону революции. Получив свою долю восторженных приветствий от припозднившихся демонстрантов, солдаты отправлялись обратно в казармы. Командиры полков приезжали в Думу, чтобы забрать из-под ареста своих подчиненных-офицеров, обвиненных в контрреволюционных выступлениях.

День 2 марта москвичам запомнился как стихийный праздник «Красного флага и красной ленточки». Красный цвет царил везде. Самым распространенным украшением были красные ленточки — у кого в петлице, у кого на левой части груди,

Рис. В. Михайлова.

Да и а (ронсь въ порохѣ матерія):—Нѣтъ, революционерками могутъ быть только брю-
нетки,—красное нмѣ къ лицу. А блондинки должны поневолѣ сдѣлаться украинскими се-
паратистками—желтое и голубое. И вообще партію слѣдуетъ выбирать передъ зеркаломъ...

Что ей к лицу? *Карикатура*

у кого на плече. Барышни щеголяли большими шелковыми бантами, кавалеры — красными галстуками. Некоторые дамы обтягивали красной материей пуговицы. Так же поступали с кокардами на форменных фуражках чиновники и военные.

«Не день, а сплошной карнавал, красный променад, праздник веселья неистощимого и восторга, — записал в дневнике В. Амфитеатров-Кадашев. — Утром — Тверская, полная радостного народа, стремительность автомобилей, и всюду — алое, алое, алое. Нет человека, который не нацепил бы себе красного банта: единственные исключения — я и Лидин. Я не надел вполне сознательно: во-первых, есть что-то противное в том, что делают все, а во-вторых, все-таки красный цвет — цвет социализма, а я, несмотря на всю мою нелюбовь к погибшему режиму, по-прежнему продолжаю глубоко ненавидеть социалов».

Запомнилось 2 марта и другому летописцу московской жизни — Н. П. Окуневу:

«День уже не такой холодный: облачно, изредка небольшой снег, мороза не более 3°. Потоки народа и войск к Думе сегодня еще могучее. Нет такой улицы, близкой к центру, на которой не чернело бы, не волновалось море людей. Может быть, с пол-Москвы, то есть до миллиона людей, целый день идут, стоят, машут шапками, платками, кричат “ура” и свищут небольшим группам полицейских, которых нет-нет да и проведут, как арестованных, в Думу. Мне даже от души жалко их: такие же русские люди, в большинстве семейные, пожилые, и идут как отверженные, проклятые. Для такой великой радости надо бы и их сделать радостными — дожидаться бы их свободного перехода на новую сторону и дать им, раскаявшись в своих грехах и грешках, возможность соединиться душевно с общим освободительным движением и занять положение если не граждан, то воинов. Может быть, мои сожаления преждевременны, то есть многих из них отпустят с миром, но, ей-Богу, очень трогательно смотреть на вчерашнюю власть в таком презрении и унижении. Помогите им Бог в их незавидной доле!

Сегодня настроение у всех высокаторжественное, бодрое и веселое, заметно всеобщее единодушие — все прочли о такой великой, почти бескровной революции и поняли, насколько велико значение ее для жизни русского народа и воинства. Старому, кажется, ни у кого нет ни сожаления, ни веры в возврат его. В таких громаднейших толпах, которых не собиралось ни в коронационные торжества, ни в революцию 1905 года, ни на похороны С. А. Муромцева, — поразителен порядок. Народ заполняет все тротуары, всю ширину мостовых, но стоит показаться группе воинов или автомобилю, как сейчас же раздается по сторонам и, как в сказке, образуется моментально свободный проход или проезд. Даже в этом сказывается могучее значение единения настроения. Многие украшены красными лентами. Войсками сегодня уже предводительствуют не одни только прапорщики, а настоящие старые, боевые офицеры — полковники и подполковники. И им сопутствует полковая музыка, которая звучит победно и торжественно, и тем еще более поднимает всеобщее настроение, обращая его в сплошное ликование. Вчера у меня еще не было полной уверенности в торжестве народной власти, но сегодня она непоколебима: разве можно у такого чудовища — миллионноголовой толпы — вырвать то, что попало ему в руки!»

«Всеобщее опьянение свободой» — единодушно характеризовали очевидцы состояние москвичей. У Валерия Брюсова в тот день родилось стихотворение, названное им «На улицах»:

На улицах красные флаги,
И красные банты в петлице,
И праздник ликующих толп;
И кажется: властные маги
Простерли над сонной столицей
Туман из таинственных колб.

Но нет! То не лживые чары,
Не призрак, мелькающий мимо,

Готовый рассеяться вмиг!
То мир, осужденный и старый,
Исчез, словно облако дыма,
И новый в сияньи возник!
Все новое — странно-привычно:
И слитые с нами солдаты,
И всюду алеющий цвет,
И в толпах, над бурей столичной,
Кричащие эти плакаты, —
Народной победе привет!

Те поняли, те угадали...
Не трудно учиться науке,
Что значит быть вольной страной!
Недавнее кануло в дали,
И все, после долгой разлуки,
Как будто вернулись домой.

Народ, испытавший однажды
Дыханье священной свободы,
Пойти не захочет назад:
Он полон божественной жажды,
Ее лишь глубокие воды
Вершительных прав утолят.

Колышутся красные флаги...
Чу! колокол мерно удары
К служенью свободному льет...
Нет! То не коварные маги
Развеяли тайные чары:
То ожил державный народ!

И только одна группа людей не разделяла общего веселья.
Это были сотрудники полиции и жандармы, на которых в тот
день была открыта настоящая охота. Обыватели, всю жизнь

трепетавшие перед городовыми и околоточными, теперь дружно указывали революционным патрулям на «царских са-трапов». Сквозь праздничную толпу двигались бесчисленные процессии: в городскую думу вели всех полицейских поголовно — начиная от полицмейстеров и заканчивая писарями-паспортистами.

«Часто студенты и гимназисты, вооруженные какими-то игрушечными револьверами и саблями, конвоировали толпу здоровых и бравых городских и околоточных, — описывал увиденное А. Н. Вознесенский. — Впрочем, эти здоровые и brave люди имели вид угнетенный и совершенно пассивный: они шли с опущенными головами под градом насмешек; среди общего возбуждения и веселья они испытывали горчайшее похмелье».

Из сыскного отделения на Воскресенскую площадь привели даже полицейских собак (в том числе знаменитого добермана Трефа), украшенных красными лентами и бантами. Московские газетчики утверждали, что какая-то часть полицейских была разыскана и задержана с помощью четвероногих сыщиков. Это понадобилось потому, что часть бывших стражей порядка успела переодеться в штатское. Репортер «Раннего утра» утверждал, что видел городских, облаченных в... женское платье. Они, мол, спасаясь от народного гнева, забежали в Сандуновские бани и там разжились у знакомых служительниц этим средством маскировки. Указав на усатых «дам», один из конвоиров заявил, что узнал бы полицейского в любом костюме — «по сытой роже».

Рассказывали еще о таком методе: арестованный полицейский указывал на десяток своих коллег, те, в свою очередь, выдавали каждый еще по десятку. Так были выявлены все бывшие подчиненные градоначальника Шебеко.

Но не все служащие полиции бросились, словно тараканы, забиваться в щели. Нашлись и такие, кто оставался верен долгу до самого конца. Иначе чем можно объяснить, например, такую сцену, описанную журналистом «Утра России»:

«Близ кофейни Филиппова появляется группа конных городских. Городовые едут шагом. Из публики, расступившейся перед городскими, выделяются несколько студентов, которые молча направляются к городским. На лицах городских выражение растерянности. Ехавший впереди городской как-то неуклюже обеими руками снимает серую папаху. Остальные городские, остановив лошадей, снимают шапки. Толпа сдавливает всадников со всех сторон.

— Сдавай оружие, слезай с лошадей.

Городовые как бы застыли в оцепенении.

— Тащи их с лошадей, отбирай шашки! — раздаются крики.

Городовые снимают шнуры, отдают револьверы. Один из них грузно, цепляясь шпорами, сваливается с седла. Толпа стискивает остальных городских. Их обезоруживают, отнимают лошадей. Подоспевший к этому времени отряд конных артиллеристов берет лошадей в поводья и уводит с собой.

Сопровождаемые насмешками толпы городские с бледными растерянными лицами молча идут к дому градоначальничества. Один из них потерял шапку и идет с непокрытой головой».

Свою чашу позора в тот день испили до дна и жандармы. Их шествие по Тверской в описании репортера выглядело далеко не триумфальным:

«Сопровождаемая воинским отрядом и огромной толпой по Тверской следует группа арестованных на Александровском вокзале жандармов.

По обеим сторонам улицы густыми шпалерами стоящий народ “приветствует” жандармов кликами “ура”. В толпе раздаются восклицания по адресу арестованных:

— Архангелы!

— Шкуры!

— Чужеспинники!

— Молокане!

Жандармы все здоровые, рослые, упитанные. Они бледны и объаты страхом».

Основная ударная сила жандармерии — конный дивизи-

он — утром 2 марта сдался без малейшего сопротивления. Все оружие жандармы передали в распоряжение штаба революционных войск. «Жандармский корнет М., фланер Кузнецкого Моста, после сдачи даже украсил себя громадным красным бантом, — вспоминал А. Н. Вознесенский. — Полиция и жандармерия — эти столпы старого строя — сдавали свои позиции без боя, в состоянии полного оцепенения и беспомощности».

После регистрации арестованных полицейских и жандармов в Городской Думе их отправляли в Бутырскую тюрьму. Единственным служащим полиции, кого не удалось отыскать, был начальник московских сыщиков К. П. Маршалк. Не зря, видимо, при сыском отделении имелись специальная гримировальная комната и костюмерная, с коллекцией одежды на все случаи жизни. А соседу Маршалка по Гнездиновскому переулку, градоначальнику Шебеко, революционеры оставили «привет»: двери подъезда украсили звездой из алых лент и вывесили красный флаг.

Вместо полиции началось создание милиции. Запись в нее производилась в здании юридического отделения университета на Моховой.

Главный итог 2 марта был подведен коротким сообщением газеты «Русские ведомости»: «Весь гарнизон перешел на сторону народа. Московский градоначальник с семьей скрылся. Командующий войсками ген. Мрозовский находится под домашним арестом, под охраной трех офицеров».

Следующий день, 3 марта, был пятницей. По свидетельству Н. П. Окунева, деловая жизнь города почти вошла в прежнее русло: возобновили работу государственные учреждения и торговые заведения. Только московские пролетарии, наслаждаясь свободой, продолжали забастовку¹. Уличных шествий уже не проводили, зато все желающие всюду ораторствовали на нескончаемых митингах, которые проходили на

¹ По призыву Совета рабочих депутатов всеобщая забастовка была прекращена только с понедельника, 6 марта.

Страстной и Скобелевской площадях. На радость извозчикам, не было ни трамвайного движения, ни городских на перекрестках. Вместо них кое-где на постах стояли милиционеры из числа студентов и гимназистов.

Диссонансом к общему настроению звучит признание В. Амфитеатрова-Кадашева в наступающей усталости от нескончаемого революционного праздника:

«Вообще в интеллигенции заметен весьма критический дух к событиям, известный правый уклон. Мое чувство глухого раздражения против того, что слишком уж много “товарищей” шляется по улицам и что всюду на первое место лезут какие-то хайлы, — испытывают многие. Но неудовольствие это соединено с какой-то робостью. Смелой критики не слышишь нигде.

И вообще, вся эта канитель изрядно надоела: красные флаги и блудословие, блудословие и красные флаги. Блудословят даже умные люди: А. А. Яблоновский, вообще-то глядящий довольно трезво (умно высмеян им Бонч-Бруевич с его проектом Красной гвардии), — сегодня разразился восторженным фельетоном по поводу какой-то девушки в автомобильном шлеме, с горящими глазами мчавшейся на грузовике, как “Дева Свободы”. Эта “Дева Свободы” — Талька Гольденфарб, стерва. И глаза у нее горели не от революции, а совсем по иным причинам: под покровом алого знамени сосед ее вел себя тоже по-революционному...

Нестерпимы совершенно две вещи: грязь, которую бульварная печать выливает на императрицу, раскапывая всякие мерзости про Распутина, и уличные мистики у памятника Пушкину, где часами, с утра до вечера, толпа слушает нескладные речи доморощенных Каталин. Боже, что они несут. Что они несут! Вообще, все это невольно заставляет припоминать стихи Мережковского: “Но дурак никогда и нигде не умрет, но бессмертна лишь глупость людская”».

Четвертого марта Москва ликовала, получив весть об отречении Николая II. Из-за стойкой неприязни к толпе Амфитеатров-Кадашев не пошел на Красную площадь, где в тот день по

приказу командующего революционными войсками Грузино-ва был устроен молебен и парад частей московского гарнизона.

Однако сначала прошла печальная церемония: утром на Братском кладбище торжественно похоронили трех солдат Военной автомобильной школы, убитых на Большом Каменном мосту. Видимо, из-за этого мероприятие на Красной площади, назначенное на час дня, началось с опозданием. А если учесть, что москвичи начали занимать места с десяти часов утра, то лишнее полуторачасовое стояние на морозе не добавило им радости.

Тем не менее репортаж корреспондента газеты «Раннее утро» был выдержан в восторженных тонах:

«Чудный солнечный день.

Буйной радостью веет от солнечных лучей, звона кремлевских колоколов, звуков военной музыки, леса сияющих штыков, красных знамен...

Даже порядочный мороз не кажется неуместным.

Русская революция, непохожая ни на одну из революций мира, должна проходить и в русской обстановке!

Вся Москва — на Красной площади и прилегающих улицах. Верхние торговые ряды, здание губернского правления, кремлевские стены, деревья у этих стен унижены сплошными гирляндами людей. Лобное место — сплошной клубок тел.

Лес флагов и знамен. Знамена корпораций, откуда-то появившихся политических партий, общественных и профессиональных организаций пестрят столь долго запрещенными надписями, зовущими к свободе, равенству и братству.

Фигуры Минина и Пожарского также украшены флагами. На красных полотнищах — поэтическая надпись: «Утро сво-

¹ С началом Первой мировой войны приказом градоначальника кино- и фотосъемка на улицах Москвы были запрещены. В первые дни марта 1917 г. революционный комитет постановил создать специальные киногруппы, которые должны были запечатлеть исторические события.

боды сияет радостным светом”.

Отовсюду глядят со своих черных треножников фотографические и кинематографические аппараты. Они тоже празднуют освобождение¹. (...)

Из кремлевских соборов через Спасские ворота направляется к памятнику крестный ход во главе с преосвященным Модестом, еп. Верейским.

Ярко блестят золотые ризы в солнечных лучах.

Торжественно и радостно гудят кремлевские колокола.

Войска берут “на караул”. Толпа обнажает головы. Впервые, может быть, во всей тысячелетней истории сердца духовенства, народа и армии бьются в этот момент в полном согласии. (...)

Еще перед началом молебна высоко в прозрачном воздухе появляется аэроплан.

За ним появляется другой.

Во время молебна один из аэропланов — на нем летит известный Габер-Влынский — спускается совсем низко и, кажется, вот-вот заденет за башню здания Верхних торговых рядов.

Шум пропеллера сливается со звуками военных оркестров. Невооруженным глазом видно, как бешено вращается винт аэроплана.

Что-то бело-красное отрывается от аэроплана и падает в толпу.

Публика сначала думает, что это — прокламации, но потом оказывается, что это — завернутый в белую бумагу букет красных тюльпанов, перевитых красной лентой с золотой надписью:

“Да здравствует русская армия! Да здравствует первый народный главнокомандующий Грузинов!”

Букет немедленно передается А. Е. Грузинову. Командующий не расставался с букетом в течение всего парада и все время держал его в левой руке.

После эпизода с букетом аппарат Габер-Влынского присо-

единился к другому аппарату, оставшемуся в высоте, и вместе с ним улетел».

Интересны замечания, услышанные журналистом при прохождении революционных войск:

«С каждым из проходящих полков у народа связано какое-нибудь воспоминание, относящееся к нынешним дням.

— Вот пятая рота, которая дольше всех не сдавалась!

— Вот рота прапорщика Ушакова!

— Вот рота, в которой убит командир!»

Стоит добавить, что по свидетельствам других очевидцев парада дисциплина среди солдат разительно отличалась от «старорежимной». Находясь в строю, они спокойно болтали и даже курили. Т. А. Аксакова-Сиверс, которая вместе с мужем-офицером наблюдала за торжествами с кремлевской стены, вспоминала реакцию супруга: «Поглядев на этот парад, Борис махнул рукой и решил ехать немедленно в армию».

Без особого восторга отозвался об увиденном на Красной площади Н. П. Окунев:

«Порядок был, как и все эти “революционные” дни, — образцовый, настроение, при сборе людей, праздничное, но затем, кажется, оно испортилось. Ни молебна, ни парада — высокоторжественными не сделали. Было 2—3 хоругви, мало духовенства, мало звона, и в строю не было “стройности” и известного церемониала. А главное, на что все роптали — вместо одного часа дня молебствие началось в 2 ч. 30 м. дня, и совершенно оно было неблагоговейно, так как все время слышались разговоры, шум пропеллеров летавших над Красной площадью трех аэропланов и треск кинематографических аппаратов. Впрочем, теперь все еще “временное”. Будет время, и помолимся, и побравурничаем по-настоящему».

Совсем другое настроение чувствуется в стихотворении Марины Цветаевой, написанном в те дни. Печальным прощанием с Москвой, которой уже не будет никогда, прозвуча-

В. Руга, А. Кокорев

ли поэтические строки:

Над церквкой — голубые облака,
Крик вороний...
И проходят — цвета пепла и песка —
Революционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!

Нету лиц у них и нет имен, —
Песен нету!
Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветре
Помолись, на вечный сон!

**МОСКВА
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ**

*Шальная голова, беспутный год,
Так вам и надо за тройную ложь
Свободы, Равенства и Братства!*

*Век до рассвета!
В стуже, без света —
Радости мало
В этом курятнике!*

М. И. Цветаева

нем завершения Февральской революции в Москве, по всей видимости, следует считать 6 марта 1917 года, когда по призыву Совета рабочих депутатов возобновили работу фабрики и заводы, а главное — после недельного перерыва был пущен трамвай.

Правда, вагоны вышли на линии только в три часа дня, поскольку не обошлось без таинственного происшествия в духе того времени. Газеты сообщали о том, как трое мужчин объезжали на автомобиле трамвайные парки и предупреждали служащих об отсутствии тока в сетях. Телефонного звонка в Городскую управу оказалось достаточно, чтобы выяснить: центральная станция давно дала ток и Управа специально послала курьеров — сообщить трамвайщикам, что *можно* выводить вагоны на линии. Найти «провокаторов» не удалось.

Однако опьянение внезапно наступившей свободой не позволило москвичам, в первую очередь пролетарским мас-

сам, просто вернуться на свои рабочие места. Эйфория от победы над самодержавием еще не прошла. Всем хотелось праздника, и он был устроен.

В воскресенье, 12 марта, Москва превратилась в арену грандиозной демонстрации в знак солидарности с петроградскими рабочими и солдатами, свергнувшими царизм. Со всех концов города сходились колонны демонстрантов к Театральной площади, чтобы, пройдя по ней перед лицом представителей демократической власти, разойтись по своим районам. Очевидец, корреспондент «Утра России», описал увиденное на страницах газеты:

«Первый теплый весенний день. На улицах весенние ручьи...

Первый большой народный праздник. С утра толпы народа с фабрик, заводов, трамвайных парков, из всех районов непрерывной вереницей двигаются к центру — к Воскресенской, Театральной и Красной площадям... Красные знамена реют над черными толпами рабочих, над серыми рядами солдат.

К 11 часам утра — сборному часу — все центральные площади покрыты сотнями тысяч народа.

Шествие открывает отряд солдат с винтовками на плечах. Впереди идут офицеры-командиры отряда и с ними два солдата несут большое красное знамя.

Рабочие, служащие, учащиеся идут отдельными группами. У каждой группы свое особенное знамя. Вот огромное, в две сажени знамя, на трех древках, украшенное зелеными венками. На знамени нарисовано восходящее солнце и надпись:

“Всехсвятский район. Да здравствует демократическая республика!”...

Вот большое шелковое знамя, украшенное золотыми кистями. “Да здравствует союз железнодорожников!” Служащие Александровской ж. д. Рабочие завода Закс. Рабочие всех типографий. Вот идут синей, одноцветной массой кондукторши трамвая. “Братство, равенство, свобода!..” “Равноправие женщин!” Эти лозунги — на их знамени.

Демонстрация на Страстной площади. Март 1917 г.

Вот стройными рядами, взявшись под руки, идут офицеры. Республиканский клуб офицеров. На его знамени: “Война до победного конца!”, “Да здравствует наша армия!”... Толпа, густыми шпалерами стоящая на тротуарах, приветствует офицеров-республиканцев восторженными криками

“ура”.

За ними идут ряды солдат с красными знаменами.

Красные ленты, словно капли крови, всюду мелькают в толпе. Толпа поет то бравурную “Марсельезу”, то минорный и грустный “Похоронный марш”...

Вот над толпою плывет оригинальное желто-синее знамя и слышится чудесная стройная песнь.

“Нехай живе Интернационал!” Украинцы социалисты-революционеры!..

Впереди девушки и молодые люди в национальных костюмах.

И опять рабочие, солдаты, женщины... Вот идут в своих разноцветных халатах сарты¹. Гордые закоренелые лица, гортанные звуки их национальной песни. Два старых сарта несут огромное знамя на высоких древках.

“Равенство народов”!..

Вместе с русской надписью на их знамени фантастические изгибы арабских письмен...

Темной однообразной тысячной массой идут евреи. Вместе с красным знаменем они несут и черные знамена.

Вот вьется и трепещет красивое знамя с золотой бахромой.

“Да здравствует автономия!” “Да здравствует Польша!” Польская партия социалистов!..

Эсты, латыши, грузины, татары, армяне... Почти несколько десятков народностей России участвовали в этом величе-

¹ Самоназвание оседлых узбеков. После подавления восстания в Туркестане в 1916 г. двести тысяч узбеков и киргизов по мобилизации были вывезены в центральные районы России «для работы на оборону». Часть из них оказалась в Москве. Однако сразу же выяснилось, что профессиональные земледельцы не могли заменить русских рабочих, ушедших на фронт, поэтому их стали использовать в качестве чернорабочих. Эта трудовая повинность должна была длиться три месяца, после чего планировалось привозить из Туркестана новую партию работников. Из-за нераспорядительности царской администрации «люди в халатах» застряли в Москве до весны 1917 г., когда их судьбу пришлось решать Временному правительст-

ственном шествии освободившегося народа.

Вот красные знамена с надписями:

“Автономная школа”. “Да здравствует свободная наука!” Это идут студенты и курсистки московских учебных заведений. За ними — железнодорожные кондуктора. Высокий красивый обер¹ идет впереди и регентует. Кондуктора стройно поют рабочий марш.

С красными знаменами скачут конные солдаты.

“Война до победы!” — вот девиз на знаменах.

Совсем другие впечатления от демонстрации остались у В. А. Амфитеатрова-Кадашева:

«День величайшего променада — единения Армии с Народом. Для символического выявления сего *Monsieurs de Soviet*² решили: солдаты пойдут на демонстрацию не в строю, но под ручку с рабочими, шеренгами: рабочий—солдат, рабочий—солдат. По штатскому моему незнанию я на эту затею было не обратил внимания, но Жорж Якулов разъяснил мне, что здесь — большое ехидство, огромный расчет — разбить строй, растворить воинский элемент в массе. Несомненно, *Monsieurs de Soviet* это устраивают не зря: за последнее время они очень озабочены рознью между солдатами и рабочими. Брошен лозунг: “Не натравляйте солдат на рабочих!” Конечно, поведение *Monsieurs de Soviet* понятно: им не могут быть приятными такие факты, как, например, явление Преображенского полка на Путиловский завод с приказом прекратить забастовку.

Шествия меня совсем не захватили: что, собственно, хорошего в том, что движается масса “черного народу”, затаптывая грязью трамвайные пути так, что завтра, наверное, движения не будет? Единственное утешение: отсутствие антивоенных лозунгов и наличие знамен с надписью “Война до победы”. Такую надпись я видел на знамени одного завода, и такой плакат (колоссальный, от тротуара до тротуара) несли офице-

¹ Обер-кондуктор.

² Господа из Совета (*фр.*).

На Театральной площади. Март 1917 г.

ры-республиканцы (среди них я заметил Халтурина — из Алексеевского училища — и Е. В., она, правда, не офицер, а только жена офицера, и к тому же очень слабая республиканка, но почему-то шла в процессии). Знамена уже не просто куски красной материи, а со всячинкой: разрисованные, с эмблемами, вышитые золотом, но все это очень грубо, аляповато, по-базарному, по-пролетарски. Но как они поют “Марсельезу”! Обращили Руже де Лилия в частушку; сначала запедала затянет: а затем толпа подхватит: “Вперед! Вперед! Вперед!”»

Э-э-х, да э-эх, да отречемся
От старого мира!

Что же касается отсутствия лозунга «Долой войну!», то его решили не выставлять по настоянию Совета солдатских депутатов. Вместо этого над толпой реяли транспаранты с надписями «Да здравствует социализм», «Без победы не может быть свободы», «Мир всего мира» и даже — «Долой Вильгельма, да здравствует революция в Германии».

А вот призыв «Смерть врагам свободы» вызвал недоумение у Н. П. Окунева: «...если это угроза нашим черносотенцам, то она не в духе настоящего времени. Ведь только что отменена смертная казнь».

Зато весело смотрелось участие в «революционном променаде» клоуна Владимира Дурова. Он не только провез в цирковой тележке куклы Распутина и Протопопова, но даже вывел на демонстрацию слона. Причем огромное животное было покрыто алой, революционного цвета, попоной, на которой золотом был вышит девиз: «В борьбе обрешь ты право свое». «Господи! — заметил по этому поводу В. А. Амфитеатов-Кадашев. — Даже слоны вступают в партию социалистов-революционеров».

Демонстрация, в которой приняли участие почти полмиллиона человек, продолжалась до 5 часов вечера. Колонны, прошедшие через Театральную площадь, распорядители из Совета рабочих депутатов направляли на Большую Дмитровку и Тверскую, откуда демонстранты расходились по митингам. Под собрания в тот вечер в городе были заняты все мало-мальски подходящие помещения.

Кстати сказать, митинги и собрания превратились в неотъемлемую черту жизни новой, «демократической» Москвы. Залы кинотеатров и клубов не могли порой вместить всех желающих. Так, 10 марта возле «Кино-Арс» на Тверской собралась огромная толпа, выражавшая негодование по поводу того, что партия кадетов устроила митинг в маленьком зале, в котором оказалось слишком мало мест. Более предусмотрительно поступили московские евреи — они провели митинг в цирке Никитина. В Художественном театре поместились все

писатели. В другом театре, Никитском, прошел митинг московских артистов.

Трудно назвать категорию населения Москвы, которая в те дни не собралась, чтобы высказаться «о текущем моменте» и заявить о своих требованиях. Политические партии и национальные объединения, старообрядцы и парикмахеры, студенты и духовные певцы, официанты и извозчики — всех не перечислить.

Женщины, митинговавшие в гимназии на Остоженке, вынесли резолюцию о необходимости продолжения войны «во имя свободы народов и верности союзникам», а также дружно проголосовали за предоставление им политических прав и созыва Учредительного собрания с участием женщин. Слепые решили создать свою организацию и высказались за отмену существовавшего для них запрета на вступление в брак. Солдаты, потерявшие зрение на фронте, потребовали от правительства бесплатного наделения их землей и сельскохозяйственным инвентарем.

Скромнее в своих желаниях были служащие цветочных предприятий и магазинов. Они всего лишь обратились с просьбой отменить продажу цветов в праздничные дни. «Цветы предмет роскоши и удовольствия, а не первой необходимости, — пояснили участники митинга свою позицию, — и прекращение торговли ими в праздничные дни, давая возможность садоводам, служащим и рабочим цветочных предприятий и магазинов проявить полноту прав и выполнить обязанности граждан, в то же время не причинить никакого ущерба гражданам Москвы». Попутно было решено обратиться к москвичам с призывом воздержаться от покупки цветов в праздничные дни.

Дети от девяти до шестнадцати лет были собраны на митинг в уголке Дурова, где, по словам корреспондента «Московского листка», ими «путем разъяснения сказок о спящем царстве и об Илье Муромце была уяснена по возможности сущность совершившегося у нас государственного переворота».

Самым тихим из всех был, пожалуй, митинг глухонемых. Побывавший на нем журналист описал увиденное:

«Странный митинг! Мертвая тишина царит в помещении собрания в Садовниках.

Ничего, кроме напряженных лиц, не говорит о серьезности здесь происходящего.

Тем не менее здесь вчера происходил митинг, настоящий митинг — полный жизни, кипящий, непонятный нам, слышащим и говорящим, но увлекающий и живо интересующий глухонемых, собравшихся обсудить вопрос текущего момента.

На трибуне оратор быстро, быстро шевелит пальцами, поднося их ко лбу, ушам, рту, носу. На его бледном лице застыло мучительно страстное выражение. Человек спешит передать свою мысль. И пальцы рук, беспрестанно шевелясь, как будто не поспевают за мыслью.

Один за другим сменяются ораторы. Зрители живо воспринимают передаваемое — в разных концах зала поднимаются вверх руки, шевелятся пальцы, шелкают, хлопают.

Прения разгораются. После прений принимается резолюция, в которой выражается доверие Временному правительству и пожелание довести войну до победного конца».

Зато самыми шумными и бестолковыми были митинги кухарок. На одном из них вместо обсуждения политических вопросов «восставшие “парии”» (как их назвал репортер «Раннего утра»), перекрикивая друг друга, делились с товарками наболевшим — рассказывали о добрых и злых хозяевах. Пробужденное революцией чувство собственного достоинства рождало идущие от сердца слова: «Если хозяйка меня с уважением попросит поставить самоварчик, хотя бы и вечером, да разве я откажу? Другое дело, когда тебе приказывают». Сам митинг закончился без резолюции, поскольку всех участниц сманил за собой проходивший по улице военный оркестр.

Другое собрание кухарок и горничных, состоявшееся девятого марта на Тверской, в кинотеатре «Европейский», сумело войти в рамки обсуждения экономических вопросов, но без

шума, едва не перешедшего в драку, все же не обошлось. Две элегантно одетые дамы, проходившие мимо, позволили себе пренебрежительно отозваться о митингующих кухарках и мгновенно получили отпор. От побоев женщин спасло вмешательство милиционеров, препроводивших их в комиссариат. Там оскорбительницам кухарок было предложено вместо составления протокола пожертвовать 50 рублей в пользу детей погибших героев революции, на что дамы с радостью согласились.

На следующий день, собравшись в том же «Европейском», швейцары, дворники, лакеи и горничные все же вынесли резолюцию: считать 8-часовой рабочий день неприемлемым, требовать более приличных помещений для проживания и увеличения жалованья в 3 раза, Россия должна быть республикой. А вот швейцары гостиниц, митинговавшие в «электро-театре» на Сретенке, выдвинули требование не сдавать вешалки для верхней одежды в аренду посторонним лицам, а предоставить этот доходный промысел в их полное распоряжение.

Поскольку в политической жизни страны чуть ли не ежедневно происходили важнейшие события, поводы для митингов и собраний не переводились. Например, по поводу акта от 21 марта об отмене национальных и исповедальных ограничений грузинская колония Москвы приняла в адрес Временного правительства такое обращение:

«Русское общество знает притеснения грузин, чинимые старой властью и лишение их всех прав на национальное определение. Обещанное договорами не исполнялось, предоставленное актами и трактатами отнималось.

Русский народ всегда был на стороне угнетаемых. Грузия, в свое время добровольно присоединившаяся, знала, что справедливый и не менее угнетенный русский народ не одобряет действий старого правительства, и верила, что рано или поздно пробьет час ее освобождения.

Состав Временного правительства дает грузинам уверенность в том, что права малых народностей свободной Росси-

ей забыты не будут, что Грузия — на пути к осуществлению своих исторических и законных прав и близок час исполнения заветной мечты каждого грузина: “Автономная Грузия под стягом Свободной России”».

Устроенное по тому же поводу чрезвычайное собрание членов московской еврейской общины под председательством Д. В. Высоцкого вынесло свою резолюцию:

«Веками прежний режим угнетал и надругался над еврейским народом, но не сломил его сил, энергии и бодрости. Призванный ныне к новой жизни, он вместе со всей Россией напряжет все свои силы для творческой работы и службы родной стране. Народное правительство может уверенно опираться на русское еврейство в его героических усилиях, направленных как к победоносному завершению мировой войны, так и к созданию новой жизни на незыблемых началах свободы, народовластия, равенства граждан и свободного самоопределения национальностей».

А вот призыв министра иностранных дел Милюкова к захвату Дарданелл и изгнанию турок из Европы вызвал протест московских мусульман:

«Мусульмане полагают, что в великой свободной России, которую они защищали и защищают кровью миллионов своих единоверцев, при разрешении вопросов как внутреннего строительства страны, так и международных отношений справедливость должна быть прежде всего и не должно быть места империалистическим лозунгам, направленным к порабощению слабых народов Азии и Африки».

О стихии митингов, охвативших Москву в то время, Константин Паустовский вспоминал в «Повести о жизни»:

«За несколько месяцев Россия выговорила все, о чем молчала целые столетия.

С февраля до осени семнадцатого года по всей стране днем и ночью шел сплошной беспорядочный митинг.

Людские сборища шумели на городских площадях, у памятников и пропахших хлором вокзалов, на заводах, в селах,

на базарах, в каждом дворе и на каждой лестнице мало-мальски населенного дома.

Клятвы, призывы, обличения, ораторский пыл — все это внезапно тонуло в неистовых криках “долой!” или в восторженном хриплом “ура!”. Эти крики перекатывались, как булыжный гром, по всем перекресткам.

Особенно вдохновенно и яростно митинговала Москва.

Кого-то качали, кого-то стаскивали с памятника Пушкину за хлястик шинели, с кем-то целовались, обдирая щетиной щеки, кому-то жали заскорузлые руки, с какого-то интеллигента сбивали шляпу. Но тут же, через минуту, его уже триумфально несли на руках, и он, придерживая скачущее пенсне, посылал проклятия неведомо каким губителям русской свободы. То тут, то там кому-то отчаянно хлопали, и грохот жестких ладоней напоминал стук крупного града по мостовой.

Кстати, весна в 1917 году была холодная, и град часто покрывал молодую траву на московских бульварах трескучей крупой.

На митингах слова никто не просил. Его брали сами. Охотно позволяли говорить солдатам-фронтовикам и застрявшему в России французскому офицеру — члену французской социалистической партии, а впоследствии коммунисту Жаку Садулю. Его голубая шинель все время моталась между двумя самыми митинговыми местами Москвы — памятниками Пушкину и Скобелеву.

Когда солдат называл себя фронтовиком, ему сначала учиняли шумный допрос. “С какого фронта? — кричали из толпы. — Какой дивизии? Какого полка? Кто твой полковой командир?”

Если солдат, растерявшись, не успевал ответить, то под крики: “Он с Ходынского фронта! Долой!” — его сволакивали с трибуны и заталкивали поглубже в толпу. Там он смущенно сморкался, вытирал нос полкой шинели и с недоумением качал головой.

Чтобы сразу взять толпу в руки и заставить слушать себя, нужен был сильный прием.

Однажды на пьедестал памятника Пушкину влез борода-

тый солдат в стоявшей коробом шинели. Толпа зашумела: “Какой дивизии? Какой части?”

Солдат сердито прищурился.

— Чего орете?! — закричал он. — Ежели хорошенько поискать, то здесь у каждого третьего найдется в кармане карточка Вильгельма! Из вас добрая половина — шпионы! Факт! По какому праву русскому солдату рот затыкаете?!

Это был сильный прием. Толпа замолчала.

— Ты вшей покорми в окопах, — закричал солдат, — тогда меня и допрашивай! Царские недобитки! Сволочи! Красные банты понацепляли, так думаете, что мы вас насквозь не видим? Мало что буржуям нас продаете, как курей, так еще и ощипать нас хотите до последнего перышка. Из-за вас и на фронте, и в гнилом тылу — одна измена! Товарищи, которые

«Красный журнал» о новой функции памятника Пушкину

фронтовики! До вас обращаюсь! Покорнейше прошу — оцепите всех этих граждан, сделайте обыск и проверьте у них документы. И ежели что у кого найдется, так мы его сами хлопнем, без приказа комиссара правительства. Ура!

Солдат сорвал папаху и поднял ее над головой. Кое-кто закричал “ура!”, но жидко, вразброд. Тотчас в толпе началось зловещее движение — солдаты, взявшись за руки, начали ее оцеплять.

Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы кто-то не догадался позвонить в Совет депутатов. Оттуда приехали на грузовике вооруженные рабочие и восстановили порядок.

Постепенно митинги в разных местах Москвы приобрели свой особый характер. У памятника Скобелеву выступали преимущественно представители разных партий — от кадетов и народных социалистов до большевиков. Здесь речи были яростные, но серьезные. Трепать языком у Скобелева не полагалось. При первой же такой попытке оратору дружно кричали: “На Таганку! К черту!”

На Таганской площади действительно можно было говорить о чем попало, хотя бы о том, что Керенский — выкрест родом из местечка Шполы или что в Донском монастыре нашли у монахов тысячу золотых десятирублевок, засунутых в сердцевину моченых яблок. (...)

Митинги у Пушкина хотя и были разнообразны по темам, но держались, как принято сейчас говорить, “на высоком уровне”. Чаще всего у Пушкина выступали студенты».

Попутно заметим, что весной 1917 года на митингах в Москве сторонники Ленина, мягко говоря, не пользовались популярностью из-за обнародованных данных об их связях с германской разведкой. Большевик В. А. Сулацкий, в то время прапорщик, вспоминал о своеобразной реакции толпы на его попытку выступить у памятника Пушкину:

«Стоило мне произнести: “Это большевики...”, как снова поднялся шум и снова завопили: “Долой!..” Несколько человек, видимо, готовились к драке, они терлись возле нас и под-

стрекали толпу избивать, сбросить, разорвать. Чьи-то руки схватили мою шашку, град ударов посыпался на меня... И тут снова мой единомышленник не выдержал — вскочил повыше на ступеньку. “Друзья-товарищи! — кричал он. — Я большевик!” Какие-то разъяренные люди в ответ: “Бей!” Их визг: “Бей!” — привлек внимание народной милиции, и это спасло нас от кровавого самосуда. Милицейские окружили нас, объявив арестованными, и с шашками наголо повели почему-то в гостиницу “Дрезден”, где помещался Московский Комитет партии и другие наши организации (ныне дом № 6/2 по улице Горького). Привели в комнату, где уже сидели задержанные, как и мы, люди. Их одного за другим куда-то вызывали. Потом вызвали и нас, проводили на верхний этаж к дежурному Исполкома Моссовета. Дежурил в ту ночь, к нашему большому удовольствию, И. И. Скворцов-Степанов¹. Он расспросил, как мы попали в эту переделку, похвалил за храбрость и проводил нас до двери. Было уже утро».

Понятно, что каждое постановление митинга или собрания отражало явные или скрытые интересы определенных общественных групп. Например, фронтовики, стремясь активно влиять на процессы, происходившие в тылу, вынесли такую резолюцию:

«В Москве и в других центрах необходимо создать постоянную организацию офицеров и солдат фронта, находящихся на излечении в лазаретах и прибывающих в отпуск, где солдаты и офицеры фронта могли бы делать сообщения и доклады как о своих нуждах, так и о нуждах армии.

Собрание признает настоятельно необходимым, чтобы во всех организациях, где будут обсуждаться вопросы обустройства армии, участвовали офицеры и солдаты фронта, ибо к победе могут вести только те, кто испытал пулю и штык, кто закалил себя в этих победах».

Анализируя документы того времени, забавно наблюдать,

¹ Один из видных руководителей партии большевиков.

как порой за революционной фразеологией отчетливо проступают чисто шкурные интересы. Характерным примером может служить резолюция общего собрания Совета солдатских депутатов, принятая 22 марта при обсуждении приказа штаба округа о посылке на фронт маршевых батальонов. С точки зрения солдат запасных полков, пополнение фронтовых частей означало одно — «вывод революционных войск из Москвы», а их нежелание отправляться в окопы вылилось в такие формулировки:

«1) Интересы революции требуют наличности в Москве кадра революционных войск.

2) Отправка маршевых рот должна производиться по мере надобности.

3) При отправке маршевых рот полковые и ротные комитеты отбирают кадры, остающиеся в Москве, для обучения вновь прибывающих частей.

4) Все полицейские и жандармы, как солдаты, так и офицеры, должны быть разжалованы в рядовые и, поскольку они не подлежат аресту и суду, немедленно отправлены на фронт при особых именных списках и размещены небольшими группами по отдельным частям».

Последний пункт стоит рассмотреть особо. Его появление в резолюции скорее свидетельствует о горячем желании солдатских депутатов отправить вместо себя на фронт кого угодно, чем о действительном интересе к судьбе бывших полицейских и жандармов. К тому моменту большая их часть без напоминаний солдатского Совета уже была отправлена в действующую армию. Например, конный жандармский дивизион, с удалью прошедший на параде 6 марта, был переименован в кавалерийскую часть и в полном со-

¹ После отбытия бывших жандармов из Петровских казарм выяснилось, что с согласия солдатского комитета заведующий хозяйством дивизиона открыл широкую торговлю казенным имуществом. На «Сухаревку» был продан даже пожарный инвентарь.

ставе, как сообщали газеты, «с радостью выступил на боевые позиции»¹.

Остальные бывшие стражи порядка также не долго томились в тылу. Напомним, в дни Февральской революции арестованных полицейских и жандармов сначала приводили в здание Городской Думы и уже оттуда распределяли по имевшимся в Москве местам заключения: в Бутырскую тюрьму, в Таганскую («Каменщики»), в арестный дом, на гауптвахту. Однако количество арестованных было столь велико, что многих «сатрапов» пришлось разместить под стражей в кинотеатрах, ресторанах и других подобных местах, наскоро приспособленных для этой цели. Например, в ресторане Егорова находились под стражей триста человек, в знаменитом «Тестовском» — около двух сотен.

В камеры арестованных помещали без учета прежних чинов и званий. В одной компании могли сидеть жандармский ротмистр, полковник-пристав, околоточный и городской. Кормили всех одинаково — щами и кашей. Для арестантов, находившихся вне тюрем, пищу готовили в одном из трактиров и оттуда развозили в походно-полевых кухнях, прицепленных к автомобилям. Всем бывшим полицейским было разрешено получать провизию с воли. Свидания заключенных с родными допускались с особого разрешения.

«Постояльцам» кинотеатров и ресторанов из-за непригодности помещений приходилось спать на стульях, столах и даже на полу, причем первое время без подушек и одеял. Зато они могли свободно разгуливать по коридорам и залам. И хотя обстановка нисколько не напоминала тюремную, в некоторых моментах бывшие полицейские проявили себя классическими узниками. По сообщению газеты «Раннее утро», за десять дней пребывания в ресторане Тестова городские и околоточные «испортили не только мебель, ковры, но и стены, исписав и исчертив их своими фамилиями, неприличными надписями и рисунками».

Отметил журналист и другие особенности поведения бывших служащих МВД:

«По словам коменданта, заключенные околоточные, пристава и жандармы больше всего негодовали на титул “арестованных”, уверяя, что все они добровольно сложили оружие к ногам новой власти, а следовательно, им должна быть предоставлена полная свобода.

Многие сейчас же нацепили красные ленточки и в одни сутки превратились из “черненьких” в “красненьких”.

Арестованные прилагали все усилия, чтобы доказать свою “невиновность”, и целыми днями строчили прошения и “донесения”».

После примерно недельного пребывания под арестом практически все рядовые полицейские были освобождены из-под стражи. Работники сыскной полиции были возвращены к прежней службе — ловить уголовников¹. Городовые и околоточные предстали перед воинским начальником. Поскольку все они проходили действительную военную службу, то процедура оформления была недолгой. Бывший полицейский называл полк, в котором служил, и после проверки документов получал в него направление.

Репортер «Раннего утра» зафиксировал напутствия, полученные тут же на месте свежее испеченными защитниками свободной России:

«— Давно пора, — кричит раненый солдат, — а то ишь какие морды наели... (...)

Из публики:

— Ну, теперь смоете в боях с немцами свой позор».

К началу апреля только жандармские офицеры все еще находились в Москве. Их отъезд на фронт был приостановлен

¹ Сыщики, отсидевшие в городском арестном доме, собрали по подписке 100 руб. и через смотрителя передали их комиссару — видимо, для поддержания бывших коллег, оставшихся в заключении.

Городовой Мордобоев.

(Архивная редкость).

Рис. Ив. Аспирин.

Кризис Мордобоева.

Мы были сыты,
Мы были пьяны,
Деньгой набиты
Всегда криваны.

Прошли нитки
Тех счастья годы.
Теперь свобода
Дана народу.

Книг хламь, убрали,
В ряды сомкнули
И нас послать
Подъ вражьи пули

Вале.

для допросов, производимых представителями Комиссии по обеспечению нового строя — среди верных слуг самодержавия искали врагов демократии и виновников охватившего страну кризиса.

Вместо полицейских, отправленных сражаться с немцами, общественный порядок на улицах Москвы стала охранять «демократическая» милиция. В дни революции основную массу милиционеров составляла учащаяся молодежь. Первыми, по утверждению репортера «Раннего утра», были студенты Института путей сообщения, следом за ними «с необычайной быстротой» организовалась учащаяся молодежь из грузин». В газете была опубликована фотография: начальник милиции А. М. Никитин в окружении большой группы молодых людей в черкесках и с винтовками в руках. На фабричных окраинах вместе с солдатами улицы патрулировали члены рабочих дружин.

Газетный очерк о студентах-милиционерах «Вешние воды», отражая эйфорию первых дней «новой жизни», написан в восторженном стиле:

«От них веет молодостью, бурной энергией и радостью жизни.

Таковыми именно и должны быть они, эти люди, принявшие на себя с самого начала революции всю тяготу, все тревоги, всю черную работу ее грозных загадочных дней.

Для того чтобы взяться за это, нужно быть сильным, смелым, выносливым.

Нужно быть готовым ко всему.

Ко всяким неожиданностям.

Обладать способностью не теряться ни при каких обстоятельствах.

Таковыми они и были.

Первыми пришли в градоначальничество, покинутое попрятавшейся полицией, заняли его, и тотчас же закипела работа.

Полицию сменила милиция. (...)

Потом пошло дальше, и не прошло нескольких дней, как

Москва была опутана густой сетью добровольцев-милиционеров.

Чреватые всякими неожиданностями, полные тревоги, прокатывались над головами новорожденных граждан грозные валы революции.

Но не было уже почти ни у кого, вероятно, сознания своей полной беспомощности, не было ощущения жути и тем более отчаяния.

Каждый уже чувствовал, что там, где-то везде, повсюду, работают они.

Милиционеры.

И вот теперь там, где были страшная охранка, заплеванная «сысканая», куда заглядывали только поневоле, заглядывали со страхом и трепетом, — там теперь образовалось место, куда новорожденный гражданин идет охотно, просто и доверчиво.

И там он находит их, своих, именно своих милиционеров.

Мрачные, угрюмые комнаты «охранки» он находит наполненными веселым молодым смехом, радостью и суетливо веселым молодым трудом.

Звучат шутки, остроты, гудит несмолкаемый живой говор. Порой зазвучит и «Марсельеза», и раздастся топот лезгинки.

Так живут и работают сейчас там, где была страшная «охранка».

Там шумит бурный весенний поток и смывает, уносит былую грязь нашей суровой долгой минувшей зимы».

Другая статья, названная просто — «Милиционеры», кроме патетики содержит интересные бытовые детали:

«У ворот во дворе бывшего градоначальничества вместо гнусной фигуры в “гороховом” пальто и “при тросточке”, “шпики”, исподтишка внимательно оглядывавшего вас бывало, дежурят молодые милиционеры с открытыми и честными лицами.

Во дворе, где находится городская милиция (бывшая канцелярия градоначальника), без особого пропуска от участкового комиссара посторонних лиц не пускают.

Объяснившись с милиционерами-студентами, беспрепят-

ственно прохожу во двор и поднимаюсь по каменным ступеням “слишком” знакомой лестницы, стертыми посетителями, неделями и месяцами добивавшимися здесь свидетельства о благонадежности, разрешения на право жительства и пр.

В прихожей знакомые фигуры старых служителей (низший штат служащих и мелких писцов остался пока прежний).

Их растерянные физиономии глядят настолько комично, что невольно хочется улыбнуться.

Неудивительно: метаморфоза, совершившаяся на их глазах с такой быстротой, может случиться разве один раз в тысячу лет.

— Бывало, закурит посетитель или — не дай Бог! — шапку забудет снять, — шепотком, по старой привычке, говорит мне служитель, — сейчас тебе нагоняй: “Ты что же, скотина, ослеп?!” К барьеру тоже “подпускать” не велено было, а теперь глядите, каждый свободно идет, куда надо.

Но один из прежних служителей, помоложе, видимо, уже вполне успел приспособиться и весело покрикивает, пронося над головами милиционеров подносы, уставленные стаканам чаю:

— Товарищи, пропустите!

Обстановка приемной та же, даже старые объявления на стенах уцелели.

Но поверх этих музейных “документов” возле двери во вторую комнату сразу бросается в глаза большой лист с крупной надписью красным карандашом:

— Комната для товарищей-комиссаров.

В кабинете начальника городской милиции А. М. Никитина совещание.

Говорят, что постановлено принимать в милиционеры не моложе 18-ти лет и не состоящих учениками средних учебных заведений.

О вознаграждении вопрос остается открытым (пока труд бесплатный).

До сего дня милиционеры бесценно несут свои обязанно-

сти почти круглые сутки, не получая даже обеда и питаюсь на ходу чем попало.

Спят многие не больше двух-трех часов. На голом полу в помещении милиции.

Лица у милиционеров от постоянного пребывания на улице обветрили, глаза от бессонницы покраснели, но выражение бодрое и веселое.

— Наша жизнь полна опасностей и приключений, — говорит мне юноша в огромной папаше, при револьвере и с тяжелой винтовкой в руках (каково ее таскать целый день!).

— Вчера, например, мне пришлось полчаса просидеть в харчевне, пока не пришло подкрепление, наедине с уголовным, бежавшим из тюрьмы, держа револьвер наготове.

У окна на стуле задремал милиционер-студент с широкой красной повязкой на рукаве, крепко обняв винтовку.

Устал! Ему сегодня посчастливилось арестовать жандармскую лошадь, которую переодетый хозяин запряг в розвальни (выдала обоих “сытость”), открыть и отобрать у одного купца тайные склады муки, — одним словом, целый ряд “подвигов”.

Кругом, как рой пчел, жужжат молодые голоса милиционеров, сходящихся сюда со всех концов Москвы.

Немного страшно видеть в руках почти детей оружие, но, глядя на энергичные лица милиционеров, невольно заражаешься их воодушевлением и молодой жадой опасности, приключений и подвига.

Да, сгинули “тени” и “духи” старого “градоначальничества”».

Вероятнее всего, авторы этих корреспонденций были столь же молоды, как и описанные ими милиционеры. А вот у людей постарше юнцы, болтающиеся по улицам с оружием, восторга совсем не вызывали. В дневнике Р. М. Хин-Гольдовской находим такую запись: «Вместо полиции действует “милиция”. Это значит, что вместо вышколенных для наблюдения за уличным порядком городских мечутся студенты, во-

оруженные винтовками (которые то и дело выпадают из их непривычных рук), на места околоточных поставлены помощники присяжных поверенных, а вместо приставов важно распоряжаются присяжные поверенные». Еще сильнее впечатление от новоявленных стражей порядка оказалось у В. А. Амфитеатрова-Кадашева: «...увешанные алыми лентами мальчишки, вооруженные винтовками, которые они держат так, что при встрече с ними у меня невольно шевелится мысль: “Вот она, моя смерть идет!”»

Отражением таких настроений стала карикатура, появившаяся на страницах некоторых изданий. На ней милиционер был изображен карапузом, ростом меньше винтовки за его плечами, утонувшим в огромных сапогах, и с нахлобученной на уши большой фуражкой. Картину дополняла висевшая на поясе кобура с огромным, «взрослым» револьвером.

Преобразование добровольческих отрядов по поддержанию порядка на улицах в орган государственной власти началось 9 марта 1917 года с распоряжения начальника московской милиции А. М. Никитина о регистрации всех милиционеров и всего находившегося в их руках оружия — его предписывалось выдавать только на дежурство. В те же дни были возвращены на службу сотрудники сыскной полиции, которую новая власть переименовала в «уголовную» и назначила ее комиссаром адвоката М. Ф. Ходасевича. Прежний начальник, талантливый сыщик К. П. Маршалк, был оставлен в качестве руководителя оперативно-розыскной работы.

Неделю спустя А. М. Никитин устроил пресс-конференцию, на которой рассказал московским журналистам о своих планах организации «муниципальной полиции». По количеству служащих она должна была соответствовать дореволюционному штату. Главным отличием являлся принцип комплектования кадров — не освобождение от военной службы, а прием в качестве милиционеров инвалидов войны, нестроевых солдат и белобилетников. Возглавить их должны были офицеры из числа не годных для фронта. Наблюдение за ни-

ми предполагалось доверить четырем инспекторам — по числу частей, на которые разделили Москву. Высшим руководящим органом должен был стать возглавляемый начальником милиции «Совет безопасности» при комиссариате градоначальничества. Для выезда на происшествия и патрулирования улиц было решено создать конный резерв.

Обсуждался и вопрос о форменном обмундировании для милиционеров. По сообщениям газет, «английский» вариант был отвергнут сразу. Почему-то больше всего симпатий вызвал проект формы, «приближавшейся к французской»: черный сюртук с красным отворотом на правом рукаве и кепи. Оружие полагалось держать под сюртуком. Однако в окончательном виде форма московских милиционеров выглядела не столь экстравагантно. Это было простого кроя черное пальто с красным нагрудным знаком — для «наружной» милиции. Служащие продовольственной милиции носили на рукаве белые повязки с буквами «С. П. М.».

Что же касается размеров жалованья, то в газетах приводятся разные цифры. Так, «Раннее утро», приветствуя появление милиционера из числа солдат-инвалидов «на месте бывшего цербера-лихоимца», указывала, что жалованья ему положено 90 рублей плюс 1 рубль 35 копеек «приварочных» в сутки. «У него, правда, нет одной ноги, — сообщала газета в подписи под фотографией постового, — но с винтовкой в руках он здесь на своем месте». Позже, в апреле, появилось сообщение, что по ходатайству А. М. Никитина ежемесячное содержание милиционеров увеличено с 56 рублей до 120. Рабочий день им был установлен в пределах восьми часов. Проживание в казармах отменялось — только на квартирах.

В конце марта в Москве состоялся областной съезд комиссаров по выработке единообразной формы управления и реформирования полиции на муниципальной основе. На нем начальник московской милиции доложил о состоянии дел на тот момент: 50 полицейских участков были преобразованы в комиссариаты. Участковых комиссаров назначала городская

власть, и они уже сами подбирали себе четырех помощников (заместителя, по продовольственной части, по хозяйству, по уголовно-полицейским делам), а также штат канцелярии. Содержание такого аппарата должно было обходиться в 55 тысяч рублей в год. Кроме того, правами помощников комиссара наделяли начальника участковой милиции и агента отдела уголовной полиции.

После долгих дебатов участники съезда постановили окончательно упразднить слово «полиция» и именовать органы охраны общественного порядка «милицией». На службу в милицию было решено принимать всех граждан, кроме трех категорий: «иностранные подданные, лица, состоящие под судом и осужденные по суду за позорные деяния, а также состоящие под опекой за расточительство».

К концу апреля, по свидетельству А. М. Никитина, штат милиции удалось укомплектовать солдатами только на две трети. Причем начальник отмечал, что они хорошо относятся к своим обязанностям, но их еще нужно учить и учить. Однако разгул преступности, начавшийся к тому времени в городе, не давал милиции времени для долгого становления и уже немедленно требовал от органов правопорядка высокого профессионализма и чрезвычайного напряжения сил.

Вообще апрель 1917 года явился рубежом, когда произошел довольно резкий переход от всеобщей эйфории к состоянию, когда москвичи ощутили себя по-настоящему незащищенными перед преступниками. В марте «Московский листок» с умилением описывал, как новые веяния затронули обитателей Хитровки. На страницах других газет встречались объявления о созыве митингов воров — преступный люд тоже хотел высказаться «о текущем моменте» и призвать к объединению в профессиональную организацию. Интересны в этом отношении воспоминания Леонтия Котомки «Союз молодежи из нашей братвы»:

«Припоминается один любопытный эпизод. В то время я работал в редакции большевистской газеты “Социал-демо-

крат” и был одновременно агитатором МК партии большевиков. Редакция предложила мне заниматься молодежными вопросами, а МК партии — организацией молодежи, что я и выполнял с большой радостью. И вот однажды в редакцию “Социал-демократа” пришли двое молодых людей необычного вида. На мое вопрошающее молчание после некоторого замешательства они заявили:

— Мы представители преступной молодежи.

Недоумение мое рассеял один из посетителей, наиболее решительный:

— Хотим организовать союз молодежи из нашей братвы.

— Хотим бросить воровство и всякое такое, — пояснил другой.

Они упростили меня пойти к ним на собрание.

И вот мы минуем Солянку и шествуем по Хитрову рынку, репутация которого была зловещей. В центре площади торговли и покупатели в самых живописных лохмотьях. От площади разбегаются переулки. Сворачиваем в один из них. Как уродливые тени, кошмарные призраки, плывут мимо фигуры обитателей Хитрова рынка. Тут жутко и днем.

— Вас не тронут! Вы наш гость! — успокаивают меня мои спутники.

Забираемся в какую-то трущобу. С нар глядят чьи-то лихорадочно возбужденные глаза.

Полумрак. На ящике, выполняющем, видимо, роль стола, анархистские брошюры.

Беспорядочно, не очень складно, перебивая друг друга, употребляя часто непонятные слова, говорят “форточники”, “карманники”, вору разных “специальностей”.

Пестрое общество. И настроения разные. Один даже предложил создать профессиональный союз воров. Раздался смех. С нар прыгнул взлохмаченный парень.

— Да нас в клочья разорвут с твоей вывеской!

Преобладали те, которые говорили, что надо коренным образом менять профессию и взгляды.

— Все поднято вверх дном. Все рушится, все старое. И нам надо революцию у себя сделать!

Разумеется, все это было обольщением. Обитателям ночлежки казалось, что Февральская революция все разрешит и ад капиталистический сразу сменится “раем братства и равенства”. Запомнившиеся фигуры из ночлежки встретились мне впоследствии около здания, над которым развевалось черное знамя “Анархия — мать порядка”».

Начальник милиции на встрече с журналистами рассказывал о значительном сокращении числа грабежей и краж. По его словам, основными видами преступлений, с которыми успешно боролась молодая милиция, были хулиганство, самоchinные обыски (люди в военной форме под видом милиционеров проникали в квартиры и совершали кражи), подпольная продажа алкогольных суррогатов и кокаина. Вторя Никитину, газеты сообщили статистику: в сравнении с мартом 1916 года число преступлений не увеличилось — в Москве произошло 122 крупных и 250 мелких краж, 68 грабежей, 5 убийств.

В середине марта Временное правительство объявило амнистию для многих категорий уголовных преступников. Осужденные за мелкие преступления беспрепятственно получали свободу. Даже грабители и убийцы выходили из тюрем, если объявляли о желании отправиться на фронт.

В Москве освобождение уголовников из тюрем не обошлось без трудностей. Обитатели крыла одиночных камер Таганской тюрьмы (видимо, самые опасные рецидивисты) устроили бунт, требуя выпустить их наравне со всеми. Впрочем, нескольких выстрелов в воздух оказалось достаточно для восстановления порядка.

В Бутырках столкнулись с проблемой другого рода. Во время революционного освобождения политических, когда из тюрьмы вырвались и уголовники, были уничтожены архив и хранилище вещей заключенных. Комиссии, работавшей в Бутырской тюрьме, пришлось определять кандидатов на амнистию путем опросов самих арестантов. Выпущенным же на

свободу приходилось ждать, когда специально образованный комитет снабдит их «цивильной» одеждой. По ходу дела Совет арестантских депутатов, образованный в Бутырской тюрьме, от имени приговоренных к каторге обратился к властям с просьбой: не отправлять их в отдаленные края, а оставить работать на оборону.

О масштабах амнистии можно судить по сокращению числа обитателей исправительной тюрьмы. Из 105 малолетних преступников на свободе оказалось 100, из 446-ти взрослых — половина. По сообщениям газет, только за один день 28 марта «приемочные комиссии» выпустили из каждой московской тюрьмы по 300 человек.

В духе времени прозвучало «Заявление уголовных заключенных», поступившее в начале апреля в Совет рабочих и солдатских депутатов:

«Мы, уголовные арестанты московской исправительной тюрьмы, военные, гражданские и каторжане, не подлежащие немедленному освобождению из тюрьмы в силу указа об амнистии и пока еще остающиеся в ее стенах, шлем свое сердечное и искреннее спасибо доблестным братьям-солдатам и всему великому русскому народу, не позабывшему протянуть руку помощи нам, доселе лишенным всякой надежды своротить когда-нибудь с пути, по которому мы зачастую против собственной воли, задыхаясь, летели в бездну порока и преступлений.

Пусть будет проклято и забыто прошлое.

Вы перебросили для нас частицу вашего общего счастья, вы наполнили наши тюремные казематы свежим воздухом, подарили нам возможность переродиться».

К несчастью для москвичей, переродились далеко не все преступники. Многие из них, выйдя из тюрьмы по амнистии, продолжили свои криминальные занятия. Среди оказавшихся на свободе бандитов особенно выделялся дерзкий грабитель и убийца «Сашка-семинарист». В предвоенные годы шайка под его предводительством, наводившая ужас на

жителей Москвы и ее окрестностей, была с большим трудом ликвидирована полицией. Записавшись добровольцем в армию, «Сашка-семинарист» покинул Бутырки, но в полк не явился. А по городу пронесся слух, что именно он стал организатором крупных вооруженных ограблений, прокатившихся по Москве.

27 апреля 1917 года Н. П. Окунев записал в дневнике: «Экспроприации с каждым днем учащаются, и чаще всего все происходит безнаказанно: грабители подстреливают или режут сопротивляющихся и разбегаются непойманными. За отсутствием полиции и за несовершенством милиции ничего не разыскивается — будь то деньги, вещи или какой товар, даже целыми возами. Грабят не только ночью, но и днем. Не разбираются и с местностью. Все это вопиющее безобразие происходит и в захолустьях, и на центральных улицах».

В тот же день в газетах появилось описание происшествия, которое стало отчетливым симптомом появления новых настроений в обществе. Недоверие к милиции, возникшее среди обывателей, порождало стремление расправляться с преступниками путем самосуда.

А началось все с неудачной попытки ограбить богатую квартиру в доме страхового общества «Россия» на Кузнецком мосту. При виде налетчиков хозяйка и прислуга подняли такой крик, что преступники решили за благо ретироваться. С револьверами в руках они выскочили на улицу и, крича «Держи воров!», бросились бежать в сторону Рождественки. В погоню устремились швейцары дома, к которым присоединились милиционеры и прохожие. Бандиты попытались укрыться на чердаке Сандуновских бань, но были найдены и препровождены в 3-й Тверской комиссариат.

Когда налетчиков вели по улице, толпа несколько раз пыталась вырвать их из рук милиционеров и растерзать на месте. Даже комиссариат не стал для преступников спасением. Горожане, жаждавшие собственноручно расправиться с бандитами, сначала запрудили Неглинный проезд, где распола-

гался комиссариат, а затем окружили весь квартал. Эта блокада продолжалась до глубокого вечера. Обстановку разрядил только приезд представителя комиссара градоначальничества, который клятвенно заверил, что преступники получат по заслугам.

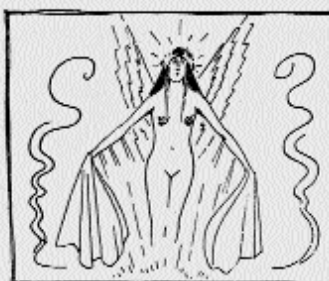
Под одним заголовком «Терроризированные москвичи. Уголовные преступления принимают грозные размеры» газета «Раннее утро» вместе с описанием блокады комиссариата поместила объяснения начальника милиции. Вопреки очевидности, Никитин заявлял, что «число преступлений в марте и апреле 1917 года, весьма возможно, не превышает числа преступлений за те же месяцы прошлого года». Если же преступность все же увеличилась, говорил он, то главной причиной этого следовало считать «неопределенность в состоянии общества». По мнению Никитина, влияли на положение дел и сами демократические основы новой жизни: оружие у преступников нельзя отобрать без проведения повальных обысков, а это вызвало бы протесты обывателей. Кроме того, революцией была отменена такая эффективная мера, как высылка из Москвы правонарушителей в административном порядке.

Справедливости ради следует отметить, что А. М. Никитин за время своего пребывания в Москве¹ сделал все возможное для укрепления органов охраны общественного порядка. Российские газеты не без основания писали о том, что в московской милиции порядка гораздо больше, чем в петроградской. Вот только переломить ситуацию начальник милиции был не в силах. Как он ни старался, его подчиненные явно не дотягивали до уровня разогнанных полицейских. Особенно это было заметно в ночное время, когда город фактически переходил в руки преступников. В этом отношении показателен приказ, из-

¹ По предложению А. Ф. Керенского в июле 1917 г. А. М. Никитин стал министром почт и телеграфов, в сентябре возглавил Министерство внутренних дел. Выступал за применение самых решительных мер по отношению к противникам Временного правительства.

Свобода и какъ ее понимаютъ...

Либер.

Патриот.

Большевик.

Торговль.

Иные проче.

Недалеко показат.

«Эра свободы» в карикатурах

данный комиссаром Временного правительства по Москве, после проверки милицейских постов в ночь на 26 мая 1917 года:

«Один из постов, оставленный милиционером по болезни, не был замещен вовсе; на поднятую мною тревогу в одном из комиссариатов никто не отозвался, и дежурного мне удалось увидеть лишь тогда, когда я вошел в самое помещение комиссариата; один из постовых милиционеров не имел при себе билета. Этот же самый пост не имел никакой связи с ближайшим постом соседнего комиссариата; милиционеры постов близ одной из чайных находились в момент объезда в чайной; большинство постовых милиционеров не отвечает на тревожные свистки; многие из них крайне медленно продвигаются на место вызова; был случай явки милиционера на вызов с пистолетом в руках; большинство милиционеров не знает фамилий своих начальников и дежурных по участку».

Кроме самовольного оставления постов в приказах по московской милиции постоянно упоминались такие нарушения дисциплины, как хулиганство, пьянство, неисполнение приказаний по службе. Понятно, что такие стражи порядка уважением населения совсем не пользовались.

Как ни странно, но и милиционеры, ревностно выполнявшие свои обязанности, также подвергались обструкции. Их ненавидели посетители трактиров и чайных, где тайно продавали спиртное, — за периодические облавы; их проклинали торговцы — за обыски в лавках; их ругали обыватели, истомившиеся от стояния в очередях, — за то, что милиция проводит мало обысков и арестов спекулянтов.

К лету 1917 года неприязнь к милиционерам стала принимать формы открытых нападений. Так, 9 июля «Газета-копейка» сообщила о таком случае: милиционер Катаев, дежуривший в Хамовниках, увидел на улице двух известных воров-рецидивистов и попытался их задержать. Чтобы избежать ареста, те стали кричать, показывая на милиционера: «Граждане-товарищи! Вот провокатор, бей его!» Прохожие окружили Катаева и набросились на него с кулаками, а офи-

цер, соскочивший с проезжавшей мимо пролетки, ударил милиционера по лицу шашкой.

В воспоминаниях А. Н. Вознесенского есть рассказ о том, как преступники, задумавшие освободить из Таганской тюрьмы своих товарищей, собрали перед ее воротами большую толпу. Если бы вовремя не подоспел отряд конных милиционеров, дело вполне могло закончиться штурмом, в результате которого уголовники оказались бы на свободе. А вот в сентябре 1917 года подобная же попытка преступникам удалась: после их подстрекательства возбужденная до крайности толпа ворвалась в Тверской комиссариат и разгромила его.

В августе-сентябре было отмечено несколько случаев захвата районных комиссариатов разъяренными москвичами. Так, 27 августа 2-й Сушевский комиссариат был окружен толпой, кричавшей «Дайте хлеба!» и угрожавшей разгромом. В тот же день аналогичные события произошли в других районах. Под давлением горожан милиционеры были вынуждены произвести обыски для обнаружения тайных запасов продовольствия в тех домах, на которые указывали демонстранты. Первого сентября толпа женщин сначала побывала в Алексеевском комиссариате, где угрожала сотрудникам милиции расправой, а затем отправилась громить лавки.

В октябре 1917 года произошло несколько прямых столкновений милиционеров с солдатами московского гарнизона. Например, ночью второго октября у Спасской заставы группа солдат напала на постовых, отобрала у них оружие и избивала. Вызванный резерв милиционеров задержал одного солдата-артиллериста, но по требованию полкового комитета его вскоре пришлось отпустить. А 16 октября на углу Немецкой улицы и Бригадирского переулка произошла настоящая перестрелка между солдатами и милиционерами, в которой участвовало несколько десятков человек. Причиной конфликта стала ссора, затеянная солдатами в чайной лавке. Обиженные посетители вызвали по телефону милицию, но когда стражи

порядка прибыли, большая группа солдат открыла по ним огонь. Отстреливаясь из револьверов, милиционеры были вынуждены отступить. Порядок удалось восстановить только после прибытия конного милицейского отряда.

Последней попыткой Временного правительства укрепить милицию был приказ военного министра от 11 октября 1917 года, в котором ставилась задача «привлечь действующую армию к обеспечению порядка внутри страны». Командирам воинских частей предписывалось направлять на службу в милицию самых проверенных офицеров и солдат («преимущественно георгиевских кавалеров»), поскольку «в данный момент особо ответственная служба должна находиться в руках лучших людей». Вот только выполнить этот приказ в условиях нарастающего кризиса оказалось невозможно. Да и армия, охваченная к тому времени разложением, вряд ли уже могла служить для милиции источником достойных кадров. По крайней мере, в частях московского гарнизона, судя по рассказам современников, найти «лучших людей» было делом совсем непростым.

Большевик П. Г. Смидович вспоминал, как в дни Февральской революции всколыхнулась солдатская масса: «Одна за другой к нам являлись делегации различных воинских частей и настойчиво, иногда буквально со слезами на глазах, требовали заставить военное командование издать приказ о выборах в Совет солдатских депутатов. Уверяли, что запуганные солдаты не смеют, не имеют возможности самочинно приступить к выборам».

Совет рабочих депутатов настаивал, чтобы подполковник

¹ Приказ по гарнизону, принятый Петроградским советом и под его давлением утвержденный военным командованием. Этим документом устанавливалось подчинение воинских частей исключительно Петросовету. Солдаты избирали ротные, батальонные и т. п. комитеты, под контролем которых должно было находиться оружие. Приказ наделял нижних чинов гражданскими правами, вне службы ставил их в равное с офицерами положение. Воспрещалось грубое обращение с солдатами, отменялось титулование и отдавание чести вне строя.

Грузинов подписал постановление о демократизации войск — аналог знаменитому «Приказу № 1»¹. Командующий и его окружение отчаянно этому сопротивлялись. «Говорили, — писал в мемуарах П. Г. Смидович, — о недопустимом, ввиду угрожающего на фронте врага, разложении воинской дисциплины, об угрожающей анархии и гибели всей страны». Тем не менее Грузинову пришлось уступить. 8 марта 1917 года был обнародован «Приказ № 10», которым были установлены новые, «революционные» порядки в частях московского гарнизона.

Последствия этого москвичи оценили довольно скоро. 17 марта Н. П. Окунев записал в дневнике: «...солдаты шляются без всякой надобности и в крайнем беспорядке, большинство из них не отдают офицерам чести и демонстративно курят им в лицо и даже не уступают в вагонах сидячих мест старикам-генералам». Устремление солдат на улицу отмечал В. А. Сулацкий: «Офицерам и командованию все труднее становилось повелевать солдатами. Их нельзя было удержать в казармах, заперти, как это было раньше. Примечателен такой факт: в первомайской демонстрации большая часть солдат нашего полка отделилась от него и присоединилась к колонне Хамовнического района, которая шла под знаменем райкома партии».

А вот первое впечатление писателя Бориса Зайцева, прибывшего служить в 192-й запасной пехотный полк: «...Казармы — вблизи Сухаревки. Огромный двор, трехэтажные корпуса, солдаты, слоняющиеся без толку, — кое-где вялый подпоручик строит взвод, пытается заняться учением. (...) Из окна виден двор. Солдаты шляются по нему, иногда в обнимку, другие висят на подоконниках, курят, плюют, лущат семечки».

Наряду с солдатским в первые мартовские дни был образован Совет офицерских депутатов. Кроме него офицеры, военные врачи и чиновники создали так называемый «Республиканский клуб». Участники его первого собрания, состоявшегося 7 марта в помещении Литературно-художественного кружка, выразили уверенность, что война будет доведена до

Спасские казармы

победного конца и что «Россия вступит в эру новой и счастливой жизни на началах свободы, равенства и братства». Командование гарнизона попыталось объединить Совет офицерских депутатов с солдатским Советом, но этот альянс просуществовал недолго. Поэт в очередной раз оказался прав: «коня и трепетную лань» не удалось заставить идти в одной упряжке.

Волей товарищей по Александровскому училищу в числе депутатов Совета оказался Борис Зайцев. О своей миссии он вспоминал с иронией:

«О, если бы я хотел выплыть, время подошло. Но и без всякого моего желания, только за то, что я писатель и “шляпа”, выбрали меня и в ротный комитет и потом в “комитет семи” от всего училища — мы вошли в Совет солдатских и офицерских депутатов Москвы. Много интересней, разумеется, было заседать, вместо лекций, в какой-нибудь для нас отведенной аудитории или ехать в Политехнический музей на общее со-

бране Совета. Или идти депутацией к нашему генералу, просить о каких-нибудь послаблениях (о “подтягивании” никогда мы не просили), — и при всей внешней почтительности нашей все же генерал смущался... и никак не мог взять тона: что мы, подчиненные его, или он нам в чем-то уже подчинен? Мы старались, разумеется, быть мягче и приличнее, но за спиной нашей “ловчи́лы” уже действовали: старый, тяжело-весный и суровый строй военный отступал.

Надо полагать, под «ловчи́лами» подразумевались те из «борцов за свободу», кто, действуя нахрапом, выбивали себе разного рода блага. В первую очередь — освобождение от фронта. По воспоминаниям участников событий, весной 1917 года в солдатских комитетах нередко происходила такая «ротация кадров»: председатель выписывал себе отпуск, скреплял его полковой печатью, передавал дела заместителю и отбывал на родную сторону. Следом такую же операцию проделывал заместитель, а за ним по очереди остальные члены комитета. Солдатам приходилось выбирать новый состав комитета, и все повторялось снова.

Солдатам, у которых не было доступа в полковую канцелярию, приходилось искать помощь на стороне. Поскольку среди московских жуликов не переводились специалисты по подделке документов, к услугам дезертиров было несколько «фабрик» по производству отпускных свидетельств. Когда одну из них, располагавшуюся в чайной лавке Никитина у Рязанского вокзала, ликвидировала милиция, выяснилось, что на фальшивки ставили печать самого «начальника Московского военного округа».

Оригинальнее всего уклонялись от фронта солдаты так называемого «Полка 1 марта». В начале это была группа подсудимых, содержащихся в военной тюрьме за различные преступления. В дни революции они оказались на Воскресенской площади, где кроме свободы обрели стол — из походных кухонь, и кров — в этапно-продовольственном пункте, располагавшемся в «Большой Московской гостинице». Однако

когда войска, участвовавшие в событиях, были возвращены в казармы, «республиканская команда» оказалась чем-то вроде болтающегося в проруби цветка.

В начале марта бывшие обитатели военной тюрьмы объявили о своем горячем желании идти на фронт. Правда, «защитники революции» почему-то не поспешили явиться к воинскому начальнику, чтобы их в ускоренном порядке расписали по полкам. Вместо этого простого шага они заявили о необходимости формирования из них особой воинской части — «Батальона 1 марта». Примерно две недели спустя организаторы выступили с обращением, выдержанным в лучших традициях русской рекламы:

«Граждане! Этот батальон — детище русской революции, рожденное в один из великих исторических дней на Воскресенской площади, — оно не должно погибнуть. Быть может, он — первая частица республиканских войск, — будущий оплот и защита свободы от посягательств со стороны контрреволюции.

Поддержите нас! Дайте нам оружие, дайте нам средства и возможность скорей сформироваться! Дайте нам кадр, увеличьте наши ряды — записывайтесь в батальон добровольцами!

Товарищи солдаты-дезертиры! Вам указан путь доказать свою любовь к родине — идите к нам. (...)

Батальон ходатайствует о присвоении ему имени подполковника Грузинова.

Мы увековечим славное имя командующего войсками в память беспримерного подвига на страницах истории революции, в память освобождения России от оков мы создадим новую воинскую часть: полк 1 марта имени подполковника Грузинова».

Забавно, что обращение к «товарищам-дезертирам» прозвучало 19 марта, когда до истечения срока действия амнистии, объявленной им приказом командующего, остался всего один день. Видимо, для «детища русской революции» было

сделано исключение, поскольку через четыре дня газеты сообщили, что в батальон ежедневно записываются по 150 человек и «уже набралось несколько рот полного состава». Офицеров солдаты выбирали себе сами.

В последний день марта газета «Раннее утро» сообщила о решении общего собрания полка: «приложить усилия, чтобы как можно скорее сорганизоваться в боевую часть и выехать на фронт». При этом «первомартовцы» почему-то не потребовали от командования немедленно снабдить их оружием из арсенала, а назначили на 15 апреля в цирке Соломонского концерт, сбор от которого предназначался на покупку пулеметов и винтовок для полка. Заметим, в 1917 году русская армия получала оружие в необходимом ей количестве. В Москве, как показали октябрьские события, винтовок хранилось столько, что ими удалось вооружить 200 тысяч красногвардейцев.

В середине апреля в батальоне вдруг взялись наводить дисциплину. На собрании ротных комитетов решили установить правила внутреннего распорядка: в город уходить не всем, а оставлять дежурный взвод; за нарушения разного рода объявлять взыскания. Кто служил в армии, легко себе представит, *что* творилось в «первой частице республиканских войск», где на протяжении полутора месяцев даже не вспоминали об элементарных требованиях устава.

Сведений об отправке на фронт «Полка (батальона) 1 марта» найти не удалось.

По поводу «ловчил» другого рода подполковнику Грузинов пришлось издать 23 марта 1917 года специальный приказ. В нем давалась отповедь солдатским комитетам, завалившим интендантство постановлениями о выдаче нового обмундирования и обуви. Командующий МВО объяснял, что лучшее обмундирование идет для фронтовых частей, а находящимся в тылу стоит воспользоваться услугами починочных мастерских. Показательны завершающие слова приказа: «...а небрежная носка и тем более порча одежды и обуви, а также продажа их

должны считаться преступлением лиц, допускающих это».

Несмотря на то что с 1914 года в Москве действовал запрет на торговлю солдатской формой и предметами снаряжения, на Сухаревском рынке все это можно было купить без проблем. Когда солдатику хочется выпить, для него не является препятствием даже уголовная статья за промотание военного имущества. Интересно и другое — весной 1917 года три четверти уголовников, задержанных во время облав на Хитровке, были выряжены в солдатское и даже в офицерское обмундирование. Победа демократии, практически упразднившая военные патрули, позволяла жуликам в форме спокойно передвигаться по городу, бесплатно ездить в трамвае, под видом милиционеров врываться в квартиры, а в случае задержания — провоцировать толпу криком: «Смотрите, граждане! Фронтовика в кутузку тянут!»

«Хитрованцы» маскировались под солдат, а солдаты вели себя как обитатели городского дна. В результате москвичи перестали отличать «защитника отечества» от люмпена. В июле Н. П. Окунев описал в дневнике впечатления от новых реалий московской жизни:

«Вчера вечером, проходя Чистыми прудами (...) был поражен новым безобразием на обезображенном “товарищами” этом, прежде прекрасном и чистом бульваре. Впавалку на траве, везде, где им угодно, лежат кучками солдаты и “штатские” и дуются в карты. Таких игорных “столов” больше, чем во всех московских клубах. Игра, говорят (и в газетах пишут!), не маленькая, и шулеров при ней сколько угодно. Не менее игроков и зрителей. Одним словом, бесплатное, народное, свободное образование юношества, которое особенно прилипло к зрелищу перехода денег из рук в руки. Не слышно уже песен, не видно и хороводов. Да и вообще, что-то не поется уже никому. Бывало, как славно и гордо смотреть на солдатиков, идущих стройно под такт песни. Лежало сердце к ним в тот момент, и жалость являлась, и надежда на них, а теперь они прямо опротивели своей разнузданностью. Нет у нас “взбранного воинст-

ва”, и не честью оно уходит в область преданий, а с позором».

Последними местами, где еще сохранялся привычный армейский порядок, были военные училища и школы прапорщиков. В конце марта в них состоялся первый выпуск «офицеров свободной России» — приказ об их производстве подписал уже не царь, а военный министр А. И. Гучков. Из Александровского училища в адрес Временного правительства была послана ответная телеграмма: «Вновь произведенные прапорщики Александровского военного училища первого выпуска обновленной народной армии приносят сердечную благодарность за поздравление и громовым “ура” свидетельствуют о принесении себя в жертву на отбитие коварного врага, желающего поработить свободную Россию».

Нам уже никогда не узнать, кто был автором текста телеграммы, но слова о «принесении в жертву» оказались пророческими. Вспоминая свой выпуск, Борис Зайцев писал: «1-го апреля обратились мы в нарядных прапорщиков армии, дни которой и вообще-то были сочтены. Обнимались, прощались весело и грустно. Выходили все в разные полки. Будущее было загадочно и неясно — судьба наша недостоверна. И действительно, веером разнесло нас, кого куда. Из всех полутораста своих сотоварищей по роте лишь одного довелось встретить мне за пятнадцать лет».

О своей службе весной 1917 года писатель оставил такое свидетельство:

«Так началась в Москве офицерская моя жизнь. На юнкерскую вовсе не похожая. Там напряженность, дисциплина, труд, здесь распушенность и грустная ненужность. Война еще гремела. На Западе принимала даже характер апокалипсический. У нас вырождалась. Мы уже не могли воевать, мы — толпа. Это чувствовалось и в тылу. В Москве тоже делали вид, что живут, обучают солдат и к чему-то готовятся. В действительности же... (...)

Служба... Состояла она в том, что по утрам надо ехать в казармы. Там решительно нечего делать, при всем желании.

Бездельничали и солдаты и офицеры. Смысл поездок этих только тот, что в полдень в офицерском собрании, там же в казармах мы и завтракали. А после завтрака Сухаревка, трамвай, и к себе на Сушевскую».

Что там говорить о занятиях военным делом, если даже принятие присяги Временному правительству проходило с большим скрипом. В воспоминаниях Г. А. Иолтуховского приводится такой эпизод из жизни московского гарнизона:

«А вот, по словам очевидцев, нередкая картинка из тех времен.

Младший офицер дает солдату отпечатанный текст присяги Временному правительству и приказывает:

— Читай, что тут написано.

— Я малограмотный.

— Давай я прочту, слушай: “Клянусь честью офицера...”

— Непонятное что-то, — перебивает солдат.

— Что непонятно?

— Да выходит, вроде солдат чтоб клялся офицерами.

— Да ты слушай, что будет дальше. Там написано: “Клянусь честью офицера, солдата”, — да только это слово “солдата” взято в скобки. Ты понимаешь, что это значит?

— Как не понять! В скобки — значит лишний, мол, и его вон.

— Да ничего подобного! Это для удобства. Ежели подписывает офицер, так он зачеркивает слово “солдата”, которое в скобках.

— Это они умеют.

— Да ты о чем?

— Да насчет солдата, которого постоянно зачеркивают.

Обычно во время такой подготовки к принятию присяги собираются зрители. Слыша такие ответы, они смеются.

Офицер делает вид, что не понял солдата, и продолжает:

— А знаешь, кому присягать будем?

— Плохо знаю.

— Временному правительству... Понятно?

— Как не понять! А позвольте спросить — землю мужикам

оно отдаст?

— Ишь чего захотел! — раздается в группе зрителей. — Держи карман шире. По три аршина на душу Временное тебе отвалит.

Офицер багровеет, приказывает всем зрителям разойтись и подсовывает солдату текст присяги:

— Читай дальше.

— А как же насчет землицы-то?

— Да ты что, бунтовать? — вскипает офицер.

— Это нам ни к чему, — следует ответ. — А вот, позвольте сказать, революция у нас была, а почему о ней в новой присяге нет ни слова? О крестном знамении и вере имеется, а об революции — молчок. Неясно такое дело солдатам, а понять, что к чему, надо бы.

— С тобой придется поговорить по-настоящему, — угрожает офицер.

Солдат молчит.

Собрав листки, офицер быстрыми шагами уходит».

Обратим внимание: солдат и его товарищи отрицательно относятся к новой присяге вовсе не из-за верности царю-батюшке, а оттого, что правительство никак не дает ответа на самые насущные, по их мнению, вопросы. Конечно, можно было бы назвать рассказ мемуариста недостоверным, поскольку он вышел из-под пера большевика. Они, как известно, показали себя мастерами фальсификации истории. Однако есть и другие свидетельства. Например, В. А. Амфитеатов-Кадашев, непримиримый противник большевизма, оставил в дневнике такую запись:

«Кажется, у солдат есть своя мысль — одна, и к тому же глупая, но мысль эта всецело их захватывает, и тут стена, которую не прошибешь. Внешне они иногда как будто еще лнут к *нам*, спрашивают объяснений и советов, но это — лицемерие, игра какая-то: они уже все объяснили по-своему, придумали какой-то выход, где есть и “замирение” и “земля”... Я пробовал говорить с ними (по их инициативе, конеч-

но: лезли, спрашивали, — сам бы я никогда к ним не пошел) и ощутил — мои слова падают в пустоту. Ибо они одержимы двумя страстями: “Скорей бы кончилась война” и резкою похотью к земле, к материальному благу. Когда я говорил им, ссылаясь на воззвание 15 марта, в котором *Monsieurs de Soviet* призывали весь мир поцеловаться на радости, что в России — республика (документ, который займет на календаре место в истории русского идиотизма) — что войну нельзя кончить с бухты-барахты, ибо немцы не желают слушать наши мирные предложения, они сочувственно кивали головами, но — *думали свое*. И я чувствовал, что 1) не знаю языка, на коем следует с ними говорить; 2) что они — люди иной породы, не из *моей* России; 3) меня *очень* не любят. А еще чувствовал, что и я их *совсем не люблю*. Но все это еще пока под спудом...»

Примерно о том же, но с бóльшим юмором писал Борис Зайцев, вспоминая свои беседы с солдатами о необходимости продолжать войну. Он им «рассказывает по-печатному», а они стоят на своем: «...коли свобода, так на кой хрен мы тут?» или: «...нас ежели на фронт пошлют, мы тотчас братание в окопах устроим...».

Останется удивляться, как в тех условиях командование Московского военного округа умудрялось отправлять на фронт маршевые батальоны. По всей видимости, легче всего это было делать в марте, когда призывы защитить завоевания революции имели хоть какое-то воздействие на солдат. «Проводы свободной армии свободным народом» — так назвал корреспондент «Раннего утра» свой репортаж об отправке 23 марта 1917 года первых частей:

«Много солдат проводила Москва на войну, но таких проводов, как эти, еще не было.

Только свободный народ может так провожать свою доблестную, свободную армию...

На платформе N вокзала горы приготовленных ящиков от гор. Москвы.

Всю ночь накануне во всех городских складах шли по-

спешные приготовления.

Город приготовил на каждого солдата по 1 ф. белого хлеба, 1 ф. сахара, $\frac{1}{2}$ ф. колбасы, $\frac{1}{8}$ чая и коробку спичек. К сожалению, табаку нигде в Москве не удалось раздобыть.

Служащие лазаретного склада № 6, заготавливавшие подарки, сложились и положили в один из мешков 10 р. “в счастливец”.

Кроме того, от Золоторожского трамвайного парка в пользу отъезжающих поступило 500 р., по 100 р. на роту.

На платформе комендант станции, полковое начальство и представитель города Н. Ф. Водинюк, распорядившийся подарками.

Уже вечер...

— Идут!.. Идут!.. — раздаются наконец возгласы провожающих.

Вот показываются первые ряды маршевых эшелонов под развевающимися красными знаменами.

Оркестр играет “Варшавянку”, которую потом сменяет “Марсельеза”.

Впереди других — красивое красное знамя с крупной надписью золотыми буквами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Солдаты решили взять его с собой:

— Донести до окопов.

Дальше читаю: “Полковой комитет N полка. Да здравствует народная армия!”

“Да здравствует народ и армия!” и много др.

Солдаты смешиваются на платформе с провожающими.

Какие бодрые и даже радостные лица!

Крепко обнимаясь с товарищами, отъезжающие завещают:

— Смотрите, не выпустите свободу, а мы уж разобьем немца!

— Музыканты, командир полка просит вас сыграть! — подбегает к музыкантам вестовой.

— Дружно, товарищи, в ногу... — подхватывают в теплуш-

ках отъезжающие.

В разных концах платформы вспыхивает “ура!”.

Качают любимых ротных командиров.

Подполковник А. Е. Грузинов, провожавший днем эшелоны, не приехал, так как его задержало важное дело.

— Значит, уж нельзя, а то непременно бы прикатил, — говорят солдатики. — Это тебе на Мрозовский! Всюду поспеваает.

— Живите, братцы, с офицерами дружно, — наставляет командир полка. — Стойте друг за друга.

Перед самым отходом эшелона быстро подъезжает автомобиль от Совета рабочих депутатов с “литературой”.

Депутации от рабочих и кондукторов приветствовали отъезжающих в казармах и напутствовали их трогательными речами.

— Не думали мы, что нам будут такие проводы, — говорят солдатики.

— Так-то и умирать будет легче.

Последний сигнал трубача. Последние напутствия, пожелания, и эшелон трогается под звуки народной “Марсельезы”.

Само собой разумеется, газетная передовица, посвященная отправке пополнения в действующую армию, была полна митинговой риторики:

«Да, отправка маршевых рот на фронт сейчас является по существу продолжением революции.(...)»

По улицам Москвы маршевые роты уходили в стройном порядке, протянувшись длинными колоннами. Впереди несли красные знамена с надписями:

— За свободную Россию!

— Долой Вильгельма!

— За будущую республику!

— Война до победы!

Роты шли “марсельезно”, украшенные красными лентами, окруженные толпами народа, приветствующего *своих* воинов.

Новая обстановка!

Старый режим так не отправлял на фронт маршевые ко-

лонны. Защитников родины вели прежде “туда” точно в ссылку, точно отверженных, заклеименных. Церемониал устанавливался полицейскими: вели ночью, переулками, без оружия, грузили на товарных станциях в вагоны тайком, не допуская близких и друзей.

Былое...

Новая Москва отправляет новые маршевые роты открыто, со светлой улыбкой, с горячим приветом и радужными пожеланиями.

Вместе с народом роты провожали представителя штаба командующего войсками, комитета общественных организаций, Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета офицерских депутатов.

Могло ли быть иначе? Ведь эти московские маршевые роты — первые войска свободной России, первые народные войска. Оттого они не могут не быть кадрами победы, кадрами на Берлин, на город императора Вильгельма, кронпринца и Круппа».

Отправка на фронт «Ударного батальона»

Понятно, что эти восторженные публикации в первую очередь отражают настроения «виртуозов пера» и владельцев газет, которые с радостью провожали солдатиков «защищать революцию», а сами продолжали пребывать вдали от немецких снарядов. Совсем другие ощущения были у тех, кому вскоре предстояло оказаться на линии огня. Большевик прапорщик В. А. Сулацкий, за ведение антивоенной пропаганды отправленный на фронт (!), вспоминал о настроении, царившем в его маршевой роте:

«До вокзала нас сопровождал большой сводный духовой оркестр, мы были одеты в новое обмундирование. Мы шли... но не с песнями, а с опущенными головами. Каждого одолевала своя дума, и все терзались — не могли примириться с произволом, глумлением, с тем, что снова придется сидеть в окопах по пояс в воде и гибнуть».

Летом 1917 года очевидцем проводов на фронт был Борис Зайцев, и его воспоминания об этом совсем не похожи на бодрые репортажи московских газет:

«Все-таки некоторые полки уходили на фронт. Как, кому удавалось уговаривать на это странное предприятие? Но сами мы с женой провожали 193-й пехотный на Днестр. С ним уезжал пасынок мой, прапорщик Алеша С. (впоследствии большевиками расстрелянный).

...Знойный, блестящий день, платформа где-то у Ходынки, товарный поезд с вагоном второго класса для офицеров. Толпа солдат с гиканьем, песнями валит в вагоны. Круглое, в пенсне, лицо Алеши, нервно смеющегося, бегающего по платформе, на ходу целующего руки матери.

— Ты, мама, не волнуйся... Какая теперь война, просто сидение в окопах...

Ни одна мама мира не утешится такими утешеньями — да станут ли ее и спрашивать? Идет стихия, буря, судьбы российские решаются — приходится тащить таинственные жребии. Мать дала ему на войну иконку — Николая Чудотворца — да по-женски плакала, когда уходил поезд, весь в серых

шинелях... и оркестр играл:

По улицам ходила
Большая крокодила...

О знаменитая музыка революции, Блоку мерещившаяся, — «Большая крокодила»...

Юношеское лицо в пенсне, конечно в слезах, виднелось из окна вагона. Белый платочек, да ветер, да солнце».

Небольшой штрих: по признанию В. А. Сулацкого, в пути он не тиранил солдат строгим надзором, поэтому после каждой остановки в его команде недосчитывались сразу по несколько человек. В результате до Минска добрался уже не маршевый батальон, а одно его название. В штабе фронта даже хотели отдать прапорщика Сулацкого под суд. Спасло молодого офицера вмешательство товарища по партии М. В. Фрунзе, заправлявшего в солдатском комитете Западного фронта. С его помощью Сулацкий не только избежал наказания, но и просидел в тылу вплоть до Октябрьского переворота.

Судя по свидетельствам участников и очевидцев событий, весной 1917 года такие прапорщики, как Сулацкий, не были редкостью. Война заставила забыть о кастовых принципах формирования офицерского корпуса. Еще больше его демократизировала Февральская революция, отменившая многие запреты, установленные царизмом. Так, в начале марта Временное правительство издало приказ о приеме евреев в воен-

¹ Речь идет о гражданах Российской империи, исповедовавших иудаизм. К евреям, принявшим православие, таких ограничений не применяли. Среди них были военные, дослужившиеся до офицерских и генеральских чинов. Самым ярким примером может служить генерал-лейтенант (генерал-майор Вермахта) Б. А. Штейфон, командовавший в годы Второй мировой войны Русским корпусом в Югославии.

Стоянка воинского эшелона

ные училища и допуску их к производству в офицеры. «Это, конечно, правильно и справедливо, — записал в дневнике В. А. Амфитеатров-Кадашев, — но едва ли можно отрицать, что “генерал-фельдмаршал Канторович” или “генерал от кавалерии Цибельзон” как-то... не звучит...»¹

Следует сказать и о другом новшестве — появлении женщин-офицеров. В начале октября 1917 года генерал А. М. Зайончковский приветствовал со страниц газеты «Время» первый женский выпуск Александровского училища. К сожалению, о них известно крайне мало. В воспоминаниях А. Г. Невзорова упомянуты прапорщики — сестры Вера и Мария Мерсье. Во время Октябрьского переворота, когда занявший Кремль отряд юнкеров испытывал недостаток в пулеметах, они явились с двумя «максимами» и храбро сражались. С ноября 1917 года сестры Мерсье воевали в Добровольческой армии и погибли в боях.

Завершая рассказ о московском гарнизоне, отметим еще одно явление московской жизни, связанное с наступлением эпохи «свободы, равенства и братства». Когда военное командование объявило о введении отпусков для солдат старших возрастов, московские вокзалы оказались буквально оккупированными толпами «защитников отечества». Очевидец этого, В. А. Амфитеатров-Кадашев, записал в дневнике: «...5 дней я

пытался уехать и должен был отказаться от этих попыток из-за солдат, куда-то прущих в неимоверном количестве. Один весьма примечательный момент: в среду, на Страстной, я хотел уехать с Ярославского вокзала, взял билет на Рыбинск и вышел на платформу. То, что я увидел, было потрясающе: все три перрона, длинными лапами протянутые от вокзала чуть ли не на $1\frac{1}{2}$ версты, серели и кишели сплошной массой шинелей».

Чтобы дать возможность проехать по железной дороге и другим пассажирам, командующий МВО издал 14 марта специальный приказ. Комендантам станций предписывалось отправлять одиночных солдат и малочисленные команды, следовавшие в одном направлении, особыми воинскими эшелонами (!) или прицеплять к пассажирским поездам особые вагоны.

Осенью 1917 года этих мер оказалось уже недостаточно. Показателен случай, произошедший в середине октября на Николаевском вокзале. По сообщению «Русских ведомостей», перед отправлением скорого поезда солдаты-отпускники ринулись в вагоны и заполнили их до отказа. Оставшиеся на перроне устремились в вагоны, места в которые были проданы по записи, — они стояли запертые в ожидании пассажиров. Солдаты стали выбивать окна, выламывать двери, угрожать кондукторам расправой. Образовалась огромная толпа, зазвучал призыв: «Буржуев громить, всё — для солдат!» Под «буржуями» подразумевались железнодорожники и пассажиры, заранее купившие билеты. После того как прибывшая милиция арестовала двоих агитаторов и пообещала применить силу к остальным, толпа разбежалась.

Обывателям оставалось ностальгически вздыхать по тем временам, когда на улицах царил городской и соответственно порядка было больше — не в пример «демократической Москве». Причем уже нельзя было обвинять во всех бедах погрязшую в коррупции царскую бюрократию. Как-никак вместо нее более полугода на всех командных постах были «пол-

номочные представители народа».

Интересно, что еще в марте 1917 года Р. М. Хин-Гольдовская записью в дневнике предсказала интеллигенции, движущейся во власть, скорый и полный крах: «В Москве столпотворение Вавилонское. Все, что способно двигаться, писать, считать, болтать, — все это расхватано по разным “комиссариатам”, “исполнительным комитетам” и разным организациям. (...) Все эти новоиспеченные “граждане” уже до смерти устали — и через месяц такого “управления” Москва, вероятно, обратится в Бедлам».

В некоторых вещах, например, в состоянии улиц, это предсказание сбылось гораздо раньше. В городской думе рассуждали о путях демократизации ее состава, избранного еще при самодержавии, и планировали строительство на Воскресенской площади «Дворца революции», а мостовые и тротуары превращались в непроходимые болота. Оказалось, что без поновения городских дворники вовсе не собирались скалывать лед и сгребать снег. Только 16 марта комиссар Москвы заметил, что из-за бездействия дворников «затруднено движение и перевозка груза», и издал приказ: «Немедленно приступить к очистке мостовых и тротуаров от льда, снега и сора».

Домовладельцы также воспользовались бездействием власти. Оставшись без присмотра со стороны околоточных, они перестали оплачивать вывоз грязного снега на свалки, предпочитая сваливать его во дворах. Под жарким апрельским солнышком эти снеговые горы превратились в кучи зловонной грязи.

К тому времени дворники поднатерели в отстаивании своих прав и предпочитали митинговать, вместо того чтобы заниматься чисткой дворов. Так, 11 апреля вся Миусская площадь была запружена людьми в белых фартуках. После бурного обсуждения дворниками были выработаны общие требования: ежемесячная зарплата не менее 80 рублей; непременно отдельная квартира; отмена дежурств, различных услуг хозяевам и квартирантам, ведения домовых книг; упразднения чае-

вых — взамен домовладельцы должны были награждать дворников к Пасхе и Рождеству в размере месячного оклада.

Спустя полтора месяца дворники снова собрались на той же площади. Подняв красные знамена с надписями: «Долой оковы рабства!» и «Да здравствует социализм!» — они настаивали на повышении жалованья уже до ста рублей. Забастовка по этому поводу длилась больше недели. Вид, который приняла Москва в те дни, описал в дневнике Н. М. Окунев: «...московские улицы, не исключая и центральных, представляют собой мусорные ящики. Все, что ни выбрасывается на улицы и тротуары, так и лежит теперь дня 4 без уборки. По тротуарам ходить стало мягко: лоскуты бумаг, папиросные коробки, объедки, подсолнечная шелуха и т. п. дрянь вплотную, а дворники сидят себе на тумбах, погрызывают семечки да поигрывают на гармошках».

И еще запись от 21 мая: «Хочу пойти в метельщики московских улиц. Их корпорация предъявила требование: жалованья 250 р. в месяц, при готовой квартире».

В середине октября 1917 года по Москве пронесся слух о том, что дворники готовятся к новой забастовке. Приход социализма, столь желанного работниками метлы, помешал проведению этой акции. А с наступлением зимы улицы совсем перестали убирать.

Попутно отметим и такую новую деталь в облике Москвы конца «демократического» периода — валяющиеся на улицах трупы животных. 20 октября газета «Время» сообщила о павшей лошади, пролежавшей целый день в Столешниковом переулке. «На более отдаленных улицах, — писал автор заметки, — трупы крупных и мелких животных валяются по несколько дней».

Не сумела новая власть решить и транспортную проблему. Как приговор звучали для москвичей сообщения газет о состоянии трамвайного парка: «...вчера было еще 30 вагонов, на ходу не более 170 вагонов». Это означало, что на следующий день прихода трамвая придется ждать еще дольше, что на

подножках будут виснуть вдвое больше людей, а “синие ведьмы”-кондукторши будут кричать еще злее: “Чтоб вы все слетели под колеса, авиаторы несчастные!”».

На фоне этого почти издевательством прозвучал приказ начальника милиции от 18 апреля, которым он «предложил» своим подчиненным «иметь постоянное наблюдение за недопущением» переполнения вагонов, а также езды на подножках и сзади вагонов. Любопытны предлагавшиеся меры борьбы с транспортными безобразиями: милиционерам следовало «вежливо объяснять публике недопустимость и опасность» таких способов пользования трамваем, «обращаться к нравственному содействию пассажиров», и только в крайнем случае — задерживать отправку вагонов до тех пор, пока несознательные граждане не сойдут с подножек. Для тех, кто не понаслышке знает, что такое общественный транспорт в час пик, будет особенно интересно прочитать заключительное напутствие блюстителям порядка: «При исполнении сего милиционеры должны всегда сохранять полное самообладание, отнюдь не допуская нетактичных действий или выражений, каковые могли бы возбудить против них публику». Как говорится, без комментариев.

Правда, был момент, когда положение с трамвайным движением немного выправилось. После призыва Совета рабочих депутатов трамвайные мастерские повысили производительность труда, а вагоновожатые стали осторожнее обращаться с моторами перегруженных вагонов. О последовавших результатах газета «Утро России» сообщила 21 марта: в субботу (18 марта) пущено на линию 550 вагонов, в ремонт вернулось 90; в воскресенье — на линии было 610 вагонов, вышли из строя 75; в понедельник перевозили пассажиров 640, а «количество отправленных в ремонт еще снизилось».

Впрочем, такая идиллия продолжалась недолго. Вагоны продолжали выходить из строя, а материалов для их ремонта не было. Вернее, они где-то были, но никак не удавалось организовать их доставку в Москву. Финансовый кризис не позволил городской думе реализовать проект покупки новых

вагонов за границей. Летом 1917 года из-за проблем с топливом городским властям пришлось сократить работу трамвая до девяти часов вечера и поднять плату за проезд.

Пользование другим привычным видом транспорта — извозчиками — к тому моменту большинство москвичей уже не могли себе позволить. За поездку, стоившую до войны 20—30 копеек, осенью 1917 года извозчики запрашивали 10—16 рублей. При этом у них самих жизнь была несладкой. Выражение «овес нынче дорог» из присказки превратилось в констатацию факта. Достать его можно было только у спекулянтов, а хранение даже небольших излишков грозило серьезными неприятностями. Вместе с тем встречались в то время извозчики-лихачи, которым ничего не стоило в любой момент разменять 500 рублей.

Однако самой главной проблемой, с которой так и не справились «демократы», был продовольственный вопрос. За все время пребывания у власти Временного правительства в Москве было всего несколько дней, когда хлеб можно было купить без многочасового стояния в очередях. Какие бы ни объявлялись меры, вроде введения государственной монополии на хлеб или торговли по «твердым» ценам, в реальности для москвичей все оборачивалось сокращением хлебных пайков, ростом дороговизны на продукты, отсутствием самого необходимого.

Москвич Н. П. Окунев, не самый бедный человек в городе, отмечал в то время в дневнике, что периодически испытывает чувство голода. Красноречиво его свидетельство, относящееся к лету 1917 года:

«18 июля. Вот последний день войны, продолжающейся ровно три года, и 142-й день революции, день московского обывателя: встал в 7,5 часов, выпил кофе и съел 4 яйца с подозрительным привкусом (ценою 11 к. шт. и стойка прислуги в хвосте за полсотней 2—3 часа). Купил газету (10 к.), вести не лучше, не хуже вчерашних, купил газету сам, потому что все домашние пошли в хвосты за более существенным: кто за молоком, кто за хлебом. Осмотрел свою жалкую обувь, надо бы

сменить подошвы, да сказали, что дешевле 12 р. сапожник не берет. Новые ботинки можно купить рублей за 70, а если встать в хвост у “Скорохода”, то надо посвятить на это 3 дня (дают отпуска на кормежку и за “нуждой”, т. е. так сговариваются сами хвостецы, чередуясь между собой). Пошел в контору. На трамвай, конечно, не попал, но мог бы доехать на буфере, если бы там уже не сидело, вернее, не цеплялось человек 20. По тротуарам идти сплошь не приходится. Он занят хвостами: молочными, булочными, табачными, чайными, ситцевыми и обувными. Зашел в парикмахерскую. Делаю это вместо двух раз в неделю только один: за побритье с начаем заплатил 1 р. 10 к. Парикмахерская плохенькая — в хорошей пришлось бы израсходовать все 2 р. Пришел в контору; сотрудники угрюмые, неласковые, “чужие” какие-то (я — “буржуй”, а они — № 3¹). Пред чаепитием заявили, что за фунт чая надо теперь платить 5 р. 20 к., и то только по знакомству, в оптовом складе Высотского. Велел купить сразу 5 фунтов, а то, вероятно, будет еще дороже. Подают счет за купленные угли — 11 р. 50 к. за куль (дрова уже достигли 100 р. за сажень, а кто говорит, что платит и 120). Сидел в конторе с 9 час. утра до 6 вечера безвыходно и, конечно, ничего не ел, что вошло уже в обыденку и в привычку. А бывало, прерывал занятия от одного до трех на ресторанный завтрак. Как-то на днях нужно было пойти в ресторан, по делам, так мы вдвоем заплатили 93 р. и были не в Метрополе или в Эрмитаже, а у Мартьяныча. Съели там по куску белуги, по полтарелки супа с курицей, выпили по стакану кофе (бурда какая-то), еще одну бутылку портвейна и полбутылки коньяку. Марка “славной памяти Ивана Федоровича Горбунова” (см. его рассказ о пробе вина с этикетками, “утвержденными правительством”). Я об вине упомянул для того, чтобы засвидетельствовать, что и с при-

¹ Речь идет о номерах партийных списков, за которые голосовали на различных выборах (в Городскую Думу, в Учредительное собрание и т. д.). «№ 3» — партия социалистов-революционеров.

Очередь за мануфактурой

шествием революции, и с устранением полиции пить еще на Руси можно, и взятки кто-то берет по-прежнему, только все это день ото дня дорожает. (За полб/уылки/ коньяку, кажется, посчитали 43 р.). Спирт через ловких людей можно достать рублей 40 за бут. (...) Цены на все поднимаются, а нравы падают. Дисциплины никакой нет. Мало-мальски ответственное дело (как у меня, например), а дрожишь беспрестан-

но. Все идет не так, как нужно, нервирует тебя целый день всякое зрелище, всякий разговор, каждая бумажка, а в особенности заглядывание в неясности любого завтрашнего дня. (...)

По дороге из конторы на квартиру завистливо заглядывал в окна гастрономических магазинов и читал ярлычки цен: балык — 6—8 р. ф., икра 8—10 р. ф., колбаса 3 р. 50—4 р. 80 к. фунт, ягоды 80 к. — 1 р. ф., шоколадная плитка 2 р. 50 к. и т. д. в этом же роде. Настроенный такими хозяйственными соображениями, придя домой и усевшись за обеденный стол, узнавал, что стоит то, другое. Фунт черного хлеба 12 к., булка из какой-то серой муки 17 к., курица 5 р. 50 к. (старая, жесткая и даже не курица, а петух), стакан молока (может быть, разбавленного водой) — 20 к., огурец 5 к. штука, и это все приобреталось не где-нибудь поблизости от квартиры, а в Охотном ряду, так сказать, из первых рук, то есть с соблюдением всевозможных выгод.

После обеда пошли с горя, что ли, в электрический театр. Конечно, набит битком, и надо было заплатить за вход по 1 р. 50 к. с человека, а бывало, за эту же цену сидели в Малом театре, смотрели Ермолову, Садовского, Лешковскую. Вот такая жизнь в Москве среднего буржуа на рубеже четвертого года войны и сто сорок пятого дня революции!»

И это еще, можно сказать, спокойное, философски-отрешенное описание положения, в котором оказался типичный представитель «среднего» класса. Совсем о других настроениях свидетельствует репортаж из хлебной очереди журналиста Эр. Печерского, опубликованный на страницах «Раннего утра»:

«Оттого ли, что люди, стоявшие в хвосте, озябли и истомились от ожидания, оттого ли, что они были голодны, — не знаю, но факт тот, что настроены были все пессимистически, смотрели озлобленно по сторонам и ругались.

Речи, которые произносились на этом “митинге”, были кратки и били, как удар бича.

Ругали главным образом лавочников и мародеров. Но доставалось и новому строю.

— Укажите мне, — горячился какой-то гражданин неопределенной профессии, — да, укажите мне хотя бы одного мародера, который был арестован новым правительством?.. Таких нет...

— И не будет! — уверенно подтвердил второй, по виду бывший городской. — Все на свободе!.. Даже Митька и то разгуливает по улицам и поглаживает брюшко...

— А мука? — волновался третий, — где мука?.. Раньше нам кричали: “Спрятали спекулянты, которым покровительствует полиция”... Верно, спрятали... И много спрятали. Ну а теперь?.. Разыскали эти склады?.. Нашли спрятанное?.. Отдали его народу?..

— Как же, отдадут! — ругалась острая на язык кухарка. — Держи карман шире... Только прежде одни нагуливали себе морды, а теперь другие...

— Товарищи! — раздался вдруг зычный голос гражданина в потертом пальто. — Я стою в очередях вот уже несколько месяцев, каждый день я записываю все купленное в книжечку и цену ставлю... И вот вчера я высчитал: за последние две недели жизнь вздорожала по сравнению с прежним еще на 80%. Будем протестовать... Будем требовать нормировки цен...

— Требовать!.. Требовать!.. — кричала взволнованная толпа...»

В феврале — марте 1917 года шутили, что старая власть сломала голову о хвосты. Судя по фельетону Эр. Печерского, опубликованному в середине апреля, томившимся в очередях людям уже было не до шуток. И если учесть, что к октябрю положение москвичей еще больше ухудшилось, то нет ничего удивительного в изменении их настроений в пользу большевиков. Даже часть интеллигенции заговорила о желательности радикальных мер.

Вот отрывок из воспоминаний Н. Д. Крандиевской-Тол-

стой, которой довелось быть свидетельницей событий, происходивших в Москве осенью 1917 года: «Бесформенно-восторженное настроение первых недель постепенно спадало. Вести с фронта были тревожны — усилилось дезертирство. Растерянность в интеллигентских кругах росла с каждым днем. Новое, труднопонимаемое, неуютное и даже зловещее лезло из всех щелей. Видя это, кое-кто уже подумывал, не пора ли загнать обратно в бутылку выпущенного из нее “злого духа свободы” и как это сделать.

Во время одной из своих обычных прогулок по арбатским переулкам Гершензон зашел к нам на минутку и, не снимая пальто, стал высказываться о текущих событиях так “еретически” и так решительно, что оба мы с Толстым растерялись. Гершензон говорил о необходимости свернуть фронт, приветствовал дезертирство и утверждал, что только большевикам суждено вывести Россию на исторически правильный путь.

Толстой возражал горячо, резко и, проводив Гершензона, сказал:

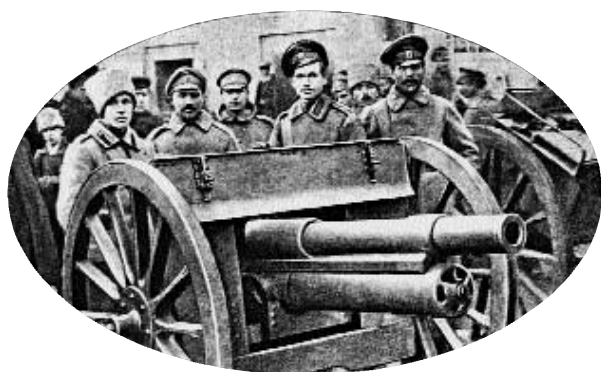
— Все дело в том, что этому умнику на Россию наплевать! Нерусский человек. Что ему достоинство России, национальная честь!»

Как скоро выяснилось, молодой писатель оказался не прав. Самые громкие слова уже не трогали большинство населения России. Обыватели, разуверившиеся в действенности власти, хотели одного — сохранить в неприкосновенности свой мирок, хотя бы в пределах дома, квартиры. Отражением этого сдвига в общественном сознании стало характерное для осени 1917 года самовооружение москвичей, создание «домовых комитетов», введение ночных дежурств из числа самих жильцов.

21 октября Н. П. Окунев записал в дневнике: «Вчера в Петрограде и Москве ожидалось “выступление” большевиков. Напуганному обывателю рисовалось, что ночью произойдут на квартиры вооруженные нападения, резня, грабежи, — одним словом, что-то вроде Варфоломеевской ночи. И вот “до-

мовые комитеты”... (Да! Завелись комитеты по всяким делам, не только по правительственным, общественным и профессиональным, но и по жилищным делам, т. е. касающиеся кухни, спальни и дворницкой.) Вот блага так долгожданной свободы: она спеленала нашу жизнь бессмысленными комитетами, резолюциями, воззваниями, поборами, угрозами, самочинством. Ни есть, ни пить, ни спать, ни дышать свободно не можем. Была одна власть, теперь она над нами, под нами, с боков, сзади, перед нами — взнузданы мы все и уже бесимся. Сами норовим огрызнуться и ударить грозящего нам “товарища”, и вот домовые комитеты на этих днях, и преимущественно вчера, собирались и совещались, как бы оберечь свои семьи, имущество и сон от анархических эксцессов, и тут обнаружилось, что большинство обывателей имеют и револьверы, и ружья, и кинжалы. Решено учредить ночное дежурство на лестницах, на парадных, на улицах перед входами в дома и т. д. Состоялись такие “стратегические” советы: как, мол, действовать, если ввалится шайка в 10—15 человек, и как действовать, когда дом осадит толпа в 500—1000 человек. Таким образом, и мы — 12 квартирантов дома Поповых в Просвирином пер., совещались с 9 до 11:30 вечера и решили по двое дежурить вооруженными с 12 ч. ночи до 7:30 ч. утра. На каждую смену вышло по 1 ч. с четвертью времени, и нам с соседом пришлось дежурить от 2:30 ночи до 3:45. У него был свой револьвер, а мне оставил мой предшественник по дежурству, так как у меня, кроме перочинного ножа, никогда никаких смертоубийственных орудий не было. Было очень скучно и смешно. Дом спал, в переулке тишина, ни людских голосов, ни собачьих, ни кошачьих, ни каких других звуков (впрочем, петухи немного попели). Фонари не горели, но зато светила великолепная луна и поблескивали звезды. Держался крохотный морозец, ветра не было, и вообще чувствовалось недурно. И если так было у м... чувствовании “выступления” действ...-нибудь кровопролитное. Не у всех в... запоре, как у меня,

КРАСНЫЙ ОКТАБРЬ

“непротивленца”».

Всего через несколько дней автору дневника вместе с остальными москвичами пришлось убедиться, что револьверы «домовых комитетов» — слабая защита от большевиков.

*Октябрь, Октябрь!
Какая память,
над алым годом ворожа,
тебя посмеет не обрмить
протуберанцем мятежа?*

В. И. Нарбут

«З» то было утром 26 октября, — вспоминал Сергей Эфрон начало роковых событий. — Помню, как нехотя я, сядя за чай, развернул “Русские Ведомости” или “Русское Слово”, не ожидая, после провала Корниловского выступления, ничего хорошего.

На первой странице бросилась в глаза напечатанная жирным шрифтом строчка:

“Переворот в Петрограде. Арест членов Временного правительства. Бои на улицах города”.

Кровь бросилась в голову. То, что должно было произойти со дня на день и мысль о чем так старательно отгонялась всеми, — свершилось.

Предупредив сестру (жена в это время находилась в Крыму), я быстро оделся, захватил в боковой карман шинели револьвер “Ивер и Джонсон” и полетел в полк, где, конечно, должны были собраться офицеры, чтобы сговориться о ближайших действиях.

Я знал наверное, что Москва без борьбы большевикам не достанется».

Прапорщик Эфрон оказался прав. В отличие от Петрограда, где Временное правительство в одночасье было сметено вооруженными отрядами, в Москве большевикам пришлось завоевывать власть в упорной, кровопролитной борьбе.

По утверждениям советских историков, эта заминка в установлении «царства свободы» объяснялась главным образом тем, что в Первопрестольной были слишком велики силы контрреволюции. Например, энциклопедия «Великая Ок-

тябрьская социалистическая революция» рисовала такую картину:

«Врем. пр-во планировало свой переезд в М. и стремилось превратить ее в свою опорную базу. В М. проходили различные сборища контрреволюционеров — т. н. Государственное Московское совещание, 10-й съезд кадетов, 7-й съезд Союза городов, Поместный собор и т. д.; здесь были центры формирования т. н. “добровольцев”, “ударников”, георгиевских кавалеров и т. п. Командование МВО приняло меры к отправке на фронт “ненадежных” частей, разоружило гарнизон, требовало от Ставки прислать верные бурж. пр-ву войска».

Конечно, анализируя расстановку сил накануне вооруженного восстания, можно учитывать и участников Поместного собора Русской православной церкви — как-никак самые настоящие «контрреволюционеры». Однако попробуем все-таки прикинуть реальное соотношение сторон.

По данным все той же энциклопедии, войска Московского гарнизона насчитывали около 100 тысяч человек. В городе было расположено девять запасных пехотных полков, две запасные артиллерийские бригады, три казачьи сотни, самокатный и телеграфно-прожекторный полки, две запасные автомобильные роты, семь пеших дружин и несколько подразделений ополчения. В сентябре 1917 года на выборах в районные думы 83,58 процентов голосовавших солдат поддерживали большевиков. Кроме того, в отряды Красной гвардии к 27 октября 1917 года записалось 10—12 тысяч рабочих.

В действительности «несторы» коммунистических летописей преувеличили степень влияния сторонников Ленина на солдат московского гарнизона. Непредвзятый анализ источников показывает, что далеко не все солдаты горели желанием сражаться за большевиков, поэтому из казарм выступили только добровольцы. Причем, как вскоре выяснилось, порыв многих из них угас еще до начала боевых действий. Так, по признанию самих руководителей восстания, рота 56-го пол-

ка, охранявшая Совет, в результате пропаганды сторонников демократии была деморализована и заколебалась. Во время боев случались моменты, когда агитаторам уже не удавалось набирать бойцов в полках, и тогда приходилось «скрести по сусекам» — ставить под ружье «полусолдат» из команд выздоравливающих.

В. П. Файдыш, командовавший рабочими отрядами Замоскворечья, писал об участии в восстании солдат:

«Воинские силы состояли из 55-го полка, 196-й пехотной стрелковой дружины, команды выздоравливающих и Двинцев. Количество солдат не превышало 4 тыс. Командование 55-го полка, зная революционность своих солдат, накануне назревавших событий сумело уменьшить состав полка путем выдачи отпусков солдатам.

Полк участвовал в восстании в количестве, не превышающем 500 человек, остальные были достаточно революционны, чтобы не идти против нас. 196-я пехотная дружина, составленная из “ополчения”, “стариков” — крестьян, вооруженная к тому же берданками, насчитывала не более 120 человек. (...)»

Необходимо указать, что ведущую роль в боевых действиях во время восстания играли не обученные кадры, организованные уже в боевые единицы — солдатские части, а рабочие-красногвардейцы.

Солдаты в боях шли, как правило, позади рабочих. Это было особенно заметно во время операции у Каменного моста. Наступление велось красногвардейцами. Солдаты же только поддерживали его усиленным огнем. Так было и в других местах.

Особенно резко это проявлялось в дружине, поголовно составленной из ополченцев-“стариков”. В их рядах замечались колебания, нерешительность».

Зато красногвардейцы буквально рвались в бой. Правда, подавляющее большинство из них не имело никакой военной подготовки и оружие брало в руки впервые в жизни. Преобладали среди них совсем зеленые юнцы. Люди постарше предпочитали оставаться дома и даже прятались, когда началась

добровольно-принудительная мобилизация в рабочие дружины. К тому же на начальном этапе восстания винтовок было столь мало, что на отряд красногвардейцев их приходилось всего по несколько штук. Но рабочие быстро нашли выход: оружие отнимали у милиционеров и домовых комитетов.

В. П. Файдыш упоминал о так называемой «офицерской» охране, существовавшей при некоторых домовых комитетах. По сути, это были небольшие «белогвардейские» дружины, которые вели разведку и стреляли по революционным войскам. Чтобы их ликвидировать, приходилось посылать в бой целые отряды. Но уже на третий-четвертый день восстания стали обходиться парой вооруженных красногвардейцев, снабженных мандатом. Под их присмотром рабочие, еще не имевшие оружия, и проводили обыски.

Рабочий С. Д. Носов, которому в дни восстания едва исполнилось двадцать лет, вспоминал о своем участии в поисках оружия:

«Целый день не евши мы обыскивали большие дома по Большой Якиманке (дома 50 и 47), по Большой Полянке (дом 54 и др.). К концу дня отобранное оружие мы принесли в штаб. Я получил маленький револьвер системы “бульдог” и почувствовал себя вооруженным.

На второй день опять под руководством т. Исаева, но уже более организованно (нам дали в штабе несколько адресов, группа наша уменьшилась, меньше стало шума), мы снова пошли отбирать оружие. На Большой Полянке (угол Спасо-Наливковского переулка) в большом сером доме мы в одной квартире нашли около тысячи патронов и восемь винтовок. Сейчас никак не могу понять, почему мы не арестовали владельца всего этого оружия. Очевидно, мы были совсем неопытны и наивны».

Житель Замоскворечья Н. М. Мендельсон записал в дневнике 30 октября: «Приходили члены местного военно-рево-

¹ ОРРГБ. Ф. 165, карт. 1, д. 1. Л. 11 об.

люционного комитета, потребовали (корректно) сдать оружие, оставив лишь три револьвера»¹.

Совсем другое впечатление от «разоружения» получил другой москвич — Н. П. Окунев: «Поздно вечером к нашему дому подошел какой-то воинский отряд, состоящий человек из 15, которым командовал не совсем трезвый прапорщик. Объявив нам, что они командированы “военно-революционным комитетом”, они отобрали все имеющиеся в доме револьверы. Если бы это не было сделано добровольно, то они сделали бы во всех квартирах обыски, что было очень опасно, так как сплошь и рядом бывает, что при обысках пропадают и деньги и ценные вещи. Я почему-то очень боялся за свои резиновые калоши, не так давно приобретенные “в хвосте” за 15 руб. Впрочем, “командующий” этой экспедиции сказал своему товарищу в присутствии всех мужчин-квартирантов: “Публика-то тут чистенькая, не мешало бы посмотреть, что у них в комодах, а то ведь они нас не помилуют, попади-ка им в лапы”. Но к счастью, среди солдат нашелся один, должно быть не пьющий и с совестью, — так тот отсоветовал делать обыск, и его послушались. В доме начались уже женские истерики и женский визг. Но тут “товарищи” стали уходить, оставив на лестнице сильный спиртной “дух” и унося с собой до десятка револьверов, которые завтра же, быть может, будут продаваться на Сухаревке нашему же брату, трусливому “буржую”».

Впрочем, 28 октября проблема обеспечения восставших

¹ После победы большевиков в буржуазных газетах сообщалось, что обитатели Хитровки вооружились до зубов, обзаведясь даже пулеметами.

² Специальные ударные части («батальоны смерти») были созданы весной 1917 г. для прорывов вражеской обороны. Формировались из добровольцев, в том числе из женщин. В качестве отличительного знака носили на головных уборах «Адамову голову» (череп со скрещенными костями).

оружием была успешно решена. В вагонах, стоявших на станции «Сокольники», рабочие обнаружили сорок тысяч винтовок. Грузовиками и трамваями, беспрерывно курсировавшими сутки напролет, этот арсенал был развезен по городу¹.

И все же большевикам пришлось вызывать подмогу из близлежащих городов: Ярославля, Владимира, Костромы, Шуи и др., откуда по ходу восстания прибыли многочисленные отряды рабочих и революционных солдат. Из Петрограда к шапочному разбору успели даже балтийские матросы.

Антибольшевистские силы составляли юнкера Александровского и Алексеевского училищ (3200 чел.), шести школ прапорщиков (3600 чел.), из которых 1-я так и не выступила, а 6-я сдалась без боя, учащихся трех кадетских корпусов (300 чел.) и одна казачья сотня (вторая объявила нейтралитет). К ним, по свидетельству начальника 4-й школы прапорщиков А. Г. Невзорова, присоединились две роты, сформированные из студентов, с офицерами на командных должностях, офицерская рота и подошедший позже Корниловский ударный батальон² (около 500 штыков).

Авторы энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» утверждают, что боеспособных сторонников Временного правительства насчитывалось свыше 15 тысяч человек. Далее следует уточнение: «К началу боев активные регулярные силы контрреволюции не превышали 6 тыс. чел., но они были хорошо вооружены и обучены. В дальнейшем их численность увеличилась».

Неясен вопрос с участием в боях женщин-«ударниц». А. Г. Невзоров был уверен, что женских батальонов в Москве не было. Тем не менее ряд источников свидетельствует об обратном. В сентябре 1917 года газета «Ведомости Московского комиссариата градоначальничества» писала:

«Несколько месяцев тому назад в Москве сформировался женский батальон смерти, составленный исключительно из девушек-добровольцев, воодушевленных высоким порывом ак-

тивной защиты родины. Тогда по всей России разлилась волна женского добровольного движения: формировались полки, батальоны, шли на фронт ударные женские роты. Эти отряды мужественно сражались и гибли в неравном бою с врагом. Жизнью жертвовали женщины-добровольцы за родину. Не умаляя высокой патриотичности, воодушевляющей женщин, относясь с глубоким уважением к их благородному порыву, военные авторитеты и общественные организации, наблюдавшие боевую деятельность женских батальонов, указывали на физическую слабость доброволиц, при всей искренности их желания активно бороться в рядах армии, не могущих представить значительной боевой единицы. Целый ряд фронтовых и армейских комитетов вынес резолюции, в которых указывалось на непригодность женских батальонов для той роли бойцов, которую они брали на себя. Поступали также сведения о том, что солдаты на фронте выражали недовольство фактом присылки к ним женских батальонов, находя, что им зазорно сражаться в окопах бок о бок с женщинами.

Запись в московский «Ударный батальон»

Командующий войсками Московского военного округа подполковник К. И. Рябцев поручил офицеру военно-политического отдела штаба подпоручику Дунаеву обследовать женский батальон. Подпоручик Дунаев предоставил доклад, в котором, не отрицая тот высокий душевный порыв, который заставил добровольцев покинуть семьи и поступить в ряды армии, и вместе с тем указывал на невозможность практического осуществления идей женского батальона. Как самостоятельная единица батальоны не имеют значения, а, не представляя из себя важной боевой силы, батальон является излишним грузом для армии, и без того перегруженной.

Командующий войсками приказал женский батальон смерти расформировать. К расформированию приступлено несколько дней тому назад».

В октябре 1917 года в газетах сообщалось, что несостоявшиеся «добровольцы», жаждавшие попасть на фронт, добились разрешения создать санитарный батальон. Скорее всего именно эти активистки, получившие военную подготовку в ударном батальоне, воевали на стороне Временного правительства. Участница восстания Р. Азарх, описывая свое участие в разведке сил «белых», упоминала, что на Красной площади ей пришлось объясняться с патрулем «ударниц», которые вместе с юнкерами несли караулы вокруг Кремля.

Большевики как сторона атакующая поначалу владели инициативой. Орган непосредственного руководства восстанием, Военно-революционный комитет (ВРК), был создан в недрах Московского совета рабочих и солдатских депутатов днем 25 октября. И только в ночь на 26 октября, когда стало очевидно, что большевики всерьез готовятся взять власть силой оружия, был образован «Комитет общественной безопасности» (КОБ). В его состав вошли представители демократических партий, совета солдатских депутатов, командующий войсками МВО полковник Рябцев, а председателем стал городской голова В. В. Руднев.

В свое время авторам этих строк пришлось дважды — в

К. Юон. Раздача рабочим оружия.

Иллюстрация к повести А. С. Яковлева «Октябрь»

курсе истории СССР и в курсе истории КПСС — во всех подробностях изучать так называемый «ленинский» план вооруженного восстания. Следует признать, что В. И. Ленин составил гениальное по своей простоте и доходчивости пособие по свержению правительства вооруженным путем. Для успешного осуществления переворота заговорщикам просто следовало выполнить ряд простых правил: захватить стратегические объекты (почту, телеграф, телефонную станцию, мосты), в нужное время и в нужных местах иметь решающий перевес в силах, действовать решительно, воодушевляя массы пусть небольшими, но постоянными успехами. А самое главное, «относиться к восстанию как к искусству».

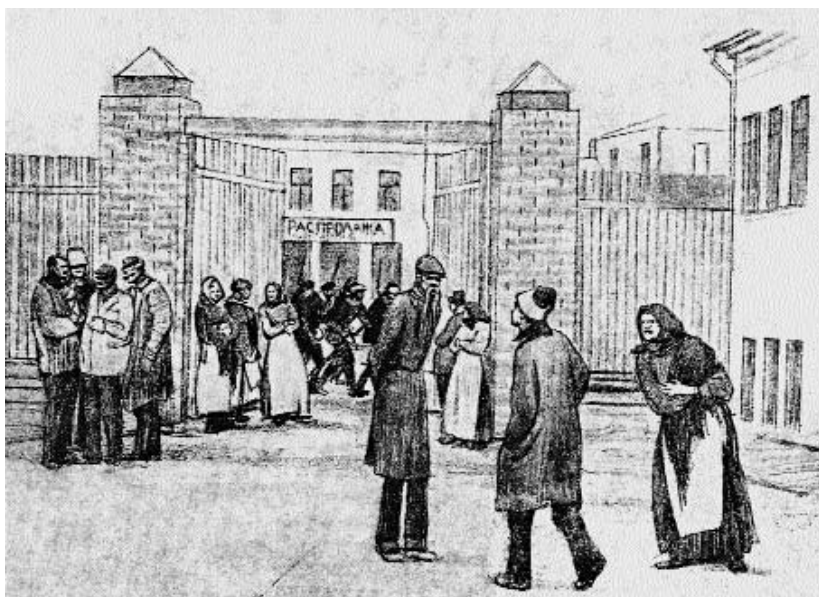
Вот только московский ВРК, как показало развитие событий, вместо того чтобы действовать «по-ленински», проявил нерешительность. И если бы ту же ошибку не совершил полковник Рябцев, еще неизвестно, кто бы праздновал победу.

На 26 октября расстановка сил выглядела следующим образом. Штаб восстания расположился в бывшем генерал-губернаторском доме на Тверской улице. Большевистские отряды заняли почтамт и телеграф. В Кремле находилось два батальона 56-го запасного полка, подчинявшегося ВРК. В рабочих районах интенсивно шло формирование Красной гвардии.

Комитет общественной безопасности обосновался в здании городской думы на Воскресенской площади. Отряды юнкеров заняли Манеж, гостиницу «Метрополь», здание градоначальничества на Тверском бульваре, телефонную станцию в Милютинском переулке. Важными опорными пунктами были Александровское и Алексеевское училища, кадетские корпуса в Лефортово, штаб МВО на Остоженке, 5-я школа прапорщиков возле Смоленского рынка. Попытка полковника Рябцева занять юнкерами Кремль под предлогом замены «уставших» солдат 56-го полка закончилась неудачей. Тогда отряды юнкеров окружили Кремль и стали готовиться к штурму — были припасены лестницы, по которым собирались лезть на стены.

В первый день противоборство сторон ограничилось выпуском воззваний. Военно-революционный комитет, заклеив Временное правительство, как предателей революции, опубликовал приказ, в котором объявлялось, что «весь московский гарнизон должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по приказанию военно-революционного комитета. Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат». По городу были расклеены листовки, от имени ВРК призывавшие «товарищей и граждан» взяться за оружие. В свою очередь, Комитет общественной безопасности заявил о переходе к нему всей полноты власти и призвал различные общественные силы совместно противостоять стремлению большевиков узурпировать власть.

К. Юон. Весть о вооруженном восстании.

Иллюстрация к повести А. С. Яковлева «Октябрь»

Сергей Эфрон, отправившийся вместе с офицером-однополчанином посмотреть, что делается в городе, в этот «мирный» день едва не расстался с жизнью:

«Наш путь лежал через центральные улицы Москвы. Пройдя несколько кварталов, мы заметили на одном из углов группу прохожих, читавших какое-то объявление. Ускоряем шаги.

Подходим. Свежеприклеенное воззвание Совдепа. Читаем приблизительно следующее:

“Товарищи и граждане!

Налетел девятый вал революции. В Петрограде пролетариат разрушил последний оплот контрреволюции. Буржуазное Временное правительство, защищавшее интересы капиталистов и помещиков, арестовано. Керенский бежал. Мы обраща-

емя к вам, сознательные рабочие, солдаты и крестьяне Москвы, с призывом довершить дело. Очередь за вами. Остатки правительства скрываются в Москве. Все с оружием в руках — на Скобелевскую площадь к Совету Р. С. и Кр. Деп. Каждый получит определенную задачу.

Ц.И.К.М.С.Р.С. и К.Д.”

Читают молча. Некоторые качают головой. Чувствуется подавленное недоброжелательство и вместе с тем нежелание даже жестом проявить свое отношение.

— Черт знает что такое! Негодяи! Что я вам говорил, С. Я.? Они уже начали действовать!

И, не ожидая моего ответа, прапорщик М. срывает воззвание.

— Вот это правильно сделано, — раздается голос позади нас. Оглядываемся — здоровенный дворник, в белом фартуке, с метлой в руках, улыбка во все лицо.

— А то все читают да головами только качают. Руку протянуть, сорвать эту дрянь — боятся.

— Да как же не бояться, — говорит один из читавших с обидой. — Мы что? Махнет раз, и нет нас. Господа офицеры — дело другое, у них оружие. Как что — сейчас за шашку. Им и слово сказать побоятся.

— Вы ошибаетесь, — отвечаю я. — Если, не дай Бог, нам придется применить наше оружие для самозащиты, поверьте мне, и наших костей не соберут!

Мой спутник М. пришел в неистовый боевой восторг. Очевидно, ему показалось, что наступил момент открыть военные действия. Он обратился к собравшимся с целую речью, которая заканчивалась призывом — каждому проявить величайшую сопротивляемость “немецким наймитам — большевикам”. А в данный час эта сопротивляемость должна была выразиться в дружном и повсеместном срывании большевистских воззваний. Говорил он с воодушевлением искренности и потому убедительно. Его слова были встречены общим, теперь уже нескрываемым сочувствием.

— Это правильно. Что и говорить!

— На Бога надейся, да сам не плошай!

— Эти бумажонки обязательно срывать нужно. Новое кровопролитство задумали — окаянные!

— Все жида да немцы — известное дело, им русской крови не жалко. Пусть себе льется ручьями да реками!

Какая-то дама возбужденно пожала наши руки и объявила, что только на нас, офицеров, и надеется.

— У меня у самой — сын под Двинском!

Наша группа стала обрастать. Я еле вытянул М., который готов был разразиться новой речью.

— Знаете, С. Я., мы теперь будем идти и по дороге все объявления их срывать! — объявил он мне с горящими глазами.

Мы пошли через Лубянку и Кузнецкий Мост. В городе было еще совсем тихо, но несмотря на тишину — налет всеобщего ожидания. Прохожие внимательно осматривали друг друга; на малейший шум, гудок автомобиля, окрик извозчика — оглядывались. Взгляды скрещивались. Каждое лицо казалось иным — любопытным: свой или враг?

Обычная жизнь шла своим чередом. Нарядные дамы с покупками, спешащий куда-то деловой люд, даже фланеры Кузнецкого Моста вышли на свою традиционную прогулку (время было между 3 и 4).

Мы с М. не пропустили ни одного воззвания.

Здесь прохожие — сплошь “буржуи”, — не стеснясь, выражали свои чувства. На некоторых домах мы находили лишь обрывки воззваний: нас уже опередили».

С Дмитровки свернули влево и пошли Охотным Рядом к Тверской, с тем чтобы выйти на Скобелевскую площадь — сборный пункт большевиков. Здесь характер толпы уже резко изменился. “Буржуазии” было совсем мало. Группами шли солдаты в расстегнутых шинелях, с винтовками и без винтовок. Попадались и рабочие, но терялись в общей солдатской массе. Все шли в одном направлении — к Тверской. На нас злобно и подозрительно посматривали, но затрагивать боялись.

Я уже начал раздумывать — стоит ли идти на Тверскую, — как неожиданное происшествие заставило нас ознакомиться на собственной шкуре с тем, что происходило не только на Тверской, но и в самом Совдепе.

На углу Тверской и Охотного Ряда группа солдат, человек в десять, остановилась перед злополучным воззванием. Один из них громко читает его вслух.

— С. Я., это-то воззвание мы должны сорвать!

Слова эти были так произнесены, что я не посмел возразить, хотя и почувствовал, что сейчас мы совершим вещь бесполезную и непоправимую.

Подходим. Солдат, читавший вслух, умолкает. Остальные с задорным любопытством нас оглядывают. Когда мы делаем движение подойти ближе к воззванию — со злой готовностью расступаются (почитай, мол, что тут про вашего брата — кровопивца — написано).

На этот раз протягиваю руку я. И сейчас ясно помню холодок в спине и пронзительную мысль: “Это — самоубийство”. Но мною уже владеет не мысль, а протянутая рука.

Раз! Комкаю бумагу, бросаю и медленно выхожу из круга, глядя через головы солдат. Рядом — звонкие шаги М., позади — тишина. Тишина, от которой сердце сжалось. Знаю, что позади много солдатских голов смотрят нам вслед и что через мгновение начнется страшное и неминуемое. Помогите, Господи!

Скашиваю глаза в сторону прапорщика М. Лицо его мертвенно бледно. И ободряющая мысль — “Хорошо, что мы вдвоем” (громадная сила — “вдвоем”).

Мы успели сделать по Тверской шагов десять, не меньше. И вот... Позади гул голосов, потом крик:

— Держи их, товарищи! Утекут, сволочи!

Брань, крики и топот тяжелых сапог. Останавливаемся и резко оборачиваемся в сторону погони.

Опускаю руку в боковой карман и нащупываю револьвер. Быстро шепчу М-у:

— Вы молчите. Говорить буду я. (Я знал, что говорить с ни-

ми он не сумеет.)

Первая минута была самой тяжелой. К чему готовиться? Ожидая, что солдаты набросятся на нас, я порешил, при первом нанесенном мне ударе выстрелить в нанесшего удар, а потом — в себя.

Нас с воплями окружили.

— Что с ними разговаривать? Бей их, товарищи! — кричали напиравшие сзади.

Передние, стоявшие вплотную к нам, кричали меньше и, очевидно, не совсем знали, что с нами делать. Необходимо было инициативу взять на себя. Чувство самосохранения помогло мне крепко овладеть собой. По предшествующему опыту (дисциплинарный суд, комитеты и пр.) я знал, что для достижения успеха необходимо непрерывно направлять внимание солдат в желательную для себя сторону.

— Что вы от нас хотите? — спрашиваю как могу спокойнее.

В ответ крики:

— Он еще спрашивает!

— Сорвал и спрашивать смеет!

— Что с ними, св... разговаривать! Бей их! — напирают задние.

— Убить нас всегда успеете. Мы в вашей власти. Вас много — всю улицу запрудили, — нас двое.

Слова мои действуют. Солдаты стихают. Пользуюсь этой передышкой и задаю толпе вопросы — лучший способ успокоить ее.

— Вас возмущает, что я сорвал воззвание. Но иначе я поступить не мог. Присягали вы Временному правительству?

— Ну и присягали! Мы и царю присягали!

— Царь отрекся от престола и этим снял с вас присягу. Отреклось Временное правительство от власти?

Последние слова приняты совсем неожиданно.

— А! Царя вспомнил! Про царя заговорил! Вот они кто! Царя захотели!

И опять дружный вопль:

— Бей их!

Но первая минута прошла. Теперь, несмотря на вопли, стало легче. То, что сразу на нас не набросились, — давало надежду. Главное — оттянуть время. Покрывая их голоса, кричу:

— Если вы не признаете власти Временного правительства, какую же вы власть признаете?

— Известно какую! Не вашу — офицерскую! Советы — вот наша власть!

— Если Совет признаете — идемте в Совет! Пусть там нас рассудят, кто прав, кто виноват.

На генерал-губернаторский дом я рассчитывал как на возможность бегства. Я знал приблизительное расположение комнат, ибо ранее приходилось несколько раз быть там начальником караула.

К этому времени вокруг нас образовалась большая толпа. Я заметил при этом, что вновь прибывающие были гораздо свирепее других настроены.

— Итак, коли вы Советы признали — идем в Совет. А здесь на улице нам делать нечего.

Я сделал верный ход. Толпа загалдела. Одни кричали, что с нами нужно здесь же покончить, другие стояли за расправу в Совете, остальные просто бранились.

— Долго мы здесь стоять будем? Или своего Совета боитесь?

— Чего ты нас Советом пугаешь? Думаете, вашего брата там по головке погладят? Как бы не так! Там вам и кончание придет. Ведем их, товарищи, взаправду в Совет! До него тут рукой подать.

Самое трудное было сделано.

— В Совет так в Совет!

Мы первые двинулись по направлению к Скобелевской площади. За нами гудящая толпа солдат.

Начинались сумерки. Народу на улицах было много.

На шум толпы выбегали из кафе, магазинов и домов. Для Москвы, до сего времени настроенной мирно, вид возбуж-

денной, гудящей толпы, ведущей двух офицеров, был необычен.

Никогда не забуду взглядов, бросаемых нам вслед прохожими и особенно женщинами. На нас смотрели как на обреченных. Тут было и любопытство, и жалость, и бессильное желание нам помочь. Все глаза были обращены на нас, но ни одного слова, ни одного движения в нашу защиту. (...)

Скобелевская площадь оцеплена солдатами. Первые красные войска Москвы. Узнаю автомобилистов.

— Кто такие? Куда идете?

— Арестованных офицеров ведем. Про царя говорили. Объявления советские срывали.

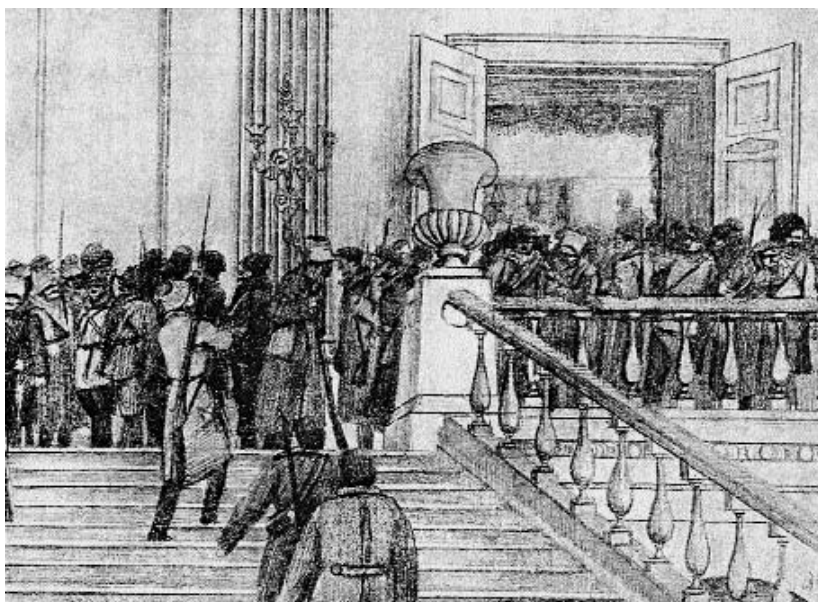
— Чего же привели эту с...? Прикончить нужно было. Если всех собирать, то и места для них не хватит! Кто же проведет их в Совет? Не всей же толпой идти!

Отделяется человек пять-шесть. Узнаю среди них тех, что нас первыми задержали. Ведут через площадь, осыпая неистовой бранью. Толпа остается на Тверской. Я облегченно вздыхаю — от толпы отделались.

Подымаемся по знакомой лестнице генерал-губернаторского дома».

К счастью для Сергея Эфрона и его товарища, в Совете их судьей оказался большевик, не поддавшийся кровавадым настроениям революционных масс. Узнав, что вся вина молодых прапорщиков заключалась в срывании воззваний, он сумел замять дело. Для успокоения солдат ему пришлось провести формальное следствие, а когда подвернулся благоприятный момент, нечаянный спаситель вывел офицеров в безопасное место.

Освобождение С. Эфрона и его товарища вполне можно считать чудом. Как правило, судя по многочисленным свидетельствам участников событий, обе противоборствующие стороны не были настроены просто так отпускать пленников. Большевики, например, помещали задержанных в гостинице «Дрезден», находившейся на Скобелевской площади. Один из «красных» мемуаристов с гордостью упоминал о большом

К. Юон. В городском Совете (бывшем доме генерал-губернатора).

Иллюстрация к повести Л. С. Яковлева «Октябрь»

количестве арестованных контрреволюционеров. Их было так много, что для генералов пришлось выделить отдельное помещение.

Впрочем, в «Дрездене» сидели под караулом не только пленные офицеры и юнкера, но также штатские. Это были грабители, мародеры, подозрительные личности, у которых оказались не в порядке документы или были найдены в карманах патроны. Попадались и случайные прохожие, чей «буржуйский» вид и объяснения — «вышел поискать еды для семейства» — у красногвардейских патрулей вызвали большое недоверие. Один из таких бедолаг описал свои злоключения на страницах «Московского листка»:

«...Все мы четверо по трое суток ожидали, когда нас позовут к допросу следственной комиссии, чтобы выяснить, кто

мы, как попали или в чем обвиняемся. Были среди нас и член французского консульства, и рабочие, и даже мирные большевики, не захватившие партийных документов и вышедшие на улицу. Среди ночи нас перевели из дома бывш. генерал-губернатора в помещение “Дрездена”, поместили в двух давным-давно нетопленных, отсыревших комнатах, в которых кроме кучки соломы в одном углу ничего не было. Наутро нас опять перевели в большую комнату третьего этажа, выходящую окнами на Скобелевскую площадь. Здесь же вместе с нами поместили и тех лиц, которые взяты с оружием в руках. В полдень по Столешникову переулку подъехал броневик юнкеров, и, выпустив шрапнель, стал обстреливать из пулеметов гостиницу “Дрезден”. На требования перевода в другую комнату получался отказ.

Как только уехал броневик, начался настоящий ужас. Через наши головы и крышу гостиницы со Скобелевской площади большевики стали обстреливать Кремль. При первом же выстреле стекла во всех трех громадных окнах были выбиты целиком. Потолок в комнате и люстры вздрагивали все больше и больше. С крыш мимо окон осыпался карниз и падали кирпичи. Несмотря на то, что и часовые не оставались стоять в нашей комнате, а все помещались за дверью, в коридоре, наши просьбы о переводе из этой комнаты не приводили ни к чему. С нами была гимназистка — сестра милосердия, взятая у Страстной пл., и еще двое мальчиков лет 12-ти, уличных продавцов газет. Последних, умирающих от страха, выпустили сами большевики по общему настоянию. Целый день мы ничего не ели, и лишь после настойчивых просьб в 7 ч. веч. нам принесли на 50 чел. один солдатский бачок супа и каши.

Если к этому прибавить грубое обращение солдат, их толчки и удары прикладами и штыками, угроза расстрела за малейший шум и общее движение, — картина будет полная. Сознание “прав человека” выразилось в ответе одного из членов военно-революционного комитета на упрек о неоснователь-

ной жестокости:

— Это еще хорошо. Ведь во французскую революцию прямо расстреливали всех!»

Не более гуманно обращались с пленными «белые». Большую группу солдат, по свидетельству полковника Л. Н. Трескина, загнали на балкон кинотеатра «Художественный», где их держали под строгим караулом. Но основная масса задержанных была размещена в Александровском училище. Арестованный юнкерами большевик М. Буравцев впоследствии вспоминал, как ему пришлось несладко. Он оказался первым обитателем комнаты, куда сажали тех, кого объявили кандидатами «к немедленному расстрелу». Как ни странно, но в условиях непрерывных боев КОБ нашел возможность проводить следствие. В рассказе М. Буравцева есть описание допросов, которым его подвергала «тройка» во главе с прокурором А. Ф. Стаалем.

Порой аресты сопровождались грабежами и избиениями. Солдат Бежикин-Шальнов утверждал в мемуарах, что юнкера отобрали у него 845 рублей, золотые крестик с цепочкой, золотую цепочку для часов и избили прикладами до потери сознания. Позже, когда он потребовал вернуть свои ценности, ему ответили, что они пошли в фонд помощи семьям погибших юнкеров.

Находясь в плену, Буравцев и некоторые его товарищи лишились теплых пальто и шапок. Юнкера, невразумительно объяснив причину, попросили эти вещи «на короткое время», но так и не вернули. Когда пленных переводили из училища в здание Городской думы, а затем в Кремль, в арестантские помещения при казармах 56-го полка, они сильно страдали от холода.

Испытывали пленные и муки голода. «Кормили помалу и один раз в день как в Александровском училище, так и позднее, — писал М. Буравцев. — Чай подавали случайно. Юнкера утверждали, что нам, арестованным, дают то же, что и они получают сами».

Впрочем, все это случилось позже, в ходе боев. Мы же, продолжая рассказ о развитии событий, возвращаемся в «мирный» период, который еще продолжался в течение 27 октября.

«Нелепое положение сложилось в Москве, — констатировали “Известия Московского Совета”. — Стены домов и заборы красноречиво говорят об этой нелепости. На них рядом расклеены плакаты от Военно-революционного комитета, Московских Советов рабочих и солдатских депутатов и от Московской городской думы. Военно-революционный комитет говорит именем революции, которая организует свои силы против контрреволюции, стремящейся нанести ей последний удар. Московская центральная дума в воззвании, принятом большинством, составившимся из кадето-корниловцев и правого центра, призывает московское население сплотиться для поддержки губителей революции».

Пассивность обеих сторон, по позднейшим рассказам участников событий, прежде всего объяснялась попыткой избежать кровопролития. Однако следует полагать, что главную роль все же играли объективные факторы. Так, у ВРК, при очевидном перевесе в количестве бойцов, катастрофически не хватало оружия для Красной гвардии и опытных в военном деле командиров. Полковник Рябцев, по всей видимости, не надеялся на имевшиеся в его распоряжении воинские подразделения и тянул время в ожидании подхода к Москве войск, сохранивших преданность Временному правительству.

Сам же командующий МВО, в свое время активно участвовавший в разгроме «корниловщины», не пользовался доверием среди подавляющей части офицеров, находившихся в Москве. Об этом свидетельствует рассказ С. Я. Эфрона об офицерском собрании, состоявшемся днем 27 октября в Александровском училище:

«Когда я вернулся в училище, старинный актовый зал был уже полон офицерами. Непрерывно прибывают новые. Бросаются в глаза раненые, собравшиеся из бесчисленных мос-

ковских лазаретов на костылях, с палками, с подвязанными руками, с забинтованными головами. Офицеры местных запасных полков в меньшинстве.

Незабываемое собрание было открыто президиумом Совета офицерских депутатов. Не помню, кто председательствовал, помню лишь, что собрание велось беспорядочно и много времени было потеряно даром.

С самого начала перед собравшимися во всей грандиозности предстала картина происходящего.

После сообщения представителями Совета о предпринятых мерах к объединению офицерства воедино и доклада о поведении командующего войсками воздух в актовом зале накаляется.

Крики:

— Вызвать командующего! Он обязан быть на нашем собрании! Если он изменник, от него нужно поскорее избавиться!

Беспомощно трезвонит председательский колокольчик. Шум растет. Кто-то объявляет, что побежали звонить командующему. Это успокаивает, и постепенно шум стихает.

Один за другим выступают представители полков. Все говорят о своих полках одно и то же: рассчитывать на полк как на силу, которую можно двинуть против большевиков, нельзя. Но в то же время считаться с полком как ставшим на сторону большевиков тоже не следует. Солдаты без офицеров, помышляющие лишь о скорейшем возвращении домой, в бой не пойдут.

Возвращается пытавшийся сговориться с командующим по телефону. Оказывается, командующего нет дома.

Опять взрыв негодования. Крики:

— Нам нужен новый командующий! Долой изменника!

На трибуне кто-то из старших призывает к лояльности. Напоминает о воинской дисциплине.

— Сменив командующего, мы совершим тягчайшее пре-

¹ В октябрьские дни ходил слух, что во время штурма Зимнего дворца все «ударницы» были приведены под конвоем в казармы революционных полков и поголовно изнасилованы.

ступление и ничем не будем отличаться от большевиков. Предлагаю, ввиду отсутствия командующего, просить его помощника взять на себя командование округом.

В это время какой-то взволнованный летчик просит вне очереди слова:

— Господа, на Ходынском поле стоят ангары. Если сейчас же туда не будут посланы силы для охраны их — они очутятся во власти большевиков. Часть летчиков-офицеров уже арестована.

Не успевает с трибуны сойти летчик, как его место занимает артиллерист:

— Если мы будем медлить — вся артиллерия — сотни пушек — окажется в руках большевиков. Да, собственно, и сейчас уже пушки в руках солдат.

Кончает артиллерист — поднимается председатель:

— Господа! Только что вырвавшийся из Петрограда юнкер Михайловского училища просит слова вне очереди.

— Просим! Просим!

Выходит юнкер. Он от волнения не сразу может говорить. Наступает глубочайшая тишина.

— Господа офицеры! — Голос его прерывается. — Я прямо с поезда. Я послан, чтобы предупредить вас и московских юнкеров о том, что творится в Петрограде. Сотни юнкеров растерзаны большевиками. На улицах валяются изуродованные тела офицеров, кадетов, сестер, юнкеров. Бойня идет и сейчас. Женский батальон в Зимнем дворце, Женский батальон...¹ — Юнкер глотает воздух, хочет сказать, но только движет губами. Хватается за голову и сбегает с трибуны.

Несколько мгновений тишины. Чей-то выкрик:

— Довольно болтовни! Всем за оружие! — подхватывается ревом собравшихся.

— За оружие! В бой! Не терять ни минуты! — Председатель машет руками, трезвонит, что-то кричит — его не слышно.

Неподалеку от меня сидит одноногий офицер. Он стучит костылями и кричит:

— Позор! Позор!

На трибуну, минуя председателя, всходит полковник Генштаба. Небольшого роста, с быстрыми решительными движениями, лицо прорезано несколькими прямыми глубокими морщинами, острые стрелки усов, эспаньолка, горящие холодным огоньком глаза под туго сдвинутыми бровями. С минуту молчит. Потом, покрывая шум, властно:

— Если передо мною стадо — я уйду. Если офицеры — я прошу меня выслушать!

Все стихает.

— Господа офицеры! Говорить больше не о чем. Все ясно. Мы окружены предательством. Уже льется кровь мальчиков и женщин. Я слышал сейчас крики: в бой! за оружие! Это единственный ответ, который может быть. Итак, за оружие! Но необходимо это оружие достать. Кроме того, необходимо сплотиться в военную силу. Нужен начальник, которому мы бы все беспрекословно подчинились. Командующий — изменник! Я предлагаю тут же, не теряя времени, выбрать начальника. Всем присутствующим построиться в роты, разобрать винтовки и начать боевую работу. Сегодня я должен был возвращаться на фронт. Я не поеду, ибо судьба войны и судьба России решается здесь — в Москве. Я кончил. Предлагаю приступить немедленно к выбору начальника!

Громовые аплодисменты. Крики:

— Как ваша фамилия?

Ответ:

— Я полковник Дорофеев.

Председателю ничего не остается, как приступить к выборам. Выставляется несколько кандидатур. Выбирается почти единогласно никому не известный, но всех взявший — полковник Дорофеев.

— Господ офицеров, могущих держать оружие в руках, прошу построиться тут же, в зале, поротно. В ротах по сто штыков, — думаю, будет довольно, — приказывает наш но-

вый командующий.

Через полчаса уже кипит работа. Роты построены. Из цейхгауза Александровского училища приносятся длинные ящики с винтовками. Идет раздача винтовок, разбивка по взводам. Составляются списки. Я — правофланговый 1-й офицерской роты. Мой командир взвода — молоденький штабс-капитан, высокий, стройный, в лихо заломленной папаше. Он из лазарета, с незажившей раной на руке. Рука на перевязи. На груди белый крестик (командиры рот и взводов почти все были назначены из георгиевских кавалеров)».

Полковник Л. Н. Трескин, командовавший одним из участков обороны Александровского училища, отмечал в мемуарах сложную ситуацию, в которой оказался выбранный офицерами командир полковник Дорофеев: «...последний, учитывая всю серьезность положения моего отряда, ничего сделать не мог. С большим трудом налаживая порядок в училище, ему пришлось еще вести трудную “политическую борьбу” с командованием в лице полковника Рябцева и его приближенными».

На исходе 27 октября, когда «белые» и «красные» готовились к борьбе, большая часть населения Москвы жила привычной жизнью. В рабочих районах отдыхали после трудового дня и готовились к новому — ВРК еще не призвал пролетариат ко всеобщей забастовке, поэтому фабрики и заводы продолжали работать. Центр города был привычно заполнен гуляющей публикой.

«Вечером на главной артерии города, на Тверской, шумела и

¹ «Двинцами» называли солдат частей Северного фронта, которые за антивоенную агитацию были заключены в Двинскую военную тюрьму, а затем переведены в Москву, в Бутырскую тюрьму. В конце сентября 1917 г. под давлением московских рабочих военное командование выпустило «двинцев» на свободу и поместило их в Озерковский и Савеловский госпитали. Окрепнув за месяц на больничных койках, «двинцы» по первому призыву ВРК приняли участие в вооруженном восстании.

В. Щеглов. Прорыв «двинцев» через Красную площадь.
Литография. 1937 г.

двигалась обычная огромная толпа, — описывал конец последнего мирного дня корреспондент вечерней газеты “Время”. — Много было гуляющих, и казалось, что второй спокойный день неопределенного положения уже закалил москвичей, и они, ничего не боясь после проведенной третьего дня беспокойной ночи, воспрянули духом и решили, что жизнь пойдет и дальше тем нормальным темпом, которым она шла у нас до сих пор.

В седьмом часу появились в центре вечерние газеты, и улицы огласили громкие крики мальчишек-газетчиков.

Публика буквально набрасывалась на газетчиков, осаждала их и наперебой раскупала номера.

Тут и там стали образовываться летучие митинги.(...)

К одиннадцати часам уличная жизнь как будто затихла.

Но, увы!

Наступила кровавая ночь.

Те, кто чутко спит, слышали оружейные выстрелы.

Стрельба из револьверов шла всю ночь».

Ночью 27 октября пролилась первая кровь — был обстрелян караул, охранявший Комитет общественной безопасности. Немного позже произошел бой между юнкерами и отрядом «двинцев»¹. Революционные солдаты, двигавшиеся по приказу ВРК на защиту Совета, были остановлены на Красной площади юнкерами. После ожесточенной схватки, потеряв убитыми и ранеными несколько десятков человек, основная масса отряда все же прорвалась на Тверскую.

В свою очередь, юнкера очистили почтамт и телеграф от революционных караулов, значительно усилили гарнизон телефонной станции. Взвод казаков и несколько офицеров совершили вылазку в 1-ю запасную артиллерийскую бригаду, откуда вывезли два 3-дюймовых орудия и несколько десятков снарядов. В ту же ночь боевое крещение принял С. Я. Эфрон и его боевые товарищи:

«Спускается вечер. Нам отвели половину спальни юнкеров. Когда наша рота, построенная рядами, идет, громко и отчетливо печатая шаг, встречные юнкера лихо и восторженно

отдают честь. Нужно видеть их горящие глаза!

Не успели мы распределить койки, как раздается команда:
— 1-й взвод 1-й офицерской, становись!

Бегом строимся. Входит полковник Дорофеев:

— Господа, поздравляю вас с открытием военных действий. Вашему взводу предстоит первое дело, которое необходимо выполнить как можно чище. Первое дело дает тон всей дальнейшей работе. Вам дается следующая задача: взвод отправляется на грузовике на Б. Дмитровку. Там находится гараж Земского союза, уже захваченный большевиками. Как можно тише, коротким ударом, вы берете гараж, заводите машины и, сколько сможете, приводите сюда. Вам придется ехать через Охотный Ряд, занятый большевиками. Побольше выдержки, поменьше шума.

Мы выходим, провожаемые завистливыми взглядами юнкеров. У выходных дверей шумит заведенная машина. Через минуту медленно двигаемся, стоя плечо к плечу, по направлению к Охотному Ряду...

Быстро спускаются сумерки. Огибаем Манеж и Университет и по вымершей Моховой продвигаемся к площади. Там сереет солдатская толпа. Все вооружены.

— Зарядить винтовки! Приготовиться! — Щелкают затворы.

Ближе, ближе, ближе... Кажется, что автомобиль тащится гусеницей. Подъезжаем вплотную к толпе. Расступаются. Образуется широкая дорожка. Жуткая тишина.словно глухонемые. Слева остается Тверская, запруженная такой же толпой. Вот Охотнорядская церковь (Параскевы-мученицы). Толпа редеет и остается позади.

Будут стрелять вслед или не будут? Нет. Тихо. Не решились.

Сворачиваем на Дмитровку и у первого угла останавливаемся. На улице ни души. Выбираемся из грузовика, оставляем шофера и трех офицеров у машины, сами гуськом продвигаемся вдоль домов. Совсем стемнело. Фонари не горят. Кое-где — освещенное окно. Гулко раздаются наши шаги.

Кажется — вечность идем. Я как правофланговый иду тотчас за командиром взвода.

— Видите этот высокий дом? Там — гараж. Мне почудилось, какая-то тень метнулась и скрылась в воротах.

За дом до гаража мы останавливаемся.

— Если ворота не заперты — мы врываемся. Без необходимости огня не открывать. Ну, с Богом!

Тихо подходим. Слышно, как во дворе стучит заведенная машина. Вот и ворота, раскрытые настежь.

— За мной!

Обгоняя друг друга, с винтовками наперевес, вбегаем в ворота. Тьма.

Бах! — пуля звонко ударяет в камень. Еще и еще. Три гулких выстрела. Потом тишина.

Осматриваем двор, окруженный со всех сторон небоскребами. Откуда стреляли?

Кто-то открывает ворота гаража. Яркий свет автомобильного фонаря. Часть бежит осматривать гараж, другая, возглавляемая взводным, — отыскивать караульное помещение.

У одних дверей находим раненного в живот солдата. Он без сознания. Это тот, что стрелял в нас и получил меткую пулю в ответ.

— Говорил я, не стрелять без надобности! — кричит капитан.

В это время неожиданно распахивается дверь и показывается солдат с винтовкой. При виде нас столбенеет.

— Бросай винтовку! — Бросает.

— Где караул?

Молчит, потом, еле слышно:

— Не могу знать.

— Врешь. Если не скажешь — будешь валяться вот как этот.

Сдавленный шепот:

— На втором этаже, ваше высокоблагородие.

— Иди вперед, показывай дорогу. А вы, господа, оставайтесь здесь. С ними я один справлюсь.

К. Юон. В бою.

Иллюстрация к повести А. С. Яковлева «Октябрь»

Мы пробуем возражать — бесполезно. С наганом в руке капитан скрывается на темной лестнице.

Ждем. Минута, другая... Наконец-то! Топот тяжелых сапог, брань капитана. Из темноты выныривают два солдата с перекошенными от ужаса лицами, несут в охапках винтовки, за ними еще четыре, и позади всех — капитан со своим наганом.

— Заводить моторы. Скорей! Скорей! — торопит капитан.

Входим в гараж. Группа шоферов, окруженная нашими, смотрит на нас волками.

— Не можем везти. Машины испорчены, — говорит один из них решительно.

— Ах, так! — Капитан меняется в лице. — Пусть каждый подойдет к своему автомобилю!

Шоферы повинуются.

— Теперь знайте: если через минуту моторы не будут заведе-

ны — отвечаете мне жизнью. Прапорщик! Смотрите по часам.

Через минуту шесть машин затрещало.

— Нужно свезти раненого в лазарет. Вот вы двое — отправляйтесь с ним в лазарет Литературного кружка. Это рядом. Не спускайте глаз с шофера...

Возвращаемся с добычей (шесть автомобилей) обратно. На передних сиденьях шофер и пленные солдаты, сзади офицеры с наганами наготове. С треском проносимся по улицам. На Охотнинской площади при нашем приближении толпа шарахается в разные стороны.

Александровское училище. Нас восторженно встречают и поздравляют с успехом. Несемся назад, захватив с собой всех шоферов.

Подъезжая к Дмитровке, слышим беспорядочную ружейную стрельбу. Капитан волнуется:

— Дурак я! Оставил троих — перестреляют их как куропаток!

Еще до Дмитровки соскакиваем с автомобилей. Стреляют совсем близко — на Дмитровке. Ясно, что атакуют гараж. Выстраиваемся.

— Вдоль улицы пальба взводом. Взвод-од... пли! — Залп.

— Взвод-од... пли!

Второй залп. И... тишина. Невидимый противник обращен в бегство. Бежим к гаражу.

— Кто идет?! — окликают нас из ворот. Капитан называет себя.

— Слава Богу! Без вас тут нам было совсем плохо пришлось. Меня в руку ранили.

Через несколько минут были доставлены в Александровское училище остальные автомобили. Мы отделались дешево. Один легко раненный в руку».

Боевой эпизод иного характера находим мы в повести «Октябрь». Ее автор А. Яковлев был очевидцем революционных событий и писал свое произведение по горячим следам:

«Через минуту автомобиль с офицерами и студентами вернулся и, как победитель, тихо ехал по середине улицы. Вот он

на углу... Вдруг с Тверской раздалась бешеная стрельба. Из бака, приделанного сзади автомобиля, белой лентой хлынул на землю бензин, и автомобиль беспомощно остановился на самом перекрестке. Студенты и офицеры судорожно заматались, прячась от выстрелов. Они ложились на пол автомобиля, прижимались к бортам, прыгали на землю и прятались за колесами, пытаясь отстреливаться, но вражьи пули всюду доставали их. От бортов автомобиля далеко летели щепки, отбитые пулями. Кто-то дико завыл:

— А-а... помогите!

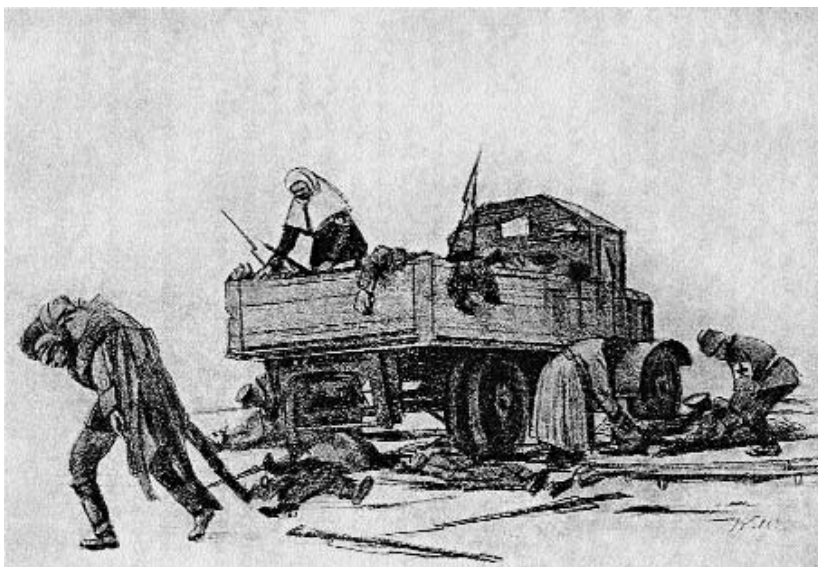
Кто-то стонал. Молодой офицер, почти мальчик, прыгнул с платформы на мостовую, качнулся и, как узел тряпья, упал под колеса. Никто уже не стрелял с автомобиля. Разбитый и страшный, стоял он на перекрестке, а у колес, на земле, лежали убитые люди... Только чуть слышались невнятные стоны:

— Ох... о... ох!..

С Тверской продолжали стрелять, и долго никто не шел на помощь раненому. Потом из-за часовни вышла девушка в белой косынке, в кожаной куртке, с повязкою красного креста на рукаве. (...) Она не смотрела на Тверскую, не просила прекратить стрельбу, словно не слышала выстрелов, но стрельба смолкла сама собою. Все — и юнкера, и студенты, и мальчишки, и солдаты, и боязливо высунувшийся из-за ящика Василий — с напряженным вниманием следили за девушкой. Она подошла к автомобилю, наклонилась, потрогала тех, кто лежал у колес, брала их за руки, повертывала головы. И молчала. И все кругом молчали, замерли, как столбы. Тихо было здесь. Лишь с Арбата и Лубянки долетали раскаты выстрелов, звонко перекатывавшиеся в пустых улицах. Девушка, неловко путаясь в юбке, забралась по колесу в автомобиль и наклонилась над кем-то.

— Санитары, раненый здесь! — крикнула она, выпрямившись.

К автомобилю торопливо подошли два солдата-санитара. Они подняли раненого. Подняли высоко, точно показывали

К. Юон. После обстрела грузовика.

Иллюстрация к повести А. С. Яковлева «Октябрь»

кому-то. Это был офицер в длинной кавалерийской шинели, в лакированных сапогах со шпорами. Фуражки у него уже не было. Курчавые черные волосы прядями сбились на лоб. Раненый глухо, сквозь зубы стонал.

(...)

Офицера унесли, а потом стали уносить одного за другим убитых. Откуда-то пришли еще санитары. Они носили трупы без носилок, прямо на спинах, как грузчики носят тяжелые кули. Ходили не торопясь, деловито, помогая друг другу. Особенно хлопотал один, низенький, с кривыми ногами. Он сам не носил. Только помогал поднимать на спину. Положит, поправит, отойдет и, не торопясь, вытрет о фартук руки, испачканные в крови.

Пронесли студента с блестящими погонами на плечах потертой шинели, потом студента в синей шинели, без погон,

потом офицера, еще офицера, еще... Мертвецы на спинах солдат казались длинными, и страшно болтались у них вытянутые ноги.

А толпа стояла молча, затаив дыхание, напряженно следила, как работали санитары. Только мальчишки шумели, считая вслух убитых, и будто радовались невиданному зрелищу.

— Ого, десятого потащили. Это офицер. Глядите, ему прямо в морду попало. Вся морда в крови.

Из головы убитого лилась кровь прямо на шинель, пятная ее.

Потрясенный и онемевший, стоял Василий у стены деревянной лавочки, должно быть рыбной: противно пахло сырой рыбой. Он впервые видел так близко такую смерть.

Вот они ехали, молодые, смеялись за минуту до смерти, зорко осматривались, готовые бороться с опасностью. А теперь их, точно кули с овсом, тащат на плечах солдаты-санитары, и у них, убитых, страшно болтаются длинные, неестественно вытянувшиеся ноги и мертво стучат головы о чужие спины».

Большого успеха достигли сторонники Временного правительства утром 28 октября — юнкерам удалось без единого выстрела захватить Кремль. Сработала хитрость, примененная полковником Рябцевым. Воспользовавшись установившимся в городе затишьем, командующий МВО вызвал к телефону комиссара кремлевского арсенала прапорщика Берзина и объявил ему, что мятеж большевиков подавлен. Рябцев приказал открыть ворота, сложить оружие и выстроить солдат у арсенала, пригрозив в противном случае открыть артиллерийский огонь и взять Кремль штурмом.

Прапорщик Берзин оказался перед сложным выбором, и решение ему пришлось принимать единолично. Назначенный комиссаром Кремля член ВРК Ем. Ярославский накануне ушел вместе с ротой 193-го полка и больше не возвращался. Связи с Моссоветом не было, поскольку телефонная станция находилась в руках юнкеров. А главное — не было слышно ни единого выстрела.

Как вспоминал О. М. Берзин, его решение сдать Кремль вызвало взрыв негодования у солдат. Один из них с криком «изменник, ты нас предал!» бросился на прапорщика, направив ему в грудь штык. С большим трудом другим солдатам его удалось удержать. Кто-то бросился к телефону и принялся звонить в Совет. После безуспешных попыток связаться с ВРК солдаты согласились сложить оружие. Берзин открыл Боровицкие ворота. Ворвавшиеся юнкера и офицеры отобрали у Берзина оружие, сорвали погоны и, избив, арестовали его.

Позже возле арсенала разыгралась трагедия, причина которой до сих пор окончательно не установлена. Советские историки называли этот эпизод Октябрьского восстания «расстрелом революционных солдат 56-го полка», который был устроен «озверевшими юнкерами». В официально изданных сборниках воспоминаний событие описывалось однозначно: когда солдаты были выстроены на площади, по ним с разных сторон был открыт огонь из трех пулеметов, а затем — из артиллерийского орудия. Мясорубка была такая, что начальник арсенала генерал М. Н. Кайгородов (!) потом долго подбирал возле того места фрагменты тел.

Даже поверхностный анализ ситуации заставляет усомниться в истинности официальной версии. Пулеметы того времени обладали боевой скорострельностью 250–300 выстрелов в минуту. Если бы это был заранее подготовленный расстрел, то огнем из трех пулеметов за несколько минут были бы скошены не около трех сотен солдат (цифра из советской исторической литературы), а гораздо больше. Скорее всего счет шел бы на тысячи. Кроме того, при первых выстрелах солдаты ринулись в казарму через открытые двери, которые коварные юнкера почему-то оставили открытыми. Вызывает сомнение и целесообразность применения при «расстреле» людей артиллерии.

А самое главное — советские историки полностью обошли молчанием тот факт, что жертвами так называемого «расстре-

Караул юнкеров на охране Кремля

ла» стали несколько юнкеров. Чтобы узнать об этом, достаточно было обратиться к мемуарам противников большевиков.

Юнкер Александровского училища В. С. Арсентьев писал

в воспоминаниях, что при осмотре казарм 56-го полка он был поражен обилием находившегося там оружия. По его мнению, солдаты, которые при первых выстрелах забежали в казармы, не спасались от пуль, а спешили схватить винтовки, чтобы открыть огонь по юнкерам. Арсентьев был убежден, что первыми стрельбу начали солдаты:

«Оказывается, план 56-го полка будто был таков: впустив небольшое количество юнкеров в Кремль и, видимо, им подчинившись, по сигналу броситься и уничтожить их; бежавшие навстречу нам солдаты должны были наверху в казармах забрать оружие и напасть на юнкеров. Благодаря отваге и решимости моих товарищей, которым я приказал никого по лестнице не пропускать и немедленно стрелять в случае сопротивления, удалось оттеснить вниз в сени бежавшую наверх массу и забаррикадировать боковую из сеней во двор дверь. В сенях представлялась ужасная картина: лежали и стонали раненные, то и дело подходили новые, на площади свистели пули.

Когда все более или менее успокоилось, мы вышли на площадь; там лежали раненные и убитые солдаты и юнкера, висели вырванные снарядами железные цепи от тумб. Когда мы присоединились к роте, то выяснилось, что, когда 56[-й] полк был выстроен и юнкера были заняты счетом солдат, то из казарм или Арсенала раздались выстрелы в юнкеров — это и было сигналом для оставшихся в казармах начать стрельбу из удержанных винтовок из верхних помещений в находящихся на площади юнкеров, за этим-то оружием и побежали встреченные нами на лестнице солдаты. В ответ на это юнкера открыли стрельбу, а батальонный командир Александровского училища полковник Дренякин приказал открыть стрельбу из орудия через запертые Троицкие ворота; снарядом был убит фельдфебель 6-й роты Александров (племянник богача Третьякова) и еще человек пять юнкеров. Вообще, за все время пребывания в Кремле то и дело стреляли спрятавшиеся солдаты в юнкерские караулы и патрули с разных чердаков Арсе-

нала, Екатеринославских казарм и т. д., но были неуловимы, хотя и были произведены тщательные обыски в этих зданиях...»

Совсем другая версия «кремлевского расстрела» приведена в мемуарах А. Г. Невзорова, который вместе с ротой 4-й школы прапорщиков участвовал в занятии Кремля:

«Советский писатель Лев Никулин в своей книге “Московские зори” пишет, что солдаты, сдавшие оружие в Кремле, были расстреляны юнкерами. Это сушая неправда. В Кремле оказалась большая толпа солдат, думаю — около 100 человек, все это были запасные, которые получили право на увольнение домой и сидели на своих сундучках перед казармами, в которых они жили. Это были пожилые люди, бородачи. Они не могли выйти из Кремля, так как ворота были заперты. И когда юнкера вошли в Кремль, то или по ошибке, или из озорства с чердака городской думы был открыт пулеметный огонь по этим бородачам. Юнкера не сделали по ним ни одного выстрела. Большинство этих бородачей оказалось убитыми или ранеными. Юнкера, посланные на чердак городской думы, нашли там пулемет и ленту стреляных гильз. Пулеметчик же сбежал».

28 октября оказался самым тяжелым днем для Военно-революционного комитета. Отрезанный от рабочих окраин, лишенный телефонной связи, он фактически превратился в штаб без армии. Наступил момент, когда в ВРК начали жечь документы, и по районам были разосланы специальные агенты для организации запасных командных пунктов. Среди руководителей восстания отсутствовало единство. Одни из них предлагали для подъема духа революционных войск начать наступление на Кремль. Другие, ссылаясь на усталость войск и отсутствие подкреплений, отвергали всякую возможность ведения активных действий. Буквально в последний момент успокоение было внесено посланцами из районных ВРК, которые, рискуя жизнью, доставили обнадеживающие сведения о непрерывно растущей численности отрядов Красной гвардии и планы наступления на юнкеров.

Баррикады на Остоженке. Октябрь 1917 г.

Воскресным утром 29 октября революционные войска пошли на штурм. Целый день шли упорные бои. Позиции защитников Временного правительства были оборудованы по всем правилам военной науки: вырытые в полный рост траншеи были оборудованы ходами сообщений и полевым телефоном. Рабочие укрывались за баррикадами, зачастую применяя для их строительства кипы хлопка и шерсти, реквизированные на ткацких фабриках. Обе воюющие стороны сражались, широко применяя тактику городских партизан: быстрое перемещение небольших боевых групп через подъезды и проходные дворы, обстрел противника с крыш и чердаков.

Молодой красногвардеец С. Д. Носов вспоминал о своем первом выходе на линию огня: «В штабе нам выдали по 7 штук патронов на каждого, по куску черного хлеба и сахар. На вопрос: “Почему мало патронов”, нам ответили: “На баррикадах патронов хватает”. Уже стало темнеть, когда перед нами поднялся на стуле один товарищ, вооруженный двумя револьверами и бомбой, и рассказал, что мы должны делать, куда направляться. Я было позавидовал ему, что он в штабе и

так хорошо вооружен. Но посмотрев на свое вооружение — берданку, револьвер и неизменный тесак, я успокоился.

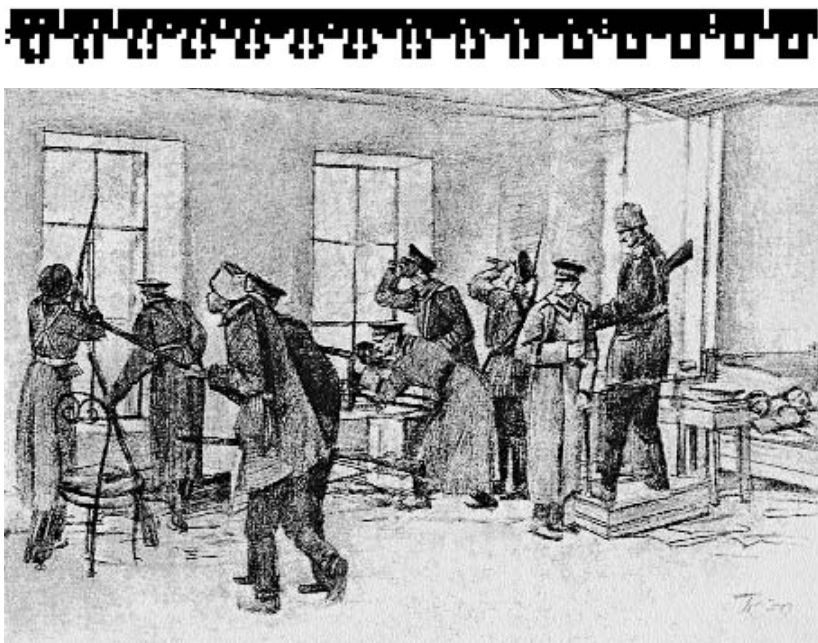
В сопровождении одного товарища мы пошли к Крымскому мосту. Было темно, моросил дождь. У моста нас остановили, проверили пропуск. По другую сторону моста нас снова проверили. Мы пошли дальше и остановились у здания, где сейчас находится Институт красной профессуры. Отсюда нас вывели на Остоженку, где грохотали залпы. Зыканье пуль навредило на нас страх. Мысли путались, ноги подкашивались, бросало в пот, хотя было сыро и холодно. Захотелось повидать отца, рассказать ему обо всем, затем оформилось одно желание: “Пусть лучше сильно ранят, лишь бы остаться живым”.

Нам приказали двигаться к центру Остоженки, пригнувшись, поодиночке, идя вдоль заборов и стен домов. Чем дальше двигались вперед, тем чаще визжали пули. Чувство страха проходило.

Чердак, откуда стреляли юнкера, был нашей первой целью. Команда: “Взвод, огонь!” — и беспорядочно загрохотали выстрелы. Плотно прижав берданку к плечу, я прицелился, закрыл глаза и выстрелил. Это было первый раз в моей жизни, до этого я никогда не стрелял. Раздался недовольный окрик командира: “Надо всем сразу, заряжайте!” Притаив дыхание, я торопливо всунул в затвор еще один патрон и, ожидая новой команды, дрожащими руками прижимал берданку к плечу. “Взвод, огонь!” Новый залп вышел гораздо стройней. “Вот так”, — произнес командир. Мы дали еще несколько залпов в ту же цель. (...)

Мы обыскивали все квартиры, заняли внизу одну из них, где отдыхали около часа. Сменившие же нас товарищи заняли нашу позицию. Так мы дрались до утра: час стреляли, час отдыхали. Все это стало привычно, и ко мне больше не возвращались трусливые мысли: стрелял я уже, не закрывая глаз».

Судя по мемуарам многих участников восстания, война «по сменам» была хорошо налажена в революционных войсках. В Совете на Тверской практиковалась такая система: в

К. Юон. Офицерская застава.

Иллюстрация к повести А. С. Яковлева «Октябрь»

комнаты, где отдыхали солдаты, приходил посланец с позиций и вызывал добровольцев на тот или другой боевой участок. Иногда желающих оказывалось больше, чем надо, иногда — не находилось совсем.

В стане контрреволюционеров, судя по рассказам участников боев, положение с людскими резервами было гораздо хуже. Командованию приходилось для затыкания брешей посылать в бой толком не отдохнувших людей. Характерный эпизод описан С. Я. Эфроном:

«У меня после двух бессонных ночей глаза слипаются. Сажусь на приступенке у дверей какого-то банка и мгновенно засыпаю. Кто-то осторожно теревит за плечо. Открываю глаза — передо мною бородатое лицо швейцара.

— Господин офицер, не погнушайтесь зайти к нам чайку откусать. Видно, умаялись. Чаек-то подкрепит.

Благодарю бородача и захожу с ним в банк. Забегая вперед, ведет меня в свою комнату. Крошечная каморка вся увешана картинами. В центре — портрет Государя с Наследником.

Суетливая сухонькая женщина, верно жена, приносит сияющий, пузатый самовар.

— Милости просим, пожалуйста, садитесь. Господи, и лица-то на вас нет! Должно, страсть как замаялись. Вот вам стаканчик. Сахару, не взыщите, мало. И хлеба, простите, нет. Вот баранки. Баранок-то, слава Богу, закупили, жена догадалась, и жуем понемногу.

Жена швейцара молчит — лишь сокрушенно вздыхает, подперев щеку ладонью.

Обжигаясь, залпом выпиваю чай. Благодарю, прощаюсь. Швейцариха сует мне вязанку баранок:

— Своих товарищей угостите. Если время есть — пусть зайдут к нам обогреться, отдохнуть да чаю попить».

Такое гостеприимство со стороны москвичей испытали многие из защитников демократии. Вот свидетельство Л. Н. Трескина: «Продовольственный вопрос был также разрешен в положительном смысле. В течение семи дней население окружающих улиц само доставляло все, что только могло. Помню одну даму средних лет, госпожу А. Она буквально не покладая рук добывала продукты, принося их нам пудами, так что мы часто подкармливали юнкеров, находящихся в училище».

«Довольствие наше было налажено хорошо: нам присылали целые круги сыра, ящики консервов, шоколад, хлеб и пр., — отмечал А. Г. Невзоров. — Снабжали нас всем этим Офицерское экономическое общество, большие гастрономические магазины и также частные лица. Лично мне посчастливилось, так как на моем участке был ресторан “Мартьяныча”, в котором я часто бывал и раньше. Заведующий рестораном часто приглашал меня туда и вкусно кормил не только меня, но и наших юнкеров также».

В доме на Малой Молчановке, где жил писатель А. Н. Толстой, по признанию его супруги, также был устроен питательный пункт: «Оба мы с Толстым несли дежурство на парадном подъезде, обязательное для всех жильцов дома. Здесь и днем и ночью два кипящих самовара сменяли друг друга непрерывно и кружки с горячим чаем ожидали забежавших с улицы людей с винтовками в руках. Были между ними и юнкера, и совсем еще юные гимназисты, и люди в штатском, напоминавшие по виду иногда рабочих, иногда переодетых интеллигентов.

Продрогшие, возбужденные, они наспех глотали горячий чай, хватали кусок хлеба и снова бежали на свои посты. Помню, по нечаянности на парадном нашем напоили горячим чаем и “неприятеля”, белокурого парня в кожаной тужурке: выбежав после этого на улицу, он тут же из-за угла подстрелил двух юнкеров».

Относительную передышку участники боев, а с ними и все население Москвы получили, когда в ночь на 30 октября было заключено перемирие сроком на сутки. Перед этим в штаб Верховного главнокомандующего помощник полковника Рябцева поручик Ровный сообщил следующее:

«До сих пор ниоткуда мы не получили никакой поддержки. Силы наши, состоящие только из юнкеров, казаков, количество коих вам известно, а также добровольческих дружин, постепенно тают и страшно переутомлены, и с другой же стороны силы противника — увеличиваются, и он становится с каждым часом наглее. Окраины для нас совершенно недоступны. Приходится защищать центр и от поры до времени делать нападение на окраины. Ввиду сильной стрельбы на улицах население совершенно не показывается, почему оказывается отрезанным от питательных своих пунктов. Сегодня большевики заняли уже все вокзалы, а в центре градоначальство, а также почту и телеграф, которые пришлось оставить за переутомленностью отряда, отбившего успешно неоднократные атаки. Отряд пришлось перевести на телефонную стан-

Столб на Страстной площади, пробитый снарядом
во время октябрьских боев

цию. Алексеевское училище, где осталась рота юнкеров, мужественно защищается, хотя тяжелая артиллерия большевиков разрушила верхнюю часть здания и вызвала пожары. (Во) многи(х) дома(х) на крышах установлены пулеметы. Большевистские, а также отдельные стрелки расстреливаю(т)... проходящих юнкеров и офицеров. Шрапнелью из Кремля стараемся очистить крыши от повстанцев, результаты более-менее успешные. Необходима крайняя помощь, так как положение, не имея перспектив поддержки, не из блестящих... В конце информации я прошу вас сообщить начштабу, что Москва нуждается в крайней и спешной поддержке, иначе, если таковой не будет, результаты сражений для нас очень неопределенны, чтобы не сказать больше».

Несмотря на объявленное перемирие, в отдельных частях города бои продолжались. Юнкера сделали вылазку к Брянскому вокзалу, чтобы провести в свое распоряжение около двух сотен «ударников». Затем из дома Гагарина, стоявшего в конце Тверского бульвара (сейчас на этом месте памятник К. А. Тимирязеву), был выбит отряд красногвардейцев.

В свою очередь, Красная гвардия ни на минуту не прекратила обстрел из 6-дюймовых пушек кадетских корпусов и Алексеевского военного училища. А после того как Комитет общественной безопасности отверг ультиматум, выдвинутый ВРК, в штабе восстания было принято решение активизировать наступательные действия и применить для обстрела позиций юнкеров тяжелую артиллерию. Наверно, следует пояснить современному читателю, что снаряды 6-дюймовых осадных орудий, весившие 41—43 кг, обладали несравненно большей разрушительной силой, чем легкие снаряды полевых 3-дюймовых пушек.

«После долгих колебаний... после долгих сомнений Военно-революционный комитет вынужден был отдать приказ о бомбардировке Кремля, — утверждал впоследствии член ВРК Г. А. Усиевич, — ибо другого средства для окончания этой борьбы не было, ибо та борьба, которая велась на улицах, ко-

торая велась в закоулках, та партизанская война, которую вели наши враги против нас, грозила затянуться на неделю. Этого мы допустить не могли, потому что ясно было, что всякое затягивание войны вносило деморализацию в наши ряды и привело бы к тому, что мы получили бы полное поражение. Поэтому Военно-революционный комитет должен был прибегнуть к крайнему средству и бомбардировкой заставить врагов наших, юнкеров и офицеров и думу, сдаться на капитуляцию».

Стоит отметить, что среди руководителей восстания не было единства по вопросу стрельбы в городе из тяжелых орудий. Например, член Пресненского ВРК Н. Т. Меркулов писал в мемуарах: «Я помню, как в штаб Пресни пришли солдаты тяжелой мортирной артиллерии, что стояла на Шелепихе, и просили разрешения пустить два-три снаряда в Александровское военное училище. Мы запретили, потому что рядом находился Кремль и снаряды могли повредить его». В противоположность такой позиции видные большевики Р. С. Землячка и П. К. Штернберг с самого начала настаивали на применении тяжелых пушек.

Выполняя приказ, поступивший от ВРК 30 октября, большевики Мастерских тяжелой осадной артиллерии («Мастяжарт») сформировали несколько батарей. Одна из них вела огонь с Воробьевых гор. Орудия другой были установлены около Большого театра для обстрела гостиницы «Метрополь». Еще две шестидюймовки заняли позицию на Швивой горке, в ограде церкви Никиты Мученика. Напротив Никольской башни была установлена гаубица, так как снаряды легких пушек не могли пробить брешь в воротах.

Кроме того, красногвардейцы Замоскворечья перевезли на набережную у Крымского моста два французских осадных 155-миллиметровых орудия. Правда, с использованием этих пушек возникли определенные трудности — прислуга не успела пройти обучение, поэтому не умела с ними обращаться. Кроме того, французские инструкторы сбежали, прихватив

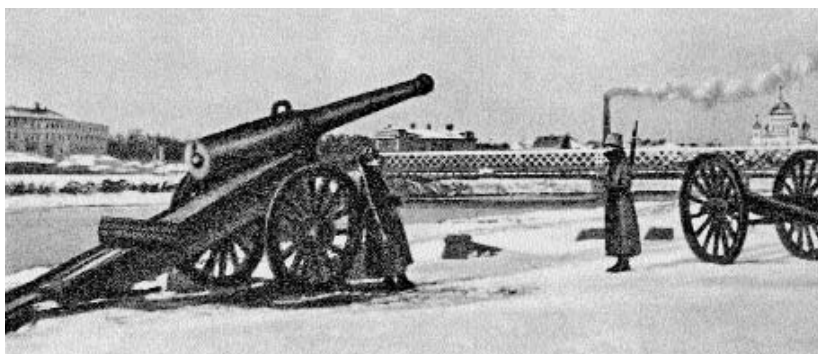
прицелы и специальные таблицы, без которых невозможна точная стрельба. Наводить орудия «на глазок», по свидетельству В. П. Файдыша, взялись профессор астрономии П. К. Штернберг, гражданский инженер Гопиус и «борода-тый бригадир-наводчик из Бутиковских казарм».

«Стоит отметить самый процесс наводки, — рассказывал мемуарист. — Прежде всего мы с наводчиком отправились на колокольню Зачатьевского монастыря. Там я ему указал крышу штаба МВО, вместе с ним проследили глазом всю линию крыш до Москва-реки. Я помог ему запомнить наиболее характерные крыши и трубы различных зданий. Кстати сказать, прицельной трубки на орудии не было. Да и пользоваться приборами, если бы они и были, наш артиллерист не умел.

Ожидать результата я остался на Остоженке. Через некоторое время раздался гул от разрыва снаряда. И мы с Петром Арутюянцем увидели лакеев и горничных, выбежавших из особняка, у которого мы как раз остановились. Они кричали: «Генерала Брусилова ранило!» Стало ясно, что прицел был взят левее штаба МВО, разорвался снаряд в Мансуровском переулке». Впервые за всю военную карьеру легендарный русский генерал оказался ранен. Осколок снаряда, попавшего в его квартиру, раздробил Брусилову ногу.

Несмотря на то что снаряды летели с большим разбросом, В. П. Файдыш утверждал: «Обстрел противника артиллерией сильно помог нам. В Замоскворечьи нам прощали и то, что снаряды частенько попадали в места расположения наших отрядов». Впрочем, сами же большевики позже признавали, что артиллерийский обстрел без точной наводки действовал на юнкеров скорее психологически, чем имел реальные боевые результаты.

Понятно, что мнением обывателей, чьи дома оказались разрушены случайными попаданиями, никто не интересовался. Следы же таких «ошибок» на московских домах сохранялись долгие годы. «Один раз, когда я находилась в ванной комнате, — описывала увиденное Н. М. Гершензон-Чегодае-

Тяжелое орудие на позиции возле Крымского моста

ва, — мимо окна ванной вихрем пролетел артиллерийский снаряд, который угодил в угол шестиэтажного дома в Денежном переулке, видного из наших окон. Огромная, глубокая дыра зияла потом на этом доме в течение многих лет».

Однако не вся артиллерия революционных войск посылала снаряды, как говорится, «в белый свет». Н. С. Туляков с гордостью описывал в мемуарах действие батареи на Швивой горке, непрерывно гвоздившей снарядами Николаевский дворец и кремлевские башни. Особый восторг артиллериста-большевика вызвало его попадание в часы Спасской башни, которые «навсегда перестали играть старорежимный гимн “Коль славен”». Интересно, что М. Буравцев, находившийся в тот момент в Кремле, размышлял не менее пафосно: «Каждый снаряд нес с собой освобождение. Он разбивал старые устои».

Другой очевидец событий, также переживший обстрел, прокурор А. Ф. Стааль оставил такое замечание: «По мнению офицеров, стрельба превратилась из “солдатской” в “офицерскую” или “немецкую”, очень точно. Здание суда беспре-

¹ ОР РГБ. Ф. 165, карт. 1, д. 1. Лл. 12—12 об.

станно вздрагивало от разрывавшихся снарядов». Вероятно, профессионалы сразу ощутили, что в какой-то момент к пушкам встали артиллерийские унтер-офицеры из числа пленных немцев и австрийцев. Упоминание об этом факте встречается в воспоминаниях участников восстания.

Порой замена расчетов орудий происходила не только по причине ее усталости. В одном из вариантов своих мемуаров Н. В. Туляков описывал такой эпизод: «Когда я приехал на батарею, с тем чтобы приступить к обстрелу Кремля, то увидел, что вся батарея пьяна и что нужно ее сменить. Артиллерийский кадр был у нас достаточный, и мне удалось сделать это быстро».

Революционные пушки настолько вошли во вкус стрельбы по «старым устоям», что продолжали посылать снаряды и после получения известия, что юнкера оставили Кремль. А батарея возле Крымского моста, даже получив приказ о полном прекращении огня, выпустила «по буржуям» последние восемь снарядов — видимо, чтобы возвращаться налегке.

Впечатления обывателя от артиллерийской стрельбы отразил в дневнике Н. М. Мендельсон (запись от 31 октября): «Дежурил с 3 до 7 утра. Ночь не лучше, если не хуже предыдущей. Стреляли откуда-то, как будто с Воробьевых гор или с Калужской площади, — тяжелыми снарядами. Отблеск, несколько секунд гудения, тяжелоозвонкого, упрямо режущего воздух, опять блеск и... бах!.. Где разрыв — определить не могу. Так было странно утром: ясное небо, звезды, звон к ранней обедне, такой мирный, а одновременно с ним, не заглушая и не заглушаясь, трескотня пулеметов, ружейных выстрелов...»¹

«А серый, зимний рассвет, — рассказывал об увиденном репортер “Московского листка”, — приносит такое же кошмарное утро, как и промелькнувшая ночь...

Орудийная пальба. По улицам проносятся санитарные автомобили. Летают грузовики с солдатами и “красной гварди-

ей”, и над каждым грузовиком — лес штыков.

У лавок — обычные хвосты, но нервно-потрясенные, испуганные обыватели ведут себя крайне беспокойно.

На Долгоруковской около Чичкина толпа хочет взять молочную “штурмом”.

Охраняющие порядок два солдата поднимают винтовки и начинают стрелять в воздух...

Паника. Визги женщин. Толпа шарахается в стороны. Бегут, как слепые. Бросаются в первые попавшиеся ворота.

Минут через десять наступает успокоение. Но ненадолго. Стреляют где-то на соседней улице. И опять — паника».

Однако нервное состояние горожан, находившихся *поблизости* от районов боевых действий, не идет ни в какое сравнение с тем, что пришлось испытать москвичам, оказавшимся в самом *эпицентре* сражений. Житель одного из домов на Тверском бульваре, Константин Паустовский, описал пережитое в те страшные дни:

«Однажды, в седую от морозного дыма осеннюю ночь, я проснулся в своей комнате на втором этаже от странного ощущения, будто кто-то мгновенно выдавил из нее весь воздух. От этого ощущения я на несколько секунд оглох.

Я вскочил. Пол был засыпан осколками оконных стекол. Они блестели в свете высокого и туманного месяца, влачившегося над уснувшей Москвой. Глубокая тишина стояла вокруг.

Потом раздался короткий гром. Нарастающий резкий вой пронесся на уровне выбитых окон, и тотчас с длинным грохотом обрушился угол дома у Никитских ворот. В комнате у хозяйки квартиры заплакали дети.

В первую минуту нельзя было, конечно, догадаться, что это бьет прямой наводкой по Никитским воротам орудие, поставленное у памятника Пушкину. Выяснилось это позже. (...)

В ответ на пулеметный огонь разгорелась винтовочная пальба. Пуля чмокнула в стену и прострелила портрет Чехова. Потом я нашел этот портрет под обвалившейся штукатуркой. Пуля попала Чехову в грудь и прорвала белый пикейный жи-

лет. (...)

Я пытался увидеть людей, но вспышки выстрелов не давали для этого достаточно света. Судя по огню, красногвардейцы, наступавшие от Страстной площади, дошли уже до половины бульвара, где стоял деревянный вычурный павильон летнего ресторана. Юнкера залегли на площади у Никитских ворот.

Внезапно под окнами с тихим гулом загорелся, качаясь на ветру, высокий синий язык огня. Он был похож на факел. В его мертвенном свете стали наконец видны люди, перебегавшие от дерева к дереву.

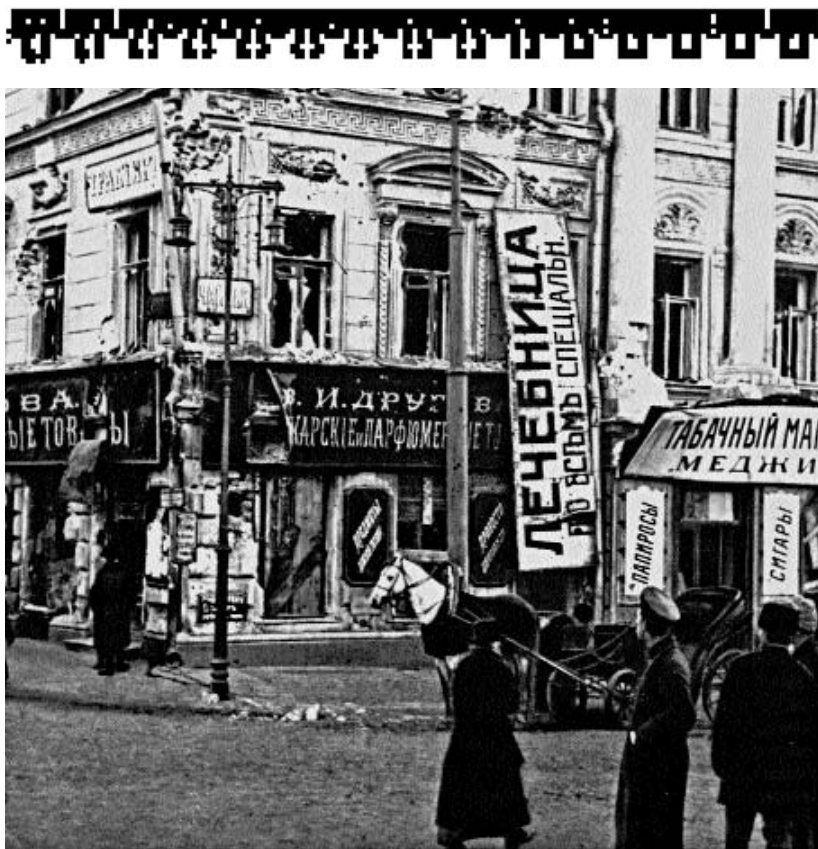
Вскоре второй синий факел вспыхнул на противоположной стороне бульвара.

Это пули разбили горелки газовых фонарей, и горящий газ начал вырываться прямо из труб.

При его мигающем свете огонь тотчас усилился.

К. Г. Паустовскому пришлось все дни боев провести в подвале дома. В короткий период перемирия воюющие разрешили покинуть дом женщинам и детям. Мужчинам было приказано остаться. Под конец этого невольного заточения будущий советский писатель едва не был расстрелян красногвардейцами, обвинившими его в стрельбе из окон. Паустовского судьба хранила, а вот его ровесник Б. А. Котов почти в такой же ситуации — его заподозрили в том, что он связывался по телефону со штабом «белых», — расстался с жизнью. Потом, правда, большевики разобрались и признали, что была допущена ошибка.

В течение 1–2 ноября революционные силы продолжали наращивать удары. Красногвардейские отряды и солдаты захватили гостиницу «Метрополь», телефонную станцию, штаб МВО, здание городской думы. Комитет общественной безопасности сначала перебрался в Кремль, а после его оставления юнкерами в Александровское училище. Кроме него продолжала держаться только 5-я школа прапорщиков возле Смоленского рынка.

Дом у Никитских ворот после октябрьских боев

«С каждым часом хуже, — описывал С. Я. Эфрон последние дни в стане “белых”. — Наши пулеметы почти умолкли. Сейчас вернулись со Смоленского рынка. Мы потеряли еще одного.

Теперь выясняется, что помощи ждать неоткуда. Мы предоставлены самим себе. Но никто, как по уговору, не говорит о безнадежности положения. Ведут себя так, словно в конечном успехе и сомневаться нельзя. А вместе с тем ясно, что не сегодня завтра мы будем уничтожены. И все, конечно, это

чувствуют.

Для чего-то всех офицеров спешно сзывают в актовый зал. Иду. Зал уже полон. В дверях толпятся юнкера. В центре — стол. Вокруг него несколько штатских — те, которых мы вели из городской думы. На лицах собравшихся — мучительное и недоброе ожидание.

На стол взбирается один из штатских.

— Кто это? — спрашиваю.

— Министр Прокопович.

— Господа! — начинает он срывающимся голосом. — Вы офицеры, и от вас нечего скрывать правды. Положение наше безнадежно. Помощи ждать неоткуда. Патронов и снарядов нет. Каждый час приносит новые жертвы. Дальнейшее сопротивление грубой силе — бесполезно. Взвесив серьезно эти обстоятельства, Комитет общественной безопасности подписал сейчас условия сдачи. Условия таковы. Офицерам сохраняется присвоенное и [REDACTED] представляется лишь то оружие, которое [REDACTED] [REDACTED]. Всем гарантируется абсолютная [REDACTED] условия вступают в силу с момента подписания. Представитель большевиков обязался прекратить обстрел занятых нами районов, с тем чтобы мы немедленно приступили к стягиванию наших сил.

В ответ тягостная тишина. Чей-то резкий голос:

— Кто вас уполномочил подписать условия капитуляции?

— Я член Временного правительства.

— И вы как член Временного правительства считаете возможным прекратить борьбу с большевиками? Сдаться на волю победителей?

— Я не считаю возможным продолжать бесполезную бойню, — взволнованно отвечает Прокопович.

Иступленные крики:

— Позор! Опять предательство! Они только сдаваться умеют! Они не смели за нас подписывать! Мы не сдадимся!»

Однако сдаваться все же пришлось. 3 ноября 1917 года офицеры и юнкера, находившиеся в Александровском учили-

ще и 5-й школе прапорщиков, были разоружены.

«На другой день 4(17) ноября было объявлено, что юнкеров выпускают из училища, — вспоминал В. С. Арсеньев, — все бросились спарывать погоны и петлицы с кителей, надевать полушубки и писать пропуска на имя фантастических солдат каких-то фантастических полков. Большевистский комиссар все подписывал и давал пропуска; я тоже сначала так сделал, но, устыдившись потом своей слабости, дал подписать билет на выход из училища на имя юнкера такой-то роты и в “выходной” шинели с погонами и вещевым мешком беспрепятственно вышел и дошел до дома благополучно...»

Москва вступила в новую, коммунистическую эпоху.

В.

ЛИТЕРАТУРА

Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. В 2 кн. Paris, 1988.

Альбом деятельности Московской городской управы по организации помощи больным и раненым воинам. [М.], 1916.

Амфитеатров-Кадашев В. А. Страницы из дневника//Минувшее: Исторический альманах. Т. 20. М.; СПб., 1996. С. 435—635.

Арамилев В. В дыму войны: Записки вольноопределяющегося. (1914—1917). Л., 1930.

Аросев А. Я. Как это произошло (Октябрьские дни в Москве). Воспоминания. Материалы. М., 1923.

Бурджалов Э. Н. Февраль 1917 года. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

В одном строю. Воспоминания. М., 1967.

Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977.

Великая война в образах и картинах. Вып. 1—14. М., 1914—1917.

Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915.

Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. М., 1928.

Война! Европа в огне. СПб., 1912.

Война. Литературно-художественный альманах. М., 1914.

Война и Русь. Однодневный богато иллюстрированный журнал. М., 1915.

Война и революция: Альбом текущих событий. Пг., 1917.

Восторгов И. И. Воспоминания о Февральской революции в Москве // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 51. М., 2000. С. 314–315.

Герасимов М. Н. Пробуждение. М., 1965.

Гершензон-Чегодаева Н. М. Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М., 2000.

Гиляровский В. А. Год войны. М., 1915.

Гиляровский В. А. Грозный год. М., 1916.

Голодолинский П. П. История 3-го драгунского Сумского Его королевского высочества наследного принца Датского полка. Ч. 1–3. М., 1902.

Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004.

Жиглинский А. Н. Реквием. М., 2004.

Зайцев Б. К. Улица святого Николая: Повести и рассказы. М., 1989.

Зезюлинский Н. Ф. Записки военного корреспондента // Знамя. 1940. № 4/5. С. 59–120.

Картины войны. Вып. 1–5. [Спб.], 1917.

Кириянов Ю. И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 137–150.

Крандиевская-Толстая Н. В. Воспоминания. Л., 1877.

Криницкий Марк. Собрание сочинений. Т. 12. Час настал. М., 1917.

Криницкий Марк. Собрание сочинений. Т. 13. Прапорщик Игнатев. М., 1918.

Лазарет императорских театров для больных и раненых воинов. М., 1914.

Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006.

Мамонтов Н. П. Рассказы строевого офицера: письма с войны. Пг., 1916.

Михайлов В. П. Рассказы о кинематографе старой Москвы. М., 2003.

Монахов Н. Ф. Повесть о жизни. М.—Л., 1961.

Москва. 1917 год: рисунки детей — очевидцев событий. М., 1987.

Москва в Октябре. М., 1919.

Москва в трех революциях. Воспоминания. Очерки. Рассказы. М., 1959.

Москва и война. Пг., 1916.

Москва и Первая мировая война: Документальные свидетельства. М., 1994.

Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М., 2000.

Московское городское братское кладбище: Опыт биографического словаря. М., 1992.

Наши раненые. М., [б. г.].

Немцы Москвы: Исторический вклад в культуру столицы. М., 1997.

Нечаев П. А. Алексеевское военное училище. 1864—1964. Париж, 1964.

Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. New York, 1952.

Октябрь в Москве. Сб. воспоминаний. М., 1967.

Окунев Н. П. Дневник москвича. 1917—1920: В 2 книгах. Кн. 1. М., 1997.

Островитянов К. В. Думы о прошлом: Из истории первой русской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве. М., 1967.

Оськин Д. П. Записки солдата. М., 1929.

Оськин Д. П. Записки прапорщика//Откровенные рассказы. М., 1998.

«Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004.

Паустовский К. Г. Повесть о жизни. В 2 т. М., 2007.

Петров Н. Г. Большевики на Западном фронте в 1917 г. М., 1959.

Пучков С. В. Московское городское братское кладбище. М., 1915.

Розанов Н. П. Воспоминания старого москвича. М., 2004.

Русский плакат Первой мировой войны. М., 1992.

Сайн-Витгенштейн Е. Н. Дневник. 1914—1918. Paris, 1986.

Сенявская Е. С. Человек на войне. М., 1997.

Серпинская Н. Я. Флирт с жизнью (Мемуары интеллигентки двух эпох). М., 2003.

Сорок сороков: В 4 т. Автор-составитель *П. Г. Паламарчук*. Т. 3. М., 1995.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994.

Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000.

Сабанеев Л. Л. Воспоминания о России. М., 2005.

Толстой А. Н. Материалы и исследования. М., 1985.

Файдыш В. П. На баррикадах за власть Советов. М., 1934.

Федуленко В. В. Отрывок из воспоминаний бывшего юнкера Алексеевца // Военная быль. 1964. № 70. С. 37—38.

Фурманов Д. А. Сочинения. Т. 2. Л., 1971.

Харламов Н. П. Избиение в Первопрестольной: Немецкий погром в Москве в мае 1915 года // Родина. 1993. № 8/9. С. 127—132.

Хин-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913—1917 // Минувшее: Исторический альманах. 21. СПб., 1997. С. 521—599.

Хинчук Л. Из воспоминаний о Февральской революции в Москве // Пролетарская революция. 1923. № 1.

Шапошников Б. М. Воспоминания. М., 1982.

Шостаковский П. П. Путь к правде. Минск, 1960.

Щапов Я. М. Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М., 1998.

Яковлев А. С. Октябрь. М., 1965

В.

СОДЕРЖАНИЕ

Война объявлена!	3
Офицеры	43
Лазареты	99
В последний путь	165
Сухой закон	207
Торговля	259
Жилищный вопрос	297
Городской транспорт	311
Развлечения	343
«Герои» тыла	391
Немцы и австрийцы	425
Беженцы	463
Февральская революция	501
Москва демократическая	555
Красный Октябрь	619
Литература	675

Для заметок

Для заметок

В.

Для заметок

Плакат. Неизвестный художник

[illegible][illegible]

«Августовская» эйфория

И. Владимиров. Плакат Военного займа

Атака кавалерии

С. Мухарский. Плакат

Все необходимое для войны.

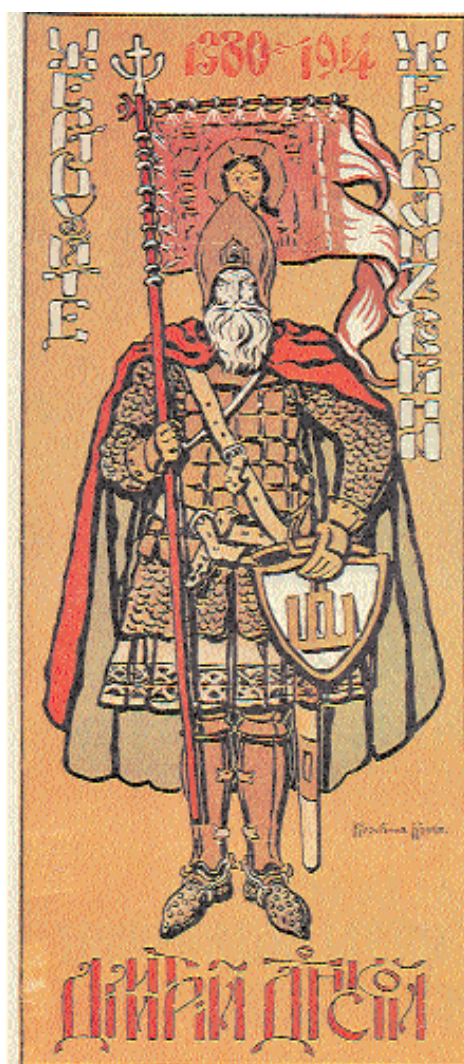

Рис. Евгений Соколов.

— Вь жтѣ свѣтѣ и положили, — пошайчики, черняшки, приборъ для маж-
хора, 10 паръ шпуровъ для ботинокъ, фарфоровую статуетку, а въ другой 10 чайныхъ
салфетокъ, 10 столовыхъ, крахмальную машинку, 2 галстука, ж другое. А вотъ замъ
еще булканить...

— А какъ то на что?

— Необходимая вещь. Поставите на 7 часовъ, — онъ иль разбудитъ, и вы пойдете...
въ атаку.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЗЕМСКИЙ СОЮЗЪ
 ПОМОЩИ БОЛЬНЫМЪ И РАНЕНЫМЪ.
 СОСТОЯЩИЙ ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
 ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
 ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ
ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ
СБОРЪ МОСКОВСКАГО
ГУБЕРНСКАГО КОМИТЕТА.
ЖЕРТВУЙТЕ
 ТЕПЛУЮ ОДЕЖДУ, НОСИЛЬ-
 НОЕ ПЛАТЬЕ, БѢЛЫЕ, ОБУВЬ,
 ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ
РАНЕНЫМЪ,
 ПО ВЫЗДОРОВЛЕНІИ ОТПРА-
 ВЛЯЕМЫМЪ НА СВОЕ ЖИ-
 ТЕЛЬСТВО, И НУЖДАЮЩИМЪ-
 СЯ СЕМЬЯМЪ ЗАПАСНЫХЪ—
 ВДОВАМЪ И СИРОТАМЪ.
 ПРИГОТОВЬТЕ ВАШИ
 ПОЖЕРТВОВАНІЯ,
 МЫ ПРИѢДЕМЪ ЗА
 НИМИ.

К. Коровин. Благотворительный плакат

С. Виноградов. Плакат

Л. Пастернак. Плакат к благотворительному сбору. 1914 г.

К. Петров-Водкин. На линии огня

Предсказание «Будильника» от 27 апреля 1914 г. оказалось пророческим: водку не удержать ни за какими решетками

„Трезвый“ разговор.

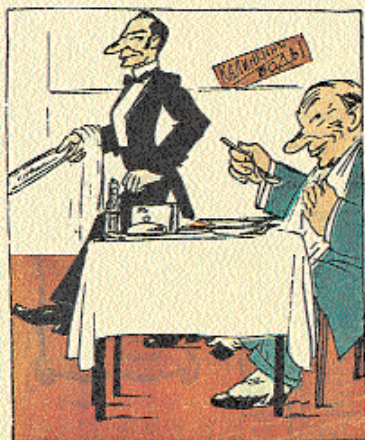
- А какой ты, Митрич, пох побишь,—спитый или арбузный?
- Натурально, арбузный. Сорока градусов, баша чистая.

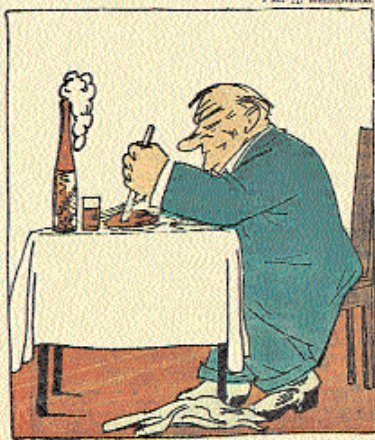
Дени (В. Денисов). Завидная картина. На выставке

Безалкогольный обед.

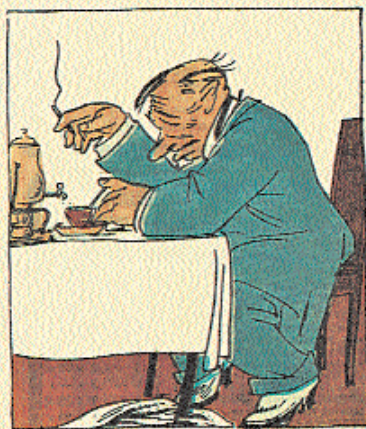
Рис. Л. Мещеряков

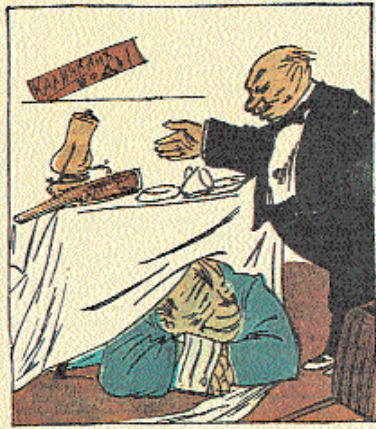
Для первого блюда надо уметь выбрать крепкую уху

Для второго готовится настоящий жюль и почки в марин.

Кофе! Надо понимать этот напиток.

Эх барин! Слабая душа. И этого не могли съперенести.

ТОРГОВЦЫ МОСКВЫ СОЛДАТАМЪ - ИНВАЛИДАМЪ

Москвичи!

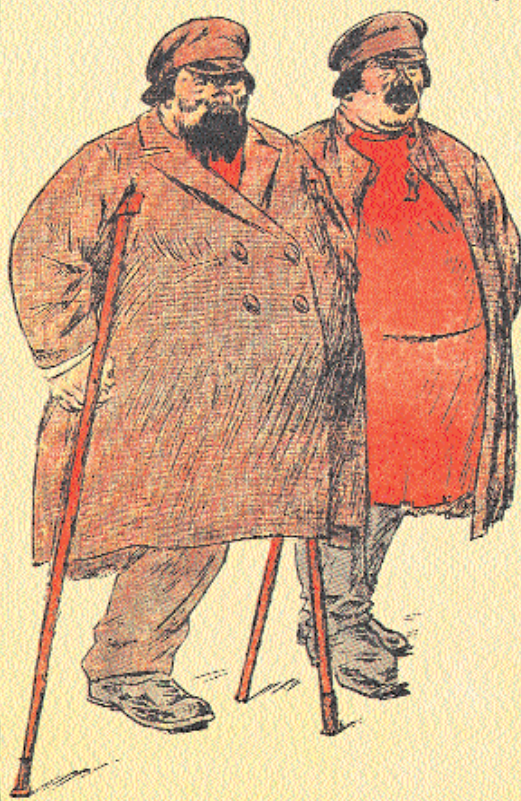
**24го СЕНТЯБРЯ
всѣ ТОРГОВЦЫ
ГОРОДА МОСКВЫ
ОТЧИСЛЯЮТЪ
5% СЪ ПРОДАЖИ
ДНЯ НА ДОМЪ
ИНВАЛИДОВЪ.**

ПОКУПАЙТЕ ТАМЪ, ГДѢ БУДУТЪ
ВЫСТАВЛЕНЫ ЭТИ ПЛАКАТЫ.

КОМИТЕТЪ ПО ОРГАНИЗАЦІИ
ОДНОДНЕВНАГО СБОРА „ДЕНЬ
РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ Г. МОСКВЫ“
НА ДОМЪ ИНВАЛИДОВЪ

Д. Мельников. Плакат к благотворительному сбору...

ГРАЖДАНЕ МОСКВЫ ТОРГОВЦАМЪ- ИНВАЛИДАМЪ

Москвичи!

ЕЖЕДНЕВНО ВСѢ
ТОРГОВЦЫ Г.МОСКВЫ
ОТЧИСЛЯЮТЪ
ОТЪ ПРОДАЖИ
200% ПРИБЫЛИ
ВЪ СВОЮ ПОЛЬЗУ.

ПОКУПАЙТЕ ТАМЪ,
ГДѢ ВЫСТАВЛЕНЫ
ЭТИ ПЛАКАТЫ.

И ТАМЪ,
ГДѢ ОНИ НЕ ВЫСТАВЛЕНЫ

Нашъ планатъ.

Рис. В. Мамукронаго

... и его интерпретация «на злобу дня».

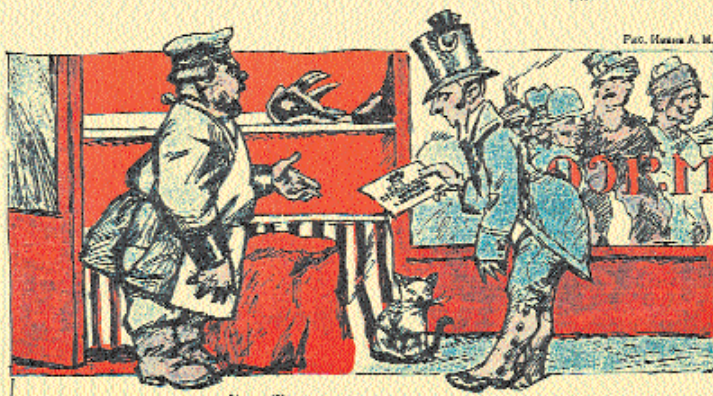

Почему вы так повышаете цены?
— Чтобы наверстать штраф за повышение цен.

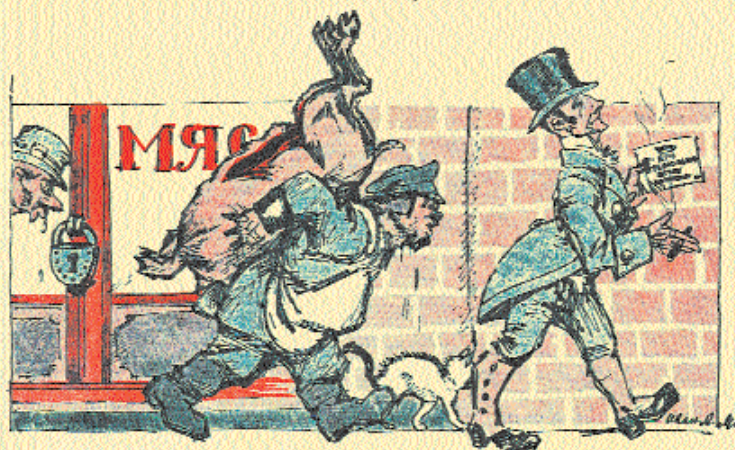
Карточная система.

Из Москвы продолжали приходить известия о начале для продажи мяса карточной системы.

Рис. Иван А. М.

1) — Живое мясо! Вот карточка его сюда...

2) — Живое, ждать нечего.

Поначалу введение карточной системы на продукты
казалось шуткой

ПАНЦЫРИ системы Г. Т. САЙКИНА.

[illegible]

(Принимать в пищу).

Абсолютно непригодными для употребления, являются и разрыхляющие муку пухляки, а также изделия сдобные, пышные, воздушные и т. д. ЛЕГКИЕ, УДОБНЫЕ, ПЕЧА-
МЫННЫЕ, ПРЕДОХРАНЯЕМЫЕ ОТ ОХЛАЖДЕНИЯ.

При покупке предпочтительнее брать изделия

Шта 125 р., съ защитой спины 175 р.

Шкала в круге 15 р.

Полцарные палаты отъ 40 р.

Дан текст является частью статьи, опубликованной в журнале "Вопросы философии" в 1989 году. Автор статьи - В. А. Шендерович. В тексте рассматриваются вопросы философии, связанные с проблемами культуры и искусства. В частности, автор анализирует роль философии в современном обществе и ее взаимодействие с другими областями знания. Текст содержит цитаты из работ различных философов и культурологов, а также собственные рассуждения автора. В заключение автор делает вывод о необходимости дальнейшего изучения этих вопросов.

Заказы и деньги адресовать: Москва, Инженерный институт А. Б. КОЗАКЕВИЧУ

Заказ. 5-42-43 и 9-05-76. Адрес: для теле-
рации. Инженерная, Новосибирск, 11.

Рис. Крамой.

— Жень, Маша, посмотрите мне в карманешний кошелек. И там-то есть? Боже мой, что делать? Чулок больше нет, и денег совсем — не хватает кредитки. Ну, может же мне так и ходить босиком?

Когда монеты ушли в «чулок»

Дамы воюют

Битва под Чичкиным

Москва въ положеніи.

Да-съ, положимъ.

По поводу положения Москвы в конце 1915 г.

Жизнь в очереди.

На даче из Москвы ушел старик в очередь жидовичей-30 лет.

Гус. Д. Маланников.

Рождение человека.

— Кричите мальчики! И отсталые презабвенные! Ринкавшие в очередь под сажу, обильно, пошю и отсталые живут. Во всяком случае, сулящие, рождение этого крилика есть для возможности провести свою старость в очередь.

Жизнь человека.

Скандинав, несообразная поря дивной! Мальчишь роль и воспитанном из 100-ей порядком очередной гонимости. Восьмо и позволю прожить свою золотую юность.

Взрослые годы.

Пришло время и свадебное путешествие, повенно, было приспирито в очередь под сажу. Собранный родственники и знакомые от пуня восселились под жулия 1500-го сборного очередного оркестра. Быть затанцуют танго на подполье.

Смерть человека.

Рожденный в очереди и умер в очереди. Совершилось. Да будет легка тебе очередь, честный человек.

Неудивительно.

Рис. А. Хосровов.

— Вы спрашиваете почему так? черна была французская булка, но она же проходить через такую массу грязных спекулянтских рук.

На грибовомъ рынкѣ.

— Давно, давно съѣлъ гриба „белый-белый“ прощеница?
— Что вы, что вы, саранча! Прощеница вы не едите.

рис. Н. Масленниковъ.

Въ рыбной.

Рис. Михайлов.

- А рыба-то сильно припахиваетъ.
- Это она еще внимаетъ къ себѣ хочеть обратити. Саморекланмный сортъ-сь.

Виноградов Сергей Арсеньевич. Плакат

Студенческая беда.

Московская городская управа предлагает устроить для студентов общежитие на Белятинском кладбище.

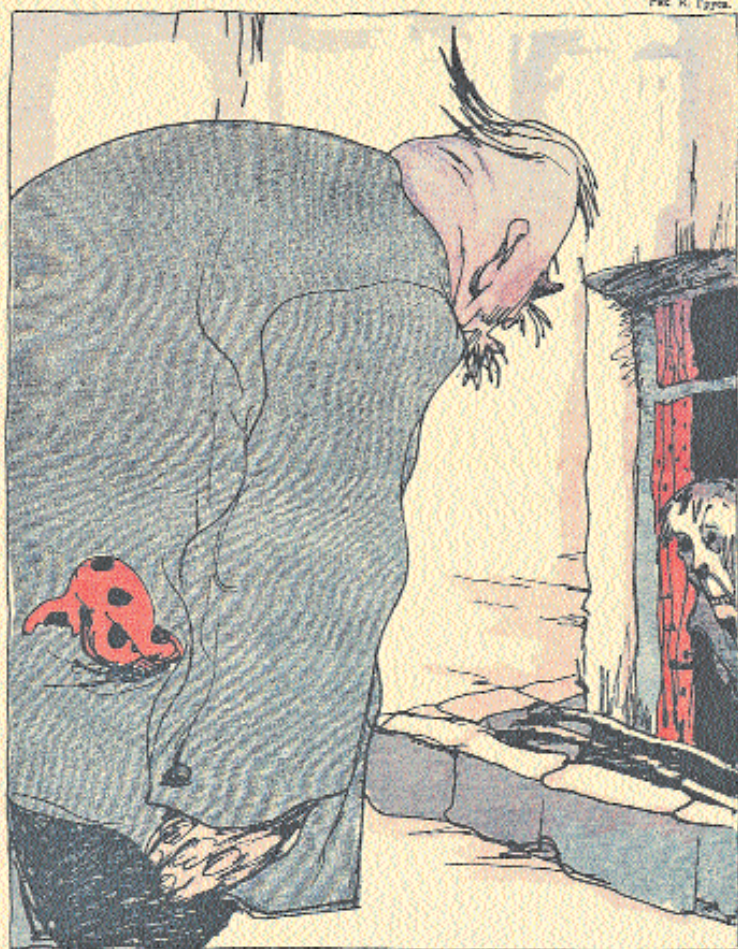
Рис. К. Груся.

Студент.—Ну, что же, ребята? Здесь переночуем, а потом можно будет и на Калитниковское кладбище!..

Гадость.

Рис. Н. Гуров.

Довелдівця. Скільки разь тобі говорити, щоби ти мене жеривала. У мене знатне господи жити, а ти тут сидиш да вонь по двору распускаєш. Гадость.

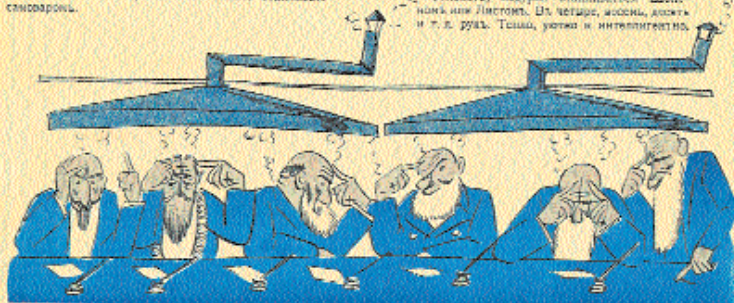
Накъ и чѣмъ можно отопиться.

Маленькимъ отопительнымъ можно отопляться самозарой.

Семейству можно отопляться Шопен-говымъ или Листовымъ. Изъ чашки, ложки, вилки и т. д. руж. Тошны, утки и интеллигентно.

Вся гурьма можетъ отопляться употребленіемъ городскихъ утокъ и интеллигентно.

Чел. П. Милосердия.

Старый добрый дровяникъ, 100 лѣтъ поше ружъ самозарой отопительнымъ изъ тѣхъ, которые издаютъ журналы, и изъ служебныхъ машинъ самозарой—и изъ тѣхъ, тѣло.

Сюжет этого плаката полностью позаимствован у англичан

По таксѣ.

— Я, баринъ, газетку дочту. Тосихъ и по таксѣ пойдомъ.

С. Мухарский. Плакат-афиша

Какая небудь кинематографическая фирма
амурского, японского, из скором времени сенса-
ционной Анту, Фирма этой и посещать ра-
судили.

Рис. Исаи А. М.

Съемка новой сенсационной ленты: бой английской и немецкой эскадры в Север-
ном море.

Томе очередь.

Рис. А. Хромова.

— Виновать-сь! такъ-что кабинеты-сь и-ст. заняты!— Сами изволили видѣть! На улицѣ въ хвостъ стоять-сь!.. Все очереди дожидаются!

Сообщение по телефону.

Рис. А. Хвостов

— Вени, что ты? Я сейчас у подружки.. Да. И только самая точная картина о положении наших войск на фронте. Для блескочи.

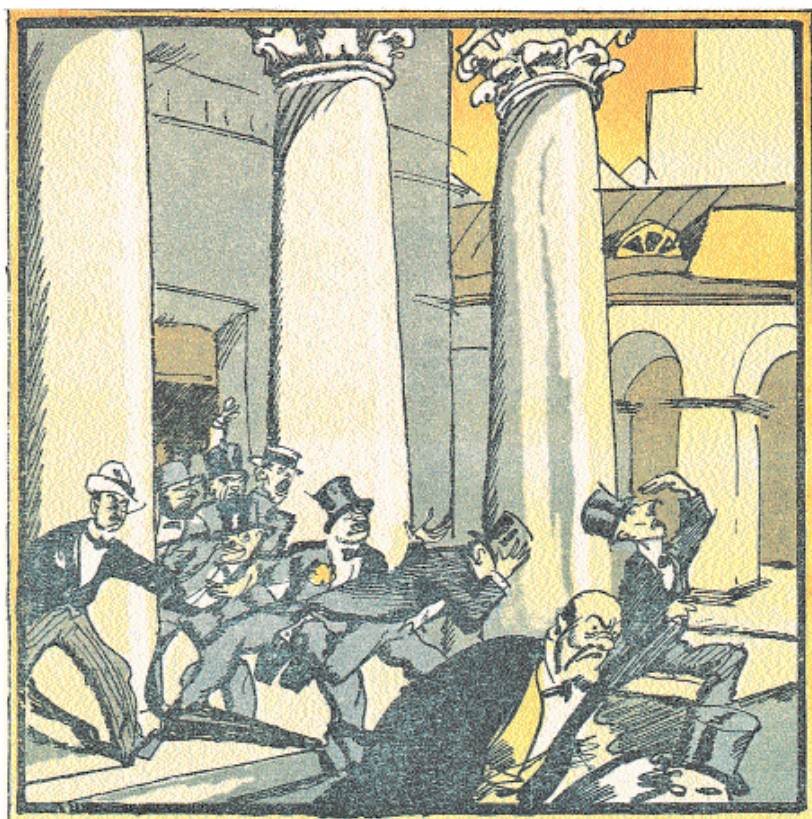

Рис. Иван А. М.

Кто-то неосторожно крикнул: «—, держи жулика» — и всё разбѣжались.

Биржевые «зайцы»

ПРЕЛЕСТНАЯ БРЮНЕТКА НИНИШЬ—ПИТАЕТСЯ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО АКУЛАМИ.

Рис. А. Курган.

Как можно быть от устриц сытым?
Нинишь, как подите, полна,
Хоть,—всё мы знаем,—с аппетитом
Лишь устриц кушает она.

Глотала их легко и мило...
По городу несется гуль:
— Нинишь-то, фея... проглотила
Отборных дюжину акуль.

Подарокъ миллионера.

Рис. А. Кузнецов.

— Дорогая, я тебе подарю 10 тысяч марок — кошачьего экзотизма.

— Что? За этот бриллиант 10.000 рублей? Почему?
— Да как же... время такое... товарных вагонов не хватает.

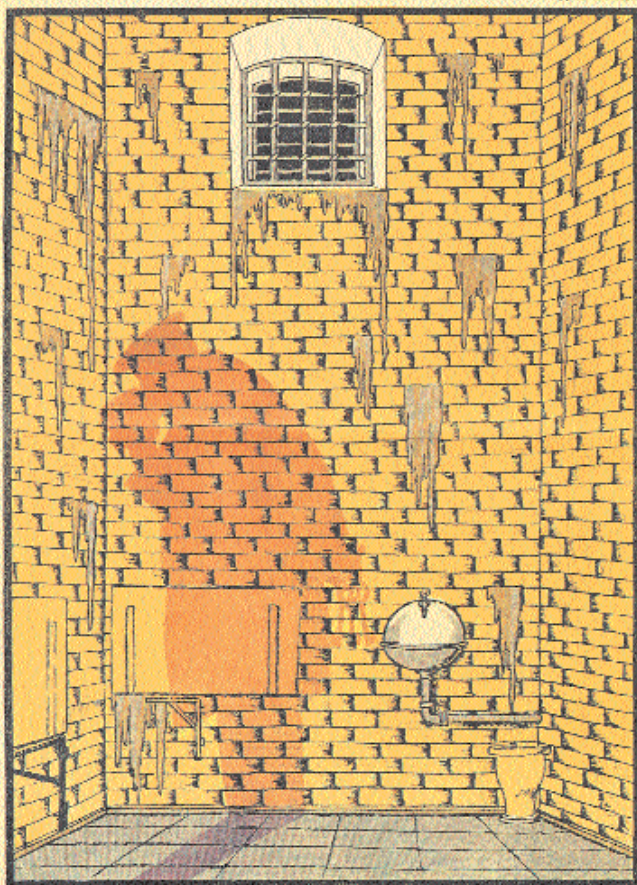
Очередь

После еще трех из последних
квотных отпусков для из
мощи, «Второй России».

Рис. Д. Мордухай.

Дожидаются очереди и дождутся поглазничать.

Тюрьма плачет о многих „героях тыла“

**Шутка В.А. Гиляровского по поводу разрешения «земгусарам»
носить кортики воплотилась в карикатуру**

Панорама весенних модъ.

Рис. В. Маяковского

Элегантные костюмы для г-дъ уполномоченныхъ, — по постановкѣ моделикъ. Для театровъ и прогулокъ по Кузнецкому мосту.

Чтобы избежать провала из 'юбско',
много людей баррикады на Кавказе.

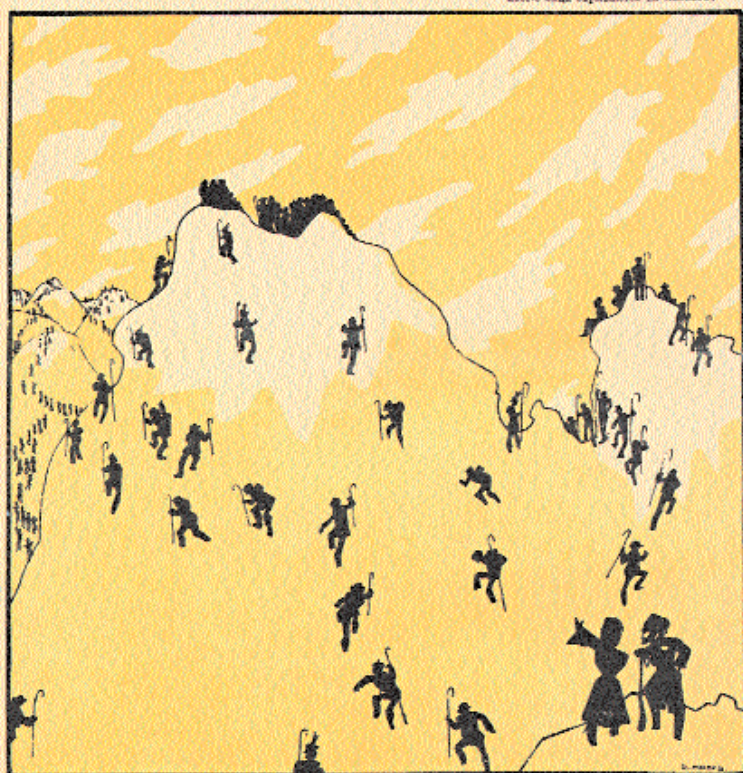

Рис. Д. Моора.

Отважные путешественники.

Рекламный плакат компании «Зингер»...

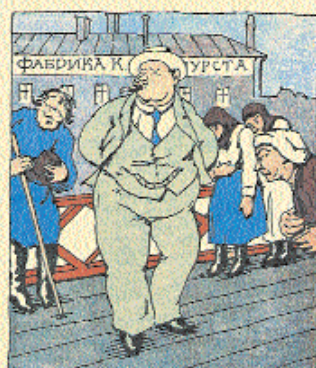
... в годы войны получила другое толкование

Заколдованное место.

Рис. В. Ар.

Карл Карлович прибыл из России, чтобы познакомиться с этой фабрикой.

Но скоро они стали «жиромаслами» на фабрике.

Наконец же он достиг цели!... Отыскав из толпы из-за толпы, Карл Карлович познакомился с фабрикой.

И вот опять Карл Карлович из России, чтобы познакомиться с этой фабрикой.

Образец антинемецкого юмора

Б. Кустодиев. Плакат

С. Дмитриев. 1 марта 1917 г. на Красной площади в Москве

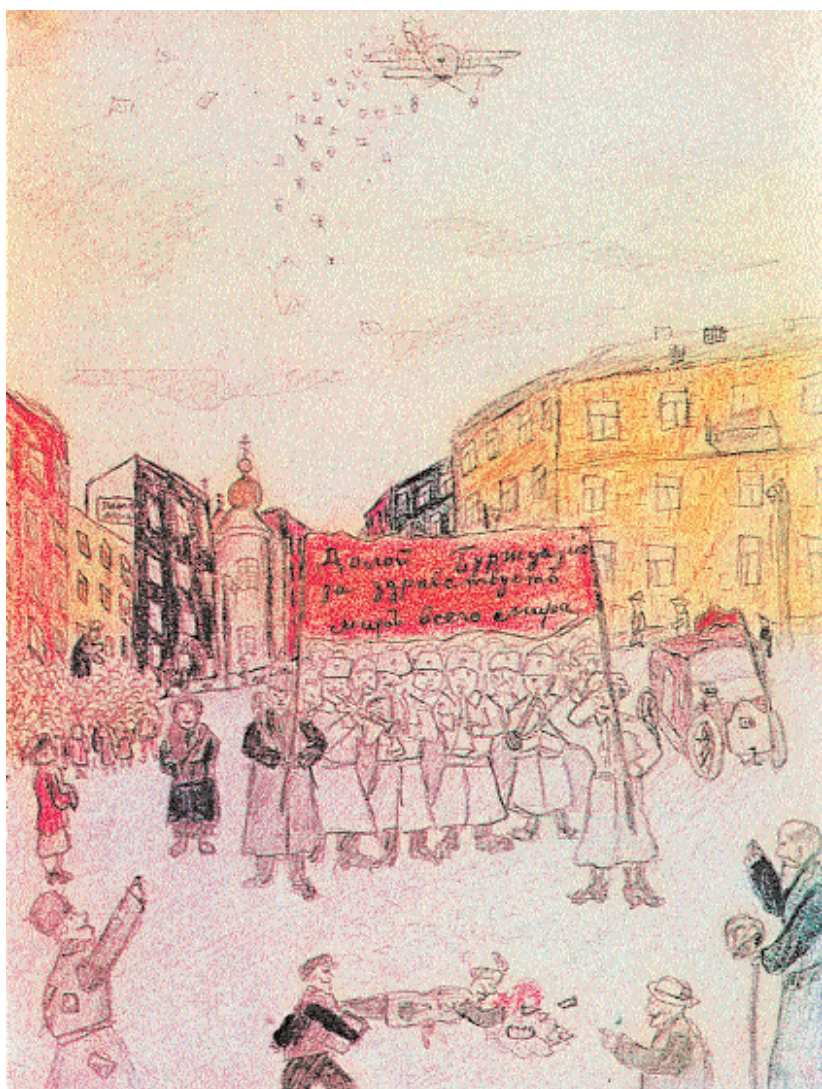
С. Дмитриев. Свобода!

**Ю. Клевер. В дни большой войны. 1941 г.
Такой была ушедшая навсегда Москва**

П. Бучкин. Плакат

Демонстрация с военным оркестром. Детский рисунок
(из книги «Москва. 1917 год: рисунки детей —
очевидцев событий». М., 1987)

Рис. И. Мавроди.

Из этой сѣрой шапки, да сѣрую-бы шинель.

Уже в начале 1916 г. полицию стали «посылать»... на фронт

Въ моментальной фотографии.

Рис. П. Мещеряков.

Только ты ужь меня, какъ слѣдуетъ, изобрази. Мнѣ въ деревню послать. Чтобы на бѣлой лошади и во весь ростъ... и бомбы.

Неудачникъ

Рис. А. Кузнецов.

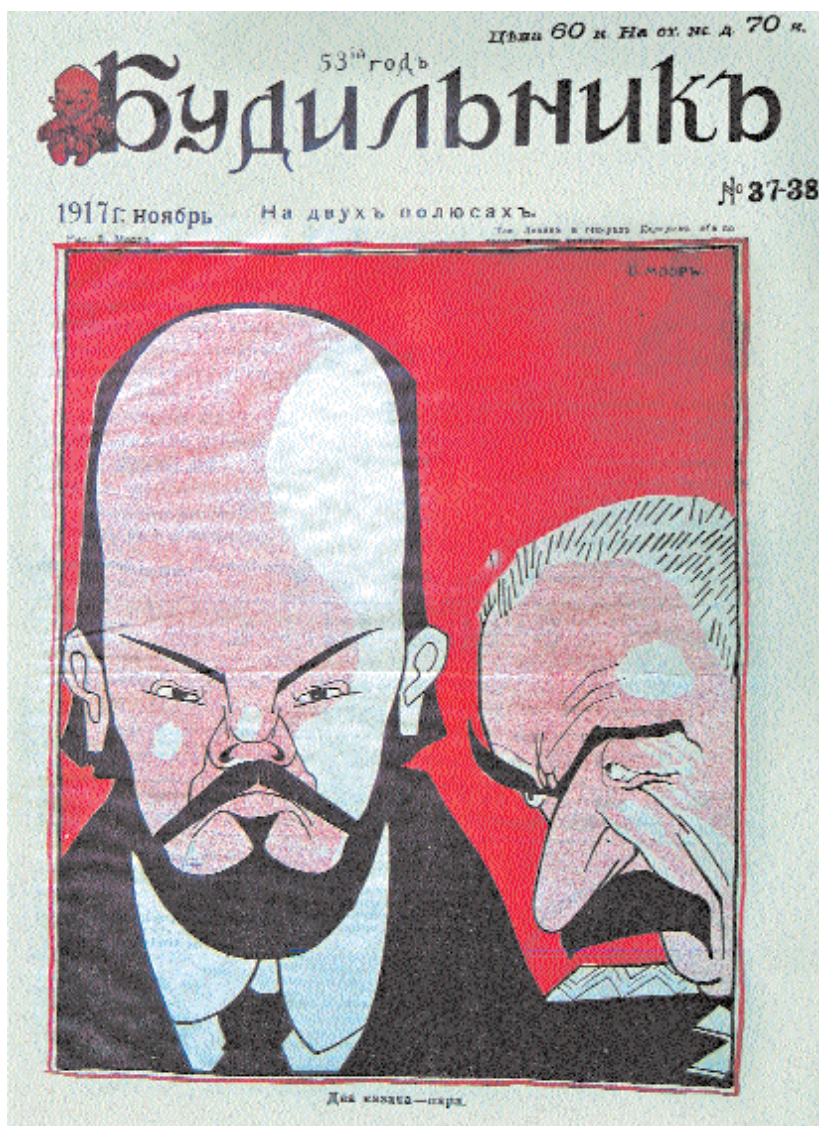
- Чортъ возьми, не удалось мнѣ пойти добровольцемъ.
— Почему?...
— Да кредиторы, канальи этикіе, отсрочили мнѣ долги.

Юный доброволец

Плакат, призывающий голосовать за большевиков

Обложка журнала «Будильник». Ноябрьский номер 1917 г. —
одно из последних проявлений свободы печати

В поход!

В. Сварог. Военный шофер

Артиллерия в плену

В. Васнецов. Александр Невский. Открытка «в пользу семей запасных», изданная Благотворительным комитетом великой княгини Елизаветы Федоровны (из коллекции П. Д. Цуканова)

**А. Маковский.
Знаменщик**

**В. Сварог.
Только что произведенный**

Е. Лансере.
Прапорщик В. Ф. Мурченко

Благотворительная
открытка

Благотворительная открытка, выпущенная Московской городской
думой (из коллекции П. Д. Цуканова)

А. Малышков (?). Похороны студентов и юнкеров
(из книги «Москва. 1917 год: рисунки детей — очевидцев событий».
М., 1987)

**Буквальное
 понимание**

**И. Пархоменко.
 Юный доброволец**

Дени (В. Денисов).
Рождественские подарки
в 1916 г.

Буржуй с коробкой конфет.
Детский рисунок
(из книги «Москва. 1917 год:
рисунки детей — очевидцев
событий». М., 1987)

Б. Рыбченков. 1916 год. Эскиз 1957 г.

Благотворительная открытка (из коллекции П. Д. Цуканова)

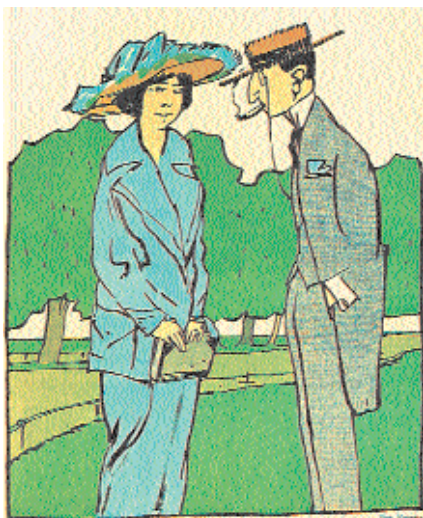
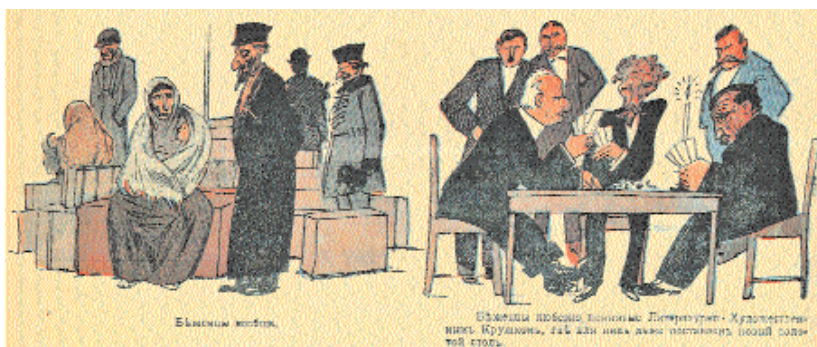
К открытию «уголков отдыха»

Киноафиша

Градоначальник:
— И напишут же в газетах такое
немыслимое. Как же это я ничего не
знаю о пьянстве в Москве?!

— Сударыня, а вы не опасаетесь, что мясо будет реквизировано?

Делегация рабочих перед казармами. Детский рисунок
(из книги «Москва. 1917 год: рисунки детей — очевидцев событий». М., 1987)

Танса по часамъ

- Счастливые часов не наблюдают.
- Несчастные их выколачивают.

А. Герасимов. На Скобелевской площади в Москве в дни революции

Осада дома. Детский рисунок (из книги «Москва. 1917 год: рисунки детей — очевидцев событий». М., 1987)

К. Юон. Штурм Кремля. Пример фальсификации истории средствами искусства. В действительности никакого штурма не было: революционные войска без единого выстрела вошли в Кремль спустя несколько часов после того, как его оставили юнкера.

«Хвосты». Детский рисунок (из книги «Москва. 1917 год: рисунки детей — очевидцев событий». М., 1987)

[illegible]

Октябрьские бои в Москве

В октябре 1916 г., когда появилась эта карикатура, никто и помыслить не мог, что довольно скоро собрания «братвы» станут реальностью

Демонстрация возле Большого театра. Детский рисунок
 (из книги «Москва. 1917 год: рисунки детей — очевидцев событий». М., 1987)

Демонстрация возле Большого театра. Детский рисунок
 (из книги «Москва. 1917 год: рисунки детей — очевидцев событий». М., 1987)

